

2023
3 (73)

ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

*PHILOLOGY
AND CULTURE*

**Казанский
федеральный
УНИВЕРСИТЕТ**

**Филология и культура.
Philology and Culture**

*Журнал основан в 2003 году. Выходит 4 раза в год.
Учредитель и издатель – ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»*

*Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-47510 от 23.11.2011 г.*

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ
Материалы журнала размещаются на сайте Научной электронной библиотеки, включаются в национальную
информационно-аналитическую систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)*

Редакционный совет журнала:

Бак Дмитрий Петрович – профессор Российского государственного гуманитарного университета, директор Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля (Государственного литературного музея) (Россия).

Головко Евгений Васильевич – член-корреспондент Российской академии наук, директор Института лингвистических исследований Российской академии наук (Россия).

Гусейнова Махира Наги Кызы – профессор, декан филологического факультета, проректор по международным связям Азербайджанского государственного педагогического университета (Азербайджан).

Дзиффер Джорджо – профессор Университета в Удине (Италия).

Кибрик Андрей Александрович – профессор, директор Института языкознания Российской академии наук (Россия).

Леблан Сесиль – профессор университета «Париж-3, Новая Сорбонна» (Франция).

Лефельдт Вернер – профессор Гёттингенского университета (Германия).

Онер Мустафа – профессор Эгейского университета (Турция).

Сривастава Анамика – научный сотрудник Глобального Университета Джиндал (Индия).

Шаймердинова Нурилла Габбасовна – профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Казахстан).

Шайтанов Игорь Олегович – профессор, зав. кафедрой истории литературы Российского государственного гуманитарного института.

Ширнинова Раима Хакимовна – доктор филологических наук, профессор, проректор по международным связям Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека (Узбекистан).

Главный редактор – **Замалетдинов Радиф Рифкатович**, д-р филол. наук, проф., директор Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Заместитель главного редактора – **Ярмакеев Искандер Энгелевич**, д-р пед. наук, проф., зам. директора по научной деятельности Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Состав редколлегии:

Агеева Юлия Викторовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Бакиров Марсель Хаернасович, д-р филол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра по изучению наследия Льва Толстого Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Бочина Татьяна Геннадьевна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков в сфере международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Бреева Татьяна Николаевна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Галимуллина Альфия Фоатовна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Галиуллина Гульшат Раисовна, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой татарского языкознания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Гафиятова Эльзара Васильевна, д-р филол. наук, доцент, заместитель директора по международной деятельности и развитию Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Горобец Елена Анатольевна, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой прикладной и экспериментальной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Ерофеева Ирина Валерьевна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Есин Радий Германович, д-р мед. наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИЛ «Нейрокогнитивные исследования», Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Жолобов Олег Феофанович, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Закирзянов Альфат Магсумзянович, д-р филол. наук, профессор, и.о. зав. отделом литературоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан.

Закирова Ильсеяр Гамиловна, д-р филол. наук, доцент, глав. науч. сотр. отдела народного творчества Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан.

Зинин Сергей Александрович, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет.

Каюмова Диана Фердинандовна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Крылов Вячеслав Николаевич, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Кулькова Мария Александровна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Мардиева Ляйля Агъдасовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Мингазова Ляйля Ихсановна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры татарской литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Мухаметзянова Лилия Хатиповна, д-р филол. наук, доцент, глав. науч. сотр. отдела народного творчества, Институт языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан.

Мухаметшина Резеда Фаилевна, д-р пед. наук, профессор, декан Высшей школы русского языка и межкультурной коммуникаций им. И.А. Бодуэна де Куртенэ Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Несмелова Ольга Олеговна, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Николаева Наталия Геннадьевна, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой латинского языка и медицинской терминологии, Казанский государственный медицинский университет.

Пашкуров Алексей Николаевич, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Поляков Олег Юрьевич, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры культурологии и журналистики, Вятский государственный университет.

Сайфулина Флера Сагитовна, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой татарской литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Салехова Ляйля Леонардовна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры билингвального и цифрового образования, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Солнышкина Марина Ивановна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Соловьев Валерий Дмитриевич, д-р физ.-мат. наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИЛ «Текстовая аналитика», Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Тарасова Фануза Харисовна, д-р филол. наук, доцент, декан высшей школы русской и зарубежной филологии им. Льва Толстого Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Файзуллина Гузель Чахваровна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры теории и методики начального и дошкольного обучения, Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева (филиал Тюменского государственного университета в г. Тобольск).

Фаттахова Наиля Нурыяхановна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Хабибуллина Лилия Фуатовна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Харисов Фираз Фахразович, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры татарского языкознания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Юсупова Альфия Шавкетовна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Явгильдина Зилия Мухтаровна, д-р пед. наук, профессор, проректор по научной работе, Казанский государственный институт культуры.

Сотрудники:

Ответственный редактор:

Хабутдинова М. М., кандидат филологических наук.

Выпускающий редактор:

Умарова Л. Д., кандидат филологических наук.

Ведущие редакторы:

Свирина Л. О., кандидат филологических наук.

Хасанова Л. И.

Компьютерная верстка – Герасимова Н. В.

Адрес издателя: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Адрес редакции: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2

Контактный телефон: (843) 292-92-06

Сайт журнала: <http://philology-and-culture.kpfu.ru>

E-mail: journal@ifi.kpfu.ru

Подписной индекс: 66015

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лингвистика

- Ван Юйцун, Хэ Юань* Лексико-тематические группы безэквивалентной лексики в русских переводах (на фоне китайских прототипов). 7
- Габдреева Н., Хабибрахманова А., Кочурова С.* Словарь композитов: новые эмпирические данные. 14
- Дедова Н., Сильницкий А.* Сравнительный анализ структурных компонентов семантического пространства образных метафор романов О. Хаксли «О дивный новый мир» и «Обезьяна и сущность». 21
- Дмитриева Т.* Возможности регулярного словообразования в поэзии И. А. Бродского (на материале стихотворений 1960–1970-х гг.). 31
- Мубаракшина А.* Гороскоп в медиапространстве: лингвокоммуникативный аспект. 38
- Мухетдинов Д.* Хусаин Фаизханов и развитие исторической лингвистики. 44
- Рудяков Л.* Городское просторечие как объект социофонетического исследования (на материале немецкого языка). 54
- Садыкова И.* Лингводидактический потенциал колоративов в творчестве М. М. Пришвина. 60
- Салахова А.* Татарские формы обращения в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»: многоязычие или транскulturализм. 66
- Семенова А.* «На их языке это называлось „ночная операция“»: рефлексия о языке в воспоминаниях Н. Я. Мандельштам. 71
- Файзуллина Н., Хан Сывэн* Зооморфная метафора в русской народной загадке. 76
- Юсупов А.* Русские заимствования в татарских говорах: особенности функционирования и адаптации. 81

Литературоведение

- Бреева Т.* Трансформация автобиографического нарратива в русской гендерно-маркированной прозе 1990–2020-х годов. 87
- Габдуллина Г.* Влияние творчества Марины Цветаевой на поэзию Ильсияр Иксановой. 93
- Гапонова Ж.* Синтез документального и художественного в повести О. Колпаковой «Суперсилы по наследству: мои советские дедушки». 99
- Журчева О.* Фигура нарратора как способ создания «документального» сюжета в исторических пьесах-притчах Э. Радзинского. 106
- Кабилова Е.* Художественная интерпретация реальных травматических событий в пьесе Марии Огневой «За белым кроликом». 111
- Каюмова Г., Сорокина Т.* Особенности изображения эпических героев в татарском и славянском фольклоре. 116
- Куликов Е.* Кросс-культурное взаимодействие и репрезентация сообществ в романе Теджу Коула «Открытый город». 124
- Липинская А.* Охота на призраков: документалистика Эллиотта О’Доннелла. 131
- Нургали К., Гыля А.* К определению жанровой природы литературной сказки: сказки как мемплекс в работах Дж. Зайпса и бахтинская концепция «памяти жанра» в исследованиях М. Н. Липовецкого. 138
- Осовский О., Дубровская С.* «И до утра рыдает с Достоевским...»: специфика писательской рецепции личности и идей М. М. Бахтина. 145
- Перепелкин И., Перепелкин М.* Б. В. Бер и А. К. Шеллер-Михайлов: история творческого диалога. 151

<i>Перепёлкин М., Пелевина О.</i> «Иностранцы на чужбине»: исторический контекст «очерков провинциальной жизни» Е. Н. Чирикова «Чужестранцы»	157
<i>Пономарева М.</i> Формы репрезентации «духа времени» в «Повести о Симеоне Суздальском князе» Н. Полевого.	163
<i>Сапченко Л.</i> Авторские примечания к тексту: художественный прием или эго-документ?	169
<i>Селитрина Т.</i> Дневники Джона Фаулза как творческая биография писателя.	175
<i>Стулов Ю.</i> Фактологическая основа романов Колсона Уайтхеда.	182
<i>Хабутдинова М., Бакиров М.</i> «Власть тьмы» Льва Толстого на татарской сцене.	189
<i>Хацкевич Т.</i> Психологический аспект в романе Джанет Уинтерсон «Разрыв во времени».	197
<i>Хусаенова Р., Гайнуллина Г., Нагуманова Э.</i> Творчество А. Ахметгалиевой в зеркале достижений русских и татарских прозаиков начала XXI в.	204
<i>Щеголькова О.</i> Документальное начало в романе А. Геласимова «Чистый кайф».	209

ПЕДАГОГИКА

<i>Бахтиозина М., Адасова А.</i> Особенности разработки и проведения онлайн-курса английского языка делового общения для взрослых обучающихся.	215
<i>Гулов А.</i> Значимость результатов регионального этапа Всероссийской олимпиады школьников.	225
<i>Мараницман Е.</i> Технологии изучения романа И. А. Гончарова «Обломов» и стихотворения И. А. Бунина «Бушует полая вода...» иностранными читателями.	232
<i>Панова О., Маругина Н.</i> Обучение русскому литературному языку иностранных магистрантов и аспирантов в рамках спецкурса «Современная русская литература»: ключевые проблемы и перспективы.	238
<i>Петрова С.</i> Русская литература в практике преподавания РКИ.	248
<i>Прокофьева Л., Павлова Н., Михайлова О.</i> Русский язык как неродной и иностранный в современном вузе: методики, учебные материалы, индивидуальные стратегии обучения.	257
<i>Тимофеева Ю.</i> Этноориентированный подход к обучению иноязычных школьников русской фонетике.	264
<i>Шкурко О., Мельник Ю., Штехман Е.</i> Лингводидактический потенциал анекдотов на занятиях по русскому языку как иностранному.	270

ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

<i>Харисов Ф., Харисова Ч.</i> Пусть наша речь будет аккуратной и совершенной (посвящается 85-летию со дня рождения Р. А. Юсупова).	277
---	-----

CONTENTS

PHILOLOGICAL STUDIES

Linguistics

- Wang Yucong, He Yuan.** Lexico-thematic groups of non-equivalent vocabulary in Russian translations (against the background of Chinese prototypes). 7
- Gabdreeva, N., Khabibrakhmanova, A., Kochurova, S.** Dictionary of composites: New empirical data. 14
- Dedova, N., Silnitsky, A.** A comparative analysis of the semantic space structural components of the image-metaphors in A. Huxley's novels "Brave New World" and "Ape and Essence". 21
- Dmitrieva, T.** Possibilities of regular word-formation in the poetry of Joseph Brodsky (based on the poems of the 1960s–1970s). 31
- Mubarakshina, A.** Horoscope in the media space: A linguocommunicative aspect. 38
- Mukhetdinov, D.** Khusain Faizkhanov and the historical linguistics development. 44
- Rudyakov, L.** Nonstandard dialect pronunciation as an object of sociophonetic research (based on German). 54
- Sadykova, I.** Linguadidactic potential of coloratives in the text of M. Prishvin. 60
- Salakhova, A.** Tatar appellatives in G. Yakhina's novel "Zuleikha Opens Her Eyes": Polylinguality and transculturality. 66
- Semenova, A.** In their language it was called "night operation": The reflection on language in the memories of N. Mandelshtam. 71
- Faizullina, N., Hang Siwen** Zoomorphic metaphor in a Russian folk riddle. 76
- Yusupov, A.** Russian borrowings in the Tatar dialects: Function and adaptation features. 81

Literary Studies

- Breeva, T.** Transformation of an autobiographical narrative in Russian gender-marked prose of the 1990s-2020s. 87
- Gabdullina, G.** Marina Tsvetayeva's influence on Ilsiya Iksanova's poetry. 93
- Gaponova, Zh.** The synthesis of documentary and fictional codes in the story "Superpowers by Inheritance: My Soviet Grandfathers" by O. Kolpakova. 99
- Zhurcheva, O.** The figure of the narrator as a way to create a "documentary" plot in the historical plays-parables by E. Radzinsky. 106
- Kabilova, E.** Artistic interpretation of real traumatic events in Maria Ogneva's play "Following the White Rabbit". 111
- Kayumova, G., Sorokina, T.** Ethnoepic heritage of the Tatar people as the core of traditional culture: Image features of epic characters in Tatar and Slavic folklore. 116
- Kulikov, E.** Cross-cultural Interaction and Representation of Communities in the Novel "Open City" by Teju Cole. 124
- Lipinskaya, A.** Ghost hunt: Elliot O'Donnell's non-fiction. 131
- Nurgali, K., Gilea, A.** Defining the genre specific nature of the literary tale: Tales as a memplex in the works of J. Zipes and Bakhtin's conception of 'memory of the genre' in the works of M. Lipovetsky. . . 138
- Osovskiy, O., Dubrovskaya, S.** "And weeps with Dostoevsky until morning...": Specifics of the writers' reception of M. Bakhtin's personality and ideas. 145
- Perepelkin, I., Perepelkin, M.** B. Ber and A. Sheller-Mikhailov: The history of a creative dialogue. . . 151
- Perepelkin, M., Pelevina, O.** "Foreigners in a foreign land": A historical context of "strangers" from E. Chirikov's "Essays on Provincial Life". 157
- Ponomareva, M.** Forms of representation of "the spirit of times" in "The Tale of Simeon the Prince of Suzdal" by N. Polevoy. 163
- Sapchenko, L.** Authorial notes to the text: An artistic device or an ego-document?. 169
- Selitrina, T.** John Fowles's diaries as a creative biography of the writer. 175
- Stulov, Yu.** Factual basis of Colson Whitehead's novels. 182
- Khabutdinova, M., Bakirov, M.** "The Power of Darkness" by Leo Tolstoy on the Tatar stage. 189
- Khatskevich, T.** Psychological aspect in the novel "The Gap of Time" by Jeanette Winterson. 197
- Khusaenova, R., Gaynullina, G., Nagumanova, E.** A. Akhmetgalieva's work in the mirror of the achievements of Russian and Tatar prose at the beginning of the 21st century. 204
- Shchegolkova, O.** The documentary nature of A. Gelasimov's novel "Pure High". 209

PEDAGOGY

<i>Bakhtiozina, M., Adasova, A.</i> Features of designing and conducting an online course in business English for adult learners.	215
<i>Gulov, A.</i> Significance of the regional stage of the All-Russian Olympiad results.	225
<i>Marantsman, E.</i> Foreign readers' learning strategies for studying Ivan Goncharov's novel "Oblomov" and Ivan Bunin's poem "The Hollow Water is Raging..."	232
<i>Panova, O., Marugina, N.</i> Teaching the Russian literary language to foreign master and postgraduate students within the special course "Modern Russian literature": Key problems and prospects.	238
<i>Petrova, S.</i> Russian literature in teaching Russian as a foreign language.	248
<i>Prokofyeva, L., Pavlova, N., Mikhaylova, O.</i> Russian as a non-native and foreign language in modern higher education: Methods, tutorials, individual learning strategies.	257
<i>Timofeeva, Yu.</i> Ethno-oriented approach to teaching Russian phonetics to foreign-language schoolchildren.	264
<i>Shkurko, O., Melnik, Yu., Shtekhman, E.</i> Linguodidactic potential of jokes in the classroom of Russian as a foreign language.	270

UNIVERSITY LIFE

<i>Kharisov, F., Kharisova, Ch.</i> Let our speech be neat and perfect (on the 85 th anniversary of R. Yusupov).	277
---	-----

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.
ЛИНГВИСТИКА**

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-7-13

**ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ
ЛЕКСИКИ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ
(НА ФОНЕ КИТАЙСКИХ ПРОТОТИПОВ)**

© Ван Юйцун, Хэ Юань

**LEXICO-THEMATIC GROUPS OF NON-EQUIVALENT VOCABULARY IN
RUSSIAN TRANSLATIONS (AGAINST THE BACKGROUND OF CHINESE
PROTOTYPES)**

Wang Yucong, He Yuan

This article is centered on the study and description of the ways of identification and designation of the surrounding reality phenomena in two cultures - Russian and Chinese. Special attention is paid to the significance of the national-cultural specificity of the word. The article considers both general issues of ethno-cultural phenomena nomination and its specific cases, namely, the functioning of non-equivalent vocabulary and ways of its translation from Chinese into Russian. It also gives a brief overview of the distribution dynamics in modern Chinese prose and the problems of studying Yu Hua's work in Russia. The aim of the article is to reveal the importance of translations of modern Chinese fiction as sources of studying non-equivalent vocabulary and translation strategies when working on characteristic word-markers of Chinese culture used in the novel "To Live" by the outstanding modern Chinese writer Yu Hua. The study is based on the translation of the novel in question, made by the Russian scholar R. G. Shapiro. The article determines thematic groups of non-equivalent vocabulary in the novel "To Live" (word-designations of new Chinese life, ethnographisms, historicisms, background and connotative words) and the main translation methods of their transfer (borrowing, description, hyperonyms, etc.). Special attention is paid to approximate or inappropriate translations in the text, due to the translator's ignorance of the semantics of non-equivalent words, which ultimately leads to an imperfect understanding of Chinese culture.

Keywords: non-equivalent lexis, ways of translating non-equivalent lexis, modern Chinese prose, Yu Hua, "To Live", Chinese culture

В центре настоящей работы – изучение и описание способов идентификации и обозначения явлений окружающей действительности в двух культурах – русской и китайской. Особое внимание уделяется значимости национально-культурной специфики слова. В статье рассматриваются как общие вопросы номинации этнокультурных феноменов, так и конкретные случаи, а именно – функционирование безэквивалентной лексики и способы ее перевода с китайского на русский язык, также дается краткий обзор динамики распространения современной китайской прозы и проблем изучения творчества Юй Хуа в России. Целью исследования является выявление важности переводов современных китайских художественных произведений в качестве источников изучения безэквивалентной лексики и переводческих стратегий при работе над характерными словами-маркерами китайской культуры, используемыми в романе «Жить» выдающегося современного китайского писателя Юй Хуа. Материалом исследования является перевод рассматриваемого романа, выполненный российским ученым Р. Г. Шапиро. Определяются тематические группы безэквивалентной лексики в романе «Жить» (слова-обозначения нового китайского быта, этнографизмы, историзмы, фоновые и коннотативные слова) и основные переводческие способы их передачи (заимствование, описание, гиперонимы и т. д.). Особое внимание уделяется приблизительному или неуместному переводу в тексте, к которому приводит незнание переводчиком семантики безэквивалентных слов, что в конечном счете ведет к несовершенному представлению о китайской культуре.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, способы перевода безэквивалентной лексики, современная китайская проза, Юй Хуа, «Жить», китайская культура

Для цитирования: Ван Юйцун, Хэ Юань Лексико-тематические группы безэквивалентной лексики в русских переводах (на фоне китайских прототипов // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №3 (73). С. 7–13. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-7-13

Как известно, российско-китайские отношения в новый исторический период стремительно развиваются. Эта тенденция находит свое отражение не только в сотрудничестве в области политики, экономики, но и в наращивании сотрудничества в гуманитарной сфере. Например, на данный момент реализуется программа перевода и издания произведений российской и китайской литературы, которая позволяет читателям обеих стран приобщиться к культуре иной страны и расширить границы познания именно посредством переводов.

В последние годы все большую популярность приобретает переводческая деятельность: при государственной поддержке в России и Китае переведено множество известных и популярных произведений на китайском или русском языках, что во многом способствовало укреплению дружбы и взаимопонимания через литературные произведения. С углублением литературного сотрудничества многие китайские прозаические произведения, отражающие острые социальные проблемы или представляющие современный образ страны и ее народа, стали известны русскоязычным читателям и вызвали их положительную реакцию.

С плодотворным развитием и строительством духовной цивилизации Китая в стране появился целый ряд популярных и значимых прозаических произведений, которые оказали заметное влияние на умы современников. Более того, некоторые из них получили признание критиков и читателей во всем мире, были удостоены международных наград, это «Страна Вина» (Мо Янь), «Братья» (Юй Хуа), «Я не Пань Цзиньлянь» (Лю Чжэньюнь), «Задача трёх тел» (Лю Цысинь) и т. д. Впоследствии переводы этих произведений завоевали литературную премию «Ясная Поляна» в России, что доказало не только художественную ценность самих произведений, но и совместимость эстетических представлений китайского и русского народов.

Ю Хуа, так же, как и лауреат Нобелевской премии по литературе Мо Янь, стал знаковым именем в китайском литературном мире благодаря творческому развитию традиционной китайской литературы. По словам известного китайского историка литературы, критика и ученого Сюй Цзыдун, именно Юй Хуа и Лу Яо являются современными писателями, которые оказа-

ли заметное влияние на молодое поколение [1]. Будучи одним из основоположников китайской авангардной литературы, Юй Хуа впечатляет и поражает молодых читателей лаконичным, но глубоким стилем повествования, тонким чувством юмора. В произведениях писателя наблюдаются и проникновенные описания страданий, и мимолетное счастье, побуждающие читателя задуматься о жизни и дорожить тем счастьем, которое у него есть. Кроме того, Юй Хуа – мастер использования горькой сатиры и абсурдного юмора, с их помощью он глубоко обнажает действительность и исследует человеческую природу. Романы Юй Хуа «написаны в реалистической манере и посвящены теме трагического сосуществования народа», их главными темами стали насилие, кровавые расправы, смерть, лишенная «ореола возвышенности» и обозначающая «конец без надежды на возрождение» и т. д. [2, с. 619].

На сегодняшний день Юй Хуа является одним из самых изученных современных писателей Китая – давно был создан центр, посвященный изучению творчества этого талантливой автора. Более того, Юй Хуа получил также широкую известность за рубежом, его произведения переведены на многие языки и привлекли немало иноязычных читателей. По сравнению с другими странами, исследование и распространение произведений Юй Хуа в России начались относительно поздно – в 2000-ых годах, тем не менее в течение 20 лет появились блестящие работы, посвященные не только переводу, вопросу распространения, но и художественному своеобразие произведений Юй Хуа, такие как «Художественные концепты прозы Юй Хуа» Ю. А. Дрейзис [3], «Эволюция повествовательной стратегии Юй Хуа – от рассказчика к наблюдателю» А. Ю. Сидоренко [4], «Рецепция произведений Юй Хуа в России» Хэ Баося [5] и т. д. В частности, Хэ Баося считает, что к главным негативным факторам, влияющим на распространение произведений Юй Хуа в России, можно отнести «различия в образе мышления, формы публикации, недостаточную маркетинговую политику» [5, с. 77].

Безусловно, эти факторы, в особенности различия в образе мышления, негативным образом влияют на восприятие творчества писателя. Такая ситуация не случайна: проблемы культурных барьеров по сей день остаются главными препят-

ствиями в процессе детального изучения произведений китайских писателей для русскоязычных ученых, которые не имеют достаточно полного представления о культуре Китая по сравнению с другими культурами. В данной статье мы стремимся способствовать некоторому преодолению культурных барьеров с позиций языка, посредством анализа безэквивалентной лексики и способов ее перевода.

В лингвистике неоднократно высказывалась мысль о различных способах членения окружающей действительности в языках и культурах, разнообразных способах номинации явлений, предметов и несовпадающем характере основных признаков того или иного понятия.

Все это нашло выражение в активно развивающемся сегодня научном понятии – феномене языковой картины мира. Составляющим компонентом данного явления можно назвать лексические единицы, которые называют специфические для каждой культуры предметы, явления, характеристики. Безэквивалентная лексика, или лексические лакуны, которые являются более общеродовым и предпочтительным термином, представляют собой «этикетные формулы в одном языке, которые не имеют эквивалентов в другом». Причина появления лакун в процессе взаимодействия генеалогически различных языков, согласно Н. В. Габдреевой, заключается в двух аспектах: «либо когнитивном состоянии лексической системы конкретного языка, либо сопоставлении двух языков на предмет сходств и различий» [6, с. 139].

В произведениях Юй Хуа наблюдается обилие безэквивалентной лексики, данная группа слов включает в себя способы номинации этнокультурных феноменов: предметов, обычаев и т. д., в ней отражается уникальный способ видения и языковая картина мира китайского народа. Для перевода и объяснения безэквивалентных слов необходимо полное представление о социокультурном фоне поднебесной, что не только осложняет работу переводчика, но иногда приводит к неправильному подбору эквивалентов. Именно это свидетельствует о важности изучения безэквивалентной лексики и обеспечивает интерес к проблеме её перевода, делает её актуальной.

Выделяются следующие группы безэквивалентной лексики в романе Юй Хуа «Жить»:

1. Слова-обозначения явлений нового китайского быта (до 70-ых гг. 20 в.)

Роман «Жить» в основном посвящен историческому периоду с «кануна» образования Нового Китая до начала 70-ых гг. 20 в. За 30 лет в Китае произошли грандиозные перемены, которые трагическим образом изменили жизнь персонажа

этого произведения. Следует отметить, что Новый Китай в начале своего образования следовал примеру политической системы России (старого СССР), что нашло отражение в языке: в русской лексике существовал ряд безэквивалентных слов (советизмы, слова нового советского быта). Мы считаем необходимым оставить без перевода слова нового китайского быта, которые не только характерны для данного произведения, но и в определенной степени напоминают советизмы. Как правило, большинство слов-номинаций нового китайского быта составляют историзмы. Выделение данной группы слов также объясняется переводческой стратегией. Для обозначения слов-номинаций предметов и явлений нового китайского быта наиболее часто встречаемые способы в переводе – описательный метод и заимствование, реже – гиперонимия, например:

а) Описание:

- 纸帽子 – дурацкий колпак, ср. бу-мажный колпак позора (в качестве формы наказания классовым врагам в период Культурной революции).

- 牌牌 – табличка, ср. табличка черным по белому, (в качестве формы наказания классовым врагам в период Культурной революции), которую вешали на грудь подвергаемым гонениям.

- 戴红袖章的人 – парни с красными повязками, ср. хунвэйбин (красная гвардия – участники политического движения на начальном этапе Культурной революции с красной нашивкой на рукаве).

- 走资派 – капиталистическое отродье, ср. каппучисты – группировка идущих по капиталистическому пути (термин Культурной революции).

- 包产到户 – семейный подряд, ср. система подрядной ответственности отдельных крестьянских дворов.

б) Заимствование:

- 文化大革命 – культурная революция (семантическое заимствование)

- 土地改革 – земельная реформа (семантическое заимствование)

- 人民公社 – народная коммуна (семантическое заимствование)

- 国民党 – Гоминьдан (название китайской политической партии, в значении партии «Народ») (экзотизм).

в) Гиперонимия (перевод наш – В. Ю., Х. Ю.):

- 工分 – трудодень, ср. трудоединица (существовавшая в сельскохозяйственных кооперативах в период Народной коммуны единица

изменения оплаты труда, обычно составляла 1/10 трудодня).

• **自留地** – приусадебный участок, ср. участок земли в личном пользовании.

2. Этнографизмы – слова, номинирующие национальные реалии, такие как предметы быта, меры, деньги, искусство, этнические объекты, общественно-политические реалии и т. д. Для обозначения данной группы лексики в основном используются методы заимствования, описания и гиперонимии. Например:

а) Слова, связанные с искусством (название книг, песен, музыкальных инструментов и т. д.):

• **十月怀胎** – тяжел десятый месяц (описание). Это название народной китайской песни, текст которой описывает различные трудности каждого месяца беременности; здесь присутствует, помимо прочего, и количественная гипербола – вместо девяти месяцев указываются десять, тем самым подчеркивается сложность этого состояния.

• **千字文** – тысячесловие (классический китайский текст, материал для начального обучения иероглифов) (заимствование).

• **唢呐** – деревянная флейта, ср. сона, или китайский кларнет (гипероним).

• **拨浪鼓** – погремушка, ср. погремушка-барабанчик (гипероним).

б) Названия одежды, обуви:

• **草鞋** – сандалии из соломы (описание).

• **中山服** – костюм, ср. *суньятсеновка* – мужской костюм в честь революционера Сунь Чжуншань, пользовался популярностью в Китае вплоть до 90-х годов 20-го века (гипероним).

• **旗袍** – маньчжурское платье из шелка (заимствование).

• **长衫** – длинный халат (описание).

в) Названия еды, напитков:

• **松花蛋** – тухлое яйцо, ср. маринованные яйца цвета сосны (описание).

• **白酒** – водка (гипероним).

• **豆腐** – соевый творог, ср. тофу (описание).

• **姜汤** – отвар из имбиря (описание).

• **包子** – пирожок, ср. баоцзы, паровые пирожки (гипероним).

г) Предметы быта:

• **麻将** – мацзян, костяные игральные пластинки (заимствование).

• **牌九** – девять карт, ср. *пайцзю* – азартная игра в кости (описание).

• **太师椅** – покойное кресло, ср. кресло-тайши, деревянное кресло с резной спинкой и

подлокотниками, в стиле династии Цин (описание).

д) Меры, денежная единица:

• **亩** – му, мера земельной площади, равная 1/15 га (заимствование).

• **里** – ли, мера длины, равная 0,5 км (заимствование).

• **斤** – кило, ср. *цзинь* – мера веса, равная 0,5 кг (гипероним).

• **元** – юань – денежная единица КНР (заимствование).

е) Явления, процессы и предметы, связанные с народными суевериями:

• **阴间** – могила, ср. *загробный мир* (гипероним).

• **归西** – помереть, ср. *унестись на Западный Рай* (гипероним).

• **雷公** – Дедушка Гром, ср. *Бог Лэйгун* – дракон с человеческим лицом и птичьим клювом, управляющий громом (описание).

3. Историзмы – слова, обозначающие предметы или явления предшествующих исторических периодов, ушедшие из современной культуры. Данная группа переводится, как правило, с помощью способа гиперонимии в случае наличия аналога конкретного историзма в русском языке, а в противном случае, чаще всего, предпочтение отдается описательному методу:

а) Гиперонимия:

• **私塾** – частная школа, ср. частная домашняя школа классического направления.

• **米行** – рисовая лавка, ср. зерновой торговый дом.

• **佃户** – работник, ср. крестьянин-арендатор.

• **挑夫** – носильщик, ср. кули.

• **银元** – серебро, ср. серебряный юань.

• **铜币** – медяк

• **皇帝** – государь

• **少爷** – барин

• **小姐** – барышня

б) Описание:

• **请安** – спрашивать о здоровье, ср. пожелать здоровья, становясь на левое колено, – старинный маньчжурский обычай.

• **花轿** – свадебные носилки, ср. свадебный паланкин новобрачной.

• **小脚** – маленькие ножки, ср. маленькие бинтованные женские ножки (скверный обычай древнего Китая – маленькие ножки у женщин считались красивыми, для чего ломали девочкам кости стоп и их бинтовали).

• **作揖** – почтительно сложить руки, ср. этикет приветствия – приветствовать руками (малый поклон, одна рука охватывает сложенную в кулак другую).

• **青楼** – зеленый терем, ср. публичный дом.

4. Фоновые и коннотативные слова, различающиеся скрытым, ассоциативно-образным значением, в них наиболее интенсивно сохраняется и передается национально-культурное представление о мире. Они являются источником лексической и культурной интерференции, при переводе и анализе которых на них следует обратить особое внимание. Что касается перевода – данная группа слов не переводится на общих основаниях, обычно используется только приблизительный перевод, вследствие чего почти всегда утрачивается национальный колорит:

а) 人都是一样的，手伸进别人口袋里掏钱时那个眉开眼笑，轮到自己给钱了一个个都跟**哭丧**一样。 [7, с. 18] – ‘Все люди радуются, когда можно запустить руку в чужой карман, когда же приходит их очередь отдавать деньги, плачут по ним, как по покойникам’ [8, с. 30] (описание).

哭丧 – основная черта похоронных обычаев в конфуцианском культурном кругу Китая и даже Восточной Азии. Люди оплакивают смерть своих близких в особой поминальной форме и приводят истории жизни умерших старейшин в форме пения. В китайском языке **哭丧** употребляется также при описании унылого, мрачного выражения лица у человека. Юй Хуа использовал данное выражение как средство сатиры на человеческую жадность.

б) 年过花甲的私塾先生对我爹说：“你家少爷长大了准能当个二流子。” [7, с. 8] – ‘Дряхлый учитель говорил моему отцу: «Ваш сынок вырастет большим шалопаем»’ [8, с. 16] (описание).

花甲 – литературное название шестидесятилетия (о возрасте). Это выражение происходит от древнего китайского календаря, цикл которого составляет шестьдесят лет. Здесь следует указать неточность перевода, **年过花甲** – это возраст за шестьдесят, однако человек такого возраста обязательно бывает «дряхлым».

в) 我从小就不可救药，这是我爹的话。私塾先生说我是**朽木不可雕也**。 [7, с. 8] – ‘Ты уже с детства пропащий», – так отец мне говорил. А учитель добавлял: «От гнилого дерева не жди прока»’ [8, с. 16] (описание).

朽木不可雕也 – эти слова высказал гневный Конфуций, когда увидел своего ученика, спавше-

го днем. «Гнилое дерево» употребляется для описания человека, поведение и характер которого невозможно исправить.

г) 说完我就不再管她了，看着龙二将骰子捧在手心里跟**拜佛**似的摇了几下。 [7, с. 17] – ‘Тут я опять о ней позабыл. Я стал смотреть, как Лун Эр трясет в руках кости, словно молится Будде’ [8, с. 29] (описание).

拜佛 – благоговейно кланяться перед изображением (статуей) Будды. Поклонение Будде обычно состоит из трех поклонений, что также является выражением уважения и благодарности буддам и бодхисаттвам.

д) 现在想起来叫我心疼啊，我年轻时真是**个乌龟王八蛋**。 [7, с. 18] – ‘Сейчас вспоминаю, и сердце ноет. Каким же я был уродом’ [8, с. 30] (функциональный эквивалент).

乌龟王八蛋 – черепашьё яйцо. В народе это выражение часто используется в качестве проклятия. По значению в русском языке **乌龟王八蛋** близко к нецензурным словам *сволочь, ублюдок*. Это на самом деле созвучно **忘八端** – забыть о восьми конфуцианских правилах: почитание родителей, уважение старших, преданность, верность, этикет, чувство долга (справедливость), умеренность и совесть. Однако, на наш взгляд, по обоим критериям используемое в переводе слово *урод* – слишком мягкий вариант, который не способен выразить глубокое раскаяние и самобичевание персонажа. Иными словами, коннотативный компонент при переводе полностью теряется.

е) 我是徐家仅有的一根**香火**，要是我灭了，徐家就断子绝孙了。 [7, с. 8] – ‘Я единственный, кто может жечь благовония нашим предкам, без меня род Сюй угас бы’ [8, с. 11] (описание).

В традиционной китайской семье под **香火** понимается: 1. Благовония и свечи, которые использовались для поклонения предкам и богам (прямое значение). 2. Те, кто приносят жертвы богам и буддам, подразумеваются верующие; Те, кто поклоняются предкам, т. е. потомки и наследники (переносное значение) [9, с. 1430]. В древнем и даже современном Китае люди придавали и придают большое значение продолжению рода – это входит в понятие семейных ценностей и традиций древнего Китая. Согласно контексту выражение «без меня род Сюй угас бы» можно определить, что **香火** переведено явно во втором значении – «потомок». Вариант «единственный, кто может жечь благовония нашим предкам» в контексте допустим, но потерял точность при переводе.

ж) 家珍对我从来都是**逆来顺受**,
我在外面胡闹, 她只是在心里**打鼓**,
从不说我什么, 和我娘一样. [7, с. 18] – ‘Она (Цзячжэнь) всегда отвечала мне добром на зло. Как бы я ни беспутствовал, она только терзалась про себя и, как и матушка, ничего не говорила’ [8, с. 30] (контекстуальный перевод).

逆来顺受 и **打鼓** – типичные китайские выражения. **打鼓** в прямом смысле – «бить в барабан», используется также при обозначении нервного душевного состояния человека. Что касается фразеологизма **逆来顺受**, следует отметить, что он имеет значение «способность человека к покорному и терпимому отношению к суровым обстоятельствам или грубому обращению» [9, с. 950] (перевод наш – В. Ю., Х. Ю.). Вариант, который использовал переводчик, «отвечать добром на зло» несколько преувеличил доброту Цзячжэнь, но в то же время потерял авторское сочувствие к данной «покорности и терпеливости», которые необходимы для женщин того времени. Следовательно, данный переводческий вариант достаточно приблизительный, но в контексте допустим.

з) 我那副模样让她信了,
我娘一屁股坐到了地上, 抹着眼泪说:
“上梁不正下梁歪啊。” [7, с. 22] – ‘Мой вид убедил ее. Она с размаху села на пол и прошептала сквозь слезы: «Яблочко от яблони недалеко падает»’ [8, с. 36] (замена). В переводе осуществлена замена незнакомой для русского читателя китайской пословицы «上梁不正下梁歪» – ‘Когда верхняя балка согнута, нижние тоже искривляются’. Ее подтекст таков: «Когда те, кто наверху – родитель, начальник, глава государства и т. д. – ведут себя плохо, те, кто внизу, следуют их примеру». В качестве эквивалента выступает изречение «Яблочко от яблони недалеко падает» [9, с. 1146] (перевод наш – В. Ю., Х. Ю.).

上梁不正下梁歪 – китайская пословица, которая является маркером культуры, знания древнекитайских людей. Большинство домов, в которых жили древние китайцы, были деревянными. Такие дома строили плотники, обладавшие навыками строительства. Древнекитайские деревянные дома имели самые разные размеры и формы, от великолепных, таких как дворцы и храмы, до деревенских, простых, незамысловатых. Однако, независимо от размера и формы домов, все деревянные дома состоят из балок (梁) и других частей. Структура древнекитайского деревянного дома соответствует строгим техническим требованиям в процессе строительномонтажных работ. Если верхняя балка согнута,

это повлияет на всю конструкцию дома, нижние тоже искривляются, и, естественно, дом станет ненадежным. Данная пословица имеет следующее значение: «Дети берут пример с родителей, каков отец, таков и сын». При переводе автор-переводчик заменил китайскую пословицу на похожую по смыслу русскую пословицу, что не только снижает сложность понимания для читателя, но и свидетельствует об общей мудрости китайского и российских народов.

и) 过了一会,
我听到爹在那边像是吹唢呐般地哭上了。 [7, с. 23] – ‘Потом я услышал его плач, похожий на завывание деревянной флейты’ [8, с. 38]. В переводе осуществлена замена названия неизвестного для русского читателя китайского музыкального инструмента – сонна – на название «деревянная флейта». В данном контексте вариант *деревянная флейта* является неуместным, поскольку во многом потерян подтекстовый смысл.

唢呐 (Сона) – это традиционный китайский деревянный духовой инструмент с двойным язычком. Он был завезен в Китай из Восточной Европы и Западной Азии с открытием Шелкового пути 2 тыс. лет назад. После двухтысячелетнего развития китайская сона приобрела свое уникальное тональное качество и стала символом китайской древней музыки. Следует отметить, что в связи со своим торжественным и заунывным тембром сона в народе часто звучит на похоронах. Таким образом, завывание соны в контексте не только описывает горький плач персонажа, но и служит намеком на приближение его смерти.

Таким образом, можно сделать вывод, что китайская культура имеет специфические национальные особенности, которые находят выражение в лексической системе языка. Особую сложность безэквивалентная лексика, или лакуны, представляют для переводчика, поскольку часть фоновых знаний, представляющих собой имманентно присущий компонент структуры лексического значения, элиминируется. На материале русских переводов произведения Юй Хуа выявлены и проанализированы лексико-тематические группы безэквивалентной лексики, которые представляют наибольшую трудность при переводе. Сопоставление оригинала и русского перевода в этом плане позволило выявить ту составляющую, которая не находит своего выражения в способах элиминации китайских прототипов.

Список источников

1. 许子东. 重读《平凡的世界》: 悲欣交集的理想主义 // 当代作家评论, 2021. URL:

<http://www.chinawriter.com.cn/n1/2021/0312/c419384-32049607.html> (дата обращения: 17.05.2023).

2. Титаренко М. Л. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. М.: Восточная литература, 2008. Т. 3: Литература. Язык и письменность. 855 с.

3. Дрейзис Ю. А. Художественные концепты прозы Юй Хуа: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Москва, 2013. 24 с.

4. Сидоренко, А. Ю. Эволюция повествовательной Стратегии Юй Хуа – От рассказчика к наблюдателю // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. № 3. С. 134–144.

5. Хэ Баося. Рецепция произведений Юй Хуа в России // Культура и цивилизация. 2022. № 4А. С. 71–79.

6. Габдреева, Н. В. Феноменология лакунарности в разноструктурных языках // Метафизика. 2022. № 3(45). С. 138–146.

7. 余华 活着. 北京: 作家出版社, 2012. 191 с.

8. Юй Хуа. Жизнь; пер. с кит. Романа Шапиро. М.: Текст, 2014. 188 с.

9. 吕叔湘等. 现代汉语词典. 北京: 商务印书馆, 2016. 1799 с.

References

1. Syui Tszydun (2021). *Obychnyi mir: idealizm pechali i radosti* [The Ordinary World: Idealism in a Mix of Sorrow and Happiness]. *Sovremennoe pisatel'skoe obozrenie*. URL:

<http://www.chinawriter.com.cn/n1/2021/0312/c419384-32049607.html> (accessed: 17.05.2023). (In Chinese)

2. Titarenko, M. L. (2008). *Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya: v 5 t. T. 3: Literatura. Yazyk i pis'mennost'* [Spiritual Culture of China: Encyclopedia: in 5 Volumes. Volume 3: Literature. Language and Writing]. 855 p. Moscow, Vostochnaya literatura. (In Russian)

3. Dreizis, Yu. A. (2013). *Khudozhestvennye kontsepty prozy Yui Khua: [Artistic Concepts in Yu Hua's Prose]*. 24 p. Moscow. (In Russian)

4. Sidorenko, A. Yu. (2015). *Evolyutsiya povestvovatel'noi Strategii Yui Khua – Ot rasskazchika k nablyudatelyu* [The Evolution of Yu Hua's Narrative Strategy – from the Narrator to the Observer]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. No. 3, pp. 134–144. (In Russian)

5. Hje Baosya (2022). *Receptsyja proizvedenii Jui Hua v Rossii* [The Reception of Yu Hua's Works in Russia]. *Kul'tura i tsivilizatsiya*, No. 4A, pp. 71–79. (In Russian)

6. Gabdreeva, N. V. (2022). *Fenomenologiya lakunarnosti v raznostrukturnykh yazykakh* [Phenomenology of Lacunarity in Differently Structured Languages]. *Metafizika*, No. 3(45), pp. 138–146. (In Russian)

7. Yui Khua (2012). *Zhit'* [To Live]. 191 p. Pekin, Izdatel'stvo pisatelei. (In Chinese)

8. Yui Khua (2014). *Zhit'* [To Live]. Per. s kit. Romana Shapiro. 188 p. Moscow, Tekst. (In Russian)

9. Lyui Shusyan i dr. (2016). *Slovar' sovremennogo kitaiskogo yazyka: [Dictionary of Modern Chinese]*. 1799 p. Pekin, Kommercheskoe izdatel'stvo. (In Chinese)

The article was submitted on 18.08.2023
Поступила в редакцию 18.08.2023

Ван Юйцун,

аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
wangyucong@yandex.ru

Хэ Юань,

аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
heyuan_0614@163.com

Wang Yucong,

graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
wangyucong@yandex.ru

He Yuan,

graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
heyuan_0614@163.com

СЛОВАРЬ КОМПОЗИТОВ: НОВЫЕ ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

© Наталья Габдреева, Алсу Хабибрахманова, Светлана Кочурова

DICTIONARY OF COMPOSITES: NEW EMPIRICAL DATA

Natalia Gabdreeva, Alsu Khabibrakhmanova, Svetlana Kochurova

The article presents the results of the study of composites that have appeared in the Russian language in recent decades. The relevance of the research is due to the active process of replenishing in the class of composites, as well as a high interest in the study of their structure and semantics. We distinguish the binary structure of compound words (sometimes multicomponent) of varying degrees of solidity and offer four types of their classification. We also identify groups of composites by their thematic attribution.

The material under study represents complex lexical units not previously recorded in the dictionaries and provides new empirical data.

The material for the study was obtained from various sources: oral speech, fiction, advertising and journalistic texts, Internet resources - the article notes that the range of these words is genetically and structurally heterogeneous: today, the leading trend compared to the early period is the formation of a group of words in the Russian language according to a fixed analytical model: an attribute in the preposition plus a noun.

Foreign-language components easily form new words and have high activity, enter into free syntagmatic relations. Such a feature – the presence of analytical neoplasms – is a consequence of the general trend of the modern Russian language – the growth of analyticism.

The article notes that many complex words form combinations with a common component, thereby creating word-formation models, as well as single classes and word-formation fields.

The functional status, the degree of assimilation of components, the ability to enter into syntagmatic relations, as well as the frequency and other characteristics of the words considered here are not similar. The article notes that the process of borrowing, which has moved to various functional areas, as well as the formation of new complex words according to the models considered in the article, contribute to the development and expansion of the lexical composition in the modern Russian language.

Keywords: foreign language vocabulary, compound word, composite, word formation, word-formation models, borrowing

В статье изложены результаты исследования композитов, которые появились в русском языке в последние десятилетия. Актуальность исследования обусловлена активным процессом пополнения класса композитов, а также высоким интересом к изучению их структуры и семантики. Авторы выделяют бинарную структуру сложных слов (иногда многокомпонентную) различной степени спаянности и в качестве классификации предлагают 4 типа. Также авторами определены группы композитов по тематической атрибуции.

Исследуемый материал представляет собой сложные лексические единицы, ранее не зафиксированные в словаре, и дает новые эмпирические данные.

Материал для исследования был получен из разнообразных источников: устной речи, художественной литературы, рекламных и публицистических текстов, интернет-ресурсов. Авторы отмечают, что круг этих слов генетически и структурно неоднороден: сегодня ведущей тенденцией, по сравнению с ранним периодом, является образование группы слов в русском языке по закрепившейся аналитической модели: определение в препозиции плюс существительное.

Иноязычные компоненты легко образуют новые слова и обладают высокой активностью, вступают в свободные синтагматические отношения. Такая особенность – наличие аналитических новообразований – является следствием общей тенденции современного русского языка – ростом аналитизма.

В статье отмечается, что многие сложные слова образуют комбинации с общим компонентом, тем самым создаются словообразовательные модели, а также выделяются единые классы и словообразовательные поля.

Функциональный статус, степень ассимиляции компонентов, способность вступать в синтагматические отношения, а также частотность и другие характеристики рассмотренных слов неодина-

ковы. Авторы отмечают, что процесс заимствования, который переместился в различные функциональные сферы, а также образование новых сложных слов по рассмотренным моделям способствуют развитию и расширению лексического состава современного русского языка.

Ключевые слова: иноязычная лексика, сложное слово, композит, словообразование, словообразовательные модели, заимствование

Для цитирования: Габдреева Н., Хабибрахманова А., Кочурова С. Словарь композитов: новые эмпирические данные // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №3 (73). С. 14–20. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-14-20

Общеизвестно, что словари не успевают фиксировать новые слова. Обычное явление, когда слово появляется в языке, какое-то время функционирует в нем, однако лексикографическая фиксация по разным причинам появляется значительно позже. Существуют словари и диссертации, которые построены на выявлении периода между общепринятой так называемой первой фиксацией и появившимися более ранними датами в связи с вводом новых данных, ранее не изученных. В некоторых случаях разница бывает достаточно значительной – 100 лет и более. Мы имеем в виду продолжающиеся выпуски Словаря русского языка 18 века, а также работы Р. А. Юналеевой, Н. В. Габдреевой, А. И. Киндеревич. Так, например, толковые словари датируют слово *тамбур* – «барабан» серединой 20 века, в то время как в переводах оно фиксируется в конце 18-го. Достаточно много таких коррекций отмечается в связи с вводом в исследования новых типов памятников [1, с. 73–74]

В нашей статье речь пойдет о композитах, которые появились в русском языке в последние десятилетия. В целом следует отметить, что в 2012 году увидел свет один из первых словарей композитов русского языка новейшего периода [2]. Он неоднократно переиздавался, однако сегодня пришло время поговорить о новых эмпирических данных, которые могут дополнить это издание, поскольку в последнее десятилетие количество сложных слов значительно возросло.

В предисловии к словарю составители поделились с критериями, в соответствии с которыми сложное слово попадает в словарь. Нужно сказать, что сегодня традиционно существуют узкий и широкий подходы к выделению композитов. Авторы остановились на последнем, говоря о бинарной (иногда многокомпонентной) структуре различной степени спаянности. В качестве классификации были предложены 4 основных типа композитов:

1. Сложные слова заимствованного происхождения, в которых ассимилировался только один компонент. Существенным является место образования сложной единицы: в одном случае это чистое заимствование, как, например, *ток-шоу*, в

другом – образование в языке-рецепторе из заимствованных элементов разной степени освоения, которые, однако, уже используются в качестве словообразовательных элементов: *Аксенов-фест*, *Горбачев-фонд*, *Левада-центр*.

2. Сложные слова, в которых оба слова-компонента являются автохтонными, ассимилированными русским языком, либо собственно русскими по происхождению, например, *холдинг-центр*, *запчасть-люкс*, *визит-эффект*.

3. Так называемые чистые заимствования, которые и формально, и семантически представляют собой сложное целое: *плацкарт*, *беби-бум*, *метрдотель*, *делюкс*, *филе-о-фиш*, *фристайл*, *секонд-хенд*, *нонфикшин*.

4. Нетранслитерированные образования, которые могут представлять собой многокомпонентную структуру: *must-have*, *Java-script*.

Мы вкратце описали классификацию для того, чтобы наглядно показать, что среди лексических новообразований последнего десятилетия не только происходит пополнение указанных групп, но и появляются новые типы. Так, сегодня активными можно назвать так называемые кентаврические формы, представляющие собой соединение нетранслитерированных элементов с кириллическими: *HDMI-разъемы*, *usb-передатчик*, *xdrive-система*.

Композиты отличаются семантической насыщенностью, поскольку образованы по закону экономии языковых средств и «в большей мере отвечают номинативным и коммуникативным задачам за счёт компрессивности форм, ясности семантики и лёгкости её восприятия, а также экспрессивно-эмоциональных характеристик» [3, с. 259].

В начале XXI века количество сложных слов возросло. Вместе с этим вырос интерес к изучению композитов. Это связано, в первую очередь, с процессом перенесения готовых лексических единиц из языка-источника или появлением заимствованной модели, по которой строятся сложные новообразования на русской почве с участием ранее заимствованных или собственно русских элементов.

Композиты неоднородны по многим аспектам: по семантике, структуре, источнику заимствования, по происхождению. В научной литературе можно выделить несколько направлений в изучении этого типа слов: во-первых, работы сопоставительного характера, в качестве сравниваемых языков выступают англо-русские, русско-немецкие, французско-русские параллели (работы А. В. Агеевой, Т. К. Ивановой, Р. Р. Яхиной). Второе направление собственно теоретическое, которое изучает этимологию, вариантность, функционирование сложных слов в пределах одной лексической системы. Очевидно, что это те языки, в словообразовании которых композиты занимают видное место, например, нахские языки (докторская диссертация М. У. Сулейбановой), немецкий язык. Одной из первых работ, в которой проводится системное описание композитов в русском языке, была диссертация М. Т. Гурчиани, одного из соавторов вышеописанного словаря.

Возвращаясь к новым данным, которые получены нами из разнообразных источников: устной речи, художественной литературы, рекламных и публицистических текстов, интернет-ресурсов – отметим, что круг этих слов генетически и структурно неоднороден, однако соотношение, зафиксированное в словаре 2012 года, изменилось. Так, сегодня ведущей тенденцией по сравнению с ранним периодом является образование группы слов в русском языке по закрепившейся аналитической модели: определение в препозиции плюс существительное: *веган-версия, спорт-стайл, барбекю-зона, интернет-универмаг, дисконт-дверь, кейс-чемпионы, микст-зона, копинг-стратегии, интим-услуги, концепт-комплекс, тревел-формат, бьюти-новости, бьюти-бестселлер, копинг-стратегии, трибьют-концерт, бизнес миссия* и некоторые другие. Группа так называемых чисто заимствованных композитов стала значительно меньше: *дисклеймер, плейбек, хоумвидео, анкермен* [4], *клоуз тест, покерфейс, блэк-метал, моуш-дизайн, кроп-топ, джинсы бут-кат, румтур, румсервис, оппен-колл, неосоул* и другие.

По происхождению ведущее место принадлежит английским заимствованиям, например, активно развивающийся сегодня стиль *нормкор*, название которого происходит от англ. *normcore* (*normal* – ‘нормальный’ и *core* – ‘ядро’). Появление этого слова связывают со статьей о неприятной моде в *New York Magazine* в 2009 году.

Однако следует отметить и композиты иной этимологии:

термин *эго-документы*, к которым традиционно причисляют письма и дневники, был введен нидерландским ученым Якобом Прессером в конце прошлого века. Феномены *ла-нинья* и *эль-ниньо*, в переводе с испанского ‘девочка’ и ‘мальчик’, обозначают «краткосрочное повышение / понижение температуры поверхностного слоя воды Тихого океана, происходящее каждые 2-7 лет в разных местах планеты» [5]. Данные слова были впервые зафиксированы в словаре по географии в 2015 году.

Нетранслитерированные новообразования представлены в наших материалах незначительно. Как правило, это номинации, содержащие этнокультурный компонент, либо вошедшие в мировую практику названия феноменов. Например, *Cittaslow* – сложное слово, обозначающее «наслаждение жизнью». Четыре итальянских города Грече-ин-Кьянти, Позитано, Орвието и Бра в 1999 году учредили ассоциацию так называемых медленных городов (что, несомненно, является калькой с итальянского), символом которых является улитка. Сегодня насчитывается более 100 таких городов. Слово *медленный* сегодня используется в новом значении в словосочетаниях *медленная еда* (в отличие от *фастфуд* – быстрой еды) – *Slow Food*, а также *медленное воспитание, медленное старение, медленная церковь*.

Стиль *Old Money*, в переводе с английского ‘старые деньги’ или ‘тихая роскошь’, сегодня набирает популярность, вследствие чего в модных журналах активно используется английское вкрапление. Стиль *Old Money*, который предполагает сдержанность, качество, приверженность классическим фасонам и дорогим материалам, противопоставляется *fast fashion*, то есть быстрой моде, преходящей и вызывающей.

TikTok – широко известный сервис для создания и просмотра коротких видео, который принадлежит пекинской компании «ByteDance». В 2018 году была создана международная версия, которая является видеоплатформой. Использует искусственный интеллект, а также создаёт специальные приложения к нему, которые, например, позволяют вести прямые трансляции «TikTok LIVE».

Немало среди незафиксированных Словарём композитов лексем немецкого происхождения, которые в русском языке новейшего периода занимают особое место. Их исследованию посвящены работы С. П. Кепешук [6], А. Р. Тимиргалеевой [7] и И. В. Токаревой [8].

Следует отметить, что русский и немецкий языки, являясь аналитическими, имеют характерные черты в системе словосложения.

Среди сложных единиц можно выделить значительное количество композитов бинарной структуры, то есть состоящих из двух компонентов: *геитальттерапия*, *тренд-вертер*, *эко-тон*, *штрихкод* и др. Кроме двухкомпонентной структуры, есть и трехкомпонентные сложные единицы – *шпрехиталмейстер*. В связи с этим Дж. А. Сафаровой было предложено выделение на основе сходства структуры сложных слов композитов с инициальными и финальными компонентами, выполняющими роль определения. Это позволяет выделить группы слов с общим компонентом. Например, с инициальным *форфорпост*, *форшлаг*, *фордек*, где *ф о р* имеет значение «находящийся впереди», или с финальным компонентом *бан* – *автобан*, *натурбан*, *бан* – «дорога» [9].

Известно, что морфемный состав иноязычной лексики воспринимается не так, как в исконной лексике, иными словами, при переходе в язык-рецептор часто происходит опрощение, то есть утрата членимости. Для носителей русского языка композиты немецкого происхождения чаще всего нечленимые, но для владеющих немецким языком они являются многокомпонентными.

Если рассмотреть немецкие по происхождению композиты через призму предложенной в словаре классификации, то они распределяются следующим образом:

1. Композиты, в которых ассимилирован только один компонент. Существенным является то, как образовано сложное слово. Либо это чистое заимствование, либо это образование в языке-рецепторе из заимствованных элементов разной степени освоения: *Райффайзен-банк*, *Райффайзен-касса*, *Барселона-бургер* и др.

2. Сложные слова, в которых компоненты являются ассимилированными русским языком, например, *нефтедоллар*, *парфюм-мыло*, *фальшпанель*, *блицвоаяж*, *евромарка* и др.

3. Композиты, семантически представляющие собой сложное целое и являющиеся чистыми заимствованиями: *тонмейстер*, *крейцельмейстер*, *кюрбисброд* – «ржаной хлеб с тыквенными семечками»; *ризеншнауцер* < *Riesenschnauzer* – «собака с большой мордой» – порода служебных собак с длинной чёрной шерстью и с продолговатой лохматой мордой»; *цвергшнауцер* < *Zwergschnauzer* – от *zwerg* — «гном», *schnauze* — «морда», «миниатюрный шнауцер, карликовый шнауцер, порода служебных собак»; *миттельшнауцер* < *Mittelschnauzer* от *mittel* – «средний», *schnauze* – «морда» – «порода служебных собак с длинной чёрной шерстью и с мордой, несколько меньшей, чем у ризеншнауцера»; *маркшейдерия* < *Markscheiderei* < *mark* «граница» + *scheiden*

«разделять» – «Отрасль горной науки и техники, заключающаяся в ведении пространственно-геометрических измерений (маркшейдерских съемок) в недрах земли» [10]; *Берлин-Хемп*, *Дойчевелле*, *Лёвенбрау*.

4. Нетранслитерированные образования: *Badenbier*, *Brandenbeer*, *Bierhof* (ресторанный пивоваренный комплекс), *Lufthansa* < *luft* – «крыло», *hansa* – «союз свободных городов»; *Jagermeister* (бренд популярного немецкого ликера).

Многие сложные слова образуют комбинации с общим компонентом, тем самым создаются словообразовательные модели. Это позволяет выделить единые классы и словообразовательные поля [11, с. 214] А. Р. Тимиргалеева выделяет 17 рядов слов, объединенных общим словообразовательным элементом. Так, общий элемент *геитальт* образовал ряд: *геитальтпсихология*, *геитальт-теория*, *геитальт-герои*, *геитальт-терапия*. В настоящее время эта группа пополнилась лексемами *геитальт-психолог*, *геитальт-подход*.

Другим примером являются слова *крафт-бумага*, *крафт-целлюлоза* и новые композиты: *крафт-пакет*, *крафт-упаковка*, *крафт-пиво*.

Многие лингвисты отмечают, что иноязычные компоненты легко образуют новые слова и обладают высокой активностью, вступая «в свободные синтагматические сочетания, выражая при этом одно и то же постоянное значение (стандартность семантики)» [12, с.29].

Нужно отметить, что рассматриваемая особенность – наличие аналитических новообразований – является следствием общей тенденции современного русского языка – ростом аналитизма.

По типу уже существующих моделей композитов немецкого происхождения образуются новые лексические единицы, которые выступают в функции выразительного средства языка в текстах художественного и особенно публицистического стилей.

Тематическая атрибуция не зафиксированных словарем сложных лексем, в том числе и немецкого происхождения, представлена следующими группами:

1. Название предметов: *колор блок*, *биркенштоки*, *адвент-календарь*, *нефтедоллар*, *евромарка*, *фальшпанель*, *зигмашина*.

2. Название лиц: *гребец-каноист*, *гребец-слаломист*, *тиктокер*, *фронтмен*, *крейцельмейстер*, *тонмейстер*.

3. Название процессов и явлений: *маркшейдерия*, *райхгайтсгебот*.

4. Название животных: *миттельшнауцер, ризеншнауцер, цвергшнауцер*.

5. Название продуктов питания и специализация кафе: *jagemeister, кюрбисброд, Левенбрау, суси-кафе, гастробутик*.

6. Название сооружений, помещений: *ресейл-платформы, Lufthansa, Badenbier, Brandenbeer, Bierhof, Райффайзен-банк, Райффайзен-касса*.

7. Номинации учреждений, компаний. Так, *Badenbier* – это название пивоваренной компании; Мариенбад, Шварцвальд, Егерхаус. Это является отражением желаний владельцев ресторанного бизнеса подчеркнуть национальный характер заведения.

8. Названия продуктов модной индустрии: *пье де пульт, спорт шик, спорт стайл, парфюмер бар, фэшн-термин, этлиджер, галстук-регат, граут-фит, дресс-ап, дресс-даун, слинг - сумка, фронт роу, поп-ап, хайпбист, хайп – шумиха, мамс-джинсы*.

9. Спортивная терминология: *степ-аут* (в фигурном катании), *биг эйр, вант-путенс, галс-оттяжка, го-карт, гафель-гардель, гребец-академист, гребец-байдарочник, гребец-каноист, гребец-слаломист, нокаут-система, фордевинд, форчекинг, форштивень, «осбюри-флор», фотофиниш*.

10. Музыкальная терминология: *фри-джаз, блэк-метал, барокко-панк, неосоул*.

11. Кулинарные термины: *крок-месье и крок-мадам* (Petit Robert датирует появление в 1960 г.), *аль-данте* (степень готовности пасты), *берр-мани, бёф-брезе, беф-бульи, волован* (фр. vol au vent – ‘полёт на ветру’ слоеные пирожки), *кресс-салат*; Названия вин: *Шато-Лафит, Шато-Марго, Шато-Ла-тур, Шато-Ляроз, Шато-Гобрион, Сент-Эстеф, Сент-Жюльен, Сент-Эмильон, Бран-Мутон* и др.

12. Техническая терминология: *гип-флат-шины, бас-бустер, блокинг-генератор, гольф-класс, граунд-эффект, доплер-эффект, драг-рейсинг, кит-кар, климат-контроль, код-граббер, круиз-контроль, масл-кар, оверхед-проектор, пит-стоп* и др.

13. Финансовая терминология: *грейс-период, банк-корреспондент, карго-перевозки, квазиденьги, кашфлоу, лидз энд лэгз, порто-франко, цена-франко*.

Таким образом, функциональный статус, степень ассимиляции компонентов, способность вступать в синтагматические отношения, а также частотность и другие характеристики рассмотренных слов неодинаковы, однако очевидно, что процесс заимствования, который переместился в различные функциональные сферы, а также образование новых сложных слов по рассмотрен-

ным моделям способствуют развитию и расширению лексического состава современного русского языка.

Список источников

1. Габдреева Н. В. Лексика французского происхождения в русском языке. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2001. 338 с.

2. Словарь композитов русского языка новейшего периода / сост. Н. В. Габдреева, М. Т. Гурчиани. М.: Флинта, 2012. 280 с.

3. Янко-Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке. М.: Индик, 2001. 504 с.

4. Довлатов С. Филиал (Записки ведущего). СПб.: Азбука, 2020. 192 с.

5. Туризм: новости, справочная информация, библиотека по туризму и географии. URL: <http://otpusk-info.ru> (дата обращения: 17.08.2023)

6. Кенещук С. Ф. Немецкие лексические заимствования как источник пополнения русского лексикона: автореф. дис.... канд. филол. наук: Тюмень, 2001. 18 с.

7. Тимиргалеева А. Р. Особенности процесса заимствования иноязычной лексики немецкого происхождения в русском языке новейшего периода. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. I. С. 161–163.

8. Токарева И. В. Адаптация немецких лексических заимствований в русском литературном языке (на материале источников рубежа XIX–XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: Тюмень, 2002. 13 с.

9. Сафарова Дж. А. Композиты-германизмы в современном русском языке: особенности и функционирование // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 83–90.

10. Толковый словарь Ефремовой онлайн. URL: <http://onlinedic.net> (дата обращения: 17.08.2023).

11. Габдреева Н. В., Агеева А. В., Тимиргалеева А. Р. Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода. М.: Флинта; Наука, 2013. 328 с.

12. Петрякова А. Г. Существительные-неологизмы с иноязычными компонентами в русском языке // Развитие частей речи в истории русского языка. Межвуз. сб. научных трудов. Рига, 1988. С. 28–32.

References

1. Gabdreeva, N. V. (2001). *Leksika frantsuzskogo proiskhozhdeniya v russkom yazyke* [Vocabulary of French Origin in the Russian Language]. 338 p. Izhevsk, izdatel'skii dom "Udmurtskii universitet". (In Russian)

2. *Slovar' kompozitov russkogo yazyka noveishego perioda* (2012) [Dictionary of the Russian Language Composites of the Newest Period]. Sost. N. V. Gabdreeva, M. T. Gurchiani. 280 p. Moscow, Flinta. (In Russian)

3. Yanko-Trinitskaya, N. A. (2001). *Slovoobrazovanie v sovremennom russkom yazyke* [Word

Formation in the Modern Russian Language]. 504 p. Moscow, Indrik. (In Russian)

4. Dovlatov, S. (2020). *Filial (Zapiski vedushchego)* [The Branch (Notes of the Presenter)]. 192 p. St. Petersburg, Azbuka. (In Russian)

5. *Turizm: novosti, spravochnaya informatsiya, biblioteka po turizmu i geografii* [Tourism: News, Background Information, Collection of Books on Tourism and Geography]. URL: <http://otpusk-info.ru> (accessed: 17.08.2023). (In Russian)

6. Kerpeshchuk, S. F. (2001). *Nemetskie leksicheskie zaimstvovaniya kak istochnik popolneniya russkogo leksikona: avtoref. dis.... kand. filol. nauk* [German Lexical Borrowings as a Source of the Russian lexicon Replenishment: Ph.D. Thesis Abstract]. Tyumen', 18 p. (In Russian)

7. Timirgaleeva, A. R. (2013). *Osobennosti protsessa zaimstvovaniya inoyazychnoi leksiki nemetskogo proiskhozhdeniya v russkom yazyke noveishego perioda* [Features in Process of Borrowing German Origin Foreign Vocabulary in the Russian Language of Contemporary Period]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Tambov, Gramota*. No. 8 (26): v 2-kh ch. Ch. I, pp. 161–163. (In Russian)

8. Tokareva, I. V. (2002). *Adaptatsiya nemetskikh leksicheskikh zaimstvovaniy v russkom literaturnom yazyke (na materiale istochnikov rubezha XIX–XX vv.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Adaptation of German Lexical Borrowings in the Russian Literary Language (based on sources from the turn of the 19th–20th centuries): Ph.D. Thesis Abstract]. Tyumen', 13 p. (In Russian)

9. Safarova, Dzh. A. (2018). *Kompozity-germanizmy v sovremennom russkom yazyke: osobennosti i funkcionirovanie* [Composites-Germanisms in the Modern Russian Language: Features and Functions]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Seriya: Russkaya filologiya. No. 3, pp. 83–90. (In Russian)

10. *Tolkovyi slovar' Efremovoi onlain* [Efremova's Explanatory Dictionary Online]. URL: <http://onlinedic.net> (accessed: 17.08.2023). (In Russian)

11. Gabdreeva, N. V., Ageeva, A. V., Timirgaleeva, A. R. (2013). *Inoyazychnaya leksika v russkom yazyke noveishego periody* [Foreign Language Vocabulary in the Russian Language of Recent Periods]. 328 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)

12. Petryakova, A. G. (1988). *Sushchestvitel'nye neologizmy s inoyazychnymi komponentami v russkom yazyke* [Neologism Nouns with Foreign Language Components in Russian]. *Razvitie chastei rechi v istorii russkogo yazyka. Mezhevuz. sb. nauchnykh trudov*. Pp. 28–32. Riga. (In Russian)

Библиографический список

1. Ageeva A. Конвергентно-дивергентные характеристики романского пласта в языке русской художественной литературы XIX – XXI вв. : дис. ... д-ра филол. наук : Чебоксары, 2019. 410 с.

2. Иванова Т. К. Сложное слово как элемент словообразовательной системы русского и немецкого языков // Ученые записки казанского государственного

университета. Гуманитарные науки. 2009. Том 151, книга 6. С. 143–151

3. Кадырова Л. Д. Гибридные неологизмы в современном массмедийном дискурсе: семантико-деривационный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Симферополь, 2014. 20 с.

4. Кашенкова И. С. Перевод немецких композитов в современных газетных текстах на русский язык / И. С. Кашенкова, Р. Ю. Кашенков // Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике: сборник научных трудов. В 2 томах. Том 2 / под редакцией Е. Б. Морозовой; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации. М.: МГИМО–Университет, 2019. С. 348–352.

5. Колтакова Г. В. Типы семантических структур немецких композитов. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Том 15. Выпуск 6. С. 1935–1941.

6. Неология. Неография. 2021: Сборник научных статей / Отв. ред. Н. В. Козловская / Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. 154 с.

7. Олейник О. В. Слова-композиции в немецкой прессе. *Международный научно-исследовательский журнал*. № 7 (97), Екатеринбург, 2020. с. 92–95

8. Петрянина О. В., Ревина Е. В. Структурно-семантические особенности и когнитивно-прагматический потенциал неологических наименований в рекламе женской косметики (на материале немецкого языка). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2022. Том 15. Выпуск 6. С. 1935–1941

9. Сулейбанова М. У. Композитное словообразование в нахских языках: автореф. дис. д-ра филол. наук: Махачкала, 2009. 34 с.

10. Теркулов В. И. Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте: дис. ... д-ра филол. наук: Горловка, 2008. 472 с.

11. Терминология спорта. Толковый словарь спортивных терминов. Изд-во: СпортАкадемПресс, 2001. 479 с.

12. Яхина Р. Р. К вопросу изучения композитно-образования на материале радиотехнической и инфокоммуникационной терминологии английского происхождения // *Вестник Российского нового университета*. Серия: Человек в современном мире. 2019. № 1. С. 156–161.

Bibliography

1. Ageeva, A. (2019). *Konvergentno-divergentnye kharakteristiki romanskogo plasta v yazyke russkoi khudozhestvennoi literatury XIX – XXI vv.: diss. ... d-ra filol. nauk* [Convergent-Divergent Characteristics of the Romanesque Layer in the Language of Russian Fiction in the 19th–21st Centuries: Doctoral Thesis]. Cheboksary, 410 p. (In Russian)

2. Ivanova, T. K. (2009). *Slozhnoe slovo kak element slovoobrazovatel'noi sistemy russkogo i nemetskogo yazykov* [Compound Word as an Element of the Word-Formation System of the Russian and German Languages]. *Uchenye zapiski kazanskogo gosudarstvennogo*

universiteta. Gumanitarnye nauki. Tom 151, kniga 6, pp. 143–151. (In Russian)

3. Kadyrova, L. D. (2014). *Gibridnye neonominsii v sovremennom massmediinom diskurse: semantiko-derivatsionnyi aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Hybrid Neonominations in Modern Mass Media Discourse: Semantic-Derivative Aspect: Ph.D. Thesis Abstract]. Simferopol', 20 p. (In Russian)

4. Kashenkova, I. S. (2019). *Perevod nemetskikh kompozitov v sovremennykh gazetnykh tekstakh na russkii yazyk* [Translation of German Composites in Modern Newspaper Texts into Russian]. I. S. Kashenkova, R. Yu. Kashenkov. Magiya INNO: integrativnye tendentsii v lingvistike i lingvodidaktike: sbornik nauchnykh trudov. V 2 tomakh. Tom 2 pod redaktsiei E. B. Morozovoi; Mosk. gos. in-t mezhdunar. otnoshenii (un-t) M-va inostr. del Ros. Federatsii. Moscow, MGIMO–Universitet, pp. 348–352. (In Russian)

5. Kolpakova, G. V. *Tipy semanticheskikh struktur nemetskikh kompozitov*. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tom 15. Vypusk 6, pp. 1935–1941. (In Russian)

6. *Neologiya. Neografiya* (2022) [Neology. Neography]. Sbornik nauchnykh statei. Otv. red. N. V. Kozlovskaya. Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN. 154 p. St. Petersburg, ILI RAN. (In Russian)

7. Oleinik, O. V. (2020). *Slova-kompozity v nemetskoj presse* [Composite Words in the German Press]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*. No. 7 (97), pp. 92–95. Ekaterinburg. (In Russian)

8. Petryanina, O. V., Revina E. V. (2022). *Strukturno-semanticheskie osobennosti i kognitivno-*

pragmatischeskii potentsial neologicheskikh naimenovanii v reklame zhenskoj kosmetiki (na materiale nemetskogo yazyka) [Structural-Semantic Features and Cognitive-Pragmatic Potential of Neological Names in Women's Cosmetics Advertising (Based on the German Language)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tom 15. Vypusk 6, pp. 1935–1941. (In Russian)

9. Suleibanova, M. U. (2009). *Kompozitnoe slovoobrazovanie v nakhskikh yazykakh: avtoref. dis....d-ra filol.nauk* [Composite Word Formation in the Nakh Languages: Doctoral Thesis Abstract]. Makhachkala, 34 p. (In Russian)

10. Terkulov, V. I. (2008). *Kompozity russkogo yazyka v onomasiologicheskom aspekte: dis. ... d-ra filol. nauk* [Composites of the Russian Language in the Onomasiological Aspect: Doctoral Thesis]. Gorlovka, 472 p. (In Russian)

11. *Terminologiya sporta. Tolkovyi slovar' sportivnykh terminov* (2001) [Terminology of Sports. Explanatory Dictionary of Sports Terms]. 479 p. Izd-vo SportAkademPress. (In Russian)

12. Yakhina, R. R. (2019). *K voprosu izucheniya kompozitoobrazovaniya na materiale radiotekhnicheskoi i infokommunikatsionnoi terminologii angliiskogo proiskhozhdeniya* [On the Issue of Studying Composite Formation Based on Radio Engineering and Infocommunication Terminology of English Origin]. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire*. No. 1, pp. 156–161. (In Russian)

The article was submitted on 04.06.2023

Поступила в редакцию 04.06.2023

Габдреева Наталия Викторовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
n.gabdreeva@mail.ru

Хабибрахманова Алсу Рамилевна,
аспирант,
преподаватель,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Khab-a@yandex.ru

Кочурова Светлана Валерьевна,
старший преподаватель,
Казанский национальный технический
университет,
421001, Россия, Казань,
Четаева, 18.
Panther_72@mail.ru

Gabdreeva Natalia Viktorovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
n.gabdreeva@mail.ru

Khabibrakhmanova Alsu Ramilevna,
graduate student,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Khab-a@yandex.ru

Kochurova Svetlana Valerievna,
Assistant Professor,
Kazan National Technical University,

18 Chetaev Str.,
Kazan, 421001, Russian Federation.
Panther_72@mail.ru

УДК 811.111

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-21-30

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ОБРАЗНЫХ МЕТАФОР РОМАНОВ О. ХАКСЛИ «О ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР» И «ОБЕЗЬЯНА И СУЩНОСТЬ»

© Наталья Дедова, Антон Сильницкий

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE SEMANTIC SPACE STRUCTURAL COMPONENTS OF THE IMAGE-METAPHORS IN A. HUXLEY'S NOVELS "BRAVE NEW WORLD" AND "APE AND ESSENCE"

Natalia Dedova, Anton Silnitsky

This article identifies semantic characteristic of image-metaphors and establishes their frequency representation based on the anti-utopian novels "Brave New World" and "Ape and Essence" by A. Huxley. The diachronic parameter used in our study prompted the choice of the novels. First, we have identified, by means of the component analysis method, a list of diagnostic semantic features that make up the structural components of the image-metaphor semantic space in the works and organize five semantic areas: "categorical" (substantive, verbal, adverbial and adjective features), "anthropological" (anthropo-somatic and anthropo-mental features), "social" (socio-personal and socio-non-personal features), "naturalistic" (natural-biogenic and natural-abiogenic features) and "ontological" (onto-material and onto-non-material features). These semantic characteristics are determined according to both direct and figurative subjects of the image-metaphor. Then, the task of the research was to establish statistically relevant semantic features of the considered lexical units in both texts. According to the parameter of oppositions, we have identified the semantic areas. In conclusion, we tried to correlate the results of the frequency analysis with some plot features of the aforementioned anti-utopian novels. The anti-utopian novel "Brave New World" has been recognized as the least apocalyptic novel, while the most apocalyptic novel is "Ape and Essence".

Keywords: anti-utopian novel, image-metaphor, direct subject, figurative subject, relevant semantic characteristic, opposition of characteristics, plot parallels

Статья посвящена выявлению семантических признаков образных метафор и установлению их частотной представленности на материале романов-антиутопий О. Хаксли «О дивный новый мир» и «Обезьяна и сущность». Выбор произведений был обусловлен тем, что представляется возможным использовать диахронический параметр в нашем исследовании. Первоначально, за счет применения метода компонентного анализа, мы смогли выделить список диагностических семантических признаков, составляющих структурные компоненты семантического пространства образных метафор рассматриваемых произведений. Выделяются двенадцать семантических признаков, которые организовываются в пять семантических планов: «категориальный план» (признаки субстантивный, адъективный, вербальный, адвербальный), «антропологический план» (признаки антропо-соматический, антропо-ментальный), «социальный план» (признаки социо-личностный, социо-неличностный), «натуралистический план» (признаки натуро-биогенный, натуро-абиогенный) и «онтологический план» (признаки онто-материальный, онто-нематериальный). Данные семантические характеристики определяются относительно как прямого, так и переносного субъектов образной метафоры. Следующая задача нашего исследования состоит в установлении статистически релевантных семантических признаков рассматриваемых лексических единиц обоих текстов. По параметру оппозиций мы выделили дифференциально маркированные семантические планы. В заключение была осуществлена попытка соотнесения результатов частотного анализа с некоторыми сюжетными особенностями исследуемых романов-антиутопий. Так, наименее апокалиптическим романом признан роман-антиутопия «О дивный новый мир»; наиболее апокалиптическим романом является «Обезьяна и сущность».

Ключевые слова: роман-антиутопия; образная метафора; прямой субъект; переносный субъект; релевантный семантический признак; оппозиция признаков; сюжетные параллели

Для цитирования: Дедова Н., Сильницкий А. Сравнительный анализ структурных компонентов семантического пространства образных метафор романов О. Хаксли «О дивный новый мир» и «Обезьяна и сущность» // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 21–30. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-21-30

Роман-антиутопия является популярным жанром в художественной литературе XX–XXI вв., интерес к которому возрастает с каждым годом. В связи с этим актуальность темы нашей работы заключается в исследовании семантического пространства образных метафор двух известных романов жанра антиутопии.

Образная метафора представляет собой один из наиболее важных тропов в художественном тексте в связи с тем, что она выявляет художественный замысел автора. Существует достаточное большое количество дефиниций метафоры. Мы предлагаем определение образной метафоры из советской энциклопедии: Метафора (англ. *metaphor*, фр. *métaphore*, нем. *Metapher*, *Übertragung*, исп. *metáfora*) – это троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии [1, с. 796].

Таким образом, метафора содержит прямой и переносный субъекты. Прямой субъект представляет собой то, что подвергается сравнению, а переносный субъект то, с чем производится сравнение [2, с. 20]. В качестве примера приведем метафору: *two baboon teenagers, fumbling to music in a parked car* – ‘два подростка-бабуина, возящиеся под музыку в припаркованной машине’ (пер. И. Русецкого), где прямой субъект отражает животное, а переносный субъект подразумевает людей.

В нашей работе мы анализируем образные метафоры из двух известных романов-антиутопий О. Хаксли, который, по общему признанию, является одним из наиболее ярких англоязычных представителей рассматриваемого литературного жанра. Выбор вышеуказанных произведений обусловлен также тем, что представляется возможным использовать диахронический параметр в нашем исследовании, так как роман «О дивный новый мир» является довоенным, будучи написанным до второй мировой войны (1931 г.). Роман «Обезьяна и сущность» написан после второй мировой войны (1948 г.).

В качестве материала исследования были использованы образные метафоры из романов-антиутопий О. Хаксли «О дивный новый мир» (шестьдесят одна образная метафора) и «Обезьяна и сущность» (семьдесят шесть образных метафор).

В качестве объекта исследования в настоящей статье анализируется семантическое пространство образной метафоры, под которым понимается определенный набор диагностических семантических признаков, организованных в определенную структуру [3, с. 176]. Следовательно, одним из наиболее важных компонентов семантического пространства являются семантические признаки, представляющие собой структурные компоненты его.

В настоящем исследовании были использованы следующие методы, соотносящиеся с основными задачами: *компонентный анализ*, который позволяет выделить диагностические семантические признаки образных метафор; *частотный анализ*, определяющий степень статистической релевантности каждого семантического признака в процентах; метод *оппозиций*, используемый для выделения контрастных характеристик в рамках семантического пространства; *компаративный анализ*, позволяющий установить отличительные характеристики каждого семантического пространства, а также соотнести статистические результаты с некоторыми аспектами сюжетных линий романов [4, с. 91].

В рамках первой задачи, при помощи компонентного анализа, были выделены 12 семантических признаков. Выделенные семантические признаки были организованы в 5 семантических планов (категориальный, антропологический, социальный, натуралистический и онтологический). Под *семантическим планом* мы понимаем обобщенные семантические категории, в рамках которых объединяется как минимум два антонимичных семантических признака.

Рассмотрим семантические признаки категориального плана [5, с. 210]:

I. *Категориальный план* включает в себя семантические признаки, соотносящие ядро метафоры с одной из четырех знаменательных частей речи: существительным, прилагательным, глаголом или наречием [6, с. 10]. Следовательно, данный план представлен следующими четырьмя семантическими признаками:

1) *субстантивный* – обозначает предмет, абстрактное понятие, процесс, качество и соотносится с существительным. Например: *Curiously, the chiming of the hour seemed to have put new heart into him;*

2) *адъективный* – представляет собой признак субстанции и соотносится с прилагательным. Например: She has a *milk-whiteface*;

3) *вербальный* – указывает на действие, процесс, соотносящийся с глаголом. Например: ...flesh would be *subordinated* to iron. ...;

4) *адвербальный* – обозначает признак признака, выражаемый наречием. Например: a *technically* perfect (view).

II. Семантические признаки некатегориальных планов представляют более конкретные семантические характеристики. Выделяем 4 некатегориальных плана: антропологический, социальный, натуралистический и онтологический.

1) Антропологический план – представляет различные физические, психические качества человека. Данный план включает следующие семантические признаки:

1) *антропо-соматический* – представляет физические характеристики человека. Например: He was smiling with all his *teeth*;

2) *антропо-ментальный* – указывает на ментальные и психические характеристики человека. Например: *vile* wind.

2) Социальный план – отображает характеристики социальных групп, продукты социальной деятельности и включает следующие признаки:

1) *социо-личностный* – представляет различные социальные группы, такие как члены семьи, профессиональные сообщества, политические объединения и др. Например: «*Big Brother is watching you*», the caption beneath it ran;

2) *социо-неличностный* – отображает материальные аспекты социального бытия человека: продукты профессиональной деятельности и т. д. Например: *ruins* of history.

3) Натуралистический план – представляет явления природы. Включает следующие признаки:

1) *натуро-биогенный* – выявляет явления живой природы. Например: ...*tired-looking* vegetables;

2) *натуро-абиогенный* – коррелирует с явлениями неживой природы. Например: *boiling* sand (о человеке).

4) Онтологический план – отражает разнообразные аспекты бытия. Включает признаки:

1) *онто-материальный* – выявляет наиболее обобщенные характеристики материи: форма, цвет, вес, температура. Например: *hot* tears;

2) *онто-нематериальный* – отражает характеристики нематериального мира: качества предметов или явлений, религиозно-магические образы и т. д. Например: The half-pleasant *quality* went out of his meditations.

Всего мы выделяем двенадцать семантических признаков. Однако напомним, что семантические признаки соотносятся с прямым и с переносным субъектами, что увеличивает общее количество семантических признаков до двадцати четырех.

Следующая задача заключается в выявлении количественных характеристик семантического пространства образных метафор за счет использования метода частотного анализа, который позволяет определить степень релевантности каждого признака в рамках отдельного лингвистического плана в процентах [7, с. 150].

Применение данного метода опирается на понятие *статистической релевантности*. Для установления последней используется следующий алгоритм [5, с. 220]:

1. *Параметр статистической релевантности*. Первоначально мы приняли общее количество метафорических единиц за 100%. Далее был установлен средний процентный показатель путем деления ста процентов на количество семантических признаков определенного плана. Разница между количественными показателями зависит от типа семантического плана. Для категориального плана пороговая величина равна 25%, так как общее количество признаков плана – четыре, а для бинарных некатегориальных планов порог равен 50%, так как количество признаков плана равно двум. Вероятность того, что оба признака составят ровно половину, является относительно невысокой, поэтому мы будем признавать статистически релевантными признаки, разница между процентными показателями которых составляет десять процентов и менее. Таким образом, выделяются статистически релевантные признаки, у которых процентный показатель выше порогового относительно каждого плана.

Следующая задача состоит в установлении контрастных характеристик в рамках семантического пространства за счет применения *метода оппозиций*. В нашей работе под *оппозицией* мы понимаем статистические отличия между семантическими признаками, когда один из одноплановых признаков является релевантным, а другой – нерелевантным. Если оба семантических признака являются релевантными или нерелевантными, то оппозиция отсутствует. Оппозиции делятся на два типа: *моносубъектные* и *бисубъектные*. Под *моносубъектными* оппозициями понимаем оппозиции, когда имеют место один релевантный и один нерелевантный признаки, относящиеся к одному и тому же субъекту метафоры (прямому или переносному). Под *бисубъектными* оппозициями мы подразумеваем оппози-

ции по прямому и переносному субъекту относительно каждого семантического признака.

Рассмотрим по вышеуказанному алгоритму семантические характеристики образных метафор в романах О. Хаксли «О дивный новый мир» и «Обезьяна и сущность».

Проведем анализ семантических признаков категориального плана вышеупомянутых романов-антиутопий (см. табл. 1):

Таблица 1

Частотные характеристики семантических признаков категориального плана романов-антиутопий О. Хаксли «О дивный новый мир» и «Обезьяна и сущность»

	КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ ПЛАН				
	Суб-стант. признак	Адъ-ект. признак	Вер-бальн. признак	Адвер-бальн. признак	
«О дивный новый мир»	Пр. субъект	39,34	52,45	4,91	3,27
	Пер. субъект	40,98	50,81	4,91	3,27
	КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ ПЛАН				
	Суб-стант. признак	Адъ-ект. признак	Вер-бальн. признак	Адвер-бальн. признак	
«Обезьяна и сущность»	Пр. субъект	68,42	17,10	13,15	1,31
	Пер. субъект	68,42	17,10	13,15	1,31

1. Параметр статистической релевантности. В рамках категориального плана пороговая величина статистической релевантности равна 25%. Далее мы выделяем релевантные и нерелевантные признаки как на уровне прямого, так и переносного субъектов. Так, в романе «О дивный новый мир» относительно обоих субъектов мы выявили два релевантных признака (субстантивный и адъективный) и два нерелевантных признака (вербальный и адвербальный). Более репрезентативным среди релевантных признаков является адъективный относительно прямого и переносного субъектов. Разница в процентных показателях между релевантными и нерелевантными признаками относительно невысока: около 13% между релевантными признаками и около 2% между нерелевантными.

В качестве примера по релевантным признакам приведем следующую образную метафору: *A troop of newly arrived students, very young, pink and callow, followed nervously, rather abjectly, at the Director's heels* [8] (здесь и далее разрядка наша – *Н. Д., А. С.*) – ‘По пятам за Директором робко и не без подобоострастия следовала стайка новоприбывших студентов, юных, розовых и неоперившихся’ (пер. О. Сороки). Данная образная метафора представлена субстантивным признаком как на уровне прямого, так и переносного субъектов.

Еще одним примером является метафора: *Small hands reached out uncertainly, touched, grasped, unpetaling the transfigured roses, crumpling the illuminated pages of the books* [Там же] – ‘Ручонки протянулись неуверенно, дотронулись, схватили, обрывая лепестки преобразенных солнцем роз, комкая цветистые картинки’ (пер. О. Сороки). В данной метафоре прямой субъект и переносный субъект метафоры выражены адъективным признаком.

В романе «Обезьяна и сущность» в количественных показателях мы наблюдаем полное совпадение показателей между прямым и переносным субъектами. Выделяется один релевантный признак (субстантивный) и три нерелевантных (адъективный, вербальный и адвербальный). Вышеуказанные данные относятся к обоим субъектам метафоры. Количественная разница между нерелевантными признаками (адъективным и вербальным) является небольшой и составляет менее 4%, тогда как разрыв между вербальным и адвербальным признаком является существенным (более чем в десять раз).

В качестве примера представлена следующая образная метафора: *These wretched slaves of wheels and ledgers began to congratulate themselves on being the Conquerors of Nature* [9] – ‘Эти жалкие рабы колес и гроссбухов начали поздравлять себя с тем, что они победители природы’ (пер. И. Русецкого). Метафора *slaves of wheels* является существительным и, следовательно, представляет собой субстантивный признак как относительно прямого, так и переносного субъекта.

Следовательно, в романе «О дивный новый мир» наблюдается более симметричная в количественном отношении система относительно категориального плана, так как присутствуют два релевантных и два нерелевантных семантических признака. В романе «Обезьяна и сущность» в целом имеет место асимметричная система (один релевантный и три нерелевантных признака).

2. *Параметр оппозиций.* На следующем этапе анализа мы устанавливаем моносубъектные оппозиции относительно прямого и переносного субъектов. В романе «О дивный новый мир» всего выделяется восемь оппозиций. Все оппозиции являются моносубъектными, так как они наблюдаются отдельно по прямому и отдельно по переносному субъекту. Бисубъектные оппозиции отсутствуют.

Устанавливая моносубъектные оппозиции относительно прямого и переносного субъектов в романе «Обезьяна и сущность», мы отметили, что количество оппозиций равно шести (три оппозиции относительно прямого субъекта и три оппозиции относительно переносного субъекта). Бисубъектные оппозиции не наблюдаются.

Таким образом, в обоих романах выявляются только моносубъектные оппозиции.

Далее проводим сравнительную характеристику признаков некатегориальных планов, которые, как уже отмечалось, являются бинарными, то есть содержат по два признака. Таким образом, несмотря на то, что пороговая величина составляет 50%, мы расширили коридор релевантности, составляющий 10% между максимальным и минимальным показателями.

Далее проанализируем частотные характеристики семантических признаков антропологического плана (см. таблицу 2).

Таблица 2

Частотные характеристики семантических признаков антропологического плана романов «О дивный новый мир» и «Обезьяна и сущность»

		АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛАН	
		<i>Антропо-сомат. признак</i>	<i>Антропо-мент. признак</i>
«О дивный новый мир»	<i>Пр. субъект</i>	80,76	19,23
	<i>Пер. субъект</i>	83,33	16,66
		АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛАН	
		<i>Антропо-сомат. признак</i>	<i>Антропо-мент. признак</i>
«Обезьяна и сущность»	<i>Пр. субъект</i>	80,00	20,00
	<i>Пер. субъект</i>	51,85	48,14

1. *Параметр статистической релевантности.* Выделяются релевантные и нерелевантные признаки как на уровне прямого, так и перенос-

ного субъектов. В романе «О дивный новый мир» на уровне обоих типов субъектов выделяются антропо-соматический признак в качестве релевантного и антропо-ментальный в качестве нерелевантного. В количественном соотношении разница между признаками относительно прямого субъекта составляет около 63%, а относительно переносного – около 67%.

Следующая метафора иллюстрирует вышеуказанную информацию: *...he sprang to his feet and darted forward, his hand outstretched, smiling with all his teeth, effusive* [8] – ‘...он вскочил на ноги и бросился вперед, протянув руку, скаля зубы, экспансивно’ (пер. О. Сороки). В данной метафоре прямой субъект является антропо-соматическим, так как речь идет о зубах человека. Переносный субъект также является антропо-соматическим, так как подразумевает физическую характеристику человека.

В романе «Обезьяна и сущность» на уровне прямого субъекта антропо-соматический признак является релевантным, тогда как нерелевантным признаком является антропо-ментальный. Отметим, что разница между этими признаками составляет 60%. Относительно переносного субъекта оба семантических признака признаются релевантными, так как разница между ними составляет менее 4%.

Для примера приведем метафору: *In her cheeks the dimples emerge from the long hibernation of her sorrow* [9] – ‘На ее щеках пробуждаются ямочки от долгой спячки ее печали’ (пер. И. Русецкого). Данная метафора представляет антропо-соматический признак как относительно прямого, так и переносного субъектов в связи с тем, что речь идет о физической характеристике человека.

2. *Параметр оппозиций.* В романе «О дивный новый мир» выделяются две моносубъектные оппозиции. Бисубъектные оппозиции отсутствуют, так как относительно обоих субъектов антропо-соматический признак является релевантным, а антропо-ментальный – нерелевантным.

В романе «Обезьяна и сущность» выделяется одна моносубъектная оппозиция на уровне прямого субъекта. По переносному субъекту моносубъектная оппозиция отсутствует. Выделяется одна бисубъектная оппозиция по антропо-ментальному признаку, так как на уровне прямого субъекта данный признак является нерелевантным, а на уровне переносного – релевантным. Признак антропо-соматический является релевантным относительно обоих субъектов.

Следовательно, можно отметить, что роман «О дивный новый мир» является более симметричным относительно данного плана, поскольку

наблюдаются только моносубъектные оппозиции.

Следующим этапом мы анализируем социальный план романа «О дивный новый мир» (см. табл. 3):

Таблица 3

Частотные характеристики семантических признаков социального плана романов «О дивный новый мир» и «Обезьяна и сущность»

«О дивный новый мир»		СОЦИАЛЬНЫЙ ПЛАН	
		Социо-личн. признак	Социо-неличн. признак
	<i>Пр. субъект</i>	58,33	41,66
	<i>Пер. субъект</i>	50,00	50,00
«Обезьяна и сущность»		СОЦИАЛЬНЫЙ ПЛАН	
		Социо-личн. признак	Социо-неличн. признак
	<i>Пр. субъект</i>	53,65	46,34
	<i>Пер. субъект</i>	71,42	28,57

1. *Параметр статистической релевантности.* В романе «О дивный новый мир» выделяются разные релевантные и нерелевантные признаки. Так, например, на уровне прямого субъекта релевантный признак социо-личностный, а нерелевантный – социо-неличностный. На уровне переносного субъекта признаки социо-личностный и социо-неличностный являются релевантными.

Для примера приведем метафору: «That's a charming little group», he said [8] – «Это очаровательная маленькая парочка», – сказал он» (пер. О. Сороки). Относительно прямого субъекта данная метафора представлена социо-личностным признаком, так как речь идет о нескольких людях (паре). Относительно переносного субъекта метафора *charming little group* также представляет социо-личностный признак, так как идет речь о социальной группе.

В романе «Обезьяна и сущность» оба признака (социо-личностный и социо-неличностный) являются релевантными. Разница в количественных показателях составляет 7,3%. Относительно переносного субъекта выделяются как релевантный (социо-личностный признак), так и нерелевантный (социо-неличностный) признаки. Разница между количественными показателями составляет около 43%.

Еще одним примером является метафора: Lady Hamilton at sixteen sounded as though

she were about eleven [9] – ‘Шестнадцатилетняя леди Гамильтон говорила так, словно ей было около одиннадцати’ (пер. И. Русецкого). В данной метафоре оба субъекта (прямой и переносный) представляют социо-личностный признак, так как речь идет о человеке как представителе социальной группы.

2. *Параметр оппозиций.* В романе «О дивный новый мир» выделяются одна моносубъектная оппозиция на уровне прямого субъекта и одна бисубъектная оппозиция по социо-неличностному признаку.

В романе «Обезьяна и сущность» наблюдаются одна моносубъектная оппозиция относительно переносного субъекта и одна бисубъектная оппозиция по социо-неличностному признаку.

Таким образом, делаем вывод, что оба романа на уровне социального плана являются одинаково симметричными, так как в них имеют место как моносубъектные, так и бисубъектные оппозиции.

Следующим этапом является проведение анализа семантических признаков натуралистического плана романов «О дивный новый мир» и «Обезьяна и сущность» (см. табл. 4):

Таблица 4

Частотные характеристики семантических признаков натуралистического плана романов «О дивный новый мир» и «Обезьяна и сущность»

«О дивный новый мир»		НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЙ ПЛАН	
		Натуро-биог. признак	Натуро-абиог. признак
	<i>Пр. субъект</i>	56,25	18,18
	<i>Пер. субъект</i>	0,00	100,00
«Обезьяна и сущность»		НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЙ ПЛАН	
		Натуро-биог. признак	Натуро-абиог. признак
	<i>Пр. субъект</i>	73,68	26,31
	<i>Пер. субъект</i>	66,66	33,33

1. *Параметр статистической релевантности.* В романе «О дивный новый мир» на уровне прямого субъекта натуро-биогенный признак выделяется в качестве релевантного, а натуро-абиогенный признак – в качестве нерелевантного. Относительно прямого субъекта в количест-

Таблица 5

Частотные характеристики семантических признаков онтологического плана романов «О дивный новый мир» и «Обезьяна и сущность»

«О дивный новый мир»		ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛАН	
		Онто-матер. признак	Онто-нематер. признак
	Пр. субъект	66,66	33,33
	Пер. субъект	25,00	75,00
«Обезьяна и сущность»		ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛАН	
		Онто-матер. признак	Онто-нематер. признак
	Пр. субъект	63,63	36,36
	Пер. субъект	77,77	22,22

венном соотношении мы наблюдаем разницу в 38%. Относительно переносного субъекта натуро-биогенный признак отсутствует полностью, и все 100% характеризуют натуро-абиогенный признак.

Следующая метафора иллюстрирует вышеуказанную информацию: *The Mesa was like a ship becalmed in a strait of lion-coloured dust* [8]. – ‘Меса была как заштилевший корабль среди моря пыли львиной окраски’ (пер. О. Сороки). Переносный субъект является натуро-абиогенным, так как речь идет о явлении неживой природы (*dust*).

В романе «Обезьяна и сущность» на уровне прямого и переносного субъектов выделяются одинаковые релевантные и нерелевантные признаки. Релевантным признаком является натуро-биогенный, а нерелевантным – натуро-абиогенный. Разница между признаками прямого субъекта равна 47%, а между признаками переносного субъекта – 33,33%.

Например: *The leech's kiss, the squid's embrace, The prurient ape's defiling touch* [9] – ‘Пиявки лобзания, объятия кальмара, оскверняющее прикосновение похотливой обезьяны’ (пер. И. Русецкого). Вышеупомянутая метафора по прямому субъекту указывает на натуро-биогенный признак, так как лексема *leech* представляет явление живой природы.

2. *Параметр оппозиций*. В романе «О дивный новый мир» выделяются 4 оппозиции. Среди них 1 моносубъектная оппозиция на уровне прямого субъекта и 1 моносубъектная оппозиция на уровне переносного субъекта. Имеют место 2 бисубъектные оппозиции (одна по натуро-биогенному признаку и одна по натуро-абиогенному признаку).

В романе «Обезьяна и сущность» выделяются две моносубъектные оппозиции. Бисубъектные оппозиции отсутствуют.

Следовательно, в романе «О дивный новый мир» выделяются как моносубъектные, так и бисубъектные оппозиции. В романе «Обезьяна и сущность» наблюдаем только моносубъектные оппозиции.

Далее анализируем признаки онтологического плана вышеупомянутых романов-антиутопий (см. табл. 5):

1. *Параметр статистической релевантности*. В романе «О дивный новый мир» на уровне прямого субъекта онто-материальный признак является релевантным, а онто-нематериальный – нерелевантным. Относительно прямого субъекта в количественном соотношении мы наблюдаем разницу в 33,33%. Относительно переносного субъекта в качестве релевантного признака выделяется онто-нематериальный, а нерелевантного – онто-материальный. Количественная разница составляет 50%.

Примером служит следующая метафора: *The happiest times were when she told him about the Other Place* [8] – ‘Сладчайшей отрадой было, когда она рассказывала ему о Загородном мире’ (пер. О. Сороки). В данной метафоре переносный субъект является онто-нематериальным, так как речь идет об абстрактном понятии.

В произведении «Обезьяна и сущность» на уровне прямого и переносного субъектов обнаруживаются один релевантный и один нерелевантный признаки. Так, например, релевантным признаком является онто-материальный, а нерелевантным онто-нематериальный. На уровне прямого субъекта разница в количественном соотношении составляет 27%, на уровне переносного субъекта – 55,55 %.

Для примера приведем метафору: *There is a little click, then a long silence which is broken at last by the voice of the Narrator* [9] – ‘Раздается негромкий щелчок, затем наступает дол-

гое молчание, которое, наконец, нарушается голосом рассказчика' (пер. И. Русецкого). Данная метафора как по прямому, так и по переносному субъекту является онто-материальной. Относительно прямого субъекта лексема *little* указывает на размер. Относительно переносного субъекта описывается звук.

2. *Параметр оппозиций*. В романе «О дивный новый мир» мы наблюдаем 4 оппозиции. Среди них 2 моносубъектные и 2 бисубъектные оппозиции.

В романе «Обезьяна и сущность» выделяются две моносубъектные оппозиции: одна оппозиция относительно прямого субъекта и одна оппозиция относительно переносного субъекта. Бисубъектные оппозиции отсутствуют.

Следовательно, в романе «О дивный новый мир» выявляется наибольшее количество оппозиций и имеют место моносубъектные и бисубъектные оппозиции. В романе «Обезьяна и сущность» выделяем только моносубъектные оппозиции.

Следующая задача, как уже отмечалось, заключается в проведении компаративного анализа семантических пространств исследуемых произведений. Проведя количественный анализ семантических признаков образных метафор вышеуказанных романов, мы выявили, что в рамках категориального плана в романе «О дивный новый мир» присутствуют восемь оппозиций, тогда как в романе «Обезьяна и сущность» – шесть оппозиций.

Среди признаков некатегориальных планов в романе «О дивный новый мир» наибольшей дифференциальной маркированностью обладают натуралистический и онтологический планы, так как они содержат наибольшее количество оппозиций (4). Можно отметить, что в пределах антропологического плана выделяются только моносубъектные оппозиции, тогда как в рамках социального, натуралистического и онтологического планов, помимо моносубъектных, имеют место бисубъектные оппозиции.

В романе «Обезьяна и сущность» относительно всех семантических планов выявляются две оппозиции. Но мы можем отметить, что в рамках антропологического и социального планов наблюдается по одной моносубъектной и бисубъектной оппозиции, тогда как относительно двух других планов (натуралистического и онтологического) устанавливаются только моносубъектные оппозиции.

Завершающей задачей исследования является соотнесение вышеуказанных статистически релевантных отличий между романами с их сюжетными линиями.

Рассмотрим сходства и отличия по критерию *статистической релевантности*.

Следует отметить, что категориальный и онтологический некатегориальный планы являются наиболее обобщенными, поэтому достаточно сложно найти прямые сюжетные параллели, связанные с ними. Таким образом, сосредоточим свое внимание на признаках антропологического, социального и натуралистического некатегориальных планов.

Как упоминалось ранее, метафора содержит прямой и переносный субъекты. Однако более релевантным субъектом метафоры является переносный субъект. Следовательно, все сюжетные параллели будут рассматриваться по переносному субъекту.

Относительно семантических признаков антропологического плана наблюдаются отличия между рассматриваемыми романами. В романе «О дивный новый мир» только антропосоматический признак является релевантным, что является, по-видимому, отражением в сюжете гедонестической установки общества: приветствуемая сексуальная свобода, легализованные наркотики (сома) и т. д.

В романе «Обезьяна и сущность» оба признака рассматриваемого плана (антропосоматический и антропо-ментальный) являются релевантными. В данном случае статистически релевантный соматический аспект отражает, по нашему мнению, негативное влияние мировой атомной войны в постапокалиптическом обществе на телесное состояние человека (многочисленные соматические мутации, количество которых увеличивается от поколения к поколению, что в конечном счете подразумевает исчезновение человека как биологического вида). Статистически релевантный антропо-ментальный признак представляет тот факт, что вся идеологическая жизнь общества сводится к псевдорелигиозным установкам, подразумевая обращение к дьяволу (Велиалу).

В романе «О дивный новый мир» оба семантических признака (социо-личностный и соционеличностный) признаны релевантными в рамках социального плана. Статистическая релевантность социо-неличностного признака, по нашему мнению, указывает на то, что в романе большую роль играют продукты человеческой деятельности: именно продукты технического прогресса и их потребление являются единственным критерием благосостояния как общества в целом, так и отдельных его членов. Выделение социо-личностного признака в качестве статистически релевантного, по-видимому, отражает очень жесткую и максимально дифференциро-

ванную социальную иерархию. Практикуется искусственное деторождение, когда на уровне выращивания эмбриона в пробирке, чуть ли не на молекулярном уровне, «программируется» принадлежность человека к одной из пяти «каст» (альфа, бета, гамма, дельта и эпсилон). Переход из одной касты в другую невозможен. Жизнедеятельность представителей каждой касты строго регламентирована.

В романе «Обезьяна и сущность» статистически релевантным признаком на уровне переносного субъекта является только социальный, что, с нашей точки зрения, отражает социальную структуру постапокалиптического общества. С одной стороны, после атомной войны сохранившееся общество стало примитивным: наиболее привилегированным социальным слоем являются «священнослужители», поклоняющиеся Велиалу (подобно тому, как в древних сообществах выделялись жрецы). С другой стороны, отдельная личность не имела никакой возможности изменить свой социальный статус и находилась в полной власти представителей вышестоящих социальных слоев.

На уровне натуралистического плана мы отмечаем, что в романе «О дивный новый мир» релевантным признаком является только натуробиогенный, что, по нашему мнению, отображает тот факт, что источником материальных благ является технический прогресс, а не живая природа.

В романе «Обезьяна и сущность» релевантным признаком является только натуробиогенный, так как, по-видимому, научно-технический прогресс пришел в полный упадок после атомного апокалипсиса и единственным источником физического выживания человека являются ресурсы живой природы, какими бы скудными они не были.

В заключение отметим, что сюжет романа «О дивный новый мир» выявляет гораздо меньшую степень апокалиптичности по сравнению с сюжетом романа «Обезьяна и сущность»: во втором романе, в отличие от первого, ставится вопрос о перспективе физического выживания человечества как биологического вида. Данный факт может быть объяснен тем, что роман «О дивный новый мир» написан до второй мировой войны, а роман «Обезьяна и сущность» написан после второй мировой войны и создания атомного оружия. Следовательно, диахронический аспект в значительной степени влияет на семантическое пространство образной метафоры исследуемых произведений жанра романа-антиутопии.

Список источников

1. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1988. 1600 с.
2. Реформатский А. А. Введение в языковедение. Москва: Аспект Пресс, 2011. 536 с.
3. Сильницкий А. Г., Дедова Н. А. Анализ структуры семантического пространства образных метафор романа Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» // Известия Смоленского государственного университета // Ежеквартальный журнал № 4(56). Смоленск: Издательство СмолГУ, 2021. С. 174–188.
4. Дедова Н. А. Кластерный анализ семантических признаков образных метафор романа Дж. Оруэлла «1984» // Риторика – Лингвистика: межвузовский сборник научных статей. Вып. 15. Смоленск: Издательство СмолГУ, 2020. С. 90–98.
5. Дедова Н. А. Сравнительный анализ семантических характеристик образных метафор текста оригинала и текста-перевода романа Дж. Оруэлла «1984» // Известия Смоленского государственного университета // Ежеквартальный журнал № 2(42). Смоленск: Издательство СмолГУ, 2018. С. 218–229.
6. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка. М.: «Международные отношения», 1972. 289 с.
7. Сильницкий А. Г. Семантические характеристики полиситуативных экономических глаголов в английском языке // Известия Смоленского государственного университета. Смоленск: Издательство СмолГУ, 2012. №1(17). С. 148–157.
8. Hacksley O. Brave new world. URL: <https://avalonlibrary.net/ebooks/Aldous%20Huxley%20%20Brave%20New%20World.pdf> (дата обращения: 01.07.23)
9. Hacksley O. Ape and Assence. URL : https://www.researchgate.net/publication/279742662_Huxley's_Ape_and_Essence_and_Human_Manipulation (дата обращения: 01.07.23)

References

1. *Sovetskii entsiklopedicheskii slovar'* (1988) [Soviet Encyclopedic Dictionary]. Gl. red. A. M. Prokhorov. 4-e izd. 1600 p. Moscow, Sov. entsiklopediya. (In Russian)
2. Reformatskii, A. A. (2011). *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to Linguistics]. A. A. Reformatskii. 536 p. Moscow, Aspekt Press. (In Russian)
3. Sil'nitskii, A. G., Dedova, N. A. (2021). *Analiz struktury semanticheskogo prostranstva obraznykh metafor romana R. Bredberi "451 gradus po Farengaitu"* [The Analysis of the Image-Metaphor Semantic Field Structure in R. Bradbury's Novel "Fahrenheit 451"]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. Ezhekvartal'nyi zhurnal* No. 4(56), pp. 174–188. Smolensk, izdatel'stvo SmolGu. (In Russian)
4. Dedova, N. A. (2020). *Klasternyi analiz semanticheskikh priznakov obraznykh metafor romana Dzh. Oruella "1984"* [The Cluster Analysis of Image-Metaphors Semantic Characteristics in the Novel by

George Orwell “1984”]. *Ritorika – Lingvistika: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh statei*. Вып. 15, pp. 90–98. Smolensk, izdatel'stvo SmolGu. (In Russian)

5. Dedova, N. A. (2018). *Sravnitel'nyi analiz semanticheskikh kharakteristik obraznykh metafor teksta originala i teksta-perevoda romana Dzh. Oruella “1984”* [The Comparative Analysis of Image-Metaphors Semantic Characteristics in the Source Text and the Target Text of the Novel by G. Orwell “1984”]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. Ezhekvertal'nyj zhurnal* No. 2(42), pp. 218–229. Smolensk, izdatel'stvo SmolGu. (In Russian)

6. Kunin, A. V. (1972). *Frazeologiya sovremenno angliiskogo yazyka* [Phraseology of Modern English]. A. V. Kunin. 289 p. Moscow, “Mezhdunarodnye otnosheniya”. (In Russian)

7. Sil'nitskii, A. G. (2012). *Semanticheskie kharakteristiki polisituativnykh ekonomicheskikh glagolov v angliiskom yazyke* [Semantic Characteristics of Polysituational Economic Verbs in English]. A. G. Sil'nitskii. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1(17), pp.148–157. Smolensk, izdatel'stvo SmolGu. (In Russian)

8. Huxley, A. *Brave New World*. URL: <https://avalonlibrary.net/ebooks/Aldous%20Huxley%20%20Brave%20New%20World.pdf> (accessed: 01.07.23). (In English)

9. Huxley, A. *Ape and Essence*. URL: https://www.researchgate.net/publication/279742662_Huxley's_Ape_and_Essence_and_Human_Manipulation (accessed: 01.07.23). (In English)

The article was submitted on 22.06.2023

Поступила в редакцию 22.06.2023

Дедова Наталья Александровна,
аспирант,
Смоленский государственный университет,
214000, Россия, Смоленск,
Пржевальского, 4.
pshenjannikvanatali23@gmail.com

Сильницкий Антон Георгиевич,
доктор филологических наук,
доцент,
Смоленский государственный университет,
214000, Россия, Смоленск,
Пржевальского, 4.
anton-silnitsky@mail.ru

Dedova Natalia Aleksandrovna,
graduate student,
Smolensk State University,
4 Przheval'skogo Str.,
Smolensk, 214000, Russian Federation.
pshenjannikvanatali23@gmail.com

Silnitsky Anton Georgievich,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Smolensk State University,
4 Przheval'skogo Str.,
Smolensk, 214000, Russian Federation.
anton-silnitsky@mail.ru

УДК 81

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-31-37

**ВОЗМОЖНОСТИ РЕГУЛЯРНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
В ПОЭЗИИ И. А. БРОДСКОГО
(НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ 1960–1970-Х ГГ.)**

© Татьяна Дмитриева

**POSSIBILITIES OF REGULAR WORD-FORMATION
IN THE POETRY OF JOSEPH BRODSKY
(BASED ON THE POEMS OF THE 1960S–1970S)**

Tatyana Dmitrieva

The article is devoted to regular word-formation in the fictional practice. The purpose of the work is to reveal the possibilities of the regular word-formation system based on the poetry of Joseph Brodsky. Within the framework of this study, we consider the concept of “productivity” and the approaches to differentiation between word-formation type and word-formation model definitions. We have formulated the meaning of the term “a word-formation category”. The article studies the structural and semantic aspects of regular derivatives: using the method of word-formation analysis, we have identified productive word-formation types for different parts of speech, actual categorical meanings and frequency morphemes. The article identifies stylistic features of specific morphemes and analyses the combination of different-style derivatives when the image and function of lexemes that implement different word-building types are created. In the corpus of regular derivatives, we reveal the productivity of “color” paradigms, which emphasizes their semantic importance for the poetic imagery of Joseph Brodsky. In the course of our study, we noted derivational lexemes of a different order – potential and occasional. Their basis is the usual system of language, which confirms the high potential of regular word formation for a poetic text. The article concludes that regular derivatives play an important role in constructing poetic imagery.

Keywords: regular word-formation, word-formation type, productivity, morpheme

Статья посвящена регулярному словообразованию в художественной практике. Цель работы – на материале поэзии И. А. Бродского выявить возможности регулярной словообразовательной системы. В рамках данного исследования рассмотрены понятие «продуктивности», подходы к дифференциации определений словообразовательного типа и словообразовательной модели. Автором статьи сформулировано значение термина «словообразовательная категория». В результате изучены структурные и семантические стороны регулярных дериватов: с помощью метода словообразовательного анализа обозначены продуктивные словообразовательные типы для разных частей речи, актуальные категориальные значения и частотные морфемы. Обозначены стилистические особенности конкретных морфем. Проанализированы сочетания разностилевых дериватов при создании образа и функции лексем, реализующих разные словообразовательные типы. В корпусе регулярных дериватов выявлена продуктивность «цветовых» парадигм, что подчеркивает их семантическую важность для поэтической образности И. А. Бродского. В ходе исследования автор отмечает лексемы иного порядка с точки зрения словообразования – потенциальные и окказиональные. Базой для них служит узуальная система языка, что подтверждает высокий потенциал регулярного словообразования для поэтического текста. Сделан вывод о роли регулярных дериватов как о важных средствах построения поэтической образности.

Ключевые слова: регулярное словообразование, словообразовательный тип, продуктивность, морфема

Для цитирования: Дмитриева Т.В. Возможности регулярного словообразования в поэзии И. А. Бродского (на материале стихотворений 1960–1970-х гг.) // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 31–37. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-31-37

Регулярное словообразование представляет «повторяемость формальных и семантических отношений словообразовательно соотносимых слов» [1]. Например, проявление регулярного словообразования прослеживается при употреблении агентивов женского пола: *студентка, аспирантка, артистка, фигуристка* и т. д. К регулярным словообразовательным средствам также относятся те, которые по аналогии с «грамматической периферией» [2, с. 13] находятся на периферии словообразовательной. Например, суффикс *-ин-* при обозначении видов мясной продукции утратил регулярность, но в рамках литературного языка существуют производные с этим суффиксом, сохранившие четкую структуру: *баранина, свинина, говядина*.

Актуальность исследования продиктована интересом лингвистов к изучению возможностей регулярных деривационных процессов на примере разных практик, в частности художественных.

Цель работы – проанализировать возможности регулярного словообразования в поэтическом дискурсе. Задачи: выявить продуктивные словообразовательные типы и словообразовательные категории; обозначить регулярные способы образования слов и частотность конкретных морфем; проанализировать формальные и семантические характеристики окказиональных лексем, базой для которых служат регулярные деривационные процессы. Источником фактического материала стали сборники стихотворений И. А. Бродского 1960–1970-х гг. [3]. На данном этапе исследования методом сплошной выборки найдено 700 единиц, репрезентирующих особенности регулярного словообразования и 100 окказиональных единиц.

Методика анализа фактического материала строится на выявлении стандартного / окказионального в словообразовательной системе автора, рассмотрении словообразовательного типа, функции использованных лексем и созданного ими стилистического эффекта.

Для анализа регулярной словообразовательной системы важно понятие продуктивности, охватывающее «модели и конструкции, которые в языке той или иной эпохи служат образцом для построения новых слов и словоформ» [4, с. 217]. Явление продуктивности связано «с живыми процессами развития словарного состава языка, отражающими изменения в жизни общества, прогресс науки, техники, культуры» [5, с. 217]. Поэтические тексты, в свою очередь, позволяют отслеживать и устанавливать актуальные продуктивные деривационные типы в аспектах синхронии и диахронии.

С точки зрения продуктивности / непродуктивности могут быть охарактеризованы разные словообразовательные единицы: морфемы, способы образования слов, производящие основы и т. д. Но для описания словообразовательной системы наиболее масштабным является понятие словообразовательного типа, то есть «формулы строения производных слов» [Там же, с. 190]. Словообразовательный тип возникает на основе совпадения трех элементов: «1) части речи производящей основы; 2) семантического соотношения между производным и производящим; 3) общностью способа словообразования» [Там же]. Слова одного и того же словообразовательного типа могут иметь различные морфонологические особенности, базирующиеся на наличии/отсутствии: чередования фонем на морфемном шве; интерфиксации; усечении основы; интерференции [6, с. 192]. Внутри словообразовательного типа возможно также горизонтальное соотношение «частных семантических сфер <...> и в межтиповом пространстве в период какой-либо условной временной константы, так и по „вертикали“, то есть на оси действительного времени» [7, с. 31].

Продуктивность словообразовательного типа бывает двух видов: эмпирическая и системная. «Эмпирической продуктивностью обладает словообразовательный тип, по образцу которого в языке определенной эпохи производятся новые слова <...> эмпирическая продуктивность – понятие диахронического словообразования <...> зависит <...> от общественных потребностей в производстве слов определенного типа» [5, с. 218]. «Системная продуктивность типа зависит от ограничений разного рода, налагаемых системой языка и регулирующих производство слов данного типа <...> системная продуктивность – понятие синхронного словообразования <...> зависит от внутриязыковых факторов» [Там же].

Наравне с понятием «словообразовательный тип» существует понятие «словообразовательная модель». При дифференциации терминов возможны несколько подходов: 1) словообразовательный тип входит в словообразовательную модель [8], [9]; 2) словообразовательная модель – более узкое понятие и входит в словообразовательный тип, то есть представляет морфонологическую разновидность [5]; 3) тождественность терминов [10]. В данной работе мы будем придерживаться третьего подхода.

В связи с анализом понятия «словообразовательный тип» рассмотрим понятие словообразовательной категории.

Словообразовательными категориями (СК) называют «слова с разными формантами, но то-

ждественными формантными частями значений, мотивированные словами одной и той же части речи» [5, с. 190]. То есть важным критерием при определении словообразовательной категории становится принадлежность к определенной части речи. Но возможен и другой подход, при котором на первый план выходит содержательная сторона. СК «может представлять собой как обобщение производных по одному словообразовательному значению, <...> так и организацию по принципу оппозиции словообразовательных значений» [11, с. 33]. В данной статье под СК понимаются системно организованные словообразовательные единицы, обладающие общим деривационным значением, специфически выраженным с помощью определенных формантов.

Наравне с узуальными лексемами в поэтических текстах нередко сосуществуют окказионализмы – авторские лексемы, новые с точки зрения формы и содержания, актуальные для определенного контекста. Образование окказиональных единиц – результат воплощения языковых возможностей. Поэтому новые лексемы существуют, «как правило, лишь в определенном, породившем их контексте» [12, с. 238] и являются фактом речи [13, с. 15]. Они создаются с особой целью и не теряют экспрессивности. Причин для создания окказионализмов может быть несколько: необходимость в емком выражении мысли; потребность в оценке; разрушение привычного восприятия; сохранение ритма, рифмы.

В результате деривационного анализа на материале стихотворений И. А. Бродского выявлено доминирование словообразовательного стандарта.

В корпусе имен существительных продуктивность получает словообразовательный тип (СТ) с мотивирующей основой именем прилагательным со значением отвлеченного признака: *безнадежность, бренность, вечность, давность, данность, нежность, непорочность, одиночество* и др. Существительные на *-ость* имеют книжный характер, что объясняет их употребление у И. А. Бродского в стихотворениях с религиозными мотивами и образами: «...ты можешь // размышлять о **вечности** // и сомневаться в **непорочности** // идей, гипотез, восприятия // произведения искусства, // и – кстати – самого зачатия // Мадонной сына Иисуса» [3, с. 40] (здесь и далее выделено нами. – Т. Д.).

В стихотворениях иной направленности употребительны лексемы того же словообразовательного типа, но мотивирующая основа может обладать высокой степенью оценочности (*жестокость, тупость*).

Яркий пример использования СТ со значением отвлеченного признака – лексема *трупность*: «Впрочем, дело, должно быть, в // в трусости. // В страхе. В технической акта // трудности, // это – влияние грядущей **трупности**» [Там же, с. 219]. К окказионализмам мы не можем ее отнести, так как Национальный корпус русского языка фиксирует 4 случая употребления лексемы [14]. На наш взгляд, подобный пример является потенциальным словом, то есть тем, которое может быть образовано по языковой модели высокой продуктивности или уже возникшее по такой модели, но еще не вошедшее в язык [15, с. 318], потенциально существующее в пассивном запасе.

Другой пример демонстрирует использование узуальной модели для окказионального существительного: «Сохраняю твой лик, устремленный на миг в безнадежность, – ...за слепую твою **однодумность**» [3, с. 70], то есть упрямство, настойчивость.

Торжественный и одновременно сдержанный тон возникает при репрезентации религиозных мотивов с помощью продуктивных отглагольных существительных с суффиксами *-енин/-нин-*: *возвращение, забывание, искушение, озарение, прощание, страдание, сострадание* и др. Но в контексте стихотворений религиозной тематики лексема может быть инородным стилистическим элементом (*вращение*) или общеупотребительным (*ощущение, шуриание*).

Абстрактные существительные с суффиксами *-еств-/-ств-* не демонстрируют системность, так как используются разные мотивирующие основы – глаголы (*Рождество, родство, устройство*) или имена прилагательные (*меньшинство, одиночество*). Имена существительные названного словообразовательного типа встречаются в стихотворениях религиозной тематики, что объясняется их книжностью.

Продуктивны отглагольные агентивы с суффиксами *-ец-/-лец-/-енец-*, входящие, на наш взгляд, в один словообразовательный тип: *беженец, глупец, жилец, отщепенец, певец, пловец, пришлец*. Некоторые лексемы выпадают из общего ряда: *иностранец, мертвец* мотивированы прилагательным, сниженное *стервец* – от существительного «стерва».

Распространенные агентивы с суффиксом *-ник* не выстраиваются в единый словообразовательный тип из-за разности мотивирующих основ и способов образования. Например, *собеседник, собутыльник* мотивированы именем существительным, возникли присоединением приставки и суффикса. *Любовник* – от имени существительного, *наследник* – от глагола и др.

Отглагольные агентивы с суффиксом *-ник* используются в стихотворениях разной тематики и выполняют, на наш взгляд, как номинативную (общеупотребительные лексемы), так и оценочную функции (книжные и разговорные слова). Например: «*Ты и сам сирота, // отщепенец, стержец, вне закона*» [Там же, с. 40].

Словообразовательный тип со значением опредмеченного признака (*безразличие, безмолвие, бессмертие*) значителен с поэтической точки зрения, так как созданные на его основе лексемы способствуют передаче философских мотивов. Например: «*Бессмертия у смерти не прошу. // Испуганный, возлюбленный и нищий, – // но с каждым днем я прожитым дышу // уверенней и сладостней и чище...*» [Там же, с. 60]. Подобная картина наблюдается в словообразовательном типе с суффиксом *-изн-*: *белизна, голубизна, желтизна*. Названные лексемы визуализируют образы с «цветовой» семантикой, важной для поэтической системы И. А. Бродского. Для передачи света также важны существительные непродуктивного типа, но употребляемые в литературном языке – *краснота, синева, чернота*.

Продуктивны лексемы с суффиксами субъективной оценки. В большинстве контекстов они выполняют привычную функцию преуменьшения: «*Тоненькая струйка // всплывает к потолку...*» [Там же, с. 194]. Подобные – *кофточка, сестрица, крылышки* и т. д. Но в некоторых случаях уменьшительно-ласкательный суффикс передает авторскую иронию: «*Чувство ужаса // вещи не свойственно. Так что лужица // подле вещи не обнаружится, // даже если вещица при смерти*» [Там же, с. 221]. Или: «*...в мокром космосе злых корольков*» [Там же, с. 223]. Негативная оценка создается в следующих контекстах посредством суффиксов *-юг-* и *-j-*: «*Говоришь, что все наместники – ворюги?*» [Там же, с. 213]. «*Поодаль // два скованных между собой раба, // собравшиеся, видно, искупаться, // смеясь друг другу помогают снять // свое тряпье*» [Там же, с. 190]. В целом автор активно использует словообразовательные средства разговорной речи для усиления оценочности текста.

В стихотворениях И. А. Бродского продуктивен суффикс *-к-*. Он используется в словообразовательном типе – «основа имени существительного + суффикс *-к-*», который разделяется на подтипы в зависимости от категориального значения: 1) значение уменьшения (*дорожка, ранка, спинка, стрелка, ступенька*); 2) значение конкретности (*щербенка, шоколадка*); 3) обозначение лица женского пола (*блондинка, мексиканка, мулатка, официантка*). В значение многих лексем суффикс *-к-* привносит разговорный оттенок

(*стирка*), но гармония поэтического высказывания не разрушается – возникает стилистический контраст, акцентирующий внимание на нужных автору образах.

Употребительны субстантивные имена существительные при обозначении лиц (*бездомный, ближний, краснокожий, постовой, прохожий*) и наименовании предметов, явлений и т. д. (*мостовая, прихожая, прошлое*). Нередко используются существительные, образованные способом сложения: *белоголовка, кровообращение, кровоподтеки, небосвод, снегопад, фотоаппарат, фотоснимок*. Способ сложения используется также при создании окказионализмов, усиливающих оценочность: «*Тихотворение мое, мое немое...*» [Там же, с. 250]. «*Как эту борзопись, что гуще патоки, // там не размазывай...*» [Там же].

Активны отглагольные существительные с нулевой суффиксацией – *восход, дары, залив, перезвон, подарок*. В непродуктивных лексемах *разброд, разгром, поступь* нулевая суффиксация сочетается с присоединением приставки. Подобные существительные придают образности динамичность и лаконичность с точки зрения языка.

В корпусе имен прилагательных продуктивен префиксально-суффиксальный словообразовательный тип: *безвольный, бездумный, бескрайний, безмерный, безразличный, бессмертный*. Данные прилагательные усиливают оценочность, придают торжественность повествованию.

Широко используется способ сложения при образовании «цветовых» прилагательных – *белоглазый, белоголовый, белокаменный, белоснежный, красно-белый, черно-белый, черноголовый, чернокожий, черно-красный*, и др. Наблюдается проявление неполноты признака с помощью суффиксов *-оват/-еват-*: *красноватый, синеватый, темноватый*.

Словообразовательную многозначность демонстрирует формант *-ск-/-к-*. В процессе деривации реализуются разные категориальные значения: от общего, широкого – свойственный тому или относящийся к тому, что названо мотивирующей основой (*гражданский, имперский, людской, республиканский*), до частных. Например, *арбатский, городской, замоскворецкий, петроградский* – отношение к определенной территории. *Еврейский, индейский, мексиканский, французский* – к определенной нации, *рождественский, январский* – отношение к определенному времени.

В большей степени корпус имен прилагательных стилистически нейтрален, но наблюдаются разговорные элементы – потенциальное

формообразование сравнительной степени имен прилагательных (*лютей, неизбежней*). Наряду с ними автор создает и морфологические окказионализмы. Например, «Он раскинулся вниз по реке как нельзя *безбрежней*» [Там же, с. 236].

В рамках глагольной деривации продуктивны приставочные лексемы со значением начала действия (*взлететь, заговорить*) и результата (*отбелить, пробудить, проговорить, рассказать, скормить*). Также наблюдается продуктивность конфиксального способа образования с категориальным значением исчерпанности действия: *раздаваться, разжиться, расколоться, расползаться, растекаться*. Сема «исчерпанность действия» есть и у глаголов, мотивированных именами существительными и выражающих оценку, – *окостенеть, остолбенеть*. Глагольный словообразовательный тип с мотивирующим именем прилагательным доминирует в плане выражения цвета – *алеть, багроветь, белеть, зеленеть, краснеть, синеть, чернеть* и др.

В образовании глагольных лексем важно отметить продуктивность формообразования. Распространение получают действительные причастия настоящего времени – *нарастающий, наступаящий, принимающий* и т. д. Менее частотны действительные причастия прошедшего времени – *возникавший, изучавший, поредевший*. Активно используются страдательные причастия прошедшего времени – *выщербленный, заржавленный, затерянный, испуганный* и др. Высокая продуктивность причастия в поэтических текстах объясняется принадлежностью глагольной формы к книжной речи. И деепричастия не отстают по степени частотности. Распространены деепричастия как совершенного вида (*зажмурившись, качнувшись, обзаведясь, уставившись*), так и несовершенного (*закатывая, наблюдая, нацупывая*).

Интересен пример: «...обувь *скидая, спасаю ватаю...*». Национальный корпус русского языка фиксирует названную форму глагола в текстах XIX в. (самое раннее упоминание – 1813 г.), и начала XX в. (последнее упоминание – 1937 г.) [16]. Из-за употребления в других контекстах считать окказиональной лексему мы не можем. На наш взгляд, глагольную форму нужно классифицировать как устаревшую, разговорную, так как непосредственно глагол «скидать» фиксируется многими словарями как разговорная или просторечная лексема [17].

В стихотворениях И. А. Бродского встречается окказионализм, использованный В. Хлебниковым в стихотворении «Кузнечик»: «*Крылышкуя золотописьмом // Тончайших жил, // Кузнечик в кузов пуза уложил // Прибрежных много трав и*

вер» [18]. У И. А. Бродского: «*В имперский мягкий плюш // мы втискиваем зад, // и, крылышкуя скорописью ляжек, // красавица, с которую не ляжешь, // одним прыжком выпархивает в сад*» [3, с. 246]. Эффект неожиданности и новизны не пропадает, с точки зрения смысла лексема передает динамику создаваемых образов.

Важность «цветовой» семантики для И. А. Бродского подтверждается распространением «цветовых» парадигм – производных слов одной и той же ступени, непосредственно мотивированных одним и тем же словом [19, с. 59].

Крупную парадигму образует корневая морфема *бел-*. Продуктивность демонстрирует суффиксальный способ – *беленый, белесый, белеть, белойой, белок, белизна*. Также продуктивен способ сложения основ – *белоглазый, белоголовый, белоголовка, белокаменный, белокровие, белоснежный*. Распространена парадигма-антоним – *чернеть, черно-белый, черноголовый, чернокожий, черно-красный, чернявый*. И здесь применяются суффиксальный способ и сложение основ.

Наблюдаются «цветовые» парадигмы и с другими корневыми морфемами: с корнем *бледн-* (*бледнеть, бледность*); с корнями *снеж-* (*снежинка, снежный, снежок*) и *сед-* (*седеть, седина, седовласый*) и др.

Словообразовательное проявление семантики цвета визуализирует поэтические образы, повышает контрастность, передает особую картину мира.

Таким образом, возможности регулярного словообразования в поэзии И. А. Бродского реализованы очень масштабно. Наиболее продуктивный способ для имен существительных и прилагательных – суффиксация. Частотные мотивирующие основы – прилагательные, глаголы, имена существительные. Отглагольные существительные, благодаря сохранению процессуального значения, поддерживают динамичность повествовательной структуры. В семантику многих слов продуктивный суффикс *-к-* вносит разговорный оттенок, например *ранка, спинка, стирка*. Прилагательные в руках поэта становятся инструментом оценки и метафоризации. Через определенные аффиксы и префиксы глаголы демонстрируют значения градуальности, что, на наш взгляд, повышает оценочность текста.

С помощью регулярного словообразования репрезентируется книжная лексика. Например, абстрактные существительные (*безмолвие, брэнность, озарение*), причастия (*затерянный, неузнанный*). Также широко представлена экспрессивная лексика разговорного стиля (*ворюги, золотышко, тупость, тряпье*). Сочетание элемен-

тов разных стилей отражает особенность восприятия действительности автором: субъективный опыт сочетается с коллективным, ценностным началом.

Возможности регулярного словообразования формально реализуются через создание окказионализмов, корпус которых не многочисленный. Но новые лексемы способствуют эмоциональности и выразительности текста, созданию особой образности и картины мира.

Список источников

1. Грамматика-80. URL: <http://rusgram.narod.ru/191-207.html> (дата обращения: 16.09.2022).
2. Плуныян В. А. Грамматические категории, их аналоги и заместители: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1998. 49 с.
3. Бродский И. А. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. 880 с.
4. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Флинта: Наука, 2011. 324 с.
5. Малеева М. С. Суффиксальная словообразовательная модель: (На материале имен существительных с усеченной производящей основой современного русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1968. 19 с.
6. Немченко В. Н. Современный русский язык. М.: Высш. шк., 1984. 255 с.
7. Борисова Т. Г. Словообразовательный тип как микросистема // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovatelnyy-tip-kak-mikrosistema> (дата обращения: 16.09.2022).
8. Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 560 с.
9. Араева Л. А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема. Суффиксальные субстантивы. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. 223 с.
10. Зализняк А. М. Словообразовательные категории как одно из проявлений языковой асимметрии // Вopr. грамматической асимметрии. Ташкент: Изд-во ТашГУ, 1989. С. 30–35.
11. Улукханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М.: Наука, 1977. 256 с.
12. Намитокова Р. Ю. Авторские новообразования: структура и функционирование (на материале русской поэзии второй половины XX в.) Майкоп: изд-во АГУ, 2015. 359 с.
13. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 1992. 221 с.
14. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/s/en5RE> (дата обращения: 11.05.2023).
15. Ханпира Э. Н. Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования. М., 1972. С. 245–317.
16. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/s/bo2Z3> (дата обращения: 11.05.2023).

17. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения 11.05.2023).

18. Хлебников В. Кузнецик. URL: <https://www.culture.ru/poems/18160/kuznechik> (дата обращения: 11.05.2023).

19. Лопатин В. В. Словообразование как объект грамматического описания // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974. С. 47–60.

References

1. *Grammatika–80* [Grammar - 80]. URL: <http://rusgram.narod.ru/191-207.html> (accessed: 16.09.2022). (In Russian)
2. Plungyan, V. A. (1998). *Grammaticheskie kategorii, ikh analogi i zamestiteli: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Grammatical Categories, Their Analogues and Deputies: Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 49 p. (In Russian)
3. Brodskii, I. A. (2020). *Maloe sobranie sochinenii* [Small Collection of Works]. 880 p. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russian)
4. Zemskaya, E. A. (2011). *Sovremennyi russkii yazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian Language. Word-Formation]. 324 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)
5. Maleeva, M. S. (1968). *Suffiks'al'naya slovoobrazovatel'naya model': (Na materiale imen sushchestvitel'nykh s usechennoi proizvodiashechi osnovoi sovremennogo russkogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Suffixal Word-Formation Model: (Based on Nouns with a Truncated Generating Basis of the Modern Russian Language): Ph.D. Thesis Abstract]. Orel, 19 p. (In Russian)
6. Nemchenko, V. N. (1984). *Sovremennyi russkii yazyk* [Modern Russian Language]. 255 p. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russian)
7. Borisova, T. G. (2016). *Slovoobrazovatel'nyi tip kak mikrosistema. Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Word-Formation Type as a Microsystem. Humanitarian and Legal Research]. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovatelnyy-tip-kak-mikrosistema> (accessed: 16.09.2022). (In Russian)
8. Vinogradov, V. V. (1975). *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike* [Selected Works. Studies in Russian Grammar]. 560 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
9. Araeva, L. A. (1994). *Slovoobrazovatel'nyj tip kak semanticheskaya mikrosistema. Suffiks'al'nye substantivy* [Word-Formation Type as a Semantic Microsystem. Suffixal Substantives]. 223 p. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat. (In Russian)
10. Zaliznyak, A. M. (1989). *Slovoobrazovatel'nye kategorii kak odno iz proyavlenii yazykovoi asimmetrii. Vopr. grammaticheskoi asimmetrii* [Word-Formation Categories as One of the Manifestations of Linguistic Asymmetry. Issues of Grammatical Asymmetry]. Pp. 30–35. Tashkent, izdatel'stvo Tashkentского gosudarstvennogo universiteta. (In Russian)
11. Ulukhanov, I. S. (1977). *Slovoobrazovatel'naya semantika v russkom yazyke i printsipy ee opisaniya*

[Word-Formation Semantics in the Russian Language and the Principles of Its Description]. 256 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

12. Namitokova, R. Yu. (2015). *Avtorskie novoobrazovaniya: struktura i funktsionirovanie (na materiale russkoi poezii vtoroi poloviny XX v.)* [Authorial New Formations: Their Structure and Functions (Based on Russian Poetry of the Second Half of the Twentieth Century)]. 359 p. Maikop, izdatelstvo Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian)

13. Zemskaya, E. A. (1992). *Slovoobrazovanie kak dejatel'nost'* [Word-Formation as an Activity]. 221 p. Moscow. (In Russian)

14. NKRYa – *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/s/en5RE> (accessed: 11.05.2023). (In Russian)

15. Khanpira, E. N. (1972). *Okkazional'nye elementy v sovremennoi rechi. Stilisticheskie*

issledovaniya [Occasional Elements in Modern Speech. Stylistic Studies]. Pp. 245–317. Moscow. (In Russian)

16. NKRYa – *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/s/bo2Z3> (accessed: 11.05.2023). (In Russian)

17. Efremova, T. F. *Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (accessed: 11.05.2023). (In Russian)

18. Khlebnikov, V. *Kuznechik* [A Grasshopper]. URL: <https://www.culture.ru/poems/18160/kuznechi> (accessed: 11.05.2023). (In Russian)

19. Lopatin, V. V. (1974). *Slovoobrazovanie kak ob'ekt grammaticheskogo opisaniya. Grammaticheskoe opisaniye slavyanskikh yazykov* [Word-Formation as an Object of Grammatical Description. Grammar Description of Slavic Languages]. Pp. 47–60. Moscow. (In Russian)

The article was submitted on 19.06.2023
Поступила в редакцию 19.06.2023

Дмитриева Татьяна Валерьевна,
аспирант,
Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева,
443086, Россия, Самара,
Московское шоссе, 34.
tukmakovatatyana@yandex.ru

Dmitrieva Tatyana Valerievna,
graduate student,
Samara National Research University,
4 Moskovskoye Shosse,
Samara, 443086, Russian Federation.
tukmakovatatyana@yandex.ru

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-38-43

ГОРОСКОП В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ: ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

© Анастасия Мубаракшина

HOROSCOPE IN THE MEDIA SPACE: A LINGUOCOMMUNICATIVE ASPECT

Anastasia Mubarakshina

The article considers the phenomenon of horoscopic text relevant to modern linguistics in general and analyzes it as a type of speech genre in particular. The article argues that the horoscopic text, functioning in the media space, is a cluster integrative unit created under the influence of a number of extralinguistic factors, which is directly reflected both in the linguistic means used in horoscopes and in their structural organization. The ubiquitous digitalization of the information space causes a reduction of a predictive text's volume and brings it closer to media genres. The proof that the horoscope is a separate speech genre is the regular use of a certain set of speech acts in its texts, which make up the formula of the genre, while the range of relevant speech acts gets limited by this formula. As a result of our analysis of three hundred horoscope texts, we found that two types of a regularly used speech act can be distinguished in their structure, or two basic components of the media horoscope structure. The first component, implemented in a proposition, is represented by an assertive; the second part, perceived as a recommendation, is represented in the form of a directive of various types. We consider that assertives can be divided into informative and evaluative; directives are verbalized by means of prescriptive and motivational varieties, phraseoreflexions, promptings with a forecast, permissions and suggestions. Each type of a speech act is verbalized through a certain set of lexical and grammatical means of the language strengthening the communicative position of the author.

Keywords: horoscope text, media space, speech genre, speech act, directives, assertives

Статья посвящена рассмотрению интереснейшего для современной лингвистики феномена гороскопического текста в целом и анализу его как вида речевого жанра в частности. Утверждается, что гороскопический текст, функционирующий в медиапространстве, представляет собой кластерную интегративную единицу, создаваемую под влиянием ряда экстралингвистических факторов, что непосредственным образом находит свое отражение и на языковых средствах, используемых в гороскопах, и на его структурной организации. Повсеместная цифровизация информационного пространства обуславливает сокращение объема прогностического текста и сближает его с медийными жанрами. Доказательством того, что гороскоп является отдельным речевым жанром, является использование в его текстах определенного набора речевых актов на регулярной основе, которые составляют формулу жанра, при этом диапазон релевантных речевых актов становится ограничен данной формулой. В результате анализа трехсот гороскопических текстов было установлено, что в их структуре можно выделить два типа регулярно используемых речевого акта, или два базовых компонента структуры медиагороскопа. Первый компонент, реализуемый в пропозиции, представлен ассертивом; вторая часть, воспринимаемая как рекомендация, репрезентируется в виде различных типов директива. Ассертивы в данных текстах могут быть как информативные, так и оценочные; директивы вербализуются посредством прескриптивных, побудительных разновидностей, фразеорефлексов, побуждений с прогнозом, разрешений и суггестивов. Каждый тип речевых актов вербализуется посредством определенного набора лексико-грамматических средств языка, которые усиливают коммуникативную позицию автора.

Ключевые слова: гороскопический текст, медиапространство, речевой жанр, речевой акт, директив, ассертив

Для цитирования: Мубаракшина А. Гороскоп в медиапространстве: лингвокоммуникативный аспект // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №3 (73). С. 38–43. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-38-43

Многообразие сфер деятельности человека регламентирует использование конкретных единичных высказываний, которые мы, вслед за М. М. Бахтиным, понимаем как речевые жанры [1, с. 271], которые за время своего существования в конкретной сфере человеческой деятельности приобрели относительно устойчивые черты, связанные с тремя ключевыми аспектами: тематикой жанра, его стилистикой, проявляющейся в используемом наборе лексико-грамматических средств языка, а также его структурной организацией, или композиционным построением.

На наш взгляд, современный гороскопический текст теряет черты прогностического текста и правомерно претендует на статус автономного речевого жанра, сфера бытования которого ограничивается медиапространством, что в свою очередь диктует соответствующие требования к его формату и содержанию.

Под современным гороскопом релевантно понимать сложившийся под влиянием повсеместной цифровизации малоформатный текст, являющийся кластерной интегративной единицей и распространяемый преимущественно в медиапространстве в устной и письменной форме. Такого рода тексты отличаются сочетанием универсальных признаков художественных и публицистических текстов, вербализующих наставление на ближайшее будущее (чаще всего на день), при этом суггестивный потенциал подобных максимально обобщенных астропрогнозов интенсифицируется посредством реализации речевых тактик с использованием сложного набора лексико-семантических и синтактико-стилистических средств языка.

Нужно подчеркнуть, что гороскопический текст не тождествен термину «медiateкст» в силу своих характерных дифференциальных признаков, поскольку медiateкстами могут считаться любые тексты, в том числе и художественные произведения, опубликованные в глобальном информационном пространстве. В то же время нельзя приравнивать современный гороскопический текст к традиционным гороскопам, поскольку данные тексты основаны в большей степени не на астрологических расчетах, а на теории речевых жанров, что очевидно при анализе гороскопов, представленных в средствах массовой информации [2].

Возможность противопоставления традиционного жанра гороскопа и гороскопического текста, распространенного в медиапространстве, обусловлена многоуровневой структурой последнего, которая формируется под воздействием широкого диапазона экстралингвистических

факторов, таких как гендерный аспект (лев-мужчина, лев-женщина), соотнесение с социальной сферой (бизнес гороскоп, любовный гороскоп, гороскоп здоровья и т. д.), характер коммуникации (индивидуальный и массовый гороскоп), культурные и национальные особенности (Западный и Восточный гороскопы), возраст реципиентов и многих других. Учет этих факторов влечет за собой «обращение к когнитивным контекстам разного уровня сложности в виде различных систем знаний о мире» [3, с. 19].

Современный гороскопический текст в глобальном информационном пространстве – это описание типичной жизненной ситуации социального взаимодействия людей, следовательно, в фокусе внимания оказывается в том числе и социопрагматический аспект медиагороскопа. Нужно отметить, что в лингвистике разнятся мнения о том, что лежит в основе речевого жанра: текст или речевой акт. В этой связи мы склоняемся к утверждению А. Вежицкой о том, что каждый речевой жанр представляет собой набор речевых актов, в совокупности дающий конкретную относительно устойчивую и воспроизводимую формулу жанра, которая в дальнейшем и регламентирует выбор только релевантных для нее типов или видов речевых актов [4, с.101]. Этот постулат позволяет рассматривать гороскопический текст как речевой жанр, состоящий из конкретного набора речевых актов, встречающихся с относительной регулярностью и образующих формулу, каждый компонент которой может быть рассмотрен отдельно.

Целью данной статьи является выявление конкретных типов речевых актов в гороскопическом тексте, используемых копирайтерами на регулярной основе. Нужно отметить, что термин «копирайтер» использован неслучайно, поскольку, как уже было отмечено, гороскопический текст создается под влиянием законов медиапространства, целью которого является не составление достоверного прогноза, а популяризация самой идеи предсказания и продвижения тематического медиаресурса в глобальной сети. Следовательно, для составления малоформатных гороскопов привлекаются не только астрологи, но и специалисты в сфере рекламной индустрии.

Для анализа было отобрано более трехсот гороскопических текстов, размещенных на специализированных интернет-платформах *Гороскоп@ру* [5] и *Гороскопы365.ру* [6].

Рассмотрение гороскопического текста с точки зрения речевого акта зиждется на интенции автора строить высказывание по конкретным лексикам, свойственным данному речевому жанру, и

с соблюдением традиционной для любого речевого акта структуры. Эта особенность присуща в том числе рекламным текстам, лозунгам, слоганам и подобного рода высказываниям.

Таким образом, гороскоп как коммуникативный акт начинается с локутивной фазы, то есть с оформления высказывания по законам и в соответствии с нормами данного языка. Можно сказать, что это и есть сам гороскопический текст. Наличие данного текста дает основание для второй фазы речевого акта. Следующая – иллокутивная фаза – интересна в нашем аспекте исследуемого текста тем, что она имеет иллокутивную силу высказывания, обусловленную его пропозициональным содержанием. На основе интенсивности проявления иллокутивной силы речевого акта принято выделять следующие типы речевых актов: репрезентативы (ассертивы), директивы, комиссивы, экспрессивы и декларативы (Дж. Серль). Некоторые лингвисты предлагают собственную классификацию [7], однако их рассмотрение нерелевантно применительно к анализу медиагороскопа.

Можно отметить, что иллокутивная сила медиагороскопа вербализуется в форме двух типов актов: ассертива и директива. Ключевым аспектом в медиагороскопе как раз является иллокутивная фаза, которая посредством формы наклонения глагола, интонационного контура, пунктуации и перформативных глаголов реализует функцию убеждения и воздействия на реципиента.

Перлокутивная, заключительная фаза речевого акта, применительно к гороскопам считается условной, поскольку нет возможности оценить реальные последствия высказывания. Формально можно судить об интенсивности иллокутивной силы по количеству реципиентов, которое измеряется статистикой просмотра текста в интернете.

Проведенный нами анализ трехсот гороскопических текстов, полученных методом сплошной выборки, фигурирующих в рамках медиапространства, показал, что иллокутивная сила данных текстов реализуется посредством двух наиболее употребительных типов речевого акта – ассертива и директива в различных его репрезентациях.

Как правило, пропозицией гороскопического текста является а с с е р т и в . Он представлен в виде специализированного сообщения или утверждения (по Ю. Д. Апресяну), которое не ограничивается в рамках гороскопического текста лишь глаголами речи. Прогноз априори предполагает, что информация «озвучена» звездами и планетами, поэтому, в силу ограниченности

формата, перформативные глаголы могут быть опущены: Вселенная / гороскоп / звезды / планеты утверждают / обещают / клянутся / объявляют и т. п.: *Сегодня завершится определенный этап Вашей жизни. Сохраняя внутреннее значение речевого действия, автор смещает фокус внимания с перформативного значения на дескриптивное. В данном конкретном примере это осуществляется при помощи актантов. Сравните: Звезды обещают, что сегодня завершится определенный этап Вашей жизни. Звезды обещают завершение определенного этапа Вашей жизни.*

С точки зрения выражаемого содержания прогностические ассертивы, включенные в текст гороскопа, можно по семантическому и коннотативному компоненту подразделить на те, что содержат лишь информацию, и те, что сопровождают информативные суждения оценочностью. Например:

- информативные: *Гороскоп обещает, что одинокий Водолей может повстречать свою судьбу в поездке, необязательно дальней; Сегодня звезды обещают удачный день в финансовом отношении; Звезды утверждают, что ваши усилия сегодня будут непременно вознаграждены; Гороскоп Водолея на январь говорит о напряженном начале месяца и удачном его завершении;*

- оценочные: *Это хорошо, что вы на этой неделе щадите свои нервы; К счастью, Водолеям среда обещает прибыль; Странно, но именно зимой у вас появится больше времени; Жаль, но птицу счастья за хвост удаётся поймать не всем.*

Если директивы оформлены в большинстве своем предложениями побудительными, то ассертивы имеют характер повествования, очень часто в настоящем времени, что создает эффект большей достоверности и сближает гороскоп с жанром репортажа в публицистике: *В воскресенье Водолею прекрасно удаются организационные вопросы, любой коллектив под его руководством работает (или отдыхает) дружно и без внутренних конфликтов.*

Субъект действия в ассертиве может быть выражен двумя способами. Во-первых, посредством личного местоимения *Вы*, которое усиливает так называемый эффект Барнума-Форера (специализированное сообщение о *Вас* и для *Вас*): *Вы настроены к серьезным отношениям без срока годности; Если вы искали случая продвинуть новую идею, в пятницу самое время; Вы все обдумали накануне, по крайней мере должны были это сделать.* В текстах встречаются и верхний, и нижний регистр данного обращения. Во-вторых, посредством наименования

знака зодиака, который подразумевает обобщенный образ всех его представителей: *Львы нынче найдут повод как следует расстроиться; Водолей посвятит август переосмыслению своей повседневности; В этот день Рак не склонен к компромиссам.*

Грамматические особенности ассертива сводятся не только к тенденции употреблять глаголы в форме настоящего времени, но и к частому использованию *аналитической формы глаголов несовершенного вида* для выражения будущих действий: *Страстные свидания в 2022-м будут сменяться периодами, когда вам захочется покоя наедине с пиццей и вином; Многое будет получаться лучше, чем Вы ожидали; Непросто будет сосредоточиться на делах.*

Также будущее предсказание можно выразить по формуле «будьте готовы + инфинитив»: *будьте готовы встретить новую любовь или установить более глубокую связь со своим партнером; поэтому будьте готовы изменить свою жизнь к лучшему; будьте готовы противостоять натиску любимого человека; будьте готовы к непредвиденным тратам.*

Такие размытые временные рамки ожидаемых событий и будущих действий, вербализованные посредством грамматических категорий, лишают гороскопические тексты темпоральной ограниченности актуальности.

Многочисленны примеры, когда ассертивы в гороскопе создают текстовое единство: *утверждение + объяснение*. Второе реализуется с помощью сложноподчиненных предложений с придаточными следствия, а также в виде бессоюзных сложных предложений, вторая часть которых выполняет аналогичную функцию: *В начале года Венера находится в вашем знаке (утверждение), так что переживать об отношениях вам едва ли придется (объяснение); Лучшим для Водолея вложением сил и энергии станет составление сбалансированного плана питания (утверждение), поэтому включите в рацион больше овощей и фруктов (объяснение); Сегодня звезды обещают удачный день в финансовом отношении (утверждение): Вам, возможно, возвратят старые долги, и ваше материальное положение улучшится (объяснение); Сегодня вашему любимому человеку не придется долго упрашивать вас что-то сделать (утверждение): вы будете сговорчивы и покладисты (объяснение).*

Также частыми атрибутами ассертива являются вводные слова *вероятно, кажется, возможно*: *<...> вероятно, это сильная влюб-*

ленность; <...> кажется, мимолетной влюбленности в 2022 году вам будет недостаточно; Весьма вероятно, что Водолею в понедельник придется отдать долг дружбы; Возможно, для этого Водолею придется съесть целое ведерко мороженого; Возможно, в чем-то ваши родные и правы.

В то же время стоит отметить, что копирайтеры стараются минимизировать языковые средства субъективной модальности при написании гороскопа, поскольку создаваемый ими текст претендует на достоверность в медиапространстве.

Более разнообразными типами в гороскопических текстах может быть репрезентирован речевой директив. Директивные речевые акты, отмеченные в проанализированных текстах, можно подразделить на прескриптивные, побудительные директивы, фразеорефлексы, побуждения с прогнозом, разрешения и суггестивы.

Главным отличием ассертивов от директивов в гороскопе является то, что первый служит указанием на факты и события, а второй – на действия, которые должны быть предприняты / отложены в свете указанных фактов и событий. Сочетание данных структурных компонентов и составляет обобщенную модель гороскопического текста в медиапространстве, или его каркас, который может быть модифицирован с учетом особенностей целевой аудитории его читателей.

Прескриптивные директивы выражаются с помощью глаголов в повелительном наклонении в форме 2 лица множественного числа: *держите самооценку на должном уровне, учитесь принимать комплименты; найдите помощников и быстрее добьётесь результата; в этот день откажитесь от похода в салярий.*

Побудительный вид директивов вербализован также глаголами в форме императива, включает в себя и восклицательные, и невосклицательные предложения: *Прислушайтесь к своим желаниям; Заряжайте своей энергией окружающих, ведь сегодня вы просто сгусток положительных эмоций; Постарайтесь свести до минимума личные контакты.* В отличие от прескриптивов данный вид директива носит менее категоричный характер и в большей степени апеллирует не к разуму реципиента, а к его чувствам.

Определение к третьему типу директивов ввёл в научный оборот В. Г. Гак – фразеорефлексы [8], под которыми он понимал вербальные реакции на типичные ситуации, которые приобретают в языке относительно устойчивый характер. В случае гороскопического текста речь

идет о реакции на ситуацию, описанную в ассертиве. Такие коммуникативные единицы являются фразеологизированными, однако они выполняют не номинативную функцию, а создают модально-коммуникативную рамку высказывания: *Все-таки вы единое целое, не забывайте об этом!; Да здравствует профилактика!; Сдержитесь, и не начинайте разбор полетов; Но кто предупреждён, тот вооружён!; Да, неприятно, а что делать!*

Нужно отметить, что фразеорефлексы в гороскопическом тексте являются не только специфическими коммуникативными единицами, но еще и единицами когнитивного опыта народа, которые вербализуют целые стереотипные ситуации с задаваемыми ими конкретными интенциональными смыслами. Такого рода знакомые речевые шаблоны минимизируют интеллектуальные усилия реципиента в процессе интерпретации самого текста и усиливают положительный эффект от его прочтения.

Кроме того, ввиду частых вставок из пословиц и поговорок реципиенты получают дозу определенного психологического комфорта, что в разы повышает спрос на полосные медиатексты.

В процессе анализа текстов были также отмечены перспективные директивы, которые являются подтипом побуждения. Данную группу можно представить в виде формулы *побуждение + прогноз*, где побуждение – призыв к действию, а прогноз – последствия для читателя. В большинстве случаев текстовая часть прогноза реализуется с помощью придаточного предложения цели, однако можно сказать, что имплицитно можно обнаружить условные и причинно-следственные семантические связи: *Скорректируйте свой рабочий график* (побуждение), *чтобы успевать ходить на свидания в поисках своего единственного или разжигать искру в существующих отношениях* (прогноз = Тогда Вы найдете новые отношения или вдохнете жизнь в старые); *Приложите все усилия* (побуждение), *чтобы наладить личную жизнь»* (прогноз = Тогда Вы наладите личную жизнь).

Также следует описать форму разрешения, которое даётся читателю при благоприятном развитии событий. Отличием данного типа директива от прескриптивного является употребление конкретных глаголов с семантикой разрешения: *разрешите* и *позвольте*. Например: *Разрешите себе устроить сегодня праздник; Позвольте себе отпустить ситуацию и идти дальше*. Кроме того, косвенное разрешение может быть выражено категорией состояния *можно*: *сегодня можно и расслабиться;*

Львам в среду можно делать все, что они пожелают.

Ещё одним подвидом директивов является суггестив. Под ним в гороскопическом тексте стоит понимать такой вид директива, в котором подразумевается, что говорящий, основываясь на знании ситуации, может каузировать действия предполагаемого адресата. В этой связи чаще всего копирайтер констатирует, чего делать не стоит в данных обстоятельствах. Сравните: *В этот день откажитесь от похода в солярий* (прескриптивный директив) – *Не посещайте в этот день солярий* (суггестив). Во втором варианте величина иллюкативной силы речевого акта очевидно больше, чем в первом.

Суггестив реализуется посредством следующих синтаксических моделей:

- *отрицательная частица не + глагол в повелительном наклонении: не упустите момента; не бойтесь новых людей в вашем окружении; не заводите новые знакомства; не перебивайте начальника; не пренебрегайте сегодня домом; Не подносите сегодня к Деве спички – она огнеопасна.*

- *«вместо того чтобы» + инфинитив: Вместо того чтобы спорить с партнёром, постарайтесь его выслушать; Вместо того чтобы жаловаться на сложившиеся обстоятельства, попробуйте найти корень проблемы; Но вместо того чтобы все обдумать, действуйте сердцем.*

Таким образом, можно отметить, что гороскопический текст, представленный в медиапространстве, становится распространенным в силу ряда трансформаций, которые сближают его с жанрами медиакоммуникации. Было установлено, что как речевой жанр гороскопический текст строится по определенной модели, структурными компонентами которой являются преимущественно два типа речевых актов – ассертив и директив. Ассертив представлен информативными и оценочными вариантами, которые всегда оформляются в повествовательной форме. Структурно он всегда занимает место перед директивом. Директивный компонент представлен несколькими подтипами, что вполне оправдано, поскольку гороскоп по природе своей должен в первую очередь давать рекомендации по аннигиляции негативных событий в жизни и усилению эффекта от благоприятных последствий собственных действий. Как в ассертиве, так и в директиве можно выделить характерные языковые средства, которые в рамках гороскопического текста могут приобретать новый функциональный потенциал. Проведенный анализ определил дальнейшие перспективы исследования гороско-

пического текста с точки зрения современных подходов к его структурной организации и языковому наполнению.

Список источников

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин; [примечания С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова]. 2-е изд. Москва: Искусство, 1986. 444 с.
2. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к анализу языка СМИ. М.: Флинта: Наука, 2008. 263 с.
3. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С.18–36.
4. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. Вып. 1. Саратов: Колледж, 1997. С. 99–111.
5. Гороскоп@ru. URL: <https://www.goroskop.ru> (дата обращения: 16.06.2023).
6. Гороскопы365.ru. URL: <https://goroskop365.ru/> (дата обращения: 17.06.2023).
7. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. Москва: Рефл-бук: Ваклер, 2001. 651 с.
8. Гак В. Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Филологические науки. 1995. № 4. С. 47–55.

Мубаракшина Анастасия Михайловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
blondy010888@mail.ru

References

1. Bakhtin, M. M. (1986). *Problema rechevykh zhanrov* [The Problem of Speech Genres]. M. M. Bakhtin; primechaniya S. S. Averintseva, S. G. Bocharova. 2-e izd. 444 p. Moscow, Iskusstvo. (In Russian)
2. Dobrosklonskaya, T. G. (2008). *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k analizu yazyka SMI* [Media Linguistics: A Systemic Approach to the Analysis of the Language of the Media]. T. G. Dobrosklonskaya. 263 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)
3. Boldyrev, N. N. (2004). *Kontseptual'noye prostranstvo kognitivnoi lingvistiki* [Conceptual Space of Cognitive Linguistics]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, No. 1, pp.18–36. (In Russian)
4. Vezhbitska, A. (1997). *Zhanry rechi* [Speech Genres]. *Zhanry rechi*. Vyp. 1. Pp. 99–111. Saratov, Kolledzh. (In Russian)
5. *Goroskopy@ru*. URL: <https://www.goroskop.ru> (In Russian)
6. *Goroskopy 365*. URL: <https://goroskop365.ru/> (In Russian)
7. Pocheptsov, G. G. (2001). *Teoriya obshcheniya* [Theory of Communication]. Georgiy Pocheptsov. 651 p. Moscow, Refl-kniga, Vakler. (In Russian)
8. Gak, V. G. (1995). *Frazeorefleksiya v etnokul'turnom aspekte* [Phraseoreflexions in the Ethno-Cultural Aspect]. *Filologicheskiye nauki*. No. 4, pp. 47–55. (In Russian)

The article was submitted on 04.07.2023
Поступила в редакцию 04.07.2023

Mubarakshina Anastasia Mikhailovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
blondy010888@mail.ru

ХУСАИН ФАИЗХАНОВ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

© Дамир Мухетдинов

KHUSAIN FAIZKHANOV AND THE HISTORICAL LINGUISTICS DEVELOPMENT

Damir Mukhetdinov

The article discusses the activities of Khusain Faizkhanov and the results of his work in the areas related to linguistics. Based on available source materials and indirect information, the article characterizes Kh. Faizkhanov's proficiency in various languages, which was demonstrated by him both in his educational and research activities. The article draws attention to the factors that influenced Kh. Faizkhanov's linguistic skills development. The range of languages that Kh. Faizkhanov knew and used in his work was wide. If he could master some of the languages due to his origin and profile of education (Turkic, Arabic, Persian), he learned others on his own, achieving the level that enabled him to use them functionally for specific tasks (Russian, Chuvash). Kh. Faizkhanov equally excelled as a linguistic theorist, which is clearly evidenced by his own textbook on the Tatar language, as a philologist, which is reflected in his work with written monuments, and as a linguist, which follows from his ability to make important, in terms of historical linguistics, methodological conclusions on the interpretation of the Volga-Bulgarian epitaphs, involving the use of information from the Chuvash language.

Keywords: Turkology, historical linguistics, Tatar language, Russian language, Khusain Faizkhanov

В статье рассматривается деятельность Хусаина Фаизханова и результаты его работы в сферах, соприкасающихся с языкознанием. Дана попытка на основе доступных источниковых материалов и косвенных сведений охарактеризовать степень владения Х. Фаизхановым различными языками, что было продемонстрировано им как в образовательной, так и в исследовательской деятельности. В статье обращено внимание на факторы, которые оказали влияние на формирование лингвистических навыков Х. Фаизханова. Спектр языков, которыми владел и с которыми по меньшей мере работал Х. Фаизханов, широк. Если часть языков он мог освоить в силу своего происхождения и профиля обучения (тюркские, арабский, персидский), то другими овладевал самостоятельно до того уровня, чтобы функционально использовать их для конкретных задач (русский, чувашский). Х. Фаизханов показал себя одинаково на высоком уровне как теоретик языкознания, о чем ярко свидетельствует собственно разработанное учебное пособие по татарскому языку, как филолог, что отразилось в работе с письменными памятниками, и как лингвист, что следует из его способности сделать важные в плане исторической лингвистики методические выводы по интерпретации части волжско-булгарских эпитафий на основе привлечения сведений чувашского языка.

Ключевые слова: тюркология, историческая лингвистика, татарский язык, русский язык, Хусаин Фаизханов

Для цитирования: Мухетдинов Д. Хусаин Фаизханов и развитие исторической лингвистики // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 44–53. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-44-53

Введение

Настоящая статья продолжает цикл работ, посвященных отмечаемому в текущем году 200-летию юбилею Хусаина Фаизханова (1823–1866) [1], [2], [3], [4]. Среди различных сторон его деятельности и многогранных инте-

ресов особого внимания заслуживает проблематика, связанная с его занятиями филологией и, более того, лингвистикой. Имя Х. Фаизханова вне всяких сомнений твердо вписано в историю тюркологии. Во-первых, это связано с обнаружением ключа к прочтению группы волжско-

булгарских эпитафий [5] и шире – к выяснению природы их языка [6, с. 205, 213–214]; во-вторых, с громадной работой по извлечению и переписыванию исторических материалов, касающихся истории Крымского ханства, вылившейся в фундаментальное издание источников с предисловием В. В. Вельяминова-Зернова (1830–1904) [7], опиравшегося в другом своем исследовании по Касимовскому ханству [8] также на некоторые результаты Х. Фаизханова; в-третьих, это издание практической грамматики по татарскому языку [6, с. 265–266]. Это только то, что можно достоверно проследить по изданной литературе. Недостаточно проясненным остается вопрос о возможности использования в знаменитом сравнительном словаре Л. З. Будагова (1812–1879) собранных Х. Фаизхановым материалов для подготовки собственного казахско-русского словаря, который так и остался неизданным и не обнаружен поныне) [9, с. 101–102], [10, с. 70].

Ниже мы подробно рассмотрим некоторые аспекты научной деятельности Х. Фаизханова, непосредственно или косвенно связанные с языкознанием.

Хусаин Фаизханов и русский язык

По свидетельству Ризы Фахретдина (1859–1836), подчеркивавшего на основе других свидетельств постоянное стремление Х. Фаизханова к знаниям и его усердие на этом пути, Х. Фаизханов, находясь еще в Казани, самостоятельно изучал русский язык в стремлении расширять свой кругозор и знакомиться с научной литературой [11, с. 117–118]. Неизвестно, когда он начал эти занятия, сколько времени длилось его самообразование и каким образом это осуществлялось. Однако в 1855 г., после недавнего переезда Х. Фаизханова в Санкт-Петербург, он, как следует из его письма Ш. Марджани (1818–1889), уже сам обучал грамматике и синтаксису русского языка¹ одного из татарских шакирдов, Ибнйamina Аминова (1832–1861), на тот момент штатного учителя восточной каллиграфии у университете [12, с. 54, 55], а в 1856 г. А. К. Казембек (1802–1870), знавший Х. Фаизханова по их общению и совместной работе в Казани, в своей записке ректору Императорского Санкт-Петербургского университета, характеризует его так: «прекрасно помусульмански образованный, знающий не только турецкий и татарский языки, но также арабский и персидский, и свободно владеющий русским языком» [13, л. 77]. Впро-

чем, даже по прошествии лет сам Х. Фаизханов, как следует из его письма Ч. Ч. Валиханову (1835–1865) от 8 апреля 1863 г., оценивал свои достижения с присущей ему скромностью: «...в эту зиму я составил краткую грамматику казанского татарского языка с примерами и литографировал ее. Но русский язык я хорошо не знаю, а потому просил одного студента исправить мои ошибки. Он также оказался не очень хорошим знатоком языка, и потому работа вышла неважная» (цит. по: [10, с. 276]; [9, с. 93]).

Х. Фаизханов неоднократно подчеркивал значение изучения русского языка как средства для ознакомления с достижениями науки и культуры. Это отразилось в том числе и в его идее в связи с разработкой проекта реформы мусульманского образования внедрить изучение русского языка в учебную программу мусульманских учебных заведений. В его программной работе посвящен значительный раздел «Рисаля» («Послание») обоснованию практического значения овладения русским языком [10, с. 205–209], [12, с. 116, 119]. Позже Ш. Марджани, единомышленник и последователь Х. Фаизханова в просветительской деятельности, подробно описывал, что именно эта идея ученого вызвала негативное восприятие со стороны некоторых консервативно настроенных представителей мусульманской религиозной элиты, дошедших до готовности приравнять изучение «языка неверных» к выходу за рамки шариата. Видя такое непонимание своих идей, Х. Фаизханов смог парировать доводы оппонента обращением к примерам из хадисов [10, с. 261–266]. Курьезность этой ситуации наглядно демонстрирует, насколько взгляды Х. Фаизханова опережали его время.

Хусаин Фаизханов и языки письменных источников

Блистательное владение Х. Фаизханова кроме родного татарского еще арабским и персидскими языками признавалось всеми коллегами (ср. выше цитату А. К. Казембека). В. В. Вельяминовым-Зерновым, соратником и коллегой Х. Фаизханова, он характеризовался как «один из лучших знатоков татарского языка» [14, с. 491]. Между тем, под «татарским» следует понимать не просто родной разговорный язык Х. Фаизханова, но также и письменно-литературный – поволжский *тюр и*², отличавшийся от локального устного определенным универсализмом и служившим своего рода над-

¹ Следует заметить, что из контекста письма на самом деле не ясно, идет ли речь о русском или арабском языке.

² О неустойчивости терминологии лингвистической классификации и ее развитии в русскоязычной традиции см.: [15, с. 93–140].

региональным койне³. Работавший в Казанском университете известный тюрколог Н. Ф. Катанов (1862–1922), современник Р. Фахретдина, характеризует тюркские литературные языки того времени следующим образом:

«Подражание иноземным писателям преимущественно араб.[ским] и персидским, заключается не только в заимствовании сюжета сочинения и манеры писания, но и в заимствовании чужих слов, и даже в намеренном исковеркивании своих слов на иноземный лад, что особенно заметно у Волжских татар. Значительными заимствованиями чужих слов славится более всего турецко-османский книжный язык, который турки-простолюдины понимают мало или не понимают совсем. Татары Волжского бассейна пишут свои сочинения на родном языке, но с значительной примесью турецкого и джагатайского элементов, потому что в глазах этих татар языки турецкий и джагатайский считаются образцовыми, как у турков араб.[ский] и персид.[ский] языки. У татар Волжского бассейна даже глаголы, наречия и союзы заменяются турецкими и джагатайскими, так что книга, написанная на таком искусственном языке не может быть приписана строго ни одному известному народу» [20, с. 10].

К этой пространной характеристике следует добавить такое замечание еще одного тюрколога, специалиста по письменным языкам Средней Азии, Г. Ф. Благовой (1927–2013):

«Известно, например, что письменная фиксация сама по себе способствует ограничению книжно-письменного языка от других форм существования языка. Особенно это относится к письменности на арабском алфавите. Так, в чагатайском, в текстах, писанных арабским алфавитом, обозначались преимущественно согласные, а их огласовка была условной: ею передавались далеко не все качества гласных, благодаря чему арабское написание предоставляло большую свободу читателю в озвучивании текста; к тому же очень часто огласовка могла вовсе отсутствовать. В результате носители различных тюркских языков и диалектов получали возможность читать один и тот же текст каждый на свой лад, окказионально варьируя его фонетическую аранжировку» [15, с. 241–242].

Естественно, при таком характере этого письменного языка овладевший им получал бы широкий доступ к таким же письменно-

литературным в своей природе староосманскому и чагатайскому. Поэтому не должно удивлять, что в последующем Х. Фаизханов мог не только преподавать татарский и «турецкий» (то есть староосманский), но также работать с текстами на них, а также на крымско-татарском, чагатайском, казахском и др. тюркских языках.

Когда В. В. Вельяминов-Зернов подготовил к печати «чагатайско-турецкий» (то есть, по сути, чагатайский, см. выше) словарь, во вводной части он написал:

«Я предполагал взять в корректоры бывшего лектора С. Петербургского Университета Мулла Хусейна Феиз-ханова, основательно знакомого с Татарскими наречиями. В нем я надеялся найти не только корректора, но и деятельного помощника. Но не успел я приняться за работу, как к несчастью Мулла Хусейн скончался. Заменить его было решительно нечем» [21, с. 23–24].

Эта сентенция, начертанная в контексте извинительных выражений автора перед читателем за возможные упущения в проделанной работе, демонстрирует не только признание авторитета Х. Фаизханова в языковедческих вопросах, подчеркивая его уровень, но и совершенно ясно свидетельствует о дефиците компетентных кадров в среде российского востоковедения того времени.

Расшифровка волжско-булгарских эпитафий

Не только основательная подготовка, но и языковое чутье позволило Х. Фаизханову сделать важнейшее открытие, ставшее этапным для истории тюркологии. Речь идет об идентификации типа языка волжско-булгарских эпитафий, давшей ключ к их верной расшифровке и открывшей перспективы для дальнейшего развития этого направления в тюркологии.

По итогам полевых работ 1862–1863 гг., когда он имел возможность снять копии с нескольких обнаруженных им волжско-булгарских эпитафий, Х. Фаизханов опубликовал специальную статью [5, с. 396–404], по отзыву А. К. Казембека, «труд замечательный в лингвистическом отношении» [14, с. 493]. Одна из опубликованных им эпитафий была написана на стандартном тюркском языке, две другие содержали формы числительных, которые он интерпретировал в сопоставлении с чувашской лексикой [5, с. 404]. Число интерпретированных им надписей было большим, но исследование осталось в черновом варианте [14, с. 136–154]. Х. Фаизханов был знаком с чувашским языком достаточно отдаленно, о чем свидетельствует упоминание в письме к Ш. Марджани его обращение к словарю (см. Письмо Х. Фаизханова

³ Подробно о такой характеристике см. работу Э. Р. Тенишева [16], где, однако, чагатайский и *тюр* и рассматриваются как отдельные литературные языки, существовавшие на разных исторических этапах, хотя генетически связанные. Иной взгляд см.: [17], [18]. Именован в данном случае язык, на котором собственно писал Х. Фаизханов, «старотатарским» или нет, мы этот вопрос не обсуждаем.

Ш. Марджани от 27 декабря 1863 г.) [12, с. 131–132, 135].

Сегодня мы знаем, что волжско-булгарские эпитафии классифицируются на две группы с точки зрения языковой (или диалектной) принадлежности. Одна из них сохраняет черты, присутствующие поволжскому варианту чагатайского языка или *тюри* (см. выше), другая включает как раз те памятники, чей язык можно охарактеризовать как принадлежащий к так называемой булгарской группе (или ветви) тюркских языков⁴. Язык этой группы волжско-булгарских эпитафий характеризует, видимо, язык населения Волжской Булгарии и, опять же, одной из групп ее населения. При этом чувашский, хоть и родственник ему, отнюдь не является его прямым потомком, а относится, скорее, к языку какой-то периферийной группы болгароговорящего населения, и тем не менее остается единственным живым языком булгарской группы [19, с. 460].

Конечно, при том уровне накопления материала, которым характеризовалась наука в середине XIX в., ни Х. Фаизханов, ни кто-либо иной знать этого не могли. Однако Х. Фаизханов, обнаружив общие характеристики в прочитанных им эпитафиях с языком чувашей, которые и в его время не являлись мусульманами, предложил перспективную интерпретацию, что предки чувашей были финно-уграми (по терминологии того времени «финнами»), которые тюркизировались, будучи покорены тюрками-мусульманами и войдя в политическую зависимость от них, при этом те финно-угры, которые приняли ислам и тюркизировались больше, – это болгары, а те, кто не принял ислам и тюркизировались меньше (это отразилось только в заимствовании лексики), – чуваша и марийцы (см. Письма Х. Фаизханова Ш. Марджани от 27 декабря 1863 г. и в апреле (?) 1864 г.) [12, с. 131–132, 135, 140, 143].

Само открытие Х. Фаизханова, связанное с идентификацией языка эпитафий, поддержал и на широком материале развил Н. И. Ильминский (1822–1891), который, правда, в начале своей статьи утверждал, что «почтенный мулла высказал эту идею не специально, а мимоходом, в объяснение знаменитого выражения *جيات جور*, а потому нерешительно и неполно» [22, с. 80–81]. Как пишет, например, А. Н. Кононов, отдавая должное роли Х. Фаизханова в открытии, «его догадку использовал Н. И. Ильминский»

⁴ В разных классификациях она еще именуется болгаро-чувашской, огузской, группой *r*-языков или *ṣaZ*-языков, что не меняет общей сути и совсем не принципиально для нашей темы.

[6, с. 205]. В любом случае Х. Фаизханова, по видимому, какая-либо борьба за первенство мало волновала, поскольку он целиком был погружен в дальнейшие изыскания. Собственные результаты подвигли его к дальнейшей разработке вопросов исторического прошлого татар. Таким образом, выводы, полученные на основе изучения надписей, использовались им как инструмент для решения исторических проблем. В этом деле он выступил как филолог. Вместе с тем в одном из писем Ш. Марджани он высказал важные наблюдения лингвистического характера. Х. Фаизханов обратил внимание на присутствие общетюркских слов в чувашском и значительную долю тюркизмов в марийском языке, что интерпретировал как заимствования. Помимо этого, он заметил концептуальное соответствие общетюркскому [z] чувашского [r], хотя на том уровне развития науки интерпретировал это как фонетический переход (см. Письмо Х. Фаизханова Ш. Марджани от 27 декабря 1863 г.) [12, с. 131–132, 135].

Н. И. Ильминский же, которого уже как лингвиста интересовал сам язык, в упомянутой статье высказал несколько мыслей о возможностях исторического развития чувашского языка: допуская мысль об изначально финно-угорской основе чувашского языка, переходное состояние от которого к общетюркскому отражал язык булгарских эпитафий, он не отрицал также и возможности его принадлежности к особой ветви тюркских языков [22, с. 84]. В целом же вопрос он оставил открытым. Н. И. Ашмарин (1870–1933), который поддержал и подкорректировал прочтение двух надписей Х. Фаизхановым [23, с. 69, 89–92], вначале был в общем единомышлен с Х. Фаизхановым, как и В. В. Радлов (1837–1918), полагая, что в основе чувашского лежит не тюркский, а финно-угорский язык [24, с. XXXI–XXXIV]. Впоследствии он скорректировал свои взгляды и, по сути, развил одну из мыслей Н. И. Ильминского, указав на возможность исторического проникновения финно-угорских языковых элементов в чувашский язык [25, с. V–VII].

Нас не будет интересовать развитие истории исследований волжско-булгарского и чувашского языков, нам важнее указать на то, что вопросы, над которыми даже не в научных публикациях, а в переписке с Ш. Марджани размышлял Х. Фаизханов, были решены учеными только в начале XX в. [26, с. 289–314] (с литературой вопроса).

В данной работе мы обходим обсуждением и такую одиозную проблему, как борьба за «булгарское наследие», в своей природе исходно

искусственную, то есть надуманную, и имеющую скорее социальное, чем научное значение. Тем не менее нельзя не упомянуть таких прискорбных для научных диспутов явлений, как эксплуатация происхождения ученого. Например, чувашскими исследователями в дискуссиях с татарскими коллегами по поводу определения места языка волжско-булгарских эпитафий в истории тюркских языков не без плохо скрываемого ехидства и явного смакования специально подчеркивается татарское происхождение Х. Фаизханова [27, с. 256], [28, с. 11], открывшего близость их языка к чувашскому, что как будто должно послужить для оппонентов поучительным примером и мотивом для пересмотра интерпретаций. Так и среди некоторых одиозных татарских авторов, искателей «глубоких корней» и «великих предков» своего народа, можно встретить попытки вовсе поставить под сомнение результаты открытия Х. Фаизханова, усомнившись в его компетентности (!)⁵. Первое явление, конечно, следует целиком отнести к сфере этики ведения научных дискуссий, второе, не имеющее никаких реальных оснований, тоже остается на совести авторов.

Х. Фаизханов, признанный специалист по языкам, в самую последнюю очередь мог руководствоваться какими-либо тенденциозными идеями, даже просто потому, что работал с плохо разработанным материалом, двигаясь фактически наощупь. Безусловно, его больше интересовала история татарского народа, и даже если этот интерес был непосредственно (и вполне естественно) связан с собственной этнокультурной средой, то решение исторических проблем осуществлялось исключительно в рамках научной методики, средствами, которые позволял уровень науки того времени.

⁵ Так пишет, например, М. З. Закиев (сам специалист по синтаксису татарского языка): «Хусейн Фейзханов, по происхождению сергачский мишар, не знал особенностей среднего диалекта татарского языка...», и дальше в тексте идут спекулятивные псевдолингвистические рассуждения о том, как можно (и как будто следовало!) прочесть интерпретированные Х. Фаизхановым тексты, если иметь знания о специфике некоторых татарских диалектов [29, с. 9]. Учитывая общую характеристику работ М. З. Закиева, вряд ли этот довод можно считать серьезным, но выбор такого рода нападок на предшественников в качестве метода аргументации должен считаться исключительно предосудительным.

Хусейн Фаизханов и казахско-русский словарь

Летом 1860 г. Х. Фаизханов был снаряжен Императорским Археологическим обществом Академии наук в официальную командировку для изучения надписей на надгробных камнях в Касимове, необходимых для готовящейся работы В. В. Вельяминова-Зернова по Касимовскому ханству [10, с. 90–91]. После возвращения из Касимова, чтобы поправить ставшее ухудшаться здоровье, Х. Фаизханов отправился в южные регионы Российской империи, а именно в Оренбургскую губернию, где самостоятельно начал осуществлять сбор полевого этнографического, фольклорного и лингвистического материала [Там же, с. 57–58]. Там он познакомился с казахскими интеллектуалами Ибраем Алтынсариним (1841–1889) и, видимо, Чоканом Валихановым (1835–1865), а также собирался встретиться с Н. И. Ильминским, но не смог застать его (Письмо Х. Фаизханова Н. И. Ильминскому от 4 октября 1860 г. [Там же, с. 280]). С последним он мог общаться еще в период своей жизни в Казани (хотя непосредственных сведений об этом не имеется), обстоятельства знакомства с казахскими просветителями тоже неизвестны из-за отсутствия источников. И. Алтынсарин упоминается в том же письме Х. Фаизханова Н. И. Ильминскому осенью 1860 г., а из позднейшей переписки Х. Фаизханова с Ч. Ч. Валихановым становится ясным, что с ним он знаком по меньшей мере с 1862 г. и уже тогда они тесно сотрудничали. В 1863 г. Х. Фаизханов не смог ответить на приглашение Ч. Ч. Валиханова посетить его, но упоминает о каких-то хранящихся у него тетрадях с записями Ч. Ч. Валиханова (Письмо Х. Фаизханова Н. И. Ильминскому от 8 апреля 1863 г. [Там же, с. 276]). С весны 1863 г. оба ученых готовили (или по крайней мере планировали), говоря современным языком, «совместный проект», инициатором которого выступал Х. Фаизханов, в 1862 г. получивший поручение от университетского руководства «собрать материал для словаря казахского языка и для грамматики, то есть грамматические слова, предложения, басни, рассказы (сказки) и песни» [Там же, с. 275], чем он и занимался уже в прошлом году. Очевидно, что и тетради Ч. Ч. Валиханова использовались им как важный лингвистический источник.

Официальные сведения об официальном поручении Х. Фаизханову подготавливать словарь имеются только с 1862 г. Именно весной этого года руководство Санкт-Петербургского университета, следуя указаниям врача, поспособствова-

ло поездке Х. Фаизханова на юг для профилактики здоровья, поэтому оформило ему официальную командировку как раз с целью сбора материала для словаря. Это решение поддержала и Академия наук, снабдившая Х. Фаизханова своим заданием [Там же, с. 62–63]. Отсюда вытекает, что поездки в Оренбургскую губернию для Х. Фаизханова изначально были вынужденной и необходимой для здоровья мерой, что вызывало понимание у университетского руководства, решившего попутно использовать эти поездки с практической пользой. Такая логика не противоречит раннему выводу, что «Фаизхан начал собирать материал для словаря и учебного пособия еще в 1860 году» [Там же, с. 69]. Вероятно, университетское начальство уже было знакомо с плодотворными результатами собственной инициативы своего сотрудника и решило придать его деятельности официальный характер.

Переписка с Ч. Валихановым показывает, что Х. Фаизханов мог не просто работать с письменным и устным материалом, но и разбирался в диалектных различиях казахского языка, к обнаружению которых для себя смог прийти практическим способом:

«Ильминский в Казани издал небольшой словарь по казахскому языку, вполне хороший. Однако слов немного, наберется ли около полутора тысяч. Есть еще [что следует сказать]: значение некоторых слов отличается от языка казахов Внутренней Орды. Отсюда ясно, что в казахском языке между различными областями его распространения также имеются отличия. Так как Ильминский хорошо знает казахский язык, то он не должен был допустить ошибок» (Письмо Х. Фаизханова Ч. Ч. Валиханову от 8 апреля 1863 г.) [Там же, с. 275].

В продолжение этого письма Х. Фаизханов обращает внимание на специфику языка населения Среднего жуза, верно отмечая параллели между местным казахским и ногайским языками: «И еще, жители Внутренней Орды при содействии хана Джихангира стали ногайцами (отатаривались). Когда они разговаривают с подобными нам ногайцами (татарами), то стараются говорить по-ногайски (по-татарски). А потому Внутренняя Орда не подходит для сбора материала для словаря казахского языка» [Там же]. От устного казахского языка в записях Ч. Валиханова смог Х. Фаизханов отличить и кыргызский язык [10, с. 276].

Словарь до нашего времени не дошел и, как говорилось выше, есть основания полагать, что материалы, добытые Х. Фаизхановым интегрировал в свой словарь Л. З. Будагов. По крайней мере, сохранились свидетельства в виде слов са-

мого Л. З. Будагова, относящихся к январю 1864 г., что он был в курсе подготовки работы Х. Фаизханова и мог получать от него какие-то материалы:

«Для киргизского наречия я пользовался материалами г. Ильминского, пометив их в словаре, с немногими исправлениями, доставленными мне муллой Хусейном Фейз-Хановым. Хотя господин декан нашего факультета словесно и разрешил мне воспользоваться материалами, собранными и самим муллой Хусейном, но я не мог пока это сделать, потому что они не приведены еще, как он говорил, в порядок» [30, л. 4].

Вряд ли из этих слов можно будет сделать заключение, что Х. Фаизханов не предоставил коллеге свои материалы по какой-то иной причине: слишком сильно современниками Х. Фаизханова подчеркивается его бескорыстие и верность служению науке (см. отзывы В. В. Вельяминова-Зернова, А. К. Казембека [14, с. 491, 493]).

Как уже говорилось, сам словарь, который готовил Х. Фаизханов ни в каком виде до нашего времени не обнаружен. Мы знаем только об оценке этой работы Х. Фаизханова, близившейся к завершению, но прерванной его смертью. Оценка была самой высокой: «приобретение весьма важное не только для учебной, но и для ученой литературы», по словам А. К. Казембека, на тот момент декана Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета.

Грамматика татарского языка

Преподавая на Факультете восточных языков, Х. Фаизханов обобщил этот опыт и зимой 1863–1864 гг. подготовил собственное учебное пособие для студентов – «Краткую грамматику татарского языка» на русском языке. Пособие было издано литографическим способом на собственные средства Х. Фаизханова, но затраты были компенсированы Факультетом [10, с. 72]. Не удовлетворенный этим результатом, он продолжал совершенствовать свое пособие. В письме Ш. Марджани от 22 октября 1864 г. он писал:

«Последние пару месяцев я занимался составлением учебника по морфологии и синтаксису нашего тюркского языка на русском языке для студентов. Полагаю, через неделю или десять дней я его завершу» [12, с. 147, 149].

Неизвестно, уложился ли Х. Фаизханов в поставленные себе же сроки, но 17 марта 1865 г. он уже может написать Ш. Марджани:

«В университете также есть дела. Написал книгу о морфологии и синтаксисе нашего языка. Каждый раз,

перечитывая, нахожу нужным что-то исправить, добавить или удалить. Все это тоже занимает мое время. Это мое собственное оригинальное сочинение, я ни за кем не следовал, никому не подражал, даже не смотрел ничьи другие книги. Наши ученики хвалят» [Там же, с. 152, 157].

Отсюда следует, что по крайней мере в рукописи работа использовалась Х. Фаизхановым в ходе преподавательской деятельности. К сожалению, работа тоже недоступна науке.

В письме Ш. Марджани земляку и одному из учеников Х. Фаизханова, Калимулле Аминову, от 9 декабря 1866 г., где среди прочего изложена просьба прислать ему в Казань оставшиеся книги и рукописи из личной библиотеки покойного, говорится, что среди них «должны быть также морфология и синтаксис, сочиненные им на татарском языке» [10, с. 319]. Пока нельзя ничего сказать насчет того, смог ли Калимулла ответить на эту просьбу и вообще выслать хоть какие-нибудь рукописи Х. Фаизханова. Выдвигалось предположение, что в каком-то виде материалы для данной грамматики использовал Абд ал-Аллам Фаизханов (1850–1910), младший брат Хусаина, каким-то образом интегрировал их в собственную грамматику татарского языка, написанную на татарском языке и изданную под названием «Татар телигэ кыскача гыйльми сарыф» («Краткая грамматика татарского языка», Казань, 1887) [31]. Одним из важных аргументов здесь является указание на то, что Абд ал-Аллам при всей своей столь же разносторонней деятельности филологом не был [9, с. 199–200]. В настоящее время вопрос пока не может быть однозначно решен.

Современные оценки компетентных специалистов касательно грамматик Хусаина и Абд ал-Аллама Фаизхановых высказаны в недавней статье, специально посвященной этой теме [32] (ср.: [27, с. 20–36]). Ф. Ш. Нуриева приводит дополнительные доводы, позволяющие подтвердить высказывавшиеся прежде в историографии мнения, что Х. Фаизханов использовал для составления своего пособия опыт «Практического руководства к изучению татарского языка» М. Махмудова (1857) [32, с. 54]. Следует заметить, что упоминание в названии работы слова «татарский» соответствует собственно татарскому языку: характерные фонетические особенности отражены в графическом обозначении. Например, может быть идентифицировано явное соответствие общетюркскому [e] татарского [i] – в словах *بیر* ‘земля’, *бир* ‘давать’ [31, с. 40] и др.

Самостоятельное значение имеют приложенные к работе Х. Фаизханова в качестве хрестоматии тексты рассказа «Калила и Димна» арабского

писателя Ибн ал-Мукаффа (ум. между 756 и 760 гг.) в собственном переводе с арабского языка на татарский, грамоты крымского хана Джанибек-Гирея (XVII в.) на крымскотатарском языке, отрывок из «Маджалис ан-нафаис» Алишера Навои (1441–1501) на среднеазиатском тюрки, отрывки из частных писем. Включение в состав пособия этих текстов как раз должно было продемонстрировать близость письменного языка разных тюркских народов и в то же время позволить учащимся увидеть специфику устной речи на этом фоне.

Нельзя не отметить, что и само осуществление перевода такого значительного памятника, как «Калила и Димна», является знаковым событием в истории татарского литературного языка. Полный перевод памятника на татарский язык издал в последующем А. Фаизханов (три отдельные книги в 1889 и 1891 гг.) [33]. Вслед за М. А. Усмановым мы должны оставить вопрос о степени самостоятельности этой работы специальным исследованиям.

Заключение

Обобщая все факты проявления деятельности Х. Фаизханова в сферах, соприкасающихся с языкознанием, можно сделать ряд значимых наблюдений, которые корректируют некоторые бытующие представления.

Во-первых, Х. Фаизханов многим обязан своей подготовке, которую он получил в ходе обучения в мусульманских (религиозных по характеру) учебных заведениях от своих наставников. Именно в этот период жизни он освоил арабский, персидский и, очевидно, письменный литературный тюрки, обрел навыки работы с текстами и почерками.

Во-вторых, при рассуждениях о способности Х. Фаизханова читать тексты на разных тюркских языках важно учитывать именно общее единство письменно-литературных языков, будь то варианты тюрки или староосманский, отличавшиеся от языков устного общения.

В-третьих, немаловажным был тот совершенно не верифицируемый с точки зрения возможностей гуманитарных наук факт, который заключается в собственных способностях Х. Фаизханова к освоению языков. Очевидно, не только эрудиция, но и природное чутье позволили ему самостоятельно освоить русский язык на уровне выше разговорного и использовать его не только как инструмент общения и получения информации, но даже переводить с него и на него научные тексты и преподавать его грамматику; точно так же объясняется и способность определять и выявлять диалектные различия в язы-

ках, с которыми он работал, и эти же знания применять при написании собственной учебной грамматики; о том же свидетельствует и способность выявить параллели с общетюркской ветвью языков в чувашском, фонетика и морфология которого достаточно своеобразно эволюционировали, или тюркизмы в марийском языке, при том что ни тот, ни другой он специально не изучал.

В-четвертых, в Х. Фаизханове сочетались и филолог, который использует владение языком как инструмент для исследования различных аспектов истории и культуры, и лингвист, который непосредственно предметно изучает сам язык. Х. Фаизханов глубоко осваивал не только грамматику и синтаксис языков, с которыми имел необходимость работать, но и фонетику, будучи способен уловить фонетические соответствия или на уровне развития лингвистики своего времени уловить взаимосвязь между теми или иными фонетическими явлениями и процессами.

Список источников

1. Мухетдинов Д. В. Х. Фаизханов и его взаимоотношения с А.К. Казембеком и Ш. Марджани: опыт переосмысления // *Ислам в современном мире*. 2023. Т. 19. № 1. С. 27–46.
2. Мухетдинов Д. В. Историческое наследие Хусаина Фаизханова // *Ислам в современном мире*. 2023. Т. 19. № 2. С. 24–46.
3. Мухетдинов Д. В. Теологическая легитимация педагогического проекта Хусаина Фаизханова // *Ислам в современном мире*. 2023. Т. 19. № 3 (в печати).
4. Мухетдинов Д. В. Три сабачайских надмогильных памятника // *Поволжская археология*. 2023 (в печати).
5. Фейзханов Х. Три надгробных болгарских надписи // *Известия Императорского археологического общества*. СПб., 1863. Т. IV. С. 396–404, табл. I–III (прилож.).
6. Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Изд. 2-е, доп. и испр. Л.: Наука, 1982. 360 с.
7. Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные, по распоряжению Императорской Академии наук, из Московского главного архива Министерства иностранных дел / Изд. В. В. Вельяминов-Зернов. СПб.: Типогр. Имп. Акад. наук, 1864. XI, 941, 30 с.
8. Вельяминов-Зернов В. В. Исследования о касимовских царях и царевичах. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1863. Ч. I. 558 с.; 1864. Ч. II. 498 с.; 1866. Ч. III. 502 с.; 1887. Ч. IV. 178 с.
9. Усманов М. А. Заветная мечта Хусаина Фаизханова. Повесть о жизни и деятельности. Казань: Тат. кн. изд-во, 1980. 223 с.
10. Мухетдинов Д. В. Хусаин Фаизхан – классик татарского просвещения, истории и педагогики. М.; Н. Новгород: ИД «Медина», 2014. 340 с.
11. Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник / пер. со старотат. А. М. Ахунова и И. Ф. Гимадеева; сост. и отв. ред. Д. В. Мухетдинов. Н. Новгород: ИД «Медина», 2008. 152 с.
12. Нерасторжимая связь: письма Хусаина Фаизханова Шихабутдину Марджани / ред.-сост. Д. В. Мухетдинов. 2-е изд. испр. и дополн. М.: ИД «Медина», 2018. 204, 3^у с.
13. Центральные государственные исторические архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 1. Д. 5615 (Об определении преподавателей практических уроков Ахмет Бен-Хусейна, Ламы Гомбоева и Кельзи и об определении муллы-Хусейна Фейз-Ханова по турецко-татарскому. 20 февраля 1856 г.). 276 л.
14. Хөсәен Фәезханов: тарихи-документаль жьыентык / [төзүче автор: Р. Мәрданов]. Казан: Жьен, 2006. 704 б.
15. Благова Г. Ф. Вариантные заимствования *туро* ~ *тюор* и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов) // *Туркологический сборник*. 1972 / ред. кол.: А. Н. Кононов (отв. ред.), С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, С. С. Цельникер. М.: Наука, 1973. С. 93–140.
16. Тенишев Э. Р. Языки древне- и среднетюркских письменных памятников в функциональном аспекте // *Вопросы языкознания*. 1979. № 2. С. 85–93.
17. Doerfer G. Chaghatay Language and Literature // *Encyclopaedia Iranica* / ed. by E. Yarshater. Costa Mesa, CA: Mazda, 1992. Vol. 5. Carpets–Coffee. P. 339–343.
18. Boeschoten H. Chaghatay // *The Turkic Languages* / eds. L. Johanson, É. Á. Csató. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2022. P. 160–174.
19. Agyagási K. Chuvash // *The Turkic Languages* / eds. L. Johanson, É. Á. Csató. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2022. P. 460–478.
20. Катанов Н. Ф. Этнографический обзор турецко-татарских племен: вступительная лекция в курс обозрения тур.-татар. племен, прочит. в Имп. Казан. ун-те 29 янв. 1894 г. Казань: Типо-литогр. Имп. ун-та, 1894. 22 с.
21. Словарь джагатайско-турецкий / издал В. В. Вельяминов-Зернов. СПб.: Типогр. Акад. наук, 1868. 31, 420 с.
22. Ильминс и й Н. И. О фонетических отношениях между чувашским и тюркскими языками // *Известия археологического общества*. 1865. Т. V. С. 80–84
23. Ашмарин Н. И. Болгары и чуваша. Казань: Типо-литогр. Имп. Уни-та, 1902. 132 с.
24. Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типо-литография Императорского Ун-та, 1898. Ч. 1: Учение о звуках. XXXIV, 382 с.
25. Ашмарин Н. И. Опыт исследования чувашского синтаксиса: [в 2-х ч.]. Казань: Типо-литогр. В. М. Ключникова, 1903. Ч. I. 14, XII, 573 с
26. Понне Н. Н. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам // *Известия Рос-*

сийской Академии Наук. VI сер. 1924. Т. 18. Вып. 12. С. 289–314.

27. Димитриев В. Д. О книге Г. В. Юсупова «Введение в болгаро-татарскую эпиграфику» // Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (ЧНИИ) / ред. В. А. Андреев, В. Д. Дмитриев. Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1963. Вып. XXIII. С. 255–263

28. Федотов М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. Ч. II. 136 с.

29. За и ев М. З. Об истоках языка основных компонентов казанских татар (к этногенезу тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья) // Вопросы татарского языкознания / отв. ред. М. З. Закиев. Казань: Изд-во Казан. гос. пед. Ун-та, 1978. С. 3–65 (Ученые записки Казанского государственного педагогического унив.-та (КГПИ). Вып. 186).

30. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 15503 (Протоколы заседаний факультета восточных языков с материалами к ним). 166 л.

31. Фаизханов Х. Краткая учебная грамматика татарского языка. Фаизханов А. Краткая научная морфология татарского языка / под. общ. ред. Д. В. Мухетдинова; пер. со старотат. Т. Х. Хабибуллина. М.: «ИД Медина», 2022. 240 с.

32. Нуриева Ф. Ш. Грамматические труды братьев Фаизхановых в развитии татарской лингвистической науки // Ислам в современном мире. 2017. Т. 13. № 4. С. 46–64.

33. Исмагилов Н. Ф. Роль Г. Фаизханова в развитии татарского литературного языка на примере перевода «Калилы и Димны» // Религиозное образование мусульман Волжско-Сурского региона: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития. Сборник материалов к пятилетию ежегодного научно-практического семинара «Рухи мирас» («Духовное наследие») [2008]. URL: <https://idmedina.ru/books/materials/?878> (дата обращения: 11.04.2023).

References

1. Mukhetdinov, D. V. (2023). *Kh. Faizkhanov i ego vzaimootnosheniya s A. K. Kazembekom i Sh. Mardzhani: opyt pereosmyleniya* [Faizhanov's Relationships with A. K. Kazembek and Sh. Mardjani]. *Islam v sovremennom mire*. Vol. 19. No. 1, pp. 27–46. (In Russian)

2. Mukhetdinov, D. V. (2023). *Istoricheskoe nasledie Khusaina Faizkhanova* [Historical Heritage of Khusain Faizkhanov]. *Islam v sovremennom mire*. Vol. 19. No. 2, pp. 27–46. (In Russian)

3. Mukhetdinov, D. V. (in print) *Teologicheskaya legitimatsiya pedagogicheskogo proekta Khusaina Faizkhanova* [Theological Legitimation of Khusain Faizkhanov's Pedagogical Project]. *Islam v sovremennom mire*. Vol. 19. No. 3. (In Russian)

4. Mukhetdinov, D. V. (in print) *Tri sabachaiskih nadmogil'nyh pamyatnika* [The Sabachay Burial Gravestones]. *Povolzhskaya arheologiya*. (In Russian)

5. Feizkhanov, Kh. (1863). *Tri nadgrobnyyh bulgarskih nadpisi* [Three Gravestone Bulgar Inscriptions]. *Izvestiya Imperatorskogo arheologicheskogo obshchestva*. Vol. 4, pp. 396–404, tabl. 1–3. (In Russian)

6. Kononov, A. N. (1982). *Istoriya izucheniya tyurkskikh yazykov v Rossii. Dooktyabr'skii period* [The History of Turkic Languages Studies in Russia. The Pre-October Period]. Izd. 2-e, dop. i ispr. 360 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

7. Vel'yaminov-Zernov, V. V. (1864). *Materialy dlya istorii Krymskogo hanstva, izvlechennyye, po rasporyazheniyu Imperatorskoi Akademii nauk, iz Moskovskogo glavnogo arkhiva Ministerstva inostrannykh del* [Materials for the History of the Crimean Khanate, Extracted, by Order of the Imperial Academy of Sciences, from the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs]. XI, 941, 30 p. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. (In Russian)

8. Vel'yaminov-Zernov, V. V. (1863–1887). *Issledovaniya o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [Studies on the Kasimov Tsars and Princes]. Vol. 1–4. 558 p.; 498 p.; 502 p.; 178 p. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. (In Russian)

9. Usmanov, M. A. (1980). *Zavetnaya mechta Khusaina Faizkhanova. Povest' o Zhizni i Deyatel'nosti* [A Cherished Dream of Khusain Faizkhanov. A Story about His Life and Activities]. 223 p. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)

10. Mukhetdinov, D. V. (2014). *Khusain Faizkhan – klassik tatarskogo prosveshheniya, istorii i pedagogiki* [Khusain Faizkhan as a Classic of Tatar Education, History and Pedagogy]. 340 p. Moscow, Nizhnii Novgorod, “Medina”. (In Russian)

11. Mukhetdinov, D. V. (2008). *Khusain Faizhanov. Zhizn' i nasledie: istoriko-dokumental'nyi sbornik* [Khusain Faizkhanov. His Life and Legacy: Historical and Documentary Collection]. 152 p. Nizhnii Novgorod, “Medina”. (In Russian)

12. Mukhetdinov, D. V. (2018). *Nerastorzhimaya svyaz': pis'ma Khusaina Faizhanova Shikhabutdinu Mardzhani* [An Indissoluble Bond: Khusain Faizkhanov's Letters to Shikhabutdin Mardjani]. Izd. 2-e, dop. i ispr. 204 p. Moscow, “Medina”. (In Tatar, in Russian)

13. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Historical Archive of St. Petersburg]. F. 14. Inv. 1. F. 5615, 276 list. (In Russian)

14. Mardanov, R. (2006). *Khusaen Faizhanov: takrihi-dokumental' zhyentyk* [Khusain Faizkhanov: A Collection of Historical Documents]. 704 p. Kazan, Zhyen. (In Tatar, in Russian)

15. Blagova, G. F. (1973). *Variantnye zaimstvovaniya turok ~ tyurk i ikh leksicheskoe obosoblenie v russkom yazyke (K stanovleniyu obobshchayushhego imeni tyurkoyazychnykh narodov)* [Variant Borrowings of the turok ~ tyurk and Their Lexical Isolation in the Russian Language (On the Formation of a Generalizing Name for the Turkic-speaking Peoples)]. Red. kol.: A. Kononov (otv. red.), S. Klyashtornyi, Yu. Ptrosyan, S. Tselniker. *Tyurkologicheskii sbornik*. 1972. Pp. 93–140. Moscow, Nauka. (In Russian)

16. Tenishev, E. R. (1979). *Yazyki drevne- i srednetyurkskikh pis'mennykh pamyatnikov v funktsional'nom*

aspekte [Languages of Old and Middle Turkic Written Monuments in a Functional Aspect]. *Voprosy yazykoznaniiya*. Vol. 2, pp. 85–93. (In Russian)

17. Doerfer, G. (1992). *Chaghatay Language and Literature*. Yashater E. (ed.) *Encyclopaedia Iranica*. Vol. 5. Carpets–Coffee. Pp. 339–343. Costa Mesa, CA, Mazda. (In English)

18. Boeschoten, H. (2022). *Chaghatay. The Turkic Languages*. Eds. L. Johanson, É. Á. Csató. 2nd ed. Pp. 160–174. London; New York, Routledge. (In English)

19. Agyagási, K. (2022). *Chuvash. The Turkic Languages*. Johanson L., Csató É. Á. (eds.). 2nd ed. Pp. 460–478. London; New York, Routledge. (In English)

20. Katanov, N. F. (1894). *Etnograficheskii obzor turetsko-tatarskikh plemen* [An Ethnographic Survey of the Turkish-Tatar Tribes]. 22 p. Kazan', Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta. (In Russian)

21. Vel'yaminov-Zernov, V. V. (1868). *Slovar' dzhagataisko-turetskii* [Chaghatay-Turkish Dictionary]. 31, 420 p. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. (In Russian)

22. Il'minskii, N. I. (1865). *O foneticheskikh otnosheniyah mezhdru chuvashskim i tyurkskimi yazykami* [On the Phonetic Relations between the Chuvash and Turkic Languages]. *Izvestiya arheologicheskogo obshchestva*. Vol. 5, pp. 80–84. (In Russian)

23. Ashmarin, N. I. (1902). *Bolgary i chuvashi* [Bulgars and Chuvashes]. 132 p. Kazan', Tipo-litografiya Imperatorskogo Universiteta. (In Russian)

24. Ashmarin, N. I. (1898) *Materialy dlya issledovaniya chuvashskogo yazyka* [Materials for the Chuvash Language Studies]. Vol 1. *Uchenie o zvukah*. XXXIV, 382 p. Kazan', Tipo-litografiya Imperatorskogo Universiteta. (In Russian)

25. Ashmarin, N. I. (1903). *Opyt issledovaniya chuvashskogo sintaksisa* [Experience in Studying Chuvash Syntax]. Vol. 1. 14, XII, 573 p. Kazan', Tipo-litografiya V. M. Klyuchnikova. (In Russian)

26. Poppe, N. N. (1924). *Chuvashskii yazyk i ego otnoshenie k mongol'skomu i turetskim yazykam* [The Chuvash Language and Its Relation to the Mongolic and Turkish Languages]. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk*. Ser. 6, vol. 18. No. 12, pp. 289–314. (In Russian)

27. Dimitriev, V. D. (1963). *O knige G. V. Yusupova "Vvedenie v bulgaro-tatarskuyu epigrafiku"* [About G. V. Yusupov's Book "Introduction to the Bulgaro-Tatar Epigraphy"]. *Uchenye zapiski Nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury, istorii i ekonomiki pri Sovete ministrov Chuvashskoi ASSR*. Vol. 23, pp. 255–263. (In Russian)

28. Fedotov, M. R. (1983). *Chuvashskii yazyk v sem'e altaiskikh yazykov* [The Chuvash Language among the Altaic Languages]. Vol. 2. 136 p. Cheboksary, Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)

29. Zakiev, M. Z. (1978). *Ob istokah yazyka osnovnykh komponentov kazanskikh tatar (k etnogenezu tyurko-yazychnykh narodov Povolzh'ya i Priural'ya)* [On the Origins of the Language of the Main Components of the Kazan Tatars (on the ethnogenesis of the Turkic-speaking peoples of the Volga and Ural Regions)]. Zakiev M. Z. (ed.). *Voprosy tatarskogo yazykoznaniiya*. Pp. 3–65. Kazan', izdatel'stvo Kazanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. (In Russian)

30. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Historical Archive of St. Petersburg]. F. 14. Inv. 3. F. 15505, 166 list. (In Russian)

31. Faizkhanov, Kh. (2022). *Kratkaya uchebnaya grammatika tatarskogo yazyka* [Short Educational Grammar of the Tatar Language]. Faizkhanov A. *Kratkaya nauchnaya morfologiya tatarskogo yazyka*. 240 p. Moscow, "Medina". (In Tatar, in Russian)

32. Nurieva, F. Sh. (2017). *Grammaticheskie trudy brat'ev Faizhanovykh v razvitii tatarskoi lingvisticheskoi nauki* [The Faizkhanov Brothers' Works on Grammar in the Tatar Linguistics Development]. *Islam v sovremennom mire*. Vol. 13. No. 4, pp. 46–64. (In Russian)

33. Ismagilov, N. F. (2008). *Rol' G. Faizkhanova v razvitii tatarskogo literaturnogo yazyka na primere pervoda "Kalily i Dimny"* [The Role of G. Faizkhanov in the Development of the Tatar Literary Language Based on His Translation of "Kalila and Dimna"]. *Religioznoe obrazovanie musul'man Volzhsko-Surskogo regiona: istoricheskii opyt, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya*. *Sbornik materialov k pyatiletuyu ezhegodnogo nauchno-prakticheskogo seminaru "Rukhi miras" ("Dukhovnoe nasledie")*. URL: <https://idmedina.ru/books/materials/?878> (accessed: 11.04.2023). (In Russian)

The article was submitted on 05.07.2023

Поступила в редакцию 05.07.2023

Мухетдинов Дамир Вайсович,

доктор теологии, ректор,

профессор,

Московский исламский институт,

119435, Россия, Москва,

Кирова, 12;

Санкт-Петербургский государственный

университет,

199034, Россия, Санкт-Петербург,

Университетская наб., 11.

dmukhetdinov@gmail.com

Mukhetdinov Damir Vaisovich,

Doctor of Theology, Rector,

Professor,

Moscow Islamic Institute,

12 Kirov Str.,

Moscow, 119435, Russian Federation;

Saint Petersburg State University,

11 Universitetskaya Naberezhnaya,

St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

dmukhetdinov@gmail.com

УДК 811.112

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-54-59

ГОРОДСКОЕ ПРОСТОРЕЧИЕ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОФОНЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

© Леонид Рудяков

NONSTANDARD DIALECT PRONUNCIATION AS AN OBJECT OF SOCIOPHONETIC RESEARCH (BASED ON GERMAN)

Leonid Rudyakov

The issue of studying the linguistic variation, caused by the stratification of society into different strata and groups, has not been solved so far, remaining one of the key issues in modern linguistics. This article deals with the concept “nonstandard dialect” in the framework of sociolinguistic research into the German-speaking tradition, which belongs to the field of studies of linguistic variability of the German language native speakers. Nonstandard dialects may differ from other forms of language existence, as well as from the literary language at all linguistic levels: phonological, grammatical, syntactical, lexical and idiomatic. We examine various forms of the vernacular existence, including urban vernaculars. The focus is on the consideration of the features characterizing language variations at phonological and phonetic levels. This is caused by the necessity of determining sources and patterns of linguistic variations at the phonetic level, one of which, in our opinion, may be the nonstandard dialect as one of the forms of language existence. The article touches upon such notions as: colloquial language, regional norms and regional peculiarities of pronunciation. The article presents some pronunciation peculiarities of Cologne inhabitants’ urban colloquial speech at the segmental level of the German language phonetic system.

Keywords: sociolinguistics, sociophonetics, nonstandard dialect, urban nonstandard dialect, linguistic variation

Вопрос изучения языковой вариативности, обусловленной стратификацией общества на различные слои, группы, до сих пор окончательно не решен и остается одним из ключевых в современном языкознании. Данная статья посвящена рассмотрению понятия «просторечие» в рамках социолингвистических исследований немецкоязычной традиции, которое относится к области исследований языковой вариативности носителей немецкого языка. Просторечие может отличаться от других форм существования языка, включая литературный язык, на всех языковых уровнях: фонологическом, грамматическом, синтаксическом, лексическом и идиоматическом. Рассматриваются различные формы существования просторечия, в том числе и городское просторечие. Главный акцент делается на рассмотрение особенностей выражения языковой вариативности на фонологическом и фонетическом уровнях. Это обусловлено необходимостью определения источников и закономерностей языковых изменений на фонетическом уровне, одним из которых, на наш взгляд, может являться просторечие как одна из форм существования языка. Затрагиваются также такие понятия, как «разговорные языки», «региональная норма», «региональные особенности произношения». В статье также представлены некоторые произносительные особенности городского просторечия жителей города Кёльн на сегментном уровне фонетической системы немецкого языка.

Ключевые слова: социолингвистика, социофонетика, просторечие, городское просторечие, языковая вариативность

Для цитирования: Рудяков Л. Городское просторечие как объект социофонетического исследования (на материале немецкого языка) // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №3 (73). С. 54–59. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-54-59

Интерес современных отечественных и зарубежных исследователей к изучению языка с точки зрения социолингвистики определяется в первую очередь постоянными изменениями, фикси-

руемыми на всех уровнях языковой системы. В основе подобных языковых процессов лежит вариативность, вызванная взаимодействием языковых и социальных структур. Говоря об основных направлениях развития литературной нормы, важно ответить на вопрос о том, какие факторы оказывают решающее влияние на формирование нормы языка.

В рамках деятельности научной школы социофонетики и фоностилистики профессора А. Д. Петренко особое внимание уделяется исследованиям в области вариативности языка, в частности, на фонологическом и фонетическом уровнях. Вопрос изучения языковой вариативности, обусловленной стратификацией общества на различные слои, группы, до сих пор окончательно не решен и остается одним из ключевых в современном языкознании [1]. В своей основе возникновение этих вопросов обусловлено необходимостью определения источников и закономерностей языковых изменений на фонетическом уровне, одним из которых, на наш взгляд, может являться просторечие как одна из форм существования языка. Как отмечал В. М. Жирмунский, социальная дифференциация языка не может рассматриваться статически, в плоскости синхронного среза, без учета динамики социального развития языка. Язык всегда представляет собой систему в движении, разные элементы которой в разной мере продуктивны и движутся с разной скоростью. Описывая структуру языка с точки зрения социальной дифференциации, необходимо учитывать прошлое и будущее, то есть всю потенциальную перспективу ее социального развития [2, с. 14].

В рамках исследования просторечия как языкового явления были использованы методические принципы социолингвистического исследования вариативности произношения, разработанные В. Лабовым на основе изучения речи носителей английского языка в США [3]; А. Д. Петренко [4], [5], С. Е. Перепечкиной [6], Д. А. Петренко [7] в контексте изучения языковой вариативности в Германии.

В немецкоязычной традиции просторечие (Substandard) – субстандартная разновидность, ненормативная (нестандартная) разновидность языка – относится к области разговорного языка уровнем ниже нормативного (стандартного) языка. Таким образом, и диалектные, и региолектные разновидности (разговорные языки) относятся к области просторечного, субстандартного языка. Чтобы избежать возможного уничижительного аспекта суб- или под-, также используется универсальный термин «нестандартный язык» (Nonstandard) [8].

В разграничении нормативного и просторечного при описании вариативности значительной проблемой является вопрос адекватной терминологии. Это становится особенно очевидным на примере многозначного двусмысленного «полутермина» разговорного языка [9]. Например, Х. Менге, пытаясь дать определение термину «разговорный язык», приходит к выводу, «что термин “разговорный язык” используется или использовался для всех форм языкового существования» [10]. Проблема особенно серьезна в случае разграничения того, что следует считать стандартным или нестандартным. Когда мы говорим о региональном стандартном языке, именно эта проблема разграничения связана с понятием стандартного языка на фонетическом уровне. Х. Штегер определяет региональный стандарт (который он называет разговорным стандартным языком) как «тип языка, для которого региональное влияние с фонетической стороны является правилом и который регулярно соответствует в морфологии, синтаксисе и лексике надрегиональному стандартному типу» [11, с. 255]. Это влияние с фонетической стороны представлено в исследованиях В. Кёнига для территории бывшей Федеративной Республики Германия [12]. Определение Х. Штегера является убедительным, поскольку оно относится ко всему языковому репертуару, включая морфологию и т. д. Однако, если обсуждение ведется на чисто фонетическом уровне (а почти все существующие определения разновидностей и речевых ситуаций основаны на фонетическом уровне), приравнивание явно регионально интерферированного способа говорения, независимо от степени диалектности, к стандартному языку должно быть оценено как проблематичное. Как только стандартный язык определяется как переменная единица, проблема четкого, то есть однозначного лингвистического разграничения, вряд ли может быть преодолена. Если же на чисто лингвистическом уровне не удастся надежно отделить особенности стандартного языка от особенностей нестандартного, то можно усомниться в значимости такого понятия: «Сущность настоящего стандартного языка, как факта или даже как идеала, заключается именно в его единообразии. Сообщество, отказавшееся от этого идеала, принимает общий язык, которому разрешено любое дальнейшее развитие. Стандартный язык, даже как идеал, является реалистичным понятием, только если он однороден и единообразен. Вариативность противоречит этой идее» [13, с. 164]. Однако концепция регионально дифференцируемого стандартного языка может быть значимой, если она обоснована прагматически и, следова-

тельно, экстралингвистически как с точки зрения говорящего, так и с точки зрения слушающего.

В русскоязычной традиции понятие «просторечие» впервые было введено Д. Ушаковым в значении «речь необразованного и полуобразованного городского населения, не владеющего литературными нормами» [14, с. 616]. В современном просторечии выделяются два временных пласта: пласт старых, традиционных средств, отчётливо обнаруживающих своё диалектное происхождение, и пласт сравнительно новых средств, пришедших в просторечие преимущественно из социальных жаргонов [15]. В языковом отношении различия между этими двумя пластами просторечия проявляются на всех уровнях – от фонетики до синтаксиса. На фонетическом уровне просторечие определяется следующими характеристиками: общая небрежность речи; малая громкость, быстрый темп, неразборчивая речь; чрезмерное упрощение групп согласных; невыразительная интонация.

Стандартный язык означает, что говорящий, учитывая ситуативные параметры, чувствует себя вынужденным создавать речевую ситуацию, которая максимально приближена к его индивидуальному представлению о языковой норме. Такое индивидуальное представление о данном понятии в конечном итоге основано на региональном опыте и на опыте социализации формального способа говорить и, таким образом, на речевых позициях, которые другие говорящие определяют как формально подходящие для себя под влиянием индивидуальных условий социализации. Эта вариативная речевая позиция считается стандартной, если она соответствует запросу носителей языка в определенных ситуациях общения. Следовательно, такое понятие как «стандарт» не следует путать со стандартной языковой компетенцией. С точки зрения говорящего, речь идет о ситуативной адекватности, а не о максимальном приближении к кодифицированному стандарту [16]. С точки зрения слушателя, стандартная языковая компетенция существует тогда, когда слушатели в определенных ситуациях общения ожидают речевой ситуации, которую они субъективно – также под влиянием индивидуальных условий социализации – признают стандартной языковой, и это ожидание оправдывается. В этих условиях стандартом, таким образом, является языковая ситуация, которая максимально полно удовлетворяет перечисленным многочисленным субъективным условиям и не санкционируется участниками коммуникации. Некодифицированные региональные языковые особенности, которые можно наблюдать и количественно оценивать в таком речевом мате-

риале, являются конституирующими признаками регионально дифференцируемого стандарта. Проблема такой концепции заключается в том, что на вопрос о том, какие варианты можно отнести к стандарту, а какие нет, можно ответить только эмпирически, принимая во внимание установочные условия. Для этого, однако, необходимо доказать на практике, какие намерения говорящего и суждения слушателя существуют в деталях для конкретных высказываний, что в конечном итоге (если вообще возможно) методологически очень трудно сделать, тем более, если предполагается надрегиональная сопоставимость. В этой связи рекомендуется идеальнотипическая концепция стандартного языка, которая действует независимо от функциональных аспектов на чисто лингвистическом уровне и основана на инвариантности стандартного языка. Вслед за Г. Беллманном и П. Ауэром следующие объяснения основываются на предположении о существовании континуума вариантов между полюсами стандартного языка и основного диалекта, внутренняя структура которого доступна лингвисту с помощью экстралингвистического подхода [9]. Поскольку мы имеем дело с конечным континуумом вариантов, его крайние точки, как единственные элементы континуума, пунктуальны и, следовательно, инвариантны. Определение, основанное на экстралингвистических категориях – как в непрерывном промежуточном диапазоне этих полюсов для охвата вариативных диапазонов – не требуется: «Существует тенденция каждого партнера по коммуникации приспособляться к ситуативным нормам и престижным языковым нормам, установленным другим партнером, и выбирать разновидность, которая кажется подходящей в каждом случае» [Там же, с. 125]. Вместо этого возможно четкое лингвистическое определение. Поэтому в дальнейшем инвариантные полюса континуума вариантов, которые присутствуют в разновидностях стандартного и основного диалекта, понимаются П. Ауэром как «лингвистически дистиллированные, свободные от вариаций конструктивные разновидности за пределами фонологического повседневного языка» [17, с.163]. Концепция «стандартного языка» по существу основана на определениях, разработанных, в частности, У. Аммоном: супрарегиональность, инвариантность, кодификация [18]. Поскольку в рамках работы научной школы социофонетики и фоностилистики профессора А. Д. Петренко придерживаются мнения, что тенденции языковых изменений наиболее выражены на фонетическом и фонологическом уровнях, особое внимание уделяется фонетическому инвентарю говорящего. Стандарт

как явление имеет в данном случае тесные связи с орфоэпией.

На нормативно-теоретическом уровне стандарт, таким образом, описывает теоретическую конструкцию, на эмпирическом – результат статистического анализа. Все варианты, которые не соответствуют этой стандартной спецификации языка, должны быть включены в категорию «просторечных». В той мере, в какой эти варианты предоставляют информацию о географическом происхождении их носителей, они являются вариантами региональных языков. В той мере, в какой эти варианты (каким бы то ни было образом) предоставляют информацию о социальном происхождении или положении их носителей, они являются вариантами социальных диалектов. Составляющие лингвистические особенности региональных языков называются здесь в общем смысле регионализмами. Регионализмы также используются для описания фонетических особенностей, которые не соответствуют основному диалектному репертуару вариантов, но тем не менее являются результатом специфического регионального происхождения носителей и, таким образом, указывают на регион первичной языковой социализации [19]. Данный принцип применяется, например, в случае гиперкоррекции или фонетического компенсаторного явления коронализации [ç], которое «похоже, развивается в региональный лингвистический шибболет субстандартных разновидностей по всей Западной и Восточно-Центральной Германии [20]. Подмножеством этих регионализмов являются диалектные особенности, описанные Херргеном / Шмидтом как реманентные особенности, «которые носители сохраняют с предполагаемым стандартным произношением, несмотря на высокое метакоммуникативное внимание» [21], и репертуар вариантов этих особенностей является результатом соответствующего основного диалекта. Для Г. Беллманна стандарт означает «в значительной степени кодифицированный сегодня письменный и устный язык с общей валидностью и максимальным диапазоном» [9, с. 120]. Под «основным диалектом» Г. Беллманн понимает относительный термин, обозначающий диалект «с наиболее высокой средней диалектностью и с определенным эксклюзивно-локальным фондом, который все чаще оценивается как архаичный» [Там же]. С лингвистической точки зрения в такой концепции обозначение «региональная норма» выглядит противоречиво потому, что региональные стандарты образуются из региональных языковых – и, следовательно, нестандартных языковых – особенностей.

Так, например, одними из особенностей городского просторечия жителей города Кёльн на произносительном уровне являются: реализация [k] вместо [ç] в диминутивных формах; сохранение [t] вместо [s] в ауслауте; выпадение [t] в ауслауте после согласного; спонантизация /g/ [] / [ç] / []; отсутствие африкаты [pf]; выпадение -l, -r перед согласным; увеличение долготы коротких гласных; количественная редукция гласных; замена гласных низкого подъема на гласные высокого подъема; вокализация -r перед согласным с увеличением долготы предыдущего гласного; замена дифтонгов монофтонгами.

В Галле, одном из крупнейших городов Саксонии-Анхальт, и в непосредственной близости от него говорят на городском разговорном языке восточносредненемецкого характера с типичными лингвистическими особенностями. В городе Галле и близлежащих деревнях района диалект все еще полностью развит. Из-за своего пограничного расположения диалект города Галле классифицируется, с одной стороны, как верхнесаксонский, а с другой - как тюрингский [17].

Примеры языковых особенностей диалекта города Галле:

- p, t, k переходит в b, f, d, g: pfeffern – feffrn, Teufel – Deiwel
- g- переходит в j-: gehen – jehn, geboren – jeborn
- ng- переходит в nk-: jung – junk
- -oden переходит в oddn: Boden – Boddn
- -en переходит в -m, -n или выпадает: treiben – dreim, kommen – gomm, fangen – fang
- -pfen переходит в -bn: hüpfen – hübn, dampfen – dambn
- -nd переходит в -nn: Kinder – Kinnor
- -er und -ir переходит в -or или -r: der – dor, mir – mor – mr

Совпадение фонетических и грамматических особенностей с некоторыми другими нижненемецкими диалектами подтверждается историческим переселением жителей других территорий Германии в данный регион.

Таким образом, просторечие и его различные способы выражения являются формой существования языка, исторически возникающей в определенный период его существования и имеющей собственные особенности на всех языковых уровнях: от фонетических и фонологических до лексики и фразеологии. Эти особенности, находясь на периферии определенной социальной категории (например, возрастной, поскольку среди носителей просторечия преобладают представители среднего и молодого поколений), могут быть источниками изменений, которые проникают в литературную норму языка. Поиск дан-

ных источников и доказательств является одной из задач современной социолингвистики в контексте изучения языковой вариативности, в частности, на фонетическом и фонологическом уровнях. Исходя из этого, произносительные особенности носителей просторечия являются адекватным объектом социолингвистического исследования.

Список источников

1. Петренко Д. А. О некоторых проблемах социально-функциональной стратификации языка / Д. А. Петренко, М. В. Чернышова // Ученые записки КФУ имени В.И.Вернадского. Научный журнал. Филологические науки. Том 1(67), №1. Симферополь, 2015. С. 189–196.
2. Жирмунский В. М. Проблемы социальной дифференциации языков // Язык и общество. Л.: Наука, 1968. 256 с.
3. Labov W. The Social Stratification of English in New York City / W. Labov. Second edition. Oxford University Press, 2006. 485 p.
4. Петренко А. Д. Опыт изучения фонетической стратификации речи // Социофонетика и фоностилистика (опыт, актуальная проблематика, перспективы): монография / А. Д. Петренко, В. М. Бухаров, Д. А. Петренко [и др.]; под ред. д-ра филол. наук, проф. А. Д. Петренко. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 13–69.
5. Петренко А. Д. Понятие социального диалекта. Его особенности и отличительные черты / Петренко А. Д., Петренко Д. А., Черныш И. В., Щелкова Е. Е. // Культура народов Причерноморья. № 3. 1998. С. 232–236.
6. Перепечкіна С. Є. Фоностилістична варіативність мовлення викладачів Німеччини: автореф. дис... канд. филол. наук: Київ, 2006. 33 с.
7. Петренко Д. О. Соціофонетична варіативність произношення политических деятелей Германии: автореф. дис... канд. филол. наук: Киев, 2003. 20 с.
8. Ulrich Ammon: Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten. Walter de Gruyter, Berlin/New York 1995. Pp. 82–88;
9. Bellmann, Günter (1983): Probleme des Substandards im Deutschen. In: MATTHEIER, KLAUS J. (Hg.) (1983a). Pp. 105–130.
10. Menge, HEINZ H. (1982): Was ist Umgangssprache? Vorschläge zur Behandlung einer lästigen Frage. In: Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik 49(1). Pp. 52–63.
11. Steger, Hugo (1984): Bemerkungen zum Problem der Umgangssprachen. In: BESCH, WERNER [u. a.] (Hg.): Festschrift für Siegfried Grosse zum 60. Geburtstag. Göppingen: Kümmerle (Göppinger Arbeiten zur Germanistik 423). Pp. 251–278.
12. König, Werner (1989): Atlas zur Aussprache des Schriftdeutschen in der Bundesrepublik Deutschland. 2 Bände. Ismaning: Hueber. 332 p.

13. Stroop, J.P.A. (1992): Towards the end of the standard language in the Netherlands. In: LEUVENSTEIJN, J. A. / BERNS, J. B. (Hg.). Pp. 162–177.

14. ПРОСТОРЕЧИЕ // Большая российская энциклопедия. Том 27. Москва, 2015. 766 с.

15. Veith, Werner H. (1983): Die Sprachvariation in der Stadt. Am Beispiel von Frankfurt am Main. In: Muttersprache 93. Pp. 82–90.

16. Дьячок М. Т. Русское просторечие как социолингвистическое явление. Архивная копия от 15 мая 2012 на Wayback Machine // Гуманитарные науки. Вып. 21. М., 2003. С. 102–113.

17. Auer, Peter (1990): Phonologie der Alltagssprache. Eine Untersuchung zur Standard/Dialekt-Variation am Beispiel der Konstanzer Stadtsprache. Berlin/New York: Walter de Gruyter (Studia Linguistica Germanica 28). Pp. 161–184.

18. Ammon, Ulrich (1986): Explikation der Begriffe ‚Standardvarietät‘ und ‚Standardsprache‘ auf normtheoretischer Grundlage. In: HOLTUS, GÜNTER / RADTKE, EDGAR (Hg.): Sprachlicher Substandard. Tübingen: Niemeyer (Konzepte der Sprach- und Literaturwissenschaft 36). Pp. 1–36.

19. Chambers, Jack K. / Trudgill, Peter (1998): Dialectology. Second edition. Cambridge: Cambridge University Press. 201 p.

20. Dingeldein, Heinrich J. (1997): Sprachvarietäten in ‚Mitteldeutschland‘. Gebrauch und Räumlichkeit. In: STICKEL, GERHARD (Hg.). Pp. 109–141.

21. Herrgen, Joachim / Schmidt, Jürgen, Erich (1985): Systemkontrast und Hörerurteil. Zwei Dialektalitätsbegriffe und die ihnen entsprechenden Meßverfahren. In: Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik 52(1). Pp. 20–42.

References

1. Petrenko, D. A. (2015). *O nekotorykh problemakh sotsial'no-funktional'noi stratifikatsii yazyka* [On Some Problems of Socio-Functional Stratification of Language]. D. A. Petrenko, M. V. Chernyshova. Uchenyye zapiski KFU imeni V. I. Vernadskogo. Nauchnyy zhurnal. Filologicheskkiye nauki. Tom 1(67). No. 1, pp.189–196. Simferopol. (In Russian)
2. Zhirmunsky, V. M. (1968). *Problemy sotsial'noi differentsiatsii yazykov* [The Problem of Social Differentiation of Language]. Yazyk i obshchestvo. 256 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)
3. Labov, W. (2006). *The Social Stratification of English in New York City*. W. Labov. Second edition. 485 p. Oxford University Press. (In English)
4. Petrenko, A. D. (2018). *Opyt izucheniya foneticheskoi stratifikatsii rechi. Sotsiofonetika i fonostilistika (opyt, aktual'naya problematika, prespektivy): monografiya* [Experience of Studying Speech Phonetic Stratification. Sociophonetics and Phonostylistics (Experience, Topical Issues, Perspectives): A Monograph]. A. D. Petrenko, V. M. Bukharov, D. A. Petrenko [i dr.]; pod red. d-ra filol. nauk, prof. A. D. Petrenko. Pp. 13–69. Moscow, INFRA-M. (In Russian)

5. Petrenko, A. D. (1998). *Ponyatie sotsial'nogo dialekta. Ego osobennosti i otlichitel'nye cherty* [The Concept of Social Dialect. Its Peculiarities and Distinctive Features]. A. D. Petrenko, D. A. Petrenko, I. V. Chernysh, E. E. Shchelkova. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. No. 3, pp. 232–236. (In Russian)
6. Perepechkina, S. E. (2006). *Fonostilistichna variativnost' movlennya vikladachiv Nimechchini: avtoref. dis.... kand. filol.nauk* [Phonological Variability of German Teachers' Speech: Ph. D. Thesis Abstract]. S. E. Perepechkina. Kyiv, 33 p. (In Ukrainian)
7. Petrenko, D. O. (2003). *Sotsiofonetichna variativnost' proiznosheniya politicheskikh deyatelei Germanii: avtoref. dis.... kand. filol. nauk* [Socio-Phonetic Variability of Pronunciation of Political Figures in Germany: Ph. D. Thesis Abstract]. D. O. Petrenko. Shevchenko Kyiv National University. Kyiv, 20 p. (In Ukrainian)
8. Ulrich Ammon (1995). *Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz* [The German Language in Germany, Austria and Switzerland]. Das Problem der nationalen Varietäten. Pp. 82–88. Walter de Gruyter, Berlin/New York. ISBN 3-11-014753-X. (In German)
9. Bellmann, G. (1983). *Probleme des Substandards im Deutschen* [Problems of the Substandard in German]. (1983a). Pp. 105–130. MATTHEIER, KLAUS J. (Hg.). (In German)
10. Menge, Heinz H. (1982). *Was ist Umgangssprache? Vorschläge zur Behandlung einer lästigen Frage* [What Is Slang? Suggestions for Dealing with the Annoying Question]. *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*. No. 49(1), pp. 52–63. (In German)
11. Steger, H. (1984). *Bemerkungen zum Problem der Umgangssprachen* [Remarks on the Problem of Colloquial Languages]. BESCH, WERNER (u. a.) (Hg.): *Festschrift für Siegfried Grosse zum 60. Geburtstag*. Göppingen, Kümmerle (Göppinger Arbeiten zur Germanistik 423), pp. 251–278. (In German)
12. König, W. (1989). *Atlas zur Aussprache des Schriftdeutschen in der Bundesrepublik Deutschland* [Atlas on the Pronunciation of Written German in the Federal Republic of Germany]. 2 Bände. 332 p. Ismaning, Hueber. (In German)
13. Stroop, J. P. A. (1992). *Towards the End of the Standard Language in the Netherlands*. LEUVENSTEIJN, J. A. / BERNS, J. B. (Hg.), pp. 162–177. (In English)
14. *Prostorechie* (2015) [Vernacular]. *Bil'shaya rossiiskaya entsiklopediya*. Tom 27. 766 p. Moscow. (In Russian)
15. Veith, Werner H. (1983). *Die Sprachvariation in der Stadt. Am Beispiel von Frankfurt am Main* [The Language Variation in the City. Using the Example of Frankfurt am Main]. *Muttersprache*. No. 93, pp. 82–90. (In German)
16. Diachok, M. T. (2003). *Russian Prose as a Sociolinguistic Phenomenon*. Archived 15 May 2012 at the Wayback Machine. *Humanities*. Vyp. 21, pp. 102–113. Moscow. (In English)
17. Auer, P. (1990). *Phonologie der Alltagssprache. Eine Untersuchung zur Standard/Dialekt-Variation am Beispiel der Konstanzer Stadtsprache* [Phonology of Everyday Speech. An Investigation of the Standard/Dialect Variation Using the Example of the Urban Language in Konstanz]. Pp. 161–184. Berlin/New York, Walter de Gruyter (*Studia Linguistica Germanica* 28). (In German)
18. Ammon, U. (1986). *Explikation der Begriffe 'Standardvarietät' und 'Standardsprache' auf normtheoretischer Grundlage* [E plication of the Terms 'Standard Variety and 'Standard Language' on a Norm-Theoretical Basis]. HOLTUS, GÜNTER / RADTKE, EDGAR (Hg.). *Sprachlicher Substandard*. Tübingen, Niemeyer (*Konzepte der Sprach- und Literaturwissenschaft* 36), pp. 1–36. (In German)
19. Chambers, Jack K., Trudgill, P. (1998). *Dialectology*. Second edition. 201 p. Cambridge, Cambridge University Press. (In English)
20. Dingeldein, Heinrich J. (1997). *Sprachvarietäten in 'Mitteldeutschland'* [Language Varieties in 'Central Germany']. Pp. 109–141. *Gebrauch und Räumlichkeit*. STICKEL, GERHARD (Hg.). (In German)
21. Herrgen, Joachim, Schmidt, Jürgen, Erich (1985). *Systemkontrast und Hörerurteil* [System Contrast and Listener Judgment]. *Zwei Dialektalitätsbegriffe und die ihnen entsprechenden Meßverfahren*. *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*. No. 52 (1), pp. 20–42. (In German)

The article was submitted on 04.06.2023

Поступила в редакцию 04.06.2023

Рудяков Леонид Александрович,
аспирант,
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского,
295007, Россия, Республика Крым, Симферополь,
проспект Академика Вернадского, 4.

leonid.rudiyakov@mail.ru

Rudyakov Leonid Alexandrovich,
graduate student,
Vernadsky Crimean Federal University,

4 Akademik Vernadsky Str.,
Simferopol, 295007, Republic of Crimea,
Russian Federation.

leonid.rudiyakov@mail.ru

УДК 811.161

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-60-65

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОЛОРАТИВОВ В ТВОРЧЕСТВЕ М. М. ПРИШВИНА

© Ильсояр Садыкова

LINGUODIDACTIC POTENTIAL OF COLORATIVES IN M. PRISHVIN'S WORKS

I Isoyar Sadykova

The article raises the issue of the linguodidactic potential of coloratives (color denoting words) based on the analysis of M. Prishvin's tale-story "The Carvel Thicket". We suggest that any analysis of a literary work involves the study of emotional, psychological, aesthetic and linguodidactic functions of the language used by the author. It helps to show the writer's world view and the world seen through the eyes of the characters, and to convey the atmosphere of the epoch, scene and events. At the same time, each color, while having its own national and cultural symbolic meaning, has an individual artistic interpretation, thus a special linguocultural comment is required. This Prishvin's work includes examples of the color semantics extension of the colorative *yellow* enhancing its meaning. This color, in contrast to 'red' and 'green', which are used to describe the living pine forest causing admiration, symbolizes the loss of this earthly beauty at the end of the story. "The yellow mass of the round forest", "skinned yellow whips", "the dead ones" – in this way M. Prishvin describes the forest emphasizing this color polarity. The article pays special attention to the linguodidactic potential of coloratives: by using the linguistic analysis of coloratives we can develop speech skills formation and international students' figurative and aesthetic thinking in the course of Russian language learning and reading Russian literature.

Keywords: coloratives, linguodidactics, national-cultural symbolic content, M. Prishvin, "The Carvel Thicket", international students studying the Russian language, Russian literature, lexical-semantic field, artistic space of the work

В статье ставится вопрос о лингводидактическом потенциале колоративов на примере их анализа в повести-сказке М. М. Пришвина «Корабельная чаша». Автором выдвигается положение о том, что при изучении любого литературного произведения нельзя не принять во внимание эмоционально-психологическую, эстетическую и лингводидактическую функции, которые выполняет данная лексика, причудливым образом влетаемая писателем в ткань произведения. В то же время каждый цвет, имея свое национально-культурное символическое содержание, несет в себе индивидуально-художественную нагрузку и потому нуждается в специальном лингвострановедческом комментарии. В работе приводятся примеры того, как М. М. Пришвин расширяет цветовую семантику колоратива *желтый*, наделяя его дополнительным смысловым содержанием. Данный цвет в контрасте двух других – *красного* и *зеленого*, используемых в начале текста повести в описании живого соснового бора, вызывавшего восхищение, – в конце повести символизирует страх потери этой земной красоты. «Желтая масса круглого леса», «ошкуренные желтые хлысты», «мертвецы» – так определяя позже лес, М. М. Пришвин подчеркивает эту цветовую полярность. Автор статьи обращает особое внимание на лингводидактический потенциал колоративов: включая в учебный процесс их лингвистический анализ, можно создать условия для формирования речевых навыков и развития образно-эстетического мышления инофонов, изучающих русский язык и читающих русскую литературу.

Ключевые слова: колоративы, лингводидактика, национально-культурное символическое содержание, М. М. Пришвин, «Корабельная чаша», инофоны, изучающие русский язык, русская литература, лексико-семантическое поле, художественное пространство произведения

Для цитирования: Садыкова И. Лингводидактический потенциал колоративов в творчестве М. М. Пришвина // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 60–65. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-60-65

Введение

Как известно, преподавание русского языка как иностранного предполагает знакомство с произведениями великих русских писателей и поэтов. В то же время любой художественный текст вбирает в себя сведения о культуре, истории, традициях – те фоновые знания, которые не всегда понятны иностранной аудитории. Тем самым для понимания текста и его интерпретации, осмысления авторского отношения к изображаемым событиям и этапам становления национальной истории и культуры реципиенту бывает недостаточно лишь общих знаний языка, которые, впрочем, не всегда гарантируют иностранцу понимание поступков, мотивов, реакций автора произведения и его героев как типизированных представителей иной культурно-ментальной общности.

В частности, учеными высказывается мысль том, что каждая историческая эпоха характеризуется особым, только ей свойственным способом эстетического видения мира. В совокупности этот способ формируется под влиянием культуры и является тем фактором, который оказывает заметное воздействие и на творчество художника. Между тем нельзя не признать и весьма существенный момент: в основе любой культуры лежит свое видение и понимание времени и пространства, которые формируются из принципов и приемов символического обобщения, характерного для творческой манеры конкретного писателя. Так, сказка-быль «Корабельная чаша», или новая сказка, признается индивидуальной чертой, свойственной художественному стилю известного русского писателя, прозаика и публициста М. М. Пришвина, исследовавшего в своем творчестве важнейшие вопросы бытия человека, его взаимоотношения с природой. Из сказанного следует, что на этапе языкового и фоново-культурного восприятия иноязычного произведения и его адекватного осмысления инофон может испытывать значительные затруднения, обусловленные рядом причин. В рамках конкретной национальной культуры он, с одной стороны, должен владеть уже известной ему совокупностью языковых единиц, имеющих в своей семантической структуре национально-культурный компонент (поговорки, пословицы, устойчивые выражения, афоризмы), понимать их экстралингвистический смысл, реагировать на коннотативные и символические значения в категориях культуры. С другой – должен иметь соответствующий запас фоновых знаний о культуре, общественной жизни данной нации, об эпохе, в которой жил и творил автор конкретного про-

изведения, о тех проблемах, которые не могли не волновать писателя.

Цель статьи – репрезентация лингводидактических возможностей колоративной лексики, выступающей в художественном произведении как особый языковой прием и средство, позволяющие М. М. Пришвину в повести-сказке «Корабельная чаша» не только изобразить красоту русского леса, но и выразить весь трагизм поиска всеобщих правды и счастья, ради которых люди готовы были принести в жертву волшебнореальную чашу, которую триста лет укрывали от пилы и топора герои повести-сказки. Такой своеобразный «цветовой» подход к тексту художественного произведения в методике преподавания русского языка как иностранного, на наш взгляд, может дать инофонам возможность свободного восприятия классики, что, смеем надеяться, будет способствовать активизации когнитивного интереса к русской литературе и развитию языкового чутья и культуры мышления.

Методика

Идея подхода к любому художественному тексту, в том числе и тексту повести-сказки М. М. Пришвина «Корабельная чаша», через призму колоративной лексики возникла в ходе работы над магистерскими проектами [1], [2] и была обусловлена проблемой полного отсутствия у инофонов способности видеть возможности данной лексики и умения коррелировать их значения с содержанием анализируемого произведения. Дело в том, что содержательный анализ произведения может быть построен и с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов. Такой методологический принцип исследования, по нашему мнению, позволяет рассматривать отдельно взятый текст как целостную художественную систему, в которой с помощью цветового фона создается относительно завершённый образ мира и воплощается определенная эстетическая концепция отраженной действительности.

Итак, любое прочтение художественного текста в иноязычной аудитории, а вместе с тем и понимание, не может претендовать на однозначность в своей интерпретации, поскольку предоставляет читателю-инофону возможность свободного восприятия. Тем самым доступным для него является не готовое формализованное знание (направленный эвристический поиск), а феноменологический поиск универсального языка художественного текста – самостоятельное выявление скрытых цитат и аллюзий, парафраз и контаминаций, разнообразных культурно-исторических мотивов и ассоциаций. Именно та-

кое «прочтение» и может возбудить интерес к чтению, возможно, максимально снять различного рода трудности, с которыми сталкиваются инофоны в процессе чтения и осмысления прочитанного, развить читательские представления на неродном языке, получить новый опыт в прочтении и усвоении сложнейшего для иностранцев аутентичного художественного материала.

Вполне очевидно, что, опираясь на корпус продуманно отобранных фрагментов текста, содержащих различные колоративные компоненты, можно показать могущественную силу изобразительности, которая заключается в демонстрации изменений на протяжении всего текста условий использования одного и того же цвета или группы цветов, психологически воздействующих на читателя. Например, цвет может иметь многообразие подтекста, и тогда один и тот же цвет приобретает многозначность. Так, например, наблюдения исследователя А. С. Выродовой над особенностями колористического дарования Ф. Достоевского и А. Платонова свидетельствуют о том, насколько скудным может быть использование цвета в художественном тексте. Тем самым индивидуально-авторское видение колоративов связывается в том числе с идиостилем и идиолектом автора, «в которых прежде всего отражается индивидуально-авторское «Я» [3]. Кроме того, идея описания лингвометодических приемов выделения в структуре анализируемого произведения колоративов, способных репрезентировать наиболее значимый символический образ – образ леса, стала основополагающей в концепции предлагаемого исследования, поскольку позволяет определить их место в системе авторских координат.

Апробация основных результатов исследования осуществлялась в процессе работы над курсовыми и дипломными проектами студентов-иностранцев, обучающихся по магистерским программам по филологии, направлению: русский язык как иностранный.

Результаты

Итак, оставляя в стороне многочисленные определения колоративов и приемов цветописи, заметим, что интерес к ним общеизвестен и обусловлен необходимостью признания их роли как наиболее ярких и многофункциональных выразительно-изобразительных приемов. Кстати, в этой связи заметим, что именно А. Вежбицкой было предложено рассматривать не цветовые универсалии, а универсалии цветового восприятия, поскольку язык отражает концептуализа-

ции, а не «репрезентацию цвета в нервных клетках <...> где-то на пути от глаза к мозгу» [4].

При изучении любого литературного произведения нельзя не принять во внимание эмоционально-психологическую, эстетическую и лингводидактическую функции, которые выполняет колоративная лексика, причудливым образом вплетаемая писателем в ткань произведения. Каждый цвет, имея свое национально-культурное символическое содержание и потому нуждаясь в специальном лингвострановедческом комментарии, несет в себе индивидуально-художественную нагрузку. Их всесторонний анализ помогает исследователю языка писателя конструировать своеобразную модель, которая может выступать особым фрагментом индивидуальной языковой картины мира самого писателя, поскольку цветовые эпитеты являются «результатом интуитивного художественного отбора» [5]. И тем интереснее становится процесс вхождения инофонов в культуру изучаемого языка, когда они осознанно проникают в эстетический мир художника слова через анализ универсалий языкового восприятия.

В рамках данной статьи мы репрезентируем процесс лингводидактического анализа в тексте повести М. М. Пришвина «Корабельная чаща» самых больших лексико-семантических полей (ЛСП) – хроматических колоративов.

Итак, процесс работы над эмпирическим материалом осуществляется в три этапа. На первом этапе работы с колоративами инофоны выявляют доминирующие цветовые группы. Таковым в повести оказались хроматические цвета *красный*, *зеленый* и *желтый*, которые рассматриваются ими в динамике разворачивающихся в повести событий. В то же время при количественном анализе, определяя их соотношение к главам повести, они убеждаются, что в первой главе преобладают *зеленый* и *красный* цвета, которые, как известно, символизируют в русской языковой картине мира зарождение жизни, силу и красоту. Именно такую картину мира находят инофоны во фрагментах первой главы повести. На втором этапе инофоны проводят работу со словарями. В ходе анализа они знакомятся с историей и этимологией слов, называющих доминирующие цвета хроматической группы, в частности *красного* цвета и различных его оттенков (*красный*, *красно-красный*, *красно-красный* и т. п.). Подобный лингвистический анализ позволяет им удостовериться в том, что «именно красный цвет издревле на Руси становился символом власти, здоровья, красоты, торжественности и всегда сопровождался дополнительными, чаще положительными, оценочными коннотациями» [6], а зе-

лeный (и его оттенки *раззелeный, блeдно-зелeный, тeмно-зелeный, зеленeть*), также выступающий в повести доминантой, являлся цветом «весны, созреваия, нового роста, плодородия, природы, свободы, радости, надежды» [7]. Убедиться в этом они могут, сравнивая предложенные для анализа контексты их употребления, в результате чего инофоны находят именно эти культурно маркированные коннотации цветов: описание зарождения сосенки, ставшей образом-символом леса-храма. Аналогичную работу инофоны проводят и с другими цветообозначениями хроматической (в том числе и ахроматической) группы цветов.

Сравнивая предложенные им для анализа контексты, инофоны приходят к интересным наблюдениям и при анализе другого доминирующего цвета – *желтого*. К осознанию доминирующей роли *желтого* они приходят, когда обнаруживают, что перед ними предстает не тот живой сосновый бор, вызывавший в начале повести всеобщие восхищение и радость, а сплав «ошкуренных желтых хлыстов», «мертвецов», подчеркивающих тот ужасающий контраст, который видят герои повести.

В ходе анализа контекстов употребления представленных колоративов инофоны делают вывод о том, что М. М. Пришвин расширяет символическое наполнение колоратива *желтый*, наделяя его дополнительным смыслом. Данный цвет в контрасте двух других – *красного* и *зеленого*, используемых в начале текста повести-сказки в описании живого соснового бора, в конце повести символизирует страх потери этой зыбкой земной красоты. «Желтая масса круглого леса», «ошкуренные желтые хлысты», «мертвецы» – так определяя лес, М. М. Пришвин подчеркивает эту важную для расшифровки смысла повести цветовую полярность. Мы полагаем, что при знакомстве с повестью на этот существенный момент следует обратить особое внимание на этапе предтекстовой работы, предложив задания на простой лексический анализ текста (выписать слова и словосочетания, обозначающие цвет; определить объекты оценки; проследить динамику изменения цветообозначений; сравнить их семантическое наполнение в повести с типичным русским культурным восприятием цвета; сопоставить эти значения с наполнением цветосимволов в родной культуре инофонов).

Итак, в рамках рассматриваемой повести-сказки описанное ядро цветовой палитры (ЛСП хроматической группы *красный, зеленый и желтый*) можно считать идиостилистическими доминантами М. М. Пришвина. В ряду однородных элементов идиолекта писателя именно они ста-

новятся семантически и стилистически значимыми, репрезентируя базовый авторский концепт. Заметим, что данную словарную работу стоит дополнить приемом визуализации: различить оттенки цветов не просто, тем более если речь идет и о лингвокультурных особенностях выбора способа образования наименования (*лимон – лимонный, золото – золотистый* и т. д.).

На третьем этапе анализа колоративной лексики повести-сказки следует отдельно остановиться на выделении оттеночных колоративов, которые вызывают наибольшую сложность у иностранных обучающихся, поскольку не «считываются» ими в ходе выборки и дифференциации подобных колоративов. Как показала классификация оттеночных колоративов, к данной группе относятся колоративы, обозначающие, во-первых, интенсивность цвета: *темнокрасный, светло-желтый, светло-золотистый, бледно-зеленый, темно-зеленый*; во-вторых, сочетание цветов: *лимонно-желтый, золотисторыжий* и т. д. И важно обратить внимание инофонов на то, что М. М. Пришвин активно вплетает их в ткань повествования, употребляя в пределах одного предложения до четырех-пяти оттеночных колоратива (*бледно-зеленые, темно-зеленые, светло-желтой, с зеленью*).

Работа с композитными наименованиями цветов в иноязычной аудитории может быть дополнена морфологическим комментарием. Так, стоит обратить внимание инофонов на особенности написания таких цветообозначений, предложить им составить по аналогии оттеночные ряды других хроматических и ахроматических групп (*синий, синеватый, синева, синеть* и т. д.; *серый, сероватый, серость, сереть* и т. д.).

Полагаем, что лингводидактический подход к визуально-цветовой картине мира М. М. Пришвина дает возможность инофонам даже в пределах одного-двух-трех лексико-семантических полей увидеть, насколько она многогранна. Подобный анализ помогает им увидеть, каким образом писатель передает не только состояние героев и настроение самой повести-сказки, но и свое отношение к тому, что описывает, в том числе и свои мирозерцание и мироощущение.

Выводы

Итак, выявить и интерпретировать признаки времени и знаки вечности можно посредством выборочного учебного лингвистического анализа колоративов, выполняющих в произведении эстетическую, изобразительную и эмоционально-психологическую функции: с одной стороны, цветовые лексемы помогают инофонам понять, как художнику слова удастся вербализовать уви-

денную героями красоту окружающего мира, передать его многогранную палитру, с другой – выразить настроение эпохи, показать особенную атмосферу места, где происходят события и существуют герои.

В то же время знакомство инофонов с национальным своеобразием цветообозначений через анализ колоративов в конкретном художественном произведении дает им возможность познакомиться с лингвокультурными особенностями семантики русских слов-цветообозначений и понять индивидуально-авторскую специфику их употребления в тексте. Работа с интерпретацией культурологического своеобразия колоративов в конкретном художественном произведении может стать примером работы с культурно маркированной лексикой, которая необходима для понимания авторского замысла читателем-инофоном и для осмысления им своеобразия семантического образа русского слова.

Список источников

1. Харнватманачай Т., Садыкова И. А. Роль колоративов в создании художественного пространства повести-сказки М. М. Пришвина «Корабельная чаша» // Языки России и стран ближнего зарубежья как иностранные: преподавание и изучение: материалы IV Международной научно-практической конференции. Казань, 2016. С. 192–195. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29049513&ysclid=lnhlfprpovh781298588> (дата обращения: 10.05.2023).
2. Чан Цзяци. Цветовая лексика в рассказе И. С. Тургенева «Лес и степь» // Материалы IV Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». URL: <https://scienceforum.ru/2012/article/2012000973?ysclid=lipmclx3qz171830560> (дата обращения: 10.06.2023).
3. Выродова А. С. Лингвокультурологическое пространство колоративов в русском поэтическом дискурсе первой половины XX века (на материале поэтических текстов С. А. Есенина и Н. М. Рубцова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 22 с. URL: <https://bsuedu.ru/upload/iblock/8ce/vyrodova.pdf?ysclid=lnhj96dan109665353> (дата обращения: 14.05.2023).
4. Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия. – Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 231–291. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/wierzbicka-96b.htm?ysclid=lipohg7tef39060970> (дата обращения: 10.06.2023).
5. Гуцина Л. В. Цветообозначения в русско- и англоязычной прозе В. В. Набокова: сравнительно-сопоставительный анализ // Ростов-на-Дону: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 6. С. 144. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/epitetnye-tsvetooboznacheniya-v-russko-i-angloyazychnoy-proze-v-v-nabokova-sravnitelno-sopostavitelnyy-analiz?ysclid=lipp11uae0782312108> (дата обращения: 08.06.2023).

6. Садыкова И. В. Обозначение красного цвета в русском языке в историко-этимологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 26 с. URL: <https://lib.tsu.ru/mmimo/000212501/000212501.pdf> (дата обращения: 14.05.2023).

7. Бондарчук А. И. Семантика цвета в аспекте межкультурных визуальных коммуникаций // Молодой ученый. 2014. № 3 (62). С. 1081–1085. URL: <https://moluch.ru/archive/62/9563/> (дата обращения: 14.05.2023).

References

1. Harnvattanachai, T., Sadykova, I. A. (2016). *Role of coloratives in the creation of the artistic space of M. Prishvin's Fairy Tale Story "The Carvel Thicket"*. *Yazyki Rossii i stran blizhnego zarubezh'ya kak inostrannye: prepodavanie i izuchenie: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Kazan', pp. 192–195. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29049513&ysclid=lnhlfprpovh781298588> (accessed: 10.05.2023). (In Russian)
2. Chan Tszjatsi. *Tsvetovaya leksika v rasskaze I. S. Turgeneva "Les i step'"* [Color Vocabulary in I. Turgenev's Story "Forest and Steppe"]. *Materialy IV Mezhdunarodnoi studencheskoi nauchnoi konferentsii "Studencheskii nauchnyi forum"*. URL: <https://scienceforum.ru/2012/article/2012000973?ysclid=lipmclx3qz171830560> (accessed: 10.06.2023). (In Russian)
3. Vyrodova, A. S. *Lingvokul'turologicheskoe prostranstvo kolorativov v russkom poeticheskom diskurse pervoi poloviny XX veka (na materiale poeticheskikh tekstov S. A. Esenina i N. M. Rubtsova): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic and Cultural Space of Coloratives in the Russian Poetic Discourse of the First Half of the 20th Century (based on the poetic texts of S. A. Yesenin and N. M. Rubtsov): Ph.D. Thesis Abstract]. Belgorod, 22 p. URL: <https://bsuedu.ru/upload/iblock/8ce/vyrodova.pdf?ysclid=lnhj96dan109665353> (accessed: 14.05.2023). (In Russian)
4. Vezhbitskaya, A. (1996). *Oboznacheniya tsveta i universalii zritel'nogo vospriyatiya. – Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Designations of Color and Universals of Visual Perception. - Language. Culture. Cognition.]. Pp. 231–291. Moscow. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/wierzbicka-96b.htm?ysclid=lipohg7tef39060970> (accessed: 10.06.2023). (In Russian)
5. Gushchina, L. V. (2017). *Tsvetooboznacheniya v russko- i angloyazychnoi proze V. V. Nabokova: sravnitel'no-sopostavitel'nyi analiz* [Color Designations in Russian and English Prose by V. V. Nabokov: A Comparative Analysis]. Rostov-na-Donu: Gumanitarnye i social'nye nauki. No. 6, pp. 144. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/epitetnye-tsvetooboznacheniya-v-russko-i-angloyazychnoy-proze-v-v-nabokova-sravnitelno-sopostavitelnyy-analiz?ysclid=lipp11uae0782312108> (accessed: 08.06.2023). (In Russian)

6. Sadykova, I. V. (2006). *Oboznachenie krasnogo tsveta v russkom yazyke v istoriko-etimologicheskom aspekte: avtoref dis. ... kand. filol. nauk* [The Designation of the Red Color in Russian in the Historical and Etymological Aspects: Ph.D. Thesis Abstract]. Tomsk, 26 p. URL: <https://lib.tsu.ru/mminfo/000212501/000212501.pdf> (accessed: 14.05.2023). (In Russian)

7. Bondarchuk, A. I. (2014). Semantika tsveta v aspekte mezhkul'turnyh vizual'nyh kommuniktsii [Semantics of Color in the Aspect of Intercultural Visual Communications]. *Molodoi uchenyi*. No. 3 (62), pp. 1081–1085. URL: <https://moluch.ru/archive/62/9563/> (accessed: 14.05.2023). (In Russian)

The article was submitted on 11.06.2023
Поступила в редакцию 11.06.2023

Садыкова Илсояр Афтаховна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
isadikova7@mail.ru

Sadykova Ildoyar Aftakhovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
isadikova7@mail.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-66-70

ТАТАРСКИЕ ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ В РОМАНЕ Г. ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»: МНОГОЯЗЫЧИЕ ИЛИ ТРАНСКУЛЬТУРАЛИЗМ

© Айгуль Салахова

TATAR APPELLATIVES IN G. YAKHINA'S NOVEL "ZULEIKHA OPENS HER EYES": POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURALITY

Aygul Salakhova

The article is devoted to the linguocultural meanings of nationally specific forms of vocatives used by G. Yakhina in her novel "Zuleikha Opens Her Eyes". The research object is the corpus of language units, used in G. Yakhina's novel "Zuleikha Opens Her Eyes", which are selected by continuous sampling from the first part of the novel. To analyze the studied units (appellatives), we use the descriptive and comparative methods, the method of word-formation, component and contextual analyses, as well as the method of quantitative calculation. To reconstruct the world of the Tatar village, the Russian-speaking writer uses a variety of appellative words (exoticisms, diminutives, evaluative forms, etc.), which do not always adequately appeal to the content of the Tatar linguocultural discourse. In the present article, we examine appellatives, in the unity of their form and content, as units of a particular literary text in order to identify their semantic specificity, stylistic and linguocultural affiliation, while taking into account the context of their use. The transformation and substitution of linguistic units, associated with the national specificity of the linguistic picture of the world, prevents adequate and accurate perception of Tatar linguistic culture when the author creates artistic images in her novel, or subsequently conveys the meaning in translation. Thus, the article shows how the words of a foreign culture are introduced into the text and what consequently happens to the meanings they convey.

Keywords: literary text, Tatar addresses (appellatives), G. Yakhina, "Zuleikha Opens Her Eyes", linguocultural studies

Работа обращена к проблеме лингвокультурного содержания национально-специфичных форм обращения в художественном тексте. Объектом исследования выступает корпус языковых единиц, используемых в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и отобранных методом сплошной выборки из первой части романа. Для анализа исследуемых единиц (апеллятивов) применялись описательный и сопоставительный методы, метод словообразовательного, компонентного и контекстуального анализа, а также метод количественного подсчета. Реконструируя мир татарской деревни, русскоязычная писательница использует разнообразные слова-апеллятивы (экзотизмы, диминутивы, оценочные формы и т. п.), которые не всегда адекватно апеллируют к содержанию татарского лингвокультурного дискурса. В статье апеллятивы как единицы конкретного художественного текста исследуются в единстве их формы и содержания с целью выявления их семантической специфики, стилистической и лингвокультурной принадлежности с учетом контекста их употребления. Трансформация и подмена языковых единиц, связанных с национальной спецификой языковой картины мира, препятствует точному восприятию татарской лингвокультуры при создании художественных образов романа, а также последующей адекватной ретрансляции при переводе. Таким образом, в статье показано, как вводятся в текст слова чужой культуры и что в результате происходит с передаваемыми ими смыслами.

Ключевые слова: художественный текст, татарские обращения, апеллятивы, Г. Яхина, роман «Зулейха открывает глаза», лингвокультура

Для цитирования: Салахова А. Татарские формы обращения в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»: многоязычие или транскультурализм // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №3 (73). С. 66–70. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-66-70

Обращение как наименование адресата речи, а также особый компонент речи, отличающийся выразительностью и организующий композицию высказывания, присутствует в разнообразных речевых актах и текстах, обеспечивая соотнесенность с конвенциональными (национальными, социальными и т. п.) правилами речевого этикета, включая уместность речи. Кроме того, устоявшиеся в рамках определенной лингвокультуры конкретные вербальные формы и формулы обращения призваны отражать ценностную структуру картины мира, выдвигая на первый план этнокультурно значимые модели (включая оценочно-метафорические антропонимические дериваты), используемые в вокативной функции.

Следует сразу же оговорить терминологические границы исследуемого предмета, поскольку при обозначении языковых средств, используемых для обозначения адресата речи, употребляются следующие термины: «апеллятив» (служащий одновременно синонимом термина «нарицательное имя существительное» [1, с. 52]), «обращение» (наиболее распространённый термин) и «вокатив» (подразумевающий форму звательного падежа). Разделяя позицию некоторых исследователей, считаем уместным употребление термина «апеллятив» в отношении языковых средств, выражающих апеллятивные функции, с помощью которых осуществляется обращение [2, с. 228], обособленное в структуре предложения (интонационно и грамматически). Стоит подчеркнуть, что понятие «апеллятивная функция» следует считать общепринятым и широко распространённым в современном языкознании, а термин «апеллятив», в свою очередь, позволяет проводить филологические исследования функционирования данного феномена в многообразных видах словотворчества, не углубляясь в проблему синтаксического статуса обращения.

В художественном тексте, наряду с адресатной функцией (уточнением того, к кому обращено то или иное высказывание), апеллятивы выполняют экспрессивную (оценочно-характеризующую) функцию, а также реконструируют ролевые функции коммуникантов (включая реализацию и / или деконструкцию социально-этикетной функции). При этом выбор обращения автором художественного произведения непосредственно связан с созданием образа персонажа и дает некоторую свободу перекодирования общепринятого содержания языковой формы. Однако подобное «переосмысление» ограничено узнаваемостью дискурса: так Л. О. Чернейко указывает, что «выбор говорящим при обращении к другому лицу или при его идентификации определенной формы личного имени

оказывается значимым в случае несоответствия формы стандартным условиям ее применения» [3, с. 25]. Таким образом, будучи многозначной единицей коммуникации в целом, апеллятивы в художественном тексте ярко маркируют отношения между персонажами общения: авторы конкретных произведений, стремясь к новизне высказывания, нередко эксплуатируют выразительность форм обращения для характеристики персонажей и / или отношений между ними.

Роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2015), феноменальный читательский успех которого многократно объяснялся открытым запросом современного читателя (русского и международного) к истории советского периода, представляет собой крайне любопытный пример реконструкции национальной картины мира русскоязычной писательницей-татаркой, вводящей дискурс татарской культуры в русскую литературу в качестве центрального высказывания. Важным представляется неоднократно подчеркиваемый Яхиной факт о мемуарной основе её романа (от рассказов бабушки до документальных историй очевидцев). Таким образом, писательница, создавая фикциональное художественное пространство, очевидно, стремится к точности его изображения, к правдоподобию и некоторой документальности собственной прозы. Однако написанный на русском языке текст романа не отличается лингвокультурной насыщенностью, и толкование отдельных национально-культурных феноменов вынесено лишь в глоссарий в конце романа и весьма условно подкреплено основным его содержанием.

Коммуникативно-прагматическая адаптация татарского национального дискурса в романе реализована посредством включения в текст экзотизмов с последующим толкованием в «Словаре татарских слов и выражений», прилагаемом к тексту и состоящем из 56 единиц. Слова-экзотизмы, «используемые для описания жизни других народов», составляют безэквивалентную лексику и обозначают реалии, свойственные чужим народам и странам, однако не столько раскрывают чужую культуру, сколько символизируют её [4, с. 463]. Так, большинство слов, вводимых Г. Яхиной в текст романа, – это слова, обозначающие уникальные в культурном отношении бытовые реалии и ритуальные действия (28 единиц), а также обозначения, связанные с религиозными верованиями (17 единиц), что объяснимо авторской целью воссоздания уклада жизни малой национальной группы. Самой малочисленной является группа слов-обращений, принятых в татарской культуре (8 единиц) и предположительно отражающих особый тип

культурного поведения коммуникантов, одновременно реконструируя в художественном пространстве романа мир традиционной татарской деревни (условного прошлого главной героини, которое ей предстоит отринуть).

Очевидно, что особенно частотными национальные формы обращения являются именно в первой части романа «Мокрая курица», действие которой происходит в татарской деревне Юлбаш. Они призваны маркировать внутрисемейные отношения главной героини (с мужем и со свекровью), а также реконструировать национально-специфический дискурс в целом. По ходу развития сюжета – раскулачивания – в тексте начинают преобладать типично советские (*товарищ Игнатов, товарищ уполномоченный, кулацкая гнида* и т. п.) и / или традиционно русские (*брат, хозяин, мужичок* и т. п.) апеллятивы, указывающие на антагонистский культурный код. Стоит отметить, что именно синтез советского и русского является тем самым «чужим словом» по отношению к татарскому языку общения в Юлбаше, однако все персонажи, включая неграмотную крестьянку Зулейху, которая только мечтает о поездке за пределы своей деревни (в Казань), одинаково свободно владеют всеми речевыми кодами. Подобная «свобода» выбора языкового кода и многоязычие в большей степени указывают на авторскую вольность, когда нарратив романа не усложняется за счёт мотива непонимания, характерного в том числе для колониального и постколониального дискурса (подчеркивание / нивелирование культурной дистанции).

Несмотря на очевидную ограниченность корпуса апеллятивов в первой главе романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» по семантическому принципу нами были выделены следующие группы татарских форм обращений (приведены по словарю после основного текста романа):

- апеллятивы, называющие социальный статус адресата (*абыстай, ага, хазрэт, эни*);
- вокатив (*Алла*, в том числе в выражении *Алла сакласын*);
- апеллятивы, указывающие на личное и эмоциональное (ласковое) отношение говорящего (*жаным, улым*);
- апеллятивы, указывающие на субъективную оценку адресата (*убырлы карчык, жебегян тавык*).

Стоит отметить, что, будучи традиционными и принятыми формами обращений в татарском языке, не все они используются именно в качестве апеллятивов в романе: например, традиционные и обязательные формы обращения к духов-

ному лицу (*хазрэт*) и его супруге (*абыстай*) выполняют в тексте роль экзотизмов.

Автор романа использует следующие модели включения татарских апеллятивов в русскоязычный текст романа:

- **последовательный перевод** – дублирование апеллятива сначала на русском, а затем на татарском языке (при отсутствии графической маркировки национального апеллятива). Например, в сцене беседы Муртазы, мужа главной героини романа, с матерью апеллятивы вводятся последовательно сначала на татарском, а затем на русском языке; далее в диалоге оба обращения используются поочередно на обоих языках без тавтологии. Таким образом, писательница, профессиональный сценарист, использует кинематографический прием (закадровый перевод) для введения татарских форм обращения в текст романа. Следует отметить, что используются неравнозначные лингвокультурные языковые формы: при обращении к сыну мать использует притяжательную форму *улым* – ‘сын мой’ (здесь и далее перевод наш – А.С.), а сын при обращении к матери последовательно избегает аналогичной формы, ограничиваясь нейтральным *эни* – ‘мама’;

- **эквивалентный перевод** – используется для апеллятивов, указывающих на субъективную оценку адресата. К обоим формам Г. Яхина подбирает русскоязычные эквиваленты, в незначительной степени трансформирующие содержание негативной оценки: так, *убырлы карчык* переводится автором как *Упыриха*, то есть наименование лица женского пола, возводимое к «вампиру, трупам злого колдуна или ведьмы, который бродит ночью в образе волка или совы и убивает людей и животных» [5, с. 165]. При этом татарское прилагательное в составе выражения также указывает на *ведьму* и *оборотня*, а существительное – на пол и возраст (старуха). В романе упомянуто, что этот апеллятив используется только во внутренней речи главной героини: *Зулейха её так про себя называет* [6, с. 11]; при этом автор последовательно использует русский эквивалент для прямой номинации свекрови. Второй оценочный апеллятив в адрес главной героини – Зулейхи – от её свекрови *жебегян тавык* последовательно заменяется русским эквивалентом (*мокрая курица*), частично используется для обращения (разными персонажами, в том числе во внутренней речи героини), при этом утрачивается семантика «нерасторопности», «неумелости» [7, с. 571], которая заменена на «безволие» и «жалкий внешний вид, растерянность» [8], присущие русскому эквиваленту;

• **личные татарские имена** – автором романа нарушены лингвокультурные каноны использования антропонимов в татарском языке: так, имя мужа в дореволюционной коммуникативной традиции табуировалось, и жена не могла обратиться к нему при помощи антропонима, который эвфемизировался (*син, этисе, сина эйтэм*), часто такое происходило и в адрес жены (*хатын, энисе*), однако не было обязательным. В романе Г. Яхиной Зулейха и её муж постоянно обращаются к друг другу по имени, при этом она чаще, чем он. Таким образом, вокативная функция оказывается доминирующей, что не характерно для татарской внутрисемейной коммуникации (с приоритетом социально-регулятивной функции) и дискурса художественного текста (с доминантой характеризующей функции). По всей видимости, желая подчеркнуть жестокость и черствость мужа, автор последовательно включает в его речь апеллатив *женщина*, характеризующий его пренебрежительное отношение к супруге и присущий, однако, более русской, чем татарской системе обращений между мужем и женой. Стереотипный образ покорной татарской женщины, угнетенной бытом, также нарушается, если мы представляем не поднимающую глаз на мужа Зулейху, непринужденно, прямо и последовательно называющую супруга по имени. Следует оговорить, что контекстуальная экспланация традиционного татарского обращения *этисе / энисе* позволила бы Г. Яхиной усложнить трагедию потери детей и при этом адекватно реконструировать культурные реалии.

Трудно идентифицировать принадлежность к определенному дискурсу и для форм обращения к председателю сельсовета: *за глаза его называли Мансуркой-Репьем* [6, с. 50]. Далее автор дважды использует именно эту форму с пренебрежительно-фамильярным русским суффиксом при обращении к нему Зулейхи (которая по сюжету в начале романа не говорит по-русски, однако всегда без труда понимает обращенную к ней русскую речь). В татарском языке отсутствует аналогичный суффикс, а значит Зулейха воспроизводит русскую речевую форму апеллатива, в дальнейшем усложняя её до *товарищ Мансурка* [Там же, с. 51].

Таким образом, очевидно, что художественный билингвизм непоследовательно реализован в коммуникативном пространстве романа «Зулейха открывает глаза», оставаясь лишь формальной декларацией наряду с указанием на билингвальность автора на форзаце большинства изданий. Сложные формы сосуществования разных культурных идентичностей писательницей игнорируются, и в повествовании очевидны логические

и речевые промахи так же, как и установка на транскультурный подход при реконструкции культурного пространства. Подобная установка, утвержденная постколониальным литературным дискурсом, прямо постулирует ограниченность любой культуры и, как результат, потребность в значительной открытости к диалогу [9]. Как мы наблюдаем, в романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» такая модель приводит к слепой абсолютизации советской модели транскультурализма, предполагающей разрыв с культурным прошлым («декультурация») и скрещивание (*metisage*) с настоящим (согласно терминологии Ф. Ортиса [10]). Последнее наблюдение в равной степени характеризует и такой, на первый взгляд, незначительный пласт лексики романа, как обращение. Не следует забывать, что «коннотативный план коммуникативно-стилистического характера способен выступить как абсолютная ценность» [11, с. 6] в единицах, выступающих в роли обращения, поскольку именно они связаны с эмоционально-оценочным освоением мира, предопределяемым культурными, социальными, историческими и прочими факторами.

Конкретные случаи употребления татарских обращений в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» демонстрируют мифологизацию татарского национального дискурса, присущую роману в целом. Национально-специфичные обращения не являются в тексте самодостаточными, и введение их в текст романа выполняет чаще декоративную функцию, особенно, если учесть, что последовательный перевод в самом тексте исключает потребность в обращении к глоссарию, – понимание экзотизма исчерпано контекстом. В других случаях употребление в качестве национальных форм обращения таких, которые не являются отражением норм этикета и правил общения конкретного этноса, существенно искажает восприятие читателем культурного фона произведения. Следует признать, что авторские решения по отбору и включению татарских форм обращений значительно упрощают модель реконструкции татарского дискурса в романе и свидетельствуют о том, что данный дискурс в русской литературе по-прежнему присутствует в качестве экзотического и периферийного.

Список источников

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 607 с.
2. *Влахов С., Флорин С.* Непереваемое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 416 с.

3. Чернейко Л. О. Имя собственное как результат индивидуального творчества и как объект авторского права // Изобретательство. 2002. № 8. С. 23–25.
4. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов и понятий. Назрань: Пилигрим, 2016. 610 с.
5. Фасмер М. Этимологический словарь. Том IV. М.: Издательство «Прогресс», 1973. 856 с.
6. Яхина Г. Зулехха открывает глаза. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. 512 с.
7. Жучкова А. В. Посмотри в глаза чудовищ. Рецензия на книгу: Яхина Г. Ш. Зулехха открывает глаза. Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 512 с. // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 4. С. 571–582.
8. Фразеологический словарь русского литературного языка // NIV.ru: Наука. Искусство. Величие. URL: // <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/6279-D0%9C%D0%BE%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%8F%20%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%B8%D1%86%D0%B0> (дата обращения: 01.05.2021)
10. Энштейн М. Н. Транскультура и трансценденция // Только уникальное глобально: Личность и Управление. Культура и Образование. СПб.: СПбГУ-КИ, 2007. С. 90–102.
11. Ortiz F. Cuban counterpoint: tobacco and sugar. Durham, North Carolina (US), Duke University Press Edition. 1995. 408 p.
12. Винокур Т. Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего. Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 5–29.

References

1. Akhmanova, O. S. (1969). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. 607 p. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian)
2. Vlahov, S., Florin, S. (1986). *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in Translation]. 416 p. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russian)
3. Cherneiko, L. O. (2002). *Imya sobstvennoe kak rezul'tat individual'nogo tvorchestva i kak ob"ekt*

avtorskogo prava [Proper Name as a Result of Individual Creativity and as an Object of Copyright]. Pp. 23–25. Moscow, Izobretatel'stvo. (In Russian)

4. Zherebilo, T. V. (2016). *Slovar' lingvisticheskikh terminov i ponyatii* [Dictionary of Linguistic Terms and Concepts]. 610 p. Nazran', Piligrim. (In Russian)
5. Fasmer, M. (1973). *Etimologicheskii slovar'* [Etymology Dictionary]. V 4 tomakh. T. 4. 856 p. Moscow, izdatel'stvo "Progress". (In Russian)
6. Yakhina, G. (2016). *Zuleikha otkryvaet glaza* [Zuleikha Opens Her Eyes]. 512 p. Moscow, izdatel'stvo AST, Redaktsiia Eleny Shubinoi. (In Russian)
7. Zhuchkova, A. V. (2020). *Posmotri v glaza chudovishch. Retenziia na knigu: Yakhina G. Sh. Zuleikha otkryvaet glaza. Moskva: AST: Redaktsiia Eleny Shubinoi, 2015. 512 s.* [Look into the Eyes of Monsters. A Book Review: Yakhina G. Sh. Zuleikha Opens Her Eyes. Moscow, AST: Edited by Elena Shubina, 2015. 512 p.]. Pp. 571–582. Moscow, Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. (In Russian)
8. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. URL: <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/6279-D0%9C%D0%BE%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%8F%20%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%B8%D1%86%D0%B0> (accessed: 01.05.2021). (In Russian)
9. Epshtein, M. N. (2007). *Transkul'tura i transtsendentsiia* [Transculture and Transcendence]. Pp. 90–102. Tol'ko unikal'noe global'no: Lichnost' i Upravlenie. Kul'tura i Obrazovanie. St. Petersburg, SPbGUKI. (In Russian)
10. Ortiz, F. (1995). *Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar*. 408 p. Durham, North Carolina (US), Duke University Press Edition. (In English)
11. Vinokur, T. G. (1993). *Informativnaya i faticheskaya rech' kak obnaruzhenie raznykh kommunikativnykh namerenii govoryashchego i slushayushchego* [Informative and Phatic Speech as the Discovery of Different Communicative Intentions of the Speaker and the Listener]. *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt*. Pp. 5–29. Moscow, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 10.12.2022

Поступила в редакцию 10.12.2022

Салахова Айгуль Рестамова,
кандидат филологических наук,
доцент,
Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне,
518172, Китай, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь,
район Лунган, Даюньсиньчэн,
Гоцзидасюэюань, 1;
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
aygul.salahova@gmail.com

Salakhova Aygul Restamovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Shenzhen MSU-BIT University,
1, International University Park Road,
Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen,
Guangdong Province, PRC, 518172
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
aygul.salahova@gmail.com

УДК 81'373

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-71-75

«НА ИХ ЯЗЫКЕ ЭТО НАЗЫВАЛОСЬ „НОЧНАЯ ОПЕРАЦИЯ“»: РЕФЛЕКСИЯ О ЯЗЫКЕ В ВОСПОМИНАНИЯХ Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

© Александра Семенова

**IN THEIR LANGUAGE IT WAS CALLED “NIGHT OPERATION”:
THE REFLECTION ON LANGUAGE IN THE MEMORIES OF
N. MANDELSHTAM**

Aleksandra Semenova

The memoirs of N. Mandelstam are well known to a wide range of readers, but the attention of researchers to these texts is often due to the interest directed at the personality and work of O. Mandelstam. Literary critics actively use “Memoirs”, “The Second Book”, and “About Akhmatova”, but linguistic studies practically do not touch on her extensive memoirs. The article considers aspects of the author’s reflection on the language in the memoirs of N. Mandelstam. Particular attention is paid to the explication and analysis of the key oppositions “we – they”, “ours – theirs”, implemented by various linguistic means, as well as the reflexive activity of the memoirist, which is addressed, among other things, to the characteristic features of the language of different social groups. The genre affiliation of the analyzed material allows us to touch upon the problem of self-identification and self-presentation, which are ambiguously manifested in the text due to the addressing specifics of N. Mandelstam’s ego-document. The article also analyzes a number of characteristic features inherent in the so-called “female” writing.

Keywords: Nadezhda Mandelstam, memoirs, reflection on language, self-identification, self-presentation, “female” writing

Мемуары Надежды Яковлевны Мандельштам достаточно известны широкому кругу читателей, однако внимание исследователей, которое уделяется этим текстам, зачастую обусловлено интересом, направленным на личность и творчество Осипа Эмильевича Мандельштама. Безусловно, литературоведы активно используют в своих трудах «Воспоминания», «Вторую книгу», «Об Ахматовой», однако собственно лингвистические исследования практически не касаются обширного мемуарного наследия писательницы. В статье предпринята попытка рассмотреть аспекты авторской рефлексии о языке, представленной в воспоминаниях Н. Я. Мандельштам. Особое внимание направлено на экспликацию и анализ ключевых, реализованных различными языковыми средствами оппозиций «мы – они», «наше – их», а также на рефлексивную деятельность мемуаристки, обращенную в том числе на специфику языка разных социальных групп. Жанровая принадлежность анализируемого материала позволяет затронуть проблему самоидентификации и самопрезентации, неоднозначно проявляющихся в тексте из-за специфики адресованности эго-документа Н. Я. Мандельштам. Также в статье проанализирован ряд характеристик, присущих так называемому «женскому» письму.

Ключевые слова: Надежда Мандельштам, мемуары, рефлексия о языке, самоидентификация, самопрезентация, «женское» письмо

Для цитирования Семенова А. «На их языке это называлось „ночная операция“»: рефлексия о языке в воспоминаниях Н. Я. Мандельштам // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 71–75. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-71-75

Мемуарная литература XX века – продуктивный материал для различного рода исследований в силу множества факторов. Этот тип эго-документов становится основой и для большого числа филологических трудов, однако зачастую в

работах, посвященных этому периоду, на первый план выходит рассмотрение литературоведческих аспектов текста. Значительный же интерес к изучению мемуарной прозы прошлого века с лингвистической точки зрения в последние годы

непрерывно возрастает и обуславливает появление исследований, посвященных эго-документам разных людей: от рабочего, описывающего быт советского общества [1], до высокопоставленного политического деятеля, рассказывающего о своем жизненном пути [2]. Внимание, обращаемое на автобиографические произведения деятелей культуры, кажется особенно пристальным, однако стоит отметить, что и оно оказывается порой узконаправленным. Так, например, интерес к личности и творчеству Осипа Манделштама с каждым годом усиливается, порождая множество работ в области литературоведения и языкознания [3], [4], [5].

В то же время материалы, касающиеся Надежды Манделштам, служат лишь историко-литературным сопровождением, контекстом анализа творчества поэта. Тексты, созданные ею, практически не рассматриваются в отрыве от произведений знаменитого мужа. При этом они, несомненно, не только являются важным свидетельством минувшей эпохи, но дают возможность говорить о том, какими языковыми средствами пользовались представители творческой интеллигенции XX века, какие нормы и ограничения существовали в данной среде и что служило стимулом для их возникновения. В связи с этим представляется, что мемуарная проза Н. Я. Манделштам имеет не меньшее значение не только для изучения историко-литературного процесса, но и для лингвистических исследований. Стоит отметить особую ценность ее воспоминаний. С одной стороны, их можно сопоставить с жанром «дневника-черновика» [6, с. 16], поскольку они заключают в себе в том числе подробное описание литературных поисков О. Э. Манделштама и, несмотря на то что их владельцем становится не сам поэт, приковывают к себе внимание исследователей благодаря тому, насколько глубоко мемуаристка была погружена в творчество супруга и как самозабвенно сохраняла все, что было возможно. С другой стороны, воспоминания Н. Я. Манделштам, благодаря полноте и последовательности описания трагических событий XX века, в которые супруги были активно вовлечены, можно сопоставить с жанром «бытового» дневника, созданного «в период «великих потрясений» как общественного, так и частного характера [Там же].

Итак, материалом исследования послужил корпус мемуарной прозы Н. Я. Манделштам, включающий в себя два наиболее крупных мемуарных текста: «Воспоминания» [7], работа над которым велась в 1958–1965 гг., и «Вторая книга» [8], создававшаяся в 1967–1970 гг.

Говоря о характере произведений Н. Я. Манделштам, необходимо заметить, что она, вслед

за А. А. Ахматовой, называет период, которому посвящена значительная часть мемуаров, «вегетарианским временем» [7, с. 93], то есть годами, когда репрессии еще не были массовыми. Однако, как известно, супруги Манделштам оказались среди тех, кто, не вписавшись в реалии нового российского государства, подвергся преследованию, в связи с чем в ее текстах регулярно и четко выделяются ключевые оппозиции «мы – они», «наше – их». Эти же оппозиции порождают рефлексию о языке, используемом представителями разных социальных страт. Так, например, из вводимых Н. Я. Манделштам пояснений становится ясно, что лингвистические различия для нее – один из важнейших факторов взаимодействия со всем, что ее окружает:

«Каждый из них в какой-то пропорции участвовал в том, что на языке следователя называлось „акцией“ и в начале следствия рассматривалось как террористический акт» [Там же, с. 147] (здесь и далее разрядка наша. – А. С.).

Особый интерес вызывает и тот факт, что, подробно описывая контекст происходящего, писательница не только фиксирует диалоги, сохраняя, как представляется, малейшие подробности, но и вводит в текст «терминологию» нового времени, без которой, очевидно, сам формат повествования оказывается невозможным:

«О. М. вынул из кармана паспорт. Проверив, чекист предъявил ему ордер. О. М. прочел и кивнул. На их языке это называлось „ночная операция“» [Там же, с. 5–6].

Н. Я. Манделштам на протяжении всего текста, рефлексируя над окружающими новыми реалиями и обозначающим их новым языком, словно создает для читателя краткий словарь с самыми необходимыми понятиями, четко маркируя, какие единицы языка употребляются каждой из социально и идеологически не совпадающих сторон. Так, значимым с точки зрения эвфемизации оказывается один из многих отрывков, связанных с А. А. Ахматовой. Показательно, что рефлексия мемуаристки о языке и речи наиболее развернуто и ярко представлена именно в этих частях текста. В данном случае обнаруживается пример, демонстрирующий возможности «коллективного творчества» и предлагающий новую номинацию для агентов, в чьи обязанности входила слежка за представителями опальной стороны:

«Что же касается тех, кого мы называли „Васями“, то я особенно хорошо запомнила одного <...> выходя из дому с Анной Андреевной,

мы стыдливо пробежали мимо пляшущего „Васи“» [Там же, с. 16].

При этом в рефлексивной деятельности автора наблюдается большее стремление не к толкованию, а к оценке описываемых языковых явлений, что можно классифицировать как один из способов метаязыковой интерпретации [9, с. 220]. Так, в предлагаемой Н. Я. Мандельштам «терминологии» отчетливо прослеживается не только эксплицитная языковая информация, но и психологический подтекст: «Он не заметил <...> того, что мы называли „гэпэушным презрением к людям“» [7, с. 255].

Стоит отметить, что для писательницы характерны регулярные отступления от основной линии повествования. Так, например, в тексте воспоминаний наряду с лаконичными толкованиями отдельных понятий появляются и более детальные рассуждения автора о тех языковых явлениях, которые, по мнению Н. Я. Мандельштам, претерпели изменения в период репрессий:

«Как это ни странно, но слово „совесть“, совершенно выпавшее у нас из обихода – оно не употреблялось ни в газетах, ни в книгах, ни в школе <...> сохранилось и работало „внутри“. Там постоянно угрожали подследственным „муками совести“» [Там же, с. 61–62].

Н. Я. Мандельштам неустанно обращается к размышлениям о причинах возникновения языковых «разногласий» в современном ей обществе. При этом важно отметить, что склонная к рассуждениям мемуаристка не только являлась женой творческого человека, но и сама обладала филологическим образованием, в связи с чем ее языковые наблюдения отличаются терминологичностью, пусть и не всегда академически точно выверенной:

«Фонетическим письмом и тонированием можно передать лишь самую грубую схему пауз, повышений и понижений голоса. За бортом остается долгота гласных, обертона и тембр» [Там же, с. 265].

Подобные «заметки» Н. Я. Мандельштам связаны не только с рефлексией – интересны и собственно филологические наблюдения, встречающиеся в разных частях воспоминаний. Так, продуктивным с этой точки зрения оказывается не только период регулярной коммуникации с представителями органов государственной власти, но и время вынужденного отъезда из столицы. Например, писательница фиксирует специфику говоров, распространенных в тех регионах, где супруги оказываются в ссылке:

«Граница говоров проходила чуть южнее Воронежа, и бабы, тыча пальцем в сушеные фрукты, спрашивали: „Ще що за вышенки?..“» [Там же, с. 133].

Или, например, в одной из глав мемуаристка описывает, как определяет социальное происхождение (из народа) конвоира лишь по одному из произнесенных слов:

«Конвойный Оська <...> сказал: „Успокой его! Скажи, что у нас за песни не расстреливают...“ О том, что речь идет о стихах – по-народному они называются песнями, – Оська догадался из наших разговоров» [Там же, с. 46–47].

Непрерывно размышляя о функционировании языка в современном ей обществе, Н. Я. Мандельштам регулярно переходит от частных наблюдений к анализу глобальных социальных трансформаций. Так, писательница неоднократно указывает на своеобразное обезличивание, проникающее и в социальную, и в частную жизнь каждого человека:

«В этом вареве и крошеве исчезло слово „я“. Оно стало почти постыдным, запрещенной темой. <...> Потеря „я“ выразилась в ущербности (мой случай) или в открытом индивидуализме – ведь эгоцентризм и самоутверждение его крайние проявления» [8, с. 8].

Подобный способ указания на себя через рассуждение о масштабных переменах общественного сознания весьма характерен для мемуаристки. В связи с этим не менее важным при изучении эго-документов Н. Я. Мандельштам представляется вопрос самоидентификации и самопрезентации автора. Сразу же необходимо отметить, что в качестве материала выступает специфический тип эго-документа – воспоминания, созданные спустя много лет после описываемых событий, что в некоторой степени затрудняет исследовательскую задачу по разграничению выражения авторской самоидентификации и самопрезентации. Так, М. А. Лаппо отмечает, что в автобиографических текстах самоидентификационный дискурс в большей степени проявляется, а самопрезентационный – максимально нейтрализуется [10, с. 21–22]. Однако нельзя не учитывать очевидной ориентированности «Воспоминаний» Н. Я. Мандельштам на большую читательскую аудиторию, а соответственно, возможности проявления самопрезентационного дискурса в ином объеме, чем, например, в жанре дневника или дружеской переписки.

Следуя концепции М. А. Лаппо, в анализируемых мемуарах можно выделить все основные типы

идентичности (семейно-родственную, гендерную, возрастную, национальную, профессиональную, религиозную, идеологическую [10, с. 27]), с разной степенью частоты актуализируемые в текстах воспоминаний. Одной из доминантных черт произведения становится указание Н. Я. Мандельштам на ее статус замужней женщины, что неоднократно эксплицируется с помощью местоимения «мы инклюзивного» и способствует вербализации семейно-родственного типа идентичности:

«Провинции мы не знали, знакомых у нас не было» [7, с. 88]; «Такого с нами никогда не было, если не считать, что нас благословил в греческой кофейне мой смешной приятель Маккавейский, и мы считали это вполне достаточным» [8, с. 130].

Однако, несмотря на регулярное использование данного способа вербализации идентичности, она неоднократно подчеркивает, что ее предназначение вовсе не ограничивалось бытовым пониманием социальной роли «жена», тем самым мемуаристка вводит в повествование мотив спасения, относящийся как к семье, так и к литературному наследию О. Э. Мандельштама, которые, по-видимому, оказываются для нее неразрывными:

«По характеру отбора бумаг можно всегда сообразить, на чем собираются строить обвинение, поэтому я навязалась чину в консультанты, читала трудный почерк О. М., датировала рукописи и отбивала все, что можно» [7, с. 9].

В связи с этим, говоря о наследии поэта, Н. Я. Мандельштам систематически вербализует психологический компонент сожаления, поскольку многие рукописи были безвозвратно утеряны:

«И я очень жалею, что среди бумаг, украденных вдовой Рудакова, пропали черновики стихов десятых и двадцатых годов <...> Я очень дорожила этими листочками» [Там же, с. 9–10].

Эта особенность текста писательницы оказывается важной и с точки зрения гендерных исследований русской литературы и мемуаристики, указывающих на такие особенности образа русской женщины, как самоотверженность, самоотречение, отношение к окружающим мужчинам, как к детям [11, с. 38]. Действительно, многие отрывки воспоминаний можно охарактеризовать, как типично «женское» письмо, поскольку те части текста, которые повествуют об аресте, заключении и ссылке, содержат рассуждения о еде, бытовых условиях, внешнем виде мужа, его одежде, самочувствии и практически всем том, что обычно относится исследователями к данному

типу письма. Однако сама Н. Я. Мандельштам, указывая на свой статус, идентифицирует себя с теми женами, которые разделяют с супругами все испытания, надеясь спасти не только человека, но и память о нем:

«Я должна была беречь силы, чтобы пройти по всем путям, уже протоптанным другими женами <...> только я могла все это спасти» [Там же, с. 14].

Такой способ построения текста, в соответствии с предложенными М. А. Лаппо семантическими формулами социальной идентичности, можно отнести к Формуле 3, предполагающей описание группы как бы со стороны, внешним наблюдателем [10, с. 14], которым в данном случае является сама Н. Я. Мандельштам. Рассуждая о судьбе тех, с кем она себя идентифицирует, писательница вводит мотив гадания, который в контексте непознанного традиционно относится исследователями к одной из «женских» тем [12, с. 123]. Такие отрывки строятся как с прямым указанием автора на себя: «Чем выше чин главного ночного гостя, тем серьезнее дело <...> Об этой форме гадания я услышала впервые» [7, с. 21]; так и с помощью описания группы, к которой причисляет себя мемуаристка: «возможно, что в этом восклицании содержится заклиная формула, вроде «чур-чур меня!»... Что нам оставалось делать, как не колдовать?..» [Там же, с. 26].

Таким образом, при детальном рассмотрении мемуарной прозы Н. Я. Мандельштам, помимо историко-культурных уточнений важных для понимания особенностей творчества и поэтической индивидуальности О. Э. Мандельштама, интересных бытовых наблюдений за жизнью человека в советском обществе, значимых рассуждений о специфике конструирования советского человека, обнаруживается и уникальный лингвистический материал, способный вызвать неподдельный интерес как с литературной, так и с языковедческой точки зрения. Рефлексивная деятельность писательницы о языке во многом основывается на специфике речи представителей разных социальных групп, что в свою очередь неразрывно связывается и с проявлением моделей самоидентификации и самопрезентации автора в тексте воспоминаний. Гендерная специфика эго-документов Н. Я. Мандельштам представляется неординарной и неоднозначной, однако это может служить стимулом для дальнейших исследований.

Список источников

1. Кабацков А. Н. Субъективный образ социальной структуры советского общества в дневниках А. И.

Дмитриева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 1. С. 15–22.

2. Деннингхаус В. Генеральный политрук: языковые особенности рабочих дневников Л. И. Брежнева // Идеи и идеалы. 2017. Т. 1. № 2. С. 92–102.

3. Нерлер П. М. Con amore: Этюды о Мандельштаме. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 856 с.

4. Сошкин Е. П. Гипограмматика. Книга о Мандельштаме. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 512 с.

5. Успенский П. Ф., Файнберг В. В. К русской речи: Идиоматика и семантика поэтического языка Мандельштама. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 360 с.

6. Ромашикина М. В. Дневник как литературная форма (С. Киркегор, М. Ю. Лермонтов, Ф. Кафка, А. Камю, Ж.-П. Сартр): автореф. дис. ... канд. филол. наук: М., 2016. 25 с.

7. Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М.: Книга, 1989. 483 с.

8. Мандельштам Н. Я. Вторая книга. Париж: Ymca Press, 1983. 724 с.

9. Вепрева И. Т. Что такое рефлексив? Кто он, homo reflectens? // Известия Уральского государственного университета. 2002. № 24. С. 217–227.

10. Лappo М. А. Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности: автореф. дис. ... докт. филол. наук: Новосибирск, 2018. 35 с.

11. Курьянович А. В. Проявление авторского женского начала в письмах М. Цветаевой: опыт гендерной интерпретации текста // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. № 1. С. 37–40.

12. Каркищенко Е. А. Гендерные стереотипы: дискурсивные средства формирования и репрезентации в коммуникативном поведении подростков: дис. ... канд. филол. наук: М., 2013. 272 с.

References

1. Kabatskov, A. N. (2019). *Sub"ektivnyi obraz sotsial'noi struktury sovetskogo obshchestva v dnevnikakh A. I. Dmitrieva* [Subjective Image of the Social Structure of Soviet Society in the Diaries of A. I. Dmitriev]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. No. 1, pp. 15–22. (In Russian)

2. Denningkhaus, V. (2017). *General'nyi politruk: yazykovye osobennosti rabochikh dnevnikov L. I.*

Brezhneva [General Political Instructor: Linguistic Features of L. I. Brezhnev's Working Diaries]. *Idei i idealy*. T. 1. No. 2, pp. 92–102. (In Russian)

3. Nerler, P. M. (2014). *Con amore: Etyudy o Mandel'shtame* [Con Amore: Etudes about Mandelstam]. 856 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

4. Soshkin, E. P. (2015). *Gipogrammatika. Kniga o Mandel'shtame* [Hypogrammar. A Book about Mandelstam]. 512 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

5. Uspenskii, P. F., Fainberg, V. V. (2020). *K russkoi rechi: Idiomatika i semantika poeticheskogo yazyka Mandel'shtama* [On Russian Speech: Idiomatics and Semantics of Mandelstam's Poetic Language]. 360 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

6. Romashkina, M. V. (2016). *Dnevnik kak literaturnaya forma (S. Kirkegor, M. Yu. Lermontov, F. Kafka, A. Kamyu, Zh.-P. Sartr): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Diary as a Literary Form (S. Kierkegaard, M. Yu. Lermontov, F. Kafka, A. Camus, J.-P. Sartre): Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 25 p. (In Russian)

7. Mandel'shtam, N. Ya. (1989). *Vospominaniya* [Memories]. 483 p. Moscow, Kniga. (In Russian)

8. Mandel'shtam, N. Ya. (1983). *Vtoraya kniga* [The Second Book]. 724 p. Paris, Ymca Press. (In Russian)

9. Vepрева, I. T. (2002). *Chto takoe reflektiv? Kto on, homo reflectens?* [What Is a Reflexive? Who Is He, Homo Reflectens?]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 24, pp. 217–227. (In Russian)

10. Lappo, M. A. (2018). *Samoidentifikatsionnyi diskurs russkoi elitarnoi yazykovoi lichnosti: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Self-Identification Discourse of the Russian Elite Linguistic Personality: Doctoral Thesis Abstract]. Novosibirsk, 35 p. (In Russian)

11. Kur'yanovich, A. V. (2004). *Proyavlenie avtorskogo zhenskogo nachala v pis'makh M. Tsvetaevoi: opyt gendernoi interpretatsii teksta* [The Manifestation of the Author's Feminine Nature in M. Tsvetaeva's Letters: An Experience of Gender Interpretation of the Text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 1, pp. 37–40. (In Russian)

12. Karkishchenko, E. A. (2013). *Gendernye stereotipy: diskursnye sredstva formirovaniya i reprezentatsii v kommunikativnom povedenii podrostkov: dis. ... kand. filol. nauk* [Gender Stereotypes: Discourse Means of Formation and Representation in the Communicative Behavior of Adolescents: Ph.D. Thesis]. Moscow, 272 p. (In Russian)

The article was submitted on 08.09.2023

Поступила в редакцию 08.09.2023

Семенова Александра Александровна, аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48. Semenova_al_al@mail.ru

Semenova Aleksandra Aleksandrovna, graduate student, Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russian Federation. Semenova_al_al@mail.ru

ЗООМОРФНАЯ МЕТАФОРА В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЗАГАДКЕ

© Найля Файзуллина, Хан Сывэнь

ZOOMORPHIC METAPHOR IN A RUSSIAN FOLK RIDDLE

Nailya Faizullina, Hang Siwen

Metaphor is a unique phenomenon both from the point of view of language and culture, for it preserves unique relic forms of the surrounding reality perception. At present, when modern conditions of people's lives are transformed, metaphor, as a way of realization of hidden comparison, undergoes a number of qualitative changes. In this regard, it will be relevant to turn to metaphor functioning in folklore texts, because due to its conservatism we can identify archetypal images underlying the hidden comparison. This article examines the features of zoomorphic metaphor in Russian folk riddles. The zoomorphic code is interesting for us, since the images of animals, actualized through metaphor, allow identifying national values. In riddles containing images of animals, there is a certain similarity between the image of the animal and the denotat in question; accordingly, this similarity is reflected in the metaphor, usually through a description of the action and appearance of the animal. Analyzing metaphor in the Russian folk riddle, we identify zoomorphic codes, which retain archetypal coding, expressed in the context of the whole riddle and in its correspondence to mythological ideas about the given animal. In this case, we are talking about the image of a horse, a bull. At the same time, the corpus of folk riddles reveals such zoomorphic metaphorical formations, which do not show any connection with archetypal coding. Thus, the image of a bear is deprived of mythological subtext and is used only as a means of secondary nomination of the denotation.

Keywords: zoomorphic metaphor, image of a horse, image of a bear, image of a bull, secondary nomination, folk riddle, folklore

Метафора представляет собой уникальное явление с точки зрения языка и культуры, потому что в ней сохраняются неповторимые реликтовые формы восприятия окружающей действительности. В настоящее время метафора как способ реализации скрытого сравнения претерпевает ряд качественных изменений, поскольку трансформируются современные условия жизни людей. В данной связи актуальным будет обращение к метафоре, функционирующей в фольклорных текстах, поскольку благодаря своей консервативности мы можем выявлять архетипичные образы, положенные в основу скрытого сравнения. В данной статье рассматриваются особенности зооморфной метафоры в русских народных загадках. Обращение к зооморфному коду представляется для нас интересным, поскольку актуализируемые через метафору образы животных позволяют выявить национальные ценности. В загадках, содержащих образы животных, существует определенное сходство между образом животного и денотата, о котором идет речь, и это сходство отражается в метафоре, обычно через описание действия и внешнего вида животного. В ходе анализа метафоры в русской народной загадке авторы выявляют зооморфные коды, которые сохраняют архетипичную кодировку, что выражается и в контексте всей загадки, и соответствии мифологическим представлениям о данном животном. В данном случае речь идет об образе коня, быка. В то же время в корпусе народных загадок выявлены такие зооморфные метафорические образования, которые не проявляют связи с архетипичными кодировками. Так, образ медведя лишен мифологического подтекста и используется лишь как средство вторичной номинации денотата.

Ключевые слова: зооморфная метафора, образ коня, образ медведя, образ быка, вторичная номинация, народная загадка, фольклор

Для цитирования: Файзуллина Н., Хан Сывэнь Зооморфная метафора в русской народной загадке // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №3 (73). С. 76–80. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-76-80

Сложность и в то же время простота формирования и применения метафоры привлекали к себе внимание исследователей из различных научных сфер. В настоящее время имеются науч-

ные труды, посвященные не только эволюции метафоры как многоаспектного образования, заключающего в себе стык языка и логики [1], но и современному функционированию метафоры, что обусловлено требованиями современного мира [2]. Важно подчеркнуть, что многие исследователи отмечают универсальность метафоры, ее вневременной характер: «Метафора – универсальное явление в языке. Ее универсальность проявляется в пространстве и во времени, в структуре языка и функционировании» [1, с. 11]. Кроме того, метафора, по мнению А. П. Чудинова, «необычайно динамична, она понятна только „здесь и сейчас“ ... и вместе с тем она согласована с основными понятиями данной культуры» [2, с. 11].

Тезис о динамичности метафоры и ее обязательной включенности в контекст определенной культуры заставил нас задаться вопросом об особенностях функционирования метафоры в рамках фольклорного текста, в частности народной загадки. Обращение к энигматическому жанру связано с тем, что для его природы характерна замена наименования одного предмета другим наименованием, что имеет много общего с процессом метафоризации в целом. Более того, интерес к выбранному объекту исследования стимулирован и наличием следующего положения: «существует точка зрения, что в метафорах сохраняются пережитки нерасчлененного смутного первобытного мышления человека, связывают метафорические переносы с недифференцированными понятиями, с генетически ранними этапами эволюции мышления» [1, с. 12]. Данный тезис находит свое подтверждение и в работах отечественных лингвокультурологов: «Жизнь каждого народа протекает в только ему присущей природной и историко-культурной (материальной и духовной) реальности, и на этом основании в образы ... попадают те вещи, явления, имена людей и т. п., которые характерны для жизни данного народа» [3, с. 90].

Целью настоящего исследования является анализ русских народных загадок с зооморфной метафорой. Обращение к зооморфной метафоре связано с тем, что животные, актуализированные в фольклорном тексте, часто аккумулируют в себе определенные национальные стереотипы, представления об устройстве мира: «...паремиологические единицы, представляющие вербально-стереотипный способ регулирования человеческого поведения, могут рассматриваться как национально-традиционная форма проявления наблюдательности, назидательности, рефлексивности в человеческом обществе» [4, с. 82]. Более того, с точки зрения когнитивного ис-

следования языка, зооморфная метафора представляет собой уникальное образование, которое зафиксировало в своей внутренней форме возможность наделения неодушевленного предмета признаками живого существа и наоборот [5], [6].

С целью проведения исследования нами была осуществлена выборка текстов народных загадок, представленных в различных сборниках народной мудрости. В результате работы с отобранными загадками мы установили, что довольно часто в русской народной загадке фигурирует образ коня. Данный факт мы связываем с национальными культурными особенностями, что, по мнению Н. В. Шестеркиной, связано с реликтовыми формами восприятия окружающего пространства, а также необходимостью табуирования некоторых живых и неживых предметов [7, с. 177]. Кроме того, обращение архаичного человека к образу животного во многом обусловлено логикой его мышления и бытовавшим на тот момент мифологическим сознанием человека: «Роль животных в мифологии чрезвычайно велика и определяется тем исключительным значением, которое они имели на ранней стадии развития человечества, когда люди еще не выделяли себя из ряда живых существ и не противопоставляли себя природе» [8, с. 252].

Довольно часто в энигматическом тексте встречается образ коня: *Есть на свете конь, всему свету не сдержать* (ветер); *Конь бежит, земля дрожит* (гром); *Братцева коня не поймать* (ветер) [9, с. 296]. Мы рассматриваем приведенные загадки в первую очередь, поскольку, по нашему мнению, содержание их отражает общую индоевропейскую традицию, а также особенности славянской культуры, в рамках которой небесные светила, ветер, гром, гроза воспринимались как результат жизнедеятельности древних богов. Так, по наблюдениям Е. В. Мадлевской, «в разных местностях ветер мог представляться мальчиком, мужчиной, а также всадником и конем» [8, с. 188]. Приведенное положение свидетельствует о том, что архаичное сознание представляло ветер как некое одушевленное существо, способное перемещаться самостоятельно, что мы и видим в загадке. В таком случае мы можем говорить о мотивированности выбора вторичной номинации.

Мотивированным видится и ввод образа коня в загадку о громе (здесь актуализируются общие индоевропейские представления о создании мира): первый гром часто ассоциировался с «началом нового лета, земледельческого года» [10, с. 560].

Однако стоит отметить, что не все загадки, включающие зооморфную метафору, предпола-

гают столь глубокую актуализацию «отрывков» мифопоэтического сознания архаичного человека. Так, в загадке *Маленький конек все озеро выпил* (дым) [9, с. 32] ввод антиденотата видится, с одной стороны, не вполне мотивированным; но с другой – «стихия огня осознавалась как опасная сила, несущая разрушение и смерть» [8, с. 180], и тогда во взаимодействии с ней могло вступить только существо, обладающее сверхспособностями, например, конь.

Косвенно с огнем связана и загадка про кочергу: *Черный конь прыгает в огонь* (кочерга) [9, с. 54]. Мы полагаем, что обращение к образу коня вновь обусловлено народными мифопоэтическими представлениями, согласно которым конь может являться и воплощением Бога Перуна, что значит, может взаимодействовать со стихией огня.

Интересными с точки зрения трансформации смыслов и реализации идеи интертекстуальности выглядят следующие загадки о колоколе и производимом им звоне: *Заржал жеребец на Сионской горе, услышала кобыла на сырой земле* (колокол и звон) [9, с. 159]. Как было отмечено нами выше, образ коня и других крупнокопытных животных воспринимался как олицетворение грома или Бога Перуна, о чем свидетельствуют и соответствующие загадки: *Кобыла заржет на турецкой горе, жеребец откликнется на Сионской горе* (гром) [Там же, с. 301]; *... по полю ржет, а везде слышно* (гром) [Там же, с. 159]; *Сивый жеребец на все царство ржет* (гром) [Там же, с. 159]. Ключевым мотивом во всех приведенных текстах и их вариациях является сильное акустическое воздействие и его значительный масштаб распространения. Данный мотив был переложен на другое акустическое явление – распространение колокольного звона. Мы полагаем, что подобная аллюзия связана с логикой мышления архаичного человека, его стремлением найти аналогии в постигаемом мире. Примечательным является в данном случае не только сопоставление мотивов, но и сопоставление образов, реализующих заявленные мотивы.

Мы убеждены, что обращение к подобному рода метафоре и затем аллюзии обусловлено как минимум культурными представлениями о повадках животных, об их образе жизни. Возможно, трансляция информации через образ животного связана и с попыткой соблюсти некоторые логические установки, нормы передачи информации: «Передача информации затрудняется, если говорящий отклоняется от нормы. Естественно предположить, что чем сильнее отклонение, тем меньше информации передается. Усложнённая форма затрудняет восприятие, но зато даже

небольшой объем информации, преподнесенный в сложной форме, требует большего времени на обработку, чем тот же объем в стандартной форме» [11, с. 35]. Исходя из предложенного тезиса, мы можем заключить, что трансляция информации через образ животного, действительно, является «нормативной» для мышления древнего человека, мыслящего довольно примитивными категориями: «При характеристике некоторых животных указываются прототипические свойства (функции), то есть имеющиеся в национальном менталитете наиболее общие представления о характерных свойствах данного концепта» [2, с.75].

Мотив распространения акустического воздействия обнаруживаем и в загадке о мельнице: *Затопали кони на Ивановском поле, зарычал медведь на Кирилловском* (мельница) [9, с. 167]. В данном случае распространение физического действия связывается с работой сложного механизма мельницы, где загадывающий пытается выделить причинно-следственную связь между явлениями. Как можем заметить, действие сложного механизма кодируется при помощи образов животных, причем животные не позиционируются как представители одного класса. Более того, мы видим их разное местоположение, что может свидетельствовать о том, что для большей части населения работа мельницы могла восприниматься как работа отдельных ее звеньев, что не предполагало в сознании человека целостного представления о сложном механизме работы мельницы, где взаимозависимым является определенный набор физических действий.

Примечательным в данной загадке является включение эвфемизма *медведь*, что может свидетельствовать о факте разрушения некоторого коллективного верования или же о намеренной деэвфемизации образа животного. Положение о возможной деэвфемизации подтверждается и нетипичным местоположением животного: медведь в славянской мифологии является жителем леса, его стражем и практически не описывается вне данного локуса, что мы наблюдаем в загадке.

В целом следует отметить, что зооморфная метафора актуализируется в русской загадке часто с целью гиперболизации определенного признака чаще всего неживого предмета. Основанием метафоризации в таком случае может выступать размер денотата и общепринятое восприятие размеров определенного животного. Так, бык является довольно крупным животным, с которым связано большое количество обрядовых действий, что в качестве аллюзий мы находим и в тексте народной загадки: *Промеж гор-печор лежит бык печен, в брюхе мак толчен, в боку*

нож вострен (каравай) [9, с. 80]. В то же время нами был обнаружен ряд загадок, в которых включение зооморфного кода не предполагает не только мифологических аллюзий, но и вычленения какого-либо сходства между денотатом и вводимым образом животного: *Бык железный, а хвост льняной* (игла с ниткой); *Чугунный бык с мочальным хвостом* (игла с ниткой) [9, с. 99].

Таким образом, приведенные выше иллюстрации доказывают, что народная загадка вскрывает определенные логические паттерны восприятия окружающего пространства, окружающих предметов. Часто эти паттерны реализуются посредством скрытого сравнения, то есть метафоры. Метафоризации довольно часто подвергаются денотаты посредством зооморфного национального кода. В ходе исследования мы пришли к выводу, что зооморфный код часто реализуется при помощи культурно значимых животных, причем ввод образа животного может вести за собой и косвенное указание на мифические верования, ритуалы, связанные с его образом. В то же время в ряде загадок наблюдается разрушение данного мифологического сопровождения, поскольку зооморфный код может никак не соотноситься с загаданным предметом. В таком случае загадывающему просто важно подчеркнуть активность денотата, его способность выполнять определенные действия. Выявленный факт позволяет говорить о том, что загадки создавались в разное время: более ранние загадки еще содержат в себе элементы мифологических верований; загадки более позднего периода отличаются отсутствием данной мифологической составляющей.

Список источников

1. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: виды наименований. М.: Наука, 1977. С. 129–221.
2. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Урал. Гос. Пед. Ун-т. Екатеринбург, 2001. 238 с.
3. Ковшова М. Л. Культурно-национальная специфика фразеологизмов и вопросы экспликации их культурных смыслов // Вопросы психолингвистики. 2016. Т. 4. № 30. С. 90–101.
4. Кулькова М. А., Галимуллина Р. И. Когнитивно-дискурсивное изучение паремнологических единиц с компонентом-зоонимом в английском и русском языках // Вестник ТГГПУ. 2015. № 3 (41). С. 82–88.
5. Фаттахова Н. Н., Файзуллина Н. И., Мубаракшина А. М. Категоризация как результат национального фокуса внимания // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 980–983.
6. Faizullina N.I., Zamaletdinov R.R., Fattakhova N.N. Metaphor analysis as a secondary nomination source // Journal of Research in Applied Linguistics. 2020. 11. Special Issue. Pp. 82–89.
7. Шестеркина Н. В. «Следы» язычества в русских народных загадках // Вестник Тамбовского университета. Серия. Гуманитарные науки. 2009. № 10 (76). С. 176–185.
8. Русская мифология // Сост. Е. Мадлевская. СПб.: Мидгард, 2005. 778 с.
9. Садовников Д. Н. Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач // сост. Д. Н. Садовников. М.: Современный писатель, 1995. 400 с.
10. Славянские древности. Этнолингвистический словарь // под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. 560 с.
11. Бочавер С. Ю. Язык без границ // Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Издательство «Индрик», 2011. С. 31–36.

References

1. Teliya, V. N. (1977). *Vtorichnaya nominatsiya i ee vidy* [The Second Nomination and Its Types]. *Yazykovaya nominatsiya: vidy nominovaniy*. Pp. 129–221. Moscow, Nauka. (In Russian)
2. Chudinov, A. P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in the Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphors (1991–2000)]. Ural. Gos. ped. universitet. 238 p. Yekaterinburg. (In Russian)
3. Kovshova, M. L. (2016). *Kul'turno-natsional'naya spetsifika frazeologizmov i voprosy eksplikatsii kih kul'turnykh smyslov* [Cultural and National Specificity of Phraseological Expressions and Issues of Explication of Their Cultural Meanings]. *Voprosy psikholingvistiki*, Vol. 4, No. 30, pp. 90–101. (In Russian)
4. Kulkova, M. A., Galimullina, R. I. (2015). *Kognitivno-diskursivnoe izuchenie paremiologicheskikh edinit s komponentom-zoonimom v angliiskom i russkom yazykakh*. [Cognitive and Discursive Study of Paremiological Units with the Component-Zoonym in the English and Russian Languages]. *Vestnik TSHPU*. No. 3 (41), pp. 82–88. (In Russian)
5. Fattakhova, N. N., Fayzullina, N. I., Mubarakshina, A. M. (2020). *Kategorizatsiya kak rezul'tat natsional'nogo fokusa vnimaniya*. [Categorization as a Result of the National Focus of Attention]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. No. 2 (41), pp. 980–983. (In Russian)
6. Faizullina, N. I., Zamaletdinov, R. R., Fattakhova, N. N. (2020). Metaphor Analysis as a Secondary Nomination Source. *Journal of Research in Applied Linguistics*. 11. Special Issue, pp. 82–89. (In English)
7. Shesterkina, N. V. (2009). "Sledy" yazychestva v russkikh narodnykh zagadkakh ["Traces" of Paganism in Russian Folk Riddles]. *Vestnik Tambovskogo*

universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. No. 10 (76), pp. 76–185. (In Russian)

8. *Russkaya mifologiya* (2005) [Russian Mythology]. Sost. E. Madlevskaya. 778 p. St. Petersburg, Midgard. (In Russian)

9. Sadovnikov, D. N. (1995). *Zagadki russkogo naroda: Sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadach*. [Riddles of the Russian People: A Collection of Riddles, Questions, Parables and Problems]. Sost. Sadovnikov. 400 p. Moscow, Sovremenniy pisatel'. (In Russian)

10. *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'* (1995) [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary]. Pod red. N. I. Tolstogo. Vol. 1, 560 p. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian)

11. Bočver, S. Y. (2011). *Jazyk bez granits* [Language without Borders]. Lingvofuturism. Vzgljad yazyka v budušchee. Otv. red. N. D. Arutyunova. Pp. 31–36. Moscow, Indrike Publishing House. (In Russian)

The article was submitted on 26.04.2023
Поступила в редакцию 26.04.2023

Файзуллина Найля Ивановна,
доктор филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
nelya7@mail.ru

Хан Сывэнь,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
hangsiwen@gmail.com

Faizullina Nailya Ivanovna,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
nelya7@mail.ru

Hang Siwen,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
hangsiwen@gmail.com

УДК 81'373.613

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-81-86

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТАТАРСКИХ ГОВОРАХ: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И АДАПТАЦИИ

© Айрат Юсупов

RUSSIAN BORROWINGS IN THE TATAR DIALECTS: FUNCTION AND ADAPTATION FEATURES

Ayrat Yusupov

The article examines the borrowed Russian-language words in the vocabulary of the Tatar dialects, identifies the function features of Russianisms in the local dialects and describes the mechanisms of the borrowed vocabulary adaptation at the phonetic level.

The relevance of the work is the need to study Russian borrowings in the functional and semantic aspects. The purpose of the research is to study the functional features of Russian borrowings in the Tatar dialects. The scientific novelty is to disclose the functional potential of the Tatar dialectal vocabulary category under consideration.

The study is based on the “Dialectological Dictionary of the Tatar Language” (1993, 2009). As a result of the study, the article argues that the presence of such a large number of lexemes indicates the important role of Russianisms in the worldview of the people and, consequently, in their lifestyle, culture and language.

The article concludes that Arab-Persian borrowings prevail most in the accents of the middle dialect, and Russianisms are primarily recorded in the accents of the Western dialect and in the dialects of the Siberian Tatars. We have found that Russian borrowings in the process of phonetic development undergo a strong phonetic adaptation to the orthoepic norms of the Tatar language, which is due to the difference between the languages in contact at all levels of the language structure, including the system of vocalism and at the consonant level.

Keywords: Russian borrowings, Tatar dialectology, dialect, accent, vocabulary, adaptation

В статье рассматривается заимствованная русскоязычная лексика в словарном составе диалектов татарского языка, выявляются особенности функционирования русизмов в местных говорах, описываются механизмы адаптации заимствованной лексики на фонетическом уровне. Актуальность обусловлена необходимостью изучения русских заимствований в функционально-семантическом аспекте. Цель исследования – изучение функциональных особенностей русских заимствований в татарских говорах. Научная новизна заключается в раскрытии функционального потенциала рассматриваемой категории диалектальной лексики татарского языка. Исследование проведено на основе фактического материала, извлеченного из «Диалектологического словаря татарского языка» (1993, 2009). В результате исследования утверждается, что наличие такого большого количества лексем свидетельствует о немаловажной роли русизмов в мировоззрении народа и, следовательно, в его образе жизни, культуре и языке. В результате исследования утверждается, что арабо-персидские заимствования преобладают больше всего в говорах среднего диалекта, а русизмы прежде всего зафиксированы в говорах западного диалекта и в диалектах сибирских татар. Выявлено, что русские заимствования в процессе фонетического освоения претерпевают сильную фонетическую адаптацию к орфоэпическим нормам татарского языка, что обусловлено отличием контактируемых языков на всех уровнях языковой структуры, в том числе в системе вокализма и на консонантном уровне.

Ключевые слова: русские заимствования, татарская диалектология, диалект, говор, лексика, адаптация

Для цитирования: Юсупов А. Русские заимствования в татарских говорах: особенности функционирования и адаптации // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 81–86
DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-81-86

Общеизвестно, что словарный состав языка формируется в процессе исторической эволюции. Ученые утверждают, что ни у одного народа не было возможности жить отдельно, изолированно, все обмениваются жизненно-бытовыми опытами с соседними народами в различных областях. Культурно-экономические, общественно-политические связи быстрее всего отражаются в лексическом составе языка.

В процессе формирования тюркских народов большую роль сыграли контакты с восточными народами еще в древности, с которыми связаны и самые древние заимствования в языке. Известно, что «на протяжении многих веков тюркский письменно-литературный язык был оснащен большим количеством инородных лексических единиц и грамматических элементов» [1, с. 214].

В лингвистических исследованиях по проблеме лексических заимствований имеются несколько трактовок термина «заимствование» (О. С. Ахманова, Л. П. Крысин и др.). В данной статье под термином *заимствование* рассматриваются слова, «взятые из иносистемного языка, перенесенные из одного языка в другой в результате языковых контактов» [2, с. 159].

Фактологической базой исследования послужили диалектологические словари татарского языка. При анализе лексических единиц были использованы различные типы словарей, позволяющие установить происхождение и верную интерпретацию заимствований: «Татар теленец диалектологик сүзлеге» (1993) («Диалектологический словарь татарского языка») [3], «Татар теленец зур диалектологик сүзлеге» (2009) («Большой диалектологический словарь татарского языка») [4].

По мнению К.Б. Мусаева, в аспекте преобладания славянских заимствований среди тюркских языков выделяются: «гагаузский, караимский, татарский, башкирский и чувашский языки» [5, с. 10].

В татарском языкознании заимствованная лексика, в частности русские заимствования, детально изучена и описана в синхроническом (Э.М. Ахунзянов (1968), Ф. С. Сафиуллина (1999), Р. Х. Мухиярова (1999), М. Б. Хайруллин (2000, 2001), Ф. А. Абдуллина (2004) и др.) и диахроническом аспектах (А. Ш. Юсупова (1994, 2008, 2012)).

Комплексное изучение русских заимствований в татарском языкознании связано с именем ученого Э. М. Ахунзянова, в трудах которого представлена периодизация русских слов и описан характер их проникновения в татарский язык. Ученый отмечает, что заимствование слов из русского языка происходило на протяжении

несколько столетий, поэтому хронологию русизмов, вошедших в татарский язык, точно установить невозможно. Основную массу русских заимствований условно можно разделить на пять периодов, каждый из которых отличается количеством, качеством и характером проникновения русских слов в татарский язык [6, с. 57–58]. На основе сопоставительного изучения лексико-семантической системы, структурно-грамматических особенностей и функционального объема контактирующих языков автором установлены факторы, определяющие специфические особенности, которые возникают в разных языках в результате взаимодействия с русским языком.

Заимствованная лексика стала объектом исследования диалектальной лексикологии: исследованию заимствованной лексики, используемой в татарских диалектах, особо уделяется внимание при проведении монографических исследований по отдельным говорам.

В трудах Л. Т. Махмутовой, Н. Б. Бургановой, Л. Ш. Арсланова, Г. К. Якуповой, Ф. Ю. Юсупова, Д. Б. Рамазановой, Ф. С. Баязитовой, Т. Х. Хайрутдиновой, З. Р. Садыковой, А. Р. Рахимовой, Р. С. Барсуковой, И. С. Насипова и др. заимствованная лексика анализируется на основе выявленных тематических групп в татарском языкознании; заимствованная лексика изучается в сравнительно-сопоставительном аспекте с татарским литературным языком и другими языками.

Следует отметить, что в татарской лингвистике русизмы, используемые в татарских говорах, до сих пор не исследованы в полном объеме: например, русские заимствования в сибирско-татарских диалектах детально изучены Х. Ч. Алишиной (2007), А. Е. Аникиным (2003), Т. Е. Григорьевой (2007), А. А. Исаковой (2016, 2019), Г. Ч. Утяшевой (2006) и др. В кандидатской диссертации Г. Ч. Утяшевой (Файзуллиной) представлены результаты исследования особенностей образования новых слов в тоболо-иртышском диалекте сибирских татар на базе русских заимствований [7], а в диссертации Т. Е. Григорьевой русско-татарские языковые контакты описываются в сравнительно-историческом освещении на материале письменных источников конца XIX – начала XX века [8], в научных работах А. А. Исаковой русизмы в диалектах сибирских татар рассматриваются в графо-фонетическом и просодическом аспектах [9], [10].

В то время специальными исследованиями, посвященными русским заимствованиям в других диалектах (средний и западный диалекты) татарского языка, выступают лишь единичные

научные работы (Г. В. Мельниковой (2016), А. Г. Казихановой (2008, 2011)) и др.

Анализ языковых материалов, представленных в «Диалектологических словарях татарского языка» (1993, 2009), позволяет констатировать, что арабо-персидских заимствований больше всего в говорах среднего диалекта, а русизмы прежде всего больше зафиксированы в говорах западного диалекта и в диалектах сибирских татар. Исследователи отмечают, что «мишари раньше других начали теснее контактировать с русскими, когда уже начиная с VIII века начинало формироваться русское население Среднего Поволжья, а во второй половине IX контакты славян с тюркскими и угро-финскими племенами стали постоянными» [6, с. 119–171], [11, с. 2–3].

Русские слова, заимствованные в татарский язык, довольно активно проникают не только через письменный, но и через разговорный язык, многие из них свободно используются в татарских диалектах и говорах. Заимствования особенно легко воспринимаются в разговорной речи татарского населения, так как взаимовлияние двух языков в местных говорах в основном не подчиняется нормам литературного языка. Следует также отметить, что татарский язык распространен на огромной территории, и татары в разных регионах контактируют с представителями разных русских говоров. Данная тенденция привела к тому, что русские заимствования в татарских говорах имеют отличительную от литературного языка специфику.

Исследования лексической системы диалектного языка, в частности лексического состава татарских говоров, проводятся главным образом в плане выявления и описания лексикотематических групп, а также установления их взаимоотношений. Тюркологи отмечают, что наиболее верным методом «исследования истории лексики конкретного языка представляется изучение лексики по тематическим группам» [5, с. 12]. Рассмотрим заимствования, используемые для выражения отдельных понятий в различных говорах татарского языка:

1) заимствованные диалектизмы, выражающие родственные названия: *тутай / тута / түтэй / түткэй* (литер. *түтэй*) от рус. ‘тетя’, *дэдэй* от рус. ‘дядя’.

Как известно, в основном родственные названия являются единицами, формирующимися в каждом языке на протяжении веков и присущими только этому народу, сохраняющими в себе древнейшие языковые формы. В различных говорах языка данные лексические единицы могут претерпеть некоторые фонетические изменения или смениться совершенно иными словами. В

говорах татарского языка, наряду с наименованием собственно тюркского происхождения, встречаются заимствованные диалектизмы из русско-европейских языков. Интересно, что эти заимствованные диалектизмы выступают синонимами лексических диалектизмов в говорах татарского языка.

В заказанско-кряшенском, краснофимском, пермском говорах среднего диалекта лексема *тутай / тута* [3, с. 308], [4, с. 661] – форма обращения к старшей сестре, в кузнецком говоре мишарского диалекта – любая женщина пожилого возраста, во многих говорах среднего диалекта лексема *түтэй / түткэй* [4, с. 667] употребляется как форма обращения к родной сестре старше себя. Например, «*тутасы белән икәв генә торалар*». – «*живут вдвоем с тетей*». Кроме того, в отдельных говорах (нократском, сергачском, кузнецком, мензелинском) употребляются варианты *абыз тәтэй / абыз тутай / абыз түтеш / абыд түткэй* [Там же, с. 15].

2) заимствованная лексика, обозначающая растительный и животный мир (наименования фитонимов, животных и насекомых): *фармидур / памитур* от рус. ‘помидор’, *кукал* от рус. ‘куколь’, *гарачүкә / гәрәчүкә* (литер. *карабодай*) от рус. ‘гречиха’, *карток / картопка / картунка / картун / кәртүк / кәртүкә / кәртүп / кәртүпкә / кәртүшкә / картуф* (литер. *бәрәңге*) от рус. ‘картофель’, *чиснүк* (литер. *сарымсак*) от рус. ‘чеснок’, *симечке / симешка / симешке / симичке / симычка / симәнке* от рус. ‘семечки’, в значении «подсолнух, подсолнечник», *мүшгә / мүшкәр* (литер. *черки*) от рус. ‘мошка’, *улиткә* (литер. *экәм-төкәм*) от рус. ‘улитка’ и т. д. Например, «*корт күбрәк жирдә гарачүкә чәчәләр кый*» [Там же, с. 151]. – «*где много пчел, там сеют гречиху*», «*карток чәчәбез, үстерәбез*» [Там же, с. 276]. – «*картофель сеем, выращиваем*».

3) заимствованные диалектизмы, обозначающие одежду и материал, из которого сшита одежда (наименования одежды, обуви и головных уборов): *камсул / капсол* от рус. ‘камзол’, *чулкибаиш* (литер. *оекбаиш*) от рус. ‘чулки’, *палитә / пүлтә / полтә* от рус. ‘пальто’, *башай* (шерстяные носки, литер. *йон оекбаиш*) от рус. ‘башайки’, *наски / нәски / нусгый / насгый* (литер. *оекбаиш*) от рус. ‘носки’, *ситсә* от рус. ‘ситса’, *куфай / куфайка / куфайкы* / от рус. ‘фуфайка’ и т. д.

В златоустовском, турбаслинском, камско-устыньском говорах *шерстяной носок* называется – «башай» [Там же, с. 105]. Например, «*мин аңа башай бәйләп биргән ийем ике пар*» [3, с. 48]. – «*я вязала ему две пары шерстяных носков*».

В бирском говоре *чулкибаиш* употребляется в значении «шерстяные носки» [4, с. 357]. Первый

компонент этой лексемы – *чулки*, второй компонент тюркского происхождения – *баш* (голова). В результате слияния двух лексем образовалось новое сложное слово – диалектизм.

4) заимствованные диалектизмы, обозначающие названия предметов быта (хозяйственно-бытовая лексика): *чайнук* от рус. ‘чайник’, *битун* от рус. ‘бетон’, *карэчин* от рус. ‘керосин’, *бидрэ* от рус. ‘ведро’, *тэлинкэ / тэрилкэ / тэринкэ* (литер. *тэлинкэ*) от рус. ‘тарелка’, *каструл* от рус. ‘кастрюля’, *куласа / куласэ* от рус. ‘колесо’ и т. д.

Исследования показывают, что диалектизмы, относящиеся к данной лексико-тематической группе, составляют большинство, поскольку к числу этих диалектизмов относятся слова, относящиеся ко всем областям бытия. В результате классификации этих диалектизмов по тематическим признакам можно выделить следующие подгруппы: диалектизмы, выражающие предметы бытия, названия домашних построек и хозяйственного инвентаря, наименования кухонной посуды, отдельные помещения в жилом доме и названия мебели и т. д.

Следует отметить, что русизмы наиболее активно наблюдаются в названиях домашних построек и хозяйственного инвентаря: *путалак / путлук / пугулук / пытлук / пытылук* (литер. *түшэм*) от рус. ‘потолок’, *дум* от рус. ‘дом’ в значении «хозяйство», *ызба* от рус. ‘изба’, *пүгрэп / пүгэрэп / нәүрөп / мөһәрэп / пугр’ап* от рус. ‘погреб’, *камут* от рус. ‘комод’, *шкап* от рус. ‘шкаф’ и т. д.

5) заимствованные диалектизмы, обозначающие названия продуктов (наименования блюд, напитков, мучных и кондитерских изделий): *пильмин* от рус. ‘пельмени’, *катлит* от рус. ‘котлета’, *пуре* от рус. ‘пюре’, *кывашна, кывашиңа, кувашина, қувашина* от рус. ‘квашня’, *кампут* от рус. ‘компот’, *куас / кувас* от рус. ‘квас’ и т. д.

Татарский народ богат своей национальной кухней и известен всему миру своими блюдами. Мастерство татарского народа в приготовлении блюд, богатых национальными традициями, уходит корнями в глубокую древность. На протяжении многовековой истории создавались национальные оригинальные блюда, которые до сих пор сохранили присущие только им свойства. Названия национальных блюд составляют активную лексику гостеприимного татарского народа. Как в каждом регионе есть свой секрет в рецепте того или иного национального блюда, так и названия на каждом диалекте разные. Вместе с тем, зафиксированы примеры, когда названия продуктов в том или ином регионе, как и само блюдо, заимствовались у других народов. Например,

«*өй кувасын ясау*» [3, с. 140]. – «*приготовить домашний квас*».

6) религиозная лексика: *чиркау / циркәү / церкау* (литер. *чиркәү*) от рус. ‘церковь’, *манасор / манасыр* от рус. ‘монастырь’.

В ходе анализа было обнаружено, что заимствованная религиозная лексика – русскоязычные религионимы, является одной из малочисленных лексико-тематических групп, так как функционирование данной категории лексики в основном ограничено религиозным дискурсом.

Как показывают материалы диалектологического словаря, в диалектах используется большое количество русских заимствований. Они, несмотря на свои эквиваленты в литературном языке, продолжают употребляться в местных разговорах.

Следует также подчеркнуть, что русские заимствования вошли в лексикон местных говоров в дореволюционный период, так как они, во-первых, свидетельствуют о древней земледельческой работе в крестьянском хозяйстве; во-вторых, их произношение испытало сильную адаптацию к фонетическим нормам татарского языка (*ыркача* < рукавица, *үкличә* < околица, *дастук* < *заступ*) [12, б. 120].

Фонетическое освоение заимствованных слов на современном этапе развития тюркских языков значительно отличается от дореволюционного и характеризуется в большинстве языков сохранением орфоэпических норм языка оригинала, то есть русского языка, тогда как в дореволюционном периоде русские заимствования, как правило, подвергались значительной деформации и подчинялись произносительным нормам национального языка. Однако в разговорной речи и в наши дни нередко можно встретить подчинение произношения законам орфоэпии национального языка [5, с. 178–180].

Татарский и русский языки являются разносистемными языками, они отличаются друг от друга на всех уровнях языковой структуры, в том числе и на фонетическом. «Заимствование слов из одного языка в другой всегда сопряжено с фонетической модификацией. Несомненно, что в заимствованных словах должны встречаться такие звуки или особенности акцентуации, которые не подходят под фонетические нормы заимствующего языка и подвергаются изменению, чтобы свести к минимуму существующие между ними расхождения» [13, с. 82].

Анализ языковых материалов показывает, что русизмы, которые имеют свои фонетическое закономерности, в говорах татарского языка подвергаются изменению фонетической структуры и переживают сильную адаптацию к фонетическим

нормам татарского языка. В области вокализма и консонантизма наблюдаются следующие чередования звуков, обусловленные заменой звуков языка-источника звуками, близкими татарскому языку:

– в системе вокализма: чередования а ~ э (чайник – чэйник, кастрюля – кэстрүл), е ~ и (ведро – бидрә, церковь – чиркау / циркәү), е ~ э (керосин – кәрэчин), е ~ у (тетя – тутай / тута) е ~ ү (тетя – түтэй / түткэй), о ~ а (комод – камут, монастырь – манасор / манасыр), о ~ у (потолок – пугалак / пуглак / пугулук, бетон – битун), о ~ ү (бочка – пуцкә, погреб – пугрәп / пугәрәп), о ~ ы (потолок – пытлук / пытылук), и ~ ы (изба – ызба) и т.д.

– в системе консонантизма: чередования б ~ п (бочка – пуцкә), ш ~ п (шкаф – шкан), з ~ с (камзол – камсул / капсол), в ~ б (ведро – бидрә), р ~ л (тарелка – тәринкә / тәрилкә / тәринкә), ф ~ к (фуфайка – куфай / куфайка / куфайкы), ф ~ п (помидор – фармидур) и т.д.

Заемствованная из русского языка и интернациональная лексика, проникающая через русский язык, занимает значительную часть диалектной лексики татарского языка. Проанализировав языковые материалы, представленные в «Диалектологических словарях татарского языка» (1993, 2009), мы разделили русизмы, употребляющиеся в говорах татарского языка, на 6 лексикотематических групп. На основе проведенного анализа можем констатировать, что наибольшую часть составляют лексика, обозначающая растительный и животный мир (наименования фитонимов, животных и насекомых), диалектизмы, обозначающие названия предметов быта (хозяйственно-бытовая лексика), а самыми малочисленными группами являются диалектизмы, выражающие родственные названия, и религиозная лексика русскоязычного происхождения.

Установлено, что арабо-персидских заимствований больше всего в говорах среднего диалекта, а русизмы прежде всего зафиксированы в говорах западного диалекта и в диалектах сибирских татар.

Выявлено, что русские заимствования в процессе фонетического освоения претерпевают сильную фонетическую адаптацию к орфоэпическим нормам татарского языка, что обусловлено отличием контактируемых языков на всех уровнях языковой структуры, в том числе в системе вокализма и на консонантном уровне.

Таким образом, контакты с соседними народами, обмен торговыми, промышленными и производственными товарами привели к проникновению в татарский язык большого количества

заимствований из русского языка, обогащению словарного фонда татарского языка.

Список источников

1. Юсупов А. Ф. Заимствованные имена прилагательные в языке татарских суфийских произведений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10 (28). С. 214–217.

2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

3. Татар теленең диалектологик сүзлеге = Диалектологический словарь татарского языка / төз.: Ф. С. Баязитова һ.б. Казан: Тат. кит. нәшр., 1993. 459 б.

4. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге = Большой диалектологический словарь татарского языка: якынча 40000 берәмлек / [төз.: Ф.С. Баязитова һ.б.]. Казан: Тат. кит. нәшр., 2009. 839 б.

5. Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков. М.: Наука, 1984. 230 с.

6. Ахунзянов Э. М. Русские заимствования в татарском языке. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1968. 363 с.

7. Утяшева Г. Ч. Русские заимствования в тобольско-иртышском диалекте сибирских татар: дис. ... канд. филол. наук. Тобольск, 2006. 141 с.

8. Григорьева Т. Е. Русско-татарские языковые контакты в сравнительно-историческом освещении (на материале письменных источников конца XIX – начала XX в.): дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2007. 204 с.

9. Исакова А. А. Фонетико-графические особенности русских заимствований в языке сибирских татар // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 11. С. 396–400.

10. Исакова А. А. Русские заимствования в слове диалектов // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 34–37.

11. Насипов И. С. О соотношении заимствований в татарских диалектах и в литературном языке / Актуальные проблемы татарской диалектологии: сборник научных трудов. Тобольск: Тобольская гос. социально-педагогическая академия им. Д. И. Менделеева, 2013. С. 3–33.

12. Татар лексикологиясе: өч томда / проект жит. М. З. Зәкиев; ред. Г. Р. Галиуллина. Казан: ТӘҺСИ, 2016. Т. II. 392 б.

13. Татарская грамматика. Т. I: Фонетика / ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Казань, 1995. 583 с.

References

1. Yusupov, A. F. (2013). *Zaimstvovannye imena prilagatel'nye v yazyke tatarskikh sufiiskikh proizvedenii* [Borrowed Adjectives in the Language of Tatar Sufi Works]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 10 (28), pp. 214–217. (In Russian)

2. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* (1990) [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Gl. red. V.

N. Yartseva. 685 p. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian)

3. *Tatar teleneñ dialektologik syzlege = Dialektologicheskii slovar' tatarskogo yazyka* (1993) [Dialectological Dictionary of the Tatar Language]. Töz.: F. S. Bayazitova h.b. 459 p. Kazan, Tat. kit. nəshr. (In Tatar)

4. *Tatar teleneñ zur dialektologik syzlege = Bol'shoi dialektologicheskii slovar' tatarskogo yazyka: yakyncha 40000 berəmlək* (2009) [Large Dialectological Dictionary of the Tatar Language:]. Töz.: F. S. Bayazitova h.b. 839 p. Kazan, Tat. kit. nəshr. (In Tatar)

5. Musaev, K. M. (1984). *Leksikologiya tyurkskikh yazykov* [Lexicology of Turkic Languages]. 230 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

6. Akhunzyanov, E. M. (1968). *Russkie zaimstvovaniya v tatarskom yazyke* [Russian Borrowings in the Tatar Language]. 363 p. Kazan', izd-vo Kazan. unta. (In Russian)

7. Utyasheva, G. Ch. (2006). *Russkie zaimstvovaniya v tobolo-irtyshskom dialekte sibirskikh tatar: dis. ... kand. filol. nauk* [Russian Borrowings in the Tobol-Irtysh Dialect of the Siberian Tatars: Ph. D. Thesis]. Tobol'sk, 141 p. (In Russian)

8. Grigor'eva, T. E. (2007). *Russko-tatarskie yazykovye kontakty v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii (na materiale pis'mennykh istochnikov kontsa XIX – nachala XX v.): dis. ... kand. filol. nauk* [Russian-Tatar Language Contacts in Comparative Historical Coverage (based on written sources of the late

19th- early 20th centuries): Ph. D. Thesis]. Cheboksary, 204 p. (In Russian)

9. Isakova, A. A. (2019). *Fonetiko-graficheskie osobennosti russkikh zaimstvovaniy v yazyke sibirskikh tatar* [Phonetic and Graphic Features of Russian Borrowings in the Language of the Siberian Tatars]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. T. 12. Vyp. 11, pp. 396–400. (In Russian)

10. Isakova, A. A. (2016). *Russkie zaimstvovaniya v slovare dialektov sibirskikh tatar D. G. Tumashevoi* [Russian Loanwords in the Dictionary of the Dialects of Siberian Tatars by D. G. Tumasheva]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 413, pp. 34–37. (In Russian)

11. Nasipov, I. S. (2013). *O sootnoshenii zaimstvovaniy v tatarskikh dialektakh i v literaturnom yazyke* [On the Ratio of Borrowings in Tatar Dialects and in the Literary Language]. Aktual'nye problemy tatarskoi dialektologii: sbornik nauchnykh trudov. Tobol'sk: Tobol'skaya gos. sotsial'no-pedagogicheskaya akademiya im. D. I. Mendeleeva, pp. 3–33. (In Russian)

12. *Tatar leksikologiyase: och tomda* (2016) [Tatar Lexicology: In Three Volumes]. Proekt žit. M. Z. Zəkiev; red. G. R. Galiullina. T. II. 392 p. Kazan, TƏhSI. (In Tatar)

13. *Tatarskaya grammatika* (1995) [Tatar Grammar]. T. I: Fonetika. IYaLI im. G. Ibragimova. 583 p. Kazan'. (In Russian)

The article was submitted on 03.06.2023

Поступила в редакцию 03.06.2023

Юсупов Айрат Фаикович,
доктор филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
faikovich@mail.ru

Yusupov Ayrat Faikovich,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
faikovich@mail.ru

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

УДК 882.09-1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-87-92

**ТРАНСФОРМАЦИЯ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО НАРРАТИВА В
РУССКОЙ ГЕНДЕРНО-МАРКИРОВАННОЙ ПРОЗЕ 1990–2020-Х ГОДОВ**

© Татьяна Бреева

**TRANSFORMATION OF AN AUTOBIOGRAPHICAL NARRATIVE
IN RUSSIAN GENDER-MARKED PROSE OF THE 1990S-2020S**

Tatiana Breeva

An autobiographical narrative has been an integral feature of women's writing throughout the existence of women's literature. At the present stage, within the framework of gender-marked prose, its functional field is expanding. The transformation of the autobiographical narrative in the works of the 1990s - 20s is due to the very process of the gender-marked literature formation. In this regard, we can talk about two main options for its functioning. On the one hand, the autobiographical narrative is presented as an expression of a certain femme agenda, starting from the ideology of sisterhood, which was significant for Russian fem literature of the 1990s and early 2000s, and ending with the ideas of intersectional feminism, which are relevant for the circle of authors of the late 2010s and early 2020s. On the other hand, the dynamics of the autobiographical narrative makes it possible to trace the process of the formation of a kind of "canon" in gender-marked prose, which allows not only differentiating it in relation to the literature of the grand canon, but also identifying its specificity in the context of all female prose.

In this regard, it is appropriate to talk about three variants of the autobiographical narrative transformation, coinciding with three fairly distinct periods in the formation of Russian gender-marked prose. At the first stage, the functioning of the autobiographical narrative marks the gender nature of the text, emphasizing not just the deliberate marginality and peripheralness of the narrative instance, but, mainly, its ability to convey a unique female experience. At the second stage, the autobiographical narrative participates in the formation of a gender-oriented reading model as the basis for the "crystallization" of the female narrative canon. At the third stage, the plot acting out of the narrative model takes place.

Keywords: autobiographical narrative, gendered prose, femme agenda, autofiction, narrative strategies

Автобиографический нарратив является неотъемлемой приметой женского письма на всем протяжении существования женской литературы. На современном этапе в рамках гендерно-маркированной прозы происходит расширение его функционального поля. Трансформация автобиографического нарратива в произведениях 1990–2020-х годов обусловлена самим процессом становления феномена гендерно-маркированной литературы. В этой связи можно говорить о двух основных вариантах его функционирования. С одной стороны, автобиографический нарратив презентуется как выражение определенной фэм-повестки, начиная от идеологии сестринства, значимой для русской фэм-литературы 1990-х – начала 2000-х годов, и заканчивая идеями интерсекционального феминизма, актуальными для круга авторов конца 2010-х – начала 2020-х годов. С другой стороны, динамика автобиографического нарратива позволяет проследить процесс становления своего рода «канона» в гендерно-маркированной прозе, позволяющего не только дифференцировать ее по отношению к литературе большого канона, но и обозначить ее специфику в контексте всей женской прозы. В этой связи уместно говорить о трех вариантах трансформации автобиографического нарратива, совпадающих с тремя достаточно отчетливыми периодами в становлении русской гендерно-маркированной прозы. На первом этапе функционирование автобиографического нарратива маркирует гендерную природу текста, акцентируя не просто преднамеренную маргинальность и периферийность повествовательной инстанции, но, главным образом, ее способность передавать уникальный женский опыт. На втором этапе автобиографический нарратив участвует в формировании модели гендерно-ориентированного чтения как основы для «кристаллизации» женского нарративного канона. На третьем этапе происходит сюжетное отыгрывание нарративной модели.

Ключевые слова: автобиографический нарратив, гендерно-маркированная проза, фэм-повестка, автофикшен, нарративные стратегии

Для цитирования: Бреева Т. Трансформация автобиографического нарратива в русской гендерно-маркированной прозе 1990–2020-х годов // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 87–92. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-87-92

Сопряжение женской литературы и автобиографического нарратива всегда носило системный, практически абсолютный характер. В феминистском литературоведении женская автобиография рассматривалась как вариант «двойной самоинтерпретации» женского Я. Так, Франсуаза Лионе подчеркивала, что женщина-автобиограф «разыгрывает» «мужские мифы о самости», остраивает и объективирует их. «Здесь можно видеть двойное самосознание: женское предстает и как Я – субъект дискурса, и как Я – обретающее опыт, заявляющее о чуждости того дискурса, внутри которого оно говорит. Эта двойственность, противоречивость подчеркивается: женщина „существует в тексте под обстоятельствами чужой коммуникации, потому что текст есть место ее диалога с традицией, которую она молчаливо намеревается опровергнуть“» (цит. по: [1]).

Гендерно-маркированная проза, возникновение которой в русской литературе можно отнести к рубежу 1980–1990-х годов, с одной стороны, сохраняет практически неизменную связь с автобиографической составляющей, а с другой, демонстрирует столь же последовательную ее трансформацию, причем трансформация достаточно тесно соотнесена с этапностью в развитии современной гендерно-маркированной литературы. Как показано в работе А. С. Афанасьева, в существовании последней можно выделить три периода: первый отнесен к 1990-м годам и определяется идеологией «Новых амазонок», ко второму можно отнести фэм-прозу 2000-х – первой половины 2010-х годов, третий этап обнаруживает себя во второй половине 2010-х – начале 2020-х годов [2].

Среди многочисленных параметров, позволяющих дифференцировать эти три этапа, важное место занимают идентификационные стратегии, связанные с конструированием женской субъективности и женской субъектности. На первом этапе проблема конструирования женской субъектности занимает приоритетное положение и среди всего прочего она определяет характер подачи автобиографического нарратива. В этом случае он отчасти сохраняет традиционное звучание: включение биографического, а в некоторых случаях квазibiографического компонента, функционально практически тождественных,

становится основанием для подрыва патриархатного дискурса и создания «областей женского опыта» (Франсуаза Лионе).

По мысли Фридман, «в женской автобиографии Я конструируется на базе группового сознания (хотя и не ограничивается этим) – на осознании культурной категории *женщина* для моделей женской индивидуальной судьбы» (цит. по: [1]). Подобная стратегия функционирования авто/квазibiографической составляющей может быть обнаружена в произведениях Марии Арбатовой «Меня зовут Женщина», Татьяны Москвиной «Жизнь советской девушки», Нины Горлановой «Покаянные дни, или В ожидании конца света».

В целом можно говорить о том, что авто/квазibiографизм становится в этих текстах основой для формирования совокупного женского опыта как отражения феминистской идеологии сестринства. Как отмечает Г. Улюра, характеризуя идеологические и художественные стратегии «Новых амазонок»¹, «субъективность производится переживаемым опытом индивидов в группе» [3]. Причем «производство» подобного опыта обнаруживает себя как в рамках авторских идентификационных процессов, так и в собственно художественных контекстах.

В первом случае речь идет о том, что А. Улюра называет «биографическими „врезками“, сопровождающими публикации „амазонок“». Автобиографический нарратив, становясь предметом мифологизации, выступает одновременно способом педалирования гендерной самоидентификации авторов: «Елена Тарасова, составляя свою автобиографию, принципиально акцентирует момент противопоставления приватного и публичного, профанного и героического и переопределяет/„перевернуть“ эти категории относительно женского жизненного опыта» [3].

На уровне художественных репрезентаций авто/квазibiографический нарратив как способ представления специфического жизненного опыта демонстрирует ту же самую тенденцию, что и

¹ Речь идет не только об участницах альманаха «Новые амазонки», но в целом о том круге авторов, которые определяли специфику женской прозы 1990-х годов.

в «биографических „врезках“», то есть становится вариантом отмежевания от «концептов Большой истории и Большой литературы» [3]².

В романистике 2000-х годов ситуация меняется: прежде всего уходит открытое воспроизведение авто/квазибиографического компонента. Представляется, что можно говорить о трансформации теперь уже только квазибиографического компонента в одну из доминантных нарративных стратегий, формирующих такую черту гендерно-маркированной прозы, как гетеротопичность. В романах Людмилы Улицкой «Медя и ее дети», «Казус Кукоцкого», Марины Степновой «Женщины Лазаря», Елены Катишонок «Жили-были старик со старухой», «Против часовой», «Свет в окне» и т. д. подобная нарративная стратегия определяет появление специфического «идиолекта нарратора», сформированного тем, что Жаннет определяет как «нарративный металепис», который, в свою очередь, предстает как нарушение между акториальным и ауториальным типом повествования. Происходит своеобразное «укоренение» нарратора в фиктивном мире произведения, что позволяет формально эксплицировать образ рассказчика. В этом случае важным оказывается декларативный характер данного процесса; атрибутируется именно тип высказывания, без трансформации недиегетического нарратора в нарратора диегетического.

Подобное размывание границ между типами повествования может достигаться локальной персонализацией нарратора, выполняющей роль маркера и не нарушающей общего нарративного рисунка. Наиболее очевидными примерами этого выступает итоговая презентация нарратора в «Медее и ее детях» в образе безымянной родственницы главной героини:

«Я очень рада, что через мужа оказалась приобщена к этой семье и что мои дети несут в себе немного греческой крови, Медеиной крови. До сих пор в Поселок приезжают Медеины потомки – русские, литовские, грузинские, корейские. Мой муж мечтает, что в будущем году, если будут деньги, мы привезем сюда нашу маленькую внучку, родившуюся от нашей старшей невестки, черной американки родом с Гаити.

Это удивительно приятное чувство – принадлежать к семье Медеи, к такой большой семье, что всех ее членов даже не знаешь в лицо и они теряются в перспективе бывшего, не бывшего и будущего» [5, с. 273], –

и в «Женщинах Лазаря», когда упоминается родство нарратора с Элечкой и Исааком, оказавшимися во время эвакуации в доме Маруси:

«Его ихватило на миллион лет – этого терпения, потому что Элечка и Исаак, мои мама и папа, до сих пор вместе, и до сих пор он ведет ее за руку, когда они возвращаются домой, и до сих пор она недовольна тем, как он управляется с хозяйством...» [6, с. 144].

Иными словами, недиегетический нарратор через прием металеписа, активизирующий квазибиографический компонент, становится источником особого типа «памяти», базирующейся на коллективном опыте как способе презентации женской субъектности, берущим на себя функцию свидетельства.

Ситуация практически полностью меняется в фэм-прозе второй половины 2010-х – начале 2020-х годов, которую составляют произведения Евгении Некрасовой, Оксаны Васякиной, Анны Стробинец, Ольги Брейнингер, Валерия Пустовая и т. д. Во многом это связывается с изменением характера решения проблемы женской субъектности и трансформацией подхода к процессу становления женской субъективности. Подобное смещение среди всего прочего обусловлено сменой феминистской парадигмы, в рамках которой происходит становление современной женской прозы, выдвижение на первый план идеологии четвертой волны феминизма, частью которой выступает интерсекциональный феминизм, отвергающий саму возможность единого женского опыта и предполагающий необходимость его реконструкции как результата взаимодействия различных форм угнетения и дискриминации.

При этом автобиографический компонент присутствует в текстах уже не на нарративном уровне, а скорее приобретает жанровое выражение, презентуя себя в формате автофикшена. Это характерно для «Раны» Оксаны Васякиной, «Посмотри на него» Анны Стробинец и т. д. В принципе история женского автофикшена в России начинается с первой половины 2000-х годов; одним из первых репрезентативных текстов стала книга Бибиш (Хаджарбиби Сиддиковой) «Танцовщица из Хивы, или История простодушной» (2004). Однако следует говорить о существенном отличии данных текстов от автофикшена последних лет. Тексты Бибиш и Полины Жеребцовой на уровне авторских деклараций претендуют на автобиографизм, при этом «ванильная эстетика», их определяющая, должна служить открытой репрезентацией искренности именно как смысловой категории.

Так, А. Котюсов констатировал, что «вся литературная жизнь Полины Жеребцовой – это написание одной большой автобиографии. Из года в год, из книги в книгу. „Муравей в стеклянной

² См. также об этом: [4].

банке“, следом „Тонкая серебристая нить“. Теперь „Ослиная порода“. <...> „Ослиная порода“ написана тем же уже легко узнаваемым почерком, что и предыдущие книги автора. Про этот стиль хочется сказать – детский, нет в нем выверенной и отточенной манеры профессионального построения фраз, нет умных сюжетов, придумывать которые учат в литературных институтах. Все бесхитростно, как бесхитростны дети, которым открывается мир. Полина Жеребцова, став взрослой, продолжает смотреть на жизнь глазами ребенка, у которого вначале хотели отнять детство, потом жизнь, а в результате отняли родину, оставив одни лишь воспоминания» [7].

Современный же автофикшен реализует тот жанровый формат, который был популяризован благодаря книге Одри Лорд «Защи: как по-новому писать мое имя» еще в 1982 году. Лорд презентует свою книгу как «биомифографию», что, собственно, и становится основой для современного женского автофикшена. Здесь можно выделить существование двух стратегий, одна из которых может быть представлена романом Оксаны Васякиной «Рана» (2021), а вторая – романами Ольги Брейнингер «В Советском Союзе не было аддерола» (2016), Евгении Некрасовой «Кожа» (2021) и т. д.

Первая стратегия, если можно так выразиться, более традиционна для жанрового формата автофикшена и представляет собой борьбу с традиционной формой романа. Здесь нагнетается эффект достоверности событий, «сырого» языка, эксплицирования автобиографического начала. Фабульной основой романа становится путешествие героини через всю страну с прахом матери, который она везет в родной город для захоронения. При этом сам процесс проживания ею последнего года жизни матери и самой ее смерти представлен в тексте как совокупность множества отрывочных подробностей, создающих эффект исповедальной дневниковости.

Ритуальное путешествие в романе удваивается путешествием творческим: изначально возвращение на родину планировалось героиней как некий вариант творческого турне, которое должно было продемонстрировать ее поэтический успех. Опосредованно заявленный мотив обосновывает достаточно широкое включение в текст фрагментов творческой саморефлексии, начиная от масштабного цитирования стихов до пространственных рассуждений о женском творчестве и женском письме. Сама Васякина, подчеркивая гибридный характер текста, отмечает, что он «включает в себя эссе, поэтические тексты и заметки».

При этом сюжетной основой становится материнско-дочерний сюжет, который рассматривается через призму теории пересечений. На внешнем уровне Васякина дает достаточно традиционный вариант развертывания материнско-дочернего сюжета, фиксируя дисгармоничный характер взаимодействия матери и дочери, моменты подавления и т. д. Однако внутренним содержанием этого сюжета становится некое соположение опыта конструирования и проживания феминной природы гетеросексуальной и гомосексуальной женщин.

Любопытно, что и в тексте Васякиной, и в тексте Некрасовой появляется метафора материнского тела как пространства, земли. Процесс сепарации Я и в том, и в другом случае начинает рассматриваться в контексте лакановских построений, причем в случае с Васякиной это носит совершенно открытый характер.

Вторая стратегия выстраивается на основе той модели, которая впервые была представлена в романе Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» (2006), правда, с совершенно иными смысловыми акцентами. Роман Улицкой характеризуется достаточно сложным взаимодействием двух стратегий: жанровая стратегия патерика опосредуется стратегией *faction*, сюжетной реализацией которой становится «расследование» Эвы Манукян. Данная трансформация сочетается с квазибиографической рамкой, каждая из пяти частей завершается письмом писательницы переводчику и филологу Елене Костюкович, создающим иллюзию реальной переписки. Опыт «автора» (текстовая проекция Л. Улицкой) перекликается с историей «расследования» Эвы Манукян. При этом образ Другого (Даниэля Штайна) не поглощает «я» героини, ведущей «переписку», и ее корреспондентов, а становится основой для их самоидентификации, тем самым восстанавливая повествовательный механизм не патерика, а автогинографии.

В романе Евгении Некрасовой «Кожа» мы наблюдаем схожую структуру, правда, реализующую совершенно иную авторскую идеологию. Роман имеет метатекстовую структуру. Рамочный сюжет представляет собой разыгрывание гамлетовского монолога «Быть или не быть», который отчасти опосредуется «Сказками дядюшки Римуса» Джоэля Харриса. Именно этот сюжет претендует на автофикшен, его основу составляет разговор квазибиографической героини с Братцем Черепом, который рассказывает ей две параллельные истории – чернокожей рабыни Хоуп и русской крепостной крестьянки Домны. Обе истории подчеркнута внеисторичны и выстраиваются как художественная репрезентация

фактоидов в том понимании, которое было характерно для Нормана Мейлера. Истории героинь оказываются вписаны в общую картину крепостной России и рабовладельческой Америки, этому способствует включение сюжетного мотива путешествия. При этом исторический фон, во-первых, генерализирован, а во-вторых, в основном сведен к акцентированию форм угнетения, описание которых приобретает в некоторых случаях подчеркнuto акцентированный, едва ли не гротескный характер. Неслучайно практически во всех рецензиях на этот роман отмечается, что история Хоуп воспроизводится через призму «Джанго освобожденного» Квентина Тарантино и «12 лет рабства» Стивена Маккуина.

Современная фэм-проза характеризуется открытостью проговаривания феминистской идеологии, поэтому совершенно очевидно, что истории Хоуп и Домны воспроизводят основную идеологию интерсекционального феминизма, с одной стороны, подчеркивая отсутствие единого женского опыта, а с другой – демонстрируя взаимодействие разных типов женского опыта и угнетения. Именно этот аспект лежит в основе буквализированного «сюжета тела», когда героини обмениваются кожей.

История Хоуп и Домны приобретает нарочито условный характер, чему явно способствует широкое использование платоновского языка как отражения языка тела³. В финале романа обнаруживается все тот же буквальный вариант проговаривания идентификационной стратегии, актуальной для четвертой волны феминизма, когда процесс гендерной самоидентификации квази-биографической героини предстает как подключение ее к обмену кожей, заявленному ранее в отношении Хоуп и Домны. Соответственно, гамлетовский вопрос в его гендерной аранжировке разрешается обретением героини некоей модели для конструирования собственной гендерной самоидентификации.

Достаточно интересным оказывается тот факт, что при всей внешней разности стратегий презентации «биомифографии» они воссоздают

³ Обращение к платоновской традиции является одной из значимых примет русской гендерно-маркированной прозы. Историю этого взаимодействия можно проследить начиная с ранних романов Людмилы Улицкой («Медея и ее дети» и, особенно, «Казус Кукоцкого»). Учитывая значимость творчества Улицкой для формирования своеобразного извода гендерно-маркированной прозы, обращение к платоновской традиции становится если не универсальным, то достаточно частотным. Во многом это обусловлено уникальностью опыта А. Платонова в создании своеобразного «языка тела».

едва ли не идентичную модель использования женского варианта автобиографического нарратива, превращая его в объект авторской рефлексии. И в том, и в другом случае «двойная самоинтерпретация» Я становится объектом рефлексии героини, задавая вариант практически сюжетного проигрывания метанарративного металеписа. Это обеспечивает практически полное разрушение романной формы, превращая ее просто в нарративную рамку. Последнее находит подтверждение в многочисленных попытках определить жанровую природу многих из этих текстов. Так, например, произведение Васякиной называли «роуд-бук» (Иван Шульц), «death-травелог» (Арсений Гончуков), даже «песнь песен» (Ирина Карпова) и т. д. В свою очередь, разрушение романной формы становится способом презентации внутреннего сюжета, основу которого составляет сам акт письма, уничтожающий «двойную самоинтерпретацию» женского Я.

Таким образом, динамика трансформации автобиографического нарратива демонстрирует процесс становления гендерного текста в русской литературе рубежа XX и XXI веков.

Список источников

1. Савкина И. В. Разговоры с зеркалом и Зеркальем: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 416 с.
2. Афанасьев А. С. Стратегии гендерных репрезентаций в русской женской литературе 1980–2010-х гг.: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2022. 399 с.
3. Улюра А. А. «Новые амазонки» как те(к)ст женское и феминистское в русской литературе 1990-х. URL: https://www.academia.edu/1891277/_Новые_амазонки_как_те_к_ст_женское_и_феминистское_в_русской_литературе_1990_x (дата обращения: 07.08.2023).
4. Афанасьев А. С., Мухаметишина Р. Ф. «Новый биографизм» в русской женской прозе конца 1980 – начала 1990-х годов // Филология и культура. 2018. № 4 (54). С. 103–107.
5. Улицкая Л. Медея и ее дети. М.: Эксмо, 1996. 335 с.
6. Степнова М. Женщины Лазаря. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2021. 448 с.
7. Котюсов А. На стороне добра: Полина Жеребцова «Ослиная порода» // Волга. 2017. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/volga/2017/3/na-storone-dobra.html> (дата обращения: 07.08. 2023).

References

1. Savkina, I. V. (2007). *Razgovory` s zerkalom i Zazerkal`em: Avtodokumental`ny'e zhenskie teksty` v russkoi literature pervoi poloviny` XIX veka* [Conversa-

tions with a Mirror and through the Looking Glass: Auto-Documentary Women's Texts in Russian Literature of the First Half of the 19th Century]. 416 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

2. Afanas`ev, A. S. (2022). *Strategii genderny`kh reprezentatsii v russkoi zhenskoi literature 1980 – 2010-x gg.: dis. ... d-ra filol. nauk* [Strategies of Gender Representations in Russian Women's Literature of the 1980s – 2010s: Doctoral Thesis]. Kazan`, 399 p. (In Russian)

3. Ulyura, A. A. "Novy`e amazonki" kak te(k)st: zhenskoe i feministское v russkoi literature 1990-kh ["New Amazons" as Te(k)st: Feminine and Feminist in Russian Literature of the 1990s]. URL: https://www.academia.edu/1891277/_Novy_e_amazonki_kak_te_k_st_zhenskoe_i_feministskoe_v_russkoj_literature_1990_x (accessed: 07.08.2023). (In Russian)

4. Afanas`ev, A. S., Mukhametshina, R. F. (2018). "Novy`i biografizm" v russkoi zhenskoi proze kontsa 1980 – nachala 1990-x godov ["New Biographism" in Russian Women's Prose of the Late 1980s – Early 1990s]. *Filologiya i kul'tura*. No. 4(54), pp. 103–107. (In Russian)

5. Ulitskaya, L. (1996.). *Medeya i ee deti* [Medea and Her Children]. 335 p. Moscow, E`ksmo. (In Russian)

6. Stepnova, M. (2021). *Zhenshchiny` Lazarya* [The Women of Lazarus]. 448 p. Moscow, OOO "Izd-vo AST". (In Russian)

7. Kotyusov, A. (2017). *Na storone dobra: Polina Zherebtsova "Oslinaya poroda"* [On the Side of Goodness: Polina Zherebtsova "The Donkey Breed"]. *Volga*. No. 3. URL: <https://magazines.gorky.media/volga/2017/3/na-storone-dobra.html> (accessed: 07.08. 2023). (In Russian)

The article was submitted on 20.08.2023

Поступила в редакцию 20.08.2023

Бреева Татьяна Николаевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
tbreeva@mail.ru

Breeva Tatiana Nicolaevna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
tbreeva@mail.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-93-98

ВЛИЯНИЕ ТВОРЧЕСТВА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ НА ПОЭЗИЮ ИЛЬСИЯР ИКСАНОВОЙ

© Гульнур Габдуллина

MARINA TSVETAYEVA'S INFLUENCE ON ILSIYAR IKSANOVA'S POETRY

Gulnur Gabdullina

This article analyzes philosophical and romantic motifs in the poetry of Marina Tsvetaeva and Ilsiyyar Iksanova. The poetry of Ilsiyyar Iksanova, a representative of the romantic trend in modern Tatar poetry, is an understudied topic today. The purpose of our study is to identify the originality of philosophical motifs and symbols in I. Iksanova's works against the background of the work by M. Tsvetaeva. In her early lyrical poetry, referring to the work by the Russian poetess Marina Tsvetaeva, Ilsiyyar Iksanova determined the vector of her poetry. The article analyzes the intimate lyrical works by the modern Tatar poetess, revealing the features of the existential picture of the world in the work of M. Tsvetaeva and I. Iksanova. Scientific research indicates that the existential concept of the world is recreated in the works of I. Iksanova through the motifs of fate, love, death and loneliness. The conclusion is made about the influence of M. Tsvetaeva's creative work on I. Iksanova's poetry. These existential motifs in the works of the poetesses, belonging to different literatures and periods, are consonant, but not identical. In M. Tsvetaeva's work, loneliness is an opportunity to get to know oneself. I. Iksanova, purposefully using existential motifs, comes to a refutation of loneliness and death, her lyrical heroine comes to the knowledge of the truth through love and humility. Philosophical motifs in the work of the poetesses have tied Russian and Tatar poetry of different periods together.

Keywords: Russian literature, Tatar literature, Marina Tsvetaeva, Ilsiyyar Iksanova, existential principle, romanticism, poetry, death motif

В данной статье дается анализ философских и романтических мотивов в поэзии Марины Цветаевой и Ильсияр Иксановой. Поэзия Ильсияр Иксановой, представительницы романтического направления современной татарской поэзии, на сегодняшний день является малоизученной темой. Цель исследования – выявление своеобразия философских мотивов и символов в произведениях И. Иксановой на фоне творчества М. Цветаевой. В ранней лирике обратившись к творчеству русской поэтессы Марины Цветаевой, Ильсияр Иксанова определила вектор своей поэзии. В статье анализируется интимная лирика современной татарской поэтессы. Выявляются особенности экзистенциальной картины мира в творчестве М. Цветаевой и И. Иксановой. Научные изыскания свидетельствуют о том, что экзистенциальная концепция мира воссоздается в произведениях И. Иксановой через мотивы судьбы, любви, смерти, одиночества. Делается вывод о влиянии творчества М. Цветаевой на поэзию И. Иксановой. Экзистенциальные мотивы поэтесс разных литератур и периодов созвучны, но не тождественны. В творчестве М. Цветаевой одиночество – это возможность познать себя. И. Иксанова, целенаправленно используя экзистенциальные мотивы, приходит к опровержению одиночества и смерти, лирическая героиня поэтессы идет к познанию истины через любовь и смирение. Философские мотивы в творчестве поэтесс связали русскую и татарскую поэзию разных периодов воедино.

Ключевые слова: русская литература, татарская литература, Марина Цветаева, Ильсияр Иксанова, экзистенциальное начало, романтизм, поэзия, мотив смерти

Для цитирования: Габдуллина Г. Влияние творчества Марины Цветаевой на поэзию Ильсияр Иксановой // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 93–98. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-93-98

Начало XX века и в русской литературе ознаменовалось широким распространением философских идей, авангадных течений. Взаимодействии приемов романтизма и «проникшего в рус-

скую литературу экзистенциального мироощущения» [1, с. 12] век назад и сегодня имеет свое продолжение, развитие, трансформируясь и адаптируясь к новым условиям.

По мнению исследователей, ключевые мотивы философской лирики Марины Цветаевой (1892–1941) имеют ярко выраженную «экзистенциальную природу» [2, с. 3].

Первые поэтические тексты современной татарской поэтессы Ильсияр Иксановой (1964) были написаны под влиянием творчества Марины Цветаевой. В начале творческого пути Ильсияр Иксанова, сравнив себя с русской поэтессой первой половины XX века М. Цветаевой, в посвященном ей стихотворении пишет:

«Синең жаның мина күчкән мәллә,
Бер үк жанмы әллә икебезгә...» [3, с. 25]. –
«Твоя ль душа во мне воплощена,

Душа одна на нас двоих, не так ли?» (здесь и далее подстрочный перевод наш. – Г. Г.).

Характерные для лирики М. Цветаевой романтические мотивы, философское, экзистенциальное начало нашли отражение на раннем этапе поэзии И. Иксановой.

Справедливости ради здесь отметим, что поэзия Ильсияр Иксановой стала более известна широкому кругу читателей на стыке веков, когда поэтесса вплотную обратилась к теме смерти. После внезапной трагедии в семье ее стихи с выраженным экзистенциальным началом становятся, подобно цветаевской лирике, «воплощением системы философских и художественных взглядов» [2, с. 6].

По мнению О. О. Надыкто, мотив смерти у М. Цветаевой как главного пограничного состояния позволяет поэту приблизиться к понимаемой экзистенции: «Мотив смерти, как центрообразующий в системе экзистенциальных мотивов включает в себя образные элементы других составляющих данной системы [Там же, с. 7].

В стихотворении, посвященном М. Цветаевой, И. Иксанова обращается к мотиву смерти, используя образы кладбища, березы, рябины, калины и мотив бессмертия души:

«Зираттагы кипкән жиләк исе...
Каен моңы – жанны тетрәткән.
Безнең жаннар тормыш чылбырында
Еллар аша бара беррәттән» [3, с. 25]. –
«Запах высохших ягод, плач березы
в кладбище гнетет меня.
Души наши в мире тленном
Рядом навсегда».

Экзистенциальное начало в ранней лирике И. Иксановой появляется как отклик мотивам

поэзии М. Цветаевой. Лирическое «я» Иксановой выражает глубокую боль, вспоминая горькую судьбу русской поэтессы:

«Синең язмышыңның ачылыгы –
Иренемә тамган күз яшемдә» [Там же]. –
«В моих губах – слеза от боли,
От горечи твоей судьбы».

Исследователи отмечают, что «интерес к экзистенциальной доминанте у М. Цветаевой появляется чрезвычайно рано: уже в юношеских произведениях она постоянно пишет о смерти» [2, с. 16]. Влюбленная в поэзию русской поэтессы, И. Иксанова еще в ранней лирике: в стихотворениях «Ай калды» («Луна померкла») и др. – выражает боль от осознания конечности бытия («Зиратта» («На кладбище»)), желание победить грусть, вызванную мыслями о неизбежности смерти, силой любви и красоты («...Мин тумыштан сагыш белән туган» («...С болью я с рождения живу»)), силой любви к родной земле («Ай калды» («Луна померкла»)).

По мнению литературоведа Д. Ф. Загидуллиной, творчество И. Иксановой получило оценку как чувственная женская поэзия, особая отмеченная любовной и интимной лирикой. [4, с. 145]. Анализируя приемы изображения мира поэтессы, Д. Ф. Загидуллина отмечает, что в ее поэзии ярко проявлены черты «романтизма восточного типа» [Там же, с. 132]. Действительно, ранней лирике И. Иксановой присуще в первую очередь романтическое начало. В интимной лирике ранней Иксановой преобладают образы судьбы («Юрамагыз язмышымны» («Не гадайте мне на судьбу»)), «Үзгәртә алмам» («Не в силах изменить я»)), жизненного пути («Юл арасы гына...», («Лишь через дорогу...»)), одиночества («...Алдашасым килә үз-үземә...» («...Солгать хочу себе»)), души («Китү» («Уход»)), «Халәт» («Ощущение»)), времени («Тукта, вакыт» («Остановись, время»)) и др. Таким образом, романтическое мироощущение поэтессы имеет экзистенциальный окрас.

Влияние творчества М. Цветаевой в стихотворениях, написанных 1980–90-е годы, заметно в мотивах фатализма. Для начала обратимся к стихотворению «Не в силах изменить я»:

«Үзгәртә алмам тормышны,
Тормышның кануннарын» [3, с. 37]. –
«Не в силах изменить я
Законы бытия».

Но в то же время лирическая героиня не исключает свободный выбор, ответственность за собственную жизнь:

«Язмышым – ак кәгаздер дә,
Язарга үземәдер.
Гадәти булмас ул язмыш,
Мин үзгә, үземә бер» [Там же]. –
«Моя судьба – моя дорога,
Пишу ее я с чистого листа.
Судьба моя тем и необычна,
Что я другая, такая я одна».

В стихотворении «...Алдашасым килә үз-
үземә...» («...Солгать хочу себе») И. Иксанова
также обращается к мотиву фатализма, рассмат-
ривающего каждое событие как неотвратимую
реализацию изначального предопределения:

«Ышанасым килә бу дөньяга
Тып-тыныч бер караш ташларыма.
Тик ышана алмыйм...
Ул тынычлык
Язмагандыр язмыш ташларыма» [Там же, с. 56]. –
«Как верить хочется, что лишь раз
Взгляну на этот мир спокойно.
В покой не верится однако,
Иная мне дорога суждена».

В стихотворении «Ышандыр» («Убеди») ли-
рическая героиня обнаруживает, что не в состоя-
нии гармонизировать себя с окружающим ее ми-
ром:

«Кешеләргә ышанычым жуйдым.
Туйдым.
Синнән – дөнья.
Яшәү – синнән!
Гөл исеннән.
...Салкын кочагына суырып алды
Ялгызлык!» [Там же, с. 38]. –
«Потеряла веру я в людей...
Я устала.
Жить устала.
Мир мне чужд!
Благоуханье сада мне не мило.
...Вмиг мне стало
Одиноко, холодно. Устала».

В поэзии И. Иксановой, как и в творчестве
М. Цветаевой, мотив одиночества, отчужденно-
сти плавно переплетается с мотивом смерти, но,
в отличие от лирической героини Цветаевой, у
Иксановой уход в себя отнюдь не спасение. Ее
героиня не приемлет одиночества, она постоянно
в поиске близкого человека, готового разделить с
ней все. В этом своеобразии экзистенциального
мотива Иксановой.

В стихотворении «Кешең булсын икән»
 («Родная мне душа нужна») лирическая героиня
выражает желание найти близкого по духу чело-
века, боль от одиночества, она не в силах радо-

ваться жизни одна. Желание иных ощущений –
скучать по близкому, любить, пусть издали – за-
ставляют романтическую героиню горевать:

«Жавап бирмәсә дә,
Үзе килмәсә дә,
„Син“, – дип эндәшергә,
„Кил“, – дип чакырырга,
Өзелеп сагынырга
Кешең булсын икән,
Кешең булсын икән...» [Там же, с. 90]. –
«Пусть не отвечает мне, не надо.
Не приходит пусть, не жду.
Душа родная мне нужна –
До боли тосковать хочу!
Лишь просто звать она нужна: «Приди!»
И просто знать, что это ты!
Родная мне душа нужна,
Душа родная быть должна...»

В стихотворении «...Мин тумыштан сагыш
белән туган» («...С болью я с рождения живу») ли-
рическая героиня уверенно заявляет о предо-
пределенности судьбы и о необходимости сми-
рения. И здесь мотив боли И. Иксановой отлича-
ется от цветаевской истинно экзистенциальной
картины мира. Лирическая героиня вернулась в
мир тленный, дабы прожить вновь всю боль ро-
ждения и смерти.

Лирическая героиня молодой Иксановой
ощущает конечность бытия, брэнность жизни,
она обращается к божественному с надеждой и
любовью.

«Бәлки өнсез булып минем моңым,
Ләкин аны күкләр ишетер.
Жирне сагынып янган Зөһрә кыз
Минем жанны үзенә иш итәр» [Там же, с. 28]. –
«Возможно, грусть моя иная,
Но небеса услышат непременно.
Луна, так любящая тоже Землю,
Душу полюбит мою тленно».

Лирическая героиня, рано осознавшая и сми-
ренно принявшая истину бытия, заявляет, что
состояние грусти – это постоянная ее жизненно-
го пути, который предопределен.

Но осознание брэнности жизни, ставшее
ключевым философским мотивом поэзии моло-
дой И. Иксановой, позже наполняется более глу-
боким содержанием.

Интимная лирика поздней И. Иксановой по-
священа конкретному лицу. В романтических
стихотворениях, изданных в сборнике, посвя-
щенном мужу поэтессы Ильдару Гарипову под
названием «Син – язган язмышым» («Ты – судь-
ба моя»), любовь констатируется гармониизи-
рующим началом всего. Вера в любовь становит-

ся первым шагом к познанию смысла жизни. Стихотворения в сборнике переведены на русский язык Р. Кожевниковой и Н. Мухамметшиной.

В стихотворении «...Жиргэ нигэ килгәнемне белдем» («...Смысл жизни постигла сразу») лирическая героиня связывает познание истины бытия с любовью к избраннику.

Итак, философский мотив поиска, осознания смысла жизни в любви является сквозным мотивом в более поздней романтической лирике поэтессы. В стихотворении «Табыш» («Находка») лирическая героиня – страдающая, чувственная, одинокая – находит себя «иную» в ощущении любви. Любовь констатируется как высшая истина и смысл жизни, путь к обретению истинного себя.

Лирическая героиня ранней Иксановой, не найдя близкого человека и потеряв смысл жизни, теперь, опровергнув одиночество, счастлива от ощущений, к которым шла давно. Сейчас героиня Иксановой, по сути, уходит от экзистенциального мироощущения, более того, она опровергает все, что связано с ощущением боли. Она в гармонии со Вселенной («Мин – ярына кайткан елга» («Вошла я в берега»)), тает в мгновении, ибо каждый миг дарует ожидание нового чуда («Интим шигырь» («Интимный стих»), «Могжиза» («Чудо»), «Мизгел» («Счастливое мгновение»)). И даже одна лишь мысль о боли наводит на нее страх. Боязнь вернуться в бездну одиночества заставляет ее страдать («Синсез яши алмам кебек» («Жить без тебя я не смогу»), «Курку» (Страх)), «Китсэм – куркам» («Уйду – боюсь, тебя потеряю»), «Бүген» («Сегодня»)).

В стихотворении «Курку» (Страх) лирическая героиня И. Иксановой будто предчувствует беду, предвосхищает неприемлемое для нее, но все же важное для духовного роста одиночество:

«Үтәр көннән куркам.
Мине сөйгән
Соңгы көнең булса ни эшләрмен?
Көтеп торса юлда бер-бер хәвеф
Йә мәкере явыз кешеләрнең» [5, с.60]
«Боюсь дня уходящего:
А вдруг он был последний
Среди счастливых дней.
Вдруг впереди невзгоды
Иль козни злых людей!» [5, с.63]

Итак, после возврата в одиночество, наступившее трагической гибели мужа в горах, в интимной романтической лирике Ильсияр Иксановой вновь обретает ярко выраженное экзистенциальное начало. В отличие от ранней лирики, сейчас героиня Иксановой опустошена,

смерть ее отнюдь не пугает, скорее она видит спасение от неизгладимой боли в реинкарнации. В стихотворении «Илдарым» («Мой Ильдар»), посвященном мужу, поэтесса обращается к мифологическим образам мотылька, огня, Млечного пути, мотиву перевоплощения:

«Тагын бер кат гомер бирсә Ходай
Тагын бер кат бу дөньяга килсәк,
Киек казлар, безгә юл сабыгыз,
Табышалмый адашыплар йөрсәк» [5, с. 30]. –
«Если вновь мы явимся на свет,
Млечный путь, ты путь нам освети!
Не блуждая долго по Земле,

Помоги друг друга нам найти!» [5, с. 31] (перевод Н. Мухамметшиной, Р. Кожевниковой.. – Г. Г.).

Мотив перевоплощения, который в татарской модернистской поэзии появился в начале XX века, для поэтессы начала XXI века новое и немного чуждое. Но суфийский символ мотылька, который летит на огонь, распространенный в восточной лирике, часто используется в татарской поэзии тоже с начала XX века: «При помощи суфийских символов Дардменд представляет движение мира как движение любви, движение к познанию» [6, с. 126]

Мотив горевания, тоски, грусти, боли становится основным содержанием всей интимной лирики И. Иксановой после трагедии 1998 года. Романтическая героиня сетует о безграничной тоске по любимому («Ачы учак» («Горькая тоска»)), безысходности, вынужденного примирения с уходом родного человека в мир иной («Китәсең...» («Уходишь»)), о судьбе, которую нельзя преодолеть («Язмыш» («Судьба»)). В стихотворении «Таулар» («Горы») структурообразующим символом становятся горы, которые представлены как грань между жизнью и смертью.

Лирическая героиня ищет способную победить боль силу, в качестве которой в первую очередь рассматривается любовь.

Итак, вначале 2000-х годов И. Иксанова вновь обращается к мотиву фатализма, на этот раз с желанием смириться с болью после потери близкого человека, родной души, по сути – желанием спасти себя. Философская модель, представленная в романтическом стихотворении «Язмыш» («Судьба»), совпадает с идеей фатализма – идеей о невозможности изменить предопределенное свыше. Жить в диалоге с законами Вселенной – истина, которая способна гармонизировать отношения между человеком и судьбой:

Влияние М. Цветаевой на поэзию И. Иксановой очевидно. Будто поэтесса, проникнув в экзистенциальный поэтический мир Цве-

таевой, еще в раннем творчестве предвосхитила трансформацию мотива одиночества в своей поэзии. Лирическая героиня Иксановой сейчас иная: она все меньше переживает боль от осознания конечности жизни, ибо жизнь не бессмысленна. Героиня полностью опровергает смерть, так как человеческая душа и любовь, которая связывает близких, вечны.

Лирическая героиня поздней Иксановой размышляет о победе над судьбой, преодолении препятствий. Если смирение героини ранней Иксановой – светлое, это божественное ощущение Вселенских законов, то здесь смирение – боль, преодоление которой должно привести к неизведанной, иной истине:

«Язмыш, диеп,
Башны аска иеп
Сыгылып төшсәң, бар ла сынаулар.
Жирдән аермый да күк катына
Алып менә ала Ак таулар» [7, с. 140]. –
«Испытаний много в жизни, если
Ты прогнулся, мол, судьба, как быть.
Горы в землю не дадут спуститься,
Коль удобно прогибаясь жить».

Итак, как и в творчестве М. Цветаевой, в поэзии И. Иксановой философская концепция мира воссоздается через мотивы судьбы, любви, смерти, одиночества. Исследователи и современники русской поэтессы отмечают, что и сама М. Цветаева писала о любви не к реально существующему человеку, а к образу, созданному ею самой. В этом их различие: экзистенциально направленная романтическая интимная лирика И. Иксановой с конца 1990-х годов посвящена ее мужу. И. Иксанова целенаправленно использует экзистенциальные мотивы: лирическое «я» поэтессы полностью растворено в любимом человеке, а лирическая героиня М. Цветаевой «находит истинную свободу в экзистенциальном одиночестве» [2, с. 14].

Говоря о влиянии творчества М. Цветаевой на поэзию И. Иксановой, делаем вывод о том, что экзистенциальные мотивы поэтесс разных времен созвучны, но не тождественны. Если у М. Цветаевой одиночество – это в том числе возможность познать себя [Там же], И. Иксанова же через все творчество опровергает одиночество, позже и смерть, к познанию истины ведет героиню через любовь и смирение.

Но следует признать, что центральным мотивом философской лирики М. Цветаевой и И. Иксановой является мотив смерти, важный и интересный философским звучанием.

Обратившись к лирике М. Цветаевой еще молодой поэтессой, И. Иксанова определила вектор своей поэзии. Философские и романтические мо-

тивы в творчестве поэтесс связали русскую и татарскую поэзию разных периодов воедино.

Список источников

1. Мескин В. А. Кризис сознания и русская проза конца XIX – начала XX века в М.: Прометей, 1997. 137 с.
2. Надыкто О. О. Экзистенциальные мотивы в поэзии Марины Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук: М., 2016. 26 с.
3. Иксанова И. В. Ышанасы килә. Шигырләр. Казан. Татарстан китап нәшрияты. 1991. 111 б.
4. Загидуллина Д. Ф. Татарская поэзия рубежа XX–XXI веков (1986–2015 гг.): эстетические ориентиры и художественные поиски. Казань: Изд.-во Академии наук РТ, 2017. 268 с.
5. Иксанова И. В. Син – язган язмышым. Шигырләр (Н. Мөхәммәтшина, Р. Кожевникова тәржемәләре). Казан: «Матбугат йорты» нәшрияты, 2003. 96 б.
6. Юсупова Н. М. Система образов-символов в татарской поэзии первой половины XX века. Казань. Ихлас, 2018. 312 с.
7. Иксанова И. Кырык кыл. Шигырләр. Казан. Татарстан китап нәшрияты. 2008. 239 б.

References

1. Meskin, V. A. (1997). *Krizis soznaniya i russkaya proza kontsa XIX – nachala XX veka* [The Crisis of Consciousness and Russian Prose of the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries]. 137 p. Moscow, Prometheus. (In Russian)
2. Nadykto, O. O. (2016). *Ekzistentsial'nyye motivy v poezii Mariny Tsvetayevoy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Existential Motifs in the Poetry of Marina Tsvetaeva: Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 26 p. (In Russian)
3. Iksanova, I. V. (1991). *Yshanasy kilä. Shigyr'lar* [I Want to Believe]. 111 p. Kazan, Tatar kit.nëshriyaty. (In Tatar)
4. Zagidullina, D. F. (2017). *Tatarskaya poeziya rubezha XX–XXI vekov (1986–2015 gg.): esteticheskiye oriyentiry i khudozhestvennyye poiski* [Tatar Poetry at the Turn of the 20th–21st Centuries (1986–2015): Aesthetic Guidelines and Artistic Searches]. 268 p. Kazan, izd.-vo Akademii nauk RT. (In Russian)
5. Iksanova, I. V. (2003). *Sin – yazgan yazмышym. Shigyr'lar* [You Are My Destiny] (N. Mөkhәmmәtshina, R. Kozhevnikova tär.). 96 p. Kazan, “Matbugat Yorty”. (In Tatar)
6. Yusupova, N. M. (2018). *Sistema obrazov-simvolov v tatarskoi poezii pervoy poloviny XX veka* [The System of Images-Symbols in the Tatar Poetry of the First Half of the Twentieth Century]. 312 p. Kazan. Ikhläs. (In Russian)
7. Iksanova, I. V. (2008). *Kyryk kyl. Shigyr'lar* [Forty Strings]. 239 p. Kazan, Tatar. kit. nëshriyaty. (In Tatar)

The article was submitted on 06.09.2023
Поступила в редакцию 06.09.2023

Габдуллина Гульнур Рустемовна,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
raniyashka1997@mail.ru, gab-gulnur@yandex.ru

Gabdullina Gulnur Rustemovna,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
raniyashka1997@mail.ru, gab-gulnur@yandex.ru

УДК 821.161.1.0

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-99-105

**СИНТЕЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО
В ПОВЕСТИ О. КОЛПАКОВОЙ «СУПЕРСИЛЫ ПО НАСЛЕДСТВУ:
МОИ СОВЕТСКИЕ ДЕДУШКИ»**

© Жанна Гапонова

**THE SYNTHESIS OF DOCUMENTARY AND FICTIONAL CODES IN THE
STORY “SUPERPOWERS BY INHERITANCE: MY SOVIET
GRANDFATHERS” BY O. KOLPAKOVA**

Zhanna Gaponova

The article studies the mechanisms of interaction between documentary and fictional codes in O. Kolpakova's work “Superpowers by Inheritance: My Soviet Grandfathers”, considered here as a translator of intergenerational ties. The author focuses on establishing the place of the family in the history of the country in different eras, which correlates with the purpose of our study – to determine the nature of the connection between non-fiction and fiction, past and present, which are presented in the story both in a dialogic unity and in opposition. The article concludes that the complex narrative organization of the work reflects the authorial concept of family history, allowing her not only to introduce the reader to the cultural and historical realities of a particular era, which is facilitated by the popular science commentary inserts by Ivan Privalov, but also to transmit the cultural codes that form the identity of the Russians (family, historical memory, respect for elders, love for one's country and our homeland). The analysis shows that the dialectical relation between non-fiction and fiction is realized through the motif of “stories”, the conversation with the elder relatives is organized in accordance with the narrative models of Soviet literature, which makes an organic synthesis of non-fiction and fiction possible and does not presuppose a linear unfolding of the narrative. The article analyzes the ways of representation of the documentary in the story. The superpower motif, in the author's opinion, enables her to reach the level of mythopoetic modelling of the national cultural code, which represents traditional values in the formulas that are topical for modern teenagers.

Keywords: modern literature for children and teenagers, Olga Kolpakova, “Superpowers by Inheritance: My Soviet Grandfathers”, documentary, fictional, narrative, national identity

В статье предпринята попытка осмыслить механизмы взаимодействия документального и художественного начал в произведении О. Колпаковой «Суперсилы по наследству: мои советские дедушки», рассматриваемого в качестве транслятора межпоколенческих связей. Внимание автора сосредоточено на установлении места семьи в истории страны в разные эпохи, что коррелирует с целью исследования – определить характер связи документального и художественного, прошлого и настоящего, которые представлены в повести и в диалогическом единстве, и в оппозиции. Автор приходит к выводу, что сложная повествовательная организация произведения отражает авторскую концепцию семейно-родовой истории, позволяющей не только познакомить читателя с культурно-историческими реалиями определенной эпохи, чему способствуют и научно-популярные вставки-комментарии Ивана Привалова, но и передать культурные коды, формирующие идентичность русского человека (семья, историческая память, уважение к старшим, любовь к своей стране, родине). Выявлено, что диалектическая связь документального и художественного реализуется через мотив «историй», а разговор со старшими организуется в соответствии с нарративными моделями советской литературы, что делает возможным органический синтез документального и фикционального и не предполагает линейного развертывания нарратива. Проанализированы способы репрезентации документального в повести. Сюжетный мотив суперсилы позволяет, по мнению автора, выйти на уровень мифопоэтического моделирования национального культурного кода, репрезентирующего традиционные ценности в актуальных для современного подростка формулах.

Ключевые слова: современная литература для детей и подростков, Ольга Колпакова, «Суперсилы по наследству: мои советские дедушки», документальное, художественное, нарратив, национальная идентичность

Для цитирования: Гапонова Ж. Синтез документального и художественного в повести О. Колпаковой «Суперсилы по наследству: мои советские дедушки» // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 99–105. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-99-105

Результаты начатого в 2010-х гг. поиска «языка» для разговора с детьми о травматическом опыте прошлого сегодня нашли отражение в целом ряде произведений. К числу изданий, выступающих в качестве «посредников» между индивидуальной и коллективной памятью, можно отнести повесть Ольги Колпаковой «Суперсилы по наследству: мои советские дедушки» [1], вышедшую в издательстве «Пять четвертей». Как отмечает Е. В. Харитонова, «тема памяти – исторической и локальной, семейно-родового уклада жизни, межпоколенческих отношений относится к числу **константных** в творчестве О. Колпаковой» [2, с. 357], [3] (здесь и далее выделено нами. – Ж. Г.). Проблема «передачи культурного и языкового наследия из поколения в поколение» [4, с. 161] как реализации имманентно присущей детской литературе функции трансляции в текстах базовых кодов культуры [5, с. 134] в творчестве этого писателя может быть рассмотрена в аспекте актуальных для литературы попыток очертить символические границы идентичности русского человека.

Как и в произведении «Большое сочинение про бабушку», магистральная повествовательная стратегия которой – «установка на рассказывание о давно прошедшем», в повести «Суперсилы по наследству: мои советские дедушки» проблема взаимодействия прошлого и настоящего играет ведущую роль, а «базовые ценности и смыслы оказываются сконцентрированы в круге семейно-родовой жизни, становящемся аксиологическим и онтологическим центром, позволяющим обрести опору во внешнем мире» [2, с. 359]. В то же время в этой повести происходит существенное усложнение повествовательной организации, отражающее эволюцию авторской концепции семейно-родовой истории.

Постулируемая уже в заголовочно-финальном комплексе установка на я-повествование (использование притяжательного местоимения *мои*, датировка) вкупе с именем автора позволяет рассматривать образ повествователя в контексте автобиографического дискурса, сближая авторскую точку зрения с позицией персонажа-нарратора – 16-летней Полины. Такая стратегия чтения поддерживается и аннотацией к повести: «**Семейный портрет** на фоне эпохи, созданный в этой книге, построен на **реальных** событиях»

[1, с. 4]. Выбор подростка в качестве фокального персонажа, выстраивающего фикциональный автобиографический нарратив, позволяет автору рассматривать историческое прошлое в аспекте построения идентичности. Для Полины «Я» как рефлексивный проект предполагает познание себя в диалоге с «другими», идентификацию с определенной группой, в качестве которой в повести выступает род: «*Это прошлое может свести с ума, поэтому с ним нужно как-то разобраться, чтобы спокойно жить настоящим*» [1, с. 196]. Однако прошлое и настоящее в повести представлены не только в диалогическом взаимодействии («*Найти, на какую полку настоящего положить всю эту добытую истину из прошлого*» [1, с. 201]), но и как оппозиция, которая семантически достраивается через противопоставление точек зрения героини и ее подруги, демонстрирующей более типичное для современных подростков равнодушие к прошлому, отсутствие интереса к истории: «*Моя подружка Лилька заявляет, что ей дела нет до прошлого, она живет настоящим...*» При этом О. Колпакова показывает, как отношение к прошлому меняет видение персонажем окружающей действительности: «*...когда она смотрит на Сурью – холм над рекой, то видит кустарник без названия и камень <...> А я представляю храм, как на старой фотографии...*» [1, с. 189].

Одним из центральных в повести является мотив «историй», в котором реализуется диалектическая связь документального и художественного, поскольку точка зрения персонажа-нарратора не предполагает конфликта факта (биографического и исторического) ни с устными рассказами-воспоминаниями дедушек, ориентированными на личное свидетельство и, согласно П. Рикеру, представляющими собой «основополагающую структуру перехода от памяти к истории» [6, с. 44], ни с презентацией этих фактов в записях Полины. Разговор со старшими как сюжетная ситуация позволяет реализовать межпоколенческий диалог, в котором ведущая роль отводится рассказу, построенному в соответствии с различными нарративными моделями советской и – шире – мировой культуры (притча, производственный роман, исторический роман, бывальщина и др.), при этом отсутствует принципиальное противопоставление рассказов-

свидетельств и семейных преданий. Действие в повести ретроспективно захватывает ряд травматических событий XX века: революцию, раскулачивание и коллективизацию, Великую Отечественную войну, эпоху застоя, перестройку и др., и, чем дальше в своем исследовании прошлого рода Русановых продвигается героиня, тем более драматичные события попадают в поле ее зрения. При этом дедушки предстают как частные лица, чья жизнь «оказывается неразрывно связанной с меняющейся исторической ситуацией» [7, с. 88]. В центре внимания четыре поколения семьи Русановых, не сменяющих одно другое в контексте соответствующих исторических эпох, что характерно для жанра семейной хроники [8], но присутствующих в художественном мире повести одновременно. События из жизни семьи локализуются в большом историческом времени: «...если в этой истории участвует твой родственник <...>, то каждая мелочь начинает иметь значение...» [1, с. 126] (неслучайно возникает вопрос и о жанровой отнесенности произведения к роману или повести). Примечательно, что фамилия *Русанов* принадлежит к древнейшему типу русских фамилий, образованных от мирского имени – прозвища. Существует версия о том, что прозвание *Русан* могло иметь и другое значение: так могли называть выходца из русских земель или русского человека вообще [9]. В выборе фамилии героев, таким образом, можно уловить связь с русским народом, поэтому вполне закономерно, что за одной многопоколенной русской семьей скрываются судьбы всех тех, кто жил в стране в описанное время.

Отнесенные в прошлое события выстраиваются в самостоятельный нарратив в том числе и за счет научно-популярных вставок-комментариев Ивана Привалова, расширяющих контекст исторического события. Исторические комментарии лишены субъективного начала, «автор старается выдержать деловито-беспристрастный тон, избегая эмоционально окрашенных фраз» [10]. В тексте выделены прописными буквами и красным цветом слова и выражения, которым сопутствует историко-культурный комментарий. Эти вкладки, разрывая и замедляя повествование, в то же время призваны компенсировать неполноту исторического знания как нарратора-подростка («История из пунктиров и пробелов» [1, с. 125]), социокультурная компетенция которого совершенствуется в процессе развития сюжета, так и читателя, заполняя лакуны и достраивая картину художественной действительности в ситуации принципиальной эллиптичности устной речи персонажей. Эти комментарии выводят семейную историю Русановых в большое

историческое пространство. Так, например, «*Воевать надо было друг с другом*» дополняется вкладкой «Гражданская война», «*Враг народа*» – вкладкой «Большой террор» и др. В тексте имитируются копии подлинных документов: например, к сообщению о том, что прадеду Семёну 110 лет, прилагается «репринт» листа сельхозпереписи 1917 года (передаются особенности графики 1917 года: наличие кириллических букв Ъ, ъ; названия, характерные для того периода: *приписной к селению, надельный* и др.) [1, с. 11–13]. Далее следует вкладка о том, что такое сельхозперепись и какие сословия были в дореволюционной России: это позволяет интерпретировать изложенные в документе факты. Комментариями сопровождаются не только исторические события и процессы, но и социокультурные реалии («О чем пели в Советском Союзе?», «Новые имена новой страны» и др.). Разговор героев о космических полетах иллюстрирован сведениями о полете Гагарина и других достижениях Советского Союза в деле освоения космоса и др. Сориентироваться в большом историческом времени помогают «карты повествования» (А. Н. Губайдуллина): временные шкалы («Хронология событий»), генеалогическое древо («Семья Русановых»), позволяющие читателю-подростку самостоятельно сориентироваться в художественном и фактографическом материале, выстроить причинно-следственные связи.

Документальное в повести проявляется не только в насыщении повествования историческими фактами, но и в конкретизации течения времени в доступных ребенку образах повседневности, конструировании узнаваемого облика среды: детали быта, упоминаемые имена собственные, языковые номинации явлений деревенского быта. И если в повести «Как рассердилась кикимора» О. Колпакова, по словам Л. Тибонье, «призывает читателя проложить мост над пропастью, разделившей поколения с уходом из деревень, распространением современного быта и утратой традиционного быта» [4, с. 164], то в повести «Суперсилы по наследству...» образ деревни связан с такими концептами, как *родина* и *судьба*, организующими ментальную модель мира русского человека: «*Мы всегда жили в деревне и занимались крестьянскими делами*» [1, с. 31].

«Равноправие» прошлого и настоящего отражается также в отборе и представлении атрибутов повседневности. Вещный мир (сотовый, 3D-принтер, музыкальный плеер), реалии информационной и медиасреды (Алиса (голосовой помощник), черепашки-ниндзя, паук-мутант, ГЛОНАСС, интернет, комиксы, «ВКонтакте» и

т. п.) выполняют функцию конструирования образа мира подростка. Образ современных школьников создают сленговые слова, которыми наполнена речь младшего поколения семьи Русановых: *суперско, нормалек, прикольно* [1, с. 34, 256, 259]. Моделирование образов эпохи происходит за счет внимания к культурным и социальным явлениям. Например, реалии времени представлены номинированием песен или цитированием их фрагментов, позволяющим быть вписанным в культурный контекст репрезентируемой эпохи: песня-марш космонавтов «Я верю, друзья...», «Прощальная комсомольская», «Взвейтесь кострами, синие ночи...», «Песня о Щорсе», «Время, вперед!», «Школьные товарищи» и др. Этот «советский» плейлист дополняют современные музыкальные композиции, которые слушает брат героини (Sabotage, We Are Detective). Упоминание актуальных реалий соседствует в повести с лексемами, номинирующими процессы и явления самых разных сфер: наука (*липаза* ‘закуска для сыра’, *кегель* ‘размер буквы’, *гениорнис* ‘вид вымерших птиц из семейства дроморнитид отряда гусеобразных’), быт деревни (*сенокосец, стан*), реалии прошедших эпох, позволяющие осуществлять локальную ретроспекцию, давая прошлому осмысленные оценки (*золотник, брочка*). Важную роль играет диалектная речь, словно документирующая локацию происходящего и передающая бытовые реалии: *заимка, быстрина, зимник, сходня, вёдро, дымарь, гоношиться, выдюжить, подчембариться* и др. При этом особенностью речи персонажа-нарратора, отражающей активное освоение и присвоение прошлого, является включение историзмов в актуальный контекст. Так, например, Полина иронизирует, забирая сковородку с картофельной запеканкой: «*Продразверстка. Иди в колхоз, не отрывайся от коллектива, там дед Афанасьич Сталина показывает. Может, драка будет*» [1, с. 188]. Изображая все более глубокое погружение героини в историю своей семьи, О. Колпакова использует прием «обратного перевода» – с привычного Полине языка на «дедовский»: «*Они начали тренировать пофигизм, или, по деду-Федосеевскому, невозмутимость...*» [1, с. 102]. Рефлексия над меняющимся языком как одна из стратегий освоения опыта прошлого играет в повести существенную роль («*Не работали старые слова для нового времени*» [1, с. 192]), что особенно показательно при отсутствии в сознании героини установки на противопоставление разных временных планов на уровне реалий.

Акцент на ощущениях, чувствах, мыслях нарратора-подростка, фиксация его оценки про-

исходящего не лишает повествование порой иронических нот: «*У нас многолетняя семья*» [1, с. 10]; «*Зачем же им по потолку бегать, куда и от кого? Эволюция другие требования выдвигает человеку*» [1, с. 32]; «*Больше никогда в жизни никого из нашей семьи такое большое начальство по голове не гладило, ни зарубежное, ни местное*» [1, с. 88] (Индира Ганди погладила деда по голове, ср.: фразеологизм *по головке не погладят*).

Установка на рассказывание (о чем свидетельствует сохранение особенностей устной речи) отличает повествовательную стратегию О. Колпаковой от «литературы травмы», в которой, скорее, очевидна установка на умолчание. При этом позиции рассказчиков относительно одних и тех же событий могут существенно отличаться. Истории дедушек, представленные изначально как устная речь героев, сливаются в итоге с «письменной» речью персонажа-нарратора, в тексте повести присутствуют металептические вкрапления, когда Полина досказывает историю, начатую как свидетельство. Восприятие истории как синтеза фактуального и фикционального проявляется в отсутствии противопоставления глаголов «записывать» и «сочинять»: «*Этой весной я тоже начала записывать историю. И пока я их сочиняю, я ставлю на паузу настоящее...*» [1, с. 30]. Из этих рассказов складывается история семьи Русановых, объективированная в сознании подростка, о чем свидетельствует выбор глагола «**знать**»: «*Я знаю историю своей семьи всего лет на двести назад*» [1, с. 30]. При этом реализованная в повести концепция истории не предполагает линейного развертывания нарратива. Нарративный принцип включения в текст рассказов-воспоминаний, представляющих собой как бы ответвления от основной сюжетной линии, ограниченной летними каникулами, символически воплощается в образе старой *ветлы*, привезенной из-под Воронежа и посаженной Кузьмой Первым в честь рождения сына Семена в 1908 году, когда Русановы поселились в Находне. Мультиmodalный символ – ветла – отражает историю рода: «*спил ветлы у самого корня, огромный круг с годовыми кольцами, на которых записана история нашей семьи на этой земле*» [1, с. 258], – и в то же время, восходя к мифологеме мирового дерева, что актуализировано в тексте повести («*...словно не упало дерево ста с лишним лет, а обрушилась гора, сломалась сама земная ось*» [1, с. 226]), выступает образом того, что несет отказ от прошлого. Интересно, что именно «гибель» ветлы смещает акцент с символического образа памяти

(«цветные разномастные ленточки» на ветвях) на документальный – семейные фотографии.

Отношение к тексту как «посреднику» между частными воспоминаниями, представляющими историю героя как словесно оформленный опыт, и социальной и культурной памятью позволяет говорить о притчевой стратегии воплощения художественного целого, которая позволяет репрезентировать связь поколений. При этом роль трансляторов исторического и аксиологического опыта отводится дедушкам, хотя в отечественной литературе для детей и подростков более традиционен вариант, когда задачу «хранить и передавать внукам семейное предание, выстраивать историческую ретроспективу» выполняет бабушка [11, с. 149].

Ольга Колпакова в «Суперсилах по наследству...» продолжает тенденцию воплощения в современной прозе нового типа героя-подростка – наследника. При обращении к событиям прошлого автор отказывается от выстраивания причинно-следственных связей: события объединены мотивом суперсилы. Образ «супергероя», обладающего суперсилой, актуализирует диалог с традицией американских комиксов о супергероях, однако предлагает индивидуально-авторскую интерпретацию сюжета: включенное в культурный опыт подростка понятие «суперсила» дает представление о точках опоры, помогающих семье преодолеть трудности, а дедушки-«супергерои» скорее тяготеют к былинным богатырям. Суперсилы передаются от дедов к внукам-наследникам: «Жить надо всем вместе, друг за друга держаться» [1, с. 253]. Внуки последовательно на протяжении всего повествования собирают суперсилы по крупицам, определяя таланты своих предков. Особняком стоит глава «Жизнь без суперсилы» о дедушке Афанасьиче, который во время репрессий сменил имя и отчество: «...Словно предал. Ладно имя. А новым отчеством ведь он себя от семьи оторвал» [1, с. 223]. Мотив суперсилы делает возможным и выход на уровень мифопоэтического моделирования национального культурного кода, механизм репрезентации которого можно описать как трансляцию традиционных ценностей в формулах массовой культуры, актуальных для современного подростка. Так, восходящий к притче о блудном сыне сюжет ухода и возвращения в семью деда Афанасьича и возникающий в этой связи мотив прощения актуализированы через трансформацию цитаты из романа «Гарри Поттер и философский камень»: «Нужна суперсила, чтобы попросить прощения. И двойная суперсила, чтобы простить» [1, с. 254].

Осознание своей суперсилы как рефлексивной ценности приводит героиню не только к личностному самоопределению (роль хранителя памяти семьи, продолжателя семейного дела), но и открывает для нее новый (кроме прошлого и настоящего) темпоральный вектор – в будущее. Полина метафорично определяет свою суперсилу – доводить дело до конца: «... У меня появилось такое чувство, будто я собираю рюкзак. Такой, который ни при каком раскулачивании, продразверстке, национализации ... у меня не отберут. Виртуальный рюкзак... у меня есть шанс положить в него реальное „Я варила сыр, я умею варить сыр, и я смогу сварить сыр“» [1, с. 237]. Будущее время как временная категория, столь важная для советского человека, контекстуально возникает в упоминании сюиты Г. Свиридова «Время, вперед!», впервые опубликованной полностью в 1968 году. Этот год – год 50-летия комсомола – в повести также неслучайно связан с закладкой «капсул времени», хранивших послания пионеров и комсомольцев потомкам. Показательно, что при имитации такого письма, которое по сюжету повести вскрыл в 2018 г. (время действия) дед Валерий Семенович, О. Колпакова использует цитаты из документов, среди которых и письмо комсомольцев 1968 года, вскрытое в 2018 г. на территории Ярославского завода лакокрасочных материалов: «Волею партии и трудового народа отсталая и нищая страна превратилась в передовую индустриально-аграрную державу мира...» [1, с. 207]. Документ включается в художественную реальность на правах исторического свидетельства, вписанного в персональный опыт героини. Показательно, что, начав сочинять ответ – письмо предкам, Полина впервые пытается отрефлексировать свое место в истории. Как транслируемый уже самой героиней опыт ее точка зрения получает риторическое завершение в письме потомкам, которое она пишет вместе с братьями: «Будь кем хочешь! Будь самим собой. Найди свою суперсилу! Это действительно прикольно!» [1, с. 259].

Таким образом, рассматривая повесть О. Колпаковой в аспекте актуальных тенденций развития современной отечественной исторической романистики [12, с. 164], мы можем говорить о мифологизации истории (в частности, семейной) как ведущей стратегии освоения прошлого. Эволюция авторской концепции семейно-родовой истории, в которой обращение к прошлому актуализировано Я-проектом нарратора-подростка, а полифоническое звучание голосов различных рассказчиков не работает на моделирование единой концепции большого исторического времени, но позволяет создать онтологиче-

ское единство документального и художественного начал, делает произведение Ольги Колпаковой эмоционально-просветительским и надвременным, выводит на авансцену особый тип героя-подростка – наследника (Полина). Документальный компонент оказывается функционально важен для становления личности героини, понимания ею значимости семьи, связи семьи с историей страны, определения своего предназначения и тех ценностей, которые актуальны независимо от эпохи.

Список источников

1. Колпакова О. Суперсилы по наследству: мои советские дедушки / О. Колпакова; ил. С. Кучер; ист. коммент. И. Привалова. М.: Пять четвертей, 2022. 272 с.
2. Харитоновна Е. В. Тема памяти и образы времени в повести Ольги Колпаковой «Большое сочинение про бабушку» // IX Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: память культуры и культура памяти»: сборник материалов международной научной конференции, Челябинск, 26 февраля 2020 года. Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2020. С. 357–359.
3. Алексеева М. Поиск «места силы» в повестях О. В. Колпаковой // Русская словесность. 2021. № 3. С. 71–80.
4. Тибонье Л. Путешествие к истокам психики в повестях Ольги Колпаковой «Как рассердилась кикимора» и Екатерины Мурашовой «Класс коррекции» // Детские чтения. 2015. Т. 8. № 2. С. 160–172.
5. Арзамасцева И. Н. Возвращение в европейский Эдем: творчество Ульфа Старка в России // Детские чтения. 2013. Т. 4. № 2. С. 124–135.
6. Рикер П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с. (Французская философия XX века).
7. Малкина В. Я. Исторический роман // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 88.
8. Никольский Е. В. Романый субжанр семейная хроника: вопросы истории и теории (Статья первая) // Art Logos. 2020. № 3(12). С. 50–65.
9. Фамилия Русанов. URL: <https://words.su/surnames/surname-rusanov> (дата обращения: 01.05.2023).
10. Ольга Колпакова. Суперсилы по наследству: мои советские дедушки // Библиогид. URL: <https://bibliogid.ru/knigi/podrobno-o-knige/16400-olga-kolpakova-supersily-po-nasledstvu-moi-sovetskie-dedushki?ysclid=ljnx47nhv9948158281> (дата обращения: 01.05.2023).
11. Гапонова Ж. К., Никкарева Е. В. Репрезентация образов бабушки и дедушки в современной детской литературе // Филологический класс. 2022. Т. 27. № 4. С. 141–153. DOI 10.51762/1FK-2022-27-04-13.
12. Сергеева Е. Н., Сундукова К. А. Границы исторического в современной отечественной романи-

стике (В. Шаров, Л. Улицкая, Д. Быков, Е. Водолазкин) // Филология и культура. Philology and Culture. 2022. № 3 (69). С. 161–167. DOI 10.26907/2074-0239-2022-69-3-161-167.

References

1. Kolpakova, O. (2022). *Supersily po nasledstvu: moi sovetskie dedushki* [Superpowers by Inheritance: My Soviet Grandfathers]. 272 p. Moscow, Pyat' chetvertei. (In Russian)
2. Kharitonova, E. V. (2020). *Tema pamyati i obrazy vremeni v povesti Ol'gi Kolpakovoj "Bol'shoe sochinenie pro babushku"* [Theme of Memory and Images of Time in Olga Kolpakova's Story "A Big Essay about Grandma"]. IX Lazarevskie chteniya "Liky traditsionnoi kul'tury v sovremennom kul'turnom prostranstve: pamyat' kul'tury i kul'tura pamyati": sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Chelyabinsk, 26 fevralya 2020 goda, pp. 357–359. Chelyabinsk, Chelyabinskii gosudarstvennyi institut kul'tury. (In Russian)
3. Alekseeva, M. (2021). *Poisk "mesta sily" v povestyakh O. V. Kolpakovoi* [Searching for a "Place of Power" in the Stories by O. V. Kolpakova]. *Russkaya slovesnost'*. No. 3, pp. 71–80. (In Russian)
4. Thibonnier, L. (2015). *Puteshestvie k istokam psikhiki v povestyakh Ol'gi Kolpakovoi "Kak rasserdilas' kikumora" i Ekateriny Murashovoi "Klass korrektsii"* [A Journey to the Origins of the Psyche in the Novels "How the Kikumora Got Angry" by O. Kolpakova and "A Correction Class" by E. Murashova]. *Detskie chteniya*, Vol. 8, No. 2, pp. 160–172. (In Russian)
5. Arzamastseva, I. N. (2013). *Vozvrashchenie v evropeiskii Edem: tvorchestvo Ul'fa Starka v Rossii* [A Return to European Eden: Ulf Stark's Work in Russia]. *Detskie chteniya*. Vol. 4, No. 2, pp. 124–135. (In Russian)
6. Riker, P. (2004). *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, History, Oblivion]. (Frantsuzskaya filosofiya XX veka). 728 p. Moscow, izdatel'stvo gumanitarnoi literatury. (In Russian)
7. Malkina, V. Ya. (2008). *Istoricheskii roman* [A Historical Novel]. *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii*. P. 88. Moscow, izdatel'stvo Kulaginoi; Intrada. (In Russian)
8. Nikolsky, E. V. (2020). *Romannyi subzhanr semeinaya khronika: voprosy istorii i teorii (Stat'ya pervaya)* [Family Chronicle within the Novelistic Prose System]. *Art Logos*, No. 3(12), pp. 50–65. (In Russian)
9. *Familiya Rusanov* [The Surname Rusanov]. URL: <https://words.su/surnames/surname-rusanov> (accessed: 01.05.2023). (In Russian)

10. *Ol'ga Kolpakova. Supersily po nasledstvu: moi sovetskie dedushki* [Olga Kolpakova. Superpowers by Inheritance: My Soviet Grandfathers]. Bibliogid. URL: <https://bibliogid.ru/knigi/podrobno-knige/16400-olga-kolpakova-supersily-po-nasledstvu-moi-sovetskie-dedushki?ysclid=ljnx47nhv9948158281> (accessed: 01.05.2023). (In Russian)

11. Gaponova, Zh. K., Nikkareva E. V. (2022). *Reprezentatsiya obrazov babushki i dedushki v sovremennoi detskoj literature* [Representation of Images of Grandmother and Grandfather in Modern

Russian Literature for Children]. *Filologicheskij klass*, Vol. 27, No. 4, pp. 141–153. DOI 10.51762/1FK-2022-27-04-13. (In Russian)

12. Sergeeva, E. N., Sundukova K. A. (2022). *Granitsy istoricheskogo v sovremennoi otechestvennoj romanistike (V. Sharov, L. Ulitskaya, D. Bykov, E. Vodolazkin)* [Boundaries of the Historical in Modern Russian Novelistics (V. Sharov, L. Ulitskaya, D. Bykov, E. Vodolazkin)]. *Filologiya i kul'tura*, No. 3(69), pp. 161–167. DOI 10.26907/2074-0239-2022-69-3-161-167. (In Russian)

The article was submitted on 21.08.2023

Поступила в редакцию 21.08.2023

Гапонова Жанна Константиновна,
кандидат филологических наук,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского»,
150000, Россия, Ярославль,
Республиканская, 108/1.
jangap1@mail.ru

Gaponova Zhanna Konstantinovna,
Ph.D. in Philology,
Yaroslavl State Pedagogical University named
after K. D. Ushinsky,

108/1 Republican Str.,
Yaroslavl, 150000, Russian Federation.
jangap1@mail.ru

УДК 882.09

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-106-110

ФИГУРА НАРРАТОРА КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ «ДОКУМЕНТАЛЬНОГО» СЮЖЕТА В ИСТОРИЧЕСКИХ ПЬЕСАХ-ПРИТЧАХ Э. РАДЗИНСКОГО

© Ольга Журчева

THE FIGURE OF THE NARRATOR AS A WAY TO CREATE A “DOCUMENTARY” PLOT IN THE HISTORICAL PLAYS-PARABLES BY E. RADZINSKY

Olga Zhurcheva

The article studies the peculiarities of dramatic narration in E. Radzinsky's plays-parables. Modern theater and dramaturgy strive to reflect the qualitative changes in representative forms and their potential stage possibilities. One of these forms is the reception of dramatic narration, when the event that is being shown is replaced by the event that is being told about. This technique is actively used by the playwright E. Radzinsky in his historical plays-parables “Conversations with Socrates”, “Lunin, or the Death of Jacques”, “Theater of the Times of Nero and Seneca”, “The Executioner, or Conversations on the Way to the Guillotine”. Despite the fact that the plot is based on a documentary (or pseudo-documentary) text: the story of the life and execution of Socrates, described by Plato; “Moral Letters” to Lucilius (procurator of Sicily) by Seneca; “Letters from Siberia” by Mikhail Lunin; “Notes of an Executioner” by Charles Henri Sanson, the famous executioner during the era of the Great French Revolution, the play has a setting for oral speech. The playwright uses various techniques in constructing a plot to introduce this kind of a narrator into the text. The protagonist acts as a narrator, his position, the system of evidence, the testimony that the narrator uses – all these create an attitude of authenticity, the semblance of documentarity.

Keywords: E. Radzinsky, representativeness, plays-parables, dramatic narration, event, attitude of authenticity

Статья посвящена особенностям драматургической наррации в пьесах-притчах Э. Радзинского. Современный театр и драматургия стремятся отразить качественные изменения репрезентативных форм, их потенциальные сценические возможности. Одной из таких форм становится прием драматургической наррации, когда на смену событию, которое показывают, приходит событие, о котором рассказывают. Таким приемом активно пользуется драматург Э. Радзинский в своих исторических пьесах-притчах «Беседы с Сократом», «Лунина, или смерть Жака», «Театр времен Нерона и Сенеки», «Палач, или разговоры по пути на гильотину». Несмотря на то, что в основе сюжета лежит документальный (или псевдодокументальный) текст: история жизни и казни Сократа, описанная Платоном; «Нравственные письма» Сенеки Луцилию (прокуратору Сицилии); «Письма из Сибири» Михаила Лунина; «Записки палача» Шарля Анри Сансона, знаменитого палача в эпоху Великой французской революции, – в пьесе есть установка на устное говорение. Драматург использует различные приемы при построении сюжета, чтобы ввести в текст подобного рассказчика, то есть нарратора. Герой действует как нарратор, его позиция, система доказательств, свидетельские показания, которыми пользуется нарратор, – все это само по себе создает установку на достоверность, видимость документальности.

Ключевые слова: Э. Радзинский, репрезентативность, пьесы-притчи, драматургическая наррация, событие, установка на достоверность

Для цитирования Журчева О. Фигура нарратора как способ создания «документального» сюжета в исторических пьесах-притчах Э. Радзинского // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 106–110. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-106-110

Размышления о том, как проявляется ориентация на устную речь (шире – на нарратив) в исторических пьесах-притчах Эдварда Радзинского, хочется начать с двух весьма выразительных

цитат. Выдающийся литературовед М. Н. Эпштейн отмечал:

«„Жизнь – это история, рассказанная идиотом, наполненная шумом и яростью... “ В этой знаменитой шекспировской дефиниции жизни (из „Макбета“) нас так поражает ее „идиотизм“, что мы не замечаем другого, более глубокого парадокса: жизнь – это история, рассказ, способ повествования» [1, с. 47].

Высказывание Джерома Брунера, создателя когнитивной нарратологии, по сути, о том же:

«У нас, по-видимому, нет иного способа описания прожитого (и проживаемого) времени, кроме как в формах нарратива» [2, с. 11].

Современный театр и драматургия постоянно демонстрируют качественные изменения репрезентативности театра, связывают это не только с особенностями игрового пространства, но и с привязанностью к тексту. Именно наррация характеризует поэтику новой пьесы и специфику ее театральной реализации. Вопрос о специфике драматургической наррации и ее функциональности не нов, он достаточно разработан теоретически. Однако разнообразие современных текстов для театра столь велико, художественный опыт и видение мира драматургами столь разнообразны, что проблема продолжает требовать уточнений, дополнительных описаний и обобщений, поскольку это связано с трансформацией родовых признаков драмы, конвергенцией жанров и с особым типом документальности.

Нарратив изначально присутствовал в драматургии. А. А. Аникст в свое время писал о драматической речи, отмечая ее всеобъемлющую функцию в драматургии от античности вплоть до XVII века, поскольку с ее помощью описывались (а не изображались визуальными средствами) место и время действия, «передавались не только желания и мнения персонажей, но и их душевные переживания, скрытые мысли» [3, стб. 508], таким образом, воспроизводился не жизнеподобный бытовой диалог, а поэтическим словом передавались сюжеты и образы. Можно сказать, что все драматическое произведение воплощало в себе в большей степени «поэтический стиль автора» [Там же].

Однако современная теория противопоставляет нарратив драматическому исполнению, основываясь на том, присутствует или отсутствует посредник между автором и читателем/зрителем или, иначе говоря, между субъектами эстетической коммуникации. Еще М. М. Бахтин обозначил основные критерии повествовательности:

«Перед нами два события: событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания (в этом последнем мы и сами участвуем как слушатели-читатели); события эти происходят в разные времена (различные и по длительности) и на разных местах, и в то же время они неразрывно объединены в едином, но сложном событии, которое мы можем обозначить как произведение в его событийной полноте» [4, с. 403].

Особого внимания заслуживают монодрамы – пьесы, содержащие монолог одного-единственного персонажа, или те, в которых имеет место преобладание монологического типа речи над диалогическим, или же в тех случаях, когда автор стремится раскрыть внутренний мир героя (например, в солилоквиях). В подобных случаях важным оказывается определить границы нарративного высказывания и собственно драматического.

Пьесы Э. Радзинского «Беседы с Сократом» (1973), «Лунин, или Смерть Жака, записанная в присутствии Хозяина» (1979), «Театр времен Нерона и Сенеки» (1982), «Палач, или Разговоры по пути на гильотину» (2007), как видно, относятся к разным историческим периодам, однако, их можно назвать тетралогией. Объединяет пьесы не только тема «диалогов перед смертью», но и некая общая тенденция к трансформации и нарастанию нарративных драматургических стратегий.

Жанр притчи изначально предполагал устное бытование (Христос говорил притчами со своими учениками). Притча в основе своей сродни басне, которая тоже имеет установку на устную речь. И притча, и басня тем не менее развивались в сторону литературной, а не устной риторики. А в XX веке в момент возникновения притчеобразной пьесы, драматургической параболы жанр стал соотноситься с игрой ума, с интеллектуальной философской драмой (см. подр.: [5, с. 40–70], [6, с. 108–120]). Драматургическая параболы черпает свои сюжеты из метатекста мировой культуры: чаще всего из мифологии, фольклора, художественной литературы. Присваивая и переосмысляя более или менее известные образы, драматург добивается того, что мы называем парабололизацией, то есть создает смысловые полюса (преходящее и вечное) и формирует необходимые аксиологические критерии, позволяющие как герою, так и читателю/зрителю сделать нравственный выбор.

Эдвард Радзинский – историк. Он обращается к событиям и именам, которые, возможно, не всегда известны современному человеку или известны поверхностно: биографии античного философа Сократа и декабриста Михаила Лунина,

особенности взаимоотношений Нерона и Сенеки, трагические казни в эпоху Великой французской революции. И, казалось бы, они не вполне годятся для параболизации. Но именно их использует Радзинский как своеобразную призму, через которую яснее проступают черты современности.

Интересно, что в основе сюжета лежит документальный (или псевдодокументальный) текст: история жизни и казни древнегреческого философа Сократа, описанная Платоном; «Нравственные письма» древнеримского писателя и философа Сенеки Луцилию, прокуратору Сицилии; «Письма из Сибири» декабриста Михаила Лунина; «Записки палача» Шарля Анри Сансона, знаменитого палача в эпоху Великой французской революции.

Необходимую для драматургической параболы ситуацию нравственного выбора Радзинский заостряет предельно: его герои вынуждены совершать свой выбор на пороге смерти. Ожиданием смерти начинается пьеса и ее наступлением или осознанием неотвратимости завершается. В каждой из пьес-притч Радзинского в разных вариациях используется один сюжетообразующий прием: герой либо сам расследует историю своей жизни или своей смерти, либо он выступает как свидетель или участник суда над самим собой. Несмотря на расстановку сил в сюжете, протагонист неизбежно вступает в полемику со своими судьями и палачами.

Драматург каждый раз предлагает свой вариант жанра пьесы-притчи, где выбор должен сделать не герой, ибо он его уже сделал в историческом прошлом, а современный читатель/зритель, который вынужден самостоятельно не только разобраться в давно случившейся истории, но и соотнести ее с современностью. Герои Радзинского формулируют некие нравственные максимы, непреложность которых обеспечена подробно воссозданным историческим контекстом. Ощущение же подлинности этого контекста достигается, в свою очередь, не только обращением к реальным событиям и лицам истории, но и использованием как подлинных писем и документов, так и исторических (иначе говоря, литературных) анекдотов, которые в контексте пьесы тоже становятся своеобразными документами эпохи.

Что же получается в результате соединения устных и письменных речевых жанров в пьесах Радзинского?

Обращают на себя внимание названия пьес: в них заложены как минимум два принципа сюжетостроения – беседы (разговоры) и театральное представление – театр, разыгрывание смерти на глазах «хозяина».

В пьесах о Сократе и о палаче Сансоне текст смыслово и графически разделен на условные три части (можно считать их действиями), «Театр времен Нерона и Сенеки» и «Лунин» никак не разделены на действия и картины, но подчеркнута фрагментарны. Уже с пьесы о декабристе Луине (второй по времени написания) ремарочный текст расширен по объему и впрямую включен в сюжет наряду с монологами и диалогами персонажей.

Пьесы-притчи Э. Радзинского часто называют монодрамами. Заявление спорное, но имеющее право на существование. Хотя бы потому, что первоначально существенным признаком жанра считалось число исполнителей [7, с. 456], [8, с. 586]. Так, например, выдающийся специалист по античной драме В. Н. Ярхо называл «трагедиями-монодрамами» некоторые драмы Софокла – «Электра», «Эдип» – на том основании, что действие в них «сконцентрировано вокруг центрального персонажа» и количество произнесенных этим персонажем стихов значительно превышает все остальные [9, с. 31–32]. Так что обозначение жанра «монодрама» связано в первую очередь с центральным положением главного героя. В «Беседах с Сократом» и «Театре времен Нерона и Сенеки» герои принимают участие в диспуте, открыто или опосредованно высказывают свои мысли о мире, о жизни.

В первой пьесе Сократ не единственный монологизирующий персонаж – здесь у каждого есть свой монологический «выход». В первой части пьесы «Пир» Сократ получает от драматурга предпочтения: он знает, что его завтра ждет суд и наказание, и напоследок решает провести ночь в беседах с другом и учениками, к которым присоединяются его враг и его жена. В подобной ситуации парадоксальные рассуждения философа о человеческой природе приобретают характер пророчества, а он сам становится своего рода главным нарратором среди других говорящих. В частях «Суд» и «Тюрьма» монологи Сократа становятся длиннее и занимают все больше места в беседах с другими действующими лицами.

В пьесе «Театр времен Нерона и Сенеки» Нерон сам становится режиссером, актером и сценаристом всего происходящего. Поскольку почти все события происходят не на сцене (действие пьесы, по мысли драматурга, должно происходить на арене римского цирка), а за сценой, то о них в основном рассказывается. Рассказчиком становится Нерон, он же единственный субъект сознания, так как все остальные, даже Сенека, практически лишены собственного голоса, их реплики сведены к минимуму. Драматург использует своего рода минус оценку: мир, пред-

ставленный в монологах Нерона, лишен красоты, правды, порядка, морали.

В «Луние» герой с помощью воспоминаний, воскрешения прошлого перемещает зрителя/читателя в ментальный мир своих размышлений о произошедшем с ним в течение жизни. Поскольку в большинстве сцен главный герой разговаривает с людьми из прошедшей жизни героя или с персонажами вымышленными, представляющими собой лишь маски (функции), а не реальных людей, то почти весь текст пьесы, за небольшим исключением, можно назвать монологом Лунина.

В пьесе «Палач, или Разговоры по пути на гильотину» возникает сложный прием театра в театре (и текста в тексте). Главного героя, палача Сансона, и, соответственно, всех остальных персонажей, с ним связанных, актуализирует, выводит на сцену воображение режиссера М. Только появившись перед зрителем/читателем как персонаж театрального представления, Сансон становится реальностью и с помощью своих рассказов о событиях своей жизни «оживляет» и всех остальных. Таким образом, почти всю пьесу можно считать разыгранным по ролям повествованием главного героя.

Все эти способы построения сюжета в пьесах Радзинского направлены на то, чтобы ввести в текст рассказчика, то есть нарратора. Заглавный герой действует как нарратор, его позиция, система доказательств, свидетельские показания, которыми он пользуется, – все это само по себе создает установку на достоверность, видимость документальности. Можно сказать, что к устному слову, к «свидетельским показаниям» драматург питает больше доверия, чем к слову, зафиксированному на бумаге. Неслучайно Сократ приходит в ужас, когда узнает, что его первый ученик записывает за ним его остроумные софизмы как философские истины.

Для того чтобы понять, как устное говорение связано с «установкой на достоверность», можно обратиться к некоторым теоретическим выкладкам фольклористики, связанным с изучением современного прозаического нарратива. Здесь речь идет не о традиционных прозаических сюжетных текстах с установкой на достоверность (легенды, предания, былички), но об иных формах нарративной коммуникации. Специалист по этносемиотике И. А. Швед отмечала активное бытование текстов, принадлежащих к устной речевой народной культуре и интерпретирующих современные ритуальные практики и обряды, семейные рассказы и воспоминания, а также «„нестереотипные“ спонтанные повествования частного характера, включенные в повседне-

ную коммуникацию „носителей“ традиции и характеризующиеся ограниченной вариативностью и невыраженностью эстетической функции» [10, с. 258]. Подобный рассказ можно считать отражением общего знания о мире в бытовой, аксиологической и онтологической сферах. Среди нарративов, имеющих установку на достоверность, называют мемораты (рассказы по памяти), биографии, мемуарную литературу и другие источники.

Достоверность текста связана не только с ситуацией рассказывания, но и с рефлексией над произошедшим и рассказанным. Таким образом, ситуация рассказывания и само событие становятся равноправными и неразличимыми: «Пока происшедшее не получило названия, оно не может быть идентифицировано как событие» [11, с. 282]. Поскольку толчком для рассказывания в пьесах Радзинского становится переживание героя, стоящего на пороге смерти, то можно сказать, что толчком для наррации становится событие. Как писал Ю. М. Лотман, «событие есть пересечение семантической границы» [Там же].

Однако драматургический нарратив не предполагает изображения события, а предпочитает рассказывать о событии/событиях помощью одного нарратора, как это было в «Луние», или двух нарраторов, представляющих разные точки зрения, как в «Театре времен Сенеки и Нерона», или целой группы нарраторов (с выделением все-таки основного – как субъекта сознания, а иногда и субъекта речи), как в «Беседах с Сократом» и «Палаче».

Пьеса у Радзинского неожиданно становится не «показанной» историей, а «рассказанной» историей. Она дает возможность погрузиться читателю/зрителю в ментальный мир героя, принять его систему доказательств, воспринять его как субъект сознания в пьесе, посмотреть на мир (события) его глазами. Подобный драматургический нарратив создает художественный эффект достоверности, правдивости, документальности (подобной документальности эго-документа).

Список источников

1. Эпштейн М. Н. Жизнь как нарратив и тезаурус // Московский психотерапевтический журнал. 2007. № 4. С. 47–56.
2. Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. 2005. № 1 (2). С. 9–30.
3. Аникст А. А. Драма // Театральная энциклопедия: в 5 т. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1963. Стб. 502–521.
4. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // М. М. Бахтин. Вопросы литературы и эсте-

тики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.

5. Агранович С. З., Саморукова И. В. Гармония – цель – гармония. Художественное сознание в зеркале притчи. М.: Международный институт семьи и собственности, 1997. 135 с.

6. Журчева О. В. Русская драма XX века. Движение художественных форм и художественного сознания. Самара: изд-во СГСПУ, 2017. 166 с.

7. Мокульский С. С. Монодрама // Литературная энциклопедия: в 11 т. / под ред. В. М. Фриче, А. В. Луначарского. М.: Советская энциклопедия, 1934. Т. 7. С. 456–459.

8. Головенченко А. Ф. Монодрама // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: РАН ИНИОН, 2001. 1600 с.

9. Ярхо В. Н. Античная драма: Технология мастерства. М.: Высшая школа, 1990. 144 с.

10. Швед И. А. О коммуникативно-прагматическом аспекте прозаических текстов устной традиции с установкой на достоверность // Взгляд из Эстонии и Беларуси. Тарту: Научное издательство ЭЛМ, 2022. С. 257–297.

11. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.

References

1. Epshtein, M. N. (2007). *Zhizn' kak narrativ i tezaurus* [Life as a Narrative and Thesaurus]. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal*. No. 4, pp. 47–56. (In Russian)

2. Bruner, Dzh. (2005). *Zhizn' kak narrativ* [Life as a Narrative]. *Postneklassicheskaya psikhologiya*. No. 1 (2), pp. 9–30. (In Russian)

3. Anikst, A. A. (1963). *Drama* [Drama]. *Teatral'naya entsiklopediya: v 5 t. T. 2*. Stb. 502–521. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian)

4. Bakhtin, M. M. (1975). *Formy vremeni i khronotopa v romane* [Forms of Time and Chronotope in the Novel]. M. M. Bakhtin. *Voprosy literatury i estetiki*. Pp. 234–407. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)

5. Agranovich, S. Z., Samorukova, I. V. (1997). *Garmoniya – tsel' – garmoniya. Khudozhestvennoe soznanie v zerkale pritchi* [Harmony – Goal – Harmony. Artistic Consciousness in the Mirror of a Parable]. 135 p. Moscow, Mezhdunarodnyi institut sem'i i sobstvennosti. (In Russian)

6. Zhurcheva, O. V. (2017). *Russkaya drama XX veka. Dvizhenie khudozhestvennykh form i khudozhestvennogo soznaniya* [Russian Drama of the Twentieth Century. The Movement of Art Forms and Artistic Consciousness]. 166 p. Samara, izd-vo SGSPU. (In Russian)

7. Mokul'skii, S. S. (1934). *Monodrama* [Monodrama]. *Literaturnaya entsiklopediya: v 11 t. Pod red. V. M. Friche, A. V. Lunacharskogo*. T. 7, pp. 456–459. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian)

8. Golovenchenko, A. F. (2001). *Monodrama* [Monodrama]. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponjatii*. 1600 p. Moscow, RAN INION. (In Russian)

9. Yarkho, V. N. (1990). *Antichnaya drama: Tekhnologiya masterstva* [Antique Drama: The Technology of Mastery]. 144 p. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russian)

10. Shved, I. A. (2022). *O kommunikativno-pragmaticheskom aspekte prozaicheskikh tekstov ustnoi traditsii s ustanovkoj na dostovernost'* [On the Communicative-Pragmatic Aspect of Oral Tradition Prose Texts Orientated Towards Authenticity]. *Vzglyad iz Estonii i Belarusi*. Pp. 257–297. Tartu, Nauchnoe izdatel'stvo YeLM. (In Russian)

11. Lotman, Yu. M. (1970). *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The Structure of the Literary Text]. 384 p. Moscow, Iskusstvo. (In Russian)

The article was submitted on 27.08.2023
Поступила в редакцию 27.08.2023

Журчева Ольга Валентиновна,
доктор филологических наук,
профессор,
Самарский государственный социально-педагогический университет,
443099, Россия, Самара,
Максима Горького, 65/67.
janvaro@mail.ru

Zhurcheva Olga Valentinovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Samara State University of Social Sciences and Education,
65/67 Maxim Gorky Str.,
Samara, 443099, Russian Federation.
janvaro@mail.ru

УДК 82-2

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-111-115

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕАЛЬНЫХ ТРАВМАТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ПЬЕСЕ МАРИИ ОГНЕВОЙ «ЗА БЕЛЫМ КРОЛИКОМ»

© Елена Кабилова

ARTISTIC INTERPRETATION OF REAL TRAUMATIC EVENTS IN MARIA OGNEVA'S PLAY "FOLLOWING THE WHITE RABBIT"

Elena Kabilova

The article considers the documentary and fictional components of M. Ogneva's play "Following the White Rabbit", which raises the theme of the trauma experienced in the past. The play is based on real events related to the violent death of two teenage girls. In this play, the tragic event is taken out of the storyline and the attention is focused on the understanding of the tragedy by a female friend and the mothers of the girls. The article studies the techniques used by the author to create the fictional world of the play: allegory, allusion, a combination of real and fantasy elements, division and montage, work with documentary materials of a judicial practice, the "verbatim" technique, different types of discourse and different "points of view" to describe one and the same event. As a result of the analysis, we conclude that the strategy used by the author is comparable to a fairy tale therapy (the method of psycho-correctional work): the therapeutic effect is achieved by pronouncing the traumatic experience in the presence of the audience, by the characters' searches for various options for getting out of the spiritual crisis, by launching the process of continuous moral and ethical self-identification at the viewer's level, i.e. by correlating the characters' experience with their own destiny.

Keywords: Maria Ogneva, fairy tale therapy, modern dramaturgy, verbatim, dramaturgy of trauma, traumatic experience in dramaturgy

Статья посвящена изучению документальной и художественной составляющих пьесы М. Огневой «За белым кроликом», в которой поднимается тема пережитой в прошлом травмы. Пьеса основана на реальных событиях, связанных с насильственной смертью двух девочек-подростков, при этом трагическое событие вынесено за рамки фабульной цепочки и фокус внимания перенесен на осмысление трагедии подругой и матерями девушек. Исследуются приемы, используемые автором для создания художественного мира пьесы: иносказание, аллюзия, сочетание реального и фантазийного плана, членение и монтаж, работа с документальными материалами судебной практики, техника «вербатим», разные типы дискурса и разные «точки зрения» для описания одного и того же события. В результате проведенного анализа делается вывод о том, что используемая автором стратегия сопоставима со сказкотерапией (методом психокоррекционной работы): терапевтический эффект достигается за счет проговаривания героями пережитого травматического опыта в присутствии зрителей, поиска героями различных вариантов выхода из духовного кризиса, запуска на уровне зрителя процесса непрерывной нравственно-этической самоидентификации, то есть соотнесения опыта героев с собственной судьбой.

Ключевые слова: Мария Огнева, сказкотерапия, современная драматургия, вербатим, драматургия травмы, травматический опыт в драматургии

Для цитирования: Кабилова Е. Художественная интерпретация реальных травматических событий в пьесе Марии Огневой «За белым кроликом» // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 111–115. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-111-115

Осмысление пережитого в прошлом «травматического опыта» – это один из набирающих популярность трендов в современной литературе, в том числе в драматургии. Яркий тому пример –

пьеса Марии Огневой «За белым кроликом», вошедшая в шорт-лист фестиваля молодой драматургии «Любимовка – 2018». В основе пьесы лежит реальная история о двух девушках, севших в

попутку к незнакомцу и ставших жертвами водителя, который оказался насильником и убийцей. Было открыто уголовное дело, и преступник был найден, но впоследствии отпущен на свободу. По словам Марии Огневой, она была знакома с одной из убитых девушек, и пьеса стала для нее попыткой «облечь свой страх в текст» [1]. В статье рассматриваются приемы, с помощью которых автор создает художественный мир пьесы, соединяя вымысел с документальным материалом.

Первый художественный прием, к которому прибегает драматург, – иносказание. Название пьесы содержит отсылку к философской сказке Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес». В числе персонажей пьесы – две Алисы и Белый кролик. По мере развития действия зритель узнает, что Алисы (Алиса-1 и Алиса-2) – это те самые погибшие девочки, а кролик – это их питомец, которого они везли с собой. Идея с превращением девочек в сказочных Алис помогает автору нивелировать страх, тревожность и отторжение, которые неизбежно возникают при столкновении со смертью. Авторская фантазия возвращает девочек к жизни, и они существуют в параллельной реальности.

Прием с Алисами можно сравнить со сказкотерапией – одним из современных методов психокоррекционной работы. Е. А. Натахина и М. С. Новашина пишут о том, что сущность метода сказкотерапии заключается в проигрывании посредством сказки той или иной жизненной ситуации, при этом персонажи рассказа обладают чертами реально существующих людей, а конфликт всегда имеет логичное разрешение: таким образом формируется связь между событиями сказки и поведением в реальной жизни, волшебные смыслы сказки переносятся на реальность [2, с. 179].

В пьесе «За белым кроликом» происходит постоянное переключение между двумя пространствами – фантазийным миром девочек и реальным миром, в котором находятся главные действующие лица пьесы – подруга девочек Ольга и их матери – Анна и Марина. Через историю каждой из героинь драматург поднимает целый ряд важных вопросов, ответ на которые найти очень сложно: как доверять этому миру, в котором столько боли и страданий, имеет ли человек право жить полноценной жизнью и даже быть счастливым после потери близких, возможно ли освободиться от страха перед будущим. Драматург конструирует пьесу таким образом, что описываемые в ней жизненные ситуации рассматриваются с разных точек зрения, и выбор,

который каждая из героинь совершает в поисках выхода из кризиса, также вариативен.

Примечательно, что в первой сцене, где присутствуют Алисы, Белый кролик и Ольга, героини отрицают свою принадлежность к тем именам, которые им дал драматург («Вообще-то, я не Алиса», «А я не белый кролик», «А тебя зовут не Оля» [3]), а в одной из последующих сцен Белый кролик заявляет, что все, что он будет рассказывать, – это «просто фантазия автора» [3]. Данный прием позволяет драматургу снять тревогу и морально подготовить читателя/зрителя к восприятию «страшной истории».

Другие приемы, используемые драматургом, – членение и монтаж. Композиционно пьеса состоит из 28 сцен, в которых чередуются 3 сюжетные линии. Драматург создает сложную пространственно-временную структуру, в которой действие пьесы разворачивается в духе психологического расследования, когда недостающие звенья в цепочке поэтапно складываются в единую картину.

Первая сюжетная линия раскрывает мир погибших девочек. Она начинается с завязки: Алисы следуют за Белым кроликом, который опаздывает на прием к королеве, прыгают за ним в кроличью нору и начинают падать. Девочки в пьесе не взрослеют, они остаются в том возрасте, в котором в реальной жизни с ними случилась трагедия (19 лет). Во время «падения» девочки общаются, и из этого диалога читатель узнает, почему они сели в попутку (они спешили в город, чтобы покормить кошку Королеву, но опоздали на электричку), какими были их отношения до трагедии, о чем они мечтали относительно своего будущего, о чем каждая из них думала перед смертью и о чем они думают прямо сейчас.

Вторая сюжетная линия раскрывает судьбу матерей девочек. Они показываются как в прошедшем времени, близком к гибели девочек (Марине в тот момент было 50 лет, Анне – 43 года), так и в настоящем.

В третьей сюжетной линии, рассказывающей историю подруги девочек Ольги, действие происходит в настоящем времени – через 10 лет после трагедии, Ольге при этом 30 лет.

Отдельного разговора требует исследование событийного ряда пьесы. М. М. Бахтин применительно к анализу эпических произведений выделял два типа событий: событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания [4, с. 403–404].

Ю.В. Подковырин для анализа современной драматургии использует термины «исполняемое событие» (событие из жизни героев) и «событие

исполнения» (соответствует «событию рассказывания» у Бахтина) [5, с. 211].

Событие, объединяющее все три выделенные нами сюжетные линии, – это гибель девочек. Данное событие произошло в прошлом, но продолжает оказывать влияние на героинь пьесы Ольгу, Марину и Анну. В процессе «события рассказывания» / «события исполнения» реконструируются подробности «события, о котором рассказывается» / «исполняемого события» – воссоздаются детали гибели девочек.

В линии матерей также выделяются ключевые события, связанные с действиями женщин после трагедии: расследование, участие в телевизионном ток-шоу, задержание убийцы, освобождение убийцы, продолжение расследования (линия Марины), отказ от расследования и переезд в Анапу (линия Анны). Через историю матерей драматург показывает варианты выхода из глубокого кризиса, в котором оказались женщины. В первой части Анна выглядит сильной, вера в Бога помогает ей вставать каждое утро и идти на работу, она поддерживает Марину, которая гораздо тяжелее переживает случившееся. Анна инициирует расследование. Главной целью и смыслом жизни для нее, а впоследствии и для Марины, становится поиск убийцы. Вместе женщины ждут результата расследования: преступник найден. Но затем случается неожиданный поворот: убийцу отпускают.

Через сюжетную линию Ольги, которая в финале пьесы встречается с Мариной и Анной, становится известно, как сложилась судьба женщин через 10 лет. Марина не смогла смириться с решением судьи и продолжила заниматься расследованием. Женщина, таким образом, осталась в состоянии кризиса. Анна, понимая, что дочь уже не вернуть, примиряется с потерей и продолжает жить дальше с мыслью о том, что «в этом мире она родила чудесную Алену, и ей с ней было хорошо» [3].

В сюжетной линии Ольги ключевые события связаны с ее беременностью и намерением сделать аборт. В своем предельно откровенном монологе она делится подробностями своей жизни: ей тридцать лет, она сценарист, живет в съемной квартире со своим другом, программистом Мишей, и не хочет иметь детей, хотя парень, узнав о беременности Ольги, предлагает ей выйти замуж и пытается отговорить от неоправданного поступка.

По мере развития событий выясняется причина психологической установки Ольги. На самом деле девушка испытывает чувство вины, ведь в тот роковой день она была вместе с девочками, но в последний момент отказалась садиться в попутку. Ольга испытывает страх перед бу-

душим: «Зачем рожать, если ребенок может умереть вот так страшно?» [Там же].

Ключевым событием, помогающим Ольге определиться и выйти из кризиса, становится встреча с матерями девочек. Важны последовательность и место этих встреч. Из Москвы Ольга уезжает на свою родину, в Воронеж. Сначала она приходит домой к Марине и узнает, что женщина все еще продолжает расследование. Марина с возмущением сообщает о переезде Анны в Анапу: «Веселится, пока убийца и насильник ее дочери гуляет на свободе!» [Там же]. После встречи с Мариной Ольга идет на кладбище навестить Катю и Алену (реальные имена девочек). Здесь она встречает Анну, которая разрешила себе жить дальше и быть счастливой, т.е. преодолела кризис. Слова Анны помогают Ольге избавиться от чувства вины за смерть подруг: «За эти десять лет я представила себе тысячи вариантов, как могла бы спасти Алену <...> Только знаешь что? Они ее не вернули» [Там же].

Возвращение Ольги в родной город как попытка прикоснуться к истокам, успокоиться и начать все сначала, желание девушки посетить кладбище – место соединения реального и потустороннего миров, общение с матерями девочек, показавшее ей два варианта будущего (оставаться в кризисе либо выйти из него и перестать бояться) – все это в конечном итоге приводит Ольгу к решению оставить ребенка.

Стоит отметить еще один важный прием, к которому прибегает драматург, – использование разных типов дискурса.

В сценах с расследованием трагическое событие описывается сухим языком судебной экспертизы: «... с учетом микроскопической картины ориентировочная давность причинения травм около одного часа (возможно и более) до момента наступления смерти» [Там же]. Вполне вероятно, что для написания этих фрагментов пьесы Мария Огнева обращалась к реальным документам судебной практики.

В сценах с телевизионным ток-шоу появляется эпатажирующий публику грубый, наглый язык, превращающий трагедию в объект для глумления:

«МУЖЧИНА С УСАМИ (перебивает). Знаете, я немного экстрасенс и могу точно сказать, что девочек убил их знакомый, с которым у одной из них была сексуальная связь» [Там же].

Монолог Ольги, написанный в технике биографического «вербатима», звучит как исповедь, в которой запечатлевается личность девушки начала XXI века. Как отмечает О.В. Журчева, в биографическом «вербатиме» «...представлены со-

временные, ныне живущие люди с реальными историями своей жизни» [6, с. 86–87]. Данная техника позволяет запустить процесс «нравственно-этической самоидентификации» [7, с. 118], то есть поставить себя на место героини и соотносить ее выбор с собственным жизненным опытом.

Диалоги девочек стилизованы под живую разговорную речь: девочки спорят, делятся воспоминаниями, шутят, говорят о своем страхе и бессилии.

Вплетение в ткань пьесы аллюзий на сказку Льюиса Кэрролла обостряет контраст между вымыслом, в котором девочки показываются как живые, и суровой реальностью, где прыжок в кроличью нору обернулся трагедией.

Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод о том, что художественный мир пьесы был создан в результате работы драматурга с документальной основой истории, художественным вымыслом, документальными материалами судебной практики, техникой «вербатим». Автору пьесы удалось найти язык для важного разговора на большие темы и нащупать пути выхода из кризиса, связанного с травматическим опытом прошлого.

Пространственно-временная структура пьесы совмещает реальный и фантазийный план, прошлое и настоящее время, что позволяет как восстановить детали трагического события, произошедшего в прошлом, так и сосредоточить внимание на осмыслении трагедии и поисках выхода из кризисного состояния, в котором оказались героини пьесы.

Использование разных типов дискурса и различных «точек зрения», с позиции которых описываются события, позволяют автору добиться полифонического эффекта. Драматург показывает, что несмотря на неразрешимость конфликта, связанного с принятием смерти близкого человека, жизнь на этом не заканчивается и человек имеет право на счастье и радость.

Используемая автором стратегия позволяет запустить процесс непрерывной «нравственно-этической самоидентификации» и достичь терапевтического эффекта, так как, несмотря на очень болезненную тему, в пьесе есть свет и надежда на будущее, а финал пьесы решен в идиллическом ключе.

Список источников

1. Дзис Д. Театр-терапия. Интервью с Марией Огневой // *Lubimovka.ru* – фестиваль молодой драматургии «Любимовка». URL: <https://lubimovka.ru/blog/579-teatr-terapiya> (дата обращения: 01.05.2023).
2. Натахина Е. А., Новашина М. С. Сказкотерапия как метод психологической работы с детьми и

взрослыми // *Артпедагогика и артпсихология в век инноваций: Материалы II Международной научно-практической конференции*, Москва, 09 октября 2020 года. М.: Московский государственный институт культуры, 2020. С. 179–184.

3. Огнева М. За белым кроликом // *Проза.ру* – российский литературный портал, 2018. URL: <https://proza.ru/2019/03/11/1050> (дата обращения: 01.05.2023).

4. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 502 с.

5. Подковырин Ю. Событие исполнения // *Современная драматургия*. 2014. № 4. С. 211–214.

6. Журчева О. В. Вербатим как механизм создания «новой документальности» в новейшей русской драме // *Филология и культура. Philology and Culture*. 2016. № 3 (45). С. 84–89.

7. Лавлинский С. П., Павлов А. М. О перформативно-рецептивном потенциале современной драматургии // *Новейшая драма рубежа XX–XXI вв.: предварительные итоги: коллективная монография*. Под общ. ред. Т. В. Журчевой. Самара: Изд-во Самарского университета, 2016. С. 103–125.

References

1. Dzis, D. (2018). *Teatr-terapiya. Interv'yu s Mariiei Ognevoi* [Theatre-Therapy. Interview with Maria Ogneva]. URL: <https://lubimovka.ru/blog/579-teatr-terapiya> (accessed: 01.05.2023). (In Russian)
2. Natakina, E. A., Novashina, M. S (2020). *Skazkoterapiya kak metod psichologicheskoi raboty s det'mi i vzroslymi* [Fairy Tale Therapy as a Method of Psychological Work with Children and Adults]. *Artpedagogika i artpsihologiya v vek innovatsii: Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Moskva, 09 oktyabrya 2020 goda. Pp. 179–184. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi institut kul'tury. (In Russian)
3. Ogneva, M (2018). *Za belym krolikom* [Following the White Rabbit]. URL: <https://proza.ru/2019/03/11/1050> (accessed: 01.05.2023). (In Russian)
4. Bakhtin, M. M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. 502 p. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)
5. Podkovyrin, Yu. (2014). *Sobytie ispolneniya* [The Event of Performing]. *Sovremennaya dramaturgiya*, No. 4, pp. 211–214. (In Russian)
6. Zhurcheva, O. V. (2016). *Verbatim kak mekhanizm sozdaniya "novoii dokumental'nosti" v noveishei russkoi drame* [Verbatim as a Mechanism of “New Documentality” in Modern Russian Drama]. *Filologiya i kul'tura*, No. 3(45), pp. 84–89. (In Russian)
7. Lavlinskii, S. P., Pavlov, A. M. (2016). *O performativno-retseptivnom potentsiale sovremennoi dramaturgii* [On the Performative-Receptive Potential of Modern Dramaturgy]. *Noveishaya drama rubezha XX–XXI vekov: predvaritelnye itogi: kollektivnaya monografiya*, T. V. Zhurcheva (ed.). Pp. 103–125. Samara, izdatelstvo Samarskogo Universiteta. (In Russian)

The article was submitted on 14.09.2023

Поступила в редакцию 14.09.2023

Кабилова Елена Сергеевна,
аспирант,
Самарский национальный исследовательский
университет имени академика
С. П. Королева,
443086, Россия, Самара,
Московское шоссе, 34.
ekabilova@list.ru

Kabilova Elena Sergeevna,
graduate student,
Samara University,

34 Moskovskoe Shosse,
Samara, 443086, Russian Federation.
ekabilova@list.ru

УДК 398.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-116-123

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЭПИЧЕСКИХ ГЕРОЕВ В ТАТАРСКОМ И СЛАВЯНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

© Гелюся Каюмова, Татьяна Сорокина

IMAGE FEATURES OF EPIC CHARACTERS IN TATAR AND SLAVIC FOLKLORE

Gelyusya Kayumova, Tatyana Sorokina

The ethno-epic heritage of the Russian and Tatar peoples' traditional culture is based on epic tales, including the heroic epic of the people, the ethnos. The core of traditional culture is the subject's ideas about the ideals of wisdom, heroism and beauty, about good and evil, about man's place in the world, as well as religious and mythological views on man's relationship with supernatural, higher forces as a kind of life of an ethnic group's world. Our culturological analysis of the main characters from epic tales, including the comparison with Slavic epic characters, allows us to assert that the epic image of a batyr expresses a single complex of national historical concepts and ideas about the ideal man – a warrior in the best manifestation of all his virtues, the one who realizes and implements the age-old aspirations of the people, that is, an objectified view of the world. The image of a batyr, a hero in Tatar and Slavic folklore is of interest due to its complexity and versatility. He is both a fighter against the enemies of his native land and a hero who destroys evil forces; he is an ideal warrior who can make even the khan feel fear; at the same time, he can resort to cunning and deceit at times. Thus, batyrs win not only owing to their best qualities, but also to those that are usually pushed into the shadows when positive characters are described, as if they were non-existent. Perhaps, this is where lies the excessive love and trust of the people for epic works and their heroes.

Keywords: ethnoepical heritage, epic legends, plot, batyr, tradition, spiritual heritage, value, heroic horse, heroic sword, socio-cultural model

В основе этноэпического наследия традиционной культуры русского и татарского народов лежат эпические сказания, в том числе героический эпос народа, этноса. Представления субъекта об идеалах мудрости, героизма и красоты, о добре и зле, о месте человека в мире, а также религиозно-мифологические воззрения на отношения человека со сверхъестественными, высшими силами как своеобразный жизненный мир этноса составляют ядро традиционной культуры. Предпринятый нами культуuroлогический анализ главных героев эпических сказаний, в том числе в аспекте сопоставления со славянскими былинными богатырями, позволяет утверждать, что эпический образ батыра выражает единый комплекс народно-исторических понятий и представлений об идеальном человеке – воине в лучшем проявлении всех его достоинств, который реализует и претворяет в жизнь вековые чаяния народа, то есть объективизированное представление о мире. Образ батыра, богатыря в татарском и славянском фольклоре интересен своей сложностью и многогранностью. Он и боец против врагов родной земли, и герой, уничтожающий злые силы; он и идеальный воин, перед которым чувствует страх даже хан, но в то же время показывает временами коварство, хитрость. Таким образом, одерживать победу батырам помогают не только их лучшие качества, но и те, которые обычно при описании положительных героев вытесняются в теневую сторону, то есть отрицаются. Возможно, именно в этом кроется безмерная любовь и доверие народа к эпическим произведениям и их героев.

Ключевые слова: этноэпическое наследие, эпические сказания, фабула, богатырь, исполин, батыр, традиция, духовное наследие, ценность, богатырский конь, богатырский меч, социокультурная модель

Для цитирования Каюмова Г., Сорокина Т. Особенности изображения эпических героев в татарском и славянском фольклоре // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 116–123. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-116-123

Сегодня, когда утверждаются морально-нравственные и культурно-эстетические ценности каждого народа как самостоятельной нации, все большую актуальность приобретает тенденция обращения к уникальной культуре каждого народа, этноса. Народный эпос аккумулирует в себе исторически значимые события и отношение народа к ним, образы идеальных правителей, национальный кодекс чести. Героический эпос присущ каждому народу, и у каждого народа он уникален в своем художественном воплощении сплетения истории и культуры того или иного исторического отрезка. Значение таких эпических произведений, как «Ак Кубек», «Идегей», «Чура батыр», «Кыссаи Сякам», определяется их самобытностью. Исследователей неоднократно привлекает неповторимое художественное обаяние своеобразных повествований о ходе истории и исторически значимых личностях. Героями целого ряда эпических памятников являются реально действующие лица, чьи имена зафиксированы в летописях. Сказания об историческом прошлом в них чудесным образом переплетаются с глубоким, одновременно лирическим и философским осмыслением ценности и значимости бытия, его глубинного смысла.

Народ в тяжкие годы испытаний ищет для себя образец подражания, героя, который мог бы даже ценою собственной жизни бороться во имя благополучия своей родины. Этим было обусловлено создание народного идеала, в котором ярко отражены только положительные черты, такие как редкий склад ума, отзывчивость, храбрость, смелость и т. д. Устойчивые эпические элементы, формулы, фабулы, мифологемы собирают образ батыра в единое целое. Историко-этнографические явления, социальные отношения, раздробленность общества выдвигают свои временные рамки для формирования эпоса тюркоязычных народов. С развитием общества образ батыра модифицируется, но устойчивым остается отношение к коню. Боевое содружество главного героя эпического сказания и его коня является ключевой единицей не только фольклорных произведений тюркоязычных народов, но и народов всего мира. Индифферентность героя к физическим страданиям, безмерная беспощадность к своим подвластным определяет специфичность эпического сказания. Тенденции и атмосфера того времени диктуют свои правила: батыр прославляется через походы, сражения, завоевания, так как в период военной демократии до совершения каких-нибудь военных действий герой считался «неполноценной» личностью. Защита родины и родовая месть являются ключевыми понятиями в кодексе батыра. Военное

кредо символизирует мужество, стойкость, посмертную славу героя. Для героического повествования также значима роль женщины – матери, жены, образы которых неразрывно связаны с матриархальными отношениями.

Эпический батыр – условно фольклорный персонаж. В татарском и фольклоре и эпосе родственных народов он может также называться «батыр» «герой», «богатырь», «воин», «кахарман». Поведению главного героя свойственна типичность. В основном главный герой ведет себя типично. Однако даже весьма устойчивые эпические элементы, клише со временем могут приобретать новые разные стилистические и структурные компоненты.

Эпос татарского народа оставался наименее изученным явлением в ряду других фольклорных произведений, причиной тому стали объективные исторические факты. Так, в советскую эпоху гениальное произведение народного эпоса – дастан «Идегей», а также историческое время его создания, эпоха Золотой Орды, не изучались в полной мере. Сегодня же и сам исторический период, и данное полиэтническое государство, и культурное наследие, включая устное народное творчество данной эпохи, вновь становятся объектами научного изучения. Лидером среди фольклорных произведений, эпических произведений по части научного внимания становится эпический батыр. Описание и изложение образа батыра пронизывает всю «эпическую ткань». Наблюдая рост и развитие героя, мы прослеживаем судьбу самого народа. «В этом центральном персонаже героического эпоса воплощены нравственные идеалы народа, его мечты о добре, счастье, правде, справедливости. В эпосе встречаются батыры разных времен – от архаических родо-племенных и до трансформированных в героев народных, национальных, региональных» [1, с. 38]. Что изменилось в быту, социальной жизни, психологии и мировоззрении народа? Как образ батыра трансформировался со временем и с обстоятельствами повседневной жизни? В образе эпического батыра ярко прослеживаются особенности общественного бытования эпического наследия в разные исторические эпохи, и тем самым он интересен как объект исследования.

В обществе назрела проблема гуманистического отношения к историческим ценностям. В центр внимания ставится личность человека, его возможности, целеустремленность, желание реализовать себя в контексте развития мирового сообщества. Оставаясь типовым персонажем, эпический герой выступает как исторической, так и индивидуальной личностью. Герой эпического

сказания выражает историческую судьбу народа, также принимает участие в определении национального характера, формировании патриотизма; в своих деяниях реализует опыт, идеалы и волю народа.

Следует сказать, что архаические эпосы являются неотъемлемой частью любой национальной культуры. Это своего рода ступень, знаменующая переход этнокультурного сознания на новый уровень – к осознанию себя частью некоей общности, связанной единством территории, языка, верований, традиций и обычаев. В этом смысле татарский национальный эпос, созданные в нем образы эпических героев, органично вписываются в мировую эпическую традицию.

Безусловно, сходные процессы происходят и в русском фольклоре. Типологические сходения эпического мышления двух национальных культур позволяют показать родственный путь становления этнокультурного сознания разных этносов.

Эпические батыры, образы которых воплощают многовековые представления о могучем, героическом, непобедимом богатыре, являются своего рода итогом преодоления языческих представлений и свидетельством перехода от родо-племенных отношений к более зрелым – национально-государственным.

Сходные процессы происходили и в русском фольклоре. Средневековый памятник, который традиционно считают эпосом русской государственности, создан уже не в фольклорный, а в древнерусский период – это «Слово о полку Игореве». Он стоит у истоков формирования словесности, запечатленной в письменной форме. Безусловно, после многочисленных научных изысканий, связанных со «Словом...» озвучить новую идею довольно сложно, практически невозможно. Однако мы и не ставим перед собой такой задачи. Наша задача, во-первых, показать связь героев национального эпоса с персонажами такого фольклорного жанра, как былины (старинны); а во-вторых, показать сходство и различие героев национальных татарских эпосов – дастанов – с центральными персонажами «Слова...».

Прежде всего хотелось бы объяснить, почему мы обратились именно к жанру былин, а не исторических песен или преданий. Несмотря на то что все обозначенные жанры имеют общий признак – сохранение памяти о национальной истории, границы между ними подвижны, иногда один и тот же сюжет или образ может свободно перемещаться от жанра к жанру, в то же время есть некоторые принципиальные отличия. Предания как некая «устная летопись» характеризуются установкой на достоверность, они всегда

историчны по своей природе, однако вполне допускают не только вымысел, но и довольно вольное истолкование исторических фактов, событий, героев. Еще более тесно связаны с реальными персонажами и событиями исторические песни. Долгое время не существовало специального термина для обозначения произведений данного жанра, их называли просто песнями или «старинами», как и былины. В центре исторических песен – всегда реально существовавший персонаж, вокруг которого формируется цикл песен. Однако оба эти жанра не требуют обязательного героя – богатыря, который, собственно, и закрепился в былинах. Именно этим обусловлено наше обращение к былинному эпосу. Хотя справедливости ради можно говорить о том, что средневековый эпос как жанр аккумулировал в себе отдельные черты многих родственных фольклорных жанров. Сам неизвестный автор «Слова...» называет свое детище то «песней», то «былиной», причем мы видим органичное сочетание как древних языческих жанров, так и канонических древнерусских.

Итак, обратимся к фольклорному жанру былины как одному из источников более поздних персонажей русского героического эпоса. Следует напомнить, что данный термин получил широкое хождение гораздо позже, в середине XIX века, благодаря известному историку и фольклористу И. П. Сахарову, который указал на него в «Слове о полку Игореве»: «...по былинамь сего времени» [2, с. 26]. Древние сказители называли свои эпические песни «старинами». Как и другие фольклорные жанры, на протяжении многих веков, вплоть до начала XVIII столетия, когда их начали собирать и записывать, былины имели устную форму бытования. Наиболее ранние, созданные еще в X веке, уходят своими корнями в мифологию. Еще А. Н. Афанасьев отметил, что предания о великанах, исполинах были известны всем индоевропейским народам: «В сокрушенных обломках скал, в исторгнутых с корнем вековых деревьях и других следах, оставляемых разрушительными бурями и грозами, детская фантазия первобытных племен видела результаты свободной деятельности облачных духов; от чрезмерности тех средств, какие требовались для совершения подобных подвигов, она необходимо заключала о громадности самых деятелей» [3, с. 410]. На основании сохранившихся эпических былинных сказаний можно сделать вывод как о природном происхождении богатырей-исполинов (горы, скалы, громадные камни, крутые обрывистые берега рек), так и небесном. Описание их обязательно содержит все необходимые атрибуты богатырства – чудесный конь,

меч-кладенец, «сума переметная», «тяга земная», шлем, кольчуга и т. д. Особенно показателен в данном случае типический образ богатыря Святогора, имя которого очевидно заключает в себе эту двойственную семантику. Интересно, что в некоторых сказаниях необыкновенная, неземная сила древнейших богатырей воспринималась как бесполозная. А. Н. Афанасьев приводит фрагмент одного из былинных вариантов, где описывается встреча Ильи Муромца с подобным титаном:

«А, это ты, Илья Муромец! Ступай к людям и будь меж ними силен, а со мной тебе нечего мериться. Я и сам своей силе не рад, меня и земля не держит: нашел себе гору и лежу на ней» [Там же, с. 418].

В других, напротив, сила, данная герою матерью-землей, была направлена на созидательный труд. Интересен в этом смысле образ Микулы Селяниновича, чудесного пахаря, воплощения крестьянского труда. Некоторые предания сохранили представление о нем, как о самом божьего-громовнике, выходявшем в поле в виде простого ратая возделывать нивы своим золотым плугом. Согласно былинным представлениям, биться с ним нельзя, поскольку весь род Микулы Селяниновича любит «матушка-сыра земля» [Там же, с. 424].

По мере становления древнерусского государства, христианизации Руси изменялось и представление о происхождении и функциях персонажей былинного эпоса. Наряду с мифологической природой актуализируется и историческая, связанная с защитой ценностей веры и государственности. Примечательно, что и в фольклористике в дальнейшем наметятся противоположные векторы изучения былин – «мифологическая» и «историческая» школы. Однако, на наш взгляд, гораздо более правильным представляется научный подход, предполагающий не противопоставление, а совмещение древнейшего и более позднего пластов эпического мышления. Важно, что героизация, идеализация образов былинных героев отнюдь не противоречит их мифологическим истокам. Так, Добрыня Никитич – известнейший богатырь киевского цикла – центральный персонаж множества былинных сюжетов. Это собирательный образ богатыря-защитника, не случайно и его имя, производное от «добро», что в древнерусском языке означает всю совокупность положительных качеств. По словам исследователя былин В. И. Калугина, русский народный эпос немислим без героя с таким именем. Он одновременно и защитник от вселенского зла; хранитель православия; княжеских интересов. А в поздних былинах, где наме-

чается отход от эпической монументальности и в большей мере проявляются человеческие черты, Добрыня в отличие, например, от Алеши Поповича, сохраняет перечень качеств, позволяющих героизировать данного былинного богатыря. Следует отметить, что эпическая традиция стала необыкновенно актуальной в литературе русского сентиментализма и романтизма. Так, в работе «Герои русского эпоса: Очерки о русском фольклоре» В. И. Калугин приводит примеры, наглядно подтверждающие сказанное. «Бахариана» М. М. Хераскова, «Добрыня» Н. А. Львова, «Илья Муромец» Н. М. Карамзина, «Алеша Попович» А. Н. Радищева, «Громвал» Г. П. Каменева, «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина и многие другие уже своими названиями иллюстрируют огромный интерес к героическому эпосу и его центральным персонажам. Приведем лишь один пример из произведения Карамзина:

«Кто ж сим утром наслаждается
Кто на статном соловом коне,
Черный щит держа в одной руке,
А в другой копье булатное,
Едет по лугу как грозный царь?» [4, с. 6].

Следует еще раз сказать о том, что вопрос происхождения былин один из наиболее дискуссионных в современном эпосоведении, решающем эту проблему в плане исторической поэтики жанра. Так, ученый С. Н. Азбелев в работе «Народный эпос и история (к изучению национального своеобразия)» отмечает, что былина является итогом соединения двух источников. Один из них дает фактическое содержание, связывающее былинную с историческим событием. Второй источник – это эпическое наследие, оно включает произведение в круг былинного эпоса. По его мнению, эволюция его представляется такой: славянский догосударственный эпос; конкретно-исторический эпос Южной Руси – древнерусские лироэпические песни. Разделяя данную мысль, мы стремились показать это движение на конкретных примерах: от былин мифологического содержания к былинам Киевского (государственного) цикла к средневековому (древнерусскому) эпосу «Слово о полку Игореве».

В работе С. Н. Азбелева читаем следующее: «Несомненно, что на Руси существовало множество сказаний и песен об этих „храбрах“, как и о многих других. Часть песен и сказаний со временем превратилась в былины, но, конечно, далеко не все былины остались в устном бытовании ко времени, когда ученые их стали записывать. С другой стороны, записанные былины передают, несомненно, и переработанные повествования о тех „храбрах“, имена которых народным эпосом

впоследствии оказались забыты, а подвиги приписаны» [5, с. 183].

Вообще следует сказать, что фольклорные эпические песни, сложившиеся у многих этносов, часто складывались в циклы, перераставшие в эпопеи или национальные эпосы (оба термина используются в научной литературе как синонимы). Например, один из самых больших в мире эпос «Манас» насчитывает пятьсот тысяч строк [6, с. 25]. В отличие от существующих обширных эпических памятников, в силу объективных исторических причин русский эпос не сложился в единое целое, но сохранил тенденцию к циклизации по определенным основаниям. Однако ключевые характеристики главных героев – былинных богатырей – во многом сохранились при создании образов персонажей героического эпоса.

В отличие от славянских былинных сказаний классические произведения эпоса татар пронизаны трагическим пафосом. В произведениях отражаются политические взгляды и убеждения, социально-исторические и духовно-нравственные ценности разных общественных периодов. Ведь главный герой эпических сказаний – это собирательный образ, носитель ментальности мифологического сознания, позитивной динамики, выжимка разносторонних положительных качеств народного идеала. Во всестороннем раскрытии образа батыра в героических сказаниях важную роль играют общечеловеческие и общетюркские эпические мотивы. Также в эпосе татарского народа представлена весьма широкая галерея образов батыра: архаические родо-племенные, классические, национально-религиозные герои. Образ центрального персонажа – батыра – модифицировался с развитием и требованиями общества. Следовательно, в эпическом повествовании существенную роль играют художественно-выразительные средства, которые характеризуют его эстетическую значимость. Мифологические модели и представления, реализованные в эпосе, обобщают и определяют символическую картину и внешнего портрета эпоса. При этом основная миссия главных героев заключается в устранении зла и нечисти, которое нашло отражение в художественных произведениях от раннего Средневековья и до наших дней.

Перечисленные произведения можно рассматривать не только как памятник устного народного творчества, но и как отражение духовного мира, ментальности и быта татарского народа в разные этапы его исторического развития. Эпические сказания «Ак Кубек», «Идегей», «Чура батыр», «Кыссаи Сякам» обладают такими качествами, которые дают возможность охарактери-

зовать их как жанр произведений классического эпоса. Во-первых, это героический характер повествования, во-вторых, отражение конкретных исторических событий, переплетенных с этнографическими явлениями, в-третьих, борьба с чудовищем, а в более поздних вариантах – борьба с чужеземными захватчиками.

Типичность черт главных героев народного эпоса говорят об устойчивости народных идеалов, наивной картины мира. В эпосе многих народов, особенно в сказаниях родственных народов, встречаются «общие места»: чудесное рождение героя, повторяющиеся погодные явления, поиски суженой или нареченной (иногда знакомство с суженой происходит во сне), нареkanie именем, магическая защита и т. д.) [7, с. 265]. Но при этом каждая версия дастана имеет национальный колорит. Моральный и физический облик батыра раскрывается и детализируется посредством поступков, достойных именного эпического героя. Утверждение и становление героя идет через поступки, речь, через оценку «младших» героев. Детали эпоса и эпический «историзм» показывают рост и динамику становления личности батыра.

Говоря об определенной схематичности образа батыра, следует указать о передвижении мотивов и тенденций изображения главного героя в мировых эпосах. Внешний портрет героя уточняется через повторяющиеся строки дастана о мужественной красоте героя, его умении стойко выдерживать лишения и испытания, о его физическом превосходстве, что подтверждается чаще всего описанием героя как меткого стрелка. При этом создается также и внутренний портрет героя – спокойного и грозного, глубоко патриотичного, рожденного служить народным идеалам, воплощать народные чаяния. Чудеса вершатся только народными героями, которые честны, правдивы, усердны в делах и отважны при опасностях. Главный герой – это носитель эпических традиций со своей положительной динамикой.

Раскрывая сущность характера эпического богатыря, надо обратить внимание на то, что имена героев отражают представление мира, мировосприятие народа по историческим периодам его развития [8, с. 346]. В эпосах, созданных в добулгарский период, отражены языческие представления мира, хаоса. С принятием Ислама в «эпический материал» начинают проникать в той или в иной степени его религиозные традиции. Для утверждения батыра огромную роль играет социальная среда, в которой он находился. Сложность или посильность преодоления преград напрямую зависели от функций героя:

одержать верх или же «уступить» противнику и нападать в более «уязвимое» время. Это не значит, что герой отступает, наоборот, таким образом, он готовится к решающим поединкам и единоборству. Одной из главных функций героя является кровная месть. В сказаниях «Ак Кубек» боевые схватки идут между племенами; в сказаниях «Идегей» – между ханом Токтамышем и его подчиненными; в дастанах «Чура батыр» – еще глубже, между родными: в финальной сцене отец борется с сыном. А в эпосе «Кыссаи Сякам» – герой, сеющий добро и распространяющий идеи религии ислам. Особенность проявления эпических деяний батыра подразумевает его многофункциональность. Личное участие главного героя в походах является его прямой и обязательной функцией. Выявлена многослойность образа эпического героя. Если в сказаниях «Ак Кубек» главный герой представляет собой богатырского исполина, то в сказаниях «Чура батыр» – «он воинский идеал, защищающий свой народ, землю от реально-исторических захватчиков» [9, с. 17]. Эволюцию развития образа батыра отражает также его воинское снаряжение: сумбалга описывается в сказаниях «Ак Кубек», а волшебный меч – в эпосе «Чура батыр». В сказаниях боевые принадлежности, в свою очередь, определяли вид сражения.

Галерея образов батыра в рассматриваемых дастанах индивидуальна. В сказании «Ак Кубек» батыр питается «огромной рыбой». Эта параллель действительно утверждает героя как воина, отличающегося необычайной силой. При рождении Ак Кубека проводят специальный ритуал (текст напоминает форму древнего заклинания) посвящения батыра. Это образ героя-малолетки, так как, родившись, он сразу начинает совершать богатырские деяния. А враги, напротив, стремятся уничтожить будущего богатыря еще ребенком. Таким образом, происходит чудесное возмужание главного героя.

Отличительная черта Чура батыра – неуязвимость. Если при рождении героя прикосновением (ногой) о землю появлялись искры, то с годами необычайной становится сила голоса батыра. Одним из характерных признаков героя, его мощи является гигантский лук, так как кроме него этот лук никто не может натянуть. Также Чура метко стреляет: одним выстрелом поражает две цели. Дальность полета пущенной стрелы – излюбленное описание сказителей. Необходимость соблюдения определенных общепринятых правил говорит о достоинстве батыра. Нурадын при встрече с ханом Токтамышем предоставляет возможность нападать первым хану, как полагается по воинскому этикету. В эпосе словесным

поединкам отведено большое место, что и подчеркивает архаичность и устный характер эпических произведений.

Однако надо указать то, что в сказаниях «Идегей» две стороны: реально-историческая и мифопоэтическая, – и, соответственно, батыра характеризуют положительные и отрицательные черты характера. Поскольку герой должен вырисовываться в идеале, отрицательные черты минимизируются. Гиперболизация положительных черт подчеркивает роль и значимость батыра. Он – вождь. Он является опорой, защитником своего народа. В сказаниях «Идегей» акцентируется внимание на вид, внешность героя. Грозный вид Идегея вызывает дрожь, страх у хана. Хан Токтамыш догадывается о том, что его подчиненный – необычный человек [10, с. 27].

Как указывалось выше, герой в сказаниях утверждается своими богатырскими поступками. Иногда можно заметить и хитрости в действиях батыра («Ак Кубек»). Герой вступает в борьбу не только с противниками – захватчиками, калмыками, но и с чудовищами. Порой в роли чудовища выступает человек в облике дива (эпос «Идегей»), змеи (дастан «Чура батыр»). Герой, вступая в бой, вкладывает немало усилий, иногда коварство и хитрость.

Но батыру не удастся изменить историю, ибо история развивается по своим законам, и он не может их перешагнуть. В сказании «Ак Кубек» борьба носит социальный характер. В эпосе «Идегей» описывается бой героя с ханом Токтамышем, где действия разворачиваются на реальном пласте. В дастанах «Чура батыр» – против захватчиков. В эпосе «Кыссаи Сякам» – против гяуров. Примечательным является в сказаниях воспитание героя аталком. Иногда эту роль берет на себя табунщик. Нередко последний помогает отыскать предназначенного богатырского коня.

Эпос «Идегей» пронизан историко-этнографическими моментами: пиры, состязания, обычаи и обряды [11, с. 201]. Важным моментом в эпосе является добывание богатырской сабли. Искусно вырисовывается изготовление сабли волшебным кузнецом. В «Эддах» такая сабля обладает чудным характером, так как по представлению мировосприятия народа чугун и железо – стихия потустороннего мира. Только волшебный кузнец смог справиться стихией иного мира, что представлено в сказании «Ак Кубек».

В эпосе татарского народа богатырский конь занимает особое место [12, с. 60]. Близость эпического героя и коня обуславливаются историей кочевых народов. Конь – это средство передвижения, боевой друг, а иногда – магический по-

мощник. Масть и порода коней в эпосах тюркоязычных народов – ключевой момент при описании богатырского коня. Постоянные эпитеты, эпические формулы, сравнения – элементы фольклора. В сказаниях «Чура батыр» бег коня используется как поэтическая метафора: бег предупреждает о грядущей опасности, о передвижении войска и, наконец, о численности противника. Художественным произведениям татарской литературы, в частности исторической прозе, характерна традиция словесного описания коня, мастей и породы знаменитых скакунов и роль «йылкы» в жизни простого народа, примером чего является исторический роман Н. Фаттахы «Свистящие стрелы».

Для фольклора средневековья характерно возникновение произведений воинского характера, так как везде и повсюду процветала патриархально-феодалная междоусобица. Идея борьбы за свободу родного края, земли, идея единства и объединение против общего врага становятся ключевыми темами данного периода. Такие известные архаические эпосы, как «Илиада» и «Одиссея», «Песнь о Роланде», «Песнь о Сиде», «Шахнаме» (Фирдоуси), «Манас» (киргизский вариант), «Кюланды» (казахский вариант), «Гэ-сэр» (бурятская версия), «Гороглы» (узбекский вариант), «Алпамыш» и многие другие, отражают исторические события тех времен. В сознании народа эпический герой настолько совершенен, идеализирован, что он может перемещаться как в вертикальном, так и в горизонтальном направлении (сказание «Йир Тюшлюк»).

Батыр – эпический герой. Образец, идеал, эталон справедливого правителя, государя. В нем народ видит своего защитника от жестокости, от тирании власти. Гибель героев – это признак классического сказания. Батыр погибает, но слава хранится о нем в течение столетий. И суть заключается в том, что позитивные качества батыра наследуются положительными литературными героями исторических произведений.

Таким образом, фольклорное произведение – это яркое отражение действительности, где действительность передается через призму сознания народа. Однако батыр не является исключением. Если в жизни препятствия непреодолимы, то и герою не удастся их преодолеть. Роль батыра сыграна в исторической сцене, и он должен уйти со сцены самого эпического произведения, так как его миссия завершена. Многогранность эпических сказаний отражает родство с другими героями эпических памятников тюркоязычных народов. Необычайная сила батыров раскрывает своеобразие эпоса как эталон художественной поэзии народного творчества. Воспевание добле-

сти и мужества, призыв к объединению во имя общих интересов находят отклик и у современного читателя.

Произведения народного эпоса проникнуты разнообразными идеями и противоречивыми мыслями. Для того, чтобы создать масштабный образ, оказалось недостаточно обратиться лишь к конкретным историческим событиям, ибо не все в них было понятно простому народу. И тогда народные массы обратились к своим богатейшим эпическим традициям, примером чего и являются сказания «Чура батыр», «Ак Кубек», «Идегей» и «Кыссаи Сякам». Образы – Ак Кубек, Идегей, Чура батыр, Сякам – носители символического смысла в историко-культурной жизни простого народа. Создавая образ эпического героя, татарский народ не претендует на объективное изображение исторической личности, но стремится отразить в нем свои идеалы – идеалы борца за национальное прошлое, настоящее и будущее; хронологическое жизнеописание батыра эпоса представляется борьбой за идеалы батыра и народа, где даже в случае смерти батыра он является героем. При этом народ не стремится к изображению идеального героя, а наоборот, часто наделяет его чертами трикстера, бунтаря, что особенно ярко проявляется в детстве и подростковом возрасте, нередко судьба татарского батыра имеет трагический конец. Герои славянского эпоса также являются носителями народных идеалов, обладают недюжинной силой, однако, в отличие от судьбы героев татарских дастанов, их жизнь сложна, неординарна, но не трагична.

Список источников

1. *Ахметзянов М. И.* Татарские родословные. Казан: Тат. кн. изд-во., 1995. 127 с.
2. *Сахаров И. В.* Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым: Т. 4. Санкт-Петербург: тип. Сахарова, 1841–1849. 602 с.
3. *Афанасьев А. Н.* Мифология древней Руси. М.: Эксмо, 2006. 608 с.
4. *Калугин В. И.* Герои русского эпоса: очерки о русском фольклоре. М.: Современник, 1983. 351 с.
5. *Азбелев С. Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Л.: Наука, 1982. 327 с.
6. *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. Спб.: Наука, 1974. 723.
7. *Урманчиев Ф. И.* Тюркский героический эпос. Казанж. ИЯЛИ. 2015. 448 с.
8. Источниковедение истории Улуса джучи. Казань, 2001. С. 346–347.
9. *Исхаков Д.* Чура батыр кем ул? // Идел. 1994. № 9. Б. 16–19.
10. *Ахметова Ф.* Татар халык ижатының хэзерге торышы. Казан, 1988. 240 с.

11. Самойлович А. Н. Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым // Тюркологический сборник, 1972. С. 188–213.

12. Ахметова Ф. О дастанах в татарском фольклоре // Идель. № 11, 12. 1999. С. 27–34.

References

1. Akhmetzyanov, M. I. (1995). *Tatarskie rodoslovnye* [Tatar Family Trees]. 127 p. Kazan, Tat. kn. izd-vo. (In Russian)

2. Sakharov, I. V. (1841–1849). *Skazaniya russkogo naroda, sobrannye I. Sakharovym* [Tales of the Russian People, Collected by I. Sakharov]. T. 4. 602 p. St. Petersburg, tip. Sakharova. (In Russian)

3. Afanas'ev, A. N. (2006). *Mifologiya drevnei Rusi* [Mythology of Ancient Rus']. 608 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)

4. Kalugin, V. I. (1983). *Geroi russkogo eposa: ocherki o russkom fol'klоре* [Heroes of the Russian Epic: Essays on Russian Folklore]. 351 p. Moscow, Sovremennik. (In Russian)

5. Azbelev, S. N. (1982). *Istorizm bylin i spetsifika fol'klora* [Historicism of Epics and the Specifics of Folklore]. 327 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

6. Zhirmunskii, V. M. (1974). *Tyurkskii geroicheskii epos* [Turkic Heroic Epic]. 723 p. St. Petersburg, Nauka. (In Russian)

7. Urmancheev, F. I. (2015). *Tyurkskii geroicheskii epos* [Turkic Heroic Epic]. 448 p. Kazan. IYaLI. (In Russian)

8. *Istochnikovedenie istorii Ulusa dchuchi* (2001) [Source Study of the Ulus Jochi History]. Pp. 346–347. Kazan'. (In Russian)

9. Iskhakov, D. (1994). *Chura batyr kem ul?* [Who is Chura Batyr?]. Idel. No. 9, pp. 16–19. (In Tatar)

10. Akhmetova, F. (1988). *Tatar khalyk iжqatynы khazerge toryshy* [The Current State of the Tatar People's Creativity]. 240 p. Kazan. (In Tatar)

11. Samoilovich, A. N. (1972). *Variantskoe skazaniye o Edigei i Tokhtamyshе, zapisannyye N. Khakimovym* [Variant of the Legend about Edigei and Tokhtamysh, Recorded by N. Khakimov]. Tyurkologicheskii sbornik. Pp. 188–213. (In Russian)

12. Akhmetova, F. (1999). *O dastanakh v tatarskom fol'klоре* [On Dastans in Tatar Folklore]. Idel'. No. 11, 12, pp. 27–34. (In Russian)

The article was submitted on 15.06.2023

Поступила в редакцию 15.06.2023

Каюмова Гелюся Фаридовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
gulfar21@mail.ru

Kayumova Gelyusya Faridovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
gulfar21@mail.ru

Сорокина Татьяна Викторовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
malvil@inbox.ru

Sorokina Tatyana Viktorovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
malvil@inbox.ru

УДК 82-312.6

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-124-130

КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СООБЩЕСТВ В РОМАНЕ ТЕДЖУ КОУЛА «ОТКРЫТЫЙ ГОРОД»

© Евгений Куликов

CROSS-CULTURAL INTERACTION AND REPRESENTATION OF COMMUNITIES IN THE NOVEL “OPEN CITY” BY TEJU COLE

Evgeniy Kulikov

The modern humanities increasingly tend towards interdisciplinarity, developing various methods and optics of analysis within the framework of the general main topic. Such, for example, is the study of the urban text, begun by academician V. Toporov, which gained popularity only in the 21st century. Rapid changes in the way and pace of life, technologies, science and social structure over the past 150 years require a new understanding of the process of urbanization and modern trends in urban structure and urban life. However, not only the social and applied anthropology of the city itself can be interesting, but also its representation in literary texts. The object of this research is the novel “Open City” by the modern American writer of Nigerian descent Teju Cole, in which New York, as the title itself suggests, becomes the main character and the center of the narrative. The following topics investigated by the author are distinguished in the work: the search for national and cultural identity, the existence of society in multiculturalism, the possibility of building communities that provide the individual with primary, i.e. close connections. The article concludes that the modern state of society within urban locality is best characterized by the term “anomie”, marking the social entropy and disintegration of the axiological system.

Keywords: urban text, urbanism, identity, Teju Cole, Open City, community, multiculturalism, anomie

Современные гуманитарные науки все сильнее тяготеют к междисциплинарности, вырабатывая в рамках общей магистральной темы различные методики и оптики анализа. Таковым, например, становится изучение городского текста, начатое еще академиком В. Н. Топоровым, но обретающее популярность уже в XXI веке. Стремительные изменения в образе и темпе жизни, технологиях, науке и социальном устройстве за последние полтора века требуют нового осмысления процесса урбанизации и современных тенденций в городском устройстве и городской жизни. Однако интересна может быть не только сама социальная и прикладная антропология города, но и репрезентация его в литературных текстах. Объектом настоящего исследования становится роман современного американского писателя нигерийского происхождения Теджу Коула «Открытый город», в котором Нью-Йорк, как следует из самого названия, становится главным героем и центром повествования. В работе вычленяются следующие исследуемые автором темы: поиск национальной и культурной идентичности, существование социума в условиях мультикультурализма, возможность построения сообществ, обеспечивающих индивида первичными, т.е. близкими, связями. Делается вывод о том, что современное состояние общества в пределах городской локальности лучше всего характеризуется термином «аномия», знаменующим социальную энтропию и распад системы ценностей.

Ключевые слова: городской текст, урбанизм, идентичность, Теджу Коул, «Открытый город», сообщество, мультикультурализм, аномия

Для цитирования Куликов Е. Кросс-культурное взаимодействие и репрезентация сообществ в романе Теджу Коула «Открытый город» // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 124–130. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-124-130

Теджу Коул (Teju Cole, род. 1975) – современный американский писатель, фотограф, эссеист и гарвардский профессор. Являясь нигерийцем по происхождению, Т. Коул уже долгое вре-

мя живет в США и в своем как словесном (литературном и публицистическом), так и фотографическом творчестве исследует проблемы этноса, расы, взаимодействия культур и традиций,

привязывая их к городскому пространству. Уже первый роман автора «Every Day is for the Thief», написанный в 2007 году и на данный момент не переведенный на русский язык, посвящен именно городу. В манере, которая в дальнейшем станет его визитной карточкой, писатель смешивает автобиографические фрагменты с вымыслом, повествуя о взрослении своего альтер-эго в крупнейшем нигерийском городе Лагосе. Второй же роман, «Открытый город» («Open City», 2012), принес известность и множество наград молодому автору, зафиксировав, во-первых, своеобразную автофикциональную манеру письма Т. Коула, во-вторых, продемонстрировав его необычный взгляд на урбанистическое пространство Нью-Йорка, казалось бы, столь привычное коренным американцам. Таким образом, целью нашей работы становится рассмотрение взаимосвязи художественной ткани текста романа с реальной действительностью в контексте социальных особенностей городского пространства, для чего мы обращаемся не только к сфере литературоведческого анализа, но и к социальной антропологии, урбанистике и культурологии. Именно кросс-дисциплинарное исследование, с одной стороны, обеспечивает новизну нашей работы, с другой – позволяет всесторонне проанализировать исследуемый нами вопрос.

Творчество Теджу Коула получало определенное осмысление в отечественном литературоведении, однако каждый из ученых подходил к исследованию с какой-либо одной точки зрения: Т. М. Гавристову интересуют в первую очередь политическая идентичность автора [1], З. В. Мокрушину – его публицистическая деятельность [2]; Ю. В. Стулов описывает городское пространство в романе, не выходя на уровень реальной социальной репрезентации [3], а И. В. Щепачева анализирует «ситуацию мультикультурности», затрагивая вопрос функционирования нарратора внутри мегаполиса, но не ставя его во главу угла [4]. Используя концепции Г. Зиммеля, Э. Дюркгейма, Л. Вирта, З. Баумана, Р. Сеннета и Т. Блокланд, мы предлагаем рассмотреть, как воплощается настоящая социокультурная ситуация в Нью-Йорке после теракта 11 сентября во вторичной реальности текста Т. Коула, обратившись к теории сообществ, связывающей воедино урбанистические, социологические, антропологические и культурологические исследования.

Городская среда напрямую влияет на социальные контакты. Плотность и размер населения воздействуют на количество и качество межличностных взаимодействий, радикально меняющих свой характер по сравнению с субурбией. Один

из ведущих представителей Чикагской социологической школы Луис Вирт предлагает делить подобные контакты на первичные, характерные для сельских жителей, и вторичные, свойственные горожанам: «контакты в городе, даже если они происходят лицом к лицу, безличны, поверхностны, мимолетны и сегментарны» [5, с. 25]. Еще раньше в своей фундаментальной работе «Демократия в Америке» писал об этом Алексис де Токвиль, чью формулу эры индивидуализма можно экстраполировать и на современность: «каждый из них, взятый в отдельности, безразличен к судьбе всех прочих ... Что же касается других сограждан, то он находится рядом с ними, но не видит их; он задевает их, но не ощущает; он существует лишь сам по себе и только для себя» [6, с. 497]. Аналогичной точки зрения придерживается и видный британский социолог польского происхождения Зигмунт Бауман, говоря о необходимости различения духовной и физической близости: вторая, неизбежно возникая в переполненном мегаполисе, не только не ведет к первой, но и даже скорее исключает ее: «в спрессованном пространстве города физическая близость существует одновременно с духовной отдаленностью» [7, с. 46]. В конце концов, классик городских исследований Георг Зиммель в своей знаменитой работе «Большие города и духовная жизнь» опасается того, что урбанизация приведет к состоянию атомизации, гражданского одиночества и разъединенности [8].

Все это приводит к пониманию, что для преодоления социальной энтропии и обособленности необходимо искать точки соприкосновения с окружающими, чтобы превратить чужого в другого, без которого личность в социуме не способна существовать (поскольку он всегда необходим для процесса самоидентификации). Подобным средством становится включение в 'сообщество' – так на русский язык можно перевести английский термин *community*. Причем если раньше при помощи данного понятия осмыслились достаточно обширные группы, например класс, этнос, религиозная принадлежность или место жительства, то сейчас в обиход вводится уточненный термин «персональное сообщество». Современная немецко-нидерландская исследовательница Талья Блокланд в своей монографии «Сообщество как городская практика» ссылается в первую очередь на труды Рэя Пала, в которых тот дает определение персональным сообществам как «собраниям важных личных связей, в которые погружены люди» [9, с. 20]. «Контакты, выстроенные в течение долгого времени, <дают людям> ощущения преемственности, идентично-

сти и принадлежности» [9, с. 47]. Это не означает, что современные сообщества больше не выстраиваются по базисным критериям – однако необходимо отметить, что фундаментальные понятия расы, этноса, религии, принадлежности к социальному классу или городскому району уже не являются обязательными для построения полноценного сообщества.

Кратко ознакомившись с основными тезисами ведущих исследователей в сфере социологии города, предлагаем обратиться к роману Теджу Коула для того, чтобы увидеть, как социальные контакты и сообщества функционируют в рамках художественного дискурса. Выбор объекта исследования неслучаен: «Открытый город» принадлежит к жанру автофикшна – жанру, намеренно размывающему границу между фактографическим и вымышленным. В нем всегда ярко выражено личностное, зачастую даже исповедальное начало, а в основу повествования ложится реальный опыт – однако этот опыт чаще всего свидетельствует не об уникальном, а о социальном, групповом переживании, что приводит к тому, что за я-повествованием чаще всего скрывается обезличенное «мы». Кажется, что рассказчик в романе достаточно конкретен: мы знаем его имя (Джулиус), детали его биографии и происхождения (он – сын нигерийца и немки, фактически сбежавший из Нигерии в США от войны и ради поступления в университет), его профессию (он оканчивает ординатуру по психиатрии) и вкусы и увлечения (классическая музыка, постколониальная философия, практически бодлеровское фланерство – и орнитология, которая в принципе является достаточно популярной темой для автофикшна: можно вспомнить дилогию «Выгон» и «Момент» Эми Липрот, «Птицы, искусство, жизнь: год наблюдений» Кио МакЛир или «К реке: путешествие под поверхностью» Оливии Лэнг). Однако с течением времени надежность рассказчика начинает ставиться под сомнение, а составляющие его биографии оказываются в лучшем случае приукрашенными.

Весь роман – это внутренний монолог героя, однако монолог не в стиле модернистского потока сознания или прустовского ассоциативного монтажа, а монолог выверенный, очищенный от лишнего, прошедший внутреннюю цензуру. В романе, лишенном сюжета в классическом понимании этого слова, мы наблюдаем удивительно много подробностей и деталей – имена культурных деятелей, названия прослушанных композиций, маршруты передвижения, – но только не настоящий внутренний голос и саморефлексию. Показателен эпизод с В. – так зовут пациентку Джулиуса, писательницу, которую он кон-

сультирует. Отстраненно воспринимая ее проблемы, в какой-то момент он уходит в отпуск – и уже в нем узнает о ее смерти. Но вся ситуация, в которой об этом рассказывается читателю, выглядит следующим образом: Джулиус сидит в парке Боулинг-Грин и наблюдает игру на эрху и танцующих под музыку людей, в какой-то момент внезапно выпуская наружу это знание:

«В „Нью-Йорк Таймс“, в некрологе, прочитанном мной в тот день, говорилось, что В. писала о зверствах бестрепетно. А могли бы написать „без трепета, который был бы замечен со стороны“, ведь все это на нее действовало, подспудно, на глубоко затаенном – никто бы ни за что не догадался – уровне. Вряд ли я смогу вообразить, как сейчас мучительно больно ее родным – мужу, отцу, матери. Я вернулся к холму в месте, где раньше вошел в парк. Женщины все еще танцевали» [10, с. 162] (здесь и далее текст романа цитируется в переводе С. Силаковой. – Е. К.).

Не прерывая мысли, в рамках одного абзаца Джулиус, будто бы спохватываясь, смещает фокус своего внимания обратно на окружающий мир – и этот фокус на протяжении практически всего романа направлен именно вовне, а не внутрь. Мы редко видим мысли рассказчика, он практически не участвует в беседах – лишь фиксирует слова собеседников. Ричард Сеннет, описывая современное пространство Нью-Йорка, говорит о нем и обо всех мегаполисах в целом как о пространствах взгляда, а не разговора. Это приводит к тому, что «чем сложнее ... добиться продолжительной устной коммуникации между незнакомцами, тем более мимолетными становятся порывы сопереживания, которые горожанин способен испытывать при наблюдении за окружающим миром и которые превращаются в секундную реакцию при взгляде на стоп-кадр» [11, с. 440].

Джулиус находится в том, что Т. Блокланд называет «континуумом приватности»: «сохранение приватности означает удержание контроля над фактурой нашей жизни, в особенности по отношению к значимым другим <...> Приватность является важной частью безопасности нашего существования и нашего опыта собственного „я“» [9, с. 123–124]. Интересно, что свой внутренний мир Джулиус охраняет не только от читателя, но даже от самого себя – концовка романа демонстрирует нам тайну из прошлого рассказчика, которую он вытеснил из своей памяти, предал забвению как слишком травматический опыт, что как раз и помогает окончательно определить нарратора романа как ненадежного.

Важно подчеркнуть, что «значимых других» из определения Т. Блокланд вокруг Джулиуса

нет: он оторван от семьи, оставшейся на другом континенте; единственный человек, которого Джулиус хотел бы видеть, – это бабушка, живущая в Брюсселе, однако ни адреса, ни телефона ее у рассказчика нет; у него практически нет друзей, человек, которого он так называет, появляется в тексте романа всего два раза, а разговоры их сводятся к городской живности и музыке; даже с коллегами Джулиуса мы практически не знакомимся. Нарратор лишен первичных контактов: желание сохранить анонимность и приватность определяют способ его социального взаимодействия. Джулиус – типичный горожанин, практически иллюстрация словам Л. Вирта, посвященным городскому образу жизни: «замещение первичных контактов вторичными, ослабление родственных уз, дезорганизация семьи, исчезновение соседских отношений и подрыв традиционных основ общественной солидарности» [5, с. 40]. Вслед за Т. Блокланд коммуникативные практики рассказчика можно обозначить как мимолетные столкновения и вежливое невнимание: «мы осознаем присутствие других, но действуем так, как будто их игнорируем. Мы считаем тактичным не вмешиваться в дела других; мы не хотим, чтобы всякий приветствовал нас на улицах большого города» [9, с. 91]. Показательна в этом плане сцена, в которой на улице с героем здоровается некий «старик с пепельным лицом и желтыми глазами навывкате», что приводит к дающемуся в скобках мучительно быстрому, соединяющемуся запятыми внутреннему монологу:

«...а я (на миг подумав, что наверняка знаком с ним, или когда-то был знаком, или где-то его раньше видел, но, отбросив все эти предположения одно за другим, а затем испугавшись, что от стремительности этих ментальных диссоциаций голова пойдет кругом) ответил на его безмолвное приветствие» [10, с. 19–20].

Ситуация, когда анонимность и приватность нарушаются, приводит Джулиуса почти к панике – настолько непривычен он к прямому взаимодействию с людьми. Любопытна мысль, завершающая этот абзац: «в гарлемской ночи не было белых» – мысль, которую рассказчик будет опровергать на протяжении всего оставшегося романа.

Джулиус не идентифицирует себя ни с американцами (по гражданству и месту проживания), ни с африканцами (по происхождению), ни с афроамериканцами как сообществом. Причем эта отчужденность проистекает еще из детства: будучи ребенком смешанной расы, он не чувствует себя своим ни в Нигерии, ни в США, ни в Брюсселе, куда прибывает на поиски своей свет-

локожей бабушки-бельгийки. Важно, что эта алиенация является продуктом скорее внутреннего мира Джулиуса, а не внешнего: он ощущает собственную чуждость, поэтому дистанцируется от окружающих его людей. Причем сами люди вокруг нарратора зачастую принимают его за своего, за часть сообщества. Темнокожий таксист обижается на Джулиуса за то, что тот не поздоровался, сев в автомобиль («Але, я тоже африканец, такой же, как вы, зачем вы так?») [Там же, с. 41]), работник почты и по совместительству непризнанный поэт снимает официальную маску служащего при разговоре с ним («Послушайте, брат мой, откуда вы? Потому что я то, знаете ли, вижу, что вы из Матери-Африки») [Там же, с. 182]), молодой иммигрант из Либерии, проделавший долгий и опасный путь, нелегально пересекший границу и уже несколько лет ожидающий депортации в центре временного содержания в Куинсе, первым делом вместо приветствия «улыбнулся и спросил, не африканец ли <Джулиус>» [Там же, с. 63]. Как отмечают социальные антропологи, само укрепление этнических сообществ не только и не столько на родине, где они появляются сами по себе, сколько за пределами континента в принципе характерно для африканцев. Например, Т. Блокланд указывает на то, что выходцы из Африки «разыгрывали транслокальность и „изобретали сообщество“ „африканских братьев“ во все более фрагментированном транснациональном пространстве», ссылаясь также, например, на работу Абдумалика Симона о социальных измерениях городского пространства в Африке, в которой тот отмечает, что «каждый там всегда претендует на то, чтобы быть „твоим братом“» [9, с. 55].

Однако сам рассказчик не чувствует этого братства, не ощущает себя «таким же» – для него этнический критерий не ложится в основу формирования сообщества или социальной сети (в изначальном смысле данного термина). Гораздо ближе ему иная оптика, предложенная еще классиком постколониальных исследований Эдвардом Саидом, протестовавшим против западной тенденции к гомогенизации азиатских и африканских культур и этносов. Обозначить данный подход можно термином «несходство», которое особенно ярко проявляется именно в рамках локальности города. «Если учесть, что возраст, пол, раса и этническое происхождение связаны с другими факторами, такими как род занятий и интересы, становится ясно, что одной из важнейших характеристик горожанина является его несходство с другими» [5, с. 38], – пишет Луис Вирт в эссе «Урбанизм как образ жизни». О несходстве

Джулиус, будучи в Бельгии, разговаривает с одним из важнейших с идейной точки зрения персонажей в романе, администратором интернет-кафе Фаруком, марокканцем по происхождению. Несмотря на то что нарратор «фальшиво» и «фамильярно» обращается к нему так, как обращались к самому Джулиусу раньше («*Как ваши дела, брат мой?*» [10, с. 99]), однако выстроить персональное сообщество оказывается невозможным, причем именно по причине несходства. Похожие в том, что представляют недоминантный этнос в своей новой стране, в образованности, начитанности и магистральном взгляде на мир, эти люди все равно отличаются друг от друга. Фарук настроен более радикально, говоря о доминирующей западной установке на то, что «*несходство, обладающее своей, неотъемлемой ценностью, просто неприемлемо*» [Там же, с. 102], спорит с христианской догматикой о смирении, произносит знаковую фразу: «*Мы не монолитные, ... каждый из нас – индивидуальность*» [Там же, с. 124], и, необходимо это отметить, Джулиус чуть ли не впервые за роман вступает в полноценную коммуникацию. Становится это возможным из-за общей системы координат, общей используемой терминологии – Фарук с Джулиусом понимают друг друга, даже несмотря на то, что для первого язык коммуникации – английский – является неродным. Но именно эти видимые общие черты еще ярче подчеркивают общее несходство: разное происхождение, разное прошлое, разный жизненный опыт и т. д. Их жизни нельзя свести к стереотипу «виктимизированного другого», они абсолютно самостоятельны. И хотя Джулиус сопоставляет свое положение с Фаруком («*в глазах незнакомцев я выглядел смуглым, неулыбчивым, одиноким чужаком, а значит, наверняка возбуждал смутную ярость*» [Там же, с. 104]), он отвергает идею монолитной идентичности именно в пользу несходства и разнообразия.

Можно заметить, что это проявляется даже в способе видения рассказчиком мира: практически всех встречаемых, пусть даже мельком, людей он пытается идентифицировать по расе, происхождению и национальности: «*...справа, в боковом нефе пять пар игроков, все чернокожие. По ту сторону, в другом длинном боковом нефе – еще одна пара мужчин, оба белые*» [Там же, с. 46]; «*группа бангладешцев*» и «*необычайно много пар смешанной расы. Одна пара состояла, по моим догадкам, из афроамериканки и вьетнамца*» [Там же, с. 214]; «*девушка азиатской внешности*» [Там же, с. 225]; «*увидел еще одного – то ли доминиканца, то ли пуэрториканца*» [Там же, с. 236]. Для Джулиуса мир неодноро-

ден, негомогенен, при этом само по себе несходство для него ценно: он не ратует за «плавильный котел» для исчезновения этнического вопроса как такового, он видит и ценит разницу культур и самобытность их представителей. Не поддерживает он и радикальный тип т. н. «расовой слепоты» (racial color blindness), предлагающей игнорирование цвета кожи и происхождения, а не принятие и уважение их всех в равной степени.

Показательно, что второй человек, с которым нарратор находит общий язык, – такой же друг о й: это профессор Сайто, американец японского происхождения, долгое время проживший в Лондоне. Именно несходство объединяет их: каждый из персонажей чувствует себя если не аутсайдером или изгоем, то как минимум иным, человеком со сложно конструируемой идентичностью, постоянно вступающей в противостояние с окружающими (по принципу «я/мы vs. они») и с реальной действительностью. Например, с началом Второй мировой войны вся семья Сайто была направлена в лагерь для интернированных, что вызывает у того внутренний диссонанс: «*...ведь мы всегда были американцы, всегда считали себя американцами, а не японцами*» [Там же, с. 14]. Встречи восьмидесятидевятилетнего преподавателя на пенсии и молодого ординатора-психиатра, на первый взгляд, кажутся странными – но именно друг в друге они находят отражение этого инакового опыта в стране, частью которой они себя считают, но которая так и не принимает их до конца. Впрочем, становления даже персонального сообщества не происходит и здесь: Джулиус скрытен, профессор – прямолинеен и прямодушен, Джулиус по-прежнему находится в процессе самоидентификации, Сайто однозначно идентифицирует себя как американца – поэтому нарратор даже пропускает известие о смерти своего товарища, узнавая о ней постфактум от сиделки профессора. Про других же коллег в романе не сказано почти ни слова: существуя внутри двух миров, университетского и медицинского, Джулиус находится как будто бы в вакууме, не заводя связей и не встраиваясь и в профессиональное сообщество.

Подводя итог, стоит отметить, что термином, наиболее точно характеризующим социокультурную ситуацию в США после 9/11, становится «аномия» (и важно указать, что сам нарратор использует это понятие в романе). Введенная в научный дискурс французским социологом Эмилем Дюркгеймом в конце XIX столетия, аномия характеризует энтропическое состояние общества – нестабильность, социальную дезорганизацию, разрушение единых систем норм, морали и

культуры и т. д. Уже сам Э. Дюркгейм связывал становление данного явления с индустриальной революцией и развитием технологий, продолжает же его осмысление Луис Вирт, называющий аномией ситуацию, когда «индивид <в городском пространстве>, с одной стороны, достигает некоторой степени эмансипации, или свободы от личного и эмоционального контроля со стороны близких ему групп, с другой стороны, теряет непринужденность самовыражения, моральный дух и чувство причастности, сопутствующее жизни в интегрированном обществе» [5, с. 25]. Более того, с макроуровня аномия переходит и на уровень отдельной личности: «кризисное состояние общества приводит – при совпадении объективных и субъективных факторов – к личностной дезорганизации, нарушению общепринятых норм, девальвации ценностей» [12, с. 69]. Рассказчик в «Открытом городе» сам ощущает аномичное состояние социума, раздираемого внутренними противоречиями, и видит все ширящееся зияние между разными концами политического и социального спектра: «...страну захлестнула неопределенность – атмосфера аномии была заметна даже туристу» [10, с. 97]. Справедливости ради стоит отметить, что речь в этом фрагменте идет о Бельгии, однако, как мы уже выяснили, нарратор в романе не равен автору и не является всеведущим, поэтому то, что не замечает он, видно читателю: атмосфера аномии характерна и для США, и для всего современного мира. Именно она влияет на разрушение первичных социальных контактов, групповых и персональных сообществ и социальных сетей. Более того, она воздействует и на индивида, теряющегося в процессе поиска своей идентичности и, в духе постмодернистской чувствительности, теряющего ориентиры и систему координат. Глобальное пространство мегаполиса лишь увеличивает разрыв между личностью и социумом, подменяя короткую коммуникативную дистанцию и духовную близость между субъектами дистанцией и близостью физической и приводя к социальной атомизации. Это ощущение приводит к различению несходств с окружающими, которое, с одной стороны, не позволяет возникнуть чувству принадлежности или причастности к той или иной социальной группе, с другой, однако, подчеркивает ценность и цельность каждого индивидуума в урбанистическом локусе.

Работа выполнена в Научно-исследовательской лаборатории «Изучение национально-культурных кодов мировой литературы в контексте межкультурной коммуникации» Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лоба-

чевского в рамках Программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» (тема Н-457-99_2022-2023).

The reported paper was conducted in the research laboratory “Studying of the national-cultural codes of world literature in the context of cross-cultural communication” in Institute of Philology and Journalism in Lobachevsky State University within the Program of strategic academic leadership “Priority 2030” (project number N-457-99_2022-2023).

Список источников

1. Гавристова Т. М. Афрополитизм: альтернатива космополитизму или трансформация идентичности? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2017. Т. 9. № 2. С. 159–172.
2. Мокрушина З. В. Нигерийские публицисты: от исторического конструктивизма к историческому настоящему // Кунсткамера. 2019. № 4 (6). С. 89–98.
3. Стулов Ю.В. Вглядываясь в городское пространство Нью-Йорка: роман Т. Коула «Открытый город» // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета, 15–16 апреля 2021 г.: в 5 ч. Минск: МГЛУ, 2021. Ч. 4. С. 183–186.
4. Щепачева И. В. Ситуация мультикультурности в романе Теджу Коула «Открытый город» // Litera. 2023. № 3. С. 190–199. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.3.40056.
5. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни. М.: Strelka Press, 2018. 180 с.
6. Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. 554 с.
7. Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996. 255 с.
8. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М.: Strelka Press, 2018. 112 с.
9. Блокланд Т. Сообщество как городская практика. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 232 с.
10. Коул Т. Открытый город. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. 256 с.
11. Сеннет Р. Плоть и камень: Тело и город в западной цивилизации. М.: Strelka Press, 2016. 504 с.
12. Hanco М.Д. Аномия как социальный феномен // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 3 (47). С. 65–70.

References

1. Gavristova, T. M. (2017). *Afropolitizm: al'ternativa kosmopolitizmu ili transformatsiya identichnosti?* [Afropolitism: An Alternative to Cosmopolitism or a Transformation of Identity?]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*. T. 9, No. 2, pp. 159–172. (In Russian)
2. Mokrushina, Z. V. (2019). *Nigeriiskie publitsisty: ot istoricheskogo konstruktivizma k istoricheskomu nastoyashchemu* [Nigerian Publicists: From Constructing History to the Historical Present]. *Kunstkamera*. No. 4 (6), pp. 89–98. (In Russian)

3. Stulov, Yu. V. (2021). *Vglyadyvayas' v gorodskoe prostranstvo N'yu-Jorka: roman T. Koula : "Otkryti gorod"* [Looking at the Urban Space of New-York: The Novel "Open City" by Teju Cole]. *Materialy ezhegodnoi nauchnoi konferentsii prepodavatelei i aspirantov universiteta*, 15–16 aprelya 2021 g.: v 5 ch. Minsk, MGLU. Ch. 4, pp. 183–186. (In Russian)
4. Shchepacheva, I. V. (2023). *Situatsiya mul'tikul'turnosti v romane Tedzhu Koula "Otkryti gorod"* [The Multicultural Situation in the Novel "Open City" by Teju Cole]. *Litera*. No. 3, pp. 190–199. (In Russian)
5. Virt, L. (2018). *Urbanizm kak obraz zhizni* [Urbanism as a Way of Life]. 180 p. Moscow, Strelka Press. (In Russian)
6. Tokvil', A. de. (1992). *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. 554 p. Moscow, Progress. (In Russian)
7. Bauman, Z. (1996). *Myslit' sotsiologicheski* [Thinking Sociologically]. 255 p. Moscow, Aspekt Press. (In Russian)
8. Zimmel', G. (2018). *Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn'* [The Metropolis and Mental Life]. 112 p. Moscow, Strelka Press. (In Russian)
9. Blokland, T. (2023). *Soobshchestvo kak gorodskaya praktika* [Community as Urban Practice]. 232 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
10. Koul, T. (2022). *Otkryti gorod* [Open City]. 256 p. Moscow, Ad Marginem Press. (In Russian)
11. Sennet, R. (2016). *Plot' i kamen': Telo i gorod v zapadnoi tsivilizatsii* [Flesh and Stone: The Body and the City in Western Civilization]. 504 p. Moscow, Strelka Press. (In Russian)
12. Napso, M. D. (2017). *Anomiya kak sotsial'nyi fenomen* [Anomie as a Social Phenomenon]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. Seriya: Sotsial'nye nauki. No. 3 (47), pp. 65–70. (In Russian)

The article was submitted on 05.07.2023

Поступила в редакцию 05.07.2023

Куликов Евгений Андреевич,
кандидат филологических наук,
доцент,
ННГУ им. Н. И. Лобачевского,
603022, Россия, Нижний Новгород,
пр. Гагарина, 23.
kulikov@flf.unn.ru

Kulikov Evgeniy Andreevich,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Lobachevsky State University,
23 Gagarin Avenue,
Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation.
kulikov@flf.unn.ru

ОХОТА НА ПРИЗРАКОВ: ДОКУМЕНТАЛИСТИКА ЭЛЛИОТТА О’ДОННЕЛЛА

© Анастасия Липинская

GHOST HUNT: ELLIOT O’DONNELL’S NON-FICTION

Anastasia Lipinskaya

The article deals with the author’s strategies, used by E. O’Donnell in his *Twenty Years’ Experience as a Ghost Hunter*, and compares this peculiar text with ghost stories – a genre of fiction very popular those days. O’Donnell’s book is a part of a long tradition of occult ‘non-fiction’, but it is positioned as the author’s memoirs, a true story of his own life (his other books are basically collections of ‘real’ ghostly appearances in various regions of England), and begins with his (or his alter ego’s) youth and his first traumatic encounter with a ghost that influenced his career choice, but then this traditional life story turns into a set of cases, not necessarily witnessed by the narrator himself. Some stories are structured exactly like fictional ghost stories but their perception is preconditioned by the ‘rules of reading’ established by the author (the book is supposed to be his memoirs) and by the character of information – what the narrator knows about ghosts from various sources. Thus, the text is very uneven – its aesthetic characteristics are regarded as secondary in comparison with the ‘facts’ retold.

Keywords: ghost story, “true ghost stories”, memoirs, genre, author’s strategies, verisimilitude

Статья посвящена анализу авторских стратегий, применяемых Э. О’Доннеллом в книге «Двадцать лет из жизни охотника на призраков», и сопоставлению этого своеобразного текста с готическими новеллами – распространенным в те годы жанром художественной литературы. Текст О’Доннелла является частью давней богатой традиции «документальной» литературы об оккультных явлениях, специфика его – в мемуарном характере повествования. Автор позиционирует книгу как подлинный рассказ о своей жизни (другие книги за его авторством – это собрания «свидетельств» о явлении призраков в различных регионах Англии) и начинает со своей (или своего альтер эго) юности и первой травматичной встречи с привидением, что повлияло на выбор жизненного пути, но далее традиционная мемуарная канва уступает место изложению отдельных случаев, которым рассказчик не всегда был непосредственным свидетелем. Отдельные истории структурно неотличимы от литературной новеллы, но восприятие их определяется не структурой, а предписанными автором «правилами чтения» (книга обозначена как мемуары) и характером информации: то, что рассказчик знает из разных источников о привидениях (отсюда – пестрота текста, присутствие разнородных фрагментов: эстетический критерий вторичен по отношению к содержанию).

Ключевые слова: готическая новелла, «правдивые истории о привидениях», мемуары, жанр, авторские стратегии, достоверность

Для цитирования Липинская А. Охота на призраков: документалистика Эллиотта О’Доннелла // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 131–137. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-131-137

На рубеже XIX–XX веков в Англии получает распространение весьма своеобразный жанр – так называемые true ghost stories, правдивые истории о привидениях. Он существует параллельно с жанром новеллистики, также именуемым ghost stories, только без эпитета true (по-русски – готическая новелла). Помимо терминологических трудностей, связанных с омонимией (одно

название для вида новелл, устного рассказа типа быличек и разновидности документальной прозы), отдельную большую проблему представляют структурные особенности историй о призраках – вымышленных и невыдуманных.

Но сначала необходимо прояснить роли призраков в картине мира той эпохи. Каков статус реальности сверхъестественных существ, о кото-

рых можно одновременно рассказывать занятные небылицы и писать якобы документальные книги, нет ли здесь парадокса? Среди читающей публики викторианской и эдвардианской эпохи вера в оккультное была весьма распространена [1, с. 5], спиритические сеансы устраивали весьма часто, дома с привидениями пользовались большой известностью, разного рода истории соответствующего содержания могли рассказывать (в том числе в печати) совершенно серьезно. Но в то же время картина мира образованного англичанина (и американца) была основана на естественнонаучных представлениях, конечно, как правило, дополненных канонической религиозностью. Для эпохи в целом была характерна двойственность восприятия сверхъестественного [2, с. 16–17]. Новеллы (ghost stories), печатавшиеся как в журналах, так и отдельными авторскими сборниками и антологиями, воспринимались как занимательное чтение наподобие страшных сказок, и секрет их популярности крылся, вероятно, в неоднозначности посыла: вторжение призрака в рационально устроенный мир воспринимается как нечто маловероятное, но в то же время подспудно пугает – а часто присутствующая повествовательная рамка или очевидная субъективность рассказчика помогает балансировать на грани веры и скепсиса, бояться, но не до слова картины мира, а в свое удовольствие.

Сейчас практически невозможно с точностью установить, была ли у новелл и документалистики о призраках одна и та же читательская аудитория, остается рассмотреть некоторые структурные особенности «подлинных историй» и характерные для них авторские стратегии.

Необходимо заметить, что разного рода собрания историй и фактов, воспринимавшихся как подлинные свидетельства существования сверхъестественного, появились задолго до эпохи, о которой идет речь. Джон Обри собирает целый том сведений о предрассудках и суевериях, в том числе интересного нам рода [3], и даже эпоха Просвещения (по замечанию Дж. Барри, после 1750 г. наблюдается всплеск подобных публикаций [4, с. 196–197]) не помешала истинным ценителям, более того, книги отлично вписывались в нее, составляя своеобразный аналог кабинетам редкостей: читать их было интересно, а верить не было необходимости, так как собрания историй вполне могли завершаться скептическим заключением составителя [Там же, с. 197].

Позже появлявшиеся в большом количестве собрания легенд, суеверий, историй о домах с привидениями отлично вписались в поток этно-

графической литературы, тем более что порой материал подбирался по отдельным регионам (Ирландия, Корнуолл и т. д. – отдаленные места, где фольклор сохранялся существенно лучше). Но были и другие, весьма трудно классифицируемые и притом заметные и влиятельные явления наподобие знаменитой книги Кэтрин Кроу «Ночная сторона природы», в которой излагаются многочисленные и разнообразные свидетельства, а автор принципиально занимает осторожную позицию, по собственному утверждению, далекую равно от старинных суеверий и от тотального скепсиса XVIII столетия [5, с. 2]. Однако же в полном соответствии с духом эпохи вскорости публикуется и книга, названная просто «Истории с привидениями», месседж которой – рассеять «вульгарные» суеверные страхи [6, с. 6], рассказывая истории и объясняя, что на самом-то деле ничего сверхъестественного в них нет.

К началу XX века библиография становится весьма внушительной, попадают и весьма экзотические экземпляры, например анонимная американская книга 1901 года «Развлечение для врачей и пациентов. Пятьдесят подлинных историй о привидениях от пятидесяти опытных медиков» [7]. И это действительно истории о привидениях, но, как и в упомянутом выше другом издании, с разоблачением – всякий раз выясняется некая естественная причина, и автор предисловия заявляет своей целью опять-таки борьбу с суевериями, конечно, не без развлекательного момента. А есть и просто собрания «реальных» историй, к примеру книга американца Х. Каррингтона, которая так и называется – «Правдивые истории о призраках» [8], и содержит, по уверению составителя, заслуживающие доверия сообщения свидетелей [Там же, с. 9]. Характерно, что издатель аттестует Каррингтона в первую очередь как известного и авторитетного ученого [Там же, с. 7], то есть книга должна, очевидно, восприниматься как своеобразный «научпоп», далекий от художественного вымысла. Аналогичное дублинское издание «Правдивые ирландские истории о привидениях» опять же, по заверению автора, ирландского священника, выросло из работы над книгой по фольклористике, а материалы для него помогло собрать открытое письмо, на которое откликнулись многие [9, с. X]. Здесь интересна оговорка относительно прилагательного «правдивый» (true): читатели-де могут к нему придраться, но сам составитель не был свидетелем описываемых событий лично, но у него хранятся письма, из которых и взят весь материал [Там же, с. XIII]. То есть составитель занимает предельно нейтраль-

ную позицию, и воспринимать его труд можно как собрание фольклора, а степень «реальности» рассказанного читатель может выбрать сам. Не обошел тему и журналист и общественный деятель У. Т. Стед [10], увлекавшийся спиритизмом и, по уверению его дочери, переиздавшей наследие отца и разделявшей его убеждения, немало не сомневающийся в реальности «Невидимых» [Там же, с. VII]. Еще более отчетливо выражена аналогичная позиция в книге Сидни Дикинсона, изданной под эгидой Общества Психических Исследований [11], и столь же ясно, что она (как и труды Стедда) рассчитана на аудиторию, разделяющую взгляды автора. То есть, несмотря на сходство названий, наблюдается несколько вариантов собраний «подлинных» историй о призраках – собственно оккультная литература, развлекательная и просветительская (от фольклористики до разоблачения суеверий). И авторы, и издатели, прекрасно это осознавая, всякий раз поясняют, как именно следует воспринимать их труды, задают нужный контекст (сами по себе рассказанные ими истории выстроены так, что найти однозначную связь между структурой и посылом затруднительно).

В эти годы выходят в свет многочисленные книги примечательного автора – ирландца Эллиотта О’Доннелла, большая часть которых представляет собой, в принципе, просто собрание историй о домах с привидениями в определенной местности [12], [13], [14], [15] или посвящена какому-то виду сверхъестественных созданий типа банши [16] или оборотней [17] (то есть может читаться как обычный развлекательно-познавательный нонфикшн), но один может весьма сильно озадачить: это мемуары охотника на призраков [18]. Рассказчик, очевидно, исходит из того, что призраки существуют, причем не только в преданиях, но и в его личном опыте, и наша задача не согласиться или опровергнуть (тем более неясно, насколько велик зазор между писателем и его «аналогом» в книгах – учитывая, что он имел опыт работы актером и явно знал толк в перевоплощениях), сколько понять, как именно это могло восприниматься само по себе и на фоне готической новеллистики. Сложность в том, что здесь читатель имеет дело с полноценным развернутым повествованием, в то время как часть так называемых документальных свидетельств отличает лапидарность и отсутствие выраженной структуры – «видели призрака в таком-то месте, выглядел так-то». Таковы, например, многие истории, изложенные Кэтрин Кроу («одной моей подруге, когда она жила в Лондоне, приснилось...» [5, с. 39]; «один профессор из Германии недавно рассказывал» [Там же, с. 58]),

и занимают они зачастую не более абзаца (хотя претендующие на роль личного свидетельства тексты могут быть и детализированы и снабжены диалогами, как у того же Дикинсона – напомним, сама по себе структура не может быть однозначно соотнесена с мерой «фиктивности», определяющим фактором скорее будет служить открытое выражение авторской позиции, «диктующее» правила чтения).

О’Доннелл не только стремится к развернутому и максимально выразительному изложению, но и делает самого себя героем рассказанных историй. Многие новеллы о призраках предполагают фигуру рассказчика, но читателю очевидно: это вымышленный персонаж, на месте «я» не стоит представлять автора. Более того, часто имеется заглавие, поясняющее, кто такой этот «я», в общем виде оно выглядит как «История с привидениями такого-то», например:

E. Gaskell, *The Old Nurse’s Story* (1852) и *The Squire’s Story* (1855)

Amelia Edwards, *My Brother’s Ghost Story* (1860)

S. Baring-Gould, *Colonel Halifax’s Ghost Story* (1887)

Вероятно, начало традиции положил Вальтер Скотт с его историями, якобы услышанными от тетушки Маргарет [19]. А «герой» данной статьи как минимум претендует на автобиографический характер рассказываемого, причем даже если речь идет не столько о нем, сколько о знаменитых домах с привидениями. К примеру, в книге «Привидения Англии» [13] он сообщает, что все имена и названия носят фиктивный характер (кроме тех, что в десятой главе – а там просто опубликована старинная переписка, связанная с одним случаем, о котором автор уже писал в другом месте) [Там же, с. 4]. Это стандартная практика – реальные или якобы реальные имена собственные заменяются псевдонимами из соображений деликатности (в случае вымысла прием как раз помогает создать иллюзию достоверности). Опять же, такое можно найти и в новеллах (например, в знаменитой вальтерскоттовской «Комнате с гобеленами», где рассказчица намекает, что назвала не настоящую фамилию героя [20, с. 2]). То есть средства создания эффекта достоверности сами по себе никак не помогут отличить новеллистику от документалистики (в качестве примера можно вспомнить антикварную готику, где авторы, зачастую ученые-историки по основной профессии, с легкостью имитируют стиль научной статьи с цитатами и примечаниями и насыщают повествование реальными и вымышленными, но убедительными историческими подробностями), вопрос в более

широком контексте. Если не брать в расчет прямые мистификации, новелла публикуется в журнале с указанием автора или в авторском сборнике (в антологии она попадает, как правило, уже позже). Когда Артур Грей печатал рассказы [21], стилизованные под его же собственные краеведческие заметки [22], [23], они выходили в альманахе Кембриджского университета, читателям которого было понятно, с чем они имеют дело. Первыми читателями М. Р. Джеймса [24] и слушателями устных версий были коллеги и студенты, способные оценить искусную стилизацию, а читатели брали в руки сборники новелл, не пытающиеся себя выдать за что-то иное. Так что если истории, рассказанные О’Доннеллом, воспринимаются как нонфикшн, то именно потому, что так выглядят соответствующие книги. Они позиционируются как мемуары, и вопрос не в нашей вере в искренность рассказчика, а в том, что читаться эти тексты будут по другим правилам.

Рассмотрим, как же «сделаны» эти мемуары. Важно помнить, что сама фигура охотника за призраками не выглядела чем-то уникальным, в литературе того времени существовала целая традиция оккультного детектива, повествований, герои которых (вымышленные, это ведь просто вид новеллистики) как раз занимались расследованиями всякого рода загадочных случаев. Таковы циклы новелл о Флакмане Лоу [25], Джоне Сайленсе [26] или Карнаки [27]. Наш герой, точнее автор, занимается примерно тем же, только предполагается, что его историю нужно читать как достоверную биографию человека определенной, пусть и весьма экзотической, профессии.

И подана она именно как биография с акцентом на определенной теме, а начинается, конечно, с юности, когда герой и пережил первый эпизод встречи со сверхъестественным. Это травматичный случай, оставшийся необъясненным – призрак пытался задушить юного Эллиотта, студента, проживавшего на съемной квартире (наутро молодой человек, разумеется, покинул странное место) [18, с. 13–15]. Ситуация, как будто вполне типичная для историй с привидениями (обычный человек сталкивается с явлением, выходящим за пределы его картины мира), вписана в контекст становления авторского мировоззрения и в более широкий контекст духовно-интеллектуального климата эпохи. Важным оказывается не истинная подоплека странного происшествия, а то, как и почему оно в конечном счете приводит рассказчика к выбору жизненного пути. Он ведь, по собственному замечанию, учился совсем на другую профессию, но произошла эта история, и он всерьез задумывается о

природе странных и таинственных явлений, столь очевидно противоречащих тому, что проповедует религия, по его собственному выражению, «если ад и чистилище не существуют, и души умерших бродят, где им вздумается» [Там же, с. 16].

Соотношение традиционной религиозности и веры в призраков – отдельная сложная тема, не допускающая однозначных решений: истории о привидениях могли как свободно, безо всякого идеологического посыла обращаться к религиозной атрибутике, так и служить дидактическим целям, наподобие средневековых легенд о чудесах. Но в данном случае мотив один: данный конкретный человек (или его книжное альтер эго) сталкивается с чем-то странным, ломающим его картину мира, и выбирает необычную стезю. Хотя у его решения явно есть и другие, не проговариваемые открыто причины: друзья юного Эллиотта также интересуются темой призраков (неудивительно для той эпохи), а сам он по отцу происходит из старинного ирландского рода, и это опять же может потенциально читаться как намек на некую повышенную восприимчивость к сверхъестественному, выраженную связь с прошлым.

Итак, рассказчик убеждает читателя в том, что перед ним достоверная история личного опыта – не в том смысле, в каком литературная готическая новелла играла с иллюзией достоверности. Но дальше происходит внезапная смена парадигмы: связанная подробная автобиография на глазах превращается в собрание кейсов, некоторые даже не пережиты рассказчиком лично и приводятся по чужим устным и письменным свидетельствам. Буквально в первой же главе наряду с историей лично от автора передается свидетельство некой миссис Блейк и заверение, что она женщина безусловно честная и, следовательно, ей можно верить [Там же, с. 22]. И так глава заканчивается. Достаточно посмотреть на названия глав, чтобы уловить определенную закономерность: «Я начинаю исследование призраков в Дублине» [Там же, с. 11], «Меня преследуют призрачные шаги» [Там же, с. 23], «Несколько странных происшествий в Шотландии» [Там же, с. 34], «Я путешествую по Соединенным Штатам и охочусь на призраков в Сан-Франциско» [Там же, с. 49], «Офис с привидениями в Денвере» [Там же, с. 58] и так далее – постепенно автор как будто отступает на задний план. Он не исчезает из самого текста, участвует в выяснении обстоятельств, беседует с очевидцами и т. д., но логика рассказа уже диктуется не биографией как таковой, а расположенными в

хронологической последовательности наиболее интересными случаями из практики.

Вот пятая глава про тот самый офис в Денвере. С одной стороны, это кейс, с другой – кусок автобиографии, и рассказчик начинает с сообщения, что купил себе на удивление приличные подтяжки и что его с кем-то перепутали на улице [Там же, с. 59]. Словом, скучное место этот Денвер, и заподозрить тут наличие призраков сложно, но он, Эллиотт О’Доннелл, в итоге обнаружил троих и сейчас расскажет тот случай, который, надо полагать, сильнее всего заинтересует читателя. Достаточно близкая параллель к готическим новеллам, где часто начинается все подчеркнуто мирно и обыденно – и, возможно, цель приема почти та же: если отбор рассказываемого диктуется намерениями автора, то почему не начать совсем просто, так, что подтяжки, встречи на улице и привидения в итоге окажутся перечислены буквально через запятую. Но рассказчик сам не был свидетелем происшествия в Денвере: о таинственном исчезновении молодой офисной работницы ему рассказал в подробностях знакомый журналист. Автор успевает лишь вставить одно беглое замечание ближе к концу [Там же, с. 63]. В целом же рассказ журналиста, если извлечь его из контекста, совершенно неотличим от стандартной готической новеллы, и даже повествовательная рамка абсолютно типична. Отличается лишь контекст – разные истории, рассказанные разными людьми (потом еще будут похожие эпизоды), объединяют не столько персонажи или рассказчики (как в авторских циклах, которых немало), сколько характер информации – то, что повествователь знает из разных источников, включая собственный опыт, о привидениях.

Отдельная глава, десятая, называется «*Мои взгляды на будущую жизнь в животном и растительном мире*» [Там же, с. 136]. Начинается она с изложения отдельных случаев, связанных, например, с деревьями, а заканчивается неким подобием эссе на заявленную тему с отсылкой (не единственной в этом томе) к другим работам автора: он-де твердо верит, что такое возможно, ведь, как он сам пишет в книге «Мимходом по стране призраков» [28], издательство такое-то, не раз видел призраки деревьев [18, с. 142]. И это, продолжает он, логично: человек едва ли может претендовать на моральное превосходство над другими формами жизни, вот, например, девять из десяти богачей по сути своей – воры. Началось все с сомнений в правоте церкви, и вот круг замкнулся. Текст очень неровный, выглядит так, как будто автор периодически забывает, что именно он пишет: автобиографию, собрание за-

ятных историй или публицистику. И он то заверяет читателя в подлинности рассказанного, то говорит – нет, это из чужих уст, рассказал, как сам услышал, а поручиться не смогу.

Особенно странно выглядит последняя глава о происшествиях в Японии [Там же, с. 223–232], в которой автор, по собственному признанию, ни разу не был, но читатели явно интересуются Японией, а потому он представляет их вниманию рукопись некоего мистера Салиса дословно и ручается в подлинности бумаг (самых бумаг, не изложенной в них истории!), которые лично держал в руках [Там же, с. 223]. На этом книга заканчивается, без какого бы то ни было авторского комментария или послесловия – видимо, японскую эпопею следует читать как своего рода приложение.

Текст действительно неровный, но «швы» лишь помогают понять его природу: это и довольно специфический образец документалистики о призраках, и в то же время он наделен некоторыми особенностями, свойственными этой разновидности литературы в целом:

1) Создание эффекта достоверности за счет обыденных подробностей, сведений о себе (совсем простое, понятное любому: родители, учеба, поездки), причем, в отличие от новеллистики, этот прием не носит игрового характера, предполагается совершенно иная читательская установка.

2) Подбор материала по тематическому признаку, в то время как форма может быть любой (рассказ о собственных похождениях, пересказ с чужих слов, документ, рассуждения научно-популярного или публицистического плана). Чаще такого рода книги все же более однородны, но здесь особенно хорошо видно, что эстетические, формальные критерии вторичны: читатель хочет информацию о призраках и получит ее, причем максимально всесторонне.

3) Отдельные истории могут структурно практически не отличаться от литературных новелл, но воспринимаются иначе именно в общем контексте. Новеллы порой имитируют записки, мемуары, статьи – здесь же, безотносительно достоверности информации (вероятно, О’Доннелл все же мистификатор), все подается и, надо полагать, должно читаться как фикшн.

Подобные тексты необходимо изучить подробнее как с культурологической точки зрения, так и как своеобразные спутники готической новеллистики, это могло бы стать вкладом в ее интерпретацию и создание правдоподобной жанровой модели.

Список источников

1. *Grimes H.* The Late Victorian Gothic: Mental Science, the Uncanny, and Scenes of Writing. Burlington, Vt: Routledge, 2011. VIII, 188 p.
2. *McCorristine Sh.* Spectres of the Self. Thinking about Ghosts and Ghost-Seeing in England, 1750-1920. Cambridge University Press, 2010. X, 275 p.
3. *Aubrey J.* Miscellanies. London: Whitehall, 1696. 177 p.
4. *Barry J.* News from the Invisible World: The Publishing History of Tales of the Supernatural c.1660–1832 // Cultures of Witchcraft in Europe from the Middle Ages to the Present. Palgrave Macmillan, 2018. P. 179–213.
5. *Crowe C.* The Night Side of Nature; or Ghosts and Ghost-Seers. London.: A. Routledge & Co., Farringdon Street. New York: 18, Beekman St. 1857. 502 p.
6. *Ghost Stories; Collected with a Particular View to Counteract the Vulgar Belief in Ghosts and Apparitions.* New York: James Miller, 1865. 192 p.
7. *Fun for Doctors and Their Patients. Fifty Authentic Ghost Stories by Fifty Experienced Physicians. Interspersed With Funny Jokes AND Incidents That Have Actually Occurred.* Oklahoma City: J. L. Short, M. D, 1901. 142 p.
8. *Carrington H.* True Ghost Stories. New York: The J. S. Ogilve Publishing Company, 57 Rose Street. 1915. 246 p.
9. *Seymour St. John D., Nelligan H. L.* True Irish Ghost Stories. Dublin and London: Hodges, Figgis & Co., Ltd. Humphrey Milford, Amen Corner, E. C. 1914. 274 p.
10. *Stead W. T.* Real Ghost Stories Collected and Edited by William T. Stead. New Edition Edited and Introduced by Estelle W. Stead. N. Y.: George H. Doran Company, 1921. 256 p.
11. *Dickinson S.* True Tales of the Weird. A Record of Personal Experiences of the Supernatural. New York: Duffield and Company, 1920. 212 p.
12. *O'Donnell E.* Ghosts of London. Glasgow, London: Philip Allan, MDCCCXXXII. 280 p.
13. *O'Donnell E.* Haunted Places in England. London: Sands & Co., 15 King Street, Covent Garden, 1919. 228 p.
14. *O'Donnell E.* Scottish Ghost Stories. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. Ltd., 1911. 293 p.
15. *O'Donnell E.* Some Haunted Houses of England and Wales. London: Eveleigh Nash Fawside House, 1908. 192 p.
16. *O'Donnell E.* The Banshee. London and Edinburgh: Sands & Company, 1920. 255 p.
17. *O'Donnell E.* Werewolves. Boston: Small Maynard and Company Publishers, 1912. 292 p.
18. *O'Donnell E.* Twenty Years' Experience as a Ghost Hunter. London: Heath Cranton, Ltd., 1916. 232 p.
19. *Scott W.* My Aunt Margaret's Mirror // The Keepsake for MDCCCXXIX, p. 1–44.
20. *Scott W.* The Tapestry Chamber // Classic Victorian & Edwardian Ghost Stories. Lnd.: Wordsworth Editions, 2008. P. 1–12.
21. *Gray A.* Tedious Brief Tales of Granta and Gramarye. Cambridge: W. Heffer & Sons, 1919. 93 p.
22. *Gray A.* Cambridge and its Story. London: Methuen & Co., 1912. X, 331p.
23. *Gray A.* Jesus College. London: F.E.Robinson & Co., 1902. 245 p.
24. *James M.R.* Ghost Stories. London.: Penguin Books, 1994. 362 p.
25. *Heron E. and H. Flaxman Low,* Occult Psychologist, Collected Stories. URL: <http://gutenberg.net.au/ebooks06/0605811h.html>. (дата обращения: 04.07.2023).
26. *Blackwood A.* John Silence. Physician Extraordinary. Boston: John W. Luce and Company, 1909. 390 p.
27. *Hodgson W. H.* Carnacki the Ghost Finder. Ware: Wordsworth Editions, 2006. 191 p.
28. *O'Donnell E.* Byways of Ghost-Land. London: William Ride and Son, Limited, 1911. 246 p.

References

1. Grimes, H. (2011). *The Late Victorian Gothic: Mental Science, the Uncanny, and Scenes of Writing* VIII, 188 p. Burlington, Vt: Routledge. (In English)
2. McCorristine, Sh. (2010). *Spectres of the Self. Thinking about Ghosts and Ghost-Seeing in England, 1750-1920* X, 275 p. Cambridge University Press. (In English)
3. Aubrey, J. (1696). *Miscellanies*. 177 p. London, Whitehall. (In English)
4. Barry, J. (2018). *News from the Invisible World: The Publishing History of Tales of the Supernatural c.1660–1832*. Cultures of Witchcraft in Europe from the Middle Ages to the Present. Pp. 179-213. Palgrave Macmillan. (In English)
5. Crowe, C. (1857). *The Night Side of Nature; or Ghosts and Ghost-Seers* 502 p. London, A. Routledge & Co., Farringdon Street. New York, 18, Beekman St. (In English)
6. *Ghost Stories; Collected with a Particular View to Counteract the Vulgar Belief in Ghosts and Apparitions* (1865). 192 p. New York, James Miller. (In English)
7. *Fun for Doctors and Their Patients. Fifty Authentic Ghost Stories by Fifty Experienced Physicians. Interspersed with Funny Jokes AND Incidents that Have Actually Occurred* (1901). 142 p. Oklahoma City, J. L. Short, M. D. (In English)
8. Carrington, H. (1915). *True Ghost Stories* 246 p. New York, the J. S. Ogilve Publishing Company, 57 Rose Street. (In English)
9. Seymour, St. John D., Nelligan. H. L. (1914). *True Irish Ghost Stories* 274 p. Dublin and London, Hodges, Figgis & Co., Ltd. Humphrey Milford, Amen Corner, E. C. (In English)
10. Stead, W. T. (1921). *Real Ghost Stories Collected and Edited by William T. Stead*. New Edition Edited and Introduced by Estelle W. Stead 265 p. N. Y. George H. Doran Company. (In English)
11. Dickinson, S. (1920). *True Tales of the Weird. A Record of Personal Experiences of the Supernatural* 212 p. New York, Duffield and Company. (In English)

12. O'Donnell, E. (1932). *Ghosts of London*. 280 p. Glasgow, London. Philip Allan. (In English)
13. O'Donnell, E. (1919). *Haunted Places in England*. 228 p. London, Sands & Co., 15 King Street, Covent Garden. (In English)
14. O'Donnell, E. (1911). *Scottish Ghost Stories*. 293 p. London, Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. Ltd. (In English)
15. O'Donnell, E. (1908). *Some Haunted Houses of England and Wales*. 192 p. London, Eveleigh Nash Fawside House. (In English)
16. O'Donnell, E. (1920). *The Banshee*. 255 p. London and Edinburgh. Sands & Company. (In English)
17. O'Donnell, E. (1912). *Werewolves*. 292 p. Boston, Small Maynard and Company Publishers. (In English)
18. O'Donnell, E. (1916). *Twenty Years' Experience as a Ghost Hunter* 232 p. London, Heath Cranton, Ltd. (In English)
19. Scott, W. *My Aunt Margaret's Mirror*. The Keepsake for MDCCCXXIX, pp. 1–44. (In English)
20. Scott, W. (2008). *The Tapestry Chamber*. Classic Victorian & Edwardian Ghost Stories. Pp. 1-12. Lnd.: Wordsworth Editions. (In English)
21. Gray, A. (1919). *Tedious Brief Tales of Granta and Gramarye*. 93 p. Cambridge, W. Heffer & Sons. (In English)
22. Gray, A. (1912). *Cambridge and Its Story*. X, 331 p. London, Methuen & Co. (In English)
23. Gray, A. (1902). *Jesus College* 245 p. London, F. E. Robinson & Co. (In English)
24. James, M. R. (1994). *Ghost Stories*. 362 p. London, Penguin Books. (In English)
25. Heron, E. and H. Flaxman Low, *Occult Psychologist, Collected Stories*. URL: <http://gutenberg.net.au/ebooks06/0605811h.html>. (accessed: 4 July 2023). (In English)
26. Blackwood, A. (1909). *John Silence. Physician Extraordinary*. 390 p. Boston, John W. Luce and Company. (In English)
27. Hodgson, W. H. (2006). *Carnacki the Ghost Finder*. 191 p. Ware, Wordsworth Editions. (In English)
28. O'Donnell, E. (1911). *Byways of Ghost-Land*. 246 p. London, William Ride and Son, Limited. (In English)

The article was submitted on 05.07.2023
Поступила в редакцию 05.07.2023

Липинская Анастасия Андреевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
191023, Россия, Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, 30–32.
nastya.lipinska@gmail.com

Lipinskaya Anastasia Andreevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
St. Petersburg State University of Economics,
30–32 Griboyedov Canal Emb.,
St. Petersburg, 191023, Russian Federation.
nastya.lipinska@gmail.com

УДК 82-1-9

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-138-144

**К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЖАНРОВОЙ ПРИРОДЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ
СКАЗКИ: СКАЗКА КАК МЕМПЛЕКС В РАБОТАХ ДЖ. ЗАЙПСА
И БАХТИНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «ПАМЯТИ ЖАНРА»
В ИССЛЕДОВАНИЯХ М. Н. ЛИПОВЕЦКОГО**

© Кадиша Нургали, Айгерим Гыля

**DEFINING THE GENRE SPECIFIC NATURE OF THE LITERARY TALE:
TALES AS A MEMEPLEX IN THE WORKS OF J. ZIPES AND BAKHTIN'S
CONCEPTION OF 'MEMORY OF THE GENRE' IN THE WORKS OF
M. LIPOVETSKY**

Kadisha Nurgali, Aigerim Gilea

This article reviews theoretical conceptions concerning the genre specificity of the literary fairy tale. We refer to two key theories in the field of the genre - the works of M. Lipovetsky, based on M. Bakhtin's conception of "genre memory", and J. Zipes theory of the fairy tale genre as a memeplex. Despite the fact that these conceptions are not traditionally considered in the scientific paradigm as complementary, we attempt to bring them into a single logic. The article identifies the connection between the studies of M. Lipovetsky, J. Zipes and the conception of "metafictionality", or "self-reflexivity" of the literary fairy tale genre. We argue that metafiction is a key parameter of the genre being in direct connection with the category of intertextuality. Metafictionalism underlies the genre nature of the literary fairy tale; in addition, it can be expressed through particular techniques, including the "the method of breaking the fourth wall" technique, the "mis en abame" technique, the change of focalization, etc. The article concludes that the "metafiction" of the text, manifested in the literary fairy tale at all textual levels, can be a tool of genre differentiation.

Keywords: literary fairy tale, genre memory, memeplex, metafiction, nature of genre

В данной статье авторы делают обзор теоретических концепций в отношении жанровой специфики литературной сказки. Они обращаются к двум ключевым теориям в области исследуемого жанра – к работам М. Н. Липовецкого, основанным на концепции «памяти жанра» М. М. Бахтина, и теории сказочного жанра как мемплекса Дж. Зайпса. Несмотря на то что данные концепции традиционно не рассматриваются в научной парадигме как взаимодополняющие, авторы предпринимают попытку свести их к единой логике, выявляют связь между исследованиями М. Н. Липовецкого, Дж. Зайпса и понятием «метафигиональности», или «саморефлексии» жанра литературной сказки. Они утверждают, что метафигиональность является ключевым параметром жанра и находится в прямой связи с категорией интертекстуальности. Метафигиональность лежит в основе жанровой природы литературной сказки, кроме того, она может быть выражена через частные приемы, включая прием «разрушения четвертой стены», технику «mis en abame», смену фокализации и т. д. Авторы приходят к выводу, что «метафигиональность» текста проявляется в литературной сказке на всех текстуальных уровнях и может являться инструментом жанровой дифференциации.

Ключевые слова: литературная сказка, память жанра, мемплекс, метафигиональность, жанровая природа

Для цитирования Нургали К., Гыля А. К определению жанровой природы литературной сказки: сказки как мемплекс в работах Дж. Зайпса и бахтинская концепция «памяти жанра» в исследованиях М. Н. Липовецкого // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 138–144. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-138-144

Обращение к жанровой модели литературной сказки актуально для всей мировой литературы новейшего времени. Амбивалентная природа данного жанра дает возможность интегрировать культурные коды различной направленности (сказочный, аксиологический, мифологический, религиозный, литературный, политический и т. д.) в единое игровое пространство, позволяющее автору создать обширное смысловое поле.

«Бум» жанра литературной сказки начался в конце XX века, а в нулевых и десятых годах XXI столетия жанр получает еще большее распространение: влияние философии нью эйдж, с ее мистицизмом и мифологизмом, глобализация и техногенная революция, необходимость переосмысления социальных, политических, культурных концепций возвращают авторов к архетипическим мотивам и образам. Современные авторы обращаются к сказочной форме по той же причине, по которой сказки являются отличным дидактическим инструментом для нравственного воспитания детей: простой язык и шаблонность делают максимально доступной передачу неких моральных постулатов. Форма сказки способствует актуализации смыслов и подтекстов. Сказочный сюжет по своей природе предназначен для интерпретаций и пересказов, метафоричность сказки служит инструментарием для исследования философских, классовых, гендерных, и прочих вопросов; игра со сказочными архетипами приводит к изобретению абсолютно новых смыслов.

Однако в современной литературоведческой науке вопрос жанровой дифференциации литературной сказки остается открытым: в различных исследованиях, посвященных литературной сказке, эти вопросы решаются по-разному. Некоторые исследователи предлагают считать маркерами данного жанра, например, наличие волшебства и магии, другие – хронотоп, третьи – глубину прорисовки персонажей, predetermined счастливый конец, наличие либо отсутствие двоимирия, четвертые предлагают ориентироваться для определения жанра на читательское восприятие и т. д. Такие разночтения обусловлены не только широтой толкования термина «литературная сказка», но и другими факторами, такими как стремление литературных жанров к эволюционному развитию, историческая изменчивость формы и т. д.

Еще В. Я. Пропп сравнивал исследования жанра с анализом природных органических структур [1, с. 18]. В отличие от биологических классов, литературный жанр не является статическим образованием, он находится в процессе постоянной трансформации, во взаимодействии с

другими литературными жанрами. Ю. Тынянов говорил о том, что статистическое определение жанра невозможно [2, с. 87]. По отношению к литературной сказке процесс ее определения усложняется еще и тем, что она является неким метажанром, возникшим одновременно с человеческим сознанием, настолько глубоко укоренившимся в культуре, что ее элементы можно найти практически в любом литературном тексте (по выражению Р. Дж. Толкина, язык, как воплощение человеческого сознания, и сказки появились одновременно» [3, с. 123]). Е. М. Неелов также говорит о сказке не как о едином жанре, но как о жанровой системе [4, с. 43].

С нашей точки зрения, попытка четкой дефиниции любого современного жанра является достаточно проблематичной задачей, поскольку жанровые границы современной литературы взаимопроникаемы, а сами жанры синкретичны. По выражению Ц. Тодорова, современная литература, вероятно, все еще учитывает жанровые различия, но эти различия уже не соответствуют представлениям, унаследованным от литературных теорий прошлого [5, с. 21], что тем не менее не отменяет необходимости поиска жанровых дефиниций в литературоведческом дискурсе.

Несмотря на обозначенную «жанровую неопределенность», неоспорим тот факт, что ее природа так или иначе обусловлена развитием устной народной сказки. В этой связи обратимся к двум актуальным исследованиям жанровой природы литературной сказки. Фокусы этих исследований тем не менее различаются: оба этих исследования историзируют концепцию сказки как литературного жанра.

Согласно М. Н. Липовецкому, ключевой категорией для литературной сказки является концепция «памяти жанра» [6, с. 19]. Теория Липовецкого о памяти жанра литературной сказки связана с идеей М. М. Бахтина, о том, что жанры литературы имеют свои особенности и определенные структурные элементы, которые являются ключевыми для восприятия текста. По Бахтину, жанр – это представитель творческой памяти в ходе литературного развития, он отражает наиболее стабильные и продолжительные тенденции развития литературы. Внутри жанра сохраняются устойчивые элементы архаики [7, с. 167]. Согласно теории Липовецкого, литературная сказка характеризуется наличием определенных жанровых констант, таких как, например, наличие магических элементов, типичных сюжетных ходов и героев. Эти элементы способствуют формированию у читателя «горизонта ожиданий». М. Н. Липовецкий отмечает, что в этой установке на память жанра и есть ее жанровая уникаль-

ность: литературная сказка является уникальным примером сохранения фольклорного жанра в его полноте. В отличие от других жанров, которые входят в арсенал литературных форм и используют архетипы этих жанров, попытки воссоздать полноценные и осознанные модели мира, присущие этим фольклорным жанрам, на новом тематическом и культурном материале всегда заканчивались неудачей [6, с. 88]. Е. М. Неелов также указывает на уникальные условия литературной сказки, в которых фольклорный жанр, вступая в контакт с литературой, не только интегрируется и изменяется в ней по отдельным составляющим, как, например, в случае с былинной, но формирует отдельный жанр [4].

Помимо того, что литературная сказка обладает «памятью жанра», она одновременно от нее удаляется (это противоречие отображено в самом термине «литературная сказка»). Литературная сказка содержит элементы редукции мифа, архетипические модели и передачу традиционного знания. В то же время произведение отражает современные реалии, близкие современному читателю – таким образом литературная сказка основывается на столкновении двух миров: мира обыденного и мира волшебного. Литературная сказка, развиваясь сообразно общелитературным тенденциям, соответствует жанровым особенностям своего времени. Создатели романтической сказки видят ее как фундамент для формирования национальной литературы, в то время как авторы реалистических произведений фокусируются на критическом потенциале жанра, а в эпоху постреализма внимание уделяется внутреннему миру современного человека. Обновление памяти жанра по Липовецкому – основополагающая категория для функционирования жанра литературной сказки [6, с. 76]. Для того чтобы отнести определенное произведение к жанру литературной сказки, по М. Н. Липовецкому, обязательно, чтобы оно обладало установкой на игровой дискурс и фантастической картиной мира. Игра может реализовываться на разных уровнях текста: в хронотопе, на уровне речевой организации, ассоциативном фоне и т. д. Автор здесь надевает «маску дурака», таким образом дистанцируясь от текста. Также, согласно М. Н. Липовецкому, носители «памяти жанра» можно условно разделить на «обязательные» и «факультативные». К обязательным носителям относятся такие элементы, как нравственный императив и установка на игру, а к факультативным – различные формулы (хронотоп), клише, функции персонажей, мотивы и т. д. [Там же, с. 77]. То есть заимствования происходят на всех уровнях текста, например на уровне сюжета: достаточно яр-

ко здесь прослеживаются базовые элементы фольклора (функции), описанные структуралистами. Однако необходимо сделать ремарку: не всегда можно обращаться к конкретной классической типологии сказок для обнаружения памяти жанра, так как данные классификации не являются универсальными. На факт неприменимости данных дескрипторов, например, к африканскому фольклору указывал Е. М. Мелетинский [8, с. 121]. Дж. Зайпс также утверждает, что опасность категоризации заключается в том, что она «универсализирует истории и сводит символы к архетипам, мотивам и мемам, что приводит к нивелированию текстов в разных культурах» [9, с. 12]. В 2009 году типология Аарне-Томпсона расширилась международными компонентами («Индекс типов сказок Аарне-Томпсона-Утера»), однако тоже не может считаться абсолютно универсальной. Об этом говорит и С. А. Каскабасов, отмечая, что большое число сюжетов казахских сказок не входят в классификаторы [10, с. 45].

Еще одним ключевым элементом, объединяющим литературную и фольклорную сказку, является установка на вымысел. Согласно В. Г. Белинскому, в сказках всегда присутствует подтекст, который явно указывает на то, что рассказчик сам не верит в рассказываемое и внутренне насмехается над собственным повествованием [11, с. 45]. Эта особенность жанра литературной сказки позволяет разграничить ее с другими фантастическими жанрами, такими, например, как научная фантастика или фэнтези. Здесь можно провести параллель с театром: тогда, когда кино стремится к максимальной реалистичности, театр с его декорациями и атрибутикой всегда указывает на собственную фикциональность.

Итак, М. Н. Липовецкий причисляет к жанру литературной сказки те тексты, в которых концепция действительности, преимущественно основанная на ценностях, присутствующая в народных волшебных сказках, является не просто частью художественного мира, а выступает в качестве его фундамента и структурного каркаса. Она воссоздается путем использования основных и факультативных носителей «памяти жанра» [6, с. 23].

Достаточно созвучной теории М. Липовецкого, хотя основанной на кардинально отличном подходе, на наш взгляд, является жанровая теория Дж. Зайпса, который, подобно В. Проппу, считает, что жанр литературной сказки похож на особый биологический вид, который медленно культивировался в устной традиции, а затем внезапно расцвел в какой-то момент истории с по-

мощью технологических форм передачи информации. Зайпс уподобил процесс эволюции фольклорной и литературной сказки процессу заражения и контаминации: по его мнению, мотивы и сюжеты сказок распространялись подобно вирусам, которые в итоге сформировали четко идентифицируемый жанр. Его теория жанра базируется на концепции Ричарда Докинза о меме, культурном репликаторе, которая привела к появлению меметики – теории, которая дополняет эпидемиологический подход французского социолога и философа Д. Спербера к культуре. Данная теория не является новой, в этой связи можно вспомнить эйдосы Платона, теорию Карла Поппера об эволюции научного познания – эволюционной эпистемологии, теорию о симулякрах Ж. Бодияра, теорию архетипов, структуралистские исследования литературы, бродячие сюжеты и т. д. Еще Веселовский рассматривал сказочные сюжеты как некие величины, которые возникли благодаря коллективному бессознательному и оказывают сильное влияние на творческую личность, стимулируя ее использовать определенные сюжетные формы, однако теория Зайпса является, на наш взгляд, наиболее применимой к изучаемому жанру.

Р. Докинз утверждает, что существует один фундаментальный закон жизни, который он считает неоспоримым, заключающийся в том, что развитие жизни происходит через процесс дифференциации и выживания реплицирующихся сущностей [12, с. 87]. Ген, молекула ДНК, является самовоспроизводящейся единицей, которая обеспечивает процесс эволюции. Докинз утверждает, что существует еще один новый репликатор, который он называет мемом – культурной единицей передачи. Примерами мемов могут выступать песни, крылатые выражения, мода, идеи и т. д. Подобно тому как гены передаются в геноме от одного организма к другому через физический контакт, мемы распространяются в мемосфере путем передачи от одного мышления к другому через процесс, который можно охарактеризовать как подражание в общем смысле [Там же, с. 88]. «Эгоистичный ген» впервые был опубликован в 1976 году и привел к расцвету меметики, которая стала одной из самых противоречивых научных теорий двадцать первого века. Теория меметики в целом утверждает, что мем – это информационный шаблон, содержащийся в мозге человека (или в таких артефактах, как книги или картины) и хранящийся в его памяти, способный быть скопированным в сознание другого человека, который сохранит и воспроизведет его. С. Блэкмор утверждает, что главная черта мема – способность к подражанию

и самовоспроизведению, и именно это отличает человека от всех других животных [13, с. 211]. По ее словам, мемы распространяются без разбора, вне зависимости от того, полезны ли они, нейтральны или вредны для нас. Они создаются и распространяются наиболее активно в переходные для человечества моменты. Мемы борются друг с другом за надежное место в сознании, и для того, чтобы выжить, он должен обладать тремя основными характеристиками: мем должен обладать способностью копироваться; мем должен быть сформирован таким образом, чтобы можно было сделать много копий; он должен быть способен просуществовать долгое время, чтобы распространилось много копий. Дж. Зайпс добавляет к ее классификации параметр релевантности, взятый из эпидемиологического подхода к культуре Д. Спербера. По словам Д. Спербера, главное утверждение теории релевантности заключается в том, что ожидания релевантности, возникающие в результате высказывания, являются достаточно предсказуемыми для того, чтобы направить слушателя к интенции говорящего. Основная цель заключается в объяснении этих ожиданий релевантности в терминах, соответствующих нашему когнитивному восприятию, а также в предоставлении эмпирически обоснованных объяснений механизма понимания [14, с. 112]. Сказочные сюжеты обладают крайне высокой степенью устойчивости и резистентности, чем частично объясняется культурная значимость данного жанра. Таким образом, сказка, обладая всеми вышеперечисленными параметрами, может быть признана культурным (литературным) мемом. Со временем некоторые мемы образуют мемплекс, который представляет собой группу мемов, способствующих репликации, и может быть уподоблен жанру.

Еще одной теорией Зайпса в отношении сказки является то, что он идентифицирует ее как «полигенетический культурный артефакт [15, с. 12]», это означает, что похожие идеи, элементы сказок возникают вне какой-либо зависимости друг от друга в разных культурах, в одно и то же время исторического развития социума. Достаточно вспомнить: фольклорный сюжет Золушки существует по меньшей мере более чем в трех тысячах разных версий разных народов, что связано с понятием коллективного бессознательного К. Г. Юнга. На это указывает и С. А. Каскабасов, говоря о том, что при наличии схожих или однотипных социокультурных и психологических условий на ранних этапах развития человечества многие мотивы и сюжеты могли возникать автономно, однако сопутст-

вующие им черты оставались сходными [10, с. 15].

Со временем сказки меняются, адаптируясь под новые реалии, взаимодействуют с другими сказками, перенимая их черты, при этом первичные элементы остаются неизменными. По нашему мнению, именно этой жанровой особенностью обусловлена жанровая синкретичность литературной сказки. Дж. Зайпс также считает, что оригинальной, или первоначальной, сказки существовать не может – все сказки являются, по сути, адаптациями [15, с. 13].

Итак, оба этих исследования носят генетический характер и доказывают, что литературная форма сказки происходит от речевых актов, которые стали существенно конвенционализированными и закодированными (фольклорная сказка). Так же, как и ее пражанр, литературная сказка повествует о социальных нормах, или бунте против них, бессознательных инстинктах, социальных кодах, гендерных, семейных и социальных конфликтах. Символический порядок, установленный литературными сказками, не статичен, но он, безусловно, постоянно отмечен узнаваемыми повторяющимися мотивами, сюжетами, образами, хронотопами. Писатели, работающие в этом жанре, сознательно играют с читательским восприятием, чтобы вовлечь аудиторию в диалог, который восходит к традиции как устных народных, так и классических литературных сказок. Таким образом, литературная сказка – это текст, заранее предназначенный для интерпретации априорный проективный текст, читая который реципиент заранее осведомлен о том, как его читать. С этой точки зрения, современная литературная сказка тяготеет к метафигциональности. Метафигциональность в общем смысле это, по М. Н. Липовецкому, саморефлективное повествование, представляющее собой такую форму повествования, которая обращается к собственному процессу повествования. Она фокусируется на феноменологических характеристиках литературы и изучает природу словесного искусства в том контексте, в котором оно раскрывает особенности творчества [16, с. 73]. По словам П. Во, литературная метафигциональность – это термин, применяемый к художественным текстам, которые сознательно подчеркивают собственный артефактный характер, в результате чего возникают вопросы о взаимосвязи между вымыслом и реальностью. Произведения такого рода, критически анализируя принципы своего собственного конструирования, не только исследуют фундаментальные структуры литературного произведения, но также рассматривают возможную фигциональность мира вне литературного текста

[17, с. 32]. Исследовательница указывает на связь фольклорной сказки с метафигциональностью: проявление явных элементов фантастического и использование нереалистических шаблонов и повторений в описании событий привлекают внимание к нереалистической природе повествования. В данном контексте сказке свойственны определенные элементы метафигциональности [Там же, с. 31]. На метафигциональный характер современной литературной сказки указывает и М. Николаева, она выделяет такие жанровые особенности, как разрушение традиционных повествовательных структур, эклектика, интерсубъективность, полифония и метафигциональность [18, с. 22]. Таким образом, саморефлексия современной литературной сказки заложена в самой установке на память жанра и в связанной с ней категории интертекстуальности (также она может быть выражена частными приемами, например через прием «разрушения четвертой стены», как в тексте «Сумасшедшая старуха» М. Каннингема или «Нарисуй мне золотое солнце» Н. Веревокина; через технику «*mis en abyme*» (геральдический текст), как в тексте «Лабиринт фавна» К. Функе; через стилистические приемы, смену фокализации и т. д.).

Таким образом, мы считаем, что жанровые теории М. Н. Липовецкого и Дж. Зайпса в отношении литературной сказки можно свести к единой логике и предлагаем считать общим знаменателем данных исследований категорию метафигциональности: читатель хорошо знаком с фольклорными сюжетами, он знает о том, что волшебная сказка является продуктом коллективного бессознательного, и умеет дешифровать архетипические составляющие текста, эстетическая дистанция читателя и автора здесь минимальна, и в то же время горизонт расширяется благодаря трансформации фольклорных архетипов, что, по нашему мнению, отчасти оправдывает популярность жанра. Автор, как правило, создает текст с ориентацией на идеального получателя, который называется «имплицитным читателем». Этот читатель обладает знаниями и компетенциями, необходимыми для успешного понимания текста. Сказка фольклорная, которая является пражанром и в значительной степени инвариантом сказки литературной, является носителем базовых кодов человеческой культуры, литературная сказка же расширяет смысловое поле фольклорной сказки, добавляя новые, актуальные смыслы.

Также, принимая во внимание вышесказанное, по нашему мнению, следует определять жанр литературной сказки как неустойчивое множество, ядерно-периферийно систему, где

ядро составляют тексты с максимально выраженной метафигуральностью, связанной с памятью жанра, а периферию – тексты, которые обладают лишь некоторыми факультативными константами памяти жанра.

Необходимо также заметить, что метафигуральность (саморефлексия) литературной сказки усиливается за счет десакрализации знания, связанного с большим количеством новых медиа, интерпретирующих культурные и литературные объекты, а также с трансмедийным повествованием Г. Дженкинса что возводит хайдеггеровское «предвосхищение» текста в абсолют.

Список источников

1. Пропп В. Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969. 168 с.
2. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.
3. Tolkien J. R. R. *A Secret Vice: Tolkien on Invented Languages* HarperCollins, 2016. 321 p.
4. Неёлов Е. М. Сказка – ложь? // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skazka-lozh> (дата обращения: 18.01.2023).
5. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.
6. Липовецкий М. Н. Поэтика литературной сказки. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 183 с.
7. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1976. 502 с.
8. Мелетинский Е. М. Миф и сказка. М.: Наука, 1984. 341 с.
9. Zipes J. *Breaking the Disney Spell*. In: Bell E, Haas L, Sells L, eds. *From Mouse to Mermaid: The Politics of Film, Gender, and Culture*. Bloomington: Indiana University Press, 1995. P. 21–43.
10. Каскабасов С. А. Казахская волшебная сказка. Алма-Ата: Наука, 1972, 260 с.
11. Белинский В. Г. Избранные произведения в трех томах. Том 1. М.: Художественная литература. 1954. 537 с.
12. Dawkins R. *The Selfish Gene*. Oxford University Press, 1976. 412 p.
13. Blackmore S. *The Meme Machine*, Oxford: Oxford University Press, 1999. 321 p.
14. Sperber D. Wilson D. *Relevance: Communication and cognition*. Wiley-Blackwell: 1986. 214 p.
15. Zipes J. *Why Fairy Tales Stick: The Evolution and Relevance of a Genre* Routledge, 2007. 21 p.
16. Липовецкий М. Н. Эпилог русского модернизма (Художественная философия творчества в «Даре» Набокова) // Вопросы литературы. 1994. Вып. 3. С. 72–95.
17. Waugh P. *Metafiction. The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction*. London and New York: Methuen, 1984. 343 p.
18. Nikolajeva M. *Exit Children's Literature? // The Lion and the Unicorn* 22, 1998. 221–23 p.

References

1. Propp, V. Ya. (1969). *Morfologiya skazki* [Morphology of a Fairy Tale]. 168 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
2. Tynyanov, Yu. N. (1979). *Poetika. Istoriya literatury. Kino*. [Poetics. History of Literature. Cinematography]. 574 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
3. Tolkien, J. R. R. (2016). *A Secret Vice: Tolkien on Invented Languages*. 321 p. HarperCollins. (In English)
4. Neelov, E. M. (2016). *Skazka - lozh'?* [Is the Tale a Lie?]. *Problemy istoricheskoi poetiki*. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skazka-lozh> (accessed: 18.01.2023). (In Russian)
5. Todorov, Ts. (1999). *Vvedenie v fantasticheskuyu literaturu* [Introduction to Fiction Literature]. 144 p. Moscow, Dom intellektual'noi knigi. (In Russian)
6. Lipovetskii, M. N. (1992). *Poetika literaturnoi skazki* [Poetics of a Literary Fairy Tale]. 183 p. Sverdlovsk, izd-vo Ural. un-ta. (In Russian)
7. Bakhtin, M. M. (1976). *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. 502 p. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)
8. Meletinskii, E. M. (1984). *Mif i skazka* [Myth and Tale]. 341 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
9. Zipes, J. (1995). *Breaking the Disney Spell*. In Bell, E., Haas, L., & Sells, L. (Eds.), *From Mouse to Mermaid: The Politics of Film, Gender, and Culture* Bloomington. Pp. 21–43. Indiana University Press. (In English)
10. Kaskabasov, S. A (1972). *Kazakhskaya volshebnyaya skazka* [The Kazakh Fairy Tale]. 260 p. Alma-Ata, Nauka. (In Russian)
11. Belinskii, V. G. (1954). *Izbrannye proizvedeniya v trekh tomakh* [Selected Works in Three Volumes]. Tom 1. 537 p. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)
12. Dawkins, R. (1976). *The Selfish Gene*. 412 p. Oxford, Oxford University Press. (In English)
13. Blackmore, S. (1999). *The Meme Machine*. 321 p. Oxford, Oxford University Press. (In English)
14. Sperber, D. & Wilson, D. (1986). *Relevance: Communication and Cognition*. Wiley-Blackwell. 214 p. London. (In English)
15. Zipes, J. (2007). *Why Fairy Tales Stick: The Evolution and Relevance of a Genre*. 21 p. Routledge. (In English)
16. Lipovetskii M. N. (1994). *Epilog russkogo modernizma (Khudozhestvennaya filosofiya tvorchestva v "Dare" Nabokova)* [Epilogue of Russian Modernism (Artistic Philosophy of Creation in Nabokov's "The Gift")]. *Voprosy literatury*. Vyp. 3, pp. 72–95. (In Russian)
17. Waugh, P. (1984). *Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction*. 343 p. London and New York, Methuen. (In English)
18. Nikolaeva, M. (1998). *Exit Children's Literature?* Pp. 221–223. *The Lion and the Unicorn*, London. (In English)

The article was submitted on 08.07.2023
Поступила в редакцию 08.07.2023

Нургали Кадиша Рустембековна,
доктор филологических наук,
профессор,
Евразийский Национальный Университет,
010000, Казахстан, Астана,
Сатбаева, 2.
Nurgalik1@mail.ru

Гыля Айгерим Асылхановна,
магистр филологических наук,
старший преподаватель,
Евразийский Гуманитарный Институт,
010000, Казахстан, Астана,
Жумабаева, 4.
Mukhatayeva1011@gmail.com

Nurgali Kadisha Rustembekovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Eurasian National University,
2 Satpayeva Str.,
Astana, 010000, Kazakhstan.
Nurgalik1@mail.ru

Gilea Aigerim Asylkhanovna,
Master of Philology,
Assistant Professor,
Eurasian Humanitarian Institute,
4 Zhumabayeva Str.,
Astana, 010000, Kazakhstan.
Mukhatayeva1011@gmail.com

«И ДО УТРА РЫДАЕТ С ДОСТОЕВСКИМ...»: СПЕЦИФИКА ПИСАТЕЛЬСКОЙ РЕЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ И ИДЕЙ М. М. БАХТИНА

© Олег Осовский, Светлана Дубровская

“AND WEEPS WITH DOSTOEVSKY UNTIL MORNING...”: SPECIFICS OF THE WRITERS’ RECEPTION OF M. BAKHTIN’S PERSONALITY AND IDEAS

Oleg Osovskiy, Svetlana Dubrovskaya

The problem of the reception of M. Bakhtin’s personality and ideas seems to be one of the most important in today’s Bakhtin Studies. We focus on the writers’ reception among the various forms of Bakhtin reception. By Bakhtin literary reception they mean the presentation of Bakhtin’s image as a literary character, the participation of Bakhtin himself in the literary and cultural life of Nevel, Vitebsk, Leningrad, Saransk and Moscow, the facts of the thinker’s specific relations with representatives of the Russian literary community in different periods of his life. Special attention is paid to the presentation of M. Bakhtin’s image in the literary works of K. Vaginov (“Satyr Chorus”), A. Losev (“The Woman-Thinker”) and in the letters of B. Pasternak. The letters of K. Fedin (the 1960s and early 1970s), containing assessments of M. Bakhtin’s work and personality, have been introduced into the scientific literature for the first time. We also analyze A. Beck’s attitude to Bakhtin’s works. The article concludes that the study of the writers’ reception of M. Bakhtin’s personality allows us to abandon a number of biographical myths and determine the real place of Bakhtin in the literary and intellectual life of the country in the 1920s and 1970s.

Keywords: M. Bakhtin, K. Fedin, K. Vaginov, A. Beck, scientific heritage, literary reception, Russian literature of the twentieth century, personal archive

Проблема рецепции личности и идей М. М. Бахтина представляется одной из наиболее важных в сегодняшнем бахтиноведении. Среди различных форм бахтинской рецепции авторы выделяют писательскую. Под писательской рецепцией Бахтина они подразумевают презентацию фигуры Бахтина как литературного героя, участие самого Бахтина в литературной и культурной жизни Невели, Витебска, Ленинграда, Саранска, Москвы, факты конкретных взаимоотношений мыслителя с представителями отечественного писательского сообщества в различные периоды его жизни. Специальное внимание уделено презентации образа М. М. Бахтина в литературных произведениях К. К. Вагинова («Козлиная песнь»), А. Ф. Лосева («Женщина-мыслитель»), в письмах Б. Л. Пастернака П. Н. Медведеву. Впервые вводятся в научный оборот письма К. А. Феина (1960-х – начала 1970-х), содержащие оценки творчества и личности М. М. Бахтина, анализируется отношение к трудам Бахтина А. А. Бека. Авторы делают вывод о том, что изучение писательской рецепции личности М. М. Бахтина позволяет отказаться от ряда биографических мифов и определить реальное место Бахтина в литературной и интеллектуальной жизни страны в 1920–1970-х годы.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, К. А. Феин, К. К. Вагинов, А. А. Бек, научное наследие, писательская рецепция, русская литература XX века, личный архив

Для цитирования Осовский О., Дубровская С. «И до утра рыдает с Достоевским...»: специфика писательской рецепции личности и идей М. М. Бахтина // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 145–150. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-145-150

Строка, вынесенная в название, – цитата из стихотворения саранского поэта и журналиста Б. С. Соколова, посвященного М. М. Бахтину. По свидетельству современников, адресат относился

к этому тексту с юмором [1], однако стихотворение как нельзя лучше характеризует ту часть рецепции Бахтина, которую мы обозначили как писательскую.

Отметим, что наше понимание рецепции в широком смысле традиционно, и в случае М. М. Бахтина подразумевает восприятие и оценку его личности и идей на определенном промежутке времени. История отечественной рецепции Бахтина насчитывает более ста лет, и ее началом можно считать отклики на публичные выступления философа, появившиеся в невеликой прессе в 1919 году [2].

Специфика отечественной и зарубежной рецепции Бахтина уже рассматривалась рядом авторов, но они сосредоточивались в основном на литературоведческом ее аспекте [3], [4], [5], [6], [7], [8]. Очевидно, что неотъемлемой частью интеллектуальной рецепции личности и идей мыслителя оказывается ее писательская составляющая, еще не становившаяся предметом системного осмысления. Это те случаи, когда Бахтин, мыслитель и автор, превращается в героя в чужом (в данном случае – писательском) сознании, оформляющем его как действующее лицо в литературных произведениях самых разных жанров.

Писательская рецепция важна по нескольким причинам: она наглядно отражает реальную вовлеченность Бахтина в литературную и интеллектуальную жизнь страны в разные периоды его биографии, живую реакцию на Бахтина его литературных собеседников, воздействие бахтинских идей на литературные практики его современности и в более позднее время. В связи с последним отметим, что, отдавая предпочтение научно-биографическому аспекту заявленной проблемы, мы только обозначим вопрос о Бахтине как литературном персонаже в отечественном и зарубежном метатексте постбахтинской эпохи. Останется за пределами нашего рассмотрения и вопрос о взаимоотношениях Бахтина с литературным сообществом Саранска и Мордовии, отчасти уже исследовавшийся [9].

Точкой отсчета отечественной истории писательской рецепции Бахтина может служить начало 1920-х годов: пребывание Бахтина в Витебске. Его продолжающаяся дружба с поэтом, музыкантом и литературным критиком В. Н. Волошиновым отразилась в известном четверостишии «Здесь жили поэт и философ...», где поэт – сам автор стихов, а философ – М. М. Бахтин [10, с. 93].

Еще более выразительный образ Бахтина возникает в стихотворении его старшего брата Николая, поэта, критика, литературоведа русского зарубежья [11], [12]. Младшему брату адресовано написанное после отъезда Н. М. Бахтина из России стихотворение «Одному из оставшихся», где возникает трагический мотив расставания с близким по духу и мысли, но постепенно стано-

вящимся чужим человеком. Отечественное бахтиноведение никогда не ставило под сомнение личность адресата, определяемую соответствующей строфой: «*Но в высший миг прозренья и свободы / Двух разных душ коснется та же дрожь, / Мой враг и брат; – и сквозь вражду и годы / Ты мой привет услышишь и поймешь*» [13, с. 115].

Здесь отразилось восприятие брата как постоянного собеседника и оппонента, участника «неслышного диалога», глубинная связь с которым позволила М. Холквисту и К. Кларк определить братьев как «сиамских близнецов» [14, с. 16].

Заметное место в истории писательской рецепции М. М. Бахтина занимает ленинградский период (1924–1930), когда мыслитель активно участвовал в духовно-философской и литературной жизни города. В круге общения Бахтина было немало ленинградских писателей, посетителей литературных салонов М. В. Юдиной и П. Н. Медведева, участников многочисленных религиозно-философских собраний, семинаров, литературных вечеров. Среди них – Н. А. Клюев, Вс. Рождественский, К. А. Федин и др. [15].

Особое место в этом ряду занимает К. К. Вагинов, в своих романах представивший картину литературной жизни Ленинграда. Появление Бахтина в романе «Козлиная песнь» давно определило вагиновский текст как один из литературно-художественных источников биографии мыслителя (см.: [14]). Однако нельзя не согласиться с Н. И. Николаевым, который полагает, что роман Вагинова не должен рассматриваться как исключительно литературная интерпретация событий, но может восприниматься как своеобразный документ [16, с. 234]. И то, что Бахтин в беседе с литературоведом подтверждал свое присутствие в тексте, говорит само за себя.

«Вагиновский сюжет» не ограничивается упомянутым романом, поскольку, по свидетельству вдовы Вагинова, именно супруги Бахтины изображены поэтом в стихотворении «Два пестрых одеяла» – «*мужчина бледно-синий и девочка-жена*» (см.: [17]).

Почти замаскированный образ Бахтина возникает в переписке Б. Л. Пастернака с П. Н. Медведевым, литературоведом и критиком, важнейшим участником «круга Бахтина». В диалоге поэта и издателя Бахтин не назывался впрямую, однако, как полагают комментаторы, именно его имел в виду Пастернак, когда предлагал адресату передать рукопись общему знакомому, гораздо менее загруженному, чем Медведев [18, с. 291–292].

Образ Бахтина возникает и в романе философа и филолога-античника А. Ф. Лосева «Женщи-

на-мыслитель». Связанный с личностью известной пианистки М. В. Юдиной, этот роман стал доступен широкому читателю в начале 1990-х годов. Книга содержала не только глубоко эмоциональные размышления автора о музыкальном творчестве и специфике исполнительского мастерства пианистки Радиной, но и яркие гротескно-сатирические сцены музыкальной и культурной жизни. Среди персонажей, окружающих Радину, фигуры ее близких друзей – Л. В. Пумпянского, В. Н. Волошинова и М. М. Бахтина (Пупочка, Бетховенчик и Бахианчик). Несмотря на утверждения Е. А. Тахо-Годи об отсутствии у Лосева задачи изобразить в романе конкретных людей и о том, что философ не пересекался с ленинградским окружением Юдиной во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов [19], для большинства исследователей перенос ленинградского антуража в московское пространство романа очевиден (см.: [20], [21]).

Напомним, что, еще находясь в заключении на Соловках, Лосев выступал с критикой во время обсуждения реферата «Проблем творчества Достоевского» [22, с. 385], и, таким образом, развернувшаяся много позже полемика Лосева с книгой Бахтина о Рабле имеет более протяженную предысторию.

Важнейшим участником процесса писательской рецепции Бахтина представляется К. А. Федин, одна из крупнейших фигур литературной и общественной жизни страны 1920–1970-х годов. Нам уже приходилось писать о его роли в получении Бахтиным московской прописки [23]. Детально описано и его участие в продвижении бахтинских книг о Достоевском и Рабле [24].

Работа с материалами архива Бахтина позволяет говорить о том, что между Бахтиным и Федем в 1960-е годы выстраиваются и личные отношения, о чем, в частности, свидетельствует ранее не публиковавшееся письмо Федина в Саранск (январь 1966 года). Поскольку этот текст достаточно наглядно передает отношение автора к адресату, приводим его полностью:

«Дорогой Михаил Михайлович, вчера, встретив директора Гослитиздата В. А. Косолапова, узнал от него, что вышел Ваш „Рабле“. Он спросил – прислать ли книгу мне? Я, конечно, не колеблясь – да, да, да! Но про себя подумал: а не пришлет ли мне ее сам автор? Прихожу домой – на столе лежит „Рабле“ с авторской доброй надписью.

Спасибо большое!

Душевно рад за Вас, за видимую теперь перемену в судьбе Вашей (не ошибаюсь, бог даст?), за всех избранных читателей глубоких, остроумных Ваших трудов и почитателей Вашего таланта. Я принадлежу к ним. Уважающий Вас Константин» [25, л. 1].

Отметим и ту оценку личности и трудов ученого, которая представлена в телеграмме, направленной Федем Бахтину в связи с его 75-летием:

«Дорогой уважаемый Михаил Михайлович<, > от души поздравляю Вас <с> высоким юбилеем<, > желаю доброго здоровья<, > новых превосходных трудов<, > которыми всегда дорожат Ваши читатели. Искренне рад<, > что обещано улучшение Ваших жилищных условий. Хорошего Вам новоселья. Константин Федин» [Там же, л. 3].

Таким образом, случай Федина в истории писательской рецепции Бахтина позволяет говорить об индивидуальной траектории восприятия и оценки выдающегося мыслителя, где сливаются воедино «человеческое» и официальное. С последним связан и рецептивный аспект процесса принятия Бахтина в члены СП СССР [26]. Московское окружение ученого прилагало к этому немалые усилия. Кандидатура Бахтина не вызвала возражений и у официальных инстанций. Эту позицию сформулировал Б. А. Слуцкий, заметив, что за время его пребывания в приемной комиссии «более крупного писателя <чем Бахтин> не принимали» [Там же, с. 87].

Особый интерес вызывает рекомендация писателя А. А. Бека. Если авторы двух других рекомендаций – В. Н. Турбин и А. С. Мясников – были литературоведами из близкого окружения Бахтина, то в рекомендации Бека примечателен факт именно писательской оценки:

«Книга Михаила Михайловича Бахтина о Достоевском завоевала в широкой литературной среде репутацию научного открытия. В свое время я, как и многие мои сотоварищи, с интересом читал этот глубоко впечатляющий труд. Теперь вновь внимательно ее перелистал. И по свежему восприятию могу подтвердить, что автор действительно совершил значительное открытие, обеспечивающее ему определенное место в истории нашего литературоведения.

<...> нет сомнения, что мы впервые из его книги узнали о том, что такое полифонический роман» [Там же, с. 83–84].

Как видим, к началу 1970-х годов Бахтин занимает свое незаместимое место не только в литературоведческом, но и в литературном пространстве. Его имя фигурирует в дневниках, воспоминаниях и эпистолярной писателем, литературоведов, литературных критиков, где он не просто упоминается, но превращается в участника литературных сюжетов (Л. Я. Гинзбург, В. Я. Кирпотин, Л. З. Копелев, А. А. Кременской, М. Ю. Лотман, Л. Е. Пинский, А. П. Чудаков). Еще один пример – превращение в

факт литературы непосредственно бахтинского текста в пародии писателя, литературоведа и критика В. И. Новикова [27, с. 288–289].

В заключение отметим, что писательская рецепция является одной из важных и показательных форм литературной и одновременно культурной рецепции. Применительно к Бахтину предложенный нами подход дает возможность уточнить представления о процессе восприятия мыслителя у него на родине и отказаться от ряда биографических мифов.

Исследование подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда: проект № 23-28-00175 «Мыслитель в своем отечестве: история российской рецепции идей М.М. Бахтина на фоне мировых вызовов».

The study was prepared with financial support from the Russian Science Foundation: project № 23-28-00175 “A Thinker in His Homeland: the History of Russian Reception of M.M. Bakhtin’s Ideas against the World Challenges”.

Список источников

1. Карпунов Г. В., Борискин В. М., Естифеева В. Б. Михаил Михайлович Бахтин в Саранске: Очерк жизни и деятельности. 2-е изд., перераб. и доп. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1995. 28 с.
2. Газета «Молот» (1918–1920). Составление и комментарий Л. М. Максимовской // Невельский сборник. Вып. 1. СПб: Акрополь. С. 147–158.
3. Emerson C. The First Hundred Years of Mikhail Bakhtin Princeton: Princeton University Press, 1997. 296 p.
4. Махлин В. Л. Бахтин и Запад (Опыт обзорной ориентации). Статья I // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 94–114.
5. Долгорукова Н. М. Стратегии рецепции М. М. Бахтина в СССР. К постановке проблемы // Новый филологический вестник. 2017. № 1 (40). С. 2–34.
6. Осовский О. Е. В зеркале «другого»: рецепция научного наследия М. М. Бахтина в англо-американском литературоведении 1960-х – середины 1990-х годов. Саранск: [б. и.], 2003. 147 с.
7. Осовский О. Е., Дубровская С. А. Бахтин, Россия и мир: рецепция идей и трудов ученого в исследованиях 1996–2020 годов // Научный диалог. 2021. № 7. С. 227–262.
8. Осовский О. Е., Дубровская С. А., Маслова Е. Г. «С радостью даю свое авторское согласие...»: М. М. Бахтин и структуралисты в интеллектуальном пространстве 1960-х – начала 1970-х гг. // Вопросы философии. 2023. № 6. С. 138–151.
9. Дубровская С. А. М. М. Бахтин в литературной жизни Мордовии 1940-х –1960-е гг. // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 4. С. 633–641.
10. Миркина Р. М. Бахтин, каким я его знала: (Молодой Бахтин) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 1 (2). С. 90–96.

11. Туханов Г. Миша и Коля: Брат-Другой. (пер. с англ. Е. Канищевой и А. Полякова) // Новое литературное обозрение. 2002. № 57. С. 54–68.

12. Егоров Б. Ф. Общее и индивидуальное: братья Бахтины // От Хомякова до Лотмана. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 210–216.

13. Christian R. F. «Some Unpublished Poems of Nicholas Bachtin» // Oxford Slavonic Papers. 1977. № 10. P. 107–119.

14. Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin: [A biography]. Cambridge, Mass.; London: Belknap press of Harvard univ. press, 1984. XIV. 398 p.

15. М.М. Бахтин: Беседы с В. Д. Дувакиным. М.: Согласие, 2002. 398 с.

16. Николаев Н. И. Тептелкин и другие в романе Конст. Вагинова «Козлиная песнь» // Литературный факт. 2017. № 4. С. 233–267.

17. Вагинова А. И. Ненаписанные воспоминания / Вступление и интервью С. А. Кибальника // Волга. Саратов. 1992. № 7/8. С. 152–153.

18. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений с приложениями: В 11 т. Т. 8: Письма. 1927–1934. М.: Слово, 2005. 768 с.

19. Тахо-Годи Е. А. Художественный мир прозы А. Ф. Лосева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. 399 с.

20. Кузнецов А. М. «Узрение существа музыки при посредстве естества женского и безумия артистического...» // Новый мир. 1994. № 6. С. 223–228.

21. Кибальник С. А. «Роман с ключом» в русской прозе 1920–1930-х годов («Женщина-мыслитель» Алексея Лосева и «Козлиная песнь» Константина Вагинова) // Вестник СПбГУ. Серия 9. 2014. Выпуск 2. С. 24–30.

22. Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имен А. И. Добкина. М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992. 512 с.

23. Осовский О. Е., Дубровская С. А. Бахтин, Федин, Шкловский. Два малоизвестных эпизода из биографии Михаила Бахтина // Вопросы литературы. 2021. № 1. С. 191–216.

24. Кожин В. В. «Так это было ...» // Дон. 1988. № 10. С. 156–159.

25. Федин К. А. Письмо и телеграмма к М. М. Бахтину // ОР РГБ. Ф. 913. Оп. 14. Ед.хр. 23. 3 л.

26. Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Рецензия А. А. Бека на книги М. М. Бахтина для приемной комиссии Союза писателей СССР // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2020. № 3 (7). С. 81–91.

27. Новиков В. И. Заскок: эссе, пародии, размышления критика. 1986–1997. М.: Издательство «Книжный сад», 1997. 416 с.

References

1. Karpunov, G. V., Boriskin, V. M., Estifeeva, V. B. (1995). *Mikhail Mikhailovich Bakhtin v Saranske: Ocherk zhizni i deyatel'nosti* [Mikhail Mikhailovich Bakhtin in Saransk: A Sketch of His Life and Work]. 2-е

- izd., pererab. i dop. 28 p. Saransk, izd-vo Mordov. un-ta. (In Russian)
2. *Gazeta "Molot" (1918-1920) Sostavlenie i kommentarii L. M. Maksimovskoi* ["The Molot" Newspaper (1918–1920). Compilation and Commentary by L. M. Maksimovskaya]. Nevel'skii sbornik. Vyp.1. Pp. 147–158. Petersburg, Akropol'. (In Russian)
 3. Emerson, C. (1997). *The First Hundred Years of Mikhail Bakhtin*. 296 p. Princeton, Princeton University Press. (In English)
 4. Makhlin, V. L. (1993). *Bakhtin i Zapad (Opyt obzornoj orientatsii)* [Bakhtin and the West (The experience of survey orientation)]. *Voprosy filosofii*. No. 1, pp. 94–114. (In Russian)
 5. Dolgorukova, N. M. (2017). *Strategii retseptsii M. M. Bakhtina v SSSR. K postanovke problemy* [Strategies of M. M. Bakhtin's Heritage Reception in the USSR: A Problem Statement]. *Novyi filologicheskii vestnik*. No. 1(40), pp. 2–34. (In Russian)
 6. Osovskii, O. E. (2003). *V zerkale "drugogo": retseptsiya nauchnogo naslediya M. M. Bakhtina v anglo-amerikanskom literaturovedenii 1960-kh – serediny 1990-kh godov* [In the Mirror of the "Other": The Reception of M. M. Bakhtin's Scientific Heritage in Anglo- American Literary Criticism of the 1960s –mid 1990s]. 147 p. Saransk, [b.i.]. (In Russian)
 7. Osovskii, O. E., Dubrovskaya, S. A. (2021). *Bakhtin, Rossiya i mir: retseptsiya idei i trudov uchenogo v issledovaniyakh 1996-2020 godov* [Bakhtin, Russia and the World: Reception of the Scientist's Ideas and Works in the Research of 1996–2020]. *Nauchnyi dialog*. No. 7, pp. 227–262. (In Russian)
 8. Osovskii, O. E., Dubrovskaya, S. A., Maslova, E. G. (2023). *"S radost'yu dayu svoe avtorskoe soglasie..." : M. M. Bakhtin i strukturalisty v intellektual'nom prostranstve 1960-kh – nachala 1970-kh gg.* ["I Gladly Give My Author's Consent...": M. M. Bakhtin and the Structuralists in the Intellectual Space of the 1960s and Early 1970s]. *Voprosy filosofii*. No. 6, pp. 138–151. (In Russian)
 9. Dubrovskaya, S. A. (2020). *M. M. Bakhtin v literaturnoi zhizni Mordovii v 1940-kh -1960-kh gg.* [M. M. Bakhtin in the Literary Life of Mordovia in the 1940s–1960s]. *Vestnik ugrovedeniya*. T. 10. No. 4, pp. 633–641. (In Russian)
 10. Mirkina, R. M. (1993). *Bakhtin, kakim ya ego znala: (Molodoi Bakhtin)* [Bakhtin as I Knew Him: (Young Bakhtin)]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*. No. 1(2), pp. 92–96. (In Russian)
 11. Tikhanov, G. (2002). *Misha i Kolya: Brat-Drugoi* [Misha and Kolia: Thinking the (Br)Other]. (Per. s angl. E. Kanishhevoi i A. Polyakova). *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 57, pp. 54–68. (In Russian)
 12. Egorov, B. F. (2003). *Obshchee i individual'noe: brat'ya Bakhtiny* [The Common and the Individual: The Bakhtin Brothers]. *Ot Homyakova do Lotmana*. Pp. 210–216. Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury. (In Russian)
 13. Christian, R. F. (1977). *"Some Unpublished Poems of Nicholas Bachtin"*. *Oxford Slavonic Papers*. No. 10, pp. 107–119. (In English)
 14. Clark, K., Holquist, M. (1984). *Mikhail Bakhtin: A Biography*. XIV. 398 p. Cambridge, Mass.; London, Belknap press of Harvard univ. press. (In English)
 15. M. M. Bakhtin: *Besedy s V. D. Duvakinym* (2002). [M. M. Bakhtin: Conversations with V. D. Duvakin]. 398 p. Moscow, Soglasie. (In Russian)
 16. Nikolaev, N. I. (2017). *Teptelkin i drugie v romane Konst. Vaginova "Kozlinaya pesn"* [Teptyolkin and Others in Konstantin Vaginov's "Satyr Chorus"]. *Literaturnyi fakt*. No. 4, pp. 233–267. (In Russian)
 17. Vaginova, A. I. (1992). *Nenapisannnye vospominaniya. Vstuplenie i interv'yu S. A. Kibal'nika* [Unwritten Memories. An Introduction and Interview by S. A. Kibalnik]. *Volga. Saratov*. No. 7/8, pp. 152–153. (In Russian)
 18. Pasternak, B. L. (2005). *Polnoe sobranie sochinenii s prilozheniyami* [Complete Works with Appendices]. V 11 t. T. 8: *Pis'ma. 1927—1934*. 768 p. Moscow, Slovo. (In Russian)
 19. Takho-Godi, E. A. (2007). *Khudozhestvennyi mir prozy A. F. Loseva* [The Artistic World of the Prose of A. F. Losev]. 399 p. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya. (In Russian)
 20. Kuznetsov, A. M. (1994). *"Uzrenie sushchestva muzyki pri posredstve estestva zhenskogo i bezumiya artisticheskogo..."* ["Beholding the Essence of Music through the Feminine Nature and the Artistic Madness..."]. *Novyi mir*. No. 6, pp. 223–228. (In Russian)
 21. Kibal'nik, S. A. (2014). *"Roman s klyuchom" v russkoi proze 1920-kh-1930-kh godov ("Zhenshhinamyslitel" Alekseya Loseva i "Kozlinaya pesn" Konstantina Vaginova)* ["Roman à clef" in Russian Prose of the 1920s and 1930s (Alexei Losev's "The Woman-Thinker" and Konstantin Vaginov's "Satyr Chorus")]. *Vestnik SPbGU. Seriya. 9. Vypusk 2*, pp. 24–30. (In Russian)
 22. Antsiferov, N. P. (1992). *Iz dum o bylom: Vospominaniya* [From Thoughts of the Past: Memories]. *Vstup. st., sost., primech. i annot. ukaz. imen A. I. Dobkina*. 512 p. Moscow, Feniks, Kul'turnaya initsiativa. (In Russian)
 23. Osovskii, O. E., Dubrovskaya, S. A. (2021). *Bakhtin, Fedin, Shklovskii. Dva kmaloizvestnykh epizoda iz biografii Mikhaila Bakhtina* [Bakhtin, Fedin, Shklovsky. Two Little-Known Episodes from the Biography of Mikhail Bakhtin]. *Voprosy literatury*. No. 1, pp. 191–216. (In Russian)
 24. Kozhinov, V. V. (1988). *"Tak eto bylo ..."* ["So It Was ..."]. *Don*. No. 10, pp. 156–159. (In Russian)
 25. Fedin, K. A. *Pis'mo i telegramma k M. M. Bakhtinu* [A Letter and a Telegram to M. M. Bakhtin]. *OR RGB. F. 913. Op.14. Ed.hr.23. 3L*. (In Russian)
 26. Vasil'ev, N. L., Zhatkin, D. N. (2020). *Retsenziya A. A. Beka na knigi M. M. Bakhtina dlya priemnoi komissii Soyuzha pisatelei SSSR* [A. A. Bek's Review of M. M. Bakhtin's Books for the Admission Committee of the Union of Writers of the USSR]. *Palimpsest. Literaturovedcheskii zhurnal*. No. 3(7), pp. 81–91. (In Russian)
 27. Novikov, V. I. (1997). *Zaskok: esse, parodii, razmyshleniya kritika.1986–1997* [A Mad Joke: Essays, Parodies, Reflections of a Critic. 1986–1997]. 416 p. Moscow, izdatel'stvo "Knizhnyi sad". (In Russian)

The article was submitted on 18.06.2023
Поступила в редакцию 18.06.2023

Осовский Олег Ефимович,
профессор,
главный научный сотрудник,
Мордовский государственный
педагогический университет
имени М.Е. Евсевьева,
430007, Россия, Саранск,
Студенческая, 11 А.
osovskiy_oleg@mail.ru

Дубровская Светлана Анатольевна,
профессор,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева,
430005, Россия, Саранск,
Большевикская, 68.
s.dubrovskaya@bk.ru

Osovskiy Oleg Efimovich,
Professor,
Principal Researcher,
M. Evseyev Mordovia State
Pedagogical University,

11 A Studencheskaya Str.,
Saransk, 430007, Russian Federation.
osovskiy_oleg@mail.ru

Dubrovskaya Svetlana Anatolievna,
Professor,
National Research Mordovia State University
named after N. Ogarev,

68 Bolshevikskaya Str.,
Saransk, 430005, Russian Federation.
s.dubrovskaya@bk.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-151-156

Б. В. БЕР И А. К. ШЕЛЛЕР-МИХАЙЛОВ: ИСТОРИЯ ТВОРЧЕСКОГО ДИАЛОГА

© Иван Перепелкин, Михаил Перепелкин

B. BER AND A. SHELLER-MIKHAILOV: THE HISTORY OF A CREATIVE DIALOGUE

Ivan Perepelkin, Mikhail Perepelkin

The article is devoted to the history of a creative dialogue between the poet and translator B. Ber and his literary patron A. Sheller-Mikhailov. The correspondence between the two writers, which began in 1895, continued until 1900 when the latter died. The surviving part of the epistolary genre (letters from A. Sheller-Mikhailov to B. Ber) contains about twenty documents; B. Ber's response letters have not been found yet. Based on the analysis of their correspondence, the history of their acquaintance, the literary ties and cooperation between the two artists of the realistic and pre-modernist trends is restored, the main motives of their correspondence are revealed, which, on the one hand, is the evidence of the acquaintance and communication of representatives of different literary generations; on the other hand, it is a curious epistolary text that actualizes such meanings as "old" and "young", "capital" and "province", "craft" and "inspiration". Particular attention is paid to literary masks and game strategies used by the addressee and the sender of the letters, framing the epistolary dialogue as an aesthetic phenomenon and an artistic act. The study of the creative dialogue between B. Ber and A. Sheller-Mikhailov is interesting as it enables to characterize each of the participants in the correspondence and to understand the nature of pre-modernist aesthetics, which was formed in the conditions of simultaneous assimilation and rejection of classical traditions.

Keywords: B. Ber, A. Sheller-Mikhailov, correspondence, creative dialogue, main motives, pre-modernism

Статья посвящена истории творческого диалога между поэтом и переводчиком Б. В. Бером и его литературным покровителем А. К. Шеллер-Михайловым. Начавшаяся в 1895 году, переписка двух литераторов продолжалась вплоть до 1900 года, когда второго из них не стало. Сохранившаяся часть эпистолярия (письма А. К. Шеллер-Михайлова к Б. В. Беру) насчитывает около двух десятков документов, ответные письма Б. В. Бера пока не найдены. На основе анализа восстанавливается история знакомства, литературных связей и сотрудничества двух художников реалистического и предмодернистского направлений, выявляются основные мотивы переписки, являющейся, с одной стороны, свидетельством знакомства и общения представителей разных литературных поколений, а с другой – любопытным эпистолярным текстом, актуализирующим такие смыслы, как «старое» и «молодое», «столица» и «провинция», «ремесло» и «вдохновение». Особое внимание обращается на литературные маски и игровые стратегии, применяемые адресатом и адресантом писем, оформляющим эпистолярный диалог друг с другом как эстетическое явление и художественный акт. Рассмотрение творческого диалога между Б. В. Бером и А. К. Шеллер-Михайловым интересно как с точки зрения характеристики каждого из участников переписки, так и с точки зрения понимания природы предмодернистской эстетики, формировавшейся в условиях одновременного усвоения и отторжения классических традиций.

Ключевые слова: Б. В. Бер, А. К. Шеллер-Михайлов, переписка, творческий диалог, основные мотивы, предмодернизм

Для цитирования Перепелкин И., Перепелкин М. Б. В. Бер и А. К. Шеллер-Михайлов: история творческого диалога // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 151–156. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-151-156

Имя поэта и переводчика Б. В. Бера (1871–1921) сегодня уже не относится к забытым: статья о нем и о его творчестве опубликована в авторитетном библиографическом словаре

«Русские писатели 1800–1917 гг.» [1, с. 240], фигурирует его имя и в публикациях, посвященных его современникам: М. Горькому [2], А. А. Кондратьеву [3], [4], [5] и некоторым другим [6]. Изучаются его переводы [7], [8] и оригинальные сочинения; среди последних исследований есть и несколько работ, написанных нами – как самостоятельно, так и в соавторстве с другими исследователями [9], [10], [11]. Тем не менее назвать Б. В. Бера изученным еще далеко нельзя: до сих пор не выявлены истоки его поэтики, практически не описано – за очень редкими исключениями – творческое окружение и творческие же контакты, не выяснено влияние Б. В. Бера на современников, если такое влияние имело место. Для того же, чтобы предположить и факт этого влияния, и – довольно заметной роли, которую мог играть в литературном процессе своего времени Борис Бер как представитель русского поэтического предмодернизма, на наш взгляд, есть все условия: выходец из дворянской семьи, Бер учился в Московском, Петербургском и Казанском университетах, знал несколько иностранных языков (и служил цензором иностранных периодических изданий), на протяжении многих лет публиковался в столичных журналах – «Вестнике Европы» и «Живописном обозрении», и, наконец, выпустил три собственные книги стихов (1897, 1907, 1917) и выступал с переводами М. Метерлинка, Э. Верхарна и других поэтов. Среди знакомых и даже близких друзей Б. В. Бера в разное время были уже названные А. Блок и А. Кондратьев, А. Добролюбов и М. Горький, и еще многие другие, переписывавшиеся с ним, дававшие ему свои советы или, напротив, прибегавшие к его помощи и искавшие советов у него, может быть, не всегда успешного в продвижении результатов своего литературного труда, но – трудившегося упорно и настойчиво, е покладая рук.

Эта работа посвящена истории только одного знакомства и творческого диалога Б. В. Бера с его старшим современником и литературным покровителем А. К. Шеллер-Михайловым, личные и творческие связи Бера с которым датируются 1895–1900 годами и еще никогда не были объектом исследовательского внимания. По нашему мнению, изучение творческого взаимодействия молодого поэта (в 1895 году Б. В. Беру исполнилось 24 года) с его старшим современником и литературным патроном способно уточнить наше представление об истоках русского предмодернизма и тех, кто его создавал, с одной стороны, ища поддержки у литераторов более старшего поколения, а с другой – отталкиваясь от их опыта и по-своему переосмысляя и его, и те во-

просы, и проблемы, которые волновали предыдущее литературное поколение.

В нашем исследовании мы будем опираться на эпистолярное наследие Б. В. Бера, ныне хранящееся в фондах Самарского литературно-мемориального музея имени М. Горького. Значительную часть этого эпистолярия – восемнадцать документов – составляют письма и телеграммы А. К. Шеллер-Михайлова, написанные в том числе в ответ на эпистолярные же послания самого Б. В. Бера. К сожалению, послания Б. В. Бера не сохранились или пока не обнаружены нами в других архивохранилищах, их поиск – дело будущего. Письма же и телеграммы А. К. Шеллер-Михайлова, писавшиеся в продолжении нескольких лет, представляются любопытным для исследователя объектом, в котором от документа к документу разворачивается как не лишенная интереса история биографического характера, так и весьма насыщенная, а местами – драматическая, история творческих связей.

Но сначала – несколько слов о самом А. К. Шеллер-Михайлове. Родившийся в 1838 году, он, по выражению исследовательницы, «до самого конца оставался в русской литературе представителем „шестидесятых“ – по своей любви ко всем униженным и забытым, по своей вере в разум человека и его волю» [12, с. 4]. Автор поэтических произведений и романов «Гнилые болота», «Лес рубят – щепки летят», «Ртищев» и других, переводчик Гервера и Шамиссо, Гартмана и Петефи, писатель был лично знаком с М. Е. Салтыковым-Щедриним и П. Н. Ткачевым, К. М. Скабичевским и многими другими литераторами, и до конца своих дней (его не стало в конце 1900-го) оставался на своем литературном посту, в силу своих сил исполняя взятые им на себя обязанности бытописателя и наставника молодых литературных сил, одной из которых и был Б. В. Бер.

Как уже было сказано, переписка Б. В. Бера с А. К. Шеллер-Михайловым началась в 1895 году и продолжалась до начала 1900-го, то есть оборвалась буквально за несколько месяцев до конца литературного покровителя молодого поэта.

Начало переписки Б. В. Бера с А. К. Шеллер-Михайловым относится к концу марта 1895 года, когда последний пригласил к себе в гости, видимо, находившегося в Петербурге молодого поэта: «Я на ногах. Больна Татьяна Николаевна. Тем не менее в понедельник и в четверг, если соберется ко мне, буду рад видеть Вас» [13] и т. д. Как видно из содержания письма, а также из подписи под ним («Ваш сердечно А. Шеллер»), знакомство между адресатом и адресантом письма имело место и ранее, до конца марта 1895 года, но дру-

гих документов, которые свидетельствовали бы о начале их взаимоотношений, не сохранилось.

Следующее послание А. К. Шеллера-Михайлова датируется уже концом мая того же 1895 года и адресовано им из Петербурга в Ардатов, где в это время находился Б. В. Бер. Как видно из содержания письма, у его автора и адресата были общие знакомые (или как минимум один из них – «дядя Андрюша»), приходящиеся родственниками Беру, и о несчастьи этих знакомых Бер сообщил в Петербург, а теперь его петербургский покровитель поделился своими соображениями об услышанном. В этом же письме впервые вводится противопоставление, которое будет еще не раз и не два акцентироваться в переписке между А. К. Шеллер-Михайловым и Б. В. Бером: это противопоставление холодного и неуютного Петербурга, с одной стороны, и почти что райского провинциального «уголка», в котором ныне находится молодой поэт. Тогда как Петербург – это «яма на Митрофаниевском кладбище», полусонные извозчики, бесцельные поездки на «стрелку», чтобы «показать себя всему Петербургу», «уголок», в котором находится поэт, – тихое, спокойное и умиротворяющее пространство. Указанное противопоставление осложняется и еще одним, возрастным: поэт, как подчеркивает автор письма, молод и поэтому беззаботен, а его петербургский визави – «ходячая хандра», которая вот-вот «пристроится в свою яму на Митрофаниевском кладбище, где он имеет счастье состоять помещиком» [14].

С противопоставления стареющего себя и молодого и энергичного адресата начинается и следующее письмо А. К. Шеллер-Михайлова от 24 июня этого же года. Рассказывая о себе и о своей жизни, автор письма настроен философски («Живу я по-старому: „день пережил и слава Богу!“ . Впрочем, миром я доволен: тепло, солнечно, я езжу <неразб.> во всех направлениях, а на днях хочу махнуть даже в Гельсингфорс» [15]), а размышляя о жалобах своего молодого друга – ироничен и в то же время довольно настойчив в своей критике его хандры и лени. Письмо заканчивается вопросом: «Журнал, надеюсь, получаете?» [15]. По всей видимости, речь идет о журнале «Живописное обозрение», выходившем в это время в Петербурге. Косвенным образом на это указывает письмо, написанное А. К. Шеллер-Михайловым на бланке этого журнала некоторое время спустя, а также – публикации Б. В. Бера на страницах «Живописного обозрения».

В письме от 11 июля А. К. Шеллер-Михайлов продолжил играть взятую им на себя ранее роль наставника, призывающего взяться за ум юношу, способного на необдуманные шаги и поступки:

«Я вообще боюсь за Вас, когда вспоминаю, что ни сегодня, так завтра Вы опять начнете жизнь бродячей кометы. Это очень красиво в поэзии, а на практике это слишком скоро изнашивает человека» [16]. Жизнь «бродячей кометы» представляется автору письма «красивой в поэзии», но совсем иной «на практике», из чего можно заключить, что «поэзия» и «практика» существуют в сознании А. К. Шеллер-Михайлова по разные стороны некой оси координат, противопоставлены друг другу и имеют очень мало общего. Свою роль наставника он видит в том числе и в том, чтобы предостеречь юношу от их неоправданного сближения, являющегося, с его точки зрения, результатом заблуждения и юношеской незрелости.

Первое осеннее письмо 1895 года, датированное 4 октября, интересно с точки зрения «литературной» жизни Б. В. Бера: в нем А. К. Шеллер-Михайлов дает пространственный комментарий относительно удавшихся и неудавшихся публикаций молодого поэта, а также описывает картину литературного мира столицы середины 1890х гг. Встречаются в этом письме и интересные своей субъективной оценкой высказывания в отношении редакций журналов и отдельных литературных деятелей. А вот дальше в письме А. К. Шеллер-Михайлова появляется имя человека, по его мнению, этот волне «лай» заслужившего, – этим человеком оказывается «психопат Добролюбов», творчество которого не только вызывает сочувствия у пишущего, но представляется ему синонимом разложения поэзии и конца искусства, «петербургским кошмаром»: *«Вы помните этого субъекта? Или все петербургское стало для Вас полузабытым кошмаром?»* [17]. Интересна и фраза в самом конце этого же письма: *«„Отверженного“ написал он! Каково? Удивил?»* [17], которая, судя по всему, имеет все основания относиться к добролюбовской же поэтической книге «Natura naturans. Natura naturata», вышедшей в 1895 году и «по словам одного из критиков, ошеломившей читателей „как свалившийся на голову кирпич“» [18, с. 151].

Следующее письмо, датированное 4 ноября, также посвящено Добролюбову и начинается со слов: *«Дорогой Борис Владимирович, посылаю, согласно Вашему желанию, безумие Добролюбова»* [19], а также содержит ряд комментариев самого А. К. Шеллер-Михайлова: *«Действительно, смотря на эту книгу, сомневаешься в здравом уме автора. И сколько претензий – я сказал бы: бесстыдных, если бы мог представить тут хоть искру сознательного»* [19].

Любопытно, что тема «здорового ума» и «сумасшествия», актуализировавшаяся в переписке Б. В. Бера и А. К. Шеллер-Михайлова, либо – только в письмах последнего, в связи с книгой «психопата Добролюбова», развивалась в этих письмах и далее, но – уже безотносительно автора «*Natura naturans. Natura naturata*».

В других письмах 1896 года – от 26 марта и от 29 июня – развиваются те же, ранее уже поднятые в переписке темы – неоправданности хандры, противопоставления обреченности и старости – энергии и молодости, желания и невозможности личной встречи. В ответ на жалобы Б. В. Бера, по всей видимости, настойчиво возвращавшегося в своих письмах в Петербург к теме хандры, завладевающей им в провинции, А. К. Шеллер-Михайлов с такой же настойчивостью жаловался на хандру столичную, петербургскую.

Вопросам «практическим» в письмах 1896 года уделяется не очень много места, но эти вопросы все же поднимаются, и главным образом – два из них: экзаменационный и творческий. Совсем коротким, но, очевидно, долгожданным и чрезвычайно важным для получателя было последнее – телеграфное – послание из Петербурга, датирующееся 13 декабря: «*Казань, Покровская ул<ица>. Борису Владимировичу Беру. Книга вышла. Шеллер*» [19]. Речь в этом послании шла о выходе самой первой поэтической книги Б. В. Бера – «Стихотворения» (СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1897), состоящей из шести разделов («Болезни», «Светлый бог», «Природа и сердце», «Пророк», «Счастье», «Северная легенда»). Есть основания предполагать, что А. К. Шеллер-Михайлов имел к выходу этой книги самое прямое отношение, и именно поэтому сообщение о выходе книги Б. В. Бер также получил от него же.

В 1897 году Б. В. Бер получил три послания от своего петербургского наставника, в первом из которых – февральском – А. К. Шеллер-Михайлов жалуется на свою чрезвычайную занятость, рассказывает о литературных встречах и критикует, хоть и очень мягко, дружески, новые стихи своего адресанта.

Другое письмо, майское, кроме жалоб на занятость и хандру, снова содержит мягкую критику и сетования на то, что Б. В. Бер неоправданно «убивает жизнь» вместо того, чтобы ценить каждое ее мгновение («*Стыдись! Тебе столько дала судьба, что швырять все в грязь не подобает*» [20]). Наконец, сентябрьское письмо 1897 года также содержит жалобы – на занятость, «грызню» окружающих и отсутствие передышки, рас-

сказ о журнале и сообщение о полученных, а также – и неполученных, от Б. В. Бера стихах.

Остальные послания А. К. Шеллер-Михайлова, датирующиеся 1898–1900 гг., очень лаконичны, что было связано, видимо, в том числе с тем, что Б. В. Бер жил в эти годы в Петербурге (перевелся в январе 1899 года из Московского цензурного комитета в петербургский, состоя на службе «чиновником, знающим иностранные языки») и мог лично встречаться с автором писем, который брался за перо только в исключительных случаях, для того чтобы срочно что-либо сообщить или узнать.

Заслуживает внимания, видимо, последнее или одно из последних писем А. К. Шеллер-Михайлова от 11 января 1900 года:

«Милая моя образина! Посылаю тебе отписки. Досадно, что нельзя был сделать на другой бумаге, иначе пришлось бы переделать машину, так как подходящего формата нет. Впрочем, что я говорю тебе об этой технике? Ты все равно ее не поймешь! Конечно, сие удовольствие, то есть отписки, ничего не стоят? Ты все еще валяешься? Скверно, душа моя! Обнимаю и целую твою милую морду. Твой с потрохами А. Шеллер» [21].

Как видно из приведенного письма, отеческая назидательность и желание несколько взбодрить и организовать молодого поэта, чей образ жизни кажется автору письма сибаритским и взбалмошным, никуда не исчезли, но теперь они слегка разбавлены иронией пополам с добродушной и даже отчасти панибратской игрой («милая моя образина», «ты все равно... не поймешь», «сие удовольствие», «ты все еще валяешься», «душа моя», твою милую морду», «твой с потрохами» и т. д.). Чем именно вызвана эта неожиданная смена тона – сказать затруднительно, скорее всего – достаточно длительным (не менее пяти лет) знакомством и сложившимися за эти годы дружескими отношениями; но возможно, сыграло свою роль также и то обстоятельство, что к этому времени вчерашние наставник и его юный протеже превратились если не в собеседников, которые говорили между собой на равных, то стали к этому гораздо ближе, чем в начале их знакомства: к 1900 году Б. В. Бер был автором большой книги стихов, увидевшей свет у известного в России издателя, его стихи регулярно публиковались на страницах столичных изданий, он успел приобрести ряд знакомств в литературном мире – все это вместе и позволило А. К. Шеллер-Михайлову сменить тон, превратившись из серьезного наставника в ироничного товарища.

А. К. Шеллер-Михайлова не стало 21 ноября (4 декабря) 1900 года в Петербурге, после чего

он, в самом деле, «пристроился в свою яму на Митрофаниевском кладбище, где имел счастье состоять помещиком». Б. В. Беру было в это время 29 лет, – неизвестно, был ли он на прощании со своим литературным покровителем и наставником, но то, что это наставничество имело свои результаты, не вызывает сомнения: взяв в августе 1900 года «отпуск по болезни», он отправился в заграничное путешествие, побывал в Италии и в Каире, а по возвращении в Россию поселился в своем «райском уголке» в селе Знаменское Симбирской губернии, больше никогда не возвращаясь к так тяготившей его службе. К этому ли призывал его А. К. Шеллер-Михайлов, приводивший аргументы в пользу окончания университета, оставленного сначала в 1894-м, а затем – в 1898-м году? Таким ли виделась ему, не разгибавшему спины над романами и журнальными номерами, будущность его молодого друга? Об этом мы никогда не узнаем, можно лишь строить предположения, главное из которых состоит в том, что, вынеся из общения со своим наставником, «не имевшим ничего вне литературы, даже семьи» [12, с. 16] и «с самого начала своего творческого пути и до его конца отказывавшегося видеть в ней „забаву, годную для развлечения в минуту праздной скуки“» [Там же], Б. В. Бер по-своему интерпретировал наставления своего покровителя, удалившись из всякой суеты – столичной и служебной – и полностью отдавшись собственной поэзии и переводам любимых поэтов.

Список источников

1. Иванова Е. В. Бер Борис Владимирович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Том 1. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 240–241.
2. Иванова Е. В. Горький и Б. В. Бер // Горький и его эпоха. Исследования и материалы. Выпуск 1. М., 1989. С. 109–119.
3. Письма А. Кондратьева к Б. Беру // Литературное наследство. Том 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 4 книгах. Книга 3. М.: Наука, 1980. С. 277–280.
4. Перепелкин М. А. «Напиши мне про твои розы...». Письма А. А. Кондратьева Б. В. Беру // Performance (Самара). 2006. № 4 (25). С. 8–17.
5. Богомолов Н. А., Соболев А. Л. Письма А. А. Кондратьева к В. Я. Брюсову (окончание) // Литературный факт. 2019. № 11. С. 146–231.
6. Марискин О. И. Поэт Б. В. Бер и революционные события начала XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12–3 (86). С. 123–125.

7. Жаткин Д. Н. Б. Бер – переводчик английских поэтов // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. Сборник научных трудов. М., 2017. С. 112–117.

8. Жаткин Д. Н. Борис Бер – переводчик английских поэтов // Из истории русского художественного перевода первой трети XX века. М., 2019. С. 348–356.

9. Перепелкин И. М. Античные мотивы в поэтике Бориса Бера (на примере стихотворения «Сон отрока») // XLVIII Самарская областная студенческая научная конференция. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 2022. С. 89–90.

10. Перепелкин И. М. «Многим я в жизни молился богам»: античность Бориса Бера // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета. 2022. № 2 (21). С. 134–139.

11. Перепелкин И. М., Перепелкин М. А. Самарский архивист Ф. Г. Попов как исследователь творчества Б. В. Бера // Самарский архивист. 2022. Выпуск 4. С. 114–119.

12. Елизаветина Г. Г. А. К. Шеллер-Михайлов (Очерк творчества) // Шеллер-Михайлов А. К. Лес рубят – щепки летят. Роман. М.: Художественная литература, 1984. С. 3–18.

13. Самарский литературно-мемориальный музей им. М. Горького (далее – СЛМ). КП-3216.

14. СЛМ. КП-3217.

15. СЛМ. КП-3218.

16. СЛМ. КП-3219.

17. СЛМ. КП-3220.

18. Русская поэзия «Серебряного века», 1890–1917: Антология. М.: Наука, 1993. 784 с.

19. СЛМ. КП-3256.

20. СЛМ. КП-3225.

21. СЛМ. КП-3231/2.

References

1. Ivanova, E. V. (1989). *Ber Boris Vladimirovich* [Ber Boris Vladimirovich]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'*. Tom 1, pp. 240–241. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian)
2. Ivanova, E. V. (1989). *Gor'kii i B. V. Ber* [Gorky and B. V. Ber]. *Gor'kii i ego epokha. Issledovaniya i materialy. Vypusk 1*, pp. 109–119. Moscow. (In Russian)
3. *Pis'ma A. Kondrat'eva k B. Beru* (1980) [Letters from A. Kondratiev to B. Ber]. *Literaturnoe nasledstvo. Tom 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniya: V 4 knigakh. Kniga 3*, pp. 277–280. Moscow, Nauka. (In Russian)
4. Perepelkin, M. A. (2006). "Napishi mne pro tvoii rozy...". *Pis'ma A. A. Kondrat'eva B. V. Beru* ["Write to Me about Your Roses ..."]. *Letters from A. A. Kondratiev to B. V. Ber*. *Performance (Samara)*, No. 4 (25), pp. 8–17. (In Russian)
5. Bogomolov, N. A., Sobolev, A. L. (2019). *Pis'ma A. A. Kondrat'eva k V. Ya. Bryusovu (okonchanie)* [Letters from A. A. Kondratiev to V. Ya. Bryusov (the final part)]. *Literaturnyi fakt*, No. 11, pp. 146–231. (In Russian)

6. Mariskin, O. I. (2017). *Poet B. V. Ber i revolyutsionnye sobytiya nachala XX veka* [Letters from A. A. Kondratiev to V. Ya. Bryusov (the final part)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, No. 12–3 (86), pp. 123–125. (In Russian)
7. Zhatkin, D. N. (2017). *B. Ber – perevodchik angliiskikh poetov* [B. Behr – a Translator of English Poets]. *Khudozhestvennyi perevod i sravnitel'noe literaturovedenie. Sbornik nauchnykh trudov*. Pp. 112–117. Moscow. (In Russian)
8. Zhatkin, D. N. (2019). *Boris Ber – perevodchik angliiskikh poetov* [Boris Behr – a Translator of English Poets]. *Iz istorii russkogo khudozhestvennogo perevoda pervoi treti XX veka*. Pp. 348–356. Moscow. (In Russian)
9. Perepelkin, I. M. (2022). *Antichnye motivy v poetike Borisa Bera (na primere stikhotvoreniya “Son otroka”* [Antique Motifs in the Poetics of Boris Ber (based on the poem “The Dream of a Child”)]. XLVIII *Samarskaya oblastnaya studencheskaya nauchnaya konferentsiya. Tezisy dokladov*, pp. 89–90. St. Petersburg. (In Russian)
10. Perepelkin, I. M. (2022). *“Mnogim ya v zhizni molilsya bogam”*: *antichnost' Borisa Bera* [“I Have Prayed to Many Gods in My Life”: Boris Ber’s Antiquity]. *Vestnik molodykh uchenykh i spetsialistov Samarskogo universiteta*, No. 2 (21), pp. 134–139. (In Russian)
11. Perepelkin, I. M., Perepelkin, M. A. (2022). *Samarskii arkhivist F. G. Popov kak issledovatel' tvorchestva B. V. Bera* [The Samara Archivist F. Popov as a Researcher of B. Ber]. *Samarskii arkhivist*, vypusk 4, pp. 114–119. (In Russian)
12. Elizavetina, G. G. A. K. *Sheller-Mikhailov (Ocherk tvorchestva)* [A. K. Sheller-Mikhailov (An Essay on His Literary Work)]. *Sheller-Mikhailov A. K. Les rubyat – shchepki letyat. Roman*. Pp. 3–18. Moscow, *Khudozhestvennaya literatura*. (In Russian)
13. *Samarskii literaturno-memorial'nyi muzei im. M. Gor'kogo* (dalee – SLM). KP-3216. (In Russian)
14. SLM. KP-3217. (In Russian)
15. SLM. KP-3218. (In Russian)
16. SLM. KP-3219. (In Russian)
17. SLM. KP-3220. (In Russian)
18. *Russkaya poeziya “Serebryanogo veka”, 1890–1917: Antologiya* (1993) [Russian Poetry of the “Silver Age”, 1890 - 1917: An Anthology]. 784 p. Moscow, *Nauka*. (In Russian)
19. SLM. KP-3256. (In Russian)
20. SLM. KP-3225. (In Russian)
21. SLM. KP-3231/2. (In Russian)

The article was submitted on 09.09.2023

Поступила в редакцию 09.09.2023

Перепёлкин Иван Михайлович,
студент,
Самарский национальный исследовательский
университет имени академика
С. П. Королева,
443086, Россия, Самара,
Московское шоссе, 34.
ivan_perepelkin2003@mail.ru

Перепёлкин Михаил Анатольевич,
доктор филологических наук,
профессор,
Самарский национальный исследовательский
университет имени академика
С. П. Королева,
443086, Россия, Самара,
Московское шоссе, 34.
mperepelkin@mail.ru

Perepelkin Ivan Mikhailovich,
student,
Samara University,
34 Moskovskoe Shosse,
Samara, 443086, Russian Federation.
ivan_perepelkin2003@mail.ru

Perepelkin Mikhail Anatol'evich,
Doctor of Philology,
Professor,
Samara University,
34 Moskovskoe Shosse,
Samara, 443086, Russian Federation.
mperepelkin@mail.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-157-162

**«ИНОСТРАНЦЫ НА ЧУЖБИНЕ»: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ
«ОЧЕРКОВ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ» Е. Н. ЧИРИКОВА
«ЧУЖЕСТРАНЦЫ»**

© Михаил Перепёлкин, Оксана Пелевина

**“FOREIGNERS IN A FOREIGN LAND”: A HISTORICAL CONTEXT OF
“STRANGERS” FROM E. CHIRIKOV’S “ESSAYS ON PROVINCIAL LIFE”**

Mihail Perepelkin, Oksana Pelevina

Written at the turn of the 19th– 20th centuries, Evgeny Chirikov’s novel “Strangers”, reflecting the realities of provincial life, received an impressive number of critical reviews from the author’s contemporaries. However, decades later, critics took a different look at the work of E. Chirikov. The article examines the historical context of the novel created by the writer, searches for real prototypes of the characters depicted by the author, authentic events that served as a source of inspiration for Chirikov; as a result, the position of the writer’s contemporary critics is questioned. We have established that several episodes of the Samara “newspaper battles” of the 1880s – 1890s were taken as the basis for the plot development in the story “Strangers” by E. Chirikov, the main episode was the short “Marxist” period of “The Samara Vestnik”. We suggest that, while depicting Samara and Samara Messenger on the pages of the story, the author of “Strangers” did not copy the reality, recreating it in the way required by the laws of creating an artistic image. Finally, we prove that when creating the images of individual characters in “Strangers”, the writer acted in at least three different ways: “copying” the characters from real prototypes, “splitting” the prototypes into different characters, and finally, combining several real figures into one character.

Keywords: E. Chirikov, novel “Strangers”, “The Samara Vestnik”, R. Zimmerman, Russian literature of the turn of the 19th – 20th centuries

Написанная на рубеже XIX–XX веков повесть писателя Евгения Николаевича Чирикова «Чужестранцы», отражающая реалии провинциальной жизни, получила впечатляющее количество критических отзывов от современников автора. Однако спустя десятилетия критики по-иному взглянули на произведение Е. Н. Чирикова. В статье рассматривается исторический контекст созданной писателем повести, проводится поиск реальных прототипов изображенных автором персонажей, подлинных событий, послуживших источником вдохновения для Чирикова, подвергается сомнению позиция современных писателю критиков. Установлено, что в основу сюжетного развертывания повести «Чужестранцы» Е. Н. Чирикова положены сразу несколько эпизодов самарских «газетных баталий» 1880–90-х гг., главным из которых стал недолгий «марксистский» период «Самарского вестника». Также выдвинуто предположение о том, что, изображая на страницах повести Самару и «Самарский вестник», автор «Чужестранцев» не копировал реальность, пересоздавая ее так, как того требовали законы создания художественного образа. Наконец, доказано, что, создавая образы отдельных персонажей в «Чужестранцах», писатель действовал как минимум тремя разными способами: «срисовывая» героев с реальных прототипов, «раздваивая» прототипы на различных персонажей и, наконец, объединяя несколько реальных фигур в одного героя.

Ключевые слова: Е. Н. Чириков, повесть «Чужестранцы», «Самарский вестник», Р. Э. Циммерман, русская литература рубежа XIX–XX веков

Для цитирования Перепёлкин М., Пелевина О. «Иностранцы на чужбине»: исторический контекст «очерков провинциальной жизни» Е. Н. Чирикова «Чужестранцы» // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 157–162. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-157-162

В 1899 году в трех номерах журнала «Жизнь» увидела свет повесть Е. Н. Чирикова «Чужестранцы (Очерки провинциальной жизни)», вы-

званная бурную полемику в читательских кругах и принеся, вместе с другой повестью примерно этого же времени – «Инвалиды», ее автору

первую широкую известность. Подытоживая, однако, оценки критиков, выступивших с откликами на «Чужестранцев», современный исследователь А. В. Назарова констатирует, что повесть была воспринята как «самое плохое по выполнению» и «производящая неясное и неотчетливое впечатление» произведение писателя, представляющее собой «легкомысленно-ребячливую экскурсию в область нравственно-политических вопросов». Причину этого неприятия критикой чириковской повести тот же исследователь видит в сложности позиции писателя, который, с одной стороны, рассуждает о «непрактичности, идеализме, порой даже некоторой зашоренности взглядов народников» [1, с. 182], а с другой – «отмечает ряд отгаликивающих черт и у представителей марксистской идеологии, рисует их самоуверенность, надменность, а порой и просто агрессию по отношению к инакомыслящим» [Там же]. Полагаем, что к этим оценкам современной писателю критики сегодня есть что добавить, тем более что в основу повести легла реальная ситуация, имевшая место в Самаре, где писатель жил в 1894–95 гг., и, наблюдая которую, он во многом нашел для себя именно ту позицию, что так или иначе будет занимать и во многих других своих произведениях, написанных как в России, так и многие годы спустя в эмиграции.

Итак, прежде всего – несколько слов о фабуле чириковской повести. Действие повести разворачивается в провинциальном городе «в глубине России» [2], общество которого занято службой, интригами, благотворительными спектаклями, спиритическими сеансами и т. д. В то же самое время в этом городе, но – «обособленно, совершенно в стороне от местного культурного общества, живет кучка интеллигентов» [Там же], которые держались «своим кругом и не имели решительно никаких соприкосновений с общественной жизнью города, чуждые его интересов, злоб дня, дрязг и сплетен» [Там же]. Неожиданное оживление в эту давно сложившуюся и ничем не нарушаемую жизнь двух разных слоев городского общества, и особенно – второго из них, вносят два одновременно произошедших события: приезд в город семейства Промотовых, состоящего из кандидата прав и марксиста Владимира Николаевича и его жены Зинаиды Петровны, и – предложение, сделанное редактором местной газеты «Вестник» одному из «чужестранцев», сыну купца Тарасова, о приобретении газеты, оказавшейся без средств к существованию. Приняв это предложение, «чужестранцы» преобразуются, занявшись увлекательным и общественно-полезным делом, а сре-

ди читателей газеты появляются даже рабочие, находящиеся среди помещаемых на ее страницах материалов отвечающие и их классовым интересам также. Но длится этот газетный подъем совсем недолго: цензор не пропускает материалы, редактор-издатель Евгений Алексеевич Тарасов, увлеченный любовным чувством к интриганке Стоцкой, забывает о своих деловых обязанностях, а в довершение всех несчастий Промотовы ссорятся с Рябчиковыми, сдавшими первым помещению для редакции «Вестника». Подписчики также не жалуют газету под новой редакцией, «засыная над „скудной материей“, бесчисленными цифрами, фактами <...> и удивляясь непонятной полемике из-за каких-то там „факторов“ политических, экономических и нравственных, до которых им не только не было никакого дела, но о существовании которых они подчас даже и не подозревали вовсе» [Там же]. Наконец, бывший владелец «Вестника» наносит последний и решительный удар по терпящей несчастье за несчастьем газете и ее редакции: купив «Справочный листок объявлений», он расширяет его программу и таким образом создает конкурирующее с «Вестником» издание, удовлетворяющее интересам публики и переманившее многих подписчиков. Этот удар сопровождается требованием владельца помещения внести плату за арендуемые площади, уходом из «Вестника» репортеров, а также – размолвками и ссорами среди самих «чужестранцев»; все это вместе ставит точку в издании газеты. Завершается повесть отъездом из города одного из самых убежденных ее сотрудников, Силина: с концом газеты завершается и его миссия в этом городе, который всегда был и впредь останется сонным городом «в глубине России», чуждым каких-либо перемен и обновлений.

Такова фабула «Чужестранцев», а теперь – о том, что предшествовало работе над повестью и о том, осталось за ее рамками.

Е. Н. Чириков приехал в Самару в феврале 1894-го и прожил в ней до июля 1895 года, сотрудничая вначале с «Самарской газетой», а с осени 1894 года, когда группа бывших сотрудников этого издания покинула его и начала свою работу в «Самарском вестнике», он тоже стал сотрудником последнего, публикуя на его страницах в том числе наброски к будущим «Чужестранцам» [3, с. 3]. Живя в Самаре, а после – уехав из нее, но не порвав связей со своими самарскими знакомыми, писатель, разумеется, знал о тех эпизодах газетных баталий, которые имели место как до его приезда сюда, так и во время самарской жизни и службы в газетах, и даже после отъезда с берегов Волги на берега совсем

других рек. Эпизодов же этих было несколько, и каждый из них так или иначе мог отразиться в сюжете чириковской повести.

В повести Е. Н. Чирикова не фигурирует название города, где происходит ее действие, но при этом на страницах повести фигурирует масса подробностей и примет, позволяющих с большой степенью уверенности утверждать, что местом действия является именно Самара. Здесь и Волга («Разлившаяся Волга затопила луговую сторону на целые десятки верст» [2]), и Дворянская улица («Ужасное убийство. На Дворянской улице... А у нас оно имеется?» [Там же]), и описание окраин города, «обратившихся в грязную русскую Венецию» [Там же], и еще многое другое. Разумеется, Чириков – совсем не фотограф, и он не ставил перед собой цели «написать Самару», создавая образ провинциального города «в глубине России», но постольку, поскольку город также участвует в действии повести, писатель наделяет этот образ точными и узнаваемыми характеристиками.

Во многом аналогичной была и ситуация с изображением «газетной истории», выступившей своеобразным центром сюжета повести. Здесь также много совпадений с реальностью – от названия газеты (в повести Чирикова это «Вестник») до целого ряда более или менее явных совпадений в характеристиках героев и обстоятельств (например, среди писем в редакцию, которые получают герои повести, попадает «одно анонимное», автор которого «ругал газету, редактора и всех сотрудников самыми сквернейшими словами и в заключение заявлял: „Читаю «Гражданина» и «Русь» и ничего не боюсь!“» [2]; этот же «девиз» можно встретить и у Н. А. Самойлова, по словам которого в «Самарском вестнике» до обновления его редакции с ним «носился» «один своеобразно идейный сотрудник – И. Н. Ржанов, прототип члена будущего „Союза русского народа“» [4, с. 93]). Но при этом Чириков совершенно не собирался копировать реальность, позволяя себе отступления от нее и даже – весьма серьезные: например, вместо полугода его «чужестранцы» занимаются газетой ровно год – с весны и до весны, и т. д.

В этом контексте представляется любопытным попробовать сделать некоторые предположения о том, кто из реальных сотрудников «Самарского вестника» и близких к этому изданию людей стал или мог стать прототипами «Чужестранцев». И здесь надо прежде всего отметить, что почти с каждым из героев повести Чирикова, по нашему мнению, ситуация обстоит особым образом, требующим самого скрупулезного внимания и анализа.

Во-первых, среди героев повести есть такие, установить прототипы которых не представляется затруднительным. Именно к таким героям принадлежит «редактор местной газеты „Вестник“» Борис Дмитриевич Сорокин, с которым читатель впервые знакомится на заседании правления общества «Мизерикордия» в доме генеральши, а уже затем встречает его в редакции самой газеты и узнает о постигших газету несчастьях, которые вынуждают редактора продать газету марксистам. В том, что Сорокин «списан» Чириковым с владельца и официального редактора «Самарского вестника» Н. К. Реутовского, легко убедиться: его портрет нарисован и мемуаристами Н. А. Самойловым и А. А. Саниным и – Н. Г. Гариным-Михайловским в очерках «В сутолоке провинциальной жизни». Отметим, однако, что, «срисовывая» Сорокина с Реутовского, Чириков позволил себе целый ряд неточностей: например, чириковский Сорокин вначале обращается к «чужестранцам» за помощью и продает им газету, но потом, собравшись с силами, приобретает «Справочный листок объявлений» и тем самым приближает конец «Вестника», тогда как Н. К. Реутовский всегда «был и до конца оставался собственником и официальным редактором „Самарского вестника“» [5, с. 39], даже решительным образом разойдясь во взглядах с его сотрудниками и перестав узнавать и здороваться с некоторыми из них [Там же, с. 42]. Еще одним персонажем, прототип которого может быть идентифицирован с большой вероятностью попадания в цель, является марксист Ерошин, еще до перехода газеты в руки «чужестранцев» уехавший в ссылку в Шенкурск, откуда от него приходят корреспонденции, «обличающие шенкурцев в спячке, в бездеятельности, <...> в индифферентизме к общественным вопросам» [2]. Есть основания думать, что под именем Ерошина на страницах повести был выведен А. А. Складенко, «присылавший свои статьи из Архангельской губернии, где он жил в ссылке» [5, с. 10].

Во-вторых, ряд персонажей, выведенных Чириковым на страницах «Чужестранцев», с трудом поддается однозначной идентификации в реальности, что связано, скорее всего, в том числе со стремлением писателя уйти от слишком явной узнаваемости некоторых из его героев. Речь здесь идет прежде всего о таких значимых для повести персонажах, как Евгений Алексеевич Тарасов и Владимир Николаевич Промотов, первый из которых является в сюжете «Чужестранцев» редактором-издателем «Вестника», а второй значится ее секретарем, но на деле является фактическим редактором газеты. В повести нарисованы развернутые портреты обоих персонажей,

даются их подробные характеристики. Первый из названных героев, Тарасов, – самарец по происхождению, сын богатого купца и домовладельца, выучившийся в местной гимназии, но «добровольно отошедший в сторону» от своих родителей и превратившийся таким образом в «чудака», который занимался живописью и «носил длинные волосы»; к нему и обращается за помощью редактор Сорокин, рассчитывающий на финансовое участие отца Тарасова в делах «Вестника». Став редактором-издателем газеты, Евгений Тарасов относится к этому делу не особенно серьезно, гораздо больше увлекаясь ухаживаниями за вдовой предводителя дворянства Еленой Стоцкой; его несерьезное отношение к делу становится в конечном счете одной из причин краха газеты. Другой герой, Владимир Промотов, окончил юридический факультет в Петербурге, где женился, и после этого несколько лет вместе с женой они прожили в Лаишеве, «на берегу красивой и глубокой Камы», откуда, наконец, они вырвались хоть и не в Петербург, но в город, где могли попробовать найти возможности для применения своих сил и способностей. Став сотрудниками газеты (Владимир Николаевич – ее фактическим редактором, а его жена, Зинаида Петровна, – секретарем), Промотовы вложили в нее все свое состояние, оставшись без которого, они снова превращаются в «свободных художников», горестно радуясь этому обстоятельству.

«Дешифровать» образы Тарасова и Промотова путем «сличения» этих героев с исторической реальностью невозможно: как уже было сказано, редактором-издателем «Самарского вестника» на всем протяжении его выхода оставался один и тот же человек – Н. К. Реутовский, выведенный Чириковым под именем Сорокина, а роль фактического редактора в этой газете играли сразу четыре сотрудника – Р. Э. Циммерман, П. П. Маслов, В. В. Португалов и А. А. Санин. В таком случае, кто же такие Евгений Тарасов и Владимир Промотов?

На наш взгляд, оба эти персонажа были «списаны» автором «Чужестранцев» с одной и той же фигуры – Н. Г. Гарина-Михайловского, с одной стороны, выступившего пайщиком «Самарского вестника» (одним из трех, тогда как двумя другими стали его же гражданская жена В. А. Садовская и не желавшая «отстать от дорогого ей Николая Георгиевича» [5, с. 60] В. Б. Янишевская), а с другой – бывшего ее душой и идеологом (не зря А. А. Санин писал о том, что «Гарин изъявил согласие <выступить пайщиком газеты. – М. П., О. П.>, но под непременным условием, чтобы „Самарский вестник“

сделался марксистским органом» [Там же, с. 22]). Заметим, что причины, которые могли подтолкнуть Чирикова к «раздвоению» реального Гарина-Михайловского были, как были и причины для того, чтобы сделать этот прототип малоузнаваемым, скрывшимся за раздвоением в персонажах повести. Не последнее место среди этих причин принадлежит тем личным обстоятельствам, которые сопровождали пребывание и деятельность Гарина в Самаре в середине 1890-х гг.: продолжая находиться в браке с женой, Н. В. Михайловской, урожденной Чарыковой, он вступил в близкие отношения с В. А. Садовской; обе женщины рожали от него детей, деля между собой привязанность к ним Ники, как они его называли; провинциальное общество же весьма косо смотрело на всю эту ситуацию, на все лады обсуждая ее и осуждая всех ее участников. Так, с нашей точки зрения, на страницах повести могли появиться Промотов-семьянин и Тарасов – женский угодник и воздыхатель, первый из которых – образованный петербуржец и умница, а второй – несколько взбалмошный и чудаковатый провинциал, чуждающийся систематической работы и перебивающийся случайными заработками и подачками сочувствующих ему близких. Гарин удивительным образом умел сочетать в себе и то, и другое, и это хорошо знал Е. Н. Чириков, друживший с ним и в том числе ради этой дружбы «спрятанный» слишком узнаваемого Н. Г. Гарина-Михайловского под личинами сразу двух персонажей – Тарасова и Промотова.

Наконец, в-третьих, читатель встречается на страницах повести с явлением, противоположным описанному выше: в данном случае ее автор не «раздваивает» реальное лицо на двух вымышленных персонажей, а, напротив, создает одного героя, который объединяет в себе черты нескольких реальных. Именно таким персонажем является один из «чужестранцев», Силин, «рисовавший мрачные перспективы судеб русской интеллигенции, обреченной, по его мнению, на вымирание и отступление перед новой классовой интеллигенцией» [2]. По нашему мнению, в СиLINE Чириков соединил всех тех, кто явился, по словам А. А. Санина, «руководителями „первой марксистской газеты в России“» – Р. Э. Циммермана, П. П. Маслова, В. В. Португалова и А. А. Санина. «„Ревельский гражданин“, как он значился в паспорте, недавно возвратившийся из Восточной Сибири, куда был сослан на 5 лет по делу „Самоуправления“; сын казака, выписавшийся из казачьего сословия для получения образования и отсидевший более 2 ½ лет в казанской тюрьме и питерских Крестах; сын врача, не

сделавшийся врачом по воле жандармов; сын священника, бросивший богословие, чтобы изучать медицину, и попавший в те же Кресты» [5, с. 35], – так характеризует четверку редакторов «Самарского вестника» мемуарист. Столь же пестр и портрет Силина, нарисованный в «Чужестранцах» Чириковым: он – «нытик» [2] и «пролетарий-интеллигент» [2], перенес в молодые годы «много страданий», которые «сделали его лицо суровым, избородили лоб морщинами, расшатали здоровье, <...> привели к безверью, к пустоте и бессодержательности, к этому проклятому настроению бессилия и безнадежности» [2]; он – «скептик», который смотрит «холодным взором <...> на грызню интеллигенции» [2]. В газете Силин ведет «литературные заметки и обзоры политической жизни» [2], а после ее окончательного краха добывает себе «разрешение поехать для поправления своего здоровья за границу, на воды» [2], и покидает город.

Пожалуй, ни один из названных сотрудников «Самарского вестника» не сочетал в себе всех перечисленных черт и качеств, но, соединив их всех в фигуру одного персонажа, Чириков убил сразу двух зайцев – и вывел на страницах повести сразу всех, причастных к делу реальных действующих лиц самарской «газетной истории», и – создал фактурного героя со сложившимся характером и отвечающим всем возложенным на него сюжетом повести задачам и ожиданиям. Вместе с тем есть, на наш взгляд, и основания для того, чтобы утверждать, что, создавая образ Силина, Чириков имел в виду в большей степени, чем кого бы то ни было, одного из руководителей самарской «марксистской группы» – Р. Э. Циммермана. Основания эти следующие: именно Циммерман, как мы видели из воспоминаний А. А. Санина, был самым старшим из самарских марксистов и действительно перенес «много страданий», отбыв сибирскую ссылку; подписывавший свои газетные публикации Rigo (от имени французского революционера и деятеля Парижской коммуны Рауля Ригго, погибшего от рук ее противников), он и в самом деле был скептиком, смотревшим свысока на «грызню интеллигенции». Современник Циммермана и М. Горького, хорошо знавший их в самарских период их деятельности, А. А. Смирнов (Треплев) дает такую характеристику Циммерману, часто бывавшему, по его словам, в самарских «салонах», где собиралась демократическая интеллигенция 1890-х: «...бывший студент Петербургского университета, марксист, научно-образованный, высокий шатен лет 28, с очень правильными чертами румяного лица, освещенного большими серыми, немного близорукими

глазами, всегда в золотом пенсне. Эти глаза, пристально глядевшие на собеседника, и большой открытый лоб напоминали критика Д. И. Писарева, как он изображен на всем известном портрете» [6, с. 382]. Напомним также, что, по словам Л. И. Янкиной, именно Р. Э. Циммерман «стоял во главе группы сотрудников» [7, с. 39], порвавшей с «Самарской газетой» и перешедшей в «Самарский вестник». Вместе с тем подчеркнем, что, акцентируя сходства Силина с Циммерманом, Чириков совсем не стремился к тому, чтобы выделить в герое кого-то из прототипов: гораздо важнее ему было другое – подчеркнуть связь героев повести с реальностью, которая не заслоняла вымысел, но и не заслонялась им, вступая с ним в диалогические отношения и углубляя художественные образы.

Сделаем выводы из сказанного выше.

Первое. Установлено, что в основу сюжетного развертывания повести «Чужестранцы» Е. Н. Чирикова положены сразу несколько эпизодов самарских «газетных баталлий» 1880–90-х гг., главным из которых стал недолгий «марксистский» период «Самарского вестника», длившийся с середины октября 1896 года по середину марта следующего, 1897-го.

Второе. Изображая на страницах повести Самару и «Самарский вестник», автор «Чужестранцев» не копировал реальность, отступая от нее и пересоздавая так, как того требовали законы создания художественного образа. Таким образом, между реальностью и вымыслом выстраивается система сложных связей и взаимоотношений, анализ которой углубляет наше представление о художественной реальности «Чужестранцев».

И третье. Создавая образы отдельных персонажей в «Чужестранцах», писатель действовал как минимум тремя разными способами: «срисовывая» героев с реальных прототипов, «раздваивая» прототипы на различных персонажей и, наконец, объединяя несколько реальных фигур в одного героя. В последнем случае Е. Н. Чириков мог акцентировать близость героя к одному или нескольким прототипам (как была акцентирована, например, близость Силина к Р. Э. Циммерману), что совсем не сужало образ, а, напротив, делало его еще более сложным и динамичным.

А в заключение еще раз вернемся к оценкам повести современниками Е. Н. Чирикова, увидевшими в «Чужестранцах» «производящее неясное и неотчетливое впечатление» произведение писателя. По нашему мнению, исторический контекст повести меняет дело, делая позицию писателя вполне ясной и отчетливой, а претензии современной писателю критики – во многом ангажированными с идеологической точки зрения

и не всегда и не во всем последовательными – с эстетической.

Список источников

1. Назарова А. Критическая полемика вокруг повестей Е. Н. Чирикова «Инвалиды» и «Чужестранцы» // Озерная школа. Труды пятой Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. СПб., 2009. С. 174–184.
2. Чириков Е. Н. Чужестранцы. URL: <https://lanterne.ru/evgeniy-chirikov-chuzhestrantsyi.html/2> (дата обращения: 20.04.2023).
3. Перепелкин М. А. Евгений Николаевич Чириков. Самарские страницы жизни и творчества. Самара: ООО «Слово», 2020. 152 с.
4. Самойлов Н. Первая легальная марксистская газета в России («Самарский вестник», 1896–1897 гг.) // Пролетарская революция. 1927. № 4. С. 90–109.
5. Санин А. «Самарский вестник» в руках марксистов (1896–1897 гг.). М., 1933. 74 с.
6. Смирнов (Треплев) А. Театр душ: Стихи. Критические этюды. Воспоминания. Письма. Самара: Издательство «Самарский университет», 2006. 512 с.
7. Янкина Л. И. М. Горький в Самаре. Куйбышев, 1973. 112 с.

References

1. Nazarova, A. (2009). *Kriticheskaya polemika vokrug povestei E. N. Chirikova "Invalidy" i*

“Chuzhestrantsy” [Critical Controversy around E. Chirikov’s Stories “Invalids” and “Strangers”]. *Ozernaya shkola. Trudy pyatoi Mezhdunarodnoi letnei shkoly na Karel'skom peresheike po russkoi literature*, pp. 174–184. St. Petersburg. (In Russian)

2. Chirikov, E. N. “Chuzhestrantsy” [Strangers]. URL: <https://lanterne.ru/evgeniy-chirikov-chuzhestrantsyi.html/2> (accessed: 20.04.2023). (In Russian)

3. Perepelkin, M. A. (2020). *Evgenii Nikolaevich Chirikov. Samarskie stranitsy zhizni i tvorchestva* [Evgeny Nikolaevich Chirikov. Samara Pages of Life and Work]. 152 p. Samara, Slovo. (In Russian)

4. Samoilov, N. (1927). *Pervaya legal'naya marksistskaya gazeta v Rossii ("Samarskij vestnik", 1896-1897)* [The First Legal Marxist Newspaper in Russia (Samarsky Vestnik, 1896–1897)]. *Proletarskaya revolyutsiya*. No. 4, pp. 90–109. (In Russian)

5. Sanin, A. (1933). “*Samarskii vestnik*” v rukah marksistov (1896–1897) [“The Samara Vestnik” in the Hands of the Marxists (1896–1897)]. 74 p. Moscow. (In Russian)

6. Smirnov, (Treplov) A. (2006). *Teatr dush: Stikhi. Kriticheskie etyudy. Vospominaniya. Pis'ma* [Theater of Souls: Poems. Critical Studies. Memories. Letters]. (Samarskii literaturnyi arhiv. Vypusk 1). 512 p. Samara, Samarskii universitet. (In Russian)

7. Yankina, L. I. (1973). *M. Gor'kii v Samare* [M. Gorky in Samara]. 112 p. Kuibyshev. (In Russian)

The article was submitted on 08.09.2023

Поступила в редакцию 08.09.2023

Перепёлкин Михаил Анатольевич,
доктор филологических наук,
профессор,
Самарский национальный исследовательский
университет имени академика
С. П. Королева,
443086, Россия, Самара,
Московское шоссе, 34.
mperepelkin@mail.ru

Пелевина Оксана Владимировна,
аспирант,
Самарский национальный исследовательский
университет имени академика
С. П. Королева,
443086, Россия, Самара,
Московское шоссе, 34.
oxanapele@gmail.com

Perepelkin Mikhail Anatol'evich,
Doctor of Philology,
Professor,
Samara University,

34 Moskovskoe Shosse,
Samara, 443086, Russian Federation.
mperepelkin@mail.ru

Pelevina Oksana Vladimirovna,
graduate student,
Samara University,

34 Moskovskoe Shosse,
Samara, 443086, Russian Federation.
oxanapele@gmail.com

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-163-168

ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ «ДУХА ВРЕМЕНИ» В «ПОВЕСТИ О СИМЕОНЕ СУЗДАЛЬСКОМ КНЯЗЕ» Н. ПОЛЕВОГО

© Маргарита Пономарева

FORMS OF REPRESENTATION OF “THE SPIRIT OF TIMES” IN “THE TALE OF SIMEON THE PRINCE OF SUZDAL” BY N. POLEVOY

Margarita Ponomareva

Romantic historicism is defined by the combination of two basic ideas: the closedness of the historical past and the infinity of being. “The spirit of times” is a category characteristic of Romanticism, which determines the nature of text historicity. For N. Polevoy, it is significant to depict not only the material world, but also the ideological, mental level of comprehension of this world by the perceiving subject - the protagonist of the work (in the dialogues of the characters), as well as the “local flavor” of the characters’ images, largely based on the thinking forms characteristic of a certain time and society. The mental image of the world, formed by the man of the Middle Ages, presupposed the correlation of what was happening with biblical truths. Realizing the limitations of the characters’ idea of the true meaning of the events, the author makes them seek it in disputes. To create a “local flavor”, he also uses the forms of the characters’ names, which acquire a symbolic meaning in the context of the depicted events. All forms of representation of “the spirit of times”, used in the story, allow us to show the ambiguity, the incompleteness of the participants’ knowledge of the events happening around them. To this end, the narrator connects events belonging to the history of different peoples, showing that their participants cannot always even predict how they will interact over time. The “goal-setting” form of “the spirit of times” representation is an appeal to a chronicle source or a direct word of the narrator.

Keywords: “the spirit of times”, artistic and historical prose by N. Polevoy, mental image of the world in the Middle Ages, biblical analogies, romantic historicism

Романтический историзм определяется соединением двух базовых идей: замкнутости исторического прошлого и бесконечности бытия. «Дух времени» – характерная для романтиков категория, определяющая характер историчности текста. Для Н. Полевого значимо достоверное изображение не только материального мира, но и идеологического, ментального уровня постижения этого мира воспринимающим субъектом – героем произведения (в диалогах героев), а также «местный колорит» образов героев, во многом с опорой на формы мышления, характерные для определенного времени и социума. Ментальный образ мира, формируемый человеком средневековья, предполагает соотнесение происходящего с библейскими истинами. Осознавая ограниченность представления героев об истинном смысле событий, он заставляет их искать его в спорах. Для создания «местного колорита» он также использует формы имен героев, которые приобретают символическое звучание в контексте изображаемых событий. Все формы репрезентации «духа времени», которые используются в повести, позволяют показать неоднозначность, неполноту знаний участников событий о том, что происходит вокруг них. С этой целью повествователь соединяет события, принадлежащие истории различных народов, показывая, что участники их не всегда могут даже предположить, как с течением времени они повлияют друг на друга. «Оцельняющей» формой репрезентации «духа времени» становится обращение к летописному источнику или прямое слово повествователя.

Ключевые слова: «дух времени», художественно-историческая проза Н. А. Полевого, ментальный образ мира в эпоху средневековья, библейские аналогии, романтический историзм

Для цитирования Пономарева М. Формы репрезентации «духа времени» в «Повести о Симеоне Суздальском князе» Н. Полевого // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 163–168. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-163-168

«Дух времени» – категория, активно используемая романтиками в рассуждениях об истории и в отдельных аспектах пересекающаяся с таким понятием, как «национальный дух» («народный дух»). Каждая историческая эпоха рассматривается ими как относительно замкнутый период развития народа. Причем у романтиков еще нет понимания исторического развития как процесса постоянно происходящих и постепенно накапливаемых изменений как материального мира, так и психологии человека. Можно сказать, что в прошлом для них существовало несколько (и в каждом национальном варианте различных) обособленных друг от друга «любимых» эпох. Для наших романтиков это или предельно далекая легендарная эпоха (правление первых русских князей), или русское средневековье, или эпоха Смуты, или правления Петра I.

С другой стороны, не менее значимой для романтиков была идея открытости и бесконечности бытия, которая в художественно-исторической прозе могла реализовываться в нескольких аспектах: выделение «сквозных» идей развития (например, покорение кочевыми племенами оседлых народов; в русском варианте – приход варягов на земли славян); эмоциональное «подключение» к историческому прошлому, возможность перенесения в прошлое современных стереотипов восприятия действительности; история как борьба «мнений»; «сопричастность» друг другу национальных историй народов.

Последний аспект оказался наиболее значим для Н. Полевого, одного из самых правоверных русских романтиков, историографа, считавшего, что в основу понимания исторического прошлого должна быть положена идея «народности» (название самого крупного его историографического сочинения – «История русского народа»). Причем народность понимается им не только как выражение пантеистической идеи мировой души или «народного духа», обеспечивающего национальную идентичность, но и как выражение словесного сознания или «местного колорита» небольших социальных общностей (например, жителей одного города). Именно поэтому в центре внимания писателя оказываются эпизоды «столкновения» представителей разных народов, княжеств, государств (не уникальных личностей или психологических феноменов, а представителей определенной «национальной идеи», «народного духа»).

«Дух времени», таким образом, для Н. Полевого становится достаточно содержательно объемной категорией, определяющей характер историчности текста. Она предполагает точность воссоздания реалий действительности,

но намного важнее для писателя изображение идеологического, ментального уровня постижения этого мира воспринимающим субъектом – героем произведения (в диалогах героев), а также «местный колорит» образов героев, во многом с опорой на формы мышления, характерные для определенного времени и социума (это могут быть, например, фольклорные формулы или библейские аналогии). Таким образом, художественная реальность, создаваемая в произведении, обладала историчными, узнаваемыми чертами эпохи, а субъект ее репрезентации в произведении отличался высоким уровнем аналитического сознания (сопоставимым с сознанием человека XIX века (!)), с одной стороны, но историчными формами его выражения – с другой.

В «Повести о Симеоне суздальском князе» Н. Полевого действие разворачивается в 1392 году, когда Великому князю Василию Дмитриевичу удалось наконец-то присоединить Нижегородское княжество к Московскому. Однако сложно назвать эту победу московского князя окончательной, так как в 1393, а потом в 1446 году нижегородским князьям будет удаваться вернуть княжеству независимость, хотя и ненадолго. В Никоновской летописи, отрывком из которой завершается произведение, писатель находит фразу, в которой афористично сформулирована сущность противостояния двух княжеств: «*Суетно есть человеческое спасение и упование, понеже от Бога вся суть возможна, а от человек ничтоже...*» (в оригинале: «*...суетно бо есть спасение челоѡческо, понеже отъ Бога възможна вся, а отъ челоѡкъ ничтоже*» [1, с. 87]) [2, с. 88]. В повести нам и покажут «суетные» попытки князей обмануть друг друга.

Основу сюжетного действия повести составят диалоги героев, которые будут разворачиваться в достаточно условных интерьерах. Локусами, в которых будут происходить события, будут площадь, дома героев, берег Волги, княжеский дворец. Причем практически ни один из этих локусов не имеет специфичных для эпохи деталей, более того, в повести нет ни развернутых, ни схематичных описаний их.

Ненамного подробнее Полевой будет описывать своих героев. Но в тех случаях, когда он будет упоминать детали одежды (охабень, терлик, ферязь и др.) или внешности, он всегда будет точен. Например, показывая встречу Василия Дмитриевича и митрополита Киприана, он так описывает одежду князя: «*Богатый бархатный терлик и шитый шелками охабень были на него надеты, и сабля его блистала дорогими камнями*» [2, с. 65]. Названы два элемента мужского костюма того времени: терлик – вид средней

одежды, поверх которого как раз и носили охабень – вид верхней одежды. Но такие примеры немногочисленны в его произведении. Для Н. Полевого это все виды «внешней декоративности», которым он придает намного меньшее значение, чем обозначению скрытой связи между историческими событиями одной эпохи.

Еще одним способом показать связь героя с эпохой станут имена героев. В произведении практически нет персонажей с вымышленными именами, несмотря на многогеройность повести. Однако не только имена хорошо известных исторических деятелей (Дмитрий Донской, Симеон Дмитриевич, Тохтамыш и т. д.) позволяют показать колорит исторического времени. До сих пор исследователи не обращали внимания на имена второстепенных героев, таких как Некомат и Замятня, считая их просто вымышленными, в лучшем случае отвечающими «духу времени». В то время как на самом деле Некомат является историческим героем, о котором упоминается в Никоновской летописи как о сурожском купце, то есть купце, торгующем с греками. Вместе с Иваном Вельяминовым он принимал активное участие в интригах за Владимирский и Нижегородский ярлыки, именно он ездил за ними в Золотую Орду. Он будет казнен, по всей видимости, за явную политическую активность. Летопись пишет об этом очень скупно: *«тое же зимы убьен бысть некий брех (вздорной человек?) именем Некомат, за некую крамолу бывиую и измену»* [3, с. 236]. Полевой же явно относится к герою с симпатией, но слегка иронично, предлагая свое объяснение его неудержимой энергии. Как и сам Полевой, Некомат по происхождению купец, а значит – предприниматель, человек, старающийся найти свою выгоду в любом деле. Стараясь сохранить свои сбережения, он то склоняется на сторону «московских гостей», то оказывается в толпе новгородцев, выступивших в поддержку нижегородского князя Симеона – словом, политические интриги для него средство сохранения и преумножения своих накоплений.

Нижегородский купец Замятня, действительно, вымышленный герой, но он, как и другие любимые герои Н. Полевого, например Иван Гудошник, активно вторгается в цепь исторических событий. Как и он, Замятня имеет сверхидею – борьба за независимость Суздальско-Нижегородского княжества. И ради этого он готов интриговать, изворачиваться и обманывать. Если вспомнить героя более ранней исторической повести Полевого – Буслая Новгородца, имя которого явно отсылает к фольклорной традиции, то это вторая попытка писателя придумать имя для такого героя. Конечно, это про-

звищное имя происходит от древнерусского слова *замьтъна* ‘волнение, замешательство, смута’. Однако в контексте событий, о которых идет речь в повести, оно получает еще одно дополнительное значение, так как события, происходящие в Нижнем Новгороде, являются отголосками эпохи «великой замьтни» в Золотой Орде, по меткому определению наших летописей. В это время сразу несколько Чингизидов претендовали на правление в Золотой Орде и стремительно сменяли друг друга на престоле в течение 20 лет. Результатом «великой замьтни» стал распад единого государства (Золотой Орды) на три части.

В имени этого персонажа воплощен «дух времени» целой исторической эпохи, объединяющей события на Руси и в Золотой Орде единой логикой – «великой замьтни», феодальных междоусобиц. Имя обычного нижегородского купца с учетом историософской концепции писателя становится символическим, заставляет читателя сопрягать в единое целое события двух национальных исторических процессов.

«Узнаваемость» исторических повестей Н. Полевого определяется тем, что герои сами активно обсуждают события истории, как современные, так и прошлые, как исторические, имеющие общенациональный масштаб, так и бытовые. И это основной для писателя способ репрезентации «духа времени». Например, Истома Захаров, «гость московский» в ответ на пожелание здравствовать, не задумываясь, рассказывает о важном для него событии: *«Вот получил из Москвы грамотки. Жена, дети здоровы, и товар доплелся до Москвы»* [2, с. 28].

В продолжении своей реплики Истома расширяет событийный контекст (*«...невзгода Москве нашей, да и только – опять была немилость божья, пожарный случай <...> почитай, весь посад выгорел, а посад начался с дома окаянного Аврама Армянина»*) [Там же, с. 29]), но не выходит за границы обсуждения «новостей», правда двухгодичной давности. События повести происходят в 1392 году, а знаменитый пожар, виновником которого летопись называла армянина Авраама, произошел в 1390 году (*«...в Петрово говенье, месяца июня в 22 день, бысть пожар на Москве, загореся от Аврама Арменина и несколько тысяць дворов згоре и много зла бысть христианом»*) [4, с. 218]). Хотя неудивительно, что в XIV веке события двухлетней давности кажутся еще актуальными, продолжают обсуждаться. И только в следующей реплике Истома, когда он понимает, чем вызван интерес нижегородца к новостям из Москвы, происходит переключение повествования в иной регистр, в котором событие воспринимается не как частное, бы-

товое, а как имеющее актуальную политическую подоплеку:

«– Хм! Часто горит у вас на Москве!
– Да Москва-то не сгорает!» [2, с. 29].

Последние слова Истома, которые он произносит в тот момент, когда разворачивается активное соперничество суздальских и московских князей за одно из самых больших русских княжеств, воспринимаются и говорящими как декларация позиции купца в этом противостоянии. Истома Захаров – типичный купец, который, зная о противостоянии Нижнего Новгорода и Москвы, продолжает торговать в этих городах (этим он близок и другому купцу – Некомату) и даже не против торговать с татарами – только бы об этом не узнали на Руси, в чем его и обвиняет Замятня («...и вольно ему было сказать тебе, что он не бывал у татар – люди другое поговаривают») [Там же, с. 30]. Так незаметно простой обмен новостями между купцами на площади превращается в обсуждение актуальных политических событий, при этом обе стороны говорят о событиях полунамеками, явно рассчитывая на понимание собеседника.

Полевой уже в этой начальной сцене повести убедительно демонстрирует, как происходит «перекодирование» событий собеседниками с опорой на актуальный исторический контекст. В речи Истома – московского купца – ход исторических событий приобретает Провиденциальный характер («Да Москва-то не сгорает!»), становится проявлением сверхчеловеческой воли: даже такие страшные испытания, как набег Тохтамыша, не могут уничтожить Москвы, «сердца» русской государственности. Для Замятни – нижегородского купца – набег Тохтамыша и участие в нем нижегородских князей – естественная реакция свободолубивых людей на то, что «стал он (Дмитрий Донской. – М. П.) гнуть других» [Там же, с. 33], пытаться подчинить единой централизованной власти.

Такое умение писателя встать на позицию каждого участника событий позволяют читателю увидеть «живое» событие, когда оно еще вызывает самые различные мнения, когда его «смысловый след» еще не «унифицирован» историками. Но необходимо обратить внимание на то, что в споре сталкиваются две неравнозначные позиции: оценка происходящего с вневременной позиции и позиции современника событий. Они отличаются друг от друга не только политическими приоритетами, но и характером осмысления фактов – эмоциональным восприятием или аналитическим (но в формах, характерных для того

времени) подходом. Поскольку действие происходит в средневековую эпоху, в повести мы видим разные варианты аллегорического понимания событий. Этот способ толкования предполагает отношение к истории как к некоему коду или шифру. Любое событие предполагает два уровня смысла – буквальный, поверхностный и сокровенный, тайный. Они соотносятся друг с другом, пользуясь популярным средневековым сопоставлением, как предмет и его тень. Иными словами, понимая исторические события, «прочитывая» их как библейский текст, надо не просто считать буквальный смысл, но понимать «суть».

Цепочку реплик Истома Захарова и боярина Дмитрия, переодетого нищим, завершает характерная для символического средневекового сознания аналогия с библейским сюжетом. Боярин Дмитрий говорит:

«...не говорит ли нам Святое Писание, как тяжок меч вражий? Когда царю Давиду предложили глад, смерть и нашествие неприятельское, он молил бога выбрать легчайшее, и бог не врага, а смерть послал на Израиля. Тяжка смерть, но тяжеле воин вражеский, гибель живая, – не уснет, аще зла не сотворит» [Там же, с. 29].

В контексте притчи о гордости царя Давида, вознамерившегося провести перепись населения страны, и посланной на народ Богом моровой язвы слова Дмитрия приобретают дополнительные оттенки смысла, важные для него – противника объединения Московского и Суздальско-Нижегородского княжеств. Это и наказание Богом израильтян-москвичей за гордость, и представление о набегах врагов-татар как страшной беде (а москвичи активно пользовались помощью татар, торговавших ярлыками на княжение). Таким образом, боярин Дмитрий подводит итог рассуждениям о пожарах в Москве и нападениях татар, переходя на уровень символизации.

Однако важно и то, что библейская аналогия в данном случае является способом манипуляции со стороны боярина Дмитрия. Он проговаривает только те смыслы, которые важны для него, недоговаривая итога знаменитой библейской притчи, в котором царь Давид был прощен Богом («увидел Господь и пожалел о сем бедствии, и сказал Ангелу-истребителю: довольно! Теперь опустит руку свою») (1Пар.21:15)), а испытание народа его остановлено. Прекращение бедствий Москвы и божественное благословение ее – это те смыслы, которые не встраиваются в его концепцию событий, а потому и не эксплицируются им.

В другом эпизоде отсылка к «Откровениям Мефодия Патарского», анонимному эсхатологическому произведению, приписанному епископу Мефодию города Патар в Малой Азии, также становится формой иносказания. Написанное в VII веке, это произведение в свое время оказало существенное влияние на христианское мышление, предлагая версию осмысления исламского завоевания Ближнего Востока. В нем рассматриваются такие явления, как вторжение Гоги и Магоги, появление антихриста и великая скорбь, предшествующая концу света. Обращаясь к этому тексту, Некомат и Замятня рассуждают о появлении татар («сынов Агариных») на русских землях. С точки зрения Замятни, «поганые» народы, запертые за Синими горами, никогда бы не прорубились через них, если бы русичи сами им не помогли: *«Сперва прогрызли они оконце и начали подавать оттуда золото и самоцветные камни, а в замену просили железа. Что же? Христиане стали к ним железо возами привозить...»* [Там же, с. 32]. Отсылка к современным героям и событиям очевидна, но политические события опять осмысляются через библейскую аналогию.

Герои этой повести, втянутые в открытое политическое противостояние Москвы и Нижнего Новгорода, рассуждают как настоящие политики, привлекая для обоснования своей позиции в том числе и священные, и средневековые тексты, но для них библейская аналогия не столько форма мышления человека XIV века, сколько инструмент политической борьбы. Тем самым они как бы «растворяют» суть в своих суетных делах. В какой-то степени мы можем даже говорить о дискредитации библейской истины.

Несколько раз на протяжении повести герои, а потом и сам повествователь обращаются к цитированию формул, которые закреплены в Никонской летописи. Это прежде всего афористичные фразы, сохраненные летописным текстом. Например, Некомат в ответ на реплику Истома говорит:

«...попущением божьим о Петровках уже пятнадцатый год минет, как Нижний Новгород впадал в руки басурманские <...> Нижегородцы прображничали тогда наш городок благословенный, и справедливо повелась в народе пословица: „За Пьяною люди пьяны!“» [2, с. 29].

Эта реплика отсылает нас к событиям 1377 года, когда войско суздальского князя потерпело поражение от ордынцев на реке Пьяне. Эта поговорка известна Н. Полевому и по более позднему источнику, чем летопись. В 5 томе «Истории государства Российского» Н. М. Ка-

рамзин, с позицией которого как историографа Н. Полевой был не согласен, пишет, что ратники *«вздумали за рекою Пьяною <...> тешились ловлею зверей <...> Воины <...> утомленные зноем, сняли с себя латы и нагроулили ими телеги; спутив одежды с плеч, искали прохлады»* [3, с. 30]. Беспечность была жестоко наказана, навечно оставшись в поговорке: *«За Пьяною люди пьяны»* [Там же, с. 30]. В тексте же повести эта поговорка еще является прецедентным текстом. Это еще не цитата из летописи, а «пословица», которая «повелась в народе» (Полевой, считавший истинной историей «историю народа», не мог не сделать на этом акцент).

Для нас важен и еще один аспект обращения героев повести к летописному тексту (в данном случае речь идет прежде всего о Повести временных лет). Исторические события в повести становятся материалом для речи героев, их аналитической деятельности. При этом рассказ об историческом событии «сворачивается», в речи героев сохраняется только наиболее прецедентный текст (факт, имя или поговорка). Князь Борис, неожиданно столкнувшись со своим племянником Симеоном, у которого, по сути, он отнял княжество отца, восклицает: *«Спрашиваю тебя еще раз: зачем явился ты сюда? Или, как второй Святополк, хочешь ты зарезать нового Бориса?»* [2, с. 51].

Можно обнаружить в повести и эмоциональную форму осмысления прошлого. После разговора на площади в спор вторгается Замятня:

«Я ел хлеб князя Дмитрия Константиновича и не попусти злему слову пасть на память его! <...> Не он ли потерял любимого сына, когда козни Москвы навели на него злого Арапшу? Не его ли дочь, благочестивая Евдокия, была супругою вашего Дмитрия и матерью юного князя Московского, которому ты восписываешь такие хвалы и похвалы» [Там же, с. 34].

В серии риторических вопросов Замятня напоминает о самых различных исторических фактах.

Только в конце произведения появятся подлинные «действователи истории» – московский князь Василий Дмитриевич и татарский хан Тимур. Каждый из них по-своему решил судьбу нижегородского князя Симеона: Василий Дмитриевич отказался вернуть ему его наследство – Нижегородское княжество, а Тимур, наоборот, дал ярлык на княжение. Но они едины в одном: оба осуждают Симеона за то, что он, желая властвовать, не соотносит свою волю с Высшей волей, тем самым обесценивая свои действия. Неслучайно после этих эпизодов повествователь приводит большой фрагмент из летописи. Так

заканчивается суд времени над героями и восстанавливается тот «дух времени», который очевиден повествователю в его временной перспективе и недоступен участникам событий.

Повествователь в своих рассуждениях дает две отсылки к Никоновской летописи: это рассказ о пешем путешествии 70-летнего Сергия Радонежского в Нижний Новгород к князю Борису Константиновичу, который отобрал престол у своего старшего брата Дмитрия, или «договаривание» истории жизни князя Симеона, которым завершается повесть. Сергей просит Бориса признать главенство московского князя Дмитрия Донского. Бориса уговорить не удалось, и Сергей Радонежский «затворил храмы божии в Нижнем Новгороде и грозил проклятием» [Там же, с. 61]. Завершается повесть объемным пересказом фрагмента Никоновской летописи о бегстве князя Симеона в Золотую Орду, дабы выслужить себе ярлык на княжение в Нижнем Новгороде. Симеон, до этого осуждавший московских князей за их общение с татарами, сам вынужден был пойти по их пути. «Суетно есть человеческое спасение и упование, понеже от Бога вся суть возможна, а от человек ничтоже...» [Там же, с. 88], – завершает свое произведение повествователь. Он подчеркнуто не дает своих комментариев к летописному тексту. Для него это уже свершившаяся история, ставшая текстом. Для его героев – это их жизнь, их настоящее, их заблуждения и поиски истины.

Таким образом, «дух времени» для Н. Полевого становится категорией, которая характеризуется прежде всего ментальным образом событий, возникающим у его участников или очевидцев. Все герои «Повести о Симеоне суздальском князе» предлагают свои версии событий большого исторического времени, но, руководствуясь сиюминутными целями, они не могут угадать Провидение. Но это ни в коей степени не означает, что человек должен занять пассивную позицию – даже герои, угадавшие Божественную идею, в своем времени действуют своевольно. Но они способны «услышать» время, а время

«слышит» их. Этот диалог человека со временем может продолжаться веками, так как истинные ценности, определяющие логику развития исторического процесса, должны быть «проверены будущим». Именно поэтому все формы презентации «духа времени» не дают ответа на главный вопрос: кто прав, кто ближе к истине? И только «прорыв» в будущее через обращение к летописному тексту и прямому слову повествователя дает представление о том, в чем же была суть тех событий, которые проживали и пытались осмыслить герои.

Список источников

1. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 11. Репр. изд. М.: Языки русской культуры, 2000. 264 с.
2. Полевой Н. А. Избранные произведения и письма. Л.: Художественная литература, 1986. 580 с.
3. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. Т. 5. М.: Наука, 1993. 560 с.
4. Московский летописный свод конца XV в. // Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 25. Репринтное издание. М.: Языки русской культуры, 2004. 488 с.

References

1. *Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu* (2000) [Chronicle Collection, called the Patriarchal or Nikon Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei: v 43 t. T. 11. Repr. izd. 264 p. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. (In Russian)*
2. Polevoi, N. A. (1986). *Izbrannye proizvedeniya i pis'ma* [Selected Works and Letters]. 580 p. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)
3. Karamzin, N. M. (1993). *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo: v 12 t.* [History of the Russian State: In 12 Volumes]. T. 5, 560 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
4. *Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV v.* (2004) [Moscow Chronicle of the Late 15th Century]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei: v 43 t. T. 25, 488 p. Reprintnoe izdanie. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. (In Russian)*

The article was submitted on 02.08.2023
Поступила в редакцию 02.08.2023

Пономарева Маргарита Гелиевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
ЯГПУ им. К. Д. Ушинского,

150030, Россия, Ярославль,
Суздальская, 15, корп. 2, кв. 45.
mgstepanova@mail.ru

Ponomareva Margarita Gelievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky,
45, 15/2 Suzdalskaya Str.,
Yaroslavl, 150030, Russian Federation.
mgstepanova@mail.ru

АВТОРСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЕМ ИЛИ ЭГО-ДОКУМЕНТ?

© Любовь Сапченко

AUTHORIAL NOTES TO THE TEXT: AN ARTISTIC DEVICE OR AN EGO-DOCUMENT?

Lyubov Sapchenko

Based on the authorial notes to the “Letters of a Russian Traveler” by N. Karamzin, who separated “poetry” from “truth”, the article considers the following questions: how to determine the aesthetic nature of the notes; how they are connected with the change of literary trends, genres and styles, with the communicative function of verbal art, how the artistry of notes is formed; whether they are an integral part of the work; whether the author of the notes and the author of the main text are identical. We emphasize that Karamzin’s notes should be analyzed, first of all, in terms of his attitude to the problem of “literature and reality”, since for him authenticity was more important than artistry. The writer enters not into an artistically mediated, but into a direct dialogue with the reader, in order to gain his understanding and trust, to convince him of the veracity of what is described, while revealing a new level of understanding of what happened earlier. The article investigates the dynamics of the relationship between the notes and the main text. The special arrangement of the notes, the temporal and spatial distance separating them from the main text is interpreted as the evidence of their heterogeneity. We note the differences in their status: the main text, in principle, can exist and be perceived by the reader without the notes, albeit in a flawed form, while the publication of the notes in isolation from the main text is meaningless. The article highlights that it is in the literature of sentimentalism and, in particular, in Karamzin’s works, that a specific artistic quality of notes is developed in the form of a dialogue with an imaginary reader. The conclusion is made about the referential function of the authorial notes: in the “Letters of a Russian Traveler” they link literature and reality, the world of images and the real world, which is characterized by “its selective affinity” with the world of fiction.

Keywords: authorial notes, N. Karamzin, “Letters of a Russian Traveler”, literature and reality, referential function

В статье на материале авторских примечаний к «Письмам русского путешественника» Н. М. Карамзина, разделявшего «поэзию» и «правду», рассматриваются следующие вопросы: как определить эстетическую природу примечаний; как они связаны со сменой литературных направлений, жанров и стилей, с коммуникативной функцией словесного искусства, как формируется художественность примечаний; являются ли они неотъемлемой частью произведения; идентичны ли автор примечаний и автор основного текста. Подчеркивается, что примечания Карамзина следует анализировать прежде всего в аспекте его отношения к проблеме «литература и действительность», поскольку достоверность для него была важнее художественности. Писатель вступает не в художественно опосредованный, а прямой диалог с читателем с целью обрести понимание и доверие с его стороны, убедить его в правдивости описанного, обнаруживая при этом новый уровень понимания того, что происходило ранее. Исследуется динамика взаимоотношений примечаний с основным текстом. Особое расположение примечаний, временная и пространственная дистанция, отделяющая их от основного текста, осмысливается как свидетельство их гетерогенности. Отмечаются различия в их статусе: основной текст, в принципе, может существовать и восприниматься читателем без примечаний, хотя и в ущербном виде, тогда как публикация примечаний в отрыве от основного текста бессмысленна. В то же время указывается, что именно в литературе сентиментализма и, в частности, у Карамзина, формируется специфическое художественное качество примечаний в форме диалога с воображаемым читателем. Делается вывод о референтной функции авторских примечаний: в «Письмах русского путешественника» они связывают между собой литературу и действительность, мир образов и реальный мир, который характеризуется при этом «избирательным сродством» с миром художественным.

Ключевые слова: авторские примечания, Н. М. Карамзин, «Письма русского путешественника», литература и действительность, референтная функция

Для цитирования Сапченко Л. Авторские примечания к тексту: художественный прием или эго-документ? // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 169–174. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-169-174

Вопрос о соотношении документального и художественного в произведении, о сущности и статусе эго-документов – один из актуальных в современном литературоведении – представлен в масштабных научных проектах, в тематике российских и международных конференций. Однако он нечасто рассматривается на материале авторских примечаний к тексту. Между тем авторские примечания к основному тексту непосредственно связаны с комплексом проблем, среди которых можно выделить следующие: имеют авторские примечания справочно-документальную или художественную природу; как они связаны со смежной литературных направлений, жанров и стилей, с коммуникативной функцией словесного искусства, как формируется художественно-эстетическое качество примечаний; являются ли они неотъемлемой частью произведения; в каком качестве предстает в примечаниях категория «автор», идентичны ли автор примечаний и автор основного текста.

Сочинения Н. М. Карамзина, избыточные примечаниями, позволяют пристальнее взглянуть на эти проблемы. Говоря о Карамзине, необходимо понимать, что постижение истины (то есть замысла Творца и цели человеческой истории и культуры) было для него куда важнее, чем создание воображаемого мира ради ухода от «бедной сущности». Документальные жанры оставались для него единственным и незаменимым источником подлинного исторического и философского знания. Достоверность для него была важнее художественности: «Истина сильнее воображения» [1, с. 276].

В связи с этим проблему карамзинских комментариев следует решать прежде всего в аспекте его отношения к проблеме «литература и действительность». Структура художественного текста у Карамзина направлена на то, чтобы читатель поверил автору, принял искусство за действительность. Именно это произошло с повестью «Бедная Лиза». Создавая иллюзию правдивости, писатель не выносил реалии за пределы основного текста. В отличие от «Писем русского путешественника» отсылки к конкретному месту и времени в «Бедной Лизе» не помещены в примечаниях, так как рассказанная история была заведомо вымышленной. Реальные пространственные (Симонов монастырь) и временные («лет за тридцать перед сим») координаты, помещенные

в основном тексте повести, безусловно, художественный прием.

Когда же повествование основывается на реальных фактах, автор стремится это особо подчеркнуть, вступая уже не в художественно опосредованный, а прямой диалог с читателем с целью убедить его в правдивости описанных событий и достичь желаемой цели – обрести понимание и доверие со стороны читателя.

Примечания, вскрывающие реальную основу поэтических образов, в том числе стихотворных, занимают у Карамзина особое место: это ссылки на достоверный источник, на эго-документ, на действительные события, положенные в основу сюжета и опять-таки подтвержденные документально.

Адекватно ли в этом случае отождествление автора примечаний и автора повествователя? По видимому, нет, так как между ними проведена граница, черта, отделяющая примечания от основного текста¹. Этот зримый и отчетливый аргумент нельзя игнорировать, рассуждая о природе авторских примечаний.

Автор желает обрести единомыслие с читателем в восприятии не только воображаемого мира, но и мира реалий, лежащих в основе художественного образа, то есть действительности.

Непростое соотношение документального и художественного в основном тексте «Писем русского путешественника» стало предметом научной полемики среди авторитетных исследователей. По словам Ю. М. Лотмана, текст знаменитого карамзинского произведения «преподносится читателю как письма, но фактически письмами не является. <...> Перед нами — художественное произведение, умело „притворяющееся“ жизненным документом. <...> Нужно раз навсегда отрешиться от представления о том, что перед нами – биографический документ, и видеть в

¹ Внимание читателей не может не остановить карамзинское стихотворение «К верной» (1796), где к строчкам: «Далеко от людей, в лесу, в уединеньи, / Построю* домик для тебя, / Для нас двоих, над тихою рекою / Забвения всего, но только не любви...» – дается примечание под чертой: *В мыслях [2, с. 210], то есть автор, выдающий себя за переводчика, поясняет адресату стихотворения и читателям, что домик будет построен не в действительности, а в воображении поэта.

„Письмах русского путешественника“ художественное произведение, определенное характером замысла, построенного по законам искусства, как их понимал автор» [3, с. 228].

Прямо противоположную точку зрения выразила Г. Панофски. По ее убеждению, «Письма русского путешественника» следует рассматривать «не в качестве излияний вымышленного путешественника, а признать важным биографическим и топографическим источником». «Фактическую точность сообщений Карамзина можно проверить вплоть до второстепенных замечаний о погоде!», – пишет Панофски [4, с. 255].

Позднее мнение Панофски разделил М. Шиппан в статье «Николай Карамзин в Берлине – лето 1789 года». По его словам, «благодаря заметке, напечатанной Гердой Панофски (Gerda Panofsky) в *Neue Berlinische Intelligenz-Blatt*, теперь можно отметить, что даты, приведенные в „Письмах...“, и фактическое местопребывание Карамзина в Берлине совпадают день в день: Русский путешественник действительно жил с 29 июня (10 июля) до 8 (19.) июля 1789 года в отеле „Roi d'Angleterre“ на Brüderstraße» [5, с. 134–135.]. Исследователь считает, что сохранившиеся в архивах документы (вопросы приезжающим и их ответы, прозвучавшие в городских воротах, в гостиницах, постоялых дворах), информация в местных газетах о вновь прибывших и т. п. могут дать возможность проверить и конкретизировать маршрут фактического странствия Карамзина, независимо от указаний героя-повествователя в «Письмах русского путешественника».

Вполне объективно подошел к этой проблеме И. Клейн, по мнению которого «следует говорить не об абсолютной фактической точности „Писем...“, а только о тенденции к точности. Клейн указывает, на «то известное обстоятельство, что сама форма писем является фикцией, что соответствует распространенной в XVIII в. конвенции литературы путешествий» [6]. При этом, следуя за Лотманом, Клейн отмечает, что «эпистолярный стиль рассказчика сильно отличается от стиля автора: Карамзин проявлял в своей переписке далекую от сентиментализма своего путешественника сдержанность, не проявляя никакой склонности к эмоциональным порывам и сердечным излияниям. Поэтому нельзя считать образ автора, возникающий при чтении „Писем...“, точным портретом Карамзина; нужно, напротив, смириться с мыслью, что этот портрет носит по крайней мере частично фиктивный характер» [Там же]. При этом участники дискуссии не затрагивают в своем обсуждении особенности

стиля примечаний, где рассматриваемая проблема представляется еще более сложной.

Примечания Карамзина имеют стилевые отличия от основного текста. По своему лаконизму, информативности они оказываются ближе к подлинным карамзинским письмам как к эго-документу. Однако обращены примечания к читателю, то есть их автор – писатель, создатель литературного произведения, и, следовательно, категория «биографический автор» здесь не вполне корректна. «Письма» русского путешественника адресованы «друзьям». Примечания – воображаемому читателю литературного произведения. Другими словами, не следует затушевывать разницу, отождествлять эстетическую природу основного текста произведения и авторских примечаний к нему.

Соотношение примечаний с основным текстом может иметь динамический характер. Обладая определенной независимостью, примечания способны меняться, появляться и исчезать в последующих изданиях (при отсутствии перемен в основном тексте), нередко они имеют свою собственную историю создания. Основной текст и авторские примечания в известной мере автономны и неравноправны. Основной текст, в принципе, может существовать и восприниматься читателем без примечаний, хотя и в ущербном виде (так, нередко без примечаний издается «История государства Российского» Карамзина), тогда как публикация примечаний в отрыве от основного текста бессмысленна. В связи с этим актуализируется вопрос: насколько справедливо утверждение, что примечания являются неотъемлемым, художественно и эстетически равноправным элементом структуры произведения? По-видимому, статус основного текста и примечаний все же различен.

В русле сентиментализма происходит отказ от нормативной поэтики в пользу индивидуально-авторской. Категория «автор» (а следовательно, и «читатель») начинает приобретать ключевое значение.

Но тождественны ли автор основного текста и автор примечаний, если между ними часто возникает интеллектуальная, пространственная и временная дистанция? Идентичны ли в этом случае формы самопрезентации автора?

Так, авторские примечания в русском классицизме были предназначены просвещать читателя. Содержание примечаний – это истинное знание, с точки зрения автора. В литературе сентиментализма появляются примечания иного плана. Они направлены не столько на передачу важной для читателя информации, сколько на само общение, на диалог с ним, на обретение в

читателе единомышленника, друга, «сочувственника».

В примечаниях Карамзина нередко встречается авторское «я», его мнения, взгляды, впечатления, некоторые факты. Однако встает вопрос: все эти сведения касаются писателя как биографического автора и являются эго-документом, или же они остаются в парадигме автора-повествователя (автобиографического героя)? Отметить и сформулировать различия между ними бывает крайне трудно, в особенности если их в разных изданиях смешивает сам автор как таковой, то называя себя «русским путешественником», то оставляя собственные инициалы «Н. К.» [7].

Между тем граница (в том числе – графическая) между «я» в основном тексте и «я» в примечаниях, несомненно, существует, и стирать ее не стоит. Она противится уравниванию двух феноменов и не позволяет отождествлять автора основного текста и автора примечаний. Важнее попытаться определить и сформулировать несовпадения между ними.

Карамзин порой говорит в примечаниях от первого лица, авторское «я» часто присутствует в его примечаниях непосредственно. Но кто этот «я»? Биографический автор? Автор-повествователь? Или же автор-творец? Порой он объективирует себя, называясь «сочинителем» и отделяя себя от «автора-героя-повествователя» или временем, или пространством, или сменой взглядов. Но во всех случаях – это конкретный автор, а не вымышленный персонаж.

Так, в эпизоде о прочитанном в детстве романе Сервантеса маленький герой, воображая себя «Дон-Кихотом» и схватив ржавую саблю, отправляется ночью на гумно «искать приключений и противиться силе злых волшебников...» [8, с. 158]. Внизу страницы к слову «гумно» помещается примечание: «Я жил тогда в деревне». Но кто «жил в деревне»? Николай Михайлович Карамзин или же герой-повествователь / «русский путешественник»? Поскольку произведение создано в жанре писем к друзьям, следует признать, что в дружеских посланиях не принято делать подстраничные примечания. Следовательно, находясь за чертой, говорит о себе именно писатель, а не автобиографический герой «Писем...». Автор-повествователь в основном тексте и автор примечаний не тождественны друг другу. Примечания не принадлежат повествователю, хотя писатель нередко отмечает свою с ним идентичность. Так, путешественник, заканчивая очередное письмо к друзьям, говорит об усталости своего «серебряного пера». Автор примечания ком-

ментирует: «Все свои замечания писал я в дороге серебряным пером» [Там же, с. 19].

Именно за чертой автор примечаний сообщает читателю о времени и месте создания произведения, об обстоятельствах, сопутствующих этому. К ним примыкают те, которые прямо выражают чувства автора, его позицию, поясняют сущность сказанного. Ряд примечаний представляет собой, по сути, изложение эстетических, нравственных, политических и др. воззрений автора.

В некоторых примечаниях четко обозначены элементы самоописания: языковые, литературно-критические или стиховедческие аспекты работы автора, трудности перевода.

Примечания литературного плана могут содержать различные цитаты, сопровождаемые выражением чувств автора к тому или иному великому имени или выдающемуся творению с целью передать читателю свое собственное восприятие. Описания европейских впечатлений нередко сопровождаются постраничными ссылками на действительные факты и события.

В основном тексте «Писем русского путешественника» автор-повествователь (он же герой) не столько реальная личность, сколько личностная модель сентиментального мирозерцания. В примечаниях это так же не биографический автор, а лишь определенная его ипостась – автор как литератор, писатель. Термин «образ автора» тоже не вполне корректен для определения статуса автора в примечаниях, где текст не ориентирован на образность. Автор примечаний просвещает читателя, предугадывает его реакцию, предвосхищает его мнения, высказывает предположения о его вкусах, сомнениях, о его эрудиции и т. д.

Категория «читатель» в сентиментализме обусловлена категорией «автор», это близкий, понимающий его, сочувствующий ему человек, друг. И основной текст, и примечания имеют одно и то же предназначение: в ходе диалога с читателем подвести его к взаимопониманию и сопереживанию с автором. Согласие, взаимопонимание выступают как высшая форма человеческих взаимоотношений.

В примечаниях не творится новая реальность, не рождается воображаемый мир (то есть основной признак художественности), а создается лишь один его элемент: воображаемый разговор с читателем, но именно в литературе сентиментализма и, в частности, у Карамзина формируется художественное качество примечаний в форме диалога с воображаемым читателем. «Внешняя адресованность текста (посвящения, обращения к читателю) для искусства факультета»

тивна и отнюдь не характеризует его художественной специфики» – говорится в «Словаре актуальных терминов и понятий» [9, с. 289], но дело в том, что в литературе сентиментализма – с ее культом дружбы, взаимопонимания и родства душ, с ее исповедальностью и автобиографизмом – внешняя адресованность совпадает с внутренней, заключенной в самом произведении. «Письма русского путешественника», созданные в жанре посланий к друзьям как читателям и читателям как друзьям, характеризуются единством внешней и внутренней адресованности.

Таким образом, карамзинские примечания в «Письмах русского путешественника» имеют двуединую природу – художественно-документальную. В пользу «художественности» примечаний говорит диалог, который ведет автор с воображаемым читателем, формируя его рецепцию, а также элементы авторской самоиронии, которая вклинивается в основной текст из примечаний, давая двойное освещение описываемого [10, с. 144].

В то же время безоговорочно считать примечания художественным элементом означает не поднимать их статус, а лишать их специфики. Вероятно, можно говорить об особой, а именно – референтной функции авторских примечаний в «Письмах русского путешественника». Примечания в этом произведении связывают между собой литературу и действительность, мир образов и реальный мир, который характеризуется при этом «избирательным средством» с миром художественным.

В пользу того, что достоверность была для Карамзина важнее художественности, говорит тот факт, что в ходе его творческой эволюции и обращения к историческому повествованию примечания постепенно приобретают источниковедческий характер и становятся в «Исторических воспоминаниях и замечаниях на пути к Троице...», в «Путешествии вокруг Москвы», в «Истории государства Российского» научно-справочным аппаратом.

Список источников

1. Карамзин Н. М. Историческое похвальное слово Екатерине II // Сочинения Н. М. Карамзина. Т. 1. СПб.: Изд-е А. Смирдина, 1848. С. 275–380.
2. Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1966. 424 с.
3. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с.
4. Панофски Г. Приезд Карамзина в Берлин и его встреча с русским ветераном в Потсдаме. Факты вместо вымыслов // XVIII век: Сб. 26. Старое и новое

в русском литературном сознании XVIII века. СПб.: Наука, 2011. С. 254–287.

5. Шиппан М. Николай Карамзин в Берлине – лето 1789 // Карамзинский сборник. Наследие Н. М. Карамзина в истории и культуре России: сб. материалов Международной научно-практической конференции (Ульяновск, 5–6 дек. 2016 г.). Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2017. С. 143–164.

6. Клейн И. «Письма русского путешественника» как документальный источник (Рец. на кн.: Panofsky Gerda S. Nikolai Mikhailovich Karamzin in Germany: Fiction as facts. Wiesbaden, 2010) // НЛО. 2010. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/5/pisma-russkogo-puteshestvennika-kak-dokumentalnyj-istochnik.html> (дата обращения: 23.08.2023).

7. Русский путешественник [Карамзин Николай Михайлович]. Письма русского путешественника: В 6 ч. М.: В Университетской типографии у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797–1801.

8. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987. 718 с.

9. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: изд-во Кулагиной Intrada, 2008. 358 с.

10. Сапченко Л. А. Типология авторских примечаний в сочинениях Н. М. Карамзина // Перекрестки взаимодействий: диалог русской и зарубежной литературы во времени и в пространстве. Материалы Восьмых Международных научных чтений. В 2 ч. Ч. 1. Калуга: КГУ имени К. Э. Циолковского, 2022. С. 139–150.

References

1. Karamzin, N. M. (1848). *Istoricheskoe pokhval'noe slovo Ekaterine II* [A Historical Word of Praise to Catherine II]. Sochineniya N. M. Karamzina. T. 1, pp. 275–380. St. Petersburg, red. A. Smirdin. (In Russian)
2. Karamzin, N. M. (1966). *Polnoe sobranie stikhovorenii* [Complete Collection of Poems]. 424 p. Moscow-Leningrad, Sovetskii pisatel'. (In Russian)
3. Lotman, Yu. M. (1987). *Sotvorenie Karamzina* [The Creation of Karamzin]. 336 p. Moscow, Kniga. (In Russian)
4. Panofski, G. (2011). *Priezd Karamzina v Berlin i ego vstrecha s russkim veteranom v Potsdame. Fakty vmesto vy'my'slov XVIII vek* [Karamzin's Arrival in Berlin and His Meeting with the Russian Veteran in Potsdam. Facts instead of Fiction. 18th Century]. Sb. 26. Staroe i novoe v russkom literaturnom soznanii XVIII veka, pp. 254–287. St. Petersburg, Nauka. (In Russian)
5. Shippan, M. (2017). *Nikolai Karamzin v Berline – leto 1789* [Nikolai Karamzin in Berlin - Summer 1789]. Karamzinskii sbornik. Nasledie N. Karamzina v istorii i kul'ture Rossii: sb. materialov Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (Ulyanovsk, 5-6 dek. 2016 g.), pp. 143–164. Ulyanovsk, Korporatsiya tekhnologii prodvizheniya. (In Russian)
6. Klein, I. (2010). *"Pis'ma russkogo puteshestvennika" kak dokumental'nyj istochnik*. (Rec. na

kn.: Panofsky Gerda S. Nikolai Mikhailovich Karamzin in Germany: Fiction as facts. Wiesbaden, 2010) [Klein I. "Letters of a Russian Traveler" as a Documentary Source. (Book review: Panofsky Gerda S. Nikolai Mikhailovich Karamzin in Germany: Fiction as Facts. Wiesbaden, 2010)]. NLO. No 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/5/pisma-russkogo-puteshestvennika-kak-dokumentalnyj-istochnik.html> (accessed: 23.08.2023) (In Russian)

7. Russkii puteshestvennik (Karamzin Nikolai Mihailovich) (1797-1801). *Pis'ma russkogo puteshestvennika*: V 6 ch. [Letters of a Russian Traveler: In 6 Parts]. Moscow, V Universitetskoi tipografii u Hr. Ridigera i Hr. Klaudiya. (In Russian)

8. Karamzin, N. M. (1987). *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian Traveler]. 718 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

9. *Poetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponyatii* (2008) [Poetics: A Dictionary of Current Terms and Concepts]. 358 p. Moscow, izd-vo Kulaginoi Intrada. (In Russian)

10. Sapchenko, L. A. (2022). *Tipologiya avtorskikh primechanii v sochineniyakh N. M. Karamzina* [Typology of Author's Notes in the Works of N. M. Karamzin]. Perekrestki vzaimodeystviy: dialog russkoi i zarubezhnoi literatury vo vremeni i v prostranstve. Materialy Vos'mykh Mezhdunarodnykh nauchnykh chtenii. V 2 ch. Ch. 1, pp. 139–150. Kaluga, KGU imeni K. E. Tsiolkovskogo. (In Russian)

The article was submitted on 24.08.2023

Поступила в редакцию 24.08.2023

Сапченко Любовь Александровна,
доктор филологических наук,
профессор,
Ульяновский государственный
педагогический университет
имени И. Н. Ульянова,
432071, Россия, Ульяновск,
площадь Ленина, 4/5.
ssj-sla@mail.ru

Sapchenko Lyubov Alexandrovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Ulyanovsk State Pedagogical University
named after I. N. Ulyanov,
4/5 Lenin Square,
Ulyanovsk, 432071, Russian Federation.
ssj-sla@mail.ru

ДНЕВНИКИ ДЖОНА ФАУЛЗА КАК ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ ПИСАТЕЛЯ

© Тамара Селитрина

JOHN FOWLES'S DIARIES AS A CREATIVE BIOGRAPHY OF THE WRITER

Tamara Selitrina

J. Fowles's diaries illustrate the emergence of the creative career of the prominent 20th-century English writer. In Russian science, there is an opinion that Fowles's oeuvre belongs to postmodernism. However, Fowles persistently separated himself from postmodernism. A thorough study of his diaries testifies that with all the variety of themes and images and the abundance of the techniques of artistic representation of reality, the key issue of his works was the theme of the individual gaining self-awareness as a necessary condition for achieving freedom. His diaries can be considered as a compact documentary and fictional work, as a presentation of the principles of literary development and its continuity. Fowles's diary is a peculiar confession of a young man, his creative pursuits and doubts of self-determination in society and life. In his aesthetic principles Fowles focuses on the classical tradition of literature in the 18th–19th centuries. Continuing the tradition of Rousseau, Fowles creates a model of a man who is characterized by the cult of emotions and nature. For Fowles, the world of art is the world of spirituality. Fowles's diaries allow us to consider the attitude of the autobiographical protagonist to important phenomena of public life. In his diaries, special attention is paid to the topics of time, memory and nature. The diary of John Fowles describes the process of the person's psychological formation with a real chronotope, with an analytical, informative and aesthetically rich word.

Keywords: J. Fowles, diary, creative biography, cult of emotions and nature, human artistic cognition

На примере дневников Дж. Фаулза показано становление творческого пути выдающегося английского писателя XX века. В российской науке существует устойчивое мнение о том, что творчество Фаулза принадлежит постмодернизму. Однако Фаулз настойчиво отделял себя от постмодернизма. Тщательное изучение его дневников свидетельствует о том, что при всем многообразии тем и образов, богатстве приемов художественного изображения действительности ключевой для его творчества стала тема обретения самосознания личности как необходимого условия достижения свободы. Его дневники можно рассматривать как компактное документально-художественное произведение, как представление о закономерностях развития литературы и преемственности литературного развития. Дневник Фаулза – своеобразная исповедь молодого человека, его творческих исканий, сомнений самоопределения в жизни и обществе. В своих эстетических принципах Фаулз ориентируется в первую очередь на классическую традицию литературы XVIII века. Продолжая традиции Руссо, он создает модель человека, которому свойственны культ чувства и природы. Для Фаулза мир искусства – это мир духовности. Дневник Фаулза позволяет рассмотреть отношение автобиографического героя к важным явлениям общественной жизни. Особое внимание в его дневниках уделено темам времени, памяти, природы. В дневнике Джона Фаулза осуществляется сам процесс психологического становления личности с реальным хронотопом, с аналитическим, информативным и эстетически насыщенным словом.

Ключевые слова: Дж. Фаулз, дневник, творческая биография, культ чувства и природы, художественное познание человека

Для цитирования Селитрина Т. Дневники Джона Фаулза как творческая биография писателя // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 175–181. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-175-181

Дневник Джона Фаулза – своеобразная летопись жизни писателя, в которой отражены круг его чтения, формирование философско-эстетических взглядов, поиски собственного

оригинального пути в искусстве, а также история трудной, полной драматических переживаний любви к замужней женщине. Мы обращаемся к первому тому дневника Фаулза как к достоверному источнику становления творческих исканий английского прозаика.

Джон Фаулз начал вести дневник достаточно рано. Но с течением времени эти записи показались ему столь наивными и незрелыми, что, по его признанию, о них не стоило и вспоминать, так же как и о планах множества ранних сценариев, повестей, пьес, которым так и не дано было осуществиться. Это была лишь проба пера. Сам Фаулз 28 апреля 1958 года сделал характерную запись о том, каким должен быть дневник. Он полагал, что *«дневник должен в точности запечатлеть позицию и натуру того, кто его ведет»* [1, с. 538]. Он подчеркнул, что любые исправления и прояснения в будущем невозможны... можно исправить стиль, некоторые языковые шероховатости, но *«любое отклонение от написанного слова есть ложь»* [Там же].

Редактор дневника Джона Фаулза Чарльз Дрейзен заметил, что опустил ряд недоступных для чтения фрагментов (столь неразборчивым почерком они были написаны), но в целом он охарактеризовал его дневник как последний роман, который писателю предстояло создать. Такого же мнения придерживается и авторитетная английская критика.

Дневник Фаулза отражает жизненный и творческий процесс студента Оксфордского университета, затем учителя английского языка на одном из греческих островов, начинающего писателя и в финале – прославленного автора «Коллекционера».

В 1948 году Джон Фаулз, 23-летний студент Оксфордского университета, изучающий английский и французский языки, чувствует себя посторонним в собственной семье, он жалуется на *«изолированность существования – не с кем поговорить, не с кем посмеяться»* [Там же, с. 21]. Он чувствует себя «отшельником», окружающие вызывают в нем раздражение и печаль. Психологическое состояние Фаулза вполне соотносится с мыслью выдающегося психолога Карла Густава Юнга, изложенной в его заметках «Взгляд в прошлое» о собственной юности: «Одиночество происходит не от того, что никого нет рядом, но от невозможности донести до других то, что тебе представляется важным, или от того, что никто не разделяет твоих мыслей» [2, с. 350]. Фаулз объясняет свое состояние сверхчувствительностью.

В годы учебы в Оксфорде он серьезно размышляет о своем предназначении в жизни, о

стремлении стать писателем. Это были годы учения – в прямом и переносном смысле. Психологическое самоосуществление идет параллельно с отбором жизненного материала, оценкой окружающих, стремлением воссоздать образы своих знакомых по Французскому дому. Перед нами целая галерея портретов. Эти характеристики встроены в определенную систему нравственных ценностей, исповедуемых Фаулзом. К примеру, одного из молодых людей, который служил во время войны в английских военно-воздушных силах, он характеризует следующим образом: *«хладнокровность, бестактность, бывает непреднамеренно груб – из-за самоуверенности. Умен, но лишен воображения»* [1, с. 28]. Подобных кратких портретов, в которых выражена самая суть личности, будет достаточно много на страницах дневника. Сам Фаулз стремится к внутренней гармонии, душевному равновесию, уважению к окружающим. Но главная его забота: творить красоту и добро при неизменном стремлении к совершенствованию мастерства. Он полагает, что есть писатели-объективисты, пишущие для потенциального читателя, и субъективисты, пишущие исключительно для себя, – то есть классики и романтики. По его мнению, любая творческая деятельность тяготеет к этим двум полюсам, все равно как существуют мемуаристы и люди, пишущие дневник.

На протяжении всего первого тома дневника читатель систематически знакомится с названиями пьес Фаулза: «Пандар», «Пассажир», «Молодой человек» и многими другими. Но содержание пьес в дневнике не раскрыто, хотя, безусловно, ему чрезвычайно интересен драматургический жанр.

5 января 1950 года он слушает по радио пьесу Чехова «Три сестры», в этот день ему особенно одиноко. Он признается, что много перечувствовал, о многом передумал и получил огромное удовольствие, ощутив оптимизм, извлеченный из абсолютного пессимизма, из абсурдной атмосферы жизни. Особенно запали в его душу фразы: *«счастья нет, а есть лишь жажда его»*, *«душа моя, как дорогой рояль, который заперт, а ключ потерян»* [Там же, с. 37]. Он уверен, что Чехов знал, *«как из страданий сестер, такого узнаваемого, универсального и вечного, вычлест красоту, радость и трагедию, катарсис, даровать удивительную помощь»* [Там же]. Но Фаулзу представляется, что в произведении *«слабо ощущается понимание человеком своего положения в равнодушном мире, нет света подлинного самосознания»* [Там же].

Фаулз поясняет, что *«общее можно постичь только через личности – иначе оно не существует»* [Там же]. И затем, уже совсем паристотелевски, звучит заключительная фраза Фаулза: *«трагедия должна вызывать сострадание, должна расширять, углублять, освобождать близкое по духу воображение, переводить его в область, где следующим этапом будет осознанное желание творить, действовать. У рожденных ею призраков должно быть желание перебраться в реальный мир»* [Там же]. Но, на наш взгляд, в этом суждении ничто не противоречит Чехову, более того, это умозаключение Фаулза, как мы полагаем, исходит из концепции русского драматурга.

Вскоре Фаулзу довелось побывать на спектакле «Экспериментальной театральной труппы», чья постановка чеховского «Медведя» оставила след в его душе. *«Получил большое удовольствие»*, – отметил он в дневнике [Там же, с. 42]. Столь же впечатляющей для него была пьеса Чехова «Вишневый сад», в которой, по его определению, *«нет ни начала, ни конца»* [Там же, с. 190]. Он охарактеризовал персонажей как *«загадочных и нереальных: однако их настроения улавливаются мгновенно»* [Там же]. Фаулз подчеркнул, что в пьесе передано умонастроение *«всего города»: «повсеместная пустота, изящный спуск в забвение, где никто уже не может сказать, что у них на сердце»* [Там же]. Также Фаулзу довелось увидеть еще одну пьесу Чехова «Дядя Ваня» в исполнении Московского художественного театра в 1958 году, когда МХАТ выступал с гастролями в Лондоне на сцене театра «Сэдлерс-Уэллс». Его покоряет техника актерской игры, столь совершенная, что она *«вроде бы исчезает»* [Там же, с. 541]. Вместо привычного *«на английской сцене конфликта конкурирующих исполнительных индивидуальностей, здесь виден исполнительный ансамбль»* [Там же]. Фаулз жалеет, что никто из критиков этого не заметил. Он обратил внимание на мизансцены, в которых видна роль каждого исполнителя, подчиняющегося режиссерской дисциплине. На его взгляд, постановка соответствует сфере реализма. Фаулз с молодости симпатизирует социалистическим идеям, поэтому он объясняет успех спектакля и трактовку персонажей тем обстоятельством, что сама постановка родом из социалистического общества. Усомнился он только в том, что в центре пьесы оказался Астров, а роль Дяди Вани свелась к изображению слабовольного второстепенного персонажа. *«По большому счету, – замечает Фаулз, – это трагедия, а не фарс. И персонажи достойны жалости, а не хохота»* [Там же]. По мнению Фаулза,

сам Чехов создавал эту пьесу как трагедию и термин «фарс» следует понимать метафизически. В то время сам Фаулз так и не решился представить на всеобщее обозрение свою пьесу «Пандар», сознавая, что она далека от совершенства, что в ней много слабых мест.

В студенческие годы Фаулз изучал опыт многих художников слова: его не устраивал С. Батлер («Путь всякой плоти») своим *«мудрствованием»*, и тем не менее Фаулз убежден, что это классика с исчерпывающим и выверенным стилем. Также Фаулз с недоверием относился к Э. М. Форстеру: то называл его *«образованным кроликом»*, то считал, что он слишком манерный, но, прочитав «Поездку в Индию», признался, что Форстер создает *«тщательно продуманные, Прекрасно выполненные социально-исторические документы»* [Там же, с. 78]. Роман Грэма Грина «Человек внутри» он охарактеризовал как исторический триллер со множеством погрешностей, но признался, что подобные сочинения активизируют собственный творческий импульс. Помещая в дневнике краткие реплики по поводу Грэма Грина и «Святылища» Фолкнера, он с удовлетворением отметил, что ему доставляет удовольствие критически оценивать предшественников, их просчеты и хитроумные планы.

Размышляя о стилях прозаического повествования, он не щадит себя, полагая, что проблемы стиля являются одним из его собственных недостатков. Его коробят собственные стилистические «вихляния». Он сознает, что в его творческой мастерской постоянно маячат тени Д. Г. Лоренса, Генри Джеймса и Фолкнера, но он пытался доказать себе *«единство стиля – совсем не благо»* [Там же, с. 157]. Он как бы спорит с незримым собеседником, задаваясь вопросом, *«так ли уж хороша единая тональность?»* Фаулз считает, что ему может пригодиться техника Джойса, а иной раз и Грэма Грина. В этой дневниковой записи он набрасывает словесные картины городского пейзажа, который только что воссоздал на полотне. Пейзаж изображал предгорье с плывущими по небу облаками, вдали были видны очертания города. Сам Фаулз заметил, что это вполне реалистический пейзаж. Впереди он поместил две *«фигуры в черном, белом и карминном цветах»* [Там же]. Он сознает, что в картине, вероятно, можно найти недостатки, но сам он решительно никаких диссонансов не усматривает. Для него на полотне нет нарушения стилистического единства.

Одновременно, по его словам, *«он начал осваивать новую поэтическую форму: очень экономную, внутренне напряженную, с привлечением старых слов и фраз, точную, правильную, с*

редкими и небольшими взрывами рифмы и музыки» [Там же, с. 148]. Причем он пытается проделать тот же путь и в живописи – он борется с собственной «нудной детализацией», избавляясь таким образом от многословия и врожденной сентиментальности. Фаулз пытается создать собственный прозаический стиль.

Находясь на стажировке в 1950 году во Франции, размышляя о путях собственного творчества, он обращается за примерами к художественному наследию Кафки и Камю. В дневнике от 2 мая он излагает общеизвестные тезисы экзистенциализма. Он уверен, что эти писатели «установили новую границу: они докопались до одной важной истины – абсурдности и бесполезности всего» [Там же, с. 151]. В этой заметке Фаулз отразил самую суть новой философии.

Но, с другой стороны, по его мнению, «искусство должно развлекать и снимать боль, успокаивать» [Там же, с. 156]. Но эти функции, полагает Фаулз, должны относиться к сфере «фантастического и романтического, прекрасного и необычного» [Там же].

Еще в студенческие годы он писал, что старается быть экзистенциалистом. По его словам, «эта философия вызревала <...> с тех пор, как <...> уехал в Грецию, но именно там <...> ощутил ее как побудительную силу» [Там же, с. 398]. Много позже, в интервью российскому ученому Наталье Рейнгольд, Фаулз поведал, что, когда он поступил в Оксфорд, экзистенциализм казался ему убедительным:

«Сартр, особенно Камю, сошли на нас подобно яркому свету. Война была чем-то вроде полосы темноты, тени, и где-то там было это пространство света. Сейчас я бы не назвал себя экзистенциалистом, хотя жажда свободы, экзистенциализм был со мной всю жизнь. Я считаю, что во благо или во вред, идеи свободы постепенно распространяются в мире, очень медленно ... но именно они питали меня и мое творчество» [3, с. 170].

Это интервью относится к 1992 году, но оно достаточно красноречиво и определено. Однако в 1951 году, когда происходило формирование Фаулза-художника, его продолжали волновать отличия художника как творческой личности от не-художника, любого обычного человека. Для не-художника, по мнению Фаулза, мир одномерен и реален, функции людей очевидны и определены, а для любой творческой личности, мир «неопределенный, прозрачный, полный притворства и тайн» [1, с. 161]. Он пытается подражать то Мозэму, то Мопассану, убеждая себя в том, что подражание великим – естественный путь любо-

го художника, будь то художника слова или живописца.

Особенно чарует его Мопассан, которого Фаулз готов бесконечно перечитывать. Его притягивает глубина таланта французского автора, который не вмешивается в ткань повествования с глубокомысленными комментариями, «плавно меняет смысловые оттенки», обладает «акварельным искусством уточнений и легких намеков» [Там же, с. 365].

В 1954 году Фаулз размышляет о своем предполагаемом месте в писательском сообществе, весьма субъективно расставляя по местам авторов, достигших мировой славы. По его мнению, «Мольер, Расин, Достоевский, Мэнсфилд выразили себя в конкретном жанре» [Там же, с. 449]. По другую сторону Фаулз расположил А. Жида, Гёте, Д. Г. Лоренса, «обладающих универсальным умом и считающих, что лучше всего могут выразить себя в слове» [Там же]. Их, по мнению Фаулза, можно считать интеллектуальными писателями. Себя он причисляет к последнему ряду, заявляя: «Я интеллектуальный писатель» [Там же]. С точки зрения Фаулза, интеллектуальные авторы – это те, кого волнуют в первую очередь идеи, а не слова. Ему хочется быть «живым художником, а не систематизированным музеем» [Там же]. Позже он добавит, что «писатель хочет охватить весь мир, мир ждет от писателя некой изюминки, то есть новаторства, оригинальности» [Там же, с. 450]. В то время все, что создается Фаулзом, не находит отклик у издателей. Но он продолжает систематически работать.

25 августа 1956 года он записывает в дневнике, что переработал половину «Джокера» – впоследствии он назвал это произведение «Волхв». Его удовлетворяет композиция книги, но стиль вызывает некоторые сомнения. Он ставит перед собой задачу: каждое предложение подвергать тщательной стилистической правке, оно должно быть емким, ясным, отточенным. По его мнению, стиль должен быть приближенным к разговорному языку, энергичным, смелым, как у Руссо, Хемингуэя, Кингсли Эмиса. Внезапно у Фаулза возникли ассоциации с шекспировской «Бурею»: «Просперо, Калибан, Миранда, Антонио», – эти параллели появятся в дальнейшем в романе «Коллекционер». 10 мая 1958 года в его дневнике появляются размышления о самом процессе художественного творчества. Ему часто встречается понятие «естественный гений», когда складывается впечатление, что произведение создается как бы на одном дыхании, без особого труда. А творение, создаваемое ежедневным непрестанным трудом, воспринимается как нечто не-

достойное. Он замечает, что Дилану Томасу «пришлось корпеть над своими сочинениями не меньше, чем Малларме». По мнению Фаулза, процесс художественного творчества, объявляемый «тайной», давно можно считать музейным экспонатом. Искусство в подобных верованиях становится символом «мистериального» [Там же, с. 540]. Для Фаулза процесс художественного творчества – это взаимодействие воли и труда.

По мнению Фаулза, книги являются документами эпохи. Он сам ищет в них сведения по «психологии, социологии, антропологии, истории» [Там же, с. 504]. Иной раз, на его взгляд, какой-нибудь слабый роман 1857 года может рассказать об истории больше, чем прославленный шедевр. Но ему любопытна современность: «в исторической цепи она последняя и может дать больше материала для художественного творчества» [Там же]. Работа над собственными сочинениями не мешала ему вновь и вновь обращаться к высокой классике, в частности к творчеству Джейн Остин, которое, на его взгляд, вполне вписывается в историю литературы XX века. Фаулза покоряет «естественная доброта ее героинь, абсолютное моральное совершенство»; «ей все удастся лучше, нежели кому-либо другому в английской (мировой?) литературе. Вот что, помимо необыкновенного умения отбирать факты, выстраивать диалог и проникать в глубины психологии, делают ее великой» [Там же].

Джейн Остин становится для него тем эталоном, в сравнении с которым оценивается роман XIX века. Он посягнул даже на непререкаемые авторитеты, заявляя, что, «по сравнению с ней все Диккенсы и Теккереи – цирковые клоуны и ярмарочные фигляры» [Там же, с. 571]. Правда, роман Диккенса «Наш общий друг» вызывает у него неподдельное восхищение и «эстетическое наслаждение», поскольку там звучит человеческий голос: «в бесчеловечный век Диккенс восславил человечность» [Там же]. Даже «восхитительный» викторианский роман «Мидлмарч» Фаулз рассматривает в сравнении с прозой Джейн Остин. Отмечая мастерство типизации, драматизм, умелую характерологию Джордж Элиот, Фаулз замечает, что писательница снисходительно относится к своим персонажам, играя роль проповедника: «Джейн не снисходит до своих персонажей, она творит мир», но «ее мир более целен и реален» [Там же, с. 581].

В 1960 году он начинает писать роман «Коллекционер». Второго декабря краткой записью в дневнике Фаулз выражает суть книги. Для него понятие коллекционер «призвано символизиро-

вать заурядность нынешнего общества, в котором надежда и подлинная жизненная сила бессмысленно и злоеюще затухает» [Там же, с. 592]. Фаулз пояснил, что замысел книги символичен, она «вся пронизана Платоном»: «золото против свинца, против свинцовых душ», которым можно посочувствовать в метафизическом плане [Там же, с. 601]. Однако движение цивилизации и прогресса определяют исключительно «золотые души» – такова позиция Фаулза. Он подчеркнул, что в Миранде воплощен Аристос. Фаулз поясняет, что слово «Аристос» заимствовано из древнегреческого, оно употреблено в единственном числе и означает примерно «наилучший в данной ситуации» [4, с. 6].

Одновременно с публикацией романа возникает возможность его экранизации, поэтому Фаулз кратко изложил суть книги предполагаемому кинорежиссеру Карелу Рейшу. Идея «женщины в темнице» давно волновала писателя и оформилась у него после знакомства с оперой Белы Бартока «Замок Синей Бороды». Мысль о женщине в заточении позволила Фаулзу «разоблачить общество, где деньги заменили мораль, то есть общество, в котором мы живем с 1951 года» [1, с. 673]. Фаулзу хотелось создать образ «умного и способного четко выразить свои мысли героя», а также нарисовать противоположный образ «косноязычного и гадкого персонажа», который, похоже, занял «лидирующие позиции в послевоенной прозе и чье косноязычие подается как венец славы» [Там же]. Здесь ощущается безусловный намек на прозу «сердитых молодых людей» и так называемых «рабочих романтивов».

Вскоре начинают появляться отклики на роман «Коллекционер». Общая оценка положительная. Книгу называют «небольшим шедевром в жанре триллера» [Там же, с. 735]. Фаулз добавляет свою трактовку: «Это парабола, как речение Гераклита» [Там же]. В 1964 году он завершает также первый полный вариант «Волхва». Для него это время своеобразного подведения итогов. Искусство остается для Фаулза «величайшим природным заповедником таинственного» [Там же, с. 821]. Он сравнивает искусство и науку, считая, что «функция науки – уничтожение таинственного, а искусства – его сохранение» [Там же]. По-прежнему Фаулза волнует проблема литературного мастерства: к примеру, соотношение между авторской концепцией образа персонажа и диалогами, в которых он участвует. Считается, что расхождений между этими позициями не должно быть. Но истинное мастерство, по мнению Фаулза, заключается в непредсказуемости поведения и диалога персо-

нажа. Именно в этом и состоит, в трактовке Фаулза, своеобразие человеческого правдоподобия, что характеризует поистине всякого великого писателя. Он добавляет, что не все персонажи Диккенса относятся к данной категории, а лишь незабываемые. И вновь пальма первенства отдана Джейн Остин; правда, Фаулз отмечает также мастерство Теккерея, равно как и Ивлина Во и Грина, потому что они умеют «выстроить не типичный для героя диалог и не потерять доверие читателя» [Там же]. Художественную деятельность Фаулз относит к актам творения, созидания. Художник слова, на его взгляд, превращается в Демиурга.

Фаулз далек от стремления видеть себя в огнях рампы, «в фокусе публичного внимания» [Там же, с. 809]. Он стремится создать нечто вечное, что останется на века. Таков его критерий творческого процесса.

Особое значение в дневнике Фаулза занимает концепт времени. Ему казалось, что у него самого необычное чувство времени. 3 декабря 1949 года он глубокомысленно заметил: «Время – важнейшая вещь, это основная жизненная проблема, вокруг которой должны вращаться все метафизические теории» [Там же, с. 30]. Категорию времени Фаулз считает условным понятием, искусственным изобретением. Для него в тот период жизни главное заключалось в становлении личности, динамизме. В духе Лессинга он рассуждает о статичных и динамичных видах искусства. Поэтому для Фаулза живопись и скульптура – статичны, а поэзия, музыка, кинематограф – динамичны. Сам фактор времени заставляет рассуждать будущего писателя о категориях смерти и жизни. На его взгляд, «смерть убивает время», поэтому начинает господствовать пространство, роль которого усиливается. Жизнь как таковая, полагает Фаулз, дарит осмысление времени, таким образом происходит постижение индивидуумом собственной личности. Иногда ему хочется вырваться из времени и слиться с природой, почувствовать себя богоподобным. Самые поэтические страницы дневника посвящены природе Англии и Греции. Для Фаулза природа – мыслящее начало. Вслед за почитаемым им Руссо он в своих произведениях создает культ чувства и природы. В одной из ранних записей Фаулз пишет о свойственном ему Поклонении природе, когда поздно вечером, возвращаясь домой по лесной дороге, наблюдая за зрительными эффектами розоватых пятен стремящихся по небу облаков, его охватило радостное чувство единения с природой, он ощущает пантеистический восторг. Художественная преемственность с Руссо ощутима во многих стра-

ницах дневника. У Фаулза заметно преобладание разума над чувством, читатель знакомится с «модификацией душевных состояний автора», с непредсказуемыми импульсами поведения и психологическими тайнами [5, с. 125]. Особое место в дневнике занимает полная драматизма история о страстной любви к замужней женщине и соотношении между воображением и чувственным опытом. Его дневник романизирован, он тяготеет к литературному статусу. Известный российский литературовед Лидия Гинзбург заметила, что «документальные жанры, не теряя свой специфики, не превращаясь ни в роман, ни в повесть, могли в то же время явиться произведением словесного искусства» [6, с. 6].

Дневник Фаулза отличает многоплановость повествования. Конкретно бытовое сменяется социальным и философским. Интимно-лирическое раскрывает разные виды любви, порожденной первичными элементами характера Фаулза. Делать ежедневные записи стало для него потребностью, граничащей с неумной жадной творчеством.

Он неоднократно повторял, что «защищает институт гуманизма и роман как гуманистическое предприятие» [7, с. 3]. Фаулз не согласен с теми, кто считает, что целью искусства является самовыражение и формотворчество. 9 ноября 1958 года он побывал на выставке Джексона Поллока, где были выставлены забрызганные краской гигантские холсты. Публика вглядывалась в эту современную живопись, пытаясь понять ее смысл. Фаулз усмотрел в этих полотнах «тяготение к „неискусству“» и «субъективному произволу» [1, с. 550]. Он замечает, что в настоящий момент в определении «великое» люди вкладывают понятие «любопытное», что открывает путь к бесконечному множеству интерпретаций. Сам он усмотрел в живописи Поллока «нестерпимо „декадентское“ искусство». На его взгляд, речь шла даже не о разрыве с традициями, а о низвержении классического искусства с пьедестала. Фаулз называет искусство Поллока экстремальным, где всякий может интерпретировать художественные полотна как ему заблагорассудится. На его взгляд, подобное искусство не трогает душу зрителя, который с любопытством взирает на подобную диковинку. Правда, одно полотно все же привлекло внимание Фаулза. Оно имело название «Бездна». Сам подбор цветовой гаммы, глубокая пропасть над бездной и высоко плывущие над нею облака вызвали у Фаулза ряд психоаналитических ассоциаций. Картина вызвала у него ассоциации с вечностью.

Сам Фаулз не признавал «мрачных, пронизанных безысходностью художественных произ-

ведений». По его мнению, подлинное искусство должно служить «путеводной звездой в существовании людей» [7, с. 3]. В дневниковых записях Фаулза можно обнаружить не только рассуждения о творческих замыслах собственных произведений, нравственно-эстетическом идеале, но и мысли, связанные с некоторыми аспектами теории литературы, воплощенными им на практике. Его суждения о непредсказуемости поведения персонажа нашли красноречивое подтверждение в образе Сары Вудраф в романе «Женщина французского лейтенанта».

В отечественном литературоведении утвердилось мнение, что Фаулз принадлежит постмодернизму. Считали, что игровая, пародийная стихия его прозы является явной приметой постмодернистского метода. Известно, что постмодернизм ориентируется на восприятие мира как хаоса, лишённого причинно-следственных связей. То, что Фаулз использует прием игры и пласты культуры XVIII–XIX веков в качестве отправной точки для своей излюбленной концепции свободы личности, не означает факта принадлежности Фаулза к постмодернистской ситуации. На наш взгляд, творчество Фаулза можно отнести к реалистической конвенции во всем своеобразии этой творческой манеры в XX веке, тем более что сам Фаулз считал, что реализм в XX столетии будет по-прежнему необходим.

Список источников

1. Фаулз Дж. Дневники 1949–1965. М.: АСТ: АСТ Москва, 2007. 860 с.
2. Юнг Карл Густав. Воспоминания, сновидения, размышления. Записано и отредактировано Аниеллой Яффе.: Пер. с нем. Киев: AirLand, 1994. (Citadelle). 405 с.
3. Рейнгольд Н. И. Мосты через Ла-Манш: Британская литература 1900–2000-х. М.: РГГУ, 2012. 608 с.

4. Фаулз Дж. Аристос. М.: Эксмо, 2002. 432 с.
5. Селитрина Т. Л. Русская и зарубежная литература. Сравнительно-исторический подход: монография. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 167 с.
6. Гинзбург Л. О психологической прозе. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1971. 464 с.
7. Долинин А. Паломничество Чарльза Смитсона (О романе Дж. Фаулза «Подруга французского лейтенанта») // Дж. Фаулз. Подруга французского лейтенанта: пер. с англ. М. Беккер и И. Комаровой / вступ. ст. А. Долинина; примеч. М. Беккер. М.: Правда, 1990. С. 3–18.

References

1. Faulz, Dzh. (2007). *Dnevniki 1949–1965* [The Diaries of 1949–1965]. 860 p. Moscow, AST. (In Russian)
2. Yung, Karl Gustav (1994). *Vospominaniya, snovideniya, razmyshleniya. Zapisano i otrektirovano Anielloi Yaffe* [Memories, Dreams, Reflections. Recorded and Edited by Aniella Jaffe]. 405 p. Kiev, AirLand. (In Russian)
3. Reingold, N. I. (2012). *Mosty cherez La-Mansh: Britanskaya literatura 1900–2000-kh* [Bridges across the English Channel: British Literature in the 1900s and 2000s]. 608 p. Moscow, RGGU. (In Russian)
4. Faulz, Dzh. (2002). *Aristos* [Aristos]. 432 p. Moscow, izd-vo Eksmo. (In Russian)
5. Selitrina, T. L. *Russkaya i zarubezhnaya literatura. Sravnitel'no-istoricheskii podkhod: monografiya* [Russian and Foreign Literature. Comparative Historical Approach: A Monograph]. 167 p. Ufa, izd-vo BGPU. (In Russian)
6. Ginzburg, L. *O psichologicheskoi proze* [On Psychological Prose]. 464 p. Leningrad, izd-vo Sovetskii pisatel. (In Russian)
7. Dolinin, A. *Palomnichestvo Charlza Smitsona (O romane Dzh. Faulza "Podruga frantsuzskogo lejtenanta")* [The Pilgrimage of Charles Smithson (On "The French Lieutenant's Woman" by J. Fowles)]. Pp. 3–18. Moscow, Pravda. (In Russian)

The article was submitted on 07.08.2023
Поступила в редакцию 07.08.2023

Селитрина Тамара Львовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Башкирский государственный
педагогический университет
имени М. Акмуллы,
450008, Россия, Уфа,
Октябрьской революции, 3-а.
selitrina@yandex.ru

Selitrina Tamara Lvovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Bashkir State Pedagogical University
named after M. Akmulla,
3-a Oktyabrskoy Revolyutsii Str.,
Ufa, 450008, Russian Federation.
selitrina@yandex.ru

ФАКТОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА РОМАНОВ КОЛСОНА УАЙТХЕДА

© Юрий Стулов

FACTUAL BASIS OF COLSON WHITEHEAD'S NOVELS

Yuri Stulov

Twice Pulitzer Prize winner Colson Whitehead bases the plot of his novels on various facts of American reality found in documents and newspaper publications. By juxtaposing fact and fiction, he transforms them to create a new reality, rooted in the events of real life but acquiring a universal or metaphorical character that could be seen even in his early works. In “John Henry Days” (2001) the writer makes use of the legend of the famous black laborer John Henry, its reflection in the folklore and everyday life of the American South and attempts to up-sell it in today’s USA with the help of social networks. In the novel “The Underground Railroad”, written after Whitehead’s archival research and his study of slave narratives of the mid-19th century, the document is woven into the artistic structure of the text by using authentic announcements about runaway slaves. The novel “The Nickel Boys” was written under the influence of the information about the horrible findings discovered on the grounds of the so-called Arthur Dozier School, established in early 20th century for juvenile delinquents, telling the story of two black boys who got there in the 1960s. The writer incessantly explores the impact of racism on American society and social injustice making use of a historical novel elements, of alternative history, neo-slave narratives and satire in his descriptions of the contemporary US media.

Keywords: Colson Whitehead, African American literature, historical novel, alternative history, neo-slave narrative, satire

Дважды лауреат Пулитцеровской премии Колсон Уайтхед берет за сюжетную основу своих произведений факты американской действительности, нашедшие свое отражение в документах и газетных публикациях. Сталкивая факт и вымысел, он подвергает их художественной трансформации, благодаря чему создается новая реальность, базирующаяся в событиях реальной жизни, но приобретающая универсальный или метафорический характер, что проявилось уже в его ранних произведениях. В раннем романе «Дни Джона Генри» писатель использует легенду о знаменитом чернокожем рабочем Джоне Генри, показывая ее преломление в фольклоре и быте американского Юга и попытки ее раскрутки в современной Америке с помощью социальных сетей. В романе «Подземная железная дорога», написанном после работы автора с архивами и «невольничьими повествованиями» середины XIX века, документ вплетается в художественную ткань романа при помощи аутентичных объявлений о беглых рабах. Толчком к написанию романа «Парни из Никелевской колонии» послужила информация о страшных находках, обнаруженных на месте созданной в начале XX века колонии малолетних преступников, и вымышленной истории о двух чернокожих мальчиках, попавших туда в 1960-е гг. Писатель настойчиво исследует влияние расизма на американское общество, социальную несправедливость, прибегая к элементам исторического романа, альтернативной истории, нео-невольничьего повествования, сатире в изображении современных СМИ.

Ключевые слова: Колсон Уайтхед, афроамериканская литература, исторический роман, альтернативная история, нео-невольничье повествование, сатира

Для цитирования Стулов Ю. Фактологическая основа романов Колсона Уайтхеда // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 182–188. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-182-188

Колсон Уайтхед, вне всякого сомнения, наиболее известный современный афроамериканский писатель среднего поколения (род. 1969). Хотя свой творческий путь он начинает как теле-

обозреватель журнала «Village Voice» и художественный критик, на сегодняшний день он стал автором девяти романов, ряда рассказов и художественно-документальных книг. Журналист-

ский опыт оказался весьма важным для его художественного творчества, что сказалось как на структуре его романов, так и их содержательной стороне. Уже в начале его писательской карьеры Л. Зелцер выделила особенность писателя «вывести текстовое пространство за пределы границ медиа» [1, с. 398] (перевод наш. – Ю. С.).

Исследованию творчества Колсона Уайтхеда посвящены многочисленные рецензии, статьи, диссертации как в США, так и в других странах, которые изучают его творчество с разных сторон. В данном случае исследуется влияние факта на художественное пространство писателя. Практически в каждом из своих романов он сталкивает или художественно трансформирует документ и вымысел, благодаря чему его произведения отличаются жанровым и стилистическим разнообразием. Остановимся лишь на некоторых его книгах, в которых наиболее ощутимо влияние документа.

Писатель заявил о себе уже своим первым романом «Первая Зона», который относят к так называемому «пост-апокалиптическому» роману, поскольку в нем повествуется о страшной эпидемии, охватившей восточное побережье США, в результате чего появились заразные зомби, которые стремятся уничтожить все живущее. Читатель погружается в городское пространство Нью-Йорка, топография которого передана удивительно точно. Город подвергся нашествию инфицированных зомби, а главный герой Марк Спитц с коллегами пытается очистить город от чудовищ. Фантастика, помещенная в хорошо узнаваемую среду мегаполиса, передает тревогу автора относительно будущего человечества, которое постоянно находится под угрозой эпидемий, а то и пандемий.

Второй роман Уайтхеда «Дни Джона Генри» (John Henry Days, 2001) привлек внимание критики и подтвердил его положение многообещающего молодого писателя, став финалистом Пулитцеровской премии. Он совсем не похож ни по тематике, ни по структуре на предшествующую книгу. Это многоуровневое произведение, которое трудно поддается четким определениям. Роман распадается на множество связанных друг с другом или пересекающихся сюжетов, тем не менее представляет собой единое целое. Литературный критик газеты «Гардиан» М. Джэгги отмечает «душевную энергию его <писателя> таланта и многогранную уверенность его прозы», а среди достоинств романа выделяет «контроль <автора над текстом>, проникновенность, остроумие и веселую комичность» [2].

В основе сюжета романа лежит легенда о чернокожем рабочем Джоне Генри, отличавшемся

необыкновенной силой и со своими товарищами пробивавшем тоннель в скалах во время постройки железной дороги Чесапик – Огайо. К этому времени был изобретен паровой молот, который должен был заменить ручной труд и обеспечить скорейшее завершение работ. Джон Генри вступает в соревнование с машиной и выигрывает его ценой своей жизни, становясь легендой американского масштаба, которому в разных частях Юга США посвящаются песни и рассказы как его современников, так и людей, знавших о нем только из этих противоречивых свидетельств. Сам автор задается вопросом: «Паровой молот эффективнее, но что происходит с работягой?» [1, с. 396]. В прологе и главах, посвященных Джону Генри, писатель сталкивает реального человека и героя фольклора и мифа, создаваемого рекламой. Истинный Джон Генри, только недавно получивший свободу после отмены рабства, должен заработать деньги для своей молодой семьи, и он вкладывает все силы, чтобы добиться успеха при прокладке тоннеля, где уже погибли многие его товарищи, понимая смертельный риск борьбы с природными силами.

Через многочисленных героев романа Уайтхед стремится «прочитать» историю Джона Генри и интерпретировать ее с разных сторон. Ведь, как замечает В. Изер, «интерпретация – это нескончаемый процесс нашего ориентирования в мире, а литература моделирует этот процесс наилучшим образом, реагируя на вечную изменчивость мира и человека» [3, с. 39]. Автор пользуется различными приемами, чтобы не только рассказать историю Джона Генри через легенды, баллады и песни, сложенные о нем, но и вводя персонажей, которые в силу разных причин интересуются этим героем или связаны с ним, причем это не только вымышленные персонажи, как девушка Памела Стрит, собирающаяся передать в местный музей Джона Генри артефакты, собранные ее отцом, или журналист Дж. Саттер, зарабатывающий на создании материалов для сетевых изданий, где главное – сенсационность. Это и молодой чернокожий ученый, исследующий различные варианты песен и анализирующий неточности и погрешности в книгах, посвященных мифологическому герою, которые были опубликованы, и испытывающий на себе проявления расовой дискриминации.

Это и великий чернокожий певец, артист, спортсмен, политический деятель США Поль Робсон, знаменитый Отелло, выступления которого были расписаны на годы вперед, но карьера которого была оборвана самым жестоким и несправедливым образом. В романе ему посвящена написанная в публицистическом стиле глава, где

он размышляет о пьесе о Джоне Генри, написанной тупо и плоско, где ему предстоит исполнить эту роль, надеясь, что он сумеет вызвать отклик у зрителей, хотя сама пьеса – «*a real stinker*» ‘срань’ [4, с. 226]. К этому моменту Робсон – уже знаменитый человек, объездивший весь мир и получивший признание, но над его головой сгущаются тучи, и вскоре Госдепартамент изымет его паспорт, а все его выступления будут запрещены. Он не хочет играть «*Stepin Fetchit comics and savages with leopard skin and spear*». – «*чернокожего из комиксов или туземца с копьем в леопардовой шкуре*» [Там же, с. 229]; ему важно разрушить сложившиеся в стране стереотипы в восприятии чернокожего американца, особенно если это человек масштаба Джона Генри, «*a man of the land*». – «*человек своей земли*» [Там же, с. 229]. Во внутреннем монологе он признается: «*He is John Henry tonight*» [Там же, с. 231], и этой ролью он хочет высказаться на главную тему Америки – взаимоотношение рас, и вспоминает своих предков. Ведь чернокожие американцы внесли существенный вклад в историю страны:

«His great-great-grandfather was born into slavery, purchased his freedom and became a baker. He baked bread for the Revolutionary Army, and the story goes that George Washington himself thanked him personally for his patriotic contribution. So maybe he should have been a baker» [Там же, с. 231].

Личная история великого певца вписалась в историю его страны.

Писатель едко сатирически изображает современную дешевую журналистику, нацеленную на массового читателя, чтобы оболванить его, получив за это солидное вознаграждение. Главное – ухватить сенсацию, суметь в 1200 словах, написанных за два часа, выразить момент, сенсацию, показать неожиданный поворот событий, а правда ли это – не столь важно: хорошо платят. Все эти писаки кочуют по стране в поисках сенсаций за счет издателей и рекламодателей. Их мир – это «*their world of free events*» [Там же, с. 328], и они должны быть готовы писать на любую тему. Один из их соперников – университетский преподаватель Годфри Франк, который, как и они, может высказаться о чем угодно: «*He could write about anything it seemed, from baseball to hip-hop to weapons manufacturers, hold forth on historical interpretations of ladies underwear while sprinkling in obscure double entendres for the Medievalists in the cheap seats*» [Там же, с. 327], но важно следовать определенным корпоративным принципам, которые нельзя нарушать. В этот мир нельзя допускать посторонних; появляться нужно только на тех мероприятиях, где предос-

тавляют большой выбор спиртного и закусок; иначе они игнорируют их: «*there was no open bar, <...> and the junketeers stayed away. <...> his publicity firm had a reputation for thin white wine and supermarket cheese, and the junketeers stayed away*» [Там же, с. 328]. И не быть особо щепетильными относительно моральных вопросов.

Писатель неоднократно подчеркивает, что именно такая желтая журналистика хорошо продается в супермаркетах, принося большую прибыль, что является одной из главных тем книги: ведь и Джон Генри участвует в этом страшном соревновании ради прибыли своего работодателя, и Саттер пишет заказные статьи ради денег, которыми медиахозяева делятся с ним и его коллегами. В описании журналистики Уайтхед уходит в события 1960-х гг. с мощными протестами против войны во Вьетнаме, когда скандальный тур по Америке Мика Джаггера закончился трагически зверским убийством чернокожего зрителя бандой «Ангелов ада», подчеркивая тем самым многовековое наследие расизма. Он уходит в описание поп-звезд того времени, показывая соперничество журналистов за право первыми опубликовать свой опус. Неслучайно в тексте романа возникают военные термины. Крошка и Французик – это «*два друга-наемника, ведущие тайную войну с образованной частью Америки*». – «*two fellow mercenaries in their covert war against the literate of America*» [Там же, с. 47].

Автор переносит место действия романа в городок Тэлкотт в штате Западная Виргиния, где время как будто остановилось: здесь лишь несколько магазинов, мотель да ресторанчик с традиционной жареной курочкой; местом общения служит местный дешевый бар. Жизнь здесь дается с трудом, и люди неприхотливы и непритязательны; но, что важно, почти все жители городка – белые. Ведь из-за проблем с проявлениями расизма в таких местах не белые жители стремятся уехать в большие города. Белых жителей южных штатов не случайно называют «redneck» (это слово использует и Саттер). Оно имеет еще и неодобрительное значение: «реакционно настроенный житель южных штатов», «голытьба»; весь мир для них свелся лишь к этому клочку земли, где они живут, и потому фестиваль, а затем и ярмарка по этому поводу дали Уайтхеду возможность показать, сколь примитивна и безотраднa жизнь в этих краях. У этих людей нет денег и практически нет будущего, и в небольших зарисовках жизни городка Уайтхед выступает жестким реалистом.

Смешивая в литературном коктейле зарисовки из легендарного прошлого страны и повседневной жизни американской провинции, сати-

рическое изображение СМИ, поп-культуры, противостояния бумажных и набирающих популярность интернет-изданий, приезжих из Нью-Йорка и обитателей маленького городка, его боссов, писатель создает многомерный роман, состоящий из различных пластов, каждый из которых позволяет увидеть США с разных углов. К тому же создается еще одна параллель между прошлым и настоящим: если Джон Генри погибает в соревновании с машиной, то Дж. Саттер тоже оказывается погруженным в соревнование с современными цифровыми технологиями; побеждает погоня за прибылью, ради которой владельцы не обращают внимания на морально-этические проблемы человека. Пародии подвергаются распространяющаяся по всему миру система пиара, создающая любые, часто неправдоподобные мифы. Как и в других своих произведениях, Уайтхед, отталкиваясь от реальных фактов, органично вплетает их в вымышленный мир героев. По его собственным словам, «нон-фикшн и фикшн – это всего лишь два разных способа понять мир» [1, с. 395]. Это открытый роман, в котором нет ответа на поставленные автором вопросы: каждый должен найти свой ответ, а он зависит от многих объективных и субъективных факторов. В романе перед читателем возникают люди разной расы, разного возраста, социального положения, жители Нью-Йорка и провинциалы из американской глубинки. Это сложное полифоническое произведение, затрагивающее важнейшие проблемы своей страны, уже занявшее свое место среди лучших книг США начала XXI века.

Творческая палитра писателя многогранна: с одной стороны, он продолжает жанровую линию так называемого «нео-невольничьего повествования», которое стало популярным в последние десятилетия XX века, что нашло отражение в романе «Подземная железная дорога», получившем Пулитцеровскую премию 2017 г., Национальную книжную премию, премию Артура Кларка, международную литературную Дублинскую премию, медаль Карнеги. Публикация книги принесла писателю звание «Моргана Фримена в литературе» [5, с. 38]. На сегодняшний день продано уже более миллиона экземпляров романа, в котором автор, опираясь на элементы альтернативной истории, выявляет специфическую связь религиозного фундаментализма, лежащего в основании пуританской Америки, с функционированием механизма рабства. Большую роль в книге играет фантазия, благодаря чему писатель вписывает фантастику в контекст реальной действительности американского Юга середины 1850-х гг., перемежая реальность вымыслом. В

определенной степени писатель следует за структурой великой книги Дж. Свифта «Путешествия Гулливера», насыщая роман многочисленными пересечениями реального и фантастического, которое, однако, вполне могло бы иметь место.

Уайтхед поднимает тему исторического прошлого афроамериканцев, стремясь подчеркнуть, что прошлое не так уж далеко отстоит от настоящего. Особое внимание уделяется психологии толпы, когда человек перестает быть личностью, а поддается давлению массы. И. В. Морозова справедливо замечает, что «Подземная железная дорога», как и многие современные художественные тексты, представляет собой некий гибридный жанр, близкий к историографическому роману, в котором находится место и документальным фактам, и художественной типизации, и фантастике» [6, с. 736]. Для писателя было важно подвергнуть сомнению закрепленные в памяти многих поколений представления об эпохе рабства, которые затушевывали ее трагические аспекты.

Фикционализация в романе сопрягается с документом, который вплетается в художественную ткань книги при помощи объявлений о покупке рабов, относящихся к описываемому периоду в истории США, предваряющих главы о штатах, где оказывается героиня – беглая рабыня Кора, и дающих описание беглянки, награде за ее поимку, наказании за укрывательство и позволяющих судить о нравственной атмосфере в штате. По мере удаления девушки добавляются новые черты в ее внешности, возраст: в Южной Каролине ей 18 лет, а перед решающим рывком попасть в Огайо в Индиане уже указывается, что ей 28. В каждом штате она появляется под новым именем; цена за беглянку уменьшается: ведь понятно, что испытания, которым должна была подвергаться Кора, не могли не сказаться на ее физическом и моральном состоянии. Однако в Индиане за нее уже обещают 50 долларов: она может пересечь границу рабовладельческих штатов; это последний рубеж поймать ее. Неизменным во всех объявлениях остается одно указание: «*может выдавать себя за свободную женщину*». – «*will try to pass for a free girl*» [7, с. 142]. Эти объявления выглядят аутентичными, поскольку прямо повторяют подобные объявления тех лет, в которых особое внимание уделялось не только приметам, но и физическому и моральному состоянию разыскиваемых рабов. Д. Патриккаркос подчеркивает стремление писателя показать «*the monetization of the human body, and its subsequent industrialization on the cotton farms of hell*» [8, с. 37]. Знаменательно, что только перед

последней главой «Север» (North) Кора упоминается под своим именем и констатируется, что она никогда никому не принадлежала, то есть всегда чувствовала себя свободной:

«She has stopped running.
Reward remains unclaimed.

SHE WAS NEVER PROPERTY» [7, с. 298] (выделено автором романа. – Ю. С.).

Во время работы над романом Уайтхед много работал в архивах, знакомился не только с классическими историями рабов Фредерика Дугласа или Харриэт Джэкобс, но и с многочисленными невольничьими повествованиями, собранными в 1930-х гг. в рамках Федерального писательского проекте (Federal Writers' Project), а также с объявлениями о беглых рабах, хранящимися в библиотеке университета Северной Каролины. Все это обеспечило безусловную достоверность повествования о вымышленной героине, которая прошла типичной дорогой на Север в поисках свободы. Цитируя И. В. Морозову, можно удостовериться, что «Физическое перемещение Кори по штатам позволяет проследить не только все главные топоры афроамериканского нарратива о рабстве и бегстве из него: такие, как одиночество, сиротство, трудности самоидентификации, тяга к грамоте, предательство, власть и цинизм белого человека, насилие и т. д. Герои романа откровенно воплощают в себе основные типологические черты южного сообщества, созданные в невольничьих повествованиях» [6, с. 740]. Писателю удалось передать не только ужас самого института рабства, но и его драматические последствия для сознания каждого американца, которому нужно жить с ощущением исторической несправедливости относительно огромного числа своих сограждан. Столь важно поэтому, что писатель показывал, какими разнообразными были проявления рабства как в отдельных штатах, так и в сознании их жителей, которые по-разному воспринимают сам феномен рабства – с точки зрения христианина, фундаменталиста или так называемого *redneck*, то есть «не желающего воспринять новые или какие-то другие идеи или вещи»; «отсталого, наивного, простоватого, грубоватого». Оценивая книгу, профессор Мичиганского университета Фил Кристман пишет, что «Я скорее поверю Уайтхеду, чем историкам. Он создал целостный, убедительный и невыносимый мир, совсем как наш собственный» («complete, compelling, and intolerable, like our own») [9, с. 36]. Тем самым он вторит самому писателю, который подчеркивает: «Я не учитель, не историк; я стараюсь создать мир моих героев» [10, с. 28].

Роман «Мальчишки из Никелевской колонии» (Nickel Boys), принесший ему вторую Пулитцеровскую премию 2020 г., обращается к истории так называемой «Никелевской академии», исправительной колонии для несовершеннолетних во Флориде, где подростки подвергались ужасному физическому и сексуальному насилию, а некоторые из них навсегда исчезали. Писатель отталкивается от реальной истории со школой имени Артура Дозиера для мальчиков в маленьком городке Марианна, штат Флорида, где при возведении торгового центра в начале 2010-х гг. были обнаружены останки примерно 55 подростков. Расследование, в котором приняли участие студенты и преподаватели местного университета, раскрыло чудовищную правду о том, как «перевоспитывали» подростков (в основном это были чернокожие) в этом заведении, где «черная красавица» – это была специальная плеть для экзекуций, а «белый дом» оказался местом пыток и наказаний. Писатель горько констатирует: «Это история о том, как ...властям имущим сходит с рук жестокое обращение со слабыми и как их никогда не призывают к ответу» [11]. Само это заведение критик газеты «Нью-Йорк Таймс» Фрэнк Рич назвал «самым настоящим домом ужасов» [12].

Отправной точкой для написания романа стала информация из газеты «Тампа Бей Таймс» (Tampa Bay Times), где публиковались материалы расследований. До сих пор точное количество жертв неизвестно. Задачей Уайтхеда было создать «эпическое полотно о привычке Америки лишь на словах обращаться к главному своему греху вместо того, чтобы увидеть весь этот ужас и неистребимое наследие хронической болезни» (расизма. – Ю. С.) [Там же].

Отталкиваясь от реальных фактов и проецируя происходящее на американский Юг начала 1960-х гг., Уайтхед создает жанровый гибрид исторического романа, в котором большую роль играет противостояние двух позиций относительно того, какой должна быть стратегия человека, поставленного в подобные обстоятельства: оптимистическая, верящая в возможность изменения общества, и противоположная, подчеркивающая наивность такой веры. Писатель вводит массу деталей, которые характеризуют атмосферу насилия и расизма, царящую в колонии для несовершеннолетних. Вымышленные герои живут в условиях, которые прямо заимствованы из реалий колонии им. Дозиера, основанной южным белым расистом, уверенным в своем праве на насилие в отношении малолетних чернокожих подростков, и американского Юга начала 1960-х гг. Закрытый мир колонии в целом передает атмо-

сферу времени, хотя начинается все с марша за гражданские права, в котором принимают участие не только черные, но и белые жители городка, где живет герой романа Элвуд, видящий среди участников марша знакомые лица, в том числе учеников местной школы. Большое влияние на него оказывает знаменитая речь Мартина Лютера Кинга, дословно приводимая в его размышлениях о своем будущем, которое должно соответствовать принципам Кинга. Играя с пространством и временем, как и в предыдущих произведениях, писатель делает важный вывод относительно расовой ситуации в стране. Автор уверен, что взаимодействие людей с разным цветом кожи в стране по-прежнему отличается напряженностью и конфликтностью. В интервью Шону О'Хагану он прямо говорит: «Если вы хотите писать об институциональном расизме и нашей способности ко злу, ... вы могли бы писать о 1850-м, или 1963-м, или 2020-м; все это, к сожалению, одинаково применимо. Это продолжается, и будет продолжаться еще долгие годы» [11]. Это объясняет, почему этот роман Уайтхеда предельно реалистичен: действительность американского Юга, пропитанного столетиями расовой ненависти, говорит сама за себя. Хотя события романа уходят в прошлое, страшное наследие еще не исчезло. Два главных героя, носящие говорящие имена Элвуд (мечтательный, умеющий сопереживать) Кертис (учтивый, любезный) и Тернер (от глагола «turn» ‘переворачивать, превращать’, олицетворяющие два разных подхода к жизни, в результате трагических обстоятельств меняются местами, и последний должен рассказать правду о том, что происходило в колонии, невзирая на грозящие опасности. Только через правду можно пытаться строить новую жизнь, и это касается как отдельных американцев, так и страны в целом.

Все названные произведения по-разному используют документ, который в значительной мере обогащает художественную палитру Колсона Уайтхеда, делая его произведения крупными явлениями современной американской литературы. В одних случаях толчком к созданию книги являются газетные и архивные материалы; в других документ становится непосредственной частью романа; в-третьих, писатель вводит в контекст реальные события и реальных исторических лиц, включая фрагменты из их речей и выступлений. Благодаря этому его книги приобретают аллегорическое или метафорическое значение, но все они нацелены на современную Америку.

Список источников

1. Linda Selzer. *New Eclecticism: An Interview with Colson Whitehead* // *Callaloo*. Vol. 31. No. 2. Spring 2008. P. 393–401.
2. Jaggy M. *Railroad Blues* // *The Guardian*. 22.06.2001. URL: <https://web.archive.org/web/20171128043201/https://www.theguardian.com/books/2001/jun/23/fiction.artsandhumanities/> (дата обращения: 21.04.2023).
3. Изер В. Изменение функций литературы // Современная литературная теория. Антология / Сост. И. В. Кабанова. М.: Флинта, 2004. С. 22–44.
4. Whitehead C. *John Henry Days*. London: Fourth Estate, 2002. 389 p.
5. Nordlinger J. *Freedom Trails* // *National Review*. Oct 10, 2016. P. 38–39.
6. Морозова И. В. Коллективная память в романе Колсона Уайтхеда «Подземная железная дорога» // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия История и филология. 2018. Том 28, выпуск 5. С. 736–741.
7. Whitehead C. *The Underground Railroad*. London: Fleet, 2016. 307 p.
8. Patrikarakos D. *A parable of good and evil* // *The Spectator*. Oct 15, 2016. P. 36–37.
9. Christman P. *The Underground Railroad: A Novel* // *Christian Century*. Oct 12, 2016. P.36–37.
10. Patrick D. *Tunnel Visions* // *Publishers Weekly*. July 25, 2016. P. 27–28.
11. O'Hagan S. Interview. Colson Whitehead: 'We invent all sorts of different reasons to hate people'. *The Observer*. June 21, 2020.
12. Rich F. In 'Nickel Boys' Colson Whitehead Depicts a Real-Life House of Horrors // *New York Times*. July 14, 2019.

References

1. Linda Selzer (2008). *New Eclecticism: An Interview with Colson Whitehead*. Callaloo. Vol. 31. No. 2 (Spring), pp. 393–401. (In English)
2. Jaggy, M. (2001). *Railroad Blues*. The Guardian. 22.06. URL: <https://web.archive.org/web/20171128043201/https://www.theguardian.com/books/2001/jun/23/fiction.artsandhumanities/> (accessed: 21.04.2023). (In English)
3. Izer, V. (2004). *Izmenenie funktsii literatury* [Changing Functions of Literature]. *Covremennaya literaturnaya teoriya*. Antologiya. Sost. I. V. Kabanova. Pp. 22–44. Moscow, Flinta. (In Russian)
4. Whitehead, C. (2002). *John Henry Days*. 389 p. London, Fourth Estate. (In English)
5. Nordlinger, J. (2016). *Freedom Trails*. National Review. Oct 10, pp. 38–39. (In English)
6. Morozova, I. V. (2018). *Kollektivnaya pamyat' v romane Kolsona Uaitkheda "Podzemnaya zheleznaya doroga"* [Collective Memory in "The Underground Railroad" by Colson Whitehead]. *Vestnik Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya Istoriya i filologiya. Tom 28, vypusk 5, pp. 736–741. (In Russian)

7. Whitehead, C. (2016). *The Underground Railroad*. 307 p. London, Fleet. (In English)
8. Patrikarakos, D. (2016). *A Parable of Good and Evil*. The Spectator. Oct 15, pp. 36–37. (In English)
9. Christman, P. (2016). *The Underground Railroad: A Novel*. Christian Century. Oct 12, pp. 36–37. (In English)
10. Patrick, D. (2016). *Tunnel Visions*. Publishers Weekly. July 25, pp. 27–28. (In English)
11. O’Hagan, S. (2020). *Interview. Colson Whitehead: ‘We invent all sorts of different reasons to hate people’*. The Observer. June 21. (In English)
12. Rich, F. (2019). *In ‘Nickel Boys’ Colson Whitehead Depicts a Real-Life House of Horrors*. New York Times. July 14. (In English)

The article was submitted on 18.06.2023
Поступила в редакцию 18.06.2023

Стулов Юрий Викторович,
кандидат филологических наук,
доцент,
независимый исследователь,
220030, Беларусь, Минск,
Янки Купалы.
yustulov@mail.ru

Stulov Yuri Victorovich,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
independent researcher,
Yanki Kupaly Str.,
Minsk, 220030, Belarus.
yustulov@mail.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-189-196

«ВЛАСТЬ ТЬМЫ» ЛЬВА ТОЛСТОГО НА ТАТАРСКОЙ СЦЕНЕ

© Милеуша Хабутдинова, Марсель Бакиров¹

“THE POWER OF DARKNESS” BY LEO TOLSTOY ON THE TATAR STAGE

Mileusha Khabutdinova, Marsel Bakirov

The article systematizes information from the history of Tatar translations of Leo Tolstoy's dramaturgical works and their existence in the Tatar environment. We have two Tatar translations of the drama “The Power of Darkness”. The analysis is based on Rafkat Shageev's translation, made a century after the creation of the work. The belated appeal of the Tatar theater to this work is due to the specifics of the Tatars' mentality and their way of life. In the course of our comparative analysis of the “Dəm” (“The Power of Darkness”) script against the original of the work, we found that the scriptwriters Elizaveta Bondar and Evgenia Augustenyak significantly abridged the work, intensifying the metaphorical and symbolic aspect of its dramatic images. The duration of the performance at the Almetyevsk Theater is 1.5 hours. During the comparative analysis, we proved that the scriptwriters sought to demonstrate the imagery potential of the Tatar language and its rhythmic capabilities, which is why the stage canvas has acquired the operatic sound. The translator managed to convey not only the message and the general idea, but also the structure of the script. R. Shageev used literary techniques in such a way as to make the pronounced text produce on the reader an emotional effect which would be close to the original. This article is the first step forward on the way to understand the phenomenon of Rafkat Shageev's translation strategy.

Keywords: Tatar Theater, Leo Tolstoy, “The Power of Darkness”, Elizaveta Bondar, Evgenia Augustenyak, Rafkat Shageev

В статье систематизированы сведения из истории татарских переводов драматургических произведений Льва Толстого, их бытования в татарской среде. Имеется два татарских перевода драмы «Власть тьмы». Материалом для анализа послужил перевод Рафката Шагеева, выполненный спустя век после создания произведения. Позднее обращение татарского театра к этому произведению обусловлено спецификой ментальности татар и укладом их жизни. В ходе сопоставительного анализа сценария «Дәм» («Власть тьмы») с оригиналом произведения, выявилось, что сценаристы Елизавета Бондарь и Евгения Августеняк подвергли произведение значительному сокращению, сгустив метафорический и символический план драматических образов. Продолжительность спектакля в Альметьевском театре составляет 1,5 часа. В ходе сопоставительного анализа было доказано, что сценаристы в своей работе стремились продемонстрировать потенциал образности татарского языка и его ритмические возможности, отчего сценическое полотно приобрело оперное звучание. Переводчику удалось передать не только идею и общий замысел, но и структуру сценария. Р. Шагеев использовал литературные приемы, организующие текст так, чтобы сказанное производило на читателя близкий к оригиналу эмоциональный эффект. Данная статья есть первый шаг по осмыслению феномена переводческой стратегии Рафката Шагеева.

Ключевые слова: Татарский театр, Лев Толстой, «Власть тьмы», Елизавета Бондарь, Евгения Августеняк, Рафкат Шагеев

Для цитирования: Хабутдинова М., Бакиров М. «Власть тьмы» Льва Толстого на татарской сцене // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 189–196. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-189-196

¹ М. Х. Бакиров – автор интервью с переводчиком Р. Шагеевым. Сравнительно-сопоставительный анализ переводов, сценической интерпретации выполнен М. М. Хабутдиновой.

Введение

Впервые татарские переводчики обратили внимание на драматургию Льва Толстого еще в конце XIX в. «Первой ласточкой» стал перевод комедии писателя «Первый винокур, или как чертенок краюшку заслужил» (1886), выполненный Ибрагимом Терегуловым в 1888 г. Эта комедия, созданная Л. Н. Толстым для народного зрителя, привлекла внимание татарского переводчика, во-первых, своей антиалкогольной тематикой, во-вторых, простотой слога, в-третьих, тем, что один из первоисточников сюжета, а именно вариант о происхождении хлебного вина, был «татарским», то есть бытовал в среде нижегородских татар. Литературовед И. И. Сизова, изучавшая историю создания рассказа «Как чертенок краюшку заслужил», пришла к выводу, что Л. Н. Толстой оттолкнулся от материалов книги русских народных легенд А.Н. Афанасьева. Разрабатывая сюжет о первом винокуре, писатель творчески переосмыслил легенду «Горький пьяница» (см. подр.: [1, 173]). Известно, что Ибрагим Терегулов в 1889 г. представил свой перевод в цензурный комитет. Судьба его работы оказалась несчастливой: перевод не стал достоянием читателей. В цензурном отзыве отмечалось, что «для магометан, не пьющих вино, перевод подобной брошюры практической пользы принести не может, но будет лишь способствовать неправильному воззрению тюрков на русский народ» [2].

В 1911 г. татарский поэт, драматург, журналист, переводчик Сагит Рамеев перевел на татарский язык драму Льва Толстого «Живой труп». Ему удалось получить одобрение цензуры, и его перевод увидел свет на страницах издаваемый им газеты «Идел» [3]. В тот же год работа С. Рамеева была опубликована отдельной книгой в Астрахани [4].

Материалом исследования является татарский перевод драмы «Власть тьмы» в редакции Елизаветы Бондарь и Евгении Августеняк [5], выполненный писателем, кандидатом филологических наук Рафкатом Шагеевым [6].

Цель исследования состоит в изучении и анализе татарского перевода произведения с точки зрения его адекватности и эквивалентности и выявлении специфики интерпретации указанной русской драмы на татарской сцене.

Исследование велось с помощью компаративного метода.

Обсуждение

Данная статья есть логическое продолжение нашей работы по введению и изучению совре-

менных переводов произведений Л. Толстого в оборот [7], изучению специфики их сценической интерпретации на сцене [8].

3–4 декабря 2022 г. на сцене Альметьевского татарского государственного драматического театра состоялась премьера спектакля-триллера по мотивам пьесы Л. Толстого «Власть тьмы» (реж. Елизавета Бондарь). В оригинале эта история, основанная на подлинном уголовном деле тульского крестьянина Ефрема Колоскова, занимает пять актов, а в татарской версии этот морок переплавлен сценаристами Елизаветой Бондарь и Евгенией Августеняк в полуторачасовой спектакль. Герои народной драмы Л. Н. Толстого впервые на сцене заговорили по-татарски.

Постановка привлекла внимание как театральных критиков (Жанна Зарецкая [9], Галина Брандт [10]), так и рядовых зрителей. Спектакль «Дөм» в марте 2022 г. получил театральную премию «Тантана» в номинации «Экспериментальный спектакль». Успешно складывается и фестивальная судьба этой постановки. На XX юбилейном Фестивале театров малых городов в Магнитогорске (29.05 – 05.06.2023) спектакль «Дөм» удостоился специальной премии от губернатора Челябинской области «За развитие театрального языка».

Толстовский мир кромешной нелюбви в инсценировке передан переводчиком через татарское слово *дөм*. Так назвать пьесу предложила зам. директора по развитию Ляйлягуль Минаева. Оно перекликается с полифоничным названием тургеневского романа «Дым», в котором описано состояние пореформенной России (1867). Если под прицелом И. С. Тургенева оказался высший свет, то взгляд Л. Толстого в 1886 г. был обращен на темную российскую глубинку. Татарское название очень точно характеризует атмосферу, царящую на сцене. В «Толковом словаре татарского языка» очерчены следующие сочетания этого наречия: *дөм караңгы* ‘непроглядный’, ‘тьма’, ‘темень’, ‘мрак’; *дөм сукур* ‘совершенно слепой’; *дөм ят* ‘совершенно чужой’ [11, с. 322]. Оттолкнувшись от содержания пьесы Л. Толстого, этот ассоциативный ряд можно было бы продолжить: *дөм исерек* ‘вдупель пьяный’, *дөм жансызлык* ‘полное безлюдье’, *дөм томана* ‘полный дурачина’, *дөм ятим калу* ‘осиротеть полностью’ и др.

На метафоричность названия драмы указывает и стихотворение, которое было написано переводчиком под впечатлением премьеры:

«Дөм караңгы –

«Темень непроглядная –

Күзгә төртсән – күрмисен дә, Дөм исерек – Ни кылынган – белмисен дә. Дөм фәхишә – Берәү баскан, берәү яткан, Бар дөнъяны „Гөнаһ“ дигән пәрдә япкан. Дөм буш дөнъя – Оят та юк, намус та юк, Дөм жансызлык – Киселгән төп, корган таяк. Дөм явызлык – Тудыручы – газиз ана Ач күзеңне – Кара утта балаң яна. Дөм суқырлык – Яктылык юк жаннарында, Дөм оятсызлык – Кап- карадыр каннары да. Дөм куркаклык – Тик намустан булмый качып. Дөм караңгы – Баз авызы һаман ачык. Сискәндерде – „сөюегез“ Уйландырды – уеныгыз, Сөендерде „Дөм“ карадан Якты тәрәз уюыгыз» [12].	Темно, хоть глаз выколи, Вдупель пьяный – Что творит, не ведаешь. Блудница прожженная – Кто-то стоит, кто-то лежит, Весь мир Занавешен занавесом „Грех“. Кромешная пустота – Ни совести нет, ни стыда. Ни души – Одни пни, высохшие ветви. Кромешное одиночество – Дорогая мать – родившая, Открой глаза – Твое дитя горит в черном огне. Полная слепота – Нет света в душах, Срамотище – Черная-пречерная у них даже кровь. Страх ужасный – Но от угрызений совести не убежать. Кромешная темнота – Дверца в подпол еще открыта Заставила опомниться – „ваша любовь“ Побудила к размышления – ваша игра, Вам удалось распахнуть для зрителей Окно для понимания „Живого трупа“» (здесь и далее подстрочный перевод наш. – М. Х.).
--	--

Материал постановки, безусловно, тяжелый. Драма «Коготок увяз, всей птичке пропасть», сегодня больше известная по основному названию «Власть тьмы», была написана Л. Н. Толстым в 1886 году по реальному уголовному делу крестьянина Тульской губернии. По мнению М. М. Бахтина, писатель в этой драме «нарочито противопоставляет» «свою деревню деревне народнической литературы, «Власть тьмы» – «Власти земли» (очерк Глеба Успенского), народническому примату социально-этического – свой примат индивидуально-этического, идеям земли и общины – идею Бога и индивидуальной совести» [13]. Друзья помогли Л. Толстому устроить читку в присутствии царя Александра III и царской семьи. Произведение привлекло внимание императора. В феврале 1887 г. начались репети-

ции в Александринском театре Санкт-Петербурга. Премьера не состоялась из-за вмешательства цензурного комитета. Цензура и обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев разглядели в пьесе «отрицание идеала, уничтожение нравственного чувства, оскорбление вкуса».

Зрительный зал на время действия в Альметьевске перенесен на сцену, на окраину символического леса с причудливыми высохшими деревьями, лишенными корней, которые чередуются со старыми пнями. Видимо, работая над сценографией, художник Анастасия Бугаева оттолкнулась от татарского выражения «дөм караңгы урман» («дремучий темный лес»).

Окунув зрителя во тьму, создатели спектакля позволяют ему физически и психологически прочувствовать состояние, в котором пребывают персонажи толстовской пьесы, чьи грешные души оказались во власти зла. Сценическую тьму «пробивает» лишь свет от двух фонарей, расположенных на другой окраине леса. Из этой тьмы «вываливаются» в стелку пьяные обитатели «леса», которые постепенно обретают вид зомби. Их ноги обернуты эластичными бинтами, отчего герои выглядят стреноженными, что также работает на тему «блуждания героев в греховной тьме». Наблюдая за героями от сцены к сцене, постепенно начинаешь понимать, что, в отличие от толстовского замысла, герои сценария Елизаветы Бондарь и Евгении Августеняк находятся в статичном состоянии и не готовы меняться. Свет в их душах погас давно, а сами они источают только зло. Это впечатление усиливается благодаря удивительной сценографии: толстовские герои существуют среди высохших корявых деревьев и пней без корней.

Драма Л. Толстого приобрела в спектакле черты хоррора. Это повлияло на общую атмосферу на сцене, тональность музыкального и гамму светового оформления. Разрабатывая концепции ключевых персонажей, режиссер стремилась их максимально приблизить к настоящей действительности. Так, концепция матери Никиты разработана в эстетике серийного убийцы, а образы Никиты и его любовниц прочитаны сквозь призму эротического городского фэнтези. Эти художественные находки создателей спектакля призваны приблизить материал драмы к современному зрителю.

В спектакле «Дөм» нарочито отсутствуют приметы крестьянского быта, что усиливает впечатление метафоризма и символизма всего происходящего. Вначале может показаться, что водочная бутылка, то и дело мелькающая в руках героев, необходима, чтобы в какой-то степени объяснить их состояние беспробудного опьяне-

ния. Однако, по мере концентрации вязкой тьмы на сцене, у зрителя постепенно начинает созревать понимание, что происходящее на сцене есть проекция происходящего в человеческом сознании. Герои спектакля давно в преисподней, так как утратили человеческий облик.

Эта атмосфера создается благодаря музыкальному оформлению спектакля. Блестящую характеристику работе композитора дала театровед Жанна Зарецкая: «Мегафоны то и дело передают „погоду“, а точнее – „общую атмосферу по лесу“, и этот „прогноз“ на два голоса – высокий женский и низкий мужской – отдельное музыкальное произведение, нечто вроде вокально-инструментальной кантаты, глас беспредельного леса. „Темная, мощная, сияющая, обволакивающая, противоестественная, гладкая, тяжелая, скользкая“, – будет время от времени, чередуя эпитеты, тянуть мужской голос под аккомпанемент альта. „Она булькает в горле течет из ушей“, – подхватит высокий женский, сопровождаемый дисгармонией струнных. При этом в мужской партии периодически и как-то неожиданно среди потока определений будет возникать странное императивное по сути „будущее зависит от тебя“, откровенно рифмующееся с „Tomorrow belongs to me“ из „Кабаре“: оно, очевидно, призвано воздействовать на подсознание здешних обитателей наподобие 25 кадра» [9]. Композитор Николай Попов очень талантливо озвучил пространство апокалипсиса на сцене.

Важную роль играет световое оформление спектакля. Фонарики, изредка пронзающие крошечную тьму, ее не раздвигают, а напротив, сгущают краски, высвечивая весь ужас происходящего. Концепция света в татарском спектакле построена на ослепляющей людей демонической власти денег. Свет на сцене не освещает – ослепляет, способствует потере ориентиров.

Кружение артистов по сцене создает зрительную иллюзию импровизированной воронки, затягивающей людей, уже утративших человеческий облик. Все персонажи, за исключением двух юродивых и Петра-колясочника, едва стоят на ногах. Они не в состоянии посмотреть на себя со стороны и трезво оценить происходящее.

Коррективы, внесенные создателями сценария, нашли отражение и в татарском переводе. Так, пьеса открывается репликой хозяина дома (Рафик Тагиров), требующего от работника прогнать собак: «Собак выгони» [5, с. 1]. – «Этларне ку але» [6, с. 1]. У Л. Толстого, как известно, в этой реплике героя упоминаются лошади. Исходя из концепции татарского спектакля, данная замена себя абсолютно оправдала. Как известно, собаки на Руси были неотъемлемой частью по-

мещицкого быта. Псовая охота с удалью и размахом вполне соответствовала известным чертам русского национального характера. Вот почему в спектакле лай собак становится символической деталью звуковой оркестровки спектакля, цементирующей его семантический потенциал. С одной стороны, слово «собака» ассоциируется с верностью, с другой, если вспомнить о производных от «собаки» слова, оно несет в себе значение предательства и измены. «Пес» и «сука» в русском речевом обиходе функционируют в качестве ругательных.

В анализируемой пьесе Л. Толстого слово «пес» фигурирует в качестве бранного. Так, например, оно встречается речи Акулины: «Сама дура, пес ты»; «А пес ты, Никита». Прибегает к нему работник Никита: «Отравил я отца, погубил я, пес, и дочь»; «Говорил ты мне спервоначала, как я этой блудной скверной занялся, говорил ты мне: „Коготок увяз, и всей птичке пропасть“, не послушал я, пес, твоего слова, и вышло по-твоему» [14].

В Библии собака – метафора, символизирующая обездоленность, нищету, страдание. Если взглянуть на действия Петра в экспозиции драмы, то желание изгнать собак со двора приобретает метафорический смысл – «изгнание бесов», и воспринимается в спектакле тщетной попыткой героя упорядочить мир в своем доме, продемонстрировать былую крепкую хозяйскую волю.

Сценаристы также переплавили толстовскую реплику Анисьи (Лилия Загидуллина), отсылающую в крестьянский быт: «Сам-то ты больно шустер, с печи да на лавку». Она в пространстве спектакля получила дополнительные смыслы: «На диване лежать приказывать легко» [5, с. 1]. – «Диванда кырын ятып, кешедән генә сорарга жайлы ул» [6, с. 1]. С одной стороны, диван в обыденном сознании ассоциируется с праздностью, с другой стороны, имеет значение убежища. Немощный Петр, охваченный предсмертной тоской, тщетно пытается обрести опору в вязкой трясине окружающей его жизни. Его главенство в доме мнимое. Петр, как и другие обитатели дома, подвержен духовному омертвлению, хотя еще и жив физически.

Аким дает весьма проницательную оценку происходящему: «пакость». На альметьевской сцене толстовские герои выглядят не пакостно, а скорее мерзопакостно. Омерзительно наблюдать за трясущимся мелкой дрожью Никитой (Динар Хуснутдинов), нарезающим пьяные кренделя по сцене. Концепция роли Динара Хуснутдинова целиком укладывается в характеристику мужа Анисьей: «Кобель потрясучий» [14]. Естествен-

ное отвращение вызывают у зрителя пошлые сексуальные движения Никиты, отторжение и брезгливость – его циничный диалог с Мариной (Сирина Мифтахова). Если у Толстого в пьесе жертва Никиты – добрая, честная женщина, то в спектакле она превращается в органичный элемент этой мерзопакостной тьмы.

Сценаристы подвергли сокращению реплики Никиты, сгустив противоречия, выстроили их в одну нить. Особенно ярко это проявляется в диалоге с Анисьей о планах героя жениться:

«Анисья, ну ты в себя приди! С чего это я тебя забыть хочу? Все равно тебя не брошу, потому что я хороший! А я так рассчитываю: если женят, назад к тебе приду» [5, с. 5].

Подбирая эквивалент на татарском, Р. Тагиров предложил переводчику обыграть в переводе двусмысленный потенциал слова «тэти». Оно используется татарами в значении ‘красавец’, ‘молодчик’ и в то же время в начале XX в. обогатилось новым смыслом: стало компонентом слова, обозначающего женщин легкого поведения, – проституток. Таким образом, реплика героя на татарском на сцене производит на зрителя двойственное впечатление: «*Мин бит тэти малай, тугел тутыккан калай*» [6, с. 5]. – «*Я молодчик, а не ржавое железо*» [5, с. 5]. Переводчик эксплуатирует второе значение, намекая на сексуальную распущенность героя.

Создатели спектакля нарочито подчеркивают похотливость героев. Это наблюдается не только на уровне реплик, но и проявляется в поведении, а также в костюмах. По сцене бродят лохматые, безобразные женщины в коротких юбках, систематически задирающие подол у себя. Свет фонарей то и дело фиксируется на юбках, состоящих из блесков. Шокирующая картина предстает перед зрителем во время убийства младенца: «В ту секунду, когда едва размозживший младенцу череп Никита выползает из погребца, Анисья устремляет свет фонарика на свою золотую юбку, декорированную зеркальными деталями. И это – замечательно красивая сцена: свет рассыпается на множество лучей, ослепляя привыкших к темноте зрителей. А то, что солнце в этом лесу восходит на уровне детородного органа убийцы, торжествующей полную победу, автоматически и абсолютно в оруэлловской логике превращает его в символ крошечной тьмы» [9].

На протяжении спектакля вокруг Никитки кружат злые женщины-ведьмы. Бормотанье Анисьи по мере развития сюжета все больше из-за специфического смеха начинает напоминать карканье, а сама она даже внешне становится по-

хожа на хищную ворону-падальщицу. А Матрена тем временем периодически на сцене меняет один лик на другой: с шипением из хищной вороны она периодически перевоплощается в змею, медленно и верно душащую свою жертву. Выдавливая из себя реплики, она словно парализует волю собеседников, навязывая им свои коварные планы, загоняя их в жерло преисподней. В этом «озверевшем» хоре тонкий голосок Акулины (Лейсан Загидуллина) напоминает бляение растерянной овцы, отбившейся от стада. Периодически сцену накрывает мощная волна рефрена в стилистике церковного пения: «*Темная, блестящая, густая, темная, глянцевая, вязущая, темная, тяжелая, темная, густая, тягучая, темная...*». Все это усиливает впечатление непреодолимости тьмы жизни.

Финальным аккордом сцен, где «хищницы» обрекают хозяина дома на смерть, становится сцена осыпания Петра землей. Складывается ощущение, что этот поток сыплется из самого чрева тьмы, а небеса и земля поменялись в этом дьявольском мире местами. В отличие от свадебного обряда, где осыпание зерном выступает символом благополучия, эта сцена в татарском спектакле получает диаметрально противоположную трактовку из-за тяготения к архетипу смерти. Поначалу этот сценический обряд внешне напоминает обряд осыпания головы пеплом – знак несостоятельности героя; однако, по мере нарастания скорости низвергающегося на голову Петра потока, приобретает новый смысл, превращаясь в знак его гибели.

Очередной жертвой женщин-демонов становится уже новоявленный хозяин дома, которого они толкают на преступление – убийство новорожденного. Зритель шокирован тем, как буднично вершит свои дела мать Никиты, еще недавно подкинувшая идею с ядом для Петра, а теперь открывающая своими руками преисподнюю для сына. Особенно кощунственно звучит ее реплика с лицемерной заботой об «отродье»: «*Смотри, окрестить не забудь. Крестик-то есть?*» [5, с. 42]. – «*Кара, чукындырырга онытма. Тәрең бармы?*» [6, с. 42]. Именно в этот критический момент в Никите просыпается кровь отца. Зритель наблюдает за проявлением в нем проблесков совестливости. Герой Динара Хуснутдинова начинает обретать черты человека, способного на покаяние. Встав на колени, в отличие от замысла Л. Толстого, Никита в татарском спектакле не кается, а лишь проговаривает все свои грехи. Зритель становится свидетелем катастрофы человека, впитавшего в себя все пороки окружающего мира. Бросается в глаза параллелизм сцен: Петр канул в небытие под мета-

форическим потоком «земли», а у Никиты исчезло желание жить на земле от осознания сонма своих грехов: ведь словесный поток в последней сцене есть свидетельство его внутренней рефлексии.

В своем интервью переводчик признается, что не сразу решился взяться за перевод столь сложного произведения русской классики. Вначале понадобилось осмыслить специфику его современной формы. Р. Шагеев отдавал отчет, что ему в ходе перевода потребуется, с одной стороны, сохранить дух оригинала, особенности языка той эпохи, не нарушая работу сценаристов, приблизить его к татарскому зрителю. Работая над переводом, переводчик считал важным не только передачу смысла той или иной фразы, но и особую интонацию, с которой она произносилась, сохраняя заложенный автором эффект восприятия. Изначально Р. Шагеев отказался от стратегии точного перевода, так как на выходе он получился бы искусственным. Переводчик старался переводить сценарий сквозь призму восприятия зрителей. Р. Шагеев поставил перед собой цель – продемонстрировать все богатство татарского языка, но при этом позаботился о том, чтобы дать почувствовать зрителю возможности живого, бойкого русского слова изображенной эпохи. По собственному признанию, с большой ответственностью он подошел к передаче метафор: не жалел времени на поиск эквивалентов в татарском языке. Так, жалоба Анисьи на мужа, заставляющего делать одновременно сто дел, по-татарски зазвучала следующим образом: «*Ун төрле эш кушасың да, аннан акырасың*» [6, с. 2]. (ср. «*По десять дел задаешь, а потом орешь*» [5, с. 2]). Фразеологизм в речи Петра – «*не добиться толка*» [5, с. 3] – переплавлен в не менее экспрессивный татарский эквивалент: «*Болар белән эш пешә торган түгел*» [6, с. 3]. То же самое сделано с репликой Анисьи: «*пропадай все*» [5, с. 4], «*Ник бәтенесе асты өскә килми шунда*» [6, с. 4]. Той же стратегии переводчик придерживался при передаче прозвищ, русских ругательств. Например, ругательство Акулины «*толстомордая*» [5, с. 4] на татарском преобразовано в «*табакбит*» [6, с. 4]

Вспоминая об этапах работы над переводом, Р. Шагеев признается, что сценаристы присылали сценарий кусками, которые в работе постоянно оттачивались в зависимости от интонирования той или иной реплики. Переводчику приходилось постоянно громко читать по телефону вслух режиссеру переводимые реплики. Евгения Августеняк придавала пристальное внимание ассоциативному полю каждого татарского слова в сценарии, особенностям создаваемого ими под-

текста. Во имя нужного ритма приходилось сокращать число слов, учитывать слоговое ударение в используемых эквивалентах [15]. Данная кропотливая работа была необходима, так как сценаристы придали толстовкой драме на татарской сцене оперное звучание.

Результаты

Анализ переводческой стратегии Р. Шагеева при работе над переводом сценария «Дом» («Власть тьмы») показал, что переводчик в работе использовал возможности как описательного, концептуального, так и приблизительного перевода с поиском функционального аналога и родо-видовой замены исходной единицы. Все было поставлено в зависимость от требований ритмической организации осовремененной формы драмы Л. Толстого «Власть тьмы». Большое внимание придавалось передаче подтекста и ключевых метафор. Успех спектакля у татарских зрителей есть косвенное свидетельство качественной работы как сценаристов, так и переводчика.

Список источников

1. Сизова И. И. Сюжет о первой винокуре в творчестве Л.Н. Толстого // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (34). Ч. II. С. 172–177.
2. Ахунов А. Лев Толстой и татары // Исламский портал. 2014. 14 мая. URL: <http://www.islam-portal.ru/novosti/104/4885/> (дата обращения: 30.12. 2022).
3. Толстой Л. Терә мәет. Драма 6 пәрдәдә һәм 12 манзарада / Мәтәржимә – Сәгыйть Рәмиев // Идел. 1911. 30 сентябрь – 4 ноябрь. № 389–399.
4. Толстой Л. Н. Терә мәет (=Живой труп): драма 6 пәрдәдә / Сәед Рәмиев мәтәрж. Астрахань: А. Гомәров нашире вә матбагасы, 1911. 132 б.
5. Бондарь Е., Августеняк Е. Драма в 5 действиях «Дом» («Власть тьмы», пер. на татар. яз. Рафката Шагеева) // Библиотека Альметьевского татарского государственного драматического театра. 50 с.
6. Толстой Л. Власть тьмы: драма в 5 действиях (в редакции Е. Бондарь, Е. Августеняк) / татар. пер. Р. Шагеева // Архив Альметьевского татарского государственного драматического театра. Машинопись. 51 с.
7. Бекметов Р. Ф. Центр по изучению наследия Л. Н. Толстого в Казанском университете // Филология и культура. Philology and Culture. 2021. № 2 (64). С. 82–93.
8. Бакиров М. Х., Хабутдинова М. М. «Холстомер» «Л. Толстого на казанской сцене / М. М. Хабутдинова, М. Х. Бакиров // Филология и культура. Philology and culture. 2023. №1 (71). С. 110–117.
9. Зарецкая Ж. Сон разума // Театр. 2023. 4 марта. URL: <https://oteatre.info/slepyashhaya->

tma/?ysclid=lj3qhdnrlw385005030 (дата обращения: 08.06.2023).

10. *Брандт Г.* Черная пурга власти тьмы // Петербургский театральный журнал. 2023. 13 июня. URL: <https://samocvet.shop/visit-ptj.spb.ru/blog/chernaya-purga-vlasti-tmy/> (дата обращения: 13.06.2023).

11. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан: Татар. кит. нәшр., 1977. 476 б.

12. *Шагеев Р.* Дөм караңгы. URL: <https://vk.com/almetosprt> (дата обращения: 02.09.2023).

13. *Бахтин М. М.* Предисловие (1929) // Л. Н. Толстой. Про et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. С. 747–755.

14. *Толстой Л.* Живой труп // URL: https://rvb.ru/tolstoy/01text/vol_11/01text/0272.htm?ysclid=lmkwgn3ivs615250251 (дата обращения: 13.06.2023).

15. *Шагеев Р.* Дөм. Тәржемә итү барышы // М. Бакиров әңгәмәсе // М. Бакиров шәхси архивы. 12.09.2023. 2 б.

References

1. Sizova, I. I. (2014). *Syuzhet o pervoi vinokure v tvorchestve L. N. Tolstogo* [The Plot of the First Distillery in the Works of Leo Tolstoy]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 4 (34). Ch. II, pp. 172–177. (In Russian)

2. Akhunov, A. (2014). *Lev Tolstoy i tatar* [Leo Tolstoy and the Tatars]. *Islamskii portal*. 14 maya. URL: <http://www.islam-portal.ru/novosti/104/4885/> (accessed: 30.12.2022). (In Russian)

3. Tolstoy, L. (1911). *Tere мәет. Drama 6 pәrdәdә һәм 12 manzarada* [The Live Corpse. A Drama in 6 Acts and 12 Scenes]. Мәтәрҗимә – Sägyit' Rәmiev. *Idel*. 30 sentyabr' – 4 noyabr', No. 389–399. (In Tatar)

4. Tolstoy, L. N. (1911). *Tere мәет (=Zhivoi trup): drama 6 pәrdәdә* [The Live Corpse: A Drama in 6 Acts]. Säed Rәmiev мәтәрҗ. 132 p. Astrakhan', A. Gomәrov nashire vә matbagasy. (In Tatar)

5. Bondar', E., Avgustenyak, E. *Drama v 5 deistviyakh "Dөm" ("Vlast' t'my", per. na tatar. yaz. Rafkata Shageeva)* [“The Power of Darkness”. A Drama in 5 Acts]. Biblioteka Al'met'evskogo tatarskogo

gosudarstvennogo dramaticheskogo teatra, 50 p. (In Russian)

6. Tolstoy, L. *Vlast' t'my: drama v 5 deistviyakh (v redaktsii E. Bondar', E. Avgustenyak)* [“The Power of Darkness”. A Drama in 5 Acts]. Tatar. per. R. Shageeva. Arkhiv Al'met'evskogo tatarskogo gosudarstvennogo dramaticheskogo teatra. Mashinopis', 51 p. (In Russian)

7. Bekmetov, R. F. (2021). *Tsentr po izucheniyu naslediya L. N. Tolstogo v Kazanskom universitete* [The Center for Leo Tolstoy Heritage Studies in Kazan Federal University]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 2 (64), pp. 82–93. (In Russian)

8. Bakirov, M. Kh., Khabutdinova, M. M. (2023). “Kholstomer” L. Tolstoy na kazanskoi stsene [“Kholstomer” by Leo Tolstoy on the Tatar Stage]. M. M. Khabutdinova, M. Kh. Bakirov. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 1 (71), pp. 110–117. (In Russian)

9. Zaretskaya, Zh. (2023). *Son razuma* [The Dream of the Mind]. *Teatr*. 4 marta. URL: <https://oteatre.info/slepyashhaya-tma/?ysclid=lj3qhdnrlw385005030> (accessed: 08.06.2023). (In Russian)

10. Brandt, G. (2023). *Chernaya purga vlasti t'my* [The Black Blizzard of the Power of Darkness]. *Peterburgskii teatral'nyi zhurnal*. 13 iyunya. URL: <https://samocvet.shop/visit-ptj.spb.ru/blog/chernaya-purga-vlasti-tmy/> (accessed: 13.06.2023). (In Russian)

11. *Tatar teleneң аңлатмалы сүзлеге* (1977) [Explanatory Dictionary of the Tatar Language]. 476 p. Kazan, Tatar. kit. nәshr. (In Tatar)

12. Shageev, R. *Dөm караңгы* [Pitch Black]. URL: <https://vk.com/almetosprt> (accessed: 02.09.2023). (In Tatar)

13. Bakhtin, M. M. (2000). *Predislovie (1929) L. N. Tolstoy. Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo L'va Tolstogo v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei* [A Preface (1929). Leo Tolstoy. Pro et contra. The Personality and Work of Leo Tolstoy in the Assessment of Russian Thinkers and Researchers]. Pp. 747–755. St. Petersburg, izd-vo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta. (In Russian)

14. Tolstoy, L. *Zhivoi trup* [The Live Corpse]. URL: https://rvb.ru/tolstoy/01text/vol_11/01text/0272.htm?ysclid=lmkwgn3ivs615250251 (accessed: 13.06.2023). (In Russian)

15. Shageev, R. (2023). *Dөm. Тәрҗемә итү барышы* [“The Power of Darkness”]. М. Бакиров әңгәмәсе. М. Бакиров шәхси архивы. 12.09.2023. 2 p. (In Tatar)

The article was submitted on 10.09.2023

Поступила в редакцию 10.09.2023

Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, НОЦ стратегических исследований в области родных языков и культур, Казанский федеральный университет, 420008, Россия, Казань, Кремлевская, 18. mileuscha@mail.ru

Khabutdinova Mileusha Mukhametsyanovna, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Kazan Federal University,

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation. mileuscha@mail.ru

Бакиров Марсель Хаernasович,
доктор филологических наук,
профессор, ведущий научный сотрудник,
Центр по изучению наследия Льва Толстого,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bekmetov@list.ru

Bakirov Marcel Khaernasovich,
Doctor in Philology,
Professor,
Leo Tolstoy's Heritage Studies Center,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bekmetov@list.ru

УДК 821(111)

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-197-203

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В РОМАНЕ ДЖАНЕТ УИНТЕРСОН «РАЗРЫВ ВО ВРЕМЕНИ»

© Татьяна Хацкевич

PSYCHOLOGICAL ASPECT IN THE NOVEL “THE GAP OF TIME” BY JEANETTE WINTERSON

Tatiana Khatskevich

The article analyzes the cover version of Shakespeare’s “The Winter’s Tale”, the focus is on the psychological aspect including psychological theories the reader faces in the novel. The origin of the trauma and the necessity of working through it are easily perceived through the perspective of the psychological aspect in the text. The trauma is in the direct proportion to new role behavior models. According to J. Winterson’s work, temporal and spatial characteristics are inextricably bound up with the trauma issue. The main part of the novel is concentrated on the most important problem of working through grief. Beyond that, there are more questions of significance, for instance, Leo’s ambivalence which affects his personhood and adult life. The novel includes the case of addictive love, which is commonly observed nowadays. Much of the plot involves the analysis of the feelings of guilt and an obsessive-compulsive disorder. There is an allusion to the Oedipus complex: both in the literary work and in the psychological theory. J. Winterson uses A. Aron’s Quiz to describe the characters’ relationships. The “separation” process is analyzed throughout the story of the novel.

Keywords: W. Shakespeare, J. Winterson, English literature, trauma, psychological aspect, psychological theories, postmodernism, chronotope

Роман «Разрыв во времени» является кавер-версией на произведение У. Шекспира «Зимняя сказка», в статье рассматриваются различные психологические теории, встречающиеся в тексте произведения. Психологические теории позволяют лучше понять истоки травмы и необходимость ее проработки. Травма и создание новых поведенческих ролевых моделей находятся в прямой зависимости друг от друга. Дж. Уинтерсон исследует понятие «травма» в связи с пространственно-временными характеристиками. Большая часть романа посвящена проблеме проработки горя. Кроме того, одним из важнейших психологических явлений в романе становится амбивалентный характер главного героя, так как эта особенность влияет на становление личности и отношения с другими индивидами. В романе описан случай аддиктивной любви, сегодня это достаточно частое явление в обществе. Значительная часть повествования посвящена исследованию проблемы патологического чувства вины. В произведении важной становится аллюзия на эдипов комплекс, как на литературное произведение, так и психологическую теорию. Вопросно-ответная форма анкеты А. Арона позволяет анализировать отношения между героями и их внутренний мир. Анализ процесса сепарации происходит на протяжении всего сюжета романа.

Ключевые слова: У. Шекспир, Дж. Уинтерсон, английская литература, травма, психологический аспект, психологические теории, постмодернизм, хронотоп

Для цитирования Хацкевич Т. Психологический аспект в романе Джанет Уинтерсон «Разрыв во времени» // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 197–203. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-197-203

Роман Дж. Уинтерсон «Разрыв во времени» был опубликован в 2015 году, Дж. Уинтерсон называет его «кавер-версией» пьесы У. Шекспира «Зимняя сказка». Издательство «Vintage books» создало проект «Hogarth Shakespeare», заключающийся в том, что современные писатели вы-

пустили серию кавер-версий на произведения У. Шекспира, и роман «Разрыв во времени» становится первым таким произведением. Вместе с Дж. Уинтерсон в проекте участвовал Говард Джейкобсон, создавший роман «Меня зовут Шейлок» (2016), ставший кавером на пьесу «Ве-

нецианский купец», Энн Тайлер выбрала «Укрощение строптивой», результатом ее переосмысления стало произведение «Укусная девушка» (2016), Маргарет Элеонор Этвуд в качестве фабулы своего произведения «Ведьмино отродье» (2016) использовала сюжет пьесы «Буря», Ю Несбё для создания романа «Макбет» (2018) обратился к одноименной пьесе, новое прочтение пьесы «Король Лир» способствовало появлению романа «Данбар» (2017) Эдварда Сент-Обина, роман Трейси Шевалье «Новенький» (2017) завершает список опубликованных романов, однако проект не остановлен, в планах Джиллиан Флинн была работа над пьесой «Гамлет» [1].

Творчество У. Шекспира значительно повлияло на становление Дж. Уинтерсон как писательницы, практически в каждом ее произведении присутствует аллюзия на его произведения. Однако сама писательница говорит о том, что часто непонятны мотивы тех или иных поведенческих реакций персонажей в произведениях У. Шекспира. Например, в пьесе «Зимняя сказка» необъяснимо поведение короля Леонта: очевидно, что читатель задается вопросом, почему вдруг возникла такая необоснованная сильная ревность к другу. Благодаря проекту «Hogarth Shakespeare» у Дж. Уинтерсон появилась возможность заполнить «пробелы в повествовании». Писательница часто исследует причинно-следственные связи, предлагает свой взгляд на проблему и пути развития того или иного сюжета. В романе «Разрыв во времени» Дж. Уинтерсон не только посредством развития сюжета объясняет мотив поведения персонажа, но и смещает фокус внимания на психологический аспект. Психологические теории, упоминаемые в тексте произведения, позволяют понять, какой психологический феномен способствовал развитию травмы, полученной героями романа. Для писательницы важно даже не столько само наличие травмы, сколько ее комплексный характер. Исследовать психологический аспект, нераскрытый в пьесе «Зимняя сказка», позволяет прием переписывания.

Дж. Уинтерсон продолжает традицию «переписывания», известно, что для создания пьесы «Зимняя сказка» У. Шекспир обращается к фабуле романа Роберта Грина «Пандосто, или Торжество Времени» (1588), затем его в 1607 году переиздают под названием «Дораст и Фавния» [2]. Дж. Уинтерсон, являясь автором постмодернистского течения, часто обращается к приему «переписывания»: например, его можно увидеть в романах «Гребля для начинающих» (1985), «Как определить пол вишни» (1989), «Страсть» (1987), «Время» (2005) и других. Как правило,

Дж. Уинтерсон возвращается к той или иной фабуле для того, чтобы более тщательно исследовать интересующий ее вопрос или представить читателю еще одну точку зрения по поводу изучаемого явления.

В произведении «Разрыв во времени» Дж. Уинтерсон снова экспериментирует с формой. Например, в романе «Врата Дневного Света» (2012) представлены вставные части судебного протокола, автор вплетает в повествование сведения отчета из зала суда, протоколы, показания свидетелей, заявления и религиозные проповеди, а в романе «Разрыв во времени» она имитирует форму пьесы. Повествование начинается с главы «Оригинал», представляющей собой тезисный пересказ пьесы У. Шекспира, то есть Дж. Уинтерсон выделяет место, время и сюжет истории, акцентируя внимание читателя на пространственно-временных характеристиках с первых строк романа. Вторая глава «Кавер-версия» является новой историей, предложенной Дж. Уинтерсон, и состоит из действий или актов с двумя антрактами.

В романе присутствует прием «осовременивания» персонажей, автор дает им новые имена и занятия, но читатель узнает в них шекспировских героев. Поликсен, король Богемии, у Дж. Уинтерсон трансформируется в Ксено, разработчика компьютерных игр, Леонт, король Сицилии, становится Лео и работает в «Сицилия ЛТД», Флоризель, сын короля Богемии, превращается в Зела, занимающегося машинным бизнесом, Богемия переключается с Новой Богемией (Новым Орлеаном). Однако вопросы, отображенные в произведениях У. Шекспира, остаются значимыми и актуальными для Дж. Уинтерсон, например отношения «родитель – ребенок», понимание «прощения», проблема «потери и обретения», повторение ситуаций во временном промежутке и другие. Необходимо отметить, что для Дж. Уинтерсон выбор пьесы «Зимняя сказка» очевиден, в повествование всех ее произведений включается элемент автобиографии, в данном случае этим элементом становится факт ее удочерения: «Я написала эту кавер-версию, потому что текст пьесы был чем-то личным для меня более 30 лет. Я имею в виду часть изобретенного художественного мира, словотворчества, без которых не могу жить; не в смысле отсутствия чего-либо, а в плане того, как жить без этого в целом. Это пьеса о найденных. Я и есть найденный»¹ (здесь и далее перевод мой. – Т.Х.) [3, с. 284].

¹ «I wrote this cover version because the play has been a private text for me more than thirty years. By that I mean

В названии романа «Разрыв во времени» является смысл, коррелирующийся с «интервалом длиной в 16 лет» в пьесе У. Шекспира «Зимняя сказка», Дж. Уинтерсон детально исследует становление потерянной дочери, а также последствия событий, которые способствовали этой потере, в то время как у У. Шекспира описано только раскаяние Леонта и счастливое воссоединение королевской семьи. В поле интересов писательницы входит анализ причинно-следственных связей событий, поступков, описанных в пьесе. Финальный монолог в романе «Разрыв во времени» произносит найденная дочь, в нем говорится о том, что люди являются носителями событий, а в истории постоянно случаются повторы событий. Несомненно, шестнадцать лет в жизни семьи не могут пройти бесследно, кроме того, в жизни семьи, в которой умер сын-наследник, исчезла/умерла мать семейства, а также неизвестно, в какое место в городе или за его пределами отправлена новорожденная дочь, Дж. Уинтерсон обоснованно обращает внимание читателя на травматичный характер данных событий, указывая кроме того на еще один возможный вариант развития трагедии уже в жизни следующего поколения. Данный вопрос связан с психоаналитическим направлением и аккумуляцией травматического опыта в культурных и исторических нарративах. Накопленный негативный опыт непроработанных травм превращается в поведенческую норму у следующего поколения [4, с. 141]. Особый хронотоп позволяет автору акцентировать понятие «травма» в романе, Дж. Уинтерсон показывает разнообразие ситуаций и психологических явлений, приводящих к травматичному опыту: мать скорбит по умершему сыну, не знает, что произошло с дочерью, проходит ситуацию физического и морального насилия; возникают вопросы по процессу идентификации дочери, последствия всех этих событий не прорабатываются на протяжении шестнадцати лет.

В начале повествования читатель узнает о том, что главный герой Лео работает в банке, постоянно вкладывая деньги в рискованные сделки, данный факт приводит к его увольнению, последующему запою, лечению в клинике и поиску психоаналитика, чтобы решить проблему его упавшей самооценки. Необходимо отметить, что Дж. Уинтерсон предлагает предысторию развития событий, в отличие от пьесы У. Шекспира,

акцентируется психологический аспект, ставящий катализатором для развития дальнейших событий. В тексте романа появляется термин «амбивалентность» в контексте отношений Лео и его матери, однако данная ситуация не описана, читатель не получает никаких деталей по семейному вопросу, за исключением того факта, что мать бросила отца и сына [5, с. 287]. Истоки амбивалентности понятны, врожденная любовь ребенка комбинируется с ненавистью к матери за то, что она бросила его. Однако амбивалентностью присущей Лео, особенно по отношению к субъекту женского пола, можно объяснить приступ необоснованной ревности и агрессии, так как в психоанализе кардинальное изменение отношения называется «расщеплением эго», его также связывают с расстройством личности, в пьесе «Зимняя сказка» внезапное помутнение рассудка и ревность Леонта не объяснены. Кроме того, в этом фрагменте представлены умозаключения Лео о процессе объективации. Рассуждая о том, что объекты представляют собой энергию, а мир является метаобъектом и включает в себя множество объектов, что объекты должны быть названы, созданы, разрушены, он доходит до идеи о значении этого объекта, а затем задумывается о том, что если есть смысл, то может быть и бессмысленность данного объекта. Психоаналитик говорит о познании другого человека, что наблюдателя и наблюдаемого нельзя разделить, а в голове у Лео рождается план поставить дома камеры, чтобы следить за женой. Жена воспринимается как объект, как собственность, а не самостоятельная личность, ее можно контролировать, ей можно управлять, власть сопряжена в рассуждениях Лео с деньгами, которые позволяют купить все, в том числе высшее знание, он сравнивает себя в этой позиции с богом. Объективация жены, далее всего женского пола, а затем и всех вокруг приводит персонажа к высшей степени распушенности и эгоизму, ему не нужно прощение. В произведении У. Шекспира Леонт также объективирует жену: указывает, что ей делать, как себя вести, отправляет беременную в темницу, решает судьбу новорожденного ребенка, отбирает старшего ребенка у жены, эти действия короля вызывают негодование у слуг в замке. Очевидно, что читатель не понимает причинно-следственные связи в пьесе Шекспира, в то время как Дж. Уинтерсон в своей каверверсии последовательно раскрывает их посредством разъяснения психологических проблем персонажа, приводящих к трагедии в семье.

Значимым вопросом в романе представлена любовная аддикция или патологическая любовь Лео, особенно ярко проявляющаяся уже после

part of the written wor(l)d I can't live without; without, not in the sense of lack, but in the old sense of living outside of something. It's a play about a foundling. And I am» [3, с. 284].

расставания пары. Дж. Уинтерсон очень точно подмечает признаки, характерные для данного состояния. Лео постоянно следит за Мими после расставания, несмотря на факт, что она переезжает во Францию, ему предоставлена информация, что ее где-то видели, что она делает и как выглядит, более того, он сам периодически приезжает в эту страну. Ксено говорит о том, что даже в разработанной им игре Лео не оставляет Мими в покое, он пытается долететь до ее окна в доме и проникнуть в комнату. Одним из самых показательных примеров такой «нехимической зависимости» стал фрагмент о покупке дома с оборудованной затем отдельной комнатой для хранения вещей Мими, которые она не забрала после трагедии. В данном случае у главного героя еще одна психологическая проблема, усугубляющая ситуацию, толкающая на решительные действия как по отношению к жене, так и другу. Автор нарочито усугубляет состояние героя, чтобы показать, что если у личности нет психического заболевания, то предпосылки к развитию проблем не могут быть замечены окружением, та или иная поведенческая аномалия должны были вызвать опасения в кругу семьи и друзей. Очевидно, что У. Шекспир не намеревался разбирать данный аспект, в то время как Дж. Уинтерсон детально разбирает каждую поведенческую реакцию персонажа с психологической точки зрения, чтобы понять, что могло бы подвигнуть героя на определенное действие.

Особо следует выделить образ Шепы, который стал приемным отцом Пердиты. Шеп постоянно говорит о том, что девочка стала для него благословением, она вернула его к жизни после смерти жены, эти же слова повторяет его сын. Владелец бара живет с патологическим чувством вины, постепенно развивающийся внутренний конфликт в таком случае приводит к серьезным психологическим расстройствам. Чувство вины Шепы имеет обоснование, он был причастен к смерти жены, «помог ей уйти», чтобы она не страдала от сильных болей. Угрызения совести не покидают Шепу, но с появлением Пердиты он обретает смысл жизни. Следует отметить тот факт, что данный персонаж осознает свои проблемы, находится в процессе их преодоления (в отличие от Лео, даже не осознающего их), поэтому поведенческая модель в семье выстраивается иным образом, и, как следствие, приемная семья не травмирует психологически девочку.

В романе Дж. Уинтерсон присутствует аллюзия на историю царя Эдипа как на самостоятельный сюжет, так и психоаналитическую теорию [6]. Рассматривая эту аллюзию как одну из трагедий афинского поэта и драматурга Софокла,

очевидным становится акцент на повторении сюжета, но в данном случае хотят избавиться от мальчика [7]. Дж. Уинтерсон показывает, что выбранный сюжет актуален во все времена, а трагедия может происходить не только в античности или времена У. Шекспира, но и в современности. В диалоге второстепенные персонажи, обсуждая Эдипов комплекс, приходят к нетривиальной мысли, что необходимо говорить детям правду, в том числе об их усыновлении, тогда не будут происходить подобные трагедии [3, с. 142]. Эта мысль оформляется по ходу развития сюжета романа, потерянная дочь Мими и Лео знает, что она удочерена, ее приемный отец Шеп не скрывал этого от нее с детства. Очевидно, что автор положительно связывает этот честный подход к воспитанию приемной дочери с ее последующим взрослением и становлением.

Еще одной психологической теорией, связанной с честными открытыми взаимоотношениями, является эксперимент Артура Арона [8], в тексте романа появляются вопросы из опросника данного психолога. Опросник А. Арона включает в себя 36 вопросов, состоит из трех частей, группы вопросов составлены таким образом, чтобы постепенно узнавать информацию о собеседнике, каждый последующий вопрос становится интимнее, вопросы открывают новые стороны собеседника, но при этом позволяют сохранить личные границы, на вопросы невозможно отвечать кратко, обязателен зрительный контакт. По мнению А. Арона, ответы на вопросы в малых группах позволяют людям показывать интерес друг к другу, больше узнавать друг о друге, почувствовать близость и доверие, благодаря вопросам о мечтах, ценностях и другом. В романе доверие и близость появляются у девушки, воспитанной в приемной семье (Пердиты), и Зела, выросшего без матери, с пьющим отцом, с которым у парня совсем нет контакта во взаимоотношениях [3, с. 159]. По ходу развития сюжета читатель узнает, как эта юная пара учится решать проблемы в отношениях путем их проработки, проговаривания, диалога о том, что болезненно, что страшно, что каждый из них хочет [Там же, с. 234]. Анализируя судьбу молодого поколения, можно с уверенностью сказать, что их жизненные истории не могли не оказать негативное влияние на психику, однако Дж. Уинтерсон расставляет акценты на осмысленном подходе молодого поколения к отношениям, они обращаются к различным психологическим приемам.

Одними из второстепенных персонажей в романе являются три удочеренные девочки, примечательно, что их имена пишутся в одно слово

«ХоллиМоллиПолли». Девушки поют в группе «The Separations» («Разделенные»), по сюжету название группы объясняется не только разделением с родителями, но и тем, что Холли прочтала о шести стадиях сепарации, что навело ее на мысль о подходящем для их группы названии. Процесс сепарации состоит из трех основных фаз, которые делятся на субфазы: аутичная фаза, фаза симбиоза, фаза сепарация-индивидуация [9]. К субфазам относятся вылупление (мать изучается и сравнивается с окружающим); практика (мать не теряет приоритета, но возрастает исследовательская деятельность); субфаза воссоединения (эмоциональная зависимость от матери возвращается), эта субфаза делится на три периода: начало воссоединения, кризис воссоединения и решение. Теория сепарации имеет значительное влияние на становление личности индивида, нарушение данных фаз может привести к проблемам сохранения индивидуальности. Одним из примеров появления такой травмированной индивидуальности является само трио «Разделенные», так как, не имея возможности адекватно пройти процесс сепарации, девушки стали неотделимы друг от друга, они всегда вместе, у них одни интересы, у них одно имя на троих.

Однозначно травмированным можно назвать Зела, особенно ярко это проявляется в ситуации, когда представители молодого поколения приезжает в Лондон искать Лео, чтобы дочь смогла с ним познакомиться. Зел не хочет отпускать девушку одну на встречу, в порыве ссоры хватает ее за руку и слышит в ответ *«отпусти, я не твоя собственность»*. Дж. Уинтерсон очень подробно описывает состояние Зела: *«...он застыл, так случилось, когда он был расстроен. Он был похож на прячущееся животное»* [3, с. 234], очевидно, что юноша не знает, как себя вести в такой ситуации, у него нет не только опыта переживания подобной сцены, но и примера, как поступать в подобной ситуации. Он признается, что боится быть забытым и покинутым, когда девушка обретет свою семью. Ксено, отец Зела, воспитывал сына самостоятельно, так как с матерью ребенка был заключен договор о рождении ребенка для него. Мать Ксено имела алкогольную зависимость, он испытывал отвращение к ней, что сказалось на его собственной жизни, однако он был не в силах избежать повторения сюжета, сам стал злоупотреблять. Он не смог наладить отношения с сыном, все больше отдалялся от него, в то время как Зел, зная о проблемах подобного рода, наоборот старается предотвратить повторение этого. В произведении У. Шекспира читатель видит только момент, когда отец не одобряет выбор своего сына,

Дж. Уинтерсон проектирует причину дистанцирования отца и сына, так как по сюжету пьесы «Зимняя сказка» предполагает, что между отцом и сыном нет близости. Тем не менее в своем романе она не доводит эту линию до трагедии и дает возможность переосмыслить отношения, но это достигается только через осознание и проработку семейных проблем.

Вторая часть романа практически не сообщает читателю никакой информации о Мими после трагедии, связанной со смертью сына в аэропорту и потерей дочери, однако Дж. Уинтерсон описывает подробно состояние Мими в этот период. Данное описание соответствует феномену «патологического горя», то есть отклонения от нормы переживания утраты, искажаются, становятся проблематичными «интеграция утраты и приобретение нового опыта» [10, с. 50]. З. Фрейд в своей работе «Печаль и меланхолия» вводит в дискурс понятие «работа печали», со временем это понятие трансформируется в термин психологии – «работа горя». Согласно З. Фрейду, необходимо пройти определенные процессы, чтобы пережить утрату, то есть проделать внутреннюю работу, заключающуюся в освобождении «Я» от поглощенности или зависимости от «Другого» (утраченный объект любви), входящего в поле «Своих» [Там же, с. 20]. Несмотря на тот факт, что горе индивидуально для восприятия, можно выделить определенные закономерности в процессе его протекания [Там же, с. 21].

Первой стадией практически во всех классификациях, как правило, называют шок и оцепенение. В романе «Разрыв во времени» эта стадия показана через решение Мими отказаться от полноценной жизни, она перестает петь, запирается в маленькой квартирке и ведет затворнический образ жизни. Гермiona, прототип Мими в романе Дж. Уинтерсон, из пьесы У. Шекспира «Зимняя сказка» превращается от горя в статую. Статуя, камень становятся метафорическим воплощением первой стадии. Основной характеристикой психологического шока можно назвать недостаток полноценного контакта со средой, кроме того, человек приобретает схожесть с машиной, выполняющей монотонные действия, не вникая в их смысл. Безэмоциональность – это индикатор сокрытия потрясения от утраты, основная функция, запускаемая организмом, – это защитная, потому что необходимо адаптироваться, преобразовать боль для сохранения рассудка человека [Там же, с. 30]. Читатель по ходу сюжета романа «Разрыв во времени» узнает от разных персонажей какие-то сведения о Мими, например факт, что она уехала во Францию. Дж. Уинтерсон показывает, как героиня интуи-

тивно меняет место жительства для проработки травмы, чтобы избежать места, напоминающие о болезненных событиях. Мими совершает рутинные жизненные ритуалы, например прогулки к реке, покупка кофе, но при этом она не получает от этих действий никакого удовольствия, так как она не проработала окончательно психотравму, остановилась в одной из ее стадий. Героиня постоянно сравнивается со статуей: Ксено так и называет ее – статуя, она будто ни живая, ни мертвая, просто существует в этом мире [3, с. 217], она ощущает себя заточенной в камень [Там же, с. 228], подруга семьи Паулина видит ее неподвижно стоящей у воды [Там же, с. 269], подобное сравнение логично в рамках травматичной ситуации. Как правило, памятники создают как напоминание о каком-то, чаще всего негативном, событии, предполагается, что постоянное столкновение с воспоминанием об этом событии помогает проработать проблемные элементы в сознании. Интересно, что в момент знакомства с Шепом Паулина предполагает, что Мими после такого сильного потрясения не смогла бы стать адекватной матерью Пердите и выполнять полноценно материнские функции, поэтому она рада, что он воспитывал девочку [Там же, с. 276]. Шекспир в пьесе просто дистанцирует мать от дочери, в то время как Дж. Уинтерсон уточняет через персонажа Паулину, что с психологической точки зрения это может быть отчасти правильным решением в связи с состоянием матери после смерти сына.

Все рассмотренные ситуации связаны с вопросом о «темпоральной локализации травмы: это прошлое, которое отказывается уходить, и заполняет собой настоящее, или специфическое проживание настоящего, в котором решающее значение начинает придаваться той или иной версии прошлого» [4, с. 141]. В романе поведение старшего поколения в большой мере влияет на психические особенности и проявления в характере следующего поколения, последнее вынуждено прорабатывать травмы, нанесенные первым. Проблема травмы намного глобальнее, чем кажется на первый взгляд, в нарратив включены вопросы проживания исторической или культурной травмы, так как «У коллективных травм нет географических или культурных границ. Теория культурной травмы без ущерба для чьих-либо прав может быть применена ко всем (и ко всевозможным) случаям, когда общества сконструировали и пережили или не сконструировали и не пережили культурные травмирующие события, а также ко всем попыткам этих обществ извлечь или не извлечь нравственные уроки, которые, как можно утверждать, следуют

из этих событий» [Там же, с. 146]. Значимой особенностью романа в данном случае является то, что Дж. Уинтерсон не только подсвечивает проблему травмы, но и сопутствующие аспекты, связанные с психическим состоянием героев, которые стали катализаторами для возникновения травмы семьи.

Вопрос нерепрезентированных травм все чаще ставится в контексте обсуждения геноцида, оппозиции феминного-маскулинного, традиционного-современного и так далее. Такого рода травмы необходимо, во-первых, репрезентировать, во-вторых, включить этот опыт проживания в коллективную идентичность. Понятия индивидуальных травм и коллективных находятся в прямой зависимости, так как индивидуальная травма, не будучи проработанной, может получить распространение в коллективном поле, так как, помимо аккумуляции данного травматического опыта, происходит формирование новых поведенческих паттернов, передаваемых из поколения в поколение, причем эти поведенческие ролевые модели основаны на травматическом опыте. Однако этот травматичный опыт практически всегда сопряжен с менее заметными психическими проблемами, способствующими усугублению затяжных травм, именно с этим связано смещение акцентов Дж. Уинтерсон в своем произведении с семейной травмы на комплексный характер проблемы.

Таким образом, на примере романа «Разрыв во времени» Дж. Уинтерсон исследуется вопрос различного рода психических проблем, связанных с развитием травм, для понимания данного аспекта автор вводит в текст романа упоминания психологических теорий. Автор обращается к приему переписывания истории, аллюзиям для того, чтобы «восстановить память о событии» [Там же, с. 143], описанном У. Шекспиром, это становится своего рода проработкой травмы, то есть является неким повторным проживанием события, но уже в рамках всего общества, основной целью в данном случае можно назвать необходимость прервать повторение события, а как следствие – преодоление травмы. В романе демонстрируются ситуации, в которых героям удалось проработать травму, выйти из «временной петли», а также ситуации, в которых герои попадают в одну и ту же ситуацию травмы, так как не прорабатывают ее. Однако одновременно с этим писательница демонстрирует, что персонажи, осознающие свои психологические проблемы и пытающиеся их решить на ранней стадии, способны избежать травматический опыт. Сравнение двух произведений в данном контексте позволяет не только проследить, как поведенческие

паттерны меняются в рамках сюжета произведения, но и проанализировать эти изменения в социуме, например восприятие и отношение к событиям и персонажам, описанным в сюжете, в период творчества У. Шекспира и в современности. Переосмысление сюжета «Зимней сказки» позволяет добраться до первопричины образования травмы благодаря указаниям на психологические теории в романе.

Список источников

1. Arevalo M.D.-C. Hogarth Shakespeare Project. Great authors covering Shakespeare's works. URL: <https://www.actualidadliteratura.com/en/hogarth-shakespeare-project-authors-versioning-shakespeare> (дата обращения: 19.04.2023).
2. Delahoyde M. The Winter's Tale. URL: <https://public.wsu.edu/~delahoyd/shakespeare/winter1.html> (дата обращения: 19.04.2023).
3. Winterson J. The Gap of Time. Vintage, 2015.
4. Капельчук К.А. Травма: от повторения к репрезентации и // Studia Culturae. Вып. 1 (39): Vulnus: К.А. Капельчук. С. 140–149 URL: <http://iculture.spb.ru/index.php/stucult/article/viewFile/1097/984> (дата обращения: 19.04.2023).
5. Van Harreveld, F.; Nohlen, H.U.; Schneider, I.K. The ABC of ambivalence: Affective, Behavioral, and Cognitive consequences of attitudinal conflict. URL: https://pure.uva.nl/ws/files/2574303/172785_506396.pdf (дата обращения: 19.04.2023).
6. Oedipus complex. URL: <https://www.britannica.com/science/Oedipus-complex> (дата обращения: 19.04.2023).
7. Tearle O. A Summary and Analysis of the Oedipus Myth. URL: <https://interestingliterature.com/2021/03/oedipus-myth-story-summary-analysis/> (дата обращения: 19.04.2023).
8. Berger W. A more beautiful question. The power of inquiry to spark breakthrough ideas. URL: <https://amorebeautifulquestion.com/36-questions/> (дата обращения: 19.04.2023).
9. StudySmarter. URL: <https://www.studysmarter.co.uk/explanations/psychology/basic-psychology/deprivation-privation-and-separation/>

(дата обращения: 19.04.2023).

10. Шефов С. А. Психология горя. СПб.: Речь, 2006. 144 с.

References

1. Arevalo, M. D.- C. *Hogarth Shakespeare Project. Great Authors Covering Shakespeare's Works*. URL: <https://www.actualidadliteratura.com/en/hogarth-shakespeare-project-authors-versioning-shakespeare> (accessed: 19.04.2023). (In English)
2. Delahoyde, M. *The Winter's Tale*. URL: <https://public.wsu.edu/~delahoyd/shakespeare/winter1.html> (accessed: 19.04.2023). (In English)
3. Winterson, J. (2015). *The Gap of Time*. 289 p. London, Vintage. (In English)
4. Kapel'chuk, K. A. *Trauma: ot povtoreniya k reprezentatsii i obratno* [Trauma: from the Repetition to the Representation and Back]. URL: <http://iculture.spb.ru/index.php/stucult/article/viewFile/1097/984> (accessed: 19.04.2023). (In Russian)
5. Van Harreveld, F., Nohlen, H.U., Schneider, I. K. *The ABC of Ambivalence: Affective, Behavioral, and Cognitive Consequences of Attitudinal Conflict*. URL: https://pure.uva.nl/ws/files/2574303/172785_506396.pdf (accessed: 19.04.2023). (In English)
6. *Oedipus Complex*. URL: <https://www.britannica.com/science/Oedipus-complex> (accessed: 19.04.2023). (In English)
7. Tearle, O. A. *Summary and Analysis of the Oedipus Myth*. URL: <https://interestingliterature.com/2021/03/oedipus-myth-story-summary-analysis/> (accessed: 19.04.2023). (In English)
8. Berger, W. *A More Beautiful Question. The Power of Inquiry to Spark Breakthrough Ideas*. URL: <https://amorebeautifulquestion.com/36-questions/> (accessed: 19.04.2023). (In English)
9. *StudySmarter*. URL: <https://www.studysmarter.co.uk/explanations/psychology/basic-psychology/deprivation-privation-and-separation/> (accessed: 19.04.2023). (In English)
10. Shefov, S. A. (2006). *Psikhologiya gorya* [The Psychology of Grief]. 144 p. St. Petersburg, Rech'. (In Russian)

The article was submitted on 28.08.2023

Поступила в редакцию 28.08.2023

Хацкевич Татьяна Маратовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
автономная некоммерческая организация
высшего образования «Русская
христианская гуманитарная академия»
имени Ф.М. Достоевского,
191011, Россия, Санкт-Петербург,
наб. р. Фонтанки, 15, литер А.
ta-ta89@mail.ru

Khatskevich Tatiana Maratovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
the Russian Christian Academy
for the Humanities
named after Fyodor Dostoevsky,
15 Fontanka Str.,
St. Petersburg, 191011, Russian Federation.
ta-ta89@mail.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-204-208

ТВОРЧЕСТВО А. АХМЕТГАЛИЕВОЙ В ЗЕРКАЛЕ ДОСТИЖЕНИЙ РУССКОЙ И ТАТАРСКОЙ ПРОЗЫ НАЧАЛА XXI ВЕКА

© Рания Хусаенова, Гульфия Гайнуллина, Эльвира Нагуманова

A. AKHMETGALIEVA 'S CREATIVITY IN THE MIRROR OF THE ACHIEVEMENTS OF RUSSIAN AND TATAR PROSE WRITERS OF THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Rania Khusaenova, Gulfiya Gaynullina, Elvira Nagumanova

This article examines Tatar and Russian modern prose characterized by transitional features. The main attention is paid to the works by the Tatar writer Aigul Akhmetgalieva whose work most vividly embodies transitional phenomena in Tatar literature at the beginning of the 21st century. In particular, the authors of the article focus on her stories “Капка” (“The Gate”), “Tan chyklaryn žil ubu” (“The Wind Kisses the Morning Dew”) and the novel “Tutash”. The purpose of the article is to review new trends in Tatar prose and identify the common features in modern Tatar and Russian literature. The motif of search in Tatar prose correlates with the existential component of consciousness in Russian culture as a whole. Both Russian and Tatar prose follow the trend of profound philosophical subtext and the introduction of new writing techniques. The analysis of Akhmetgalieva’s works has led to the conclusion that in modern Tatar prose, classical realism and avant-garde discourse, when interacting, form new methods of personal relationship with the outside world. The characters of modern writers are most often at a crossroads, in a borderline state, the latest prose reflecting the problem of the total ill-being of modern society.

Keywords: Russian literature, modern prose, Tatar literature, Aigul Akhmetgalieva, existential nature, short story, novel

В данной статье рассматривается татарская и русская современная проза, которым присущи черты переходности. Основное внимание уделяется произведениям татарской писательницы Айгуль Ахметгалиевой, чье творчество наиболее ярко воплощает переходные явления в татарской литературе начала XXI века. В частности, в центре внимания авторов статьи рассказы «Капка» («Ворота»), «Таң чыкларың жил үбә» («Целует ветер росу утреннюю»), роман «Туташ». Целью статьи является обзор новых тенденций в татарской прозе и выявление точек соприкосновения между современной татарской и русской литературой на примере творчества Ахметгалиевой. Мотив искания в татарской прозе соотносится с экзистенциальным компонентом сознания русской культуры в целом. И в русской, и в татарской прозе продолжается тенденция углубления философского подтекста, внедрение новых приемов письма. Анализ произведений Ахметгалиевой привел к выводу о том, что в современной татарской прозе классический реализм и авангардный дискурс, взаимодействуя, формируют новые приемы взаимоотношения личности с внешним миром. Герои современных писателей чаще всего находятся на перепутье, в пограничном состоянии, новейшая проза отражает проблему тотального неблагополучия современного общества.

Ключевые слова: русская литература, современная проза, татарская литература, Айгуль Ахметгалиева, экзистенциальное начало, рассказ, роман

Для цитирования Хусаенова Р., Гайнуллина Г., Нагуманова Э. Творчество А. Ахметгалиевой в зеркале достижений русских и татарских прозаиков начала XXI в. // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 204–208. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-204-208

Современный литературный процесс отличается многообразием и существованием разных стилевых доминант в художественном творчестве писателей. Многие авторы начинают по-новому фиксировать те изменения, которые происходят

в обществе, не теряя связей с предшествующей литературной традицией. По мнению исследователя С. Г. Барышевой, русская проза начала XXI века, выросшая на опыте предшествующих лите-

ратурных традиций, духовно связана прежде всего с экзистенциализмом [1, с. 4].

Следует сказать, что и в русской, и в татарской литературе все чаще проявляются новые явления, свидетельствующие о смене художественных парадигм. Современная литература онтологична и гносеологична. «Стремление прозаиков познать действительность, учитывая ментальное мироощущение современного человека, позволяет интегрировать различные подходы в оценке изображаемого: сатирические, иронические, экзистенциальные, этические, фантастические, мифопоэтические» [2, с. 237].

Переходные явления особенно ярко выражены в прозе современной татарской писательницы Айгуль Ахметгалиевой (1973) [3, с. 62]. Автор тринадцати книг, более четырех десятка повестей и рассказов, трех романов, продолжая традиции классиков татарской прозы (Мухаммата Магдеева, Амирхана Еники, Аяза Гилязова, Ахсана Баянова), обращается к орнаментальному стилю в лирико-эмоциональной прозе. Произведения А. Ахметгалиевой характеризуют фокусирование внимания на психологические, подсознательные процессы личности, использование символов, лиризация, углубление экзистенциального начала. В описании хаоса прошлого и настоящего она обращается к приемам смыслообразования модернизма.

Рассказ «Капка» («Ворота», 2014) начинается с описания ворот, что становится ключом к пониманию душевного состояния главного героя по имени Касым, некогда бросившего родину, одинокую мать, осквернившего невесту приятеля и сбежавшего от отчаяния. Спустя годы он оказывается на родине, но, полностью опустошенный, он ощущает приближение смерти.

В произведении поднимается проблема познания места человека в мире и смысла жизни. В этом отношении татарская проза весьма близка к тем тенденциям, которые наблюдаются в русской литературе и о которых пишет М. Эпштейн, рассуждая о современном искусстве: «одновременно какая-то оголенность всего человеческого существа, телесная жалкость, пронзительная тоска смертности, вновь ощутимая животрепетность силы, слабости, борьбы, сопротивления, экзистенциально раздетый мир» [4].

Описание ворот в рассказе «Капка» – это мучительный стон главного героя Касыма, который приехал в родовое гнездо умирать и обнаружил, что здесь все вымерло, подобно его чувствам, ощущениям. Некогда почувствовав себя униженным судьбой, разъяренный горечью, вызванной осознанием того, что он безотцовщина, осквернил невинную девушку – невесту Мустафы,

вследствие чего она погибла. Не выдержав душевных мук, Касым сам сбежал куда глаза глядят, не попросившись ни с кем. Одинокая мать, брат ждали его всю жизнь. Устроившись на чужбине, он ни дня не был счастлив. Родной сын, для которого он чужой, после многолетних уговоров, едет в деревню вместе с ним. Используя мифологический мотив «вечного возвращения», подобно А. Гилязову, Ф. Хусни, автор описывает сложный и, по сути, бессмысленный жизненный путь Касыма, которого в молодости прозвали «дуамал Касыйм» («безрассудный Касым»).

В описании хаоса бытия А. Ахметгалиева, продолжая традиции Ф. Амирхана, Ш. Камала, А. Еники, А. Гилязова, Ф. Хусни, обращается к приемам психологизма – внутреннему монологу, потоку сознания. Внутренние монологи, обращения к читателю, прием «автоматического письма» привносят лиризм в произведение и переносят события в плоскость общечеловеческой трагедии. Оказавшись в пограничной ситуации, в отверженном состоянии, Касым понимает всю трагичность своего жизненного пути. В нем постепенно пробуждается национальное самосознание. Ахметгалиева продолжает экзистенциально-философскую модель рассказа А. Еники «Кто пел?» (1956), раскрывая вечную тему поиска себя в мире.

Представители современной русской литературы, в частности Людмила Петрушевская, также показывают катастрофический кризис семьи как социального института, когда рушатся незблемые, казалось бы, отношения между близкими людьми. Особое внимание при этом уделяется феномену отчуждения и жестокости в человеческих взаимоотношениях.

По мнению Д. Ф. Загидуллиной, в татарской прозе такие знаковые романы, как «Таң жиле» («Утренний ветер», 1993), «Бәхетсезләр бәхете» («Счастье несчастных», 2004–2006) Ф. Садриева, в рамках постреалистической парадигмы «развернули художественное переосмысление конфликта режима, опираясь на принцип диалога реалистических и символических языков, путем наслаивания экзистенциального, метафизического, идеологического слоев изображения» [2, с. 234]. Именно «новый реализм» пропагандирует возвращение к личности, исследование его внутреннего состояния, в литературе возрождается интерес к автобиографическому началу.

Вновь обратимся к творчеству А. Ахметгалиевой. В романе «Туташ» («Барышня», 2019) мотив поиска себя в мире усиливает трагичность реальной жизненной истории первой профессиональной актрисы татарского сценического искусства. Функцию демифологизации советского

прошлого в романе выполняют психологические приемы, которые связывают постреалистическую прозу с авангардным дискурсом современной литературы.

Архивные материалы, к которым обратилась Ахметгалиева при написании романа об историческом прошлом татарского народа, воссоздаются вовсе не в документальном формате, публицистическом стиле, как это мы привыкли видеть у других писателей. У А. Ахметгалиевой психологизм, экзистенциальность обеспечивают высокую художественность произведения.

Отметим, что в поисках архива писательница много ездила по России – районам Татарстана и Удмуртии. История рассказа «Капка» родилась в процессе создания романа «Туташ». Схожесть художественных приемов произведений вполне объяснима. Отметим, что переходные явления в современной татарской прозе присущи и жанру романа, и жанру рассказа.

Изображая трагическую судьбу Сахибджамал Гиззатуллиной-Волжской (1892–1974), вышедшей на сцену татарского театра вопреки канонам и, сделав сложный выбор между сценой и семьей, сыграв на родном языке много ролей, впроголодь скитаясь с трупной по населенным пунктам, не отступившейся от выбранного пути, писательница актуализирует внимание на ее внутреннем духовном состоянии.

Модернистская поэтика в историко-биографическом романе свидетельствует о трансформации художественного мышления. Импрессионистичность, медитативность, поток сознания, присущие прозе Ахметгалиевой, в свою очередь, еще более усиливают экзистенциальное начало в произведении:

«А-а-аh! – Инрәүле авазга игътибар итүче булмады.

Машина биек капка алдына килеп туктауга, кыска жиз сакаллы ир заты, рульгә шап-шок суккалап, жинел сулыш алды: „Соңгы тукталыш!“» [5, с. 3]. –

«А-а-аh! – Никто не обратил внимание на стон.

Машина остановилась перед высокими воротами. Мужчина с латунной бородой, стуча по рулю, облегченно вздохнул: „Последний поворот!“» (перевод наш. – Р. Х., Г. Г., Э. Н.).

Вполне оправданно и то, что налицо мифологизация истории, идеализация героини, представление ее как личности, которая стояла у истоков театрального искусства татарского народа. Идея романа тесно связана с национальной проблематикой, присущей всей татарской литературе. На протяжении всего повествования героиня Ахметгалиевой С. Гиззатуллина-Волжская в «пограничной ситуации»: либо перед выбором, либо

перед лицом смерти. Искания главной героини своего места в мире соотносятся и с теми процессами, которые происходили в татарской нации, мы наблюдаем тот же процесс самоидентификации, через который прошла татарская нация.

Таким образом, в двадцатых годах XXI века возникает целый пласт романов, в которых главный герой, в целом общество, показаны в состоянии выбора своего пути: историко-биографических (Р. Туфитуллова «Язмыш жиле» («Ветер судьбы», 2020), романов об историческом родстве народов (Р. Рахман «Татар кызы» («Татарка», 2022 и др.), сага (Р. Шайдуллина-Мурат «Карт шомырт хатирәсе» («Монолог старой черемухи», 2021).

В русской литературе начала XXI века также возрождается интерес к жанру биографии, что обусловлено эпохой перемен. А. Варламов, З. Прилепин, П. Басинский и другие, соединяя документальную точность и романную поэтику, стремятся наиболее полно раскрыть внутренний мир своих героев. В частности, А. Варламов, продолжая традиции биографического жанра начала XX века, обновляет его в новейшей литературе, а Павел Басинский после романов исследований, посвященных жизни и творчеству Максима Горького, Льва Николаевича Толстого, в 2018 году создает «невымышленный роман» «Посмотрите на меня: Тайная история Лизы Дьяконовой», где центральная фигура – девушка, жившая в России в конце XIX века.

В основе романа – дневник самой Елизаветы Дьяконовой (1874–1902), который писатель рассматривает как «портрет русского декадентства». Басинский, так же как Ахметгалиева, показывает духовные метания сильной личности («Провозглашая любовь к людям как свой идеал, Дьяконова, в сущности, одержима эгоистической потребностью найти человека, который бы ее понял, на нее посмотрел бы и ее оценил» [6, с. 238]). «Посмотрите на меня» – это прежде всего тоска по тому, кто бы понял и принял Елизавету, ощутил, насколько неповторим ее внутренний мир. В конце концов душевные метания приводят героиню к самоубийству. Туташ (форма обращения к незамужней женщине) делает непростой выбор между карьерой и личным счастьем; пережившая предательство и испытание сценой, она оказывается в психиатрической больнице, где умирает всеми забытой.

Таким образом, писатели пытаются показать жизнь своих героинь, становление их как личности в контексте эпохи, для них важно через судьбы реальных женщин раскрыть онтологические проблемы. Но есть существенное различие между произведениями: в татарской литературе в на-

чале XXI века национальная тематика остается одной из актуальных. Поэтому в контекст произведения Ахметгалиевой вводятся размышления о судьбе родной нации, о сложном процессе ее самоидентификации.

Переняв опыт классиков татарской литературы начала прошлого века, Ахметгалиева в рассказах и повестях активно внедряет модернистскую поэтику, романтическую условность.

В качестве примера приведем один из последних ее рассказов «Таң чыкларын жил үбә» («Целует ветер росу утреннюю», 2021), в котором внутренние монологи героев, поток сознания служат усилению трагичности истории героев. Встретившись через полвека на поминках дорогого, родного им человека, еле узнав друг друга, возлюбленные молча посидели рядом, каждый про себя проговаривая трагедию любви. Так и не рассказала вслух она, что ее посадили за то, что на себя взяла «вину» его мамы, которая «украла» в колхозе зерно; а он так и не вымолвил, что сидел, заступившись за ее брата, которого тоже обвиняли в подобном. Молча сидела и думала про себя Гульчира и о том, что, вернувшись из тюрьмы, желая повидать возлюбленного, она направилась в дом Анвара, где на пороге встретила его мама, которая прогнала ее прочь. Жизнь позади, счет идет на минуты, важнее тяжелых воспоминаний то, что они успели встретиться живыми, важнее ощущение, что они рядом.

В рассказах и повестях, где писательница ставит во главе угла проблемы постсоветского общества, воссоздается экзистенциальная картина мира. К примеру, внутренний монолог березы в повести «Таллыкүлдә былбыл бар» («Соловей озера Таллыкуль») обеспечивает эмоциональность в передаче мотива одиночества, духовной деградации личности.

Несомненно, что и русская и татарская проза начала XXI века находится на пути поиска, поэтому мы можем говорить о существовании разных культурных парадигм, что проявляется и на уровне стиля, способов письма современных русских и татарских авторов. Экзистенциальное начало, внутренние монологи героев, символизация, мифологическое начало являются стилиевой доминантой новейшей татарской прозы. К современной «литературе стенания» можно отнести рассказы Рифы Рахман, Фарита Яхина, Ландыш Абударовой, Лиры Ибрагимовой, повести (бэян) и романы Айгуль Ахметгалиевой, Набиры Гиматдиновой и др. Они продолжают традиции М. Кабирова, З. Хакима, Т. Миннуллина.

Современная русская проза при всей своей многогранности не теряет интереса к человеку, к его истокам, отсюда и обращение к вечным те-

мам и мотивам классической литературы. Можно сказать, что это литература о поиске себя в Большом мире, о противостоянии светлого и темного начал человеческого бытия.

Таким образом, в новейшей татарской прозе выделяем следующие основные черты, характеризующие особенности современного дискурса:

1. Во многих произведениях современных татарских писателей актуализируется тема смерти. Онтологические проблемы ярко проявились, в частности, в прозе А. Ахметгалиевой.

2. Свойственные татарской литературе начала XX века экзистенциальные мотивы переплетаются с особенностями изображения человека страдающего, одинокого, чувствующего в современной прозе. Особенно в жанре рассказа и бэян писатели ищут силу, которая способна победить смерть, но не находят (А. Ахметгалиева, Н. Гиматдинова и др.) Любовь, надежда, хоть и рассматриваются в качестве спасения в современном мире, но ставятся под сомнение. Все чаще героини остаются одинокими в противостоянии с Хаосом. Эта особенность проявляется и в русской прозе (Басинский «Посмотрите на меня...»).

3. Русская и татарская современная проза, переживающие период поиска, что связано в целом с социокультурной ситуацией в России, вырабатывают новые стилиевые приемы письма для отражения существующей действительности, потенциально становятся отражением духовных устремлений человека в мире.

Современные прозаики все чаще для осмысления национального, социокультурного, мифологического избирают экзистенциальный дискурс, что ведет к трансформации художественного мышления. Классический реализм и авангардный дискурс, взаимодействуя, буквально возрождают новейшую прозу. В татарской литературе переходные явления в первую очередь проявляются в прозе с экзистенциальным началом, которая связывает национальную литературу с восточными и европейскими традициями.

Список источников

1. Барышева С. Г. Экзистенциальная архетипика в художественном пространстве современной русской прозы: автореф. дис. ...канд. филол. наук: Магнитогорск, 2006. 26 с.
2. Загидуллина Д. Ф. Современная татарская проза (1986–2016 гг.): основные тенденции историко-литературного процесса. Казань: Изд.-во Академии наук РТ, 2017. 246 с.
3. Гайнуллина Г. Р. Хэзерге татар прозасы: жанрлык хасиятләре, әдәби алымнар // Татарика, 2018. Выпуск №10. С. 61–75.

4. *Эпштейн М.* Нулевой цикл столетия. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2006/2/nulevoj-czikl-stoletiya.html> (дата обращения: 29.05.2023).

5. *Әхмәтҗалиева А.* Туташ. Казан: Татар. кит. нәшр., 2019. 502 б.

6. *Басинский П. В.* Посмотрите на меня: Тайная история Лизы Дьяконовой. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. 448 с.

References

1. Barysheva, S. G. (2006). *Ekzistentsial'naya arkhitektura v khudozhestvennom prostranstve sovremennoi russkoi prozy: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk.* [Existential Archetypes in the Artistic Space of Modern Russian Prose: Ph.D. Thesis Abstract]. Magnitogorsk, 26 p. (In Russian)

2. Zagidullina, D. F. (2017). *Sovremennaya tatarskaya proza (1986–2016 gg.): osnovnye tendentsii*

istoriko-literaturnogo protsessa [Modern Tatar Prose (1986–2016): The Main Trends in the Historical and Literary Process]. 246 p. Kazan, izd-vo Akademii nauk RT. (In Russian)

3. Gainullina, G. R. (2018). *Khazerge tatar prozasy: zhanlyk khasiiatlare, adabi alymnar* [Modern Tatar Prose: Genre Peculiarities and Literary Devices]. Tatarika. No. 10, pp. 61–75. (In Tatar, in Russian, in English)

4. Epstein, M. *Nulevoi tsikl stoletiya* [The Zero Cycle of the Century]. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2006/2/nulevoj-czikl-stoletiya.html> (accessed: 29.05.23). (In Russian)

5. Ahmetgaliyeva, A. (2019). *Tutash* [Tutash]. 502 p. Kazan, Tatar. kit.nashr. (In Tatar)

6. Basinskii, P. V. (2018). *Posmotrite na menya: Tainaya istoriya Lizy D'yakonovoi* [Look at Me: The Secret History of Lisa Diakonova]. 448 p. Moscow, izd-vo AST, Redaktsiya Eleny Shubinoi. (In Russian)

The article was submitted on 18.06.2023
Поступила в редакцию 18.06.2023

Хусаенова Рания Раесовна,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
raniyashka1997@mail.ru

Гайнуллина Гульфия Расилевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
gulfiarasilevna@mail.ru

Нагуманова Эльвира Фирдавильевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ehlviran@yandex.ru

Khusaenova Rania Raesovna,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
raniyashka1997@mail.ru

Gaynyllina Gulfia Rasilevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
gulfiarasilevna@mail.ru

Nagumanova Elvira Firdavilevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ehlviran@yandex.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-209-214

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАЧАЛО В РОМАНЕ А. ГЕЛАСИМОВА «ЧИСТЫЙ КАЙФ»

© Ольга Щеголькова

THE DOCUMENTARY NATURE OF A. GELASIMOV'S NOVEL "PURE HIGH"

Olga Shchegolkova

The article is devoted to the work of the notable contemporary writer A. Gelasimov. Over the past two decades, domestic literature has reflected a steady interest in the category of documentaries, resorting to various genre forms of nonfiction, style dominants, narrative strategies, etc. A. Gelasimov's novel "Pure High" is largely organized based on the documentary principle, which manifests itself in the text at different levels of the whole: in the genre form of a biography, narrative, method of collecting information, adventurousness of the plot, stylized documents, language manner, etc. The document is used in the design of the publication, the section "Acknowledgements" correlates the names of the people from the environment of rapper Basta with the details of the novel, direct quotes from his songs are given, the biography is based on real facts. This use of documentary elements allows the author to actualize the tragic nineties of Russian history in the reader's mind, to raise the issue of "the lost generations", the forms and the causes of their destructive behavior and to show a possible experience of overcoming "the historical trauma". Touching upon important social problems of our time, A. Gelasimov rediscovers the value of such categories as home, family, love, loyalty and friendship in the present.

Keywords: A. Gelasimov, biography, stylized documents, language manner

Статья посвящена творчеству заметного современного писателя А. В. Геласимова. Отечественная литература на протяжении двух последних десятилетий отражает устойчивый интерес к категории документальности, прибегая к различным жанровым формам документальной литературы, стилевым доминантам, нарративным стратегиям и т. д. Роман А. В. Геласимова «Чистый кайф» в значительной мере организован документальным началом, которое проявляет себя в тексте на разных уровнях целого: в жанровой форме биографии, нарративе, методе сбора информации, авантюристике сюжета, стилизованных документах, языковой манере и др. Документ использован в дизайне издания, раздел «благодарность» соотносит с деталями романа имена людей из окружения рэпера Басты, даны прямые цитаты из его песен, жизнеописание основано на реальных фактах. Такое применение документальности позволяет автору актуализировать в сознании читателя трагические девяностые годы российской истории, поднять вопросы о «потерянных поколениях», формах деструктивного поведения и их причинах, показать возможный опыт преодоления «исторической травмы». Затрагивая важные социальные проблемы современности, А. В. Геласимов заново обнаруживает ценность в настоящем таких категорий, как дом, семья, любовь, верность, дружба.

Ключевые слова: А. В. Геласимов, биография, стилизованные документы, языковая манера

Для цитирования Щеголькова О. Документальное начало в романе А. Геласимова «Чистый кайф» // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 209–214. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-209-214

Одной из значимых тенденций в развитии отечественной литературы последних десятилетий стала активизация документального начала, и это, с одной стороны, обеспечило пристальное внимание исследователей к этому пласту литературы, а с другой, вызвало споры о «литературе факта» и проблеме документализма.

Говоря о природе художественно-документальной прозы, о соотношении в ней факта и авторского допущения, принято выделять в качестве отличительной черты такой литературы строгую ориентацию на «достоверность и всестороннее исследование документов», а также указывать, что структура произведения,

основанного на документальном материале, определяется социально-типическими свойствами включаемых фактов, при этом вымысел в нем сводится к минимуму [1, стб. 234].

Е. Г. Местергази, автор одной из первых монографий о литературе нон-фикшн, в числе терминов, применяемых к произведениям, основанным на документальном материале, выделяет понятие «литература с главенствующим документальным началом», под которым подразумевает «художественную прозу, повествующую о реальных событиях и лицах с привлечением документальных свидетельств» [2, с. 38]. При этом под документальным свидетельством Е. Г. Местергази понимает не только официальный документ, но и «записи устных рассказов, в том числе литературно обработанных» [2, с. 38].

Роман А. Г. Геласимова «Чистый кайф», опубликованный в 2019 году, как раз представляет собой такую «художественную прозу, повествующую о реальных событиях и лицах с привлечением документальных свидетельств» [2, с. 38]. В нем сложно соединены реальные факты и обстоятельства и комплекс авторских идей, выражаемых в образной форме.

В первую очередь о наличии документальной основы в тексте свидетельствует использованный Геласимовым метод сбора информации – «авторское турне». Известно, что для обращения к теме российской рэп-культуры, писатель некоторое время сопровождал на гастролях одного из известных исполнителей рэпа – Василия Вакуленко. То есть, исследуя незнакомую для себя молодежную субкультуру, Геласимов погружается в атмосферу музыкальной тусовки, собирает факты биографии рэпера, проводит интервью с многими из его окружения, что позволяет автору собрать документальные свидетельства, а с другой стороны, обуславливает жанровую форму произведения.

С момента появления роман был воспринят как «художественная биография» Басты (Василия Вакуленко). Для отнесения произведения к данной жанровой форме есть множество оснований.

Как «биография» он представляет собой жизнеописание, которое «на основе фактического материала дает картину жизни человека, развитие его личности в связи с общественными обстоятельствами эпохи» [3, с. 54]. Соотнесение же его с жизнью конкретного лица (Василия Вакуленко) намеренно подчеркивается автором и организуется целым рядом средств.

Во-первых, обложка книги оформлена фотографией Андрея Еременко, запечатлевшей Басту

на одном из концертов, то есть уже дизайн издания содержит подлинный документ.

Во-вторых, благодарность в начале книги написана в форме рэп-стихотворения и включает имена людей из окружения рэпера и сотрудников его музыкальной компании «Газгольдер», прямо соотнося их с деталями и образами романа:

«Треушников Антон, тебе спасибо за то,
Что вдохновил на создание этого всего.
За диалог о здоровье – Треушниковой Наталье.
Теперь эта тема в романе
Звучит действительно реально.
Вадику QП Карпенко и Грузу Олегу –
За то, что помогли создать Ростов будто из лего
[4, с. 3].

В-третьих, в книге много «прямых» цитат из таких песен Басты, как «Моя игра», «Сансара», «Чистый кайф» (фразой из последней песни озаглавлено произведение).

В-четвертых, писатель достоверно воспроизводит факты биографии музыканта: окончание им музыкальной школы по классу аккордеона, наркотическую зависимость и преодоление ее, проживание в семье деда, военного, в промзоне города Ростова-на-Дону, сочинение и записывание музыки на компьютере товарища, к которому, как вспоминал Вакуленко, он «ездил в другой район через весь город» [5]. Как рассказывал музыкант в интервью изданию «Forbes»: «Приятель договаривался с мамой, и мы с утра сидели до поздней ночи. Он тихо включал маленькие колоночки и в убогой программе мы делали биты. Так в 17 лет я написал „Мою игру“, которую до сих пор пою» [6]. Отражает писатель и путь к успеху, и то, как пришла известность, и гастроли в разных странах (в романе «Чистый кайф» это Германия), и многотысячную аудиторию в спорткомплексе «Олимпийский». То есть основные вехи жизненного пути рэпера воспроизведены последовательно и достоверно.

При этом в номинации главного героя романа не сохранены ни реальное имя, ни псевдоним музыканта, но используется созвучный вымышленный (Баста – Бустер), что соответствует литературе с главенствующим документальным началом. Кроме того, в тексте фигурирует часть реального псевдонима рэпера – «Хрю». Под именем «Баста Хрю» Вакуленко давал концерты в 1998 году.

Эта достоверная номинация появляется в первой части романа, озаглавленной «Пистолет-то». Приведу фрагмент, где она появляется:

«Короче, в подъезд мой товарищ капитан вошел с подстреленным Бустером – и даже не с Бустером, а с

Бустером Хрю, потому что в комнате у меня круглый год был настоящий свинарник, – но вот на площадку нашего этажа он поднялся уже с комментатором Пистолетто. Во всей его, с..., красе. И красавчик Пистолетто готов был все откомментировать» [4, с. 22–23].

В приведенном отрывке показательно не только сохранение «реального» псевдонима, но и наличие у персонажа нескольких alter ego. Именно такими alter ego озаглавлены три части романа – «Пистолетто», «Толя», «Бустер».

На мой взгляд, структура произведения и его заголовочный комплекс не только отражают изменения, произошедшие в главном герое в течение жизни, и обретение им определенного социального статуса (своеобразные шаги к успеху), что свойственно жанру биографии, но и подчиняются документальному началу, поскольку передают психологическую мотивировку наличия псевдонимов у рэпера Василия Вакуленко. Например, отвечая на вопрос издания «Forbes», зачем он использует разные псевдонимы – Баста, Ногано, N1NT3ND0, музыкант заметил: «Это же совсем разный формат и настроение. Сначала никто и не понял, что это один человек. Это был такой акционизм. Мне было приятно, что люди не ассоциируют одного героя с другим. В русской музыке такого не было» [6].

Показательно, что разные alter ego персонажа интегрированы в нарратив и в тексте романа маркируются и стилистически, и графически: фрагменты, передаваемые от лица «Пистолетто», тяготеют к ритмической прозе и выделены курсивом.

Таким образом, перед нами достаточно точное сохранение фактов из жизни музыканта. Однако задача писателя при этом не просто нарисовать достоверную биографию известного человека, а вскрыть общественные язвы, возникновение в процессе исторического развития России «потерянных поколений», так как повальная наркотическая зависимость молодежи – это явление социальное, имеющее общественные причины, поэтому, живописуя атмосферу девяностых, Геласимов создает своеобразный «портрет поколения». За историей успеха, показанного в главном герое, кроются сотни тысяч сломанных судеб, и автору интересен этот конкретный опыт жизни как пример пути человека, сумевшего противостоять времени и его искушениям.

Писатель исследует, что позволило герою вырваться из порочного круга, и ответ он видит в том, что в Толе, вопреки внешним воздействиям, сохранилась система нравственных ценностей, способность любить, быть верным, держать слово, умение не опускать руки.

Возвращаясь к рассмотрению документального начала в «Чистом кайфе», отмечу, что, кроме метода сбора информации, наличия документальной основы, жанра, оно определяет и другие уровни структуры.

Сам текст романа представляет собой ряд фрагментов, оформленных как «дневниковые записи», то есть стилизованных под документ. Они открываются обозначением времени и места событий. Например, «Ноябрь 2016, Дортмунд, Германия», «Май 1996, Ростов-на-Дону», «Лето 1998, Псковская область», «Зима 2001, Москва» и др. Такое построение создает иллюзию подлинности, документальности повествования, которая поддерживается еще разрывами текста внутри таких «записей». Внутренние фрагменты отделены друг от друга и самих датированных частей тремя звездочками. В каждой датированной записи в среднем по два отрывка, но где-то один, а где-то и семь. Эта стилизация под «дневниковые записи» придает фрагментарность, дискретность, непоследовательность сюжету, что, в свою очередь, связано с формой нарратива.

Форма изложения от первого лица определяет логику построения сюжета и придает субъективацию повествованию, которое становится не только рассказом героя об истории собственного успеха, но и определенным «свидетельством времени». Замечу, что для создания этого эффекта Геласимов довольно точно воспроизводит речевую манеру Василия Вакуленко. Это отчетливо заметно при сравнении записей интервью с рэпером и языкового стиля романа. Например, из беседы с журналистом издания «Forbes» от 31 июля 2017:

«– Я е...шил просто как собака. Много музыки, ночами сидел. Мне было все в кайф, появилась возможность для реализации. Я был лимитчик с целью. Мечтал заниматься музыкой, и тут мечта сбывалась» [5].

И фрагмент романа:

«Свитер этот, в котором он в монастырь приехал, был мой. Я его купил у барыги после одной из первых своих дискотек. Денег он стоил немерено, потому что английский, но мне тогда сильно понравился. К тому же лавэшки на дискаче поднялись неплохие» [4, с. 194].

Здесь очевидна близость речевой манеры говорящих на уровне лексического и синтаксического строя, ценностной ориентации и интенции сообщений.

Хотя «дневниковые записи» и создают иллюзию достоверности, то есть являются псевдодо-

кументом, однако воспроизведенная в романе речевая манера говорящего заставляет воспринимать его слова и размышления как историческую правду, а события как реально происшедшие и вообще типичные для своего времени.

В сюжете романа перемежаются реальные вехи биографии рэпера и авантюрные элементы: рэпер Бустер сталкивается на гастролях в Германии со старой знакомой, и это вызывает воспоминания двадцатилетней давности. При этом события даны фрагментарно, калейдоскопично, в чередовании временных пластов.

В первой части (Пистолетто) описываются события из юности героя в Ростове-на-Дону, охватывающие 1996 год. Это история с «продажей» человека, перестрелками, «постановкой на счетчик», бандитскими разборками между ростовскими и краснодарскими уголовниками, которая развивается на фоне наркотической зависимости героя, поисков дозы и сочинения песен. То есть перед нами криминальный Ростов-на-Дону с разгулом преступности, повальной наркоманией и зарождающейся культурой русского рэпа.

Вторая часть «Толя» рисует события 1998 года, когда герой после рехаба (реабилитационного центра для наркозависимых) пытается заново обрести себя. Этот процесс происходит в монастыре Псковской области через помощь другим и восстановление часовни (или «важни», как называет ее один из персонажей, символический образ весов из затопленного города, где каждый мог взвесить, что имеет в настоящий момент). В эту же часть включены записи 3-х психотерапевтических бесед с указанием даты – «Весна 1997», а также места – «Ростов-на-Дону», еще здесь присутствуют 3 фрагмента «Дневника чувств», который ведет герой. «Дневник чувств» имеет форму таблицы с пятью графами – «События», «Что почувствовал?», «Реакция тела», «Как я поступил? Что подумал? Что сделал?» и «Что мог бы сделать иначе».

Этого рода «документы» в романе выполняют ряд функций. «Психотерапевтические беседы» с умным доктором Наташей заполняют временной разрыв между первой и второй частями, дают представление о методах лечения наркозависимых, а кроме того, они участвуют в психологическом изображении героя, формируют иную точку зрения на происходящее. При этом «Дневник чувств» вводится тогда, когда эмоциональный накал событий достигает пика, тогда прием умолчания вкупе с «сухим документом» придает пронзительное звучание происходящему. Отчетливо заметно это, например, в эпизоде, когда Толя узнает, что его отец, приезжавший

уговорить сына вернуться, по дороге из монастыря попал в аварию.

Сначала даны бытовая ход вещей и внутреннее состояние героя до известия об отце, а то, что происходит затем, приводится в таблице:

«Пацан продолжал играть, насельники слушали, а во мне что-то менялось. Разговоры трудников у трапезной, пару часов назад прозвучавшие для меня бессмысленным бредом, теперь стали обретать значение. Пересоленная каша стала обретать значение. Кирпичи в облешей монастырской стене наполнились смыслом. Все стало нужно. У всего появилась задача. Я понял – надо просто довериться. Расслабить мышцы и полететь.

Графа 1	Графа 2	Графа 3	Графа 4	Графа 5
События (кратко и конкретно, что произошло)	Что почувствовал?	Реакция тела (мимика, дыхание, мышечные реакции)	Как я поступил? Что подумал? Что сделал?	Что мог бы сделать иначе?
Приехали и сказали, что отец до Пскова не добрался. Маршрутка вылетела на встречу под КамАЗ	Удар того КамаЗа	Ноги не удержали, сел на строительный мусор. Задохнулся. Мимики не было	Оттолкнул мента, который пытался меня поднять. Подумал – где бы найти. Понял, что негде	Заплатить

[4, с. 224].

В приведенной цитате заметен жесткий стык между текстовой и графической частями. Помимо этого, визуально оформленные фрагменты нарушают монотонность повествования. Другой вид стилизованных документов – тексты психотерапевтических бесед – не соотносится с настоящей биографией Василия Вакуленко. Реальное историческое лицо – Треушниковая Наталья, психотерапевт по специальности, ассоциируемая с образом умного доктора Наташи, в действительности не помогала музыканту побороть зависимость, но она консультировала писателя о методах лечения наркозависимых.

Третья часть сюжета «Бустер» охватывает события зимы 2001 года в Москве, ноября 2016 в Дортмунде и начала декабря 2016 во Франкфурте-на-Майне. Толя живет в Москве, работает на радио и пытается не вернуться к наркотикам. На протяжении всего произведения настойчиво повторяется фраза – «бывших наркоманов не быва-

ет». Герою удастся добиться успеха, он обретает любовь и семейное счастье, добивается финансового благополучия.

Завершается роман сценой выступления Бустера в «Олимпийском». Этот фрагмент единственный имеет точную датировку 22 апреля 2017 года. Это вершина успеха главного героя, пронизанная идеей жизнеутверждения, которая передается цитированием песни Басты «Сансара».

Говоря о присутствии документального начала в сюжете произведения, отмечу, что его события и авантюры, и достоверны одновременно. В плане авантюры – это традиционные повороты от счастья к несчастью, определяемые волей случая, причем по этому принципу организованы и сюжетные события воспоминаемого прошлого и фабульные события настоящего.

Например, в пласте настоящего это неожиданная смерть поклонника, выбежавшего на сцену во время концерта в Дортмунде, задержание полицией сотрудника музыкальной группы, отложенное возвращение домой, пропажа паспорта, поездка в консульство во Франкфурт и т. д. Цепь злоключений прерывается внезапным прилетом жены вместе с детьми, дающим возможность вернуться, а перед этим провести семейный отдых в Германии.

Весьма авантюрно выглядит эпизод из 1990-х, где приятелям открывается возможность за один вечер заработать большие деньги. Нужно выступить со своими песнями на дне рождения важного человека, для договора о сделке они приглашены в городской бассейн. Этот эпизод, кстати, дан с позиции «комментатора Пистолетто»:

«И вот они с Жорой, бодрые такие, заходят, готовы обсуждать бабло, а бабло никто с ними обсуждать не спешит. Все заняты рыбалкой. Прямо с бортика закидывают удочки в розовую такую всю воду и пытаются рыбешку поймать. Только она не клюет. Рыбеха занята тем, что дербанит огромную говяжью ногу» [4, с. 91].

Как было отмечено, эпизод отчетливо авантюрный, но вместе с тем он достоверно характеризует время 1990-х с обнищанием основной части населения, расцветом криминала, засильем наркотиков и т. п. Вообще Геласимов неоднократно настаивал, что его роман не о рэп-культуре, «а о страшном, очень непростом времени – российских девяностых» [6].

Историческое время девяностых, а затем и двухтысячных в романе создается развернутой системой средств – авантюрными событиями сюжета, обилием бытовых и речевых деталей, интертекстуальными отсылками, создающими

культурный фон, и высказываниями персонажей: мама Голика, имея диплом МГУ, продает на рынке йогурты, или родители Майки переезжают на дачу следить за картошкой, так как «на одну ночь оставить посадки было нельзя. С голодухи не соседи, так проезжий народ все выкопает» [4, с. 97], работая трудником в монастыре, герой учит деревенского мальчика «играть на аккордеоне». Аккордеон представляет собой деревянную фанерку с нарисованными по краям кнопками и клавишами, которую они выдрали из стенки деревенского туалета за неимением другого материала. Толя показывает мелодию на нарисованной клавиатуре, а мальчик заучивает ее наизусть.

Таким образом, все детали обстановки, развернутые высказывания персонажей, авантурные события в совокупности создают картину «страшных российских девяностых». И хотя в событийном отношении далеко не все из этого имеет документальное подтверждение, однако достоверно передает восприятие этого времени и его оценку Василием Вакуленко, то есть является достоверным «свидетельством времени».

В завершение отмечу, что документальное начало в романе Геласимова «Чистый кайф» проявляет себя на разных уровнях от метода сбора информации до детального воспроизведения исторической атмосферы. Однако при сохранении документальной основы задача писателя не столько досконально зафиксировать жизненный путь известного человека, сколько дать картину времени и портрет поколения, отталкиваясь от реальной истории как конкретного примера, позволяющего выявить закономерности.

Все это позволяет писателя актуализировать в сознании читателя традиционные ценностные ориентации (дружба, семья, любовь), по-новому открыть их в настоящем и заново поставить вопрос о смысле человеческого существования.

Список источников

1. Муравьев В. С. Документальное // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: НРК «Интелвак», 2001. Стб. 234–235.
2. Местергази Е. Г. Литература нон-фикшн / non-fiction: Экспериментальная энциклопедия. Русская версия. М.: Совпадение, 2007. 327 с.
3. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.
4. Геласимов А. Чистый кайф. М.: ИД «Городец», 2020. 320 с.
5. Вержбицкий А. Баста – «Куда бы мы ни тыкались, все говорили, что моя музыка никому не нужна». URL: <https://www.forbes.ru/kompanii/348543-basta-kuda-my-ni-tykalis-vse-govorili-chto-moya->

muzyka-nikomu-ne-nuzhna (дата обращения: 29.04.2023).

6. *Визель М.* Презентация «Чистого кайфа» началась с «баттла литературных критиков». URL: <https://godliteratury.ru/articles/2019/12/09/chistyuy-kayf-andreya-gelasimova> (дата обращения: 9.12.2022).

References

1. Murav'ev, V. S. (2001). *Dokumental'noe* [Non-fiction]. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii / Pod red. A. N. Nikol'yukina*. Stb. 234–235. Moscow, NRK "Intelvak". (In Russian)

2. Mestergazi, E. G. (2007). *Literatura non-fikshn* [Non-fiction Literature]. *Non-fiction: Eksperimental'naya entsiklopediya*. Russkaya versiya. 327 p. Moscow, Sovpadenie. (In Russian)

3. *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'* (1987) [Literary Encyclopedic Dictionary]. Pod obshch. red. V. M. Kozhevnikova, P. A. Nikolaeva. 752 p. Moscow, Sov. entsiklopediya. (In Russian)

4. Gelasimov, A. (2020). *Chistyiy kaif* [Pure High]. 320 p. Moscow, ID "Gorodets". (In Russian)

5. Verzhbitskii, A. *Basta – "Kuda by my ni tykalis', vse govorili, chto moyaya muzyka nikomu ne nuzhna"* [Basta – "Wherever we went, everyone would say that no one needed my music"]. Forbes.ru. URL: <https://www.forbes.ru/kompanii/348543-basta-kuda-my->

ni-tykalis-vse-govorili-chto-moya-muzyka-nikomu-ne-nuzhna (accessed: 29.04.2023). (In Russian)

6. Vizeľ, M. *Prezentatsiya "Chistogo kaifa" nachalas' s "battla literaturnykh kritikov"* [The Presentation of "Pure High" Began with a "Battle of Literary Critics"]. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2019/12/09/chistyuy-kayf-andreya-gelasimova> (accessed: 9.12.2022). (In Russian)

Библиографический список

1. *Анохина А. В.* Проблема документализма в современном литературоведении // Знание. Понимание. Умение. Научный журнал Московского Гуманитарного университета. 2013. № 4. С. 189–194.

2. *Залыгин С.* Черты документальности // Вопросы литературы. 1970. № 2. С. 41–53.

Bibliography

1. Anokhina, A. V. (2013). *Problema dokumentalizma v sovremennom literaturovedenii* [The Problem of Documentalism in Modern Literary Studies]. *Znanie. Ponimanie. Umenie. Nauchnyi zhurnal Moskovskogo Gumanitarnogo universiteta*. No. 4, pp. 189–194. (In Russian)

2. Zalygin, S. (1970). *Cherty dokumental'nosti* [Features of Documentality]. *Voprosy literatury*. No. 2, pp. 41–53. (In Russian)

The article was submitted on 22.08.2023

Поступила в редакцию 22.08.2023

Щеголькова Ольга Владимировна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Самарский государственный социально-педагогический университет,
443099, Россия, Самара,
М. Горького, 65/67.
sch_ol@inbox.ru

Shchegolkova Olga Vladimirovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Samara State University
of Social Sciences and Education,
65/67 Maxim Gorky Str.,
Samara, 443099, Russian Federation.
sch_ol@inbox.ru

УДК 372.881.111.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-215-224

ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ОНЛАЙН-КУРСА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ

© Марина Бахтиозина, Анастасия Адасова

FEATURES OF DESIGNING AND CONDUCTING AN ONLINE COURSE IN BUSINESS ENGLISH FOR ADULT LEARNERS

Marina Bakhtiozina, Anastasia Adasova

Foreign language communication skills are crucial for today's business professionals, as they provide opportunities for advancing their career and conducting efficient communication with partners worldwide. The present article and the underlying research explore the implementation of andragogical principles in an online course for Business English. One of the most important principles entails providing conditions for comfortable learning, including, above all, the format of interaction, which ultimately affects its efficiency and organization. The relevance of distance learning is confirmed by current national laws, as well as by social studies that indicate a demand for online classes in Russia. The use of digital technology for the development of adult learners' foreign language communication allows them to be educated in a setting that simulates their working environment. This would suggest that when organizing adult education, it is recommended to rely on the learners' professional experience, offer practice-oriented tasks, encourage autonomy and offer authentic, problem-oriented materials in order to facilitate interaction and set off discussions. With all the advantages of the distance learning format, adult learners may, however, encounter difficulties which are to be taken into account. This article presents an online course for Business English, taking into consideration the identified principles of andragogy, specific properties of workplace interaction and particular features of the distance learning format. The research findings may be of practical value for designing and organizing a course in Business English with its methodology based on adult learning theory principles.

Keywords: andragogical principles, communicative tasks, business communication, adult learners, distance learning, Business English

Умение общаться на иностранном языке в настоящее время является необходимым условием для специалистов, работающих в сфере бизнеса, поскольку оно обеспечивает дополнительные возможности для карьерного роста и позволяет вести эффективную коммуникацию с партнерами по всему миру. Данная статья посвящена реализации андрагогических принципов в онлайн-курсе английского языка делового общения. Одним из основополагающих среди этих принципов при этом является обеспечение комфортных условий обучения, что подразумевает в первую очередь формат его проведения, который будет соответствующим образом сказываться на организации и эффективности учебного процесса. Актуальность дистанционного формата подтверждается как законодательными актами, так и социальными исследованиями, указывающими на востребованность онлайн-курсов в России. Специфика развития умений иноязычного делового общения у взрослых обучающихся с помощью цифровых технологий позволяет заниматься в условиях, моделирующих рабочую среду. Это наводит на мысль, что при организации обучения рекомендуется использовать профессиональный опыт взрослых людей, предлагать практико-ориентированные задачи, поощрять автономность, использовать аутентичные материалы полемического характера для формирования интерактивной составляющей образовательного процесса. Тем не менее, при всех преимуществах у взрослых людей могут возникнуть определённые сложности во время обучения в онлайн-среде, которые преподаватель должен также принимать во внимание. В данной статье описан опыт разработки онлайн-курса английского языка с учетом актуальных андрагогических принципов, дидактической специфики делового общения и особенностей дистанционного формата. Материалы статьи могут представлять практическую ценность для организации обучения с учетом андрагогических принципов на языковых занятиях для взрослых людей.

Ключевые слова: андрагогические принципы, коммуникативные задачи, деловое общение, взрослые обучающиеся, дистанционное обучение, английский язык делового общения

Для цитирования: Бахтиозина М., Адасова А. Особенности разработки и проведения онлайн-курса английского языка делового общения для взрослых обучающихся // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 215–224. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-215-224

В эпоху глобализации роль английского языка претерпевает определенные изменения, поскольку люди стремятся использовать язык для международного общения с сохранением локальной специфики. В экономической сфере этот феномен выражается в регулярных контактах с представителями различных культур для налаживания взаимовыгодного сотрудничества, что обуславливает потребность в специалистах, владеющих языком и культурой делового общения. Английский язык делового общения в рамках данного исследования определяется как средство коммуникации представителей разных профессий, поскольку многие профессиональные коммуникативные задачи являются универсальными: совещание, переговоры, написание деловых писем, ведение заметок, общение с зарубежными коллегами и клиентами [1], [2].

Образовательный процесс на курсах английского языка делового общения зависит от возраста, социальных ролей и целей обучающихся [3]. Данное исследование посвящено обучению взрослых людей. Взрослость может определяться в разных контекстах. М. Т. Громкова выделяет следующие: биологическая взрослость (физиологическая, психологическая), социальная взрослость (профессиональная, гражданская, правовая, нравственная и т. д.), духовная взрослость (самостоятельность, разумность, целеустремленность) [4]. В рамках данной статьи рассматривается вопрос профессиональной социальной взрослости, а именно взрослых обучающихся, которые уже имеют профессиональный опыт. При этом стоит учитывать, что в методике обучения английскому языку уделяется больше внимания подготовке новых кадров, нежели повышению квалификации действующих сотрудников. Преподавателям важно учитывать психологическую и социальную специфику данной аудитории. На основе анализа основных андрагогических теорий (Дж. Дьюи (1938), Ч. Р. Роджерс (1969), П. Фрейре (1970), М. Ноулз (1973), Д. Колб (1974), Дж. Мезироу (1981), П. Джарвис (1987), Д. Шон (1987), Г. Гиббс (1988), П. Фрейре и М. Хортон (1990), Дж. Лэйв и Э. Венгер (1991), С. И. Змеев (2000), К. Иллерис (2002), Дж. Дрисколл (2007)) можно выделить определенные методические рекомендации для реализации процесса обучения: использование профессионального опыта взрослых для

организации общения; решение практических задач; проблемность материала, который может вызвать эмоциональный отклик у обучающихся; аутентичность материала; поощрение автономной работы [5], [6], [7], [8].

В современной методике обучения иностранным языкам вопрос индивидуализации языкового образования является одним из ключевых. Индивидуализация выражается не только в учете социально-психологических особенностей выбранной аудитории, но и профессиональных потребностей обучающихся. Успешная коммуникация с иностранными коллегами, партнерами и клиентами играет важную роль в развитии компании, поэтому умения иноязычного делового общения представляют особый интерес для взрослых людей. Необходимо учитывать различные коммуникативные задачи в контексте делового общения, которые включают в себя телефонные звонки, формальное и неформальное общение, выступление с деловой презентацией, участие в совещаниях, собеседованиях и переговорах [9]. Это, в свою очередь, подразумевает, что обучение должно быть ориентировано на развитие умений, наиболее применимых в характерных видах профессиональной деятельности людей, и приводит к мысли о целесообразности проведения занятий в группе. С. Мерриам отмечает, что такие ученые, как П. Фрейре и М. Хортон (1990), Дж. Мезироу (1981), Д. Шон (1987), Дж. Лэйв и Э. Венгер (1991), обосновывают актуальность групповой работы тем, что взрослым обучающимся необходимо делиться своим опытом в процессе общения [6]. Практико-ориентированное обучение, соответствующее андрагогическим принципам, также определяет выбор интерактивных методов и форм обучения, которые будут способствовать интеграции профессионального опыта и коммуникативных умений у взрослых обучающихся [10].

В современном мире деловое общение с иностранными клиентами и коллегами происходит в онлайн-среде с помощью видеоконференций, мессенджеров и электронной почты, что необходимо учитывать наравне с социальными обязанностями взрослых обучающихся (семья, работа, дополнительное образование). Дистанционное обучение позволяет взрослым людям заниматься в комфортных для них условиях и не отказы-

ваться от получения дополнительного образования из-за нехватки времени, при этом обучаясь в онлайн-пространстве, имитирующем их профессиональную среду. Взрослые люди работают с информацией, представленной в Интернете, и используют различные веб-платформы для делового общения. Дистанционные образовательные технологии, применяемые при реализации электронного обучения, существенно расширяют границы доступности дополнительного профессионального образования. Как утверждает А. Л. Назаренко, развитие современных технологий и необходимость работы с большими объемами постоянно меняющейся информации способствовали переходу общества «с модели „образование на всю жизнь” на модель „образование на протяжении всей жизни”» [11, с. 34]. В. А. Фадеева также отмечает, что приоритетными направлениями модернизации образования в России являются информатизация и переход к системе непрерывного образования [12, с. 215]. Это еще раз доказывает необходимость тесной связи андрагогики и дистанционного формата обучения, которая все еще недостаточно изучена.

Выбор дистанционного формата курса английского языка делового общения для взрослых обучающихся может быть обусловлен рядом причин. Во-первых, Правительство Российской Федерации способствует развитию онлайн-обучения за счет ряда мер, находящихся отражение в нормативных документах. Так, в Указе Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» отмечается: «Для формирования информационного пространства знаний необходимо использовать и развивать различные образовательные технологии, в том числе дистанционные, электронное обучение, при реализации образовательных программ» [13]. В Статье 16 Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в РФ» от 29 декабря 2012 г. описана реализация образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий [14].

Во-вторых, социальные исследования указывают на востребованность языковых курсов на российском рынке онлайн-образования. Согласно исследованию 2021–2022 гг., проведенному Edmarket Research совместно с Нетологией, основным каналом получения дополнительного образования в России стал дистанционный формат обучения (18 млн. респондентов прошли обучение в онлайн-формате, а в офлайн – 12 млн.). У 85% опрошенных есть стремление записаться на онлайн-курсы в будущем. Более того, 70% респондентов отметили, что они проходили

обучение с профессиональными целями, а 51,4% – с целью изучения иностранного языка [15].

Важной причиной выбора дистанционного формата для взрослых обучающихся является возможность осуществления ряда актуальных андрагогических принципов в онлайн-курсе, что позволяет учитывать индивидуальные особенности восприятия и обработки информации за счет быстрого доступа к различным форматам учебных материалов. Взрослые обучающиеся могут обращаться к Интернет-источникам в процессе поиска информации и повторно обращаться к материалам, которые собраны в одном месте, что способствует развитию навыков самообразования и поощрению самостоятельной работы. Владение современными информационными и коммуникационными технологиями является также одним из требований к современному специалисту [16, с. 188]. А. В. Фадеева подчеркивает необходимость формирования «компьютерно-грамотной» личности, приспособленной к жизни в информационном обществе [12, с. 215].

Несмотря на ряд преимуществ дистанционного обучения, преподавателям необходимо учитывать определенные трудности, с которыми могут столкнуться взрослые обучающиеся в онлайн-среде. К ним относятся сложности, связанные с возрастом, семейным положением, уровнем образования, должностью. Более того, важно принимать во внимание уровень владения информационно-коммуникационными технологиями обучающихся и предыдущий опыт электронного обучения. Наконец, существуют частные проблемы, например, «внешние шумы», к которым относятся технические сложности с Интернетом и видеосвязью и воздействие онлайн-среды, отвлекающее внимание людей от процесса обучения [17], [18].

Чтобы проанализировать предпочтения респондентов касательно формата обучения (очный или онлайн), в апреле 2023 года было проведено анкетирование с помощью платформы Google Формы среди 123 взрослых людей в возрасте от 18 до 59 лет, имеющих профессиональный опыт. Большая часть респондентов (61,8% – 76 респондентов) выбрали онлайн формат с преподавателем в режиме реального времени (синхронное дистанционное обучение). Важно отметить, что в дистанционном обучении заинтересованы люди разных возрастных категорий (19-20 лет – 4 человека; 21-30 лет – 32 человек; 31-40 лет – 10 человек; 41-50 лет – 28 человек; 51-60 лет – 6 человек). Далее респондентам предлагалось указать причины выбора. Подавляющее число опрошенных (94,7% – 72 респондента) главным преимуществом онлайн-курса считают возможность за-

ниматься в любом месте. Среди других достоинств дистанционного формата были быстрый доступ к информации и использование современных технологий обучения. Однако респонденты, предпочитающие очные курсы, отмечают недостатки в дистанционном обучении: технические перебои и недостаток общения стали самыми популярными ответами. Очный курс, по их мнению, обеспечивает личный контакт преподавателя с обучающимся, учебную атмосферу и быструю обратную связь.

Несмотря на то, что онлайн-курсы актуальны для взрослой аудитории, преподаватели и разработчики курсов должны стремиться минимизировать недостатки, которые могут возникнуть при онлайн обучении, и оптимизировать образовательный процесс за счет учета упомянутых ранее андрагогических принципов. До начала непосредственно обучения преподаватель должен помочь обучающимся критически изучить и сформулировать свои потребности в обучении, которые затем можно использовать для разработки конкретных целей, что будет способствовать индивидуализации обучения [19], [20]. Так, начальным этапом может послужить анкетирование, а затем представляется возможным личное обсуждение посредством видеоконференции.

Роль преподавателя заключается в поэтапном обеспечении благоприятной учебной среды иощрении индивидуальной работы. Несмотря на интерактивность и удобство дистанционного формата обучения, технологии могут стать препятствием для некоторых взрослых людей [21]. Обучающиеся должны быть ознакомлены с различными цифровыми технологиями до начала обучения [22, с. 241–242]. Перед преподавателем (или разработчиком онлайн-курса) стоит задача создать понятный для обучающихся дизайн, подробные инструкции касательно всего курса и отдельных его частей (модулей, упражнений), а также каналы эффективной обратной связи. Более того, от современных специалистов требуется умение ориентироваться в большом количестве информации и уверенно пользоваться Интернет-пространством. Ряд исследователей (см. С. В. Титова, О. Ю. Самойленко, М. А. Бовтенко) выделяют информационно-коммуникационную компетенцию в качестве компонента профессиональной компетенции (зачастую речь идет о ИК компетенции преподавателей [23]). Это означает, что преподаватель должен научить участников курса производить поиск и анализ информации, размещенной в сети Интернет, с целью развития у них информационно-аналитических умений [24].

На этапе отбора учебного материала наиболее актуальными представляются аутентичные онлайн-источники. В современном мире всё больше информации находится в электронном формате. Согласно исследованию “Global Digital 2023”, «почти 6 из 10 интернет-пользователей трудоспособного возраста (57,8%) <...> обращаются к онлайн-ресурсам в поисках информации» [25]. В связи с этим обучающиеся должны уметь работать с материалами, представленными в сети Интернет. Что касается информационной насыщенности материала, то она может достигаться не только за счет содержания, но и за счет мультимодальности, которая характеризуется сочетанием вербальных и невербальных компонентов [26, с. 212]. А. А. Кибрик определяет модальность как «тип внешнего стимула, воспринимаемого одним из чувств человека, в первую очередь зрением и слухом» [27, с. 135]. Мультимодальный текст может быть представлен в бумажном, живом и цифровом форматах. К цифровым мультимодальным текстам относятся слайд-презентации, цифровые нарративы, электронные книги, блоги, электронные постеры, веб-страницы, социальные сети, анимация, фильмы и видеоигры [28].

Методический потенциал мультимодальных текстов заключается в том, что прежде всего сочетание текста и дополнительных модальностей (представлены в виде, например, фотографий, карикатур, рекламы, графиков, таблиц, аудио- и видеозаписей) могут быть использованы для обсуждения информации профессиональной направленности. Кроме того, занятие, построенное вокруг использования мультимодального текста, знакомит взрослых обучающихся с сайтами известных СМИ и с поиском информации в Интернет-пространстве, что особенно важно для развития навыков работы с аутентичными источниками в Интернете. Наконец, работа с графической информацией является одним из медиативных умений, которое необходимо для работников офиса.

Переходя непосредственно к реализации процесса обучения, отметим значимость выбора платформ, максимально соответствующих целям обучения и используемому материалу. На наш взгляд, самой удобной платформой для представления материалов является Padlet [29] и Google Sites [30]. Функционал обеих платформ позволяет редактировать текст, например, выделять какие-то слова и менять их цвет. Возможен просмотр видео прямо на платформах. Дополнительное преимущество сайта Padlet заключается в том, что он интерактивен. Участники процесса

могут комментировать записи друг друга, создавать свои и затем обсуждать их.

Интерактивность, по мнению ряда исследователей ([20], [31], [32]), является одним из самых важных условий для успешного обучения в рамках дистанционного формата. По причине того, что в статье описан курс, который направлен на развитие умений делового общения, подразумевающих постоянную коммуникацию, интерактивность онлайн-среды должна быть учтена еще на этапе разработки курса. Во-первых, организация дискуссии требует набора онлайн-инструментов, необходимых для самовыражения и общения взрослых обучающихся [33, с. 5–7]. Они должны иметь возможность участвовать в групповых проектах и дискуссиях, в ходе которых обучающиеся смогут делиться своим личным опытом и знаниями [31, с. 4]. С. В. Титова отмечает, что проблема недостатка личного учебного взаимодействия решается за счет использования современных цифровых технологий для «обеспечения быстрой обратной связи и интерактивного диалога между субъектами образовательного процесса» [32, с. 56].

Во-вторых, практико-ориентированный и творческий характер учебного процесса осуществляется не только с помощью отбора соответствующего материала, но и с помощью интерактивных упражнений на онлайн-платформах. Уже разработаны типологии упражнений, которые могут эффективно использоваться для языковой подготовки взрослых людей в онлайн-среде. М. Полсен предлагает классификацию интерактивных упражнений, которые можно разделить на индивидуальные, парные, «один и группа» и «группа и группа» по формам организации онлайн-обучения [34]. Индивидуальные упражнения включают в себя поиск информации в Интернете. Несмотря на то, что взрослые работают самостоятельно, результаты затем могут обсуждаться в парах или в группах. Парные упражнения выполняются с помощью сессионных залов для взаимного обмена опытом.

Так, формат упражнений «один и группа» осуществляется с помощью онлайн-досок для обсуждения, где обучающиеся могут публиковать свое мнение или различные материалы и знакомиться с сообщениями других участников курса. Например, преподаватель может предложить провести «мозговой штурм», чтобы обучающиеся сначала поделились своими идеями асинхронно, а затем обсудили ответы во время видеоконференции. Для этих целей можно использовать доски в Miro [35], Google Jamboard [36] и Zoom Board [37]. Что касается лексических и грамматических упражнений, то они выполня-

ются как индивидуально, так и в паре с помощью сайтов LearningApps [38] и Wordwall [39].

Упражнения «группа и группа» включают в себя дискуссии, дебаты, кейсы, совместные проекты и сопровождаются обсуждением результатов. Возможно также применение активных методов обучения, в особенности task-based learning и project-based learning, которые будут способствовать интеграции профессионального опыта и коммуникативных умений [10]. Обучающиеся на основе своего профессионального опыта становятся участниками реальных профессиональных ситуаций с помощью ролевых игр и симуляций деловых ситуаций. При разработке онлайн-курса перед преподавателем стоит задача создать условия для успешного выполнения интерактивных упражнений. В онлайн-курсе это осуществляется с помощью различных платформ. Альтернативой привычной платформе Zoom может выступить сайт GetLocus, который представляет собой виртуальный офис, что позволяет обучающимся погружаться в профессиональную среду [40]. Главной особенностью является то, что участники могут слышать друг друга только до тех пор, пока их иконки находятся рядом друг с другом. Когда они отдаляются, звук пропадает. Это позволяет преподавателю с легкостью передвигаться от одних участников к другим при парной работе (в Zoom данный переход занимает больше времени). К другим преимуществам платформы относится возможность публиковать различные мультимедийные материалы и использовать инструменты для редактирования и публикации информации.

Оценивание в течение курса может как мотивировать, так и демотивировать обучающихся. С одной стороны, взрослым важно видеть прогресс и следить за тем, как они продвигаются к цели обучения [41]. По этой причине оценивание должно быть разнообразным и практико-ориентированным в течение всего онлайн-курса [20]. Особенно важна саморефлексия, и преподаватели могут предлагать ее обучающимся в конце каждого занятия.

Анализ актуальных исследований, а также изучение практических возможностей осуществления синхронного онлайн-курса английского языка делового общения для взрослых позволили разработать дистанционный синхронный курс “Business English: Effective Workplace Communication” на платформе Google Sites. Курс состоит из 8 модулей (“Employment”, “Team building”, “Pluricultural communication”, “Presenting a business idea”, “Graphs and numbers”, “Marketing trends”, “Technology and online business”, “Leadership and managing

people”), которые можно условно разделить на следующие части: устройство на работу, работа в офисе, открытие собственного бизнеса и управление персоналом. Специфика заключалась в том, что курс для данной конкретной аудитории был разработан с учётом упомянутых ранее андрагогических принципов, ключевым из которых являлся учет личного и профессионального опыта взрослых при общении. Обсуждение было построено вокруг изученных аутентичных материалов, в которых присутствуют лингвостилистические средства выразительности, специализированные термины, а также упоминание культурных, профессиональных и экономических реалий другой страны. Наконец, занятия были разработаны на основе веб-ресурсов для повышения интерактивности учебного материала, например, Padlet, Wordwall, LearningApps и других. Коммуникация преподавателя и обучающихся проходит через GetLocus. На первом этапе практического исследования мы апробировали данный курс на группе, состоящей из 4 взрослых людей в возрасте от 25 до 27 лет, работающих по специальностям программирования и маркетинга. В процессе были проанализированы сильные и слабые стороны разработанного курса и внесены изменения. На следующем этапе планируется привлечение большего числа обучающихся с целью проведения эксперимента.

Обратимся к организации одного из проведённых занятий в рамках обозначенного курса, которое посвящено собеседованию при приеме на работу. Обучающиеся знакомятся с мультимодальными текстами (юмористические карикатуры с надписями) по теме занятия и обсуждают основную проблематику. Необходимая лексика вводится преподавателем параллельно с обсуждением. Затем участники курса в парах на платформе GetLocus смотрят аутентичное видео с советами по собеседованию и на основе собственного опыта отмечают наиболее релевантные или, наоборот, некорректные, по их мнению, рекомендации, предложенные в видео. Далее преподаватель предлагает упражнение “jigsaw reading” или «зигзаг», которое является «одним из подходов в организации обучения в сотрудничестве» [42, с. 8]. Обучающимся предлагается прочитать часть аутентичной статьи, которая была предварительно разделена преподавателем на четыре части для того, чтобы обучающиеся смогли после прочтения передать друг другу их смысл. Каждая часть включает вопросы, которые работодатели задают на собеседовании, и примерные ответы на них. Взрослые люди впоследствии смогут использовать эти шаблоны в своей профессиональной деятельности. Тексты выложены

на платформу Padlet, где есть возможность выделять и подчеркивать отдельные слова. Снятие языковых сложностей происходит за счет вербальной семантизации отдельных лексических единиц за счет приведения синонимов, примеров и определений из монолингвальных словарей (например, Oxford Learner’s dictionaries [43], Cambridge Dictionary [44] и другие). Участники курса анализируют и обобщают информацию в процессе дискуссии в GetLocus. Они не только обсуждают информацию из аутентичных источников, но и делятся своим опытом прохождения собеседований. Обучающиеся выделяют основные советы из статьи и видео в процессе групповой работы. Участники проводят два этапа собеседований в парах, потом меняются, чтобы каждый смог задать вопросы и ответить на них. На последнем этапе обучающиеся оценивают результаты друг друга (развитие умений взаимного оценивания) и анализируют собственные результаты (развитие умений саморефлексии).

Отзывы обучающихся, оставленные в рамках финальной рефлексии, показали значимость использования в курсе цифровых технологий, которые впоследствии могут быть задействованы в их работе, особенно в процессе делового общения. Обучающиеся также подчеркнули, что интерактивная онлайн-среда сделала образовательный процесс увлекательным и мотивирующим. Более того, до прохождения курса участники испытывали сомнения в своей способности работать с аутентичными материалами в профессиональной деятельности. Они отметили, что участие в курсе усилило их намерение продолжать использование англоязычных веб-ресурсов, связанных с их специальностью.

Обучение английскому языку и культуре делового общения, потребность в котором в России появилась ещё в 90-е годы XX века, сейчас приобретает новые форматы, что обусловлено, с одной стороны, развитием и внедрением в образовательный процесс информационно-коммуникационных технологий, использование которых становится сейчас более гибким и удобным для пользователей. С другой стороны, это связано с новыми направлениями и тенденциями в педагогике и методике обучения иностранным языкам. Акцент на обучении в течение всей жизни ставит новые задачи перед языковым образованием, которое, отвечая на соответствующий запрос общества, теперь должно быть способно охватить не только уровни среднего и высшего образования, но и взрослых людей различных возрастных групп. Однако для осуществления обучения данной высоко требовательной, но мотивированной аудитории необходимо методиче-

ски правильно организовать процесс, продумав все, начиная от наполнения, зависящего от интересов будущих слушателей, заканчивая финальной рефлексией. Для того чтобы создать оптимальные условия обучения в рамках дополнительного профессионального образования, необходимо учитывать психологические и социальные особенности выбранной аудитории. Наиболее подходящим форматом в современных условиях является дистанционное обучение, которое позволит обучающимся получать дополнительное образование и работать с онлайн-инструментами, которые могут быть использованы в профессиональной деятельности. Проведение синхронного курса английского языка делового общения с использованием актуальных интернет-платформ позволяет реализовать в учебном процессе интерактивные технологии, релевантные для социальной среды взрослых обучающихся. Это может послужить хорошей опорой для стимуляции учебной деятельности и ее результативности.

Список источников

1. Казакова О. П. Деловой иностранный язык как разновидность языка для специальных целей // Профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам. Екатеринбург, 2014. Том 8. С. 66–69.
2. Комарова А. И. Функциональная стилистика: научная речь. Язык для специальных целей (LSP). Изд. 3–е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 192 с.
3. Zagan-Zelter D., Zagan-Zelter S. Teaching Business English- A Challenge Both For Students and Academics // Social and Behavioral Sciences. 2010. Vol. 3. No. 1. Pp. 245–250.
4. Громкова М. Т. Андрагогика: теория и практика образования взрослых: учебное пособие для системы дополнительного профессионального образования: для студентов вузов, обучающихся по пед. спец. М.: ЮНИТИДАНА, 2005. 495 с.
5. Змеёв С. И. Становление андрагогика: Развитие теории и технологии обучения взрослых: дис. ... д-ра пед. наук: М., 2000. 179 с.
6. Merriam S. B. Adult Learning Theory: Evolution and Future Directions // PAACE Journal of Lifelong Learning. 2017. Vol. 26. Pp. 21–37.
7. Merriam S. B., Caffarella R. S., Baumgartner L. M. Learning in Adulthood: A Comprehensive Guide (3rd ed.). San Francisco: Jossey-Bass, 2007. 560 p.
8. Kovačević E. Teaching Adult Language Learners: Enhancing Personal Methodologies. Sarajevo: Internacionalni univerzitet u Sarajevu, 2021. 211 p.
9. Dudley-Evans T., St John M. Developments in ESP: A Multi-Disciplinary Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 320 p.
10. Преснухина И. А. Преподавание английского языка делового общения в неязыковом вузе // Современные методы обучения иностранному языку в неязыковом вузе: коллективная монография / М-во образования и науки РФ, Московский политехнический университет. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2017. 92 с.
11. Назаренко А. Л. К вопросу об информатизации лингвистического образования // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-informatizatsii-lingvisticheskogo-obrazovaniya-1> (дата обращения: 05.04.2022).
12. Фадеева В. А. Интеграция ИКТ в процесс преподавания иностранного (английского) языка на третьей ступени высшего образования (опыт ФИЯР МГУ им. М.В. Ломоносова) // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики в неязыковом вузе: 3-я Международная научно-практическая конференция (Москва, 11–12 декабря 2018 года). М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2019. С. 214–217.
13. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». URL: <http://base.garant.ru/71670570/> (дата обращения: 27.03.2021).
14. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 №273-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 27.03.2021).
15. Исследование российского рынка онлайн-образования. URL: https://netology.ru/edtech_research_2022 (дата обращения: 15.06.2022).
16. Соколова А. С. Использование модели смешанного обучения в преподавании немецкого языка на основе платформы Moodle (на примере курса Страноведение: Германия, Австрия, Швейцария для средней школы) // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 1. С. 185–191.
17. Вердербер П., Вердербер К. Психология общения. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2003. 320 с.
18. Penina M. The Seven E-learning Barriers Facing Employees. Final Report / University of Louisville. 2003. URL: https://www.academia.edu/8420360/The_7_ELearning_Barriers_facing_Employees_-_Penina_Mungania (дата обращения: 27.05.2022).
19. Tennant M., Pogson P. Learning and change in the adult years. A developmental perspective. San Francisco: Jossey-Bass, 1995. 240 p.
20. Blondy L. C. Evaluation and application of andragogical assumptions to the adult online learning environment // Journal of Interactive Online Learning. 2007. Vol. 6. Pp. 116–130.
21. Pickett M. Overcoming technology barriers in adult online learning environments with modular instructional design // Proceedings of ASBBS. 2009. Vol. 16. No. 1. Pp. 1–7. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.567.164&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 02.04.2022).
22. Donavant B. W. The new, modern practice of adult education: Online instruction in a continuing profes-

sional education setting. *Adult Education Quarterly*. 2009. V. 59. No. 3. Pp. 227–245.

23. Тугова С. В. Информационно-коммуникационная компетенция педагогов и новые образовательные стандарты высшей школы // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-kommunikatsionnaya-kompetentsiya-pedagogov-i-novye-obrazovatelnye-standarty-vysshey-shkoly> (дата обращения: 11.04.2021)

24. Корчемкина Ю. В., Уварина Н. В. Особенности виртуальной образовательной среды для формирования информационно-аналитических умений студентов // Ученые записки университета Лесгафта. 2023. Том 216. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-virtualnoy-obrazovatelnoy-sredy-dlya-formirovaniya-informatsionno-analiticheskikh-umeniy-studentov> (дата обращения: 01.06.2023).

25. Интернет и соцсети в начале 2023 года – главные цифры Global Digital 2023. URL: <https://vc.ru/marketing/596126-internet-i-socseti-v-nachale-2023-goda-glavnye-cifry-global-digital-2023> (дата обращения: 01.06.2023).

26. Тюкина Л. А. Информационно-коммуникационные технологии в языковом обучении в неязыковом вузе // Лингводидактика в неязыковом вузе: традиционные и инновационные подходы. Сборник научных трудов по материалам II-й Международной научно-практической конференции. Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2019. С. 210–213.

27. Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования: сборник научных трудов. Том 4. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2010. С. 135–152.

28. Шевалдышева Е. З. Мультимодальные тексты в обучении иностранному языку // Академу. 2019. Т. 4. № 43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/multimodalnye-teksty-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 11.06.2022).

29. Padlet. URL: <https://padlet.com/> (дата обращения: 01.06.2023).

30. Google Sites. URL: <https://sites.google.com/> (дата обращения: 01.06.2023).

31. Conrad R. M., Donaldson J. A. Engaging the online learner. Activities and resources for creative instruction. San Francisco: Jossey-Bass, 2004. 160 p.

32. Тугова С. В. Цифровые технологии в языковом обучении: теория и практика. М.: Эдитус, 2017. 248 с.

33. LeNoue M., Hall T., Eighmy M. A. Adult Education and the Social Media Revolution. *Adult Learning*. 2011. Vol. 22. No. 2. Pp. 4–12.

34. Palloff R. M., Pratt K. The virtual student. A profile and guide to working with online learners. San Francisco: Jossey-Bass, 2003. 216 p.

35. Miro. URL: <https://miro.com/> (дата обращения: 01.06.2023).

36. Google Jamboard. URL: <https://jamboard.google.com/> (дата обращения: 01.06.2023).

37. Zoom. URL: <https://zoom.us/ru> (дата обращения: 01.06.2023).

38. LearningApps. URL: <https://learningapps.org/> (дата обращения: 01.06.2023).

39. Wordwall. URL: <https://wordwall.net/ru> (дата обращения: 01.06.2023).

40. GetLocus. URL: <https://getlocus.io/ru> (дата обращения: 01.06.2023).

41. Scholten C. The use of learning styles in adult learning: evaluating the use of adult learning styles in two courses of a masters program at the University of South Australia, unit Systems Engineering & Evaluation Centre. 2006. URL: <https://essay.utwente.nl/55961/> (дата обращения: 27.05.2022).

42. Мелешко Д. И. Использование образовательной стратегии «Зигзаг» в коммуникативно-ориентированном обучении чтению на уроках иностранного языка // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2016. Т. 59. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-obrazovatelnoy-strategii-zigzag-v-kommunikativno-orientirovannom-obuchenii-chteniyu-na-urokah-inostrannogo-yazyka> (дата обращения: 09.06.2023).

43. Oxford Learner's dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 01.06.2023).

44. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 01.06.2023).

References

1. Kazakova, O. P. (2014). *Delovoi inostrannyi yazyk kak raznovidnost' yazyka dlya spetsial'nykh tselei* [Business Foreign Language as a Kind of Language for Special Purposes]. O. P. Kazakova. Professional'no-orientirovannoe obuchenie inostrannym iazykam. T. 8, pp. 66–69. Ekaterinburg. (In Russian)

2. Komarova, A. I. (2010). *Funktsional'naya stilistika: nauchnaya rech'* [Functional Stylistics: Academic Speech]. Yazyk dlya spetsial'nykh tselei (LSP). Izd. 3-e. 192 p. Moscow, izdatel'stvo LKI. (In Russian)

3. Zagan-Zelter, D., Zagan-Zelter, S. (2010). *Teaching Business English - a Challenge Both for Students and Academics*. Social and Behavioral Sciences, Vol. 3, No. 1, pp. 245–250. (In English)

4. Gromkova, M. T. (2005). *Andragogika: teoriya i praktika obrazovaniya vzroslykh* [Andragogy: Theory and Practice of Adult Education]. Uchebnoe posobie dlya sistema dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya: dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po ped. spets. 495 p. Moscow, YuNITIDANA. (In Russian)

5. Zmeev, S. I. (2000). *Stanovlenie andragogiki: Razvitie teorii i tekhnologii obucheniia vzroslykh: dis. ... d-ra ped. nauk* [The Formation of Andragogy: The Development of the Theory and Technology of Adult Education: Doctoral Thesis]. 179 p. Moscow. (In Russian)

6. Merriam, S. B. (2007). *Adult Learning Theory: Evolution and Future Directions*. PAACE Journal of Lifelong Learning, Vol. 26, pp. 21–37. (In English)

7. Merriam, S. B., Caffarella, R. S., Baumgartner, L. M. (2007). *Learning in Adulthood: A Comprehensive*

- Guide (3rd ed.)*. 560 p. San Francisco, Jossey-Bass. (In English)
8. Kovačević, E. (2021). *Teaching Adult Language Learners: Enhancing Personal Methodologies*. 211 p. Sarajevo: Internatsionalni univerzitet u Sarajevu. (In English)
 9. Dudley-Evans, T., St John, M. (1998). *Developments in ESP: A Multi-Disciplinary Approach*. 320 p. Cambridge, Cambridge University Press. (In English)
 10. Presnukhina, I. A. (2017). *Prepodavanje angliiskogo yazyka delovogo obshcheniya v neyazykovom vuze* [Teaching Business English in a Non-Linguistic University]. Sovremennye metody obucheniya inostrannomu yazyku v neyazykovom vuze: kollektivnaya monografiya. M-vo obrazovaniya i nauki RF, Moskovskii politekhnicheskii universitet. 92 p. Tambov, OOO “Konsaltingovaya kompaniya Yukom”. (In Russian)
 11. Nazarenko, A. L. (2010). *K voprosu ob informatizatsii lingvisticheskogo obrazovaniya* [On the Issue of Informatization of Linguistic Education]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-informatizatsii-lingvisticheskogo-obrazovaniya-1> (accessed: 05.04.2022). (In Russian)
 12. Fadeeva, V. A. (2019). *Integratsiya IKT v protsess prepodavaniya inostrannogo (angliiskogo) yazyka na tret'ei stupeni vysshego obrazovaniya (opyt FIAR MGU im. M. V. Lomonosova)* [Integration of ICT in Teaching a Foreign (English) Language at the Third Stage of Higher Education (Experience of FIYAR Moscow State University named after M. V. Lomonosov)]. Aktual'nye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki v neyazykovom vuze: 3-ia Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. Moscow, izd-vo MGTU im. N. E. Bauman, pp. 214–217. (In Russian)
 13. *Ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 N 203 “O Strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii na 2017–2030 gody”* [Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 N 203 “On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030”]. URL: <http://base.garant.ru/71670570/> (accessed: 27.03.2022). (In Russian)
 14. *Federal'nyi zakon “Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii” ot 29.12.2012 №273-FZ* [Federal Law “On Education in the Russian Federation” dated December 29, 2012 No. 273-FZ]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (accessed: 27.03.2022). (In Russian)
 15. *Issledovanie rossiiskogo rynka onlain-obrazovaniya* [Research on the Russian Online Education Market]. URL: https://netology.ru/edtech_research_2022 (accessed: 15.06.2022). (In Russian)
 16. Sokolova, A. S. (2012). *Ispol'zovanie modeli smeshannogo obucheniya v prepodavanii nemetskogo yazyka na osnove platformy Moodle (na primere kursa Stranovedenie: Germaniya, Avstriya, Shveysariya dlya srednei shkoly)* [Using a Blended Learning Model in Teaching German based on the Moodle Platform (based on the course in Regional Studies: Germany, Austria, Switzerland for secondary school)]. A. S. Sokolova. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya, No. 1, pp. 185–191. (In Russian)
 17. Verderber, R., Verderber, K. (2003). *Psikhologiya obshcheniya* [Psychology of Communication]. 320 p. St. Petersburg, PRAIM-EVROZNAK. (In Russian)
 18. Penina, M. (2003). *The Seven E-learning Barriers Facing Employees*. Final Report. University of Louisville. URL: https://www.academia.edu/8420360/The_7_ELearning_Barriers_facing_Employees_-_Penina_Mungania (accessed: 27.05.2022). (In English)
 19. Tennant, M., Pogsan, P. (1995). *Learning and Change in the Adult Years. A Developmental Perspective*. 240 p. San Francisco, Jossey-Bass. (In English)
 20. Blondy, L. C. (2007). *Evaluation and Application of Andragogical Assumptions to the Adult Online Learning Environment*. Journal of Interactive Online Learning, Vol. 6, pp. 116–130. (In English)
 21. Pickett, M. (2009). *Overcoming Technology Barriers in Adult Online Learning Environments with Modular Instructional Design*. Proceedings of ASBBS, Vol. 16, No. 1, pp. 1–7. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.567.164&rep=rep1&type=pdf> (accessed: 02.04.2022). (In English)
 22. Donavant, B. W. (2009). *The New, Modern Practice of Adult Education: Online Instruction in a Continuing Professional Education Setting*. Adult Education Quarterly, Vol. 59, No. 3, pp. 227–245. (In English)
 23. Titova, S. V. (2011). *Informatsionno-kommunikatsionnaya kompetentsiya pedagogov i novye obrazovatel'nye standarty vysshei shkoly* [Information and Communication Competence of Teachers and New Educational Standards of Higher Education]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya, No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-kommunikatsionnaya-kompetentsiya-pedagogov-i-novye-obrazovatelnye-standarty-vysshey-shkoly> (accessed: 11.04.2022). (In Russian)
 24. Korchemkina, Yu. V., Uvarina, N. V. (2023). *Osobennosti virtual'noi obrazovatel'noi sredy dlya formirovaniya informatsionno-analiticheskikh umenii studentov* [Features of the Virtual Educational Environment for the Formation of Information and Analytical Skills of Students]. Uchenye zapiski universiteta Lesgafta, T. 216, No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-virtualnoy-obrazovatelnoy-sredy-dlya-formirovaniya-informatsionno-analiticheskikh-umeniy-studentov> (accessed: 01.06.2023). (In Russian)
 25. *Internet i sotsseti v nachale 2023 goda — glavnye tsifry Global Digital 2023* [Internet and Social Networks at the Beginning of 2023 - the Main Figures of Global Digital 2023]. URL: <https://vc.ru/marketing/596126-internet-i-socseti-v-nachale-2023-goda-glavnye-tsifry-global-digital-2023> (accessed: 01.06.2023).
 26. Tyukina, L. A. (2020). *Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii v iazykovom obuchenii v neiyazykovom vuze* [Information and Communication Technologies in Language Teaching at a Non-Linguistic University]. Lingvodidaktika v neyazykovom vuze: traditsionnye i innovatsionnye podkhody. Sbornik

nauchnykh trudov po materialam II-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Yaroslavl', izd-vo YaGTU. (In Russian)

27. Kibrik, A. A. (2010). *Mul'timodal'naya lingvistika* [Multimodal Linguistics]. A. A. Kibrik . Kognitivnye issledovaniia: sbornik nauchnykh trudov. T. 4. Moscow, izdatel'stvo "Institut psikhologii RAN", pp. 135–152. (In Russian)

28. Shevaldysheva, E. Z. (2019). *Mul'timodal'nye teksty v obuchenii inostrannomu yazyku* [Multimodal Texts in Teaching a Foreign Language]. Academy. T. 4. No. 43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/multimodalnye-teksty-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku> (accessed: 11.06.2022). (In Russian)

29. *Padlet*. URL: <https://padlet.com/> (accessed: 01.06.2023). (In English)

30. *Google Sites*. URL: <https://sites.google.com/> (accessed: 01.06.2023). (In English)

31. Conrad, R. M., Donaldson, J. A. (2004). *Engaging the Online Learner. Activities and Resources for Creative Instruction*. 160 p. San Francisco, Jossey-Bass. (In English)

32. Titova, S. V. (2017). *Tsifrovye tekhnologii v yazykovom obuchenii: teoriya i praktika* [Digital Technologies in Language Teaching: Theory and Practice]. 248 p. Moscow, Editus. (In Russian)

33. LeNoue, M., Hall, T., Eighmy, M. A. (2011). *Adult Education and the Social Media Revolution*. Adult Learning, Vol. 22, No. 2, pp. 4–12. (In English)

34. Palloff, R. M., Pratt, K. (2003). *The Virtual Student. A Profile and Guide to Working with Online Learners*. 216 p. San Francisco, Jossey-Bass. (In English)

35. *Miro*. URL: <https://miro.com/> (accessed: 01.06.2023). (In English)

36. *Google Jamboard*. URL: <https://jamboard.google.com/> (accessed: 01.06.2023). (In English)

37. *Zoom*. URL: <https://zoom.us/ru> (accessed: 01.06.2023). (In English)

38. *LearningApps*. URL: <https://learningapps.org/> (accessed: 01.06.2023). (In English)

39. *Wordwall*. URL: <https://wordwall.net/ru> (accessed: 01.06.2023). (In English)

40. *GetLocus*. URL: <https://getlocus.io/ru> (accessed: 01.06.2023). (In English)

41. Scholten, C. (2006). *The Use of Learning Styles in Adult Learning: Evaluating the Use of Adult Learning Styles in Two Courses of a Masters' Program at the University of South Australia*. Unit Systems Engineering & Evaluation Centre. URL: <https://essay.utwente.nl/55961/> (accessed 27.05.2022). (In English)

42. Meleshko, D. I. (2016). *Ispol'zovanie obrazovatel'noi strategii "Zigzag" v kommunikativno-orientirovannom obuchenii chteniyu na urokakh inostrannogo yazyka* [Using the "Zigzag" Educational Strategy in Communication-Oriented Teaching Reading in Foreign Language Lessons]. *Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii*, T. 59, No. 2. (In Russian)

43. *Oxford Learner's Dictionaries*. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed: 01.06.2023). (In English)

44. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 01.06.2023). (In English)

The article was submitted on 04.07.2023
Поступила в редакцию 04.07.2023

Бахтиозина Марина Георгиевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Московский Государственный Университет
имени М. В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1.
marbakh@mail.ru

Адасова Анастасия Евгеньевна,
магистр по направлению «Лингвистика»,
Московский Государственный Университет
имени М. В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1.
nastyavivo@yandex.ru

Bakhtiozina Marina Georgievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russian Federation.
marbakh@mail.ru

Adasova Anastasia Evgenevna,
Master of Linguistics,
Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russian Federation.
nastyavivo@yandex.ru

УДК 37.01

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-225-231

ЗНАЧИМОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭТАПА ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ

© Артем Гулов

SIGNIFICANCE OF THE REGIONAL STAGE OF THE ALL-RUSSIAN OLYMPIAD RESULTS

Artem Gulov

The Olympiad movement in domestic pedagogy is perceived simultaneously as a driver of the development of students' creative abilities and an alternative system for assessing their educational results. The problem of our research is associated with the implementation of Olympiad practices, in particular, with the results of the regional stage of the All-Russian Olympiad for Schoolchildren. The relevance of the study is due to the constantly increasing schoolchildren's participation and popularity of Olympiads in different subjects. For example, in the 2022-23 academic year, more than 20 million cases of participation were recorded. There is no doubt that the Olympiad movement is important for the development of students' creativity, however, schoolchildren tend to avoid intellectual competitions. Thus, the aim of the study is to examine additional external motivational factors that may improve the situation. As a theoretical framework of the study, the cultural approach was used along with the cultural theory of the education content. The main research methods are theoretical, including the analysis of scientific and methodological literature, regulatory documentation and tasks of the past years, categorization, induction and deduction. As a result, conclusions were made about the need to reform the Olympiad movement in the area of recognition of the significance of the regional stage results of the All-Russian Olympiad for Schoolchildren. We propose to take into account the effective participation in the Olympiads in the system of state final certification and equate the diploma of the winner and prize-winner of the regional stage with 85 and 75 points of the Unified State Exam, respectively. The article reveals prerequisites for such a reform, indicating a high level of competitions, with the transparency of the procedure for assessing and holding competitions under the direct control of the Ministry of Education. The theoretical significance of the study is refracted in the enrichment of pedagogical science in the field of the implementation of Subject Olympiads for Schoolchildren, its practical significance is the possibility of using the obtained results both to reform the procedure at the federal level and to recognize the significance of the regional stage results by universities when working with applicants.

Keywords: Olympiad, intellectual competitions, academic tests, regional stage, motivation

Олимпиадное движение в отечественной педагогике воспринимается одновременно как драйвер развития творческих способностей учащихся и альтернативная система оценивания образовательных результатов школьников. Проблема нашего исследования связана с реализацией олимпиадных практик, в частности, с результатами регионального этапа Всероссийской олимпиады школьников. Актуальность исследования обусловлена постоянно возрастающей массовостью и популярностью предметных олимпиад, так, в 2022-23 учебном году зафиксировано более 20 миллионов участий. Важность олимпиадного движения для развития креативности видится несомненной, однако наблюдаются тенденции отказа школьников от интеллектуальных состязаний. Таким образом, цель исследования – изучить дополнительные внешние мотивационные факторы, которые могут привести к нормализации ситуации. В качестве теоретической рамки исследования были использованы культурологический подход вместе с культурологической теорией содержания образования. Основные методы исследования – теоретические, среди которых – анализ научно-методической литературы, нормативной документации, заданий прошлых лет; категоризация, индукция и дедукция. В результате были получены выводы о необходимости реформации олимпиадного движения в плоскости признания значимости итогов регионального этапа Всероссийской олимпиады школьников. Было предложено учитывать результативное участие в олимпиадах в системе государственной итоговой аттестации и приравнять диплом победителя и призера регионального этапа к 85 и 75 баллам Единого государственного экзамена соответственно. Вскрыты предпосылки подобной реформы, указан высокий уровень состязаний вместе с прозрачностью

процедуры оценивания и проведения конкурсов под прямым контролем Министерства просвещения. Теоретическая значимость преломляется в обогащении педагогической науки в сфере реализации предметных олимпиад для школьников, практическая значимость выражается в возможности использовать полученные нами результаты как для реформирования процедуры ВСОШ на федеральном уровне, так и для признания значимости результатов регионального этапа университетами при работе с абитуриентами.

Ключевые слова: олимпиада, интеллектуальные состязания, академические тесты, региональный этап, мотивация

Для цитирования: Гулов А. Значимость результатов регионального этапа Всероссийской олимпиады школьников // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №3 (73). С. 225–231. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-225-231

Введение

Всероссийская олимпиада школьников является мощным мотивационным драйвером повышения качества знаний участников конкурсов наравне с развитием творческих способностей и креативного мышления школьников. Сложные задания с минимально заданным контекстом появляются в том числе и на региональном этапе ВСОШ, что обуславливает *актуальность* нашего исследования. Несмотря на массовость и популярность олимпиадного движения в отечественной образовательной практике, далеко не всегда традиционные школьные уроки способны обеспечить должный уровень подготовки к интеллектуальным состязаниям. Одновременно выделим сложность регионального этапа по всем предметам, достижения участников на котором обесцениваются недостаточными академическими бонусами в системе государственной аттестации. Таким образом, *проблема* исследования связана с реализацией олимпиадной подготовки в отечественной педагогической традиции, а также признанием результатов школьников на государственном уровне. На данный момент существенные академические льготы получают только дипломанты заключительного этапа, что в целом снижает мотивацию к участию школьников и повышает уровень фрустрированности участников, которые проявили выдающиеся способности, но не смогли преодолеть порог регионального этапа или стать призером финала. В нашем предыдущем исследовании мы отмечали нарастающие тенденции отказа школьников от интеллектуальных соревнований [1], и в рамках данной статьи мы ставим *цель* определить дополнительные внешние мотивационные факторы, которые могут привлечь учащихся к активному участию в олимпиадном движении.

Материалы и методы

В статье указывается на особенности олимпиадных заданий, которые служат для развития творческих способностей и креативного мышления школьников. В рамках анализа заданий подчеркивается междисциплинарность, метапред-

метность и креативность заданий. Мы убеждены, что на дидактическом уровне знаниевый подход к организации занятий априори не способен дать школьникам межпредметные и метапредметные умения и компетенции. Компетентностный подход, несмотря на его широкую декларацию, не используется абсолютно каждым школьным учителем, поэтому нестандартные задания творческой направленности, которые широко применяются в олимпиадных практиках, оказываются принципиально новым уровнем сложности для старшеклассников. Теоретической рамкой нашего исследования являются культурологический подход и *культурологическая теория* содержания образования [2], где в субъект-субъектных отношениях учащиеся получают социальный опыт, постигают культуру, осваивают творческую деятельность.

Методы исследования – преимущественно теоретические, среди которых выделим анализ научно-методической литературы, работа с нормативной документацией и заданиями прошлых лет, категоризация, индукция и дедукция. Мы опираемся также на собственные предыдущие исследования по теме развития олимпиадного движения, где эмпирической базой выступила работа со школьниками в рамках подготовки к муниципальному, региональному и заключительному этапам Всероссийской олимпиады по английскому языку в Центре педагогического мастерства (ЦПМ), город Москва.

Анализ научных трудов по теме показал широкую проработанность тематики предметных олимпиад как ВСОШ, так и перечневых конкурсов и олимпиад. Многие исследования посвящены анализу уровня сложности заданий ([3], [4]) и вопросам инноваций в оценивании ([5], [6]), в которых также предлагаются определенные методические рекомендации для учительской общестественности ([7], [8]). Зарубежные ученые изучают креативность и творческие способности школьников, которые формируются и развиваются посредством национальных и международ-

ных олимпиад [9], [10], [11], [12]. Некоторые работы посвящены психологическому состоянию школьников во время и после интеллектуальных состязаний [13], [14]. Тем не менее, аспекты государственного признания итогов олимпиады достаточно слабо изучены, что и формирует новизну нашего исследования.

Результаты

Ретроинновации в образовании в 21 веке приводят к переосмыслению накопленного педагогического опыта, к анализу давно разработанных концепций и выявлению их релевантности в современном контексте. Образовательные практики не стоят на месте: создаются как новые образовательные программы олимпиадных курсов в общеобразовательной школе, так и открываются новые образовательные учреждения (ЦПМ, Сириус), которые специализируются на реализации подобных программ в рамках дополнительного образования. Так, ученые считают: «Главная цель этих программ – помощь школьникам в самореализации и развитии талантов, создании долгосрочных индивидуальных образовательных маршрутов. Также они направлены на развитие сложных комплексных компетенций цифровой эпохи и обеспечение гармоничного взаимодействия обучающихся с *креативной* образовательной средой» [15, с. 68].

Мы согласны с данным мнением, но хотелось бы отдельно упомянуть понятие «креативность». Для некоторых западных ученых креативность есть *творчество* [16], что связано с однокоренными англоязычными словами *create* ('создавать', 'творить') и *creativity* ('креативность, способность к творчеству'). Однако в отечественной традиции существует разделение в понимании данной терминологии. Так, высказывается следующая мысль: «В отношении креативности можно предположить, что она является, с одной стороны, элементом творческого процесса, с другой – тесно связана с прагматической заинтересованностью в практическом результате и в этом отношении вступает в родство с инноватикой. Все три явления: творчество, креативность и инновационность – связаны с феноменом новизны» [17, с. 39]. Таким образом, мы понимаем *творчество* как родовое понятие, при этом творец может быть не заинтересован в быстром результате, тем более – прагматического толка. Шедевральные картины пишутся годами, рукописи, которые не горят, могут публиковаться через 30 лет после смерти автора, классические произведения находят своего слушателя через несколько веков – истинное *творчество* бессмертно, оно никуда не спешит, застывая в анналах мировой и отечественной

культуры. *Креативность* же нужна здесь и сейчас, для творческого решения насущных прикладных задач, для рассмотрения логических взаимосвязей между явлениями на другом уровне. Например, адепт латерального мышления Эдвард де Бонно высказывает мысль, что необходимо шире смотреть на вещи, не только вертикально, но и горизонтально, то есть «вбок» от традиционной схемы мышления [18]. Креативность – это контролируемый хаос, это продуцирование новых идей относительно старых понятий, в то время как творчество в его инновационном направлении может быть принципиально новым, что подтверждается рассуждениями ученых: «...креативность нацелена на поиск практического решения, и в этом смысле выработка креативной идеи – бег на короткие дистанции, причем с использованием существующего арсенала идей, которые можно применять в других конфигурациях и сочетаниях» [17, с. 40].

Подводя итоги вышеизложенному, отметим важную роль олимпиадного движения в развитии как творческих навыков, так и креативного мышления: именно в олимпиадах делается уклон на творчество. Таким образом, для создания пула молодых специалистов, которые способны функционировать в новом *нестабильном* мире, участие в предметных олимпиадах является важным фактором построения индивидуальной образовательной траектории.

Многие ученые говорят о смене парадигмы восприятия текущей реальности. Так, исследователь-футуролог Кашио считает, что наступила эпоха BANI-мира (*brittle, anxious, non-linear, incomprehensible* – 'хрупкий, тревожный, нелинейный, непостижимый'), в котором хаос – один из основополагающих компонентов [19]. Происходит трансформация высшей школы, на которую определенное влияние оказали факторы глобализации и цифровизации, поместившие мировое и отечественное образование в новые условия функционирования: «Цифровая образовательная среда в профессиональной деятельности преподавателя характеризуется как неопределенность, возникшая в результате технологического прогресса, цифровизации образования» [20, с. 32]. Средняя школа, как еще более консервативная система, чем вуз, испытывает подобные сложности в сложившейся ситуации – и олимпиадное движение в его отражении жизненных научно-технических проблем создает благоприятные условия для развития школьников. Однако участие в олимпиадах является добровольным, и школьники должны иметь определенную мотивацию – как внутреннюю, так и внешнюю, потому что государство и общество заинтересованы в

становлении творческих специалистов, которые смогут решать научные и производственные задачи в ближайшем будущем.

Среди основных факторов, привлекающих школьников к интеллектуальным состязаниям, можно выделить как внутреннюю тягу к знаниям и желание освоить дисциплину, так и прагматичное желание утилитарной направленности – диплом олимпиады дает определенные академические преимущества при зачислении в вузы на бюджет. Соединяясь в единое целое, внутренняя и внешняя мотивации приводят школьников в олимпиадное движение, давая определенный импульс развитию способностей учащихся. В психологическом исследовании поведения дипломантов в высшей школе указывается, что «бывшие победители и призеры олимпиад отличаются *значимо* более высокими показателями продуктивной внутренней учебной мотивации». Ученые продолжают свою мысль: «Победители олимпиад демонстрируют именно те характеристики, которые необходимы для успешного осуществления учебной деятельности, прежде всего – внутреннюю мотивацию и более продуктивные представления о средствах достижения учебных целей и мере владения ими, то есть механизмах и источниках эффективного учебного процесса» [21, с. 4]. Данные результаты вызывают вопросы и уточнения: можем ли мы считать истинными адептами олимпиадного движения тех школьников, которые проиграли заключительный этап или не прошли на него из-за 1-2 потерянных баллов? Очевидно, ограничения указанного нами исследования не позволили провести анализ дальнейшей учебы олимпиадников, которым не покорилась вершина Олимпа.

Статистические данные красноречивы: ежегодно по каждому предмету выдается 100-150 дипломов, которые получают самые достойные участники заключительного этапа ВСОШ. Официальная статистика Министерства просвещения говорит о 20 261 661 (!) случаях участия в школьном этапе, при этом на заключительном этапе – 6 512 участий, из которых 3 079 дипломов по 24 предметам [22] (см. табл. 1).

Таблица 1

Количество призеров и победителей в 2022-23 учебном году (ПиП)

Этап	Количество ПиП
школьный	5 814 285
муниципальный	811 735
региональный	55 112
заключительный	3 079

Фрустрация школьников и потеря желания участвовать в каких-либо интеллектуальных со-

стызаниях очевидна: 6 861 060 школьников в 2022-23 учебном году боролись за 3079 дипломов. Несмотря на наличие вузовских олимпиад, куда и направляют свои усилия проигравшие школьники, в целом конкуренция в олимпиадном движении приобретает гротескный характер. Например, по английскому языку проходные баллы для 11 класса в 2022-23 гг. и в 2021-2022 гг. составили 94 балла из 100 возможных на региональном этапе, в 2020-21 – 91 балл. Необходимо также учитывать, что задания регионального этапа сложнее, чем контрольно-измерительные материалы ЕГЭ, что приводит нас к мысли о необходимости признания *значимости* этих результатов. Например, по английскому языку уровень ЕГЭ – В2, в то время как уровень регионального этапа – фактически С1, что дает по Европейской шкале уровней языка существенный прирост сложности, как лексико-грамматический, так и в плоскости интерпретации высказанных идей в аудировании и чтении.

Напомним, что диплом финала ВСОШ и ряда перечневых олимпиад дает автоматически 100 баллов ЕГЭ по профилю, соответственно, видится важным задуматься о связи успешного участия в *региональном* этапе Всероссийской олимпиады школьников и потенциальным получением академических бонусов, связанных с государственной итоговой аттестацией. Отдельно подчеркнем, что в существующей системе рейтингования школ в московском регионе (и многих других) каждый призер и победитель регионального этапа приносит определенные баллы в итоговую «копилку», поэтому администрации школ всячески поддерживают функционирование олимпиадного движения в образовательном учреждении на высоком уровне. Однако существенные бонусы академического плана сами школьники получают только при завоевании диплома на заключительном этапе, что вызывает определенные противоречия и отказ от участия – олимпиадное движение требует много труда и времени, но результат никак не гарантирован, даже если учащиеся отдают все силы только одному предмету, порой в ущерб сбалансированной учебной программе.

Дискуссии и обсуждения

Учитывая предпосылки реформы:

1) важность олимпиад для развития креативности, творческих компетенций, метапредметных навыков;

2) фрустрация многих школьников по итогам ничтожно малого шанса (всего 3000 дипломов на почти 7 миллионов участников) на получение диплома заключительного этапа;

3) высокий уровень сложности заданий регионального этапа (выше школьной программы), который проводится в единый день по всей стране по одинаковому комплексу контрольно-измерительных материалов; разработчиком выступает федеральная предметно-методическая комиссия, оценивание происходит на региональных площадках с привлечением профессорско-преподавательского состава;

4) безопасность процедуры проведения конкурсов на региональном этапе – наличие наблюдателей в аудиториях, в том числе общественных, использование камер, возможность выборочной перепроверки работ по инициативе Министерства просвещения федеральными экспертами;

5) возможность для старшеклассников в период 9-11 классов постепенно зарабатывать дипломы победителя и призера регионального этапа по разным предметам, что как позволит снизить общую интеллектуальную нагрузку в выпускном классе, так и в целом уменьшит поток участников ЕГЭ, которым не нужно будет подтверждать результаты олимпиады,

считаем важным признать *значимость* результатов регионального этапа. Вскрытые организационно-педагогические условия реализации ВСОШ говорят о необходимости реформации олимпиадного движения: диплом данного этапа как компонент альтернативной системы оценивания образовательных результатов школьников *должен* приравниваться к 75-85 баллам ЕГЭ (призер и победитель соответственно). Отдельно подчеркнем, что признание результатов регионального этапа позволит поднять *мотивацию* к участию, что даст импульс конкуренции, повысит качество олимпиадных курсов, как следствие, обеспечит повышение уровня креативности молодежи, которая придет на программы бакалавриата и специалитета в университеты.

Выводы

В отечественной традиции проведения интеллектуальных состязаний школьный, муниципальный и *региональный* этапы воспринимаются как отборочные мероприятия перед заключительным туром Всероссийской олимпиады школьников. Однако ряд признаков указывают на самостоятельный высокий статус данного академического проекта: очное проведение по единому комплексу заданий, который разрабатывается Центральной предметно-методической комиссией; привлечение высококлассных региональных специалистов к оцениванию работ; прозрачность процедуры апелляции; прямой контроль Министерства просвещения и т. д. Уровень сложности заданий – выше школьной програм-

мы, что позволяет говорить о релевантности и валидности результатов учащихся, которые могут восприниматься как альтернативная система учета образовательных достижений. Среди вузовских олимпиад, результаты которых признаются Российским советом олимпиад школьников, существует градация 3 уровней – соответственно, региональный этап может быть приравненным к одному из них.

В нашем исследовании мы рассмотрели некоторые аспекты проведения Всероссийской олимпиады школьников, которые подтвердили важность и значимость результатов регионального этапа данного интеллектуального состязания. Нами были вскрыты предпосылки реформирования признания данных результатов на государственном уровне в системе государственной итоговой аттестации, что и обуславливает теоретическую значимость исследования, обогащая педагогические знания об олимпиадном движении школьников. На практическом уровне наши выводы могут быть использованы как для внедрения на федеральном уровне, так и приниматься во внимание университетами при работе с абитуриентами, начисляя им дополнительные баллы при конкурсе портфолио. Как правило, призеры и победители регионального этапа получают высокие баллы ЕГЭ, что позволяет задуматься об отмене «двойного» тестирования и снять лишнюю учебную и экзаменационную нагрузку со школьников.

Список источников

1. Гулов А. П. Олимпиадное движение в современном контексте: мотивация участия и причины отказа от состязаний // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2023. № 2. С.10–22.
2. Теоретические основы содержания общего среднего образования. Под ред. В. В. Краевского, И. Я. Лернера. М.: Просвещение. 1983. 352 с.
3. Раева А. В. Принципы создания творческих заданий для 9-11 классов на муниципальном этапе ВСОШ по литературе // Вестник Саратовского областного института развития образования. 2021. № 2 (26). С. 92–95.
4. Хальзова Н. А. Вузовская олимпиада школьников как инструмент мониторинга качества образования в регионе // Проблемы высшего образования. Тихоокеанский государственный университет. 2018. №1. С. 293–294.
5. Алексашина И. Ю. Инновации в системе оценки качества образования: от метапредметных результатов образовательной деятельности к функциональности грамотности школьников // Педагогическая наука и практика. 2021. № 3 (33). С. 64–70.
6. Никитин Д. И., Николаева В. В., Соколова Е. И. Актуальные проблемы объективности оценивания олимпиадных работ участников Всероссийской олим-

пиады школьников и пути их преодоления // Эффективные практики оценки качества образования. 2020. № 1 (9). С. 18–23.

7. Богданова О. Н. Становление метапредметной компетентности учителя, работающего с интеллектуально одаренными школьниками, в процессе дополнительного профессионального образования // Вестник БелИРО. 2019. Т. 6, № 3 (13). С. 19–27.

8. Савцова В. И. Применение дистанционного обучения при подготовке обучающихся к олимпиадам по информатике // Трибуна ученого. 2022. № 6. С. 107–110.

9. Ahmed N., Urmi T., & Tasmin M. Challenges and opportunities for young female learners in STEM from the perspective of Bangladesh. Paper presented at the Proceedings of 2020 IEEE International Conference on Teaching, Assessment, and Learning for Engineering, TALE 2020. Pp. 39–46.

10. Ardura D., & Pérez-Bitrián A. (2019). Motivational pathways towards academic achievement in physics & chemistry: A comparison between students who opt out and those who persist. Chemistry Education Research & Practice, No. 20. Pp. 618–632.

11. Combéfis S., & Paques A. (2015). Organising national olympiads in informatics: A review of selection processes, trainings and promotion activities. Paper presented at the Olympiads in Informatics, No. 9. Pp. 15–26.

12. Thomazoni J. G., Matos J. B., Spigolon C. C., Menegon L. F., Figueredo Leal, J. M., Araldi S., Villas-Boas, V. (2021). Preparing girls for mathematics olympiad. Paper presented at the International Symposium on Project Approaches in Engineering Education, No. 11. Pp. 339–346.

13. Абрамова Л. А. Повышение роли профориентации участников олимпиад школьников в их дальнейшем образовании и профессиональном самоопределении // Высшее образование сегодня. 2019. № 10. С. 47–51.

14. Трубина И. И. Педагогические условия достижения финалистами олимпиады по искусственному интеллекту высоких результатов // Информатика и образование. 2022. № 37(1). С. 69–78.

15. Азбель А. А., Смирных Н. Н., Илюшин Л. С. Мотивационные письма подростков: от самопрезентации к пониманию себя // Педагогика. 2023. Т. 87, № 5. С. 68–78.

16. Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта // Психология мышления / Под ред. А. М. Матюшкина. М.: Прогресс, 1965. 533 с.

17. Хангельдиева И. Г. Креативность и инновационность в педагогической практике: вчера, сегодня и завтра // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2022. № 4. С. 36–60.

18. Де Боно Э. Латеральное мышление. СПб.: Питер Паблишинг, 1997. 320 с.

19. Cascio J. The apocalypse: It's not the end of the world. Bulletin of the Atomic Scientists, 2019, 75(6). Pp. 269–272

20. Зеер Э. Ф., Резер Т. М., Сыманюк Н. В. Трансформация функций преподавателей высшей школы в условиях неопределенности: постановка

проблемы // Образование и наука. 2023. Т. 25, № 5. С. 12–48.

21. Гордеева Т. О., Осин Е. Н. Особенности мотивации достижения и учебной мотивации студентов, демонстрирующих разные типы академических достижений (ЕГЭ, победы в олимпиадах, академическая успеваемость) // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 24. С. 4–7.

22. Центр олимпиадного движения. URL: <https://vserosolimp.edsoo.ru/> (дата обращения: 14.07.2023)

References

1. Gulov, A. P. (2023). *Olimpiadnoe dvizhenie v sovremennom kontekste: motivatsiya uchastiya i prichiny otkaza ot sostyazanii* [Olympic Movement in the Modern Context: Motivation for Participation and Reasons for Refusal to Compete]. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. No. 2, pp. 10–22. (In Russian)

2. *Teoreticheskie osnovy sodержaniya obshhego srednego obrazovaniya* (1983) [Theoretical Basis of General Secondary Education Content]. Pod red. V. V. Kraevskogo, I. Ya. Lerner. 352 p. Moscow, Prosveshhenie. (In Russian)

3. Raeva, A. V. (2021). *Printsipy sozdaniya tvorcheskikh zadaniy dlya 9-11 klassov na munitsipal'nom etape VSOSh po literature* [Principles of Creating Creative Tasks for Grades 9-11 at the Municipal Stage of the All-Russian Olympiad for Schoolchildren in Literature]. Vestnik Saratovskogo oblastnogo instituta razvitiya obrazovaniya. No. 2 (26), pp. 92–95. (In Russian)

4. Hal'zova, N. A. (2018). *Vuzovskaya olimpiada shkol'nikov kak instrument monitoringa kachestva obrazovaniya v regione* [University Olympiad of Schoolchildren as a Tool for Monitoring the Quality of Education in the Region]. Problemy vysshego obrazovaniya. Tikhookeanskii gosudarstvennyi universitet. No. 1, pp. 293–294. (In Russian)

5. Aleksashina, I. Yu. (2021). *Innovatsii v sisteme otsenki kachestva obrazovaniya: ot metapredmetnykh rezul'tatov obrazovatel'noi deyatel'nosti k funktsional'nosti gramotnosti shkol'nikov* [Innovations in the System of Assessing the Quality of Education: From Meta-Subject Results of Educational Activities to the Functionality of Schoolchildren's Literacy]. Pedagogicheskaya nauka i praktika. No. 3 (33), pp. 64–70. (In Russian)

6. Nikitin, D. I., Nikolaeva, V. V., Sokolova, E. I. (2020). *Aktual'nye problemy obektivnosti otsenivaniya olimpiadnykh работ uchastnikov Vserossiiskoi olimpiady shkol'nikov i puti ih preodoleniya* [Current Problems of Objective Evaluation of the Olympiad Works of Participants of the All-Russian Olympiad for Schoolchildren and the Ways to Overcome Them]. Effektivnye praktiki otsenki kachestva obrazovaniya. No. 1 (9), pp. 18–23. (In Russian)

7. Bogdanova, O. N. (2019). *Stanovlenie metapredmetnij kompetentnosti uchitelya, rabotayushhego s intellektual'no odarennyimi shkol'nikami, v protsesse dopolnitelnogo*

- professional'nogo obrazovaniya* [Development of Meta-Subject Competence of a Teacher Working with Intellectually Gifted Students in the Process of Additional Professional Education]. Vestnik BellRO. Vol. 6, No. 3 (13), pp. 19–27. (In Russian)
8. Savtsova, V. I. (2022). *Primenenie distantsionnogo obucheniya pri podgotovke obuchayushhihsya k olimpiadam po informatike* [The Use of Distance Learning in the Preparation of Students for Olympiads in Informatics]. Tribuna uchenogo. No. 6, pp. 107–110. (In Russian)
9. Akhmed, N., Urmi, T., & Tasmin, M. (2020). *Challenges and Opportunities for Young Female Learners in STEM from the Perspective of Bangladesh*. Paper presented at the Proceedings of 2020 IEEE International Conference on Teaching, Assessment, and Learning for Engineering, TALE, pp. 39–46. (In English)
10. Ardura, D., & Pérez-Bitrián A. (2019). *Motivational Pathways towards Academic Achievement in Physics & Chemistry: A Comparison between Students Who Opt Out and Those Who Persist*. Chemistry Education Research & Practice, No. 20, pp. 618–632. (In English)
11. Combéfis, S., & Paques, A. (2015). *Organising National Olympiads in Informatics: A Review of Selection Processes, Trainings and Promotion Activities*. Paper presented at the Olympiads in Informatics, No. 9, pp. 15–26. (In English)
12. Thomazoni, J. G., Matos, J. B., Spigolon, C. C., Menegon, L. F., Figueredo Leal, J. M., Araldi, S., Villas-Boas, V. (2021). *Preparing Girls for Mathematics Olympiad*. Paper presented at the International Symposium on Project Approaches in Engineering Education, No. 11, pp. 339–346. (In English)
13. Abramova, L. A. (2019). *Povyshenie roli proforientatsii uchastnikov olimpiad shkol'nikov v ih dal'neishem obrazovanii i professional'nom samoopredelenii* [Increasing the Role of Career Guidance of Participants in Schoolchildren's Olympiads in Their Further Education and professional Self-Determination]. Vysshee obrazovanie segodnya. No. 10, pp. 47–51. (In Russian)
14. Trubina, I. I. (2022). *Pedagogicheskie usloviya dostizheniya finalistami olimpiady po iskusstvennomu intellektu vysokikh rezul'tatov* [Pedagogical Conditions Ensuring High Results for the Finalists of the Olympiad in Artificial Intelligence]. Informatika i obrazovanie. No. 37(1), pp. 69–78. URL: doi 10.32517/0234-0453-2022-37-1-69-78. (In Russian)
15. Azbel', A. A., Smirnykh, N. N., Ilyushin, L. S. (2023). *Motivatsionnye pis'ma podrostkov: ot samoprezentatsii k ponimaniyu sebya* [Teen's Motivational Letters: From Self-Presentation to Self-Understanding]. Pedagogika. Vol. 87, No. 5, pp. 68–78. (In Russian)
16. Gilford, Dzh. (1965). *Tri storony intellekta* [Three Sides of Intelligence]. Psihologiya myshleniya. Pod red. A. M. Matyushkina. 533 p. Moscow, Progress. (In Russian)
17. Khandel'dieva, I. G. (2022). *Kreativnost' i innovatsionnost' v pedagogicheskoi praktike: vchera, segodnya i zavtra* [Creativity and Innovation in Pedagogical Practice: Yesterday, Today and Tomorrow]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20: Pedagogicheskoe obrazovanie. No. 4, pp. 36–60. (In Russian)
18. De Bono, E. (1997). *Lateral'noe myshlenie* [Lateral Thinking]. 320 p. St. Petersburg, Piter Publishing. (In Russian)
19. Cascio, J. (2019). *The Apocalypse: It's Not the End of the World*. Bulletin of the Atomic Scientists. No. 75(6), pp. 269–272. (In English)
20. Zeer, E. F., Rezer, T. M., Symanyuk, N. V. (2023). *Transformatsiya funktsii prepodavatelei vysshei shkoly v usloviyah neopredelennosti: postanovka problemy* [Transformation of the Capabilities of Higher School Teachers in Conditions of Uncertainty: Problem Statement]. Obrazovanie i nauka. Vol. 25, No. 5, pp. 12–48. (In Russian)
21. Gordeeva, T. O., Osin, E. N. (2012). *Osobennosti motivatsii dostizheniya i uchebnoi motivatsii studentov, demonstriruyushhikh raznye tipy akademicheskikh dostizhenii (EGE, pobedy v olimpiadakh, akademicheskaya uspevaemost')* [Peculiarities of Achievement and Learning Motivation in Students Exhibiting Different Types of Academic Achievements (Uniform State Examination (USE) scores, academic competition results, academic records)]. Psihologicheskie issledovaniya. Vol. 5, No. 24, pp. 4–7. (In Russian)
22. *Centr olimpiadnogo dvizheniya* [The Center for Olympiad Movement]. URL: <https://vserosolimp.edsoo.ru/> (accessed: 14.07.2023). (In Russian)

The article was submitted on 26.08.2023

Поступила в редакцию 26.08.2023

Гулов Артем Петрович,

кандидат педагогических наук,
доцент,
Московский государственный институт
международных отношений МИД России,

119454, Россия, Москва,
проспект Вернадского, 76.
gulov@tea4er.org

Gulov Artem Petrovich,

Ph.D. in Pedagogy,
Associate Professor,
Moscow State Institute of International
Relations of the Ministry of Foreign Affairs
of Russia,

76 Vernadskogo Prospect,
Moscow, 119454, Russian Federation.
gulov@tea4er.org

УДК 378.02:372.8

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-232-237

ТЕХНОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ РОМАНА И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ» И СТИХОТВОРЕНИЯ И. А. БУНИНА «БУШУЕТ ПОЛАЯ ВОДА...» ИНОСТРАННЫМИ ЧИТАТЕЛЯМИ

© Елена Маранцман

FOREIGN READERS' LEARNING STRATEGIES FOR STUDYING IVAN GONCHAROV'S NOVEL "OBLOMOV" AND IVAN BUNIN'S POEM "THE HOLLOW WATER IS RAGING ..."

Elena Marantsman

The article deals with innovative methods of working with text in the process of studying Russian literature by international students. We present an integrative structure of working with text in Russian as a foreign language, which includes not only a special type of its analysis, but also the use of extra-text components. The article describes the technology of conducting a primary analysis of the text of fiction using questions on all spheres of readers' perception. Such an innovative method of teaching the Russian language and culture to international students makes it possible to pay special attention to the methodological invariant of the implementation of literary works in various types of art as a linguodidactic technology focused on the cultural paradigm. The article shows the sequence of work with metaphor as the image-symbol of the whole literary work. It is this technique that allows you to find in the text an object that reflects the main concepts of the work. Thus, a multifaceted understanding of the complex works of Russian classical literature, necessary for a good literary education of international students, is carried out. We pay close attention to working with texts of large formats with a multi-vector distribution of meanings. We thoroughly describe the technology of working with poetic texts of classical Russian literature, which are both difficult to perceive and necessary to understand the peculiarities of Russian literature and the Russian soul.

Keywords: translating literature into various forms of art, counterfeiting, methodology of teaching literature, perception of Russian literature by international students, methods, techniques, technologies for studying a literary text, perception

В статье рассматриваются инновационные методы работы с текстом в процессе изучения произведений русской литературы иностранными студентами. Показана интегративная структура работы с текстом в системе РКИ, которая включает не только особый вид его анализа, но и применение внетекстовых компонентов при работе с ним. Представлена технология первичного анализа текста художественной литературы с использованием вопросов на все сферы читательского восприятия. Такая инновационная методика обучения иностранных студентов русскому языку и культуре позволяет уделять особое внимание работе с методическим инвариантом претворения литературных произведений в разных видах искусства как технологии лингводидактики, ориентированной на культурологическую парадигму. Показана последовательность работы с метафорой как с образом-символом всего произведения. Именно этот прием позволяет найти в тексте объект, в котором отражаются основные концепты произведения. Таким образом, осуществляется многогранное понимание сложных произведений русской классической литературы, необходимых для глубокого литературного образования иноязычных студентов. Пристальное внимание уделяется работе с текстами больших форматов, где наблюдается многовекторное распределение смыслов. Подробно показана технология работы с поэтическими текстами классической русской литературы, столь сложными для восприятия, сколь и нужными для понимания особенностей русской литературы и русской души.

Ключевые слова: претворение литературы в разных видах искусства, противочувствие, методика преподавания литературы, восприятие русской литературы иностранными студентами, методы, приемы, технологии изучения художественного текста, восприятие

Для цитирования: Маранцман Е. Технологии изучения романа И. А. Гончарова «Обломов» и стихотворения И. А. Бунина «Бушует поляя вода...» иностранными читателями // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №3 (73). С. 232–237. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-232-237

Русский язык как иностранный невозможно изучать механически, выучивая только правила орфографии и пунктуации. Это свойство всех языков, но русский стоит особняком вследствие своей уникальной, богатой и разнообразной художественной литературы. Поэтому при работе с русским языком необходимо подбирать такие литературные произведения, которые могут достаточно прямо указать на основные свойства русского характера.

Русскую литературу иностранцы изучают как великую, непостижимую, иную по отношению к западноевропейской. И поэтому именно изучение русской культуры становится ключом к постижению русской души иностранцами. Об особенностях изучения смыслов русского сознания писали Д. И. Овсяннико-Куликовский [1], А. Ф. Лосев [2]. Ю. М. Лотман, обозначая различия русского и европейского «ощущения мира», пишет: «Один из основных вопросов, которые ставит текст, может быть описан следующим образом. В ряде европейских языков имеется категория артиклей, разделяющая имена на погруженные в очерченный мир вещей, лично знакомых, интимных по отношению к говорящему, и предметов отвлеченного, общего мира, отраженного в национальном языке. Отсутствие в русском языке артиклей не означает отсутствие данной категории. Она только выражается другими средствами» [3, с. 120]. Традиционно основными текстами для изучения считаются произведения Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и Ф. М. Достоевского. И. А. Гончаров в этот перечень почти никогда не входит, хотя именно его «Обломов» напрямую связан с размышлениями о разности душ – русской и европейской. Этот роман очень большой (более 600 страниц текста, 4 части, в каждой 11-12 глав), содержит много описаний, рассуждений, написанных не современным русским языком. Он содержит много метафор, сравнений, олицетворений, эпитетов, инверсий и других средств выразительности речи, которые затрудняют понимание смысла текста, но являются неотъемлемой частью слога И. А. Гончарова и вообще текста первой половины XIX века (роман создавался с 1847 по 1859 год и опубликован впервые в 1859 году). Его трудно читать современному человеку, для которого русский язык родной, что уж говорить про иностранцев!

Изучение же этого романа очень важная составляющая для понимания русского сознания и

для тех иностранцев, кто изучает русский язык и литературу, для которых русистика становится профессией. Именно в этом романе рассматриваются вопросы различного понимания ценностей русского и европейца, обнажается поэтичность русского характера, его ранимость и обаяние. Ведь недаром все российские школьники (а по сегодняшнему ФГОС роман изучается в 10 классе средней школы) всегда задаются вопросом: «Почему в России девочки, любя „обломовых“ выходят замуж за „штольцев“?»

Мы же предлагаем более глубокий и в то же время очень простой вопрос: «Почему в романе из всех главных героев умирает только Обломов, остальные остаются жить?»

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть такую художественную деталь, как халат Обломова. В романе это «настоящий восточный халат, без малейшего намека на Европу» [4, с. 49]. Как известно, И.А. Гончаров, автор «Фрегата „Паллады“», имел представление о восточной культуре, и в описании халата определение «восточный» отнюдь не случайно, тем более что далее идет своего рода уточнение: халат ни в коем случае не «европейский». То, что эта одежда, с которой практически не расставался герой, является отражением его души, никогда не вызвало споров, но если, с одной стороны, этот халат чаще всего связывают с бездействием Обломова, неспособностью поменять что-либо в своей жизни, то, с другой стороны, бездействие, с «восточной» точки зрения, может рассматриваться как размеренность, а пассивное наблюдение за течением жизни как созерцательность. То, что связывается в сознании героя с активной деятельностью, суетливостью и ассоциируется с «западным» образом жизни, вызывает у него неприятие, отсюда и халат, где нет ничего от «европейского». Таким образом, эта художественная деталь является отражением конфликта двух картин мира. Так и душа Обломова: мечется, ищет, в ней нет места застою и лени. А эпизод, когда герой, слушая пение Ольги Ильинской, чувствует, как зарождается большая любовь к ней, должен убедить читателя в том, что душа Обломова к тому же еще и нежная, тонкая, чувственная. Необходимо обратить внимание студентов на фильм режиссера Н.С. Михалкова «Несколько дней из жизни Обломова», где создатели картины смогли подчеркнуть эту мяг-

кость и чувственность героя, представить поэтический образ главного героя.

Весьма важен музыкальный образ, который в тексте романа обозначит мелодия «Casta Diva», что поет Ольга Ильинская. Именно тогда, когда звучит эта ария, Обломов понимает, что он любит Ольгу. Мы предлагаем студентам прослушать каватину Нормы и обозначить рукой движение мелодии арии. Проведя такие манипуляции, они открывают и восторг высокого духовного подъема, и безысходность медленного угасания после нескольких неудачных попыток пробиться к свету. В этой арии словно сосредоточена история Обломова: в ней и очарование будущим, восторженное стремление к вершинам, и – постепенное медленное сгорание, затухание, увядание.

Следует отметить, что включение музыкального рефрена любви Обломова и Ольги происходит у студентов на интуитивном уровне. Мы не вдаемся в подробности сюжета оперы Беллини, содержания самой арии Нормы, мы своими действиями заставляем почувствовать нерв, который есть и в мелодии, и в романе.

Подчеркнем, что отношения Обломова с женой, Пшеницыной, совершенно лишены всякой музыкальности. Студенты, отвечая на вопрос, какая мелодия могла бы сопровождать их любовь, не могут найти сколько-нибудь адекватного аналога. Или это примитивные мелодии сегодняшнего дня. На вопрос: «Почему Гончаров не вводит музыкальную деталь, связанную с Пшеницыной, в текст романа», отвечают, что такой мелодии нет и не может быть вовсе, потому что отношения с Пшеницыной приземлены, прагматичны, это можно иллюстрировать только популярными песенками. А настоящая музыка прищипана только возвышенной любви.

Пытаясь найти ответ на вопрос, почему же Обломов предпочитает земную Агафью Пшеницыну высокой и утонченной Ольге Ильинской, выясняем, что ответ оказывается очень прост: мы находим его в одном из сочинений иностранного студента, который объяснил суть романа так:

«Ольга Ильинская совсем не любила Обломова, так как не понимала его. Она была просто земной женщиной, как и Пшеницына. А Обломов думал, что она просто небесное существо. Он ошибся. И с Пшеницыной он не смог быть, ему нужна была неземная женщина. А таких нет. Такие есть только в музыке. Это и понял Обломов, когда слушал арию „Нормы“. Поэтому он и умер!»

Этот студент, который не обладает широким культурным полем в плане знания русской классической литературы, почувствовал глубинную

сущность произведения и авторских идей. Именно такое амбивалентное понимание образа Обломова очень важно при анализе романа иностранными студентами. Не черно-белое, а цветное, даже акварельное понимание художественной литературы создает объемное понимание ее молодыми людьми, обеспечивает притягательность классической русской литературы.

Приведенный выше ответ студента стал возможен именно благодаря интерпретации романа через музыкальную сторону. Такому результату способствовало проведение «эвритмических» [5, с. 17] манипуляций, которые позволили перевести музыку в движение. Этот прием привел к тому, что суть стала понятна и без текста. Такая технология «претворения литературных произведений в других видах искусства» [6, с. 114] подробно описана В. Г. Маранцманом и применяется в методике обучения литературе носителей языка. Нам удалось перенести ее на материал РКИ, и здесь это тоже дает положительные результаты.

Едва ли можно кого-то винить в том, как все сложилось у Обломова, и в то же время «неправы все». Эта «ненатянута струна жизни», трагедия ущербности полярных сознаний могут гармонизироваться любовью только при равных бережных усилиях двоих. И это тоже заданная интерпретация.

В искусстве как системе, построенной на «противочувствии» [7, с. 121] важен не выбор интерпретационной позиции, а рассмотрение ее движения. Такая работа со смыслами текста составляет не констатирующий интерес, а исследовательский.

Немаловажным приемом анализа текста в современной методике РКИ является его визуализация, причем она не только уточняет смысл отдельных слов и словосочетаний, но и помогает выстраивать концепцию понимания всего произведения в целом.

Этому и посвящена наша работа с текстом знакового романа для всех нас – иностранцев и российских граждан. Именно объемное рассмотрение не только текстовых, но и внетекстовых компонентов работы над произведением приводит к результату – глубокому пониманию и сочувствию героям.

Визуализация сегодня едва ли главный прием при изучении чего бы то ни было. Но она бывает разной. Главное в использовании этого приема не перейти к банальной иллюстрации объектов, к использованию картинок для оживления воображения читателя. Визуализация может стать мощным аппаратом работы с текстом, стать полноценным участником его анализа.

Покажем некоторые элементы такой работы на примере анализа стихотворения И. А. Бунина «Бушует полая вода...» [8, с. 75]. Это произведение для анализа нами выбрано не случайно. Все дети нашей страны знают его наизусть. Оно изучается уже в начальной школе не потому, что оно простое для анализа, а оттого, что в нем заключается русский код – описательный, богатый словесно и душевно.

Мы предлагаем студентам прочитать стихотворение и, перед тем как начать его анализировать, посмотреть репродукции следующих картин русских художников: А. К. Саврасова «Грачи прилетели» [9], И. И. Левитана, «Март» [10] и К. Ф. Юона «Весенний солнечный день. Сергиев посад» [11]. Мы просим студентов распределить эти картины по тексту стихотворения. Обсуждаем начало и конец каждого из них. Тем самым не только создаем адекватное времени и событию впечатление от произведения, но и проясняем смыслы, их изменения по мере чтения текста.

Очень важно, что все картины написаны русскими художниками примерно в одно время. И они практически совпадают со временем написания стихотворения И. А. Бунина (1892 год). И только после такой работы с текстом мы переходим к анализу произведения. Он может быть более или менее глубоким, но сначала необходимо провести его как анализ художественного произведения по сферам читательского восприятия. Эта технология описана В. Г. Маранцманом как инвариант методики обручения литературе. Мы адаптировали ее для обучения иностранных студентов. Схема анализа произведения представлена в виде последовательного движения от эмоций читателя к смыслу произведения [6, с. 132]. Такой порядок работы с текстом обусловлен психологическими законами восприятия текста. Начинаем с определения эмоций читателя, их палитры, а не только односложных – радость, счастье и т. п. Этому способствует работа с картинами, которые представлены выше. Последовательный, построчный анализ текста позволяет избежать простой ориентации студентов на слово «грач» – «Грачи прилетели» – «Грачей пролетные стада» и перейти к рассмотрению следующих строф стихотворения. В этом огромное значение имеет очень тщательная работа с метафорами. Сначала выделим все метафоры в тексте. Некоторые из них – общеупотребительные в русском языке, другие – авторские. Особое значение имеет работа с авторскими метафорами. Например, «зайчики». Эту метафору можно не только пояснить, но и продемонстрировать в солнечный день. Также необходимо поработать

над пониманием студентами такого средства выразительности, как олицетворение:

«Кругом вода журчит, сверкает,
Крик петухов звучит порой,
А ветер, мягкий и сырой,
Глаза тихонько закрывает» [8, с. 251].

Понимание того, почему может закрывать глаза ветер, становится предметом обсуждения этого фрагмента со студентами. И здесь важно обратить внимание на яркость первых двух строк, и на то, что ветер – мягкий, то есть не яркий. И глаза он закрывает тихонько. То есть ему присуща некоторая камерность в действиях.

Следующий этап работы – написание партитуры чувств – обозначение изменения читательских эмоций студентами. В этом помогает работа с картинами.

Продлав такую работу, можно приступать к ответам на вопросы по сферам читательского восприятия.

1. Как меняются ваши эмоции при чтении стихотворения?
2. Как вы думаете, почему автор считает, что все рады весне? Проанализируйте строчку текста «Весна, весна! И все ей радо».
3. Перескажите своими словами строфу:

«Дымятся черные бугры,
И утром в воздухе нагретом
Густые белые пары
Напоены теплом и светом».

4. А как у вас начинается весна? Расскажите об этом.
5. Как вы понимаете метафору «зайчики» в тексте?
6. Как вы думаете, в целом это стихотворение радостное или печальное? Найдите слова для определения своего отношения к этому стихотворению.
7. Как в тексте показано, что речь идет о ранней весне?

Первые два вопроса ориентированы на осмысливание эмоций читателя по поводу стихотворения. Вторые два углубляют эмоциональную составляющую за счет вопросов на воссоздающее и творческое воображение. Известно, что эмоция – это самая неустойчивая психологическая категория – психическое состояние. И она нуждается в поддержке воображения, как воссоздающего, так и творческого. Следующие два вопроса направлены на осмысливание текста как с точки зрения художественной детали – микроуровень, так и с точки зрения композиции – макроуровень. И последний вопрос направлен на ра-

боту с окончательным смыслом произведения. Именно он позволяет вернуться к очередному прочтению стихотворения, задуматься об атмосфере, которая пронизывает его целиком, про противочувствие его восприятия как автором, так и читателем.

Приведем примеры применения технологии претворения литературных произведений в разных видах искусства студентами при анализе текста классической русской литературы. Так, студент из Китая, анализируя стихотворение И. А. Бунина «Бушует полая вода...» пишет:

«Мне кажется, что первое слово этого стихотворения уже говорит о бурной весне – „бушует“. Потом во второй строфе ощущение весны становится просто теплым и светлым, и только солнечный зайчик – яркое пятно. Это март. Тогда борется зима и весна. Это как у Левитана. И когда солнце уже побеждает, тогда автор подчеркивает эту победу. Он дважды пишет слова „весна“. Это уже Юон. Такое разделение текста я сделал, применяя для его анализа картины».

В сущности, этот студент составляет картину своих чувств при чтении стихотворения, он опирается на картины, и это помогает и прочувствовать, и понять текст. Также видно, что студенту помогла написать такой ответ работа по вопросам на сферы читательского восприятия

А вот ответ студента из США на вопросы по сферам читательского восприятия по этому же произведению:

«Мое отношение к этому стихотворению можно назвать теплым и туманным. Мне больше всего понравились строки про густые белые пары. Я вижу облака, они очень красивые. Их много, они почти скрывают саму землю. И такое состояние – это таинственное, но теплое. Очень хорошо в таком состоянии мечтать».

Здесь мы видим почти поэтический пересказ строк стихотворения, причем он окрашен внутренним вхождением студента в произведение. Такие ответы показывают эффективность работы не только с точки зрения понимания смысла текста, но и с точки зрения художественного его осмысливания.

В ответе студента из Китая мы наблюдаем тщательное прочтение всех нюансов метафоры «солнечной зайчик». Он не просто показывает понимание смысла этой метафоры, но вписывает ее в текст.

В ответе студента из США наблюдается иное. Он отталкивается от образов текста и переходит к своим впечатлениям, дополняя и переиначивая произведение. Но делает это корректно, не уходя от общего настроения стихотворе-

ния. Студент «вписывает» его в себя, тем самым демонстрирует его глубокое понимание и приятие. То есть последовательная работа с текстом, связанная с визуализацией образов произведения, раскрытия его смысла через эмоционально-образную составляющую приносит ощутимый результат в сфере понимания текста. Такая работа приучает иностранных студентов к внимательному и углубленному отношению к стихотворению.

В работе с прозаическим произведением также необходимо ориентировать студентов на образ-символ. Это концентрирует их деятельность при прочтении текста, позволяет сосредоточиться на смысловых его компонентах и яснее представить героев и текст в целом.

Применение визуальных практик – это черта не только сегодняшней визуальной эпохи, но и дополнение к тексту, его раскрытие за счет сочетания разных видов искусства. Главное, чтобы в такой работе не было нарушено чувство стиля, которое так важно для работы с художественными произведениями, как прозаическими, так и поэтическими.

Список источников

1. *Овсянко-Куликовский Д. И.* Психология русской интеллигенции. М.: Юрайт, 2021. 318 с.
2. Очерки истории русской философии / А. И. Введенский, А. Ф. Лосев, Э. Л. Радлов, Г. Г. Шпет. Свердловск, 1991. 458 с.
3. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М.: «Гнозис», 1992. 319 с.
4. *Гончаров И. А.* Обломов, И. А. Гончаров. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1953. 592 с.
5. *Штайнер Р.* Эвритмия как видимая речь, «Наири», Ереван, 1993. SBN: 978-966-8838-72-9.
6. *Маранцман В. Г.* Методика обучения литературе. XXI век. Учебное пособие // ред. Е. К. Маранцман. СПб.: Изд-во ВВМ, 2019. 239 с.
7. *Выготский Л. С.* Психология искусства. М., 1977. 519 с.
8. *Бунин И. А.* Сочинения в 3 томах. Т. 2. М.: Художественная литература, 1982. 417 с.
9. *Саврасов А. К.* «Грачи прилетели». Государственная Третьяковская галерея. 1871. Инв. номер 828.
10. *Левитан И. И.* «Март». Государственная Третьяковская галерея. 1895. Инв. номер 1489.
11. *Юон К. Ф.* «Весенний солнечный день. Сергиев посад». 1910. Государственный Русский музей. Регистр. номер 17541003.

References

1. Ovsyaniko-Kulikovskii, D. I. (2021). *Psikhologiya russkoi intelligentsia* [Psychology of the Russian Intelligentsia]. 318 p. Moscow, Yurait. (In Russian)
2. *Ocherki istorii russkoi filosofii* (1991) [Essays on the History of Russian Philosophy]. A. I. Vvedenskii, A. F. Losev, E. L. Radlov, G. G. Shpet. 458 p. Sverdlovsk. (In Russian)
3. Lotman, Yu. M. (1992). *Kul'tura i vzryv* [Culture and Explosion]. 319 p. Moscow, "Gnozis". (In Russian)
4. Goncharov, I. A. (1953). *Oblomov* [Oblomov]. I. A. Goncharov. *Sobranie sochinenii v vos'mi tomakh*. T. 4. 592 p. Moscow. Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. (In Russian)
5. Shtainer, R. (1993). *Evrirmiya kak vidimaya rech'* [Eurythmy as Visible Speech]. "Nairi", Erevan. SBN: 978-966-8838-72-9. (In Russian)
6. Marantsman, V. G. (2019). *Metodika obucheniya literature. XXI vek* [Methods of Teaching Literature. 21st Century]. Uchebnoe posobie. Red. E. K. Marantsman. 239 p. St. Petersburg, izd-vo VVM. (In Russian)
7. Vygotskii, L. S. (1977). *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of Art]. 519 p. Moscow. (In Russian)
8. Bunin, I. A. (1982). *Sochineniya v 3 tomakh* [Works in Three Volumes]. T. 2. 417 p. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)
9. Savrasov, A. K. (1871). "Grachi prileteli" ["Rooks Have Arrived"]. Gosudarstvennaya Tretyakovskaya galereya. Inv. nomer 828.
10. Levitan, I. I. (1895). "Mart" ["March"]. Gosudarstvennaya Tretyakovskaya galereya. Inv. nomer 1489.
11. Yuon, K. F. (1910). "Vesennii solnechnyi den'. Sergiev posad" ["Spring Sunny Day. Sergiev Posad"]. Gosudarstvennyi Russkii muzei. Registr. nomer 17541003.

The article was submitted on 08.07.2023
Поступила в редакцию 08.07.2023

Маранцман Елена Константиновна,
доктор филологических наук,
профессор,
Российский государственный педагогический
университет,
191186, Россия, Санкт-Петербург,
Набережная реки Мойки 48.
elena.marancman@mail.ru

Marantsman Elena Konstantinovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Russian Herzen State Pedagogical University,
48 Moika River Emb.,
St. Petersburg, 191186, Russian Federation.
elena.marancman@mail.ru

УДК 82.0: 372.881.161.1 : 372.882
DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-238-247

ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЛИТЕРАТУРНОМУ ЯЗЫКУ ИНОСТРАННЫХ МАГИСТРАНТОВ И АСПИРАНТОВ В РАМКАХ СПЕЦКУРСА «СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА»: КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© Ольга Панова, Надежда Маругина

TEACHING THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE TO FOREIGN MASTER AND POSTGRADUATE STUDENTS WITHIN THE SPECIAL COURSE “MODERN RUSSIAN LITERATURE”: KEY PROBLEMS AND PROSPECTS

Olga Panova, Nadezhda Marugina

The article puts insight into current issues of teaching the Russian literary language to foreign undergraduates and postgraduates, specializing in “Linguistics and Intercultural Communication”, in the course of studying “Modern Russian Literature”. We use a broad historical and cultural context to substantiate the fundamental role of Russian literature in the formation of world culture and the global literary canon, and highlight the great influence that such Russian classical writers as Pushkin, Dostoevsky, Tolstoy, Turgenev and Chekhov had on the development of foreign literature in the East and West. We observe and trace continuity in classical and modern literary eras and the best long-lasting spiritual, moral and linguistic traditions of the Russian people. We assume that the key problems the teacher should focus on are: Russian literature as a significant phenomenon of world culture, the development of classical traditions in the history of Russian literature at present, the dialogue among cultures and the translation of modern writers’ works into foreign languages, historical and philosophical problems in literature, and historical heritage of the Russian language. The article comprehensively studies the Russian language value dimensions and linguistic axiological directions. The data show the presence, stability and preservation of the fundamental values (life, love, truth, good, beauty, hope, grace, honour, etc.) in the Russian literary language. These values form the spiritual conceptual sphere in Russian culture and constitute its main moral foundations. Serious attention is paid to the aesthetics of the language. We show the aesthetic potential, artistic expressiveness and stylistic richness of the modern Russian literary language, based on the works of E. Vodolazkin, L. Ulitskaya, M. Shishkin, M. Kucherskaya, M. Stepnova, D. Rubina and others. We focus on the problem of preserving the Russian literary language and the high status of Russian in general, revealing complex realities of modern multinational and multicultural world. We recommend such modern masterpieces as “Laurel” by E. Vodolazkin, “The God of Rain” by M. Kucherskaya, “The Garden” by M. Stepnova, “The Writer” by M. Shishkin, “Yakov’s Staircase” by L. Ulitskaya as sources to improve literacy and general cultural competence of foreign students.

Keywords: modern Russian literature, Russian classical literature, Russian literary language, dialogue among cultures, historiosophy, historical tradition, axiology of language, aesthetics of language

Статья посвящена актуальным проблемам преподавания русского литературного языка иностранным магистрантам и аспирантам в рамках спецкурса «Современная русская литература». Авторами обосновывается принципиально важная роль русской литературы в становлении мировой культуры в целом и формировании мирового литературного канона. Акцентируется весомость её влияния в лице авторитетных представителей русской классики А. Пушкина, Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Тургенева, А. Чехова на развитие ведущих литератур стран Востока и Запада. Ключевыми проблемами, на которых должно быть сосредоточено внимание преподавателя, авторы считают: рассмотрение русской литературы как значимого явления мировой культуры, продолжение классической традиции в истории русской литературы на современном этапе её развития, диалог культур и проблему перевода произведений современных писателей на иностранные языки, историософскую проблематику литературы и историческую память русского языка. Глубоко и всесторонне рассматриваются ценностное измерение русского языка и вопросы лингвоаксиологии. Авторы отмечают наличие, устойчивость и сохранность в русском литературном языке ос-

новополагающих ценностей (жизнь, любовь, истина, добро, красота, надежда, благодать, честь и др.), образующих духовную концептосферу русской культуры, формирующих её фундаментальные нравственные основания. Серьёзное внимание уделяется эстетике языка. На основе произведений Е. Водолазкина, Л. Улицкой, М. Шишкина, М. Кучерской, М. Степновой, Д. Рубиной и других показан эстетический потенциал, художественная выразительность и стилистическое богатство современного русского литературного языка. В качестве источников для повышения уровня грамотности и общекультурной компетенции иностранных учащихся авторы особо выделяют современные шедевры – «Лавр» Е. Водолазкина, «Бог дождя» М. Кучерской, «Сад» М. Степновой, «Письмовник» М. Шишкина, «Лестница Якова» Л. Улицкой. Большое значение придаётся проблеме сохранения русского литературного языка и высокого статуса русского языка в целом в сложных реалиях современного мультинационального и поликультурного мира.

Ключевые слова: современная русская литература, русская классическая литература, русский литературный язык, диалог культур, историософия, историческая традиция, аксиология языка, эстетика языка

Для цитирования: Панова О., Маругина Н. Обучение русскому литературному языку иностранных магистрантов и аспирантов в рамках спецкурса «Современная русская литература»: ключевые проблемы и перспективы // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №3 (73). С. 238–247. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-238-247

В настоящее, весьма сложное и противоречивое время стремительного изменения всего мирового порядка в связи с напряжением и повышенной конфликтностью международных отношений остро стоит проблема сохранения статуса русского языка и русской культуры в современном мультинациональном, поликультурном мире. Потому особую актуальность обретает проблема обучения русскому языку иностранных граждан в университетах до продвинутого уровня владения и понимания (B2, C1; магистратура и аспирантура). На высших ступенях университетского образования своевременной становится разработка концепций дисциплин, посвящённых глубокому изучению исторической, интеллектуальной и культурной традиции России.

Русская литература на протяжении многих столетий была и, несомненно, остаётся ядром русской культуры. Более того, и в нынешнее время по-прежнему, независимо от сложности социально-политической ситуации в глобальных масштабах, является неотъемлемой составляющей культуры мировой. Её всемирную значимость отмечали и продолжают отмечать авторитетные интеллектуалы всех континентов; мыслители и Востока, и западноевропейских стран. О принципиально значимой роли, которую играла и играет русская литература в процессе эволюции культуры Китая, высказывается, например, ведущий славист, достоевсковед Лю Вэньфэнь: «У первого китайского перевода Достоевского была рецензия Мао Дуня. Ее заголовок звучал так: „Достоевский. Мыслитель“. Другими словами, с момента его появления в Китае китайская публика видела в нем не только писателя. И можно его воспринимать и как писателя, и как мастера реалистического жанра, и как философа,

и как теолога, и как психолога. ... Более того, он не просто литературная величина, он – ее вершина! Таких авторов, как он, способных описать глубину человеческой души и внутренних переживаний, в действительности очень мало» [1]. Важность глубокого знания русской культурной традиции, русского литературного канона и особенно русской классики для понимания всемирной истории постоянно подчёркивал также авторитетный русист мирового уровня, один из директоров Библиотеки Конгресса США Вашингтона Джеймс Биллингтон: «Долгое время „Война и мир“ Толстого была для меня главной русской книгой. Потом – „Бесы“ Достоевского. Я их читал в начале „холодной войны“, тогда они стали настоящим открытием. Потом „Братья Карамазовы“ – это, конечно, вершина! А когда я писал диссертацию в Оксфордском университете, то открыл для себя Тургенева, Чехова и даже играл Астрова в чеховском „Дяде Ване“. Об этом можно долго говорить, но помните, как у Пастернака: Сквозь прошлого перипетии / И годы войн и нищеты / Я молча узнавал России / Неповторимые черты» [2].

Русская литература и на современном этапе её истории нисколько не утрачивает своего величия, значения и актуальности как в России, так и за её пределами. Именно *современная русская литература* (имеется в виду литература первой четверти XXI в.) сейчас способствует более глубокому изучению русского *литературного* языка, соответствующего нынешней эпохе. Повышение у иностранных граждан уровня владения русским языком и достижение ими высокого уровня грамотности возможно лишь при чтении оригинальных источников – шедевров современных русских авторов. Поэтому иностранным

учащимся магистерских и аспирантских образовательных программ российских университетов, которым уже доступно чтение произведений русской литературы в оригинале, важно показать ценность русского *литературного* языка как *подлинного* языка великой русской культуры, обосновать его значение для сохранения её высокого статуса и идентичности в современном мире. Учёные-филологи, стоящие у истоков методики преподавания русского языка, в том числе и как иностранного (В. В. Виноградов, Л. В. Щерба, Ю. М. Лотман, Д. С. Лихачёв, В. Г. Костомаров, Н. Ю. Шведова, А. А. Зализняк, Е. М. Верещагин, В. И. Аннушкин, Н. Н. Казанский и другие), всегда подчеркивали, что самое эффективное изучение русского языка возможно именно на основе великих образцов русской литературы. Данный факт отмечают и сами русские писатели современности. Евгений Водолазкин, известный писатель, ученик академика Д. С. Лихачёва, профессор, доктор филологических наук, сам имевший опыт преподавания русского языка иностранцам, говорит в одном из недавних интервью: «Сейчас, несмотря на довольно сложное международное и политическое положение, интерес к русскому языку растёт. Педагог играет первостепенную роль, в этом сомнений нет. Ведь язык – это не просто какая-то абстрактная знаковая система, это живой организм. Можно преподавать русский как латынь или греческий, как мертвый язык, как свод правил и парадигм, и тогда живой человек не захочет его изучать. Но если ты покажешь богатство русского языка, его удивительную гибкость, то я думаю, что никто перед ним не устоит – достаточно прочесть вслух Пушкина, Блока, Тютчева. Я слышал вопросы англичан, не знающих русского: «Зачем нужны Пушкин и Лермонтов, если есть Байрон?» Чтобы это понять, им нужно прочитать Пушкина или Лермонтова по-русски. Когда они осознают, что русский язык – совершенно самобытное явление, то полюбят его» [3, с. 115].

На факультете иностранных языков НИ Томского государственного университета в рамках образовательной программы «Лингвистика и межкультурная коммуникация» разработан новый спецкурс «Современная русская литература». Он предназначен для иностранных граждан и ставит цель глубокого и всестороннего изучения магистрантами и аспирантами русской литературы современной эпохи (первая четверть XXI столетия) во всемирном историко-культурном контексте. Изучению *русского литературного языка* в данном спецкурсе уделяется первостепенное внимание. Проблематика и перспективы

преподавания сосредоточены вокруг следующих ключевых моментов.

В первую очередь, в процессе преподавания современной русской литературы следует постоянно демонстрировать иностранным учащимся отражённую в языке непрерывность традиции в истории русской литературы, потребность обращения русских людей к своим истокам и классическому наследию культуры, неразрывную связь древности, классики и современности. О связи современной русской литературы с классической и древнерусской, её развитии именно в лучших традициях классики и актуальности классики в современности свидетельствуют выдающиеся современные шедевры, которые следует читать иностранным магистрантам вслух и комментировать непосредственно в аудитории. Достаточно отметить интерес Е. Водолазкина к древнерусской культуре (роман «Лавр»), Л. Улицкой («Лестница Якова», «Даниэль Штайн, переводчик») и М. Кучерской («Бог дождя») к библейским и евангельским текстам, образам, метафорам. А также П. Алешковского («Арлекин» – о В. К. Третьяковском) и В. Аксёнова («Вольтерьянцы и вольтерьянки») – к русскому веку Просвещения. Стоит обратить внимание на традиции русского романа XIX столетия у М. Степновой («Сад»), чеховского повествования у Л. Петрушевской. Имеют значение биографии: «Лесков. Прозёванный гений» М. Кучерской; «Лев Толстой. Бегство из рая», «Лев в тени Льва», «Святой против Льва», «Подлинная история Анны Карениной» П. Басинского. Потому очевидна необходимость в обязательном порядке объяснить иностранным магистрантам и аспирантам (многие из которых выполняют диссертационные исследования в области славистики и русистики) историю становления и логику устройства *русского литературного канона*. Без знания всей культурной традиции и классического канона современная литература, да и сама современность как таковая, просто не будет им понятна. Профессор Лотман интересно писал об этом: «Екатерина II говорила, что, когда ей нужно что-то обдумать или найти новое решение, она идет в кабинет Петра Великого и там это находит. Вот и нам, когда нужна глубокая мысль, нужно взять в руки том Пушкина. ... В чем притягательность пушкинской эпохи? А в чем притягательность детства? В осознании того, что главные пути в жизни еще не пройдены. Чем ближе к началу, тем больше альтернатив и степеней свободы. Пушкинская эпоха давала множество дорог, по которым наша культура не пошла... Сейчас часто вспоминают слова Н. В. Гоголя о том, что „Пушкин – это русский человек в развитии, в ко-

тором он явится через 200 лет“. Мне кажется, что Гоголь несколько поторопился. История и культура развиваются скачкообразно. Но не будем терять надежду. Лучше постараемся быть адекватными, вдумчивыми читателями Пушкина. Это тоже немало» [4, с. 112–114]. Приведённое высказывание обладает объёмным и глубоким смысловым содержанием: Лотман говорит здесь и об уроках мудрости прошлого, и о том, что классика всегда способна дать самые верные ответы на вопросы и вызовы настоящего, и об особом пути или путях русской культуры, и о её бытии, незабвенности и вечности в течение исторического времени, и о бессмертии Пушкина, и о надежде на будущее культуры и на культуру в будущем. Но главное – о связи времён и преемственности поколений в истории литературы, входя в которую из современности читатель всегда оказывается в ней *в целом* – в её *целомудрии*. Это глубоко чувствуют и понимают писатели нашего столетия. Этот смысл главный для многих из них, для Михаила Шишкина, например: «У времени есть одна особенность: оно рано или поздно рвется. „Распалась связь времен“ – хоть раз в жизни это испытывает каждый, а не только Гамлет. В этом рассыпавшемся времени человек и становится человеком. В *этот момент* и начинается мой „Письмовник“. И читающий эту переписку оказывается тем самым звеном, которое соединяет разорванное время» [5] (здесь и далее курсив наш – О.П., Н. М.). Тот же смысл как ключевой вкладывает в своё творчество Людмила Улицкая. В одном из интервью Правмиру она приводит своё стихотворение об этом: «Повезет, быть может, и шанс велик, / Что родится новый любитель книг, / Сочинитель слов, почитатель нот, – И тогда наши лики вновь взойдут из вод. ... Чтобы каждый, кто в этот вошел вокзал, Промотрив расписание поездов, / К нашим правнукам дальним от праотцов, / Улыбнувшись, вернулся, откуда пришел...» [6].

В ходе занятий по данному спецкурсу подробно и всесторонне изучаются *историософские темы*, представляющие основу современной русской литературы. Темы истории, русской и мировой, исторической памяти народов, осмысления значимых для человечества исторических событий, поисков исторического смысла являются ключевыми при освоении спецкурса «Современная русская литература». В контексте историософской проблематики стоит обратиться к произведениям М. Шишкина («Венерин волос», «Взятие Измаила», «Письмовник»), Ю. Буйды («Пятое царство», «Сады Виверны»), Л. Юзефовича («Журавли и карлики», «Зимняя дорога», «Самодержец пустыни»), А. Чудакова («Ложится

мгла на старые ступени»), О. Славниковой («2017»), М. Гиголашвили («Захват Московии», «Тайный год»), З. Прилепина («Обитель»), Г. Яхиной («Зулейха открывает глаза», «Эшелон на Самарканд», «Дети мои»), Д. Быкова («Июнь»), Е. Чижовой («Китаист», «Город, написанный по памяти»), М. Степановой («Памяти памяти»), О. Громовой («Сахарный ребёнок»). Современные писатели переосмысливают множество исторических событий, иногда правдоподобных, порой мистических и фантазмагорических под их пером, но, безусловно, интересных. Это русский взгляд на всю мировую историю, её русская интерпретация. Язык современной русской литературы, всё глубже и глубже уходя в историю, эпоху за эпохой, столетие за столетием отражает великое прошлое России. М. Шишкин размышляет об этом: «От времени, собственно, только слова и остаются. Что от пушкинской эпохи, кроме слов, осталось? Теперь его тексты и есть та эпоха. ... У меня языковые эпохи сталкиваются, налегают друг на друга, как льдины в ледоход. Может, языковым пластам пришла пора так себя вести? ... Если писатель пишет только сегодняшним языком, то он существует в двухмерном, плоском языковом пространстве. А если он хочет перейти в объёмный мир, то ему нужно сдвинуться в следующее измерение, где наряду с сиюминутным живут все слова и эпохи, которые были до него» [7, с. 82–84]. Именно посредством языка Е. Водолазкин моделирует древнерусскую картину мира, показывает древнерусские реалии, воссоздаёт житийный канон повествования о средневековом святом, погружает читателей в живой мир Древней Руси. Языковая ткань романа «Лавр» органически включает архаичную древнерусскую и церковнославянскую лексику, старославянизмы; весь текст строится на смешении русского, древнерусского и церковнославянского языковых пластов [8]. Так автору мастерски удаётся сближение времен – древности и современности, сочетание и сравнение двух типов мировоззрения – средневекового и современного, диалог между древнерусской и современной русской культурами. В. П. Аксёнов решается на литературный эксперимент: применяя языковую игру, пытается воспроизвести не только изысканную атмосферу, но и сам язык XVIII века («Вольтерьянцы и вольтерьянки») [9]. Роман М. Степной «Сад» содержит множество аллюзий к русскому классическому роману XIX столетия, к шедеврам И. А. Гончарова, Н. С. Лескова, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова [10]; написан, по выражению самой писательницы, «современным языком, который только притворяется языком XIX века» [11]. Подобные примеры

можно приводить ещё долго. Но какое бы из произведений современности не было избрано для занятий с магистрантами и аспирантами, преподавателю предстоит трудная работа с языком, предполагающая объяснения иностранцам языковых реалий и комментарии к историческим эпохам. В любом случае, показывать им богатство и многомерность современного русского литературного языка, его обращённость в глубины своей истории и живую языковую традицию – безусловно, стоит.

Историческая память языка современной русской литературы хранит всё языковое наследие предшествующих периодов русской истории, обеспечивая непрерывность литературной традиции и преемственность эпох. Однако благодаря способности создавать особое художественное время язык обретает возможность преодоления самого времени, временности и соприкосновения с вечностью. На эту уникальную способность языка художественной литературы неоднократно обращал внимание Д. С. Лихачёв [12, с. 13–15, 127–128]. Академик отмечал наличие, сохранность и постоянное бытие в русском языке на протяжении всей его истории устойчивой *концептосферы*, границы которой «в сознании субъекта определяются культурной памятью, причастностью к духовной традиции» [13, с. 282]. Совокупность концептов определенной нации или *концептуальные универсалии* составляют ядро ценностной *концептосферы*. Русские концептуальные универсалии масштабно проявлены на протяжении всего исторического опыта русского народа. Они задают сверхисторический смысл человеческому бытию и организуют самобытную *аксиосферу* русской культуры. Основные ценности русского народа: *Слово, Бог, личность, всеединство, благодать, духовность, совесть, любовь, истина, добро, красота, жизнь, вера, надежда, человечность, честь, свобода*. Здесь выход в область исторической памяти и духовного опыта русского народа, к сущности русской культуры. Можно увидеть возникновение её национального своеобразия из самобытности русского мировоззрения, из внутреннего роста и самосовершенствования России. И всё это наследие русского народа сквозь времена сохраняется в языке русской литературы – языке Державина, Ломоносова, Жуковского, Пушкина, Толстого, Достоевского, Лескова и многих других. Язык, таким образом, имеет *аксиологическое измерение*, в его памяти сохранены и на века вперёд закреплены ключевые концепты, фундаментальные нравственно-эстетические ценности русской культуры. Эволюция ценностных ориентиров представляет со-

бой естественный культурный процесс появления, сохранения, утраты и возрождения актуальных в каждую эпоху ценностных смыслов, трансформирующих историю русского языка. Что здесь для нас главное? На конкретных произведениях необходимо постоянно показывать иностранному учащемуся: несмотря на неизбежное изменение русского языка как такового в целом и утраты им сегодня литературных норм, *язык русской литературы* через тысячелетия (от древности и классики – к современности) остаётся хранителем и транслятором коренных ценностей русского народа [14]. Принципиально важно объяснить это иностранному учащемуся, работая с языком источников (указанных выше произведений), выявляя в процессе чтения в самой ткани повествования шедевра современной русской литературы такие *концептуальные универсалии* и рассматривая бытие *ценностей* в реалиях современного социума.

Например, можно предложить для совместного чтения и комментирования фрагмент раннего романа Майи Кучерской «Бог дождя»: о самопознании и пути близкой по возрасту студентам девушки Анны, обретении и постижении ею любви в глубоком подлинно христианском смысле:

Она и не подозревала, что это так. Так невыразимо красиво и бездонно. Всему, что открылось ей теперь, Аня поражалась до немоты, и всё до краёв наполняло её *светлой радостью*. Она поняла, что *любовь* вовсе не слепа. Он (отец Антоний) сделался как бы прозрачным, и *душа* его, робкая, ласковая, беспокойная, ангельская его душа светилась теперь сквозь все слабости – пронзительно и ясно. Аня смотрела *на неё* во все глаза, *плача и улыбаясь*, ей не жалко было бы так провести *целую жизнь*. Господи, она *любила эту душу*. Поняла она и то, что *любовь* – это совсем не обязательно *понимание*, многого в любимом можно и не понимать, но это обязательно – *приятие*, когда принимаешь всего человека – разного, в разные его минуты, и всякого *прощаешь* – больного, раздражённого, уставшего от тебя самой – *прощаешь* и всё. То и дело ей думалось: ничего кроме *страданий* ей это бы, наверно, не принесло, она ведь по-прежнему сознавала, что находиться подле него – *крест*, но что всё-таки она, несомненно, была бы счастлива, *благодарна и счастлива* без меры [15, с. 256–257].

Здесь представлена концептуальная универсалия *любовь* со всем смысловым потенциалом, движением и столкновением смыслов, который характерен именно для русской нации: *свет, радость, приятие, прощение, страдание и счастье, душа, жизнь, крест и благодарность*. И здесь опять-таки очевидна непрерывность традиции христианской, классической и современной ли-

тературы, преемственность в таком *истинно русском* понимании любви у великих классиков Толстого, Достоевского, Лескова и – нашей современницы М. Кучерской. Это означает бытие *истинных ценностей русской культуры* в реалиях нынешнего времени, их сохранение в сознании русских людей, их незабвенность, несмотря ни на что. Л. Улицкая связывает подобные моменты со способностью русского языка устанавливать *вертикаль*: поднимать человека над его обыденным существованием и сподвигать искать ответы на вопросы о смысле жизни и тайне любви [16, с. 246, 380–381].

Занимаясь литературой с иностранными учащимися, необходимо обязательно принимать во внимание изначально *эстетическую, художественную природу* русского языка; на примере лучших современных шедевров русской литературы показывать магистрантам и аспирантам его метафоричность, художественную образность, стилистическую выразительность. Русский литературный язык содержит в себе огромный *эстетический* потенциал всей русской культуры в целом, его питает длительная *художественная традиция*, уходящая корнями к религиозным истокам древнеславянской языческой мифологии, древнерусской словесности, эллинской и византийской культур, христианства. А. Н. Афанасьев считал, что древнеславянским народам было изначально присуще говорить на языке «чистой поэзии Природы» [17]. В. Н. Топоров в этой связи говорил о софийности русской словесности как таковой [18], С. С. Аверинцев – об эстетике *русского логоса*: «Уже тысячу лет назад предки наши при выборе веры оказали доверие *красоте* как свидетельству об истине. ... В нашем столетии было сформулировано русским мыслителем Павлом Флоренским: «Есть „Троица“ Рублёва, следовательно, есть Бог». ... На этом историческом фоне знаменитые слова Достоевского о красоте, которая спасёт мир, предстают как нечто большее, нежели мечта романтика. Традиция даёт их смыслу скрытое измерение» [19, с. 68–71]. Язык древних мифов, сказаний, поэтического наследия наших предков – изначально глубоко эстетичен, а в русском понимании он естественным, что значит истинным (ведь Истина = Естина в русском историко-культурном контексте), образом воспринимает красоту миротворения и даёт возможность выражения всей полноты эстетического переживания человеком мировой гармонии. Язык русской литературы согласно традиции следует этим путём Красоты, изначально восприимчивый к Красоте, сам остаётся истинно прекрасным. Наследница софийной, христианской традиции русская культура навсе-

гда сохранила исконно свойственное ей благоговение перед творением Мира Словом, «любование красотой», «очарование лепотой», «умозрение» красоты-истины, поэтому на протяжении всей истории литература, словесность пребывала здесь в неразрывном единстве с искусством [20, с. 119–180]. Высокую степень эстетики Божественного присутствия в слове глубоко чувствовали В. Жуковский, А.С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, Б. Пастернак, М. Цветаева, А. Блок, Вл. Соловьёв, П. Флоренский, Н. Бердяев, С. Булгаков. Эстетическая традиция с древности охватывает всю историю русской культуры, и здесь нить преемственности тянется от классики к современности, русские писатели и в XXI веке остаются искателями красоты. Дина Рубина, например, понимает язык именно эстетически – для писателя это образ жизни и способ ощущения себя в мире, в котором уютно как дома: «Пока мыслю, существую», – говорили римляне; я могу уточнить: *существую, пока мыслю и пишу по-русски*. Для меня русский язык – это способ дышать, жить. ... И каждый язык, будучи *родным* языком, представляет собой космос, Вселенную – единственную, неповторимую, от начала жизни и до ее конца» [21]. Для того чтобы наглядно показать иностранным учащимся эстетический потенциал и художественную выразительность современного русского литературного языка и способствовать их мышлению об эстетике языка в указанном ключе можно интерпретировать на занятии фрагмент её рассказа «Снег в Венеции» с экфрасисом, описанием картины итальянского художника П. Веронезе:

Передо мной развернулась аркада с пиршеством такого размаха, что дух захватывало, сквозь высокие арки мраморной колоннады празднично сияли вдали небо Венеции, розовый камень её церквей и колоколен, округлые чалмы её куполов, балконы и балюстрады её палатцо. А за длинным столом вокруг него пребывали в кипучем движении знатные патриции и горожане, купцы, карлики и арапчата, и целая гурьба беспокойных расторопных слуг. – *Пир в доме Левия*», грандиозное, во всю стену огромной залы полотно кисти *Паоло Веронезе*. Будто карнавальная толпа хлынула сюда с пьядцы Сан-Марко и застыла в детской игре «замри!». ... Казалось, можно войти в картину, усесться за стол, налить себе вина, побродить среди колонн, потрепать за щечку девочку на переднем плане. – Какая сила, а? Какая легкость цветочных сочетаний, – проговорил мой художник с явным удовольствием. – Краски прямо звенят, кипят! И ведь ему, в сущности, плевать на историческую основу евангелий: разве это древняя Иудея? Какой там Левий, при чем тут времена Иисуса! Его интересуют только Венеция и венецианцы — их жизнь, быт, одежда [22, с. 72–73].

Дина Рубина – настоящий мастер художественного слова; её язык-«живописец» эстетически насыщен и оригинален. Фрагмент представляет и искусство языка, и постижение красоты посредством живописи, и историю искусства во взаимосвязи культур: христианский сюжет помещается одновременно и во времена итальянского ренессанса, и в современную эпоху.

В перспективе необходимо представить в международной аудитории русскую литературу в целом, включая современные шедевры как особое явление мировой культуры, как неотделимую часть интеллектуального и духовного наследия человечества. Следует показать иностранным магистрантам и аспирантам, находящимся на продвинутом уровне изучения русского языка, особенности становления и ценность русской словесности в мировом историко-литературном процессе с учётом всех факторов взаимовлияния и диалога национальных литератур стран Востока-Запада-Славянского мира в контексте общей эволюции мировой культуры. И одновременно – продемонстрировать её уникальность, самобытность и национальное своеобразие в обширном мировом историческом и культурном контексте. Авторитетные слависты постоянно подчёркивают глубокую и тесную связь на протяжении всей истории русского языка, и особенно *литературного*, с языками европейских стран, указывают на тот факт, что в XVIII, XIX, XX веках многоязычие для русских писателей и вообще людей высокообразованных было нормой [23, с. 102–104]. В отношении литературы особое внимание на это обращал Д. С. Лихачёв:

Русская литература – это и русская философия, и русская особенность творческого самовыражения, и *русская всечеловечность*. Она носит *открытый* характер по отношению к другим литературам Человечества. Место русской культуры определяется её многообразнейшими связями с культурами многих и многих других народов Запада и Востока. На основе *нравственных сил русская культура, выразителем которой является русская литература, объединяет культуры различных народов. Именно в этом объединении её миссия* [24, с. 53–67].

Показательно, что и в наше время, в XXI веке, находим подтверждение приведённой мысли академика Лихачёва у западных мыслителей. В 2021 году, объявленном ЮНЕСКО во всём мире годом Достоевского, известный европейский философ Юлия Кристева выпустила к юбилею русского классика книгу «Dostoyevsky, or The Flood of Language» («Достоевский, или Поток языка») и

дала несколько интервью, где обнаруживаем подобные размышления:

Теперь мы можем переосмыслить себя, вслух и по-русски, с книгой Бахтина в руках, в романах Достоевского. Через лексику и синтаксис я слышу воплощенный Логос, Слово... В романистическом слове (slovo в бахтинском смысле) интерпретации этого теоретика находят глубокую логику: *логику диалога*. Диалог становится у Достоевского *глубинной структурой способа бытия в мире*, все находится на границе своей противоположности. ... Обязательно, неизбежно любовь живет на самой границе ненависти, знает и понимает ее, и ненависть живет на границе любви и тоже понимает ее, как у Алеши Карамазова [25].

Ю. Кристева считает здесь, у Достоевского, глубокий философский, герменевтический смысл: язык всемирной духовной культуры рождается во взаимовлияниях и конфликтах в поликультурном мире национальных различий, но он всегда остаётся жизнестойчивым, так как существует возможность взаимопонимания, ибо диалог лежит в основании бытия самой Культуры. Именно русская литература в лице Достоевского, с точки зрения Кристевой, показывает нам это. Ярчайший пример всеединства и соборности в мировой истории: русский логос, сам в себе содержащий и пытающийся разрешить вечное противоречие. Подтверждение сказанному – влияние русских классиков Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова, Набокова на современных писателей и современные литературы всего мира. Мо Янь, А. Байетт, К. Исигуро, Д. Барнс, Д. Кутзее, Г. Грасс, О. Памук, М. Зузак, П. Хёг, К. Оэ, П. Модриано – все эти писатели разных стран и континентов говорят о существенном влиянии на них русской литературы и постоянном интересе к ней во всём мире. Современные литературоведы обнаруживают сходство между творчеством Е. Водолазкина и У. Эко, возрождающих и актуализирующих в современности средневековую культуру. М. Степнова и А. Байетт работают в традиции русского классического и викторианского романа XIX столетия; Э. Манро и Л. Петрушевская – в традиции чеховского повествования. М. Степанова и П. Модриано художественным образом пытаются постигнуть глубины коллективной исторической памяти.

В просветительском плане стоит обратить внимание иностранных магистрантов и аспирантов на проблему перевода художественных произведений современных русских писателей на иностранные языки и включить работы переводчиков разных стран в программу по изучению русской литературы в мировом социокультурном

контексте. Рецепция произведений русской культуры свидетельствует не только о существенном интересе к русскому языку и русской литературе в современном интеллектуальном пространстве всемирной культуры, но и о не прекратившемся и сегодня диалоге русской культуры с культурами всего мира. Важность оценки культурной сущности диалога через перевод является залогом успеха в понимании и освоении студентами основ взаимопроникновения культур. Например, в США роман Е. Водолазкина «Лавр» был переведен Лизой Хейден, которая работала с писателем именно в диалоге. Переводчица отмечает важность этого сотрудничества с писателем не только для своей работы над переводом его конкретного романа, но и для понимания русской культуры, русской истории и русского мировоззрения в целом: «Возможность переводить „Лавра“ была для меня подарком судьбы. Русский язык очень живой и очень выразительный. Для меня главное в процессе – слышать голоса героев, почувствовать тон и атмосферу. Так у меня было и с „Лавром“, где я интуитивно чувствовала текст и то, что стояло за словами. Я серьёзно начала изучать русскую литературу, когда училась в Пенсильванском университете. Мне очень повезло, что я прочла (причем дважды) „Войну и мир“ и другую классическую литературу с помощью профессора Гари Соула Морсона. Я очень люблю читать и переводить современных авторов, особенно тех, с кем я лично знакома. Меня безумно радует, что англоязычная публика может сегодня читать Водолазкина, Левенталя, Степнову, Отрошенко и других „моих“ авторов в переводе. Это действительно большая честь – стать их переводчиком» [26]. Такое внимательное отношение переводчиков к русской литературе весьма показательно и помогает привить новому поколению иностранной молодёжи глубокое уважение к русскому языку, почтение к духовному и интеллектуальному наследию русской культуры, исторической и культурной памяти русского народа.

Таким образом, современная русская литература даёт богатейший материал для изучения иностранными гражданами русского литературного языка и повышения их уровня владения языком в целом и общей грамотности, способствует глубокому постижению русской культуры, приобретению фундаментальных знаний об истории и традициях русской нации. В процессе преподавания необходимо рассматривать современную русскую литературу в контексте всемирной культуры и взаимосвязи с русской классикой. Первостепенное внимание следует уделять логике устройства русского литературного

канона, художественно-эстетической природе и исторической памяти русского языка, отражению в нём всего культурного опыта русского народа и сохранению его духовно-нравственных ценностей. В целом спецкурс «Современная русская литература» направлен на углубленное изучение русской литературы, способствует инокультурной рецепции произведений русской культуры, имеет воспитательные цели и позволяет усовершенствовать подготовку магистрантов и аспирантов, будущих лингвистов и переводчиков, для успешной деятельности в области межкультурной коммуникации и международных отношений.

Список источников

1. *Вэньфэй Лю* Достоевский не просто литературная величина, он – ее вершина! Интервью от 13.09.2021. URL: <https://r55.ru/2021/09/13/lyu-venfej-dostoevskij-ne-prosto-literaturnaya-velichina-on-ee-vershina/> (дата обращения: 25.06.2022).
2. *Биллингтон Д.* Связанные одной цепью. Джеймс Биллингтон приглашает всех в Мировую цифровую библиотеку. Интервью от 21.10.2009. URL: <https://rg.ru/2009/10/22/biblioteka.html> (дата обращения: 25.06.2022).
3. *Водолазкин Е. Г.* Если войдёшь в русскую культуру и поймёшь её – в ней и останешься, иначе быть не может // Мир русского слова. 2018. №1. С.115–117.
4. *Лотман Ю. М.* Воспитание души. СПб.: Искусство, 2005. 624 с.
5. *Шишкин М. П.* Смерть, как жизнь, – внесловесна. Интервью от 30.09.2010. URL: <https://www.timeout.ru/spb/feature/15073> (дата обращения: 27.06.2022).
6. *Улицкая Л. Е.* Первое Евангелие я купила у таможенника за 25 рублей. Интервью от 12.12.2017. URL: <https://www.pravmir.ru/lyudmila-ulitskaya-pervoe-evangelie-ya-kupila-u-tamozhennika-za-25-rublej/> (дата обращения: 27.06.2022).
7. *Шишкин М. П.* Михаил Шишкин. Неприкаяность прямой речи / М. П. Шишкин, С. В. Диваков // Вопросы литературы. 2011. №5. С. 82–94.
8. *Водолазкин Е. Г.* Лавр. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. 377с.
9. *Аксёнов В. П.* Вольтерьянцы и вольтерьянки. М.: Эксмо, 2015. 512с.
10. *Степнова М. Л.* Сад. М.: АСТ, 2021. 416 с.
11. *Степнова М.* «Это будет поколение свободных полубогов или самонадеянных монстров»: писательница Марина Степнова о воспитании современных детей. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/407005-eto-budet-pokolenie-svobodnyhpolubogov-ili-samonadeyannyh-monstrov-pisatelnica> (дата обращения: 28.06.2022).
12. *Лихачёв Д. С.* Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы. СПб.: Алетейя, 2001. 566 с.

13. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. М.: Academia, 1997. С. 280–287.
 14. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур (Язык. Семиотика. Культура), 2012. 696 с.
 15. Кучерская М. А. Бог дождя. М.: Время, 2008. 320 с.
 16. Улицкая Л. Е. Священный мусор. М.: Астрель, 2013. 476с.
 17. Афанасьев А. Н. Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература. М.: Сов. Россия, 1986. 366 с.
 18. Топоров В. Н. Ещё раз о древнегреческом «софия»: происхождение слова и его внутренний смысл // Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М.: Языки русской культуры, 1995. Т.1. Первый век христианства на Руси. С.67–90.
 19. Аверинцев С. С. Крещение Руси и путь русской культуры // Контекст-90. М.: Наука, 1990. С.64–72.
 20. Бычков В. В. Древнерусская эстетика. СПб.: Центр гуманитарных инициатив (серия «Российские Пропилеи»), 2012. 832 с.
 21. Рубина Д. И. // Современные писатели о русском языке. 19.10.2017. URL: <https://godliterary.ru/articles/2017/10/19/sovremennye-pisateli-o-russkom-yazyke> (дата обращения: 25.06.2022).
 22. Рубина Д. И. Окна. М.: Эксмо, 2012. 276 с.
 23. Казанский Н. Н. Русский язык среди языков Европы // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: в 15 т. М.: МАПРЯЛ, 2015. С. 102–104.
 24. Лихачёв Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачёв Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2015. С. 53–67.
 25. Kristeva Julia Dostoyevsky, or The Flood of Language. Columbia University Press, 2021. 112p. URL: <http://kristeva.fr/dostoyevsky-or-the-flood-of-language.html> (дата обращения: 25.06.2022).
 26. Хейден Луза Слова «непереводимый текст» действуют на меня как вызов. Интервью от 04.10.2016. URL: <https://russkiymir.ru/publications/214848/> (дата обращения: 27.06.2022).
- References
1. Ven'fei Lyu. Dostoevskii ne prosto literaturnaya velichina, on – ee vershina! [Dostoevsky Is Not Just a Literary Figure, He Is Its Pinnacle!]. Interv'yu ot 13.09.2021. URL: <https://r55.ru/2021/09/13/lyu-venfej-dostoevskij-ne-prosto-literaturnaya-velichina-on-ee-vershina/> (accessed: 25.06.2022). (In Russian)
 2. Billington, J. Svyazannye odnoi tsep'yu. Dzheims Billington priglashaet vsekhn v Mirovuyu tsifrovuyu biblioteku [Bound by One Chain. James Billington Invites All to the World Digital Library]. Interv'yu ot 21.10.2009. URL: <https://rg.ru/2009/10/22/biblioteka.html> (accessed: 25.06.2022). (In Russian)
 3. Vodolazkin, E. G. (2018). *Esli voidesh' v russkuyu kul'turu i poimesh' ee – v nei i ostanesh'sya, inache byt' ne mozhet* [If You Become Part of the Russian Culture and Understand It, You Will Associate with It, It Can't Be Otherwise]. *Mir Russkogo Slova*. No.1, pp.115–117. (In Russian)
 4. Lotman, Yu. M. (2005). *Vospitanie dushi* [Enlightenment of the Soul]. 624 p. St. Petersburg, izd. Iskusstvo. (In Russian)
 5. Shishkin, M. P. *Smert', kak zhizn', – vneslovesna* [Death, Like Life, Is Non-Verbal]. *Interv'yu ot 30.09.2010*. URL: <https://www.timeout.ru/spb/feature/15073> (accessed: 27.06.2022). (In Russian)
 6. Ulitskaya, L. E. *Pervoe Evangelie ya kupila u tamozhennika za 25 rublei* [I Bought the First Gospel from a Customs Officer for 25 Rubles]. *Interv'yu ot 12.12.2017*. URL: <https://www.pravmir.ru/lyudmila-ulitskaya-pervoe-evangelie-ya-kupila-u-tamozhennika-za-25-rublei/> (accessed: 27.06.2022). (In Russian)
 7. Shishkin, M. P. (2011). *Mikhail Shishkin. Neprikaiannost' pryamoi rechi* [Mikhail Shishkin. Rootlessness of Direct Speech]. *Voprosy literatury*. No. 5, pp. 82–94. (In Russian)
 8. Vodolazkin, E. G. (2020). *Lavr* [Laurel]. 377 p. Moscow, AST. Redaktsiya Eleny Shubinoi. (In Russian)
 9. Aksyonov, V. P. (2015). *Vol'ter'yantsy i vol'ter'yanki* [Fools and Yearlings]. 512 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)
 10. Stepnova, M. L. (2021). *Sad* [A Garden]. 416 p. Moscow, izd. AST. (In Russian)
 11. Stepnova, M. “*Eto budet pokolenie svobodnyh polubogov ili samonadeyannyh monstrov*”: pisatel'nitsa Marina Stepnova o vospitanii sovremennyh detei [“It Will Be a Generation of Free Demigods or Arrogant Monsters”: Writer Marina Stepnova on Raising Modern Children]. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/407005-eto-budet-pokolenie-svobodnyh-polubogov-ili-samonadeyannyh-monstrov-pisatel'nica> (accessed: 28.06.2022). (In Russian)
 12. Lihachyov, D. S. (2001). *Istoricheskaya poetika russkoi literatury. Smekh kak mirovozzrenie i drugie raboty* [Historical Poetics of Russian Literature. Laughter as a Mindset and Other Works]. 566 p. St. Petersburg, Aleteiya. (In Russian)
 13. Likhachev, D. S. (1997). *Kontseptosfera russkogo yazyka. Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta* [Conceptosphere of the Russian Language. Russian Literature. From Theory of Literature to the Structure of the Text]. Pp. 280–287. Moscow, Academia. (In Russian)
 14. Zaliznyak, A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. (2012). *Konstanty i peremennye russkoi yazykovoi kartiny mira* [Constants and Variables of the Russian Language Picture of the World]. 696 p. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur. (Yazyk. Semiotika. Kul'tura). (In Russian)
 15. Kucherskaya, M. A. (2008). *Bog dozhdya* [The God of Rain]. 320 p. Moscow, Vremya. (In Russian)
 16. Ulitskaya, L. E. (2013). *Svyashchennyi musor* [Sacred Trash]. 476 p. Moscow, Astrel. (In Russian)

17. Afanas'ev, A. N. (1986). *Narod-hudozhnik: Mif. Fol'klor. Literatura* [People as an Artist: Myth. Folklore. Literature]. 366 p. Moscow, Sov. Rossiya. (In Russian)
18. Toporov, V. N. (1995). *Eshchyo raz o drevnegrecheskoy "sofiya": proiskhozhdienie slova i ego vnutrennii smysl* [Once Again about the Ancient Greek "Sophia": The Origin of the Word and Its Inner Meaning]. V. N. Toporov. *Svyatost' i svyatye v russkoi duhovnoi kul'ture*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. T. 1. Pervyi vek khristianstva na Rusi. (In Russian)
19. Averintsev, S. S. (1990). *Kreshchenie Rusi i put' russkoi kul'tury* [Baptism of Rus and the Path of Russian Culture]. Kontekst-90. Pp. 64–72. Moscow, Nauka. (In Russian)
20. Bychkov, V. V. (2012). *Drevnerusskaya estetika* [Old Russian Aesthetics]. 832 p. St. Petersburg, Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ (Seriya "Rossiiskie Propilei"). (In Russian)
21. Rubina, D. I. *Sovremennye pisateli o russkom yazyke* [What Modern Writers Think about the Russian Language]. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2017/10/19/sovremennye-pisateli-o-russkom-yazyke> (accessed: 25.06.2022). (In Russian)
22. Rubina, D. I. (2012). *Okna* [Windows]. 276 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)
23. Kazanskii, N. N. (2015). *Russkii yazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury* [Russian among the Languages of Europe]. Materialy XIII Kongressa MAPRYAL Moscow, MAPRYAL, pp. 102–104. (In Russian)
24. Lihachev, D. S. (2015). *Russkaya kul'tura v sovremennom mire* [Russian Culture in the Modern World]. D. S. Lihachyov. *Izbrannye trudy po russkoi i mirovoi kul'ture*. Pp. 53–67. St. Petersburg, SPbGUP. (In Russian)
25. Kristeva Yulia. (2021). *Dostoyevsky, or The Flood of Language*. Columbia University Press. 112 p. URL: <http://kristeva.fr/dostoyevsky-or-the-flood-of-language.html> (accessed: 25.06.2022). (In English)
26. Heiden Liza (2016). *Slova "neperevodimyi tekst" deistvuyut na menya kak vyzov* [The Words "the Untranslatable Text" Have a Challenging Effect on Me]. Interv'yu ot 04.10.2016. URL: <https://russkiymir.ru/publications/214848/> (accessed: 27.06.2022). (In Russian)

The article was submitted on 10.02.2023
Поступила в редакцию 10.02.2023

Панова Ольга Борисовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
НИ Томский государственный университет,
634050, Россия, Томск,
пр. Ленина, 36.
olga_panova_1973@mail.ru

Маругина Надежда Ивановна,
кандидат филологических наук,
доцент,
НИ Томский государственный университет,
634050, Россия, Томск,
пр. Ленина, 36.
marugina_nadya@mail.ru

Panova Olga Borisovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
National Research Tomsk State University,
36 Lenin Str.,
Tomsk, 634050, Russian Federation.
olga_panova_1973@mail.ru

Marugina Nadezhda Ivanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
National Research Tomsk State University,
36 Lenin Str.,
Tomsk, 634050, Russian Federation.
marugina_nadya@mail.ru

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

© Светлана Петрова

RUSSIAN LITERATURE IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Svetlana Petrova

The promotion of the Russian language in the world is one of the main goals of the modern Russian education strategy. An important part of this problem is teaching Russian to foreigners in Russian universities. The current problem of modern Russian studies is the search for the most effective forms, methods and means of Russian language learning. Teaching Russian to foreigners should be built on an interdisciplinary basis. The most important component of teaching Russian to foreign students is literature. Turning to it, foreigners get acquainted with the history, culture and traditions of Russia from different eras. Russian literature is very popular in different countries. The works of Russian writers are studied in schools and universities in China.

The article presents the authorial method of teaching the Russian language to Chinese bachelors and masters based on a graphical and symbolic analysis of Russian literature. Our methodology uses the practice-oriented traditions of semiotics, mnemonics and ergonomics. When studying Ivan Turgenev's story "Bezhin Meadow", we focus on the features of its analysis in the Chinese audience. This lesson is preceded by a historical-literary and cultural commentary of the teacher who uses various multimedia tools. An integral part of our methodology is the creation of an adapted educational text with marked stresses, vocabulary work and various types of retelling, grammar tasks and a graphic drawing of the analyzed text. With this approach to the educational process, foreign students develop visual memory, better understand Russian grammar and improve oral coherent speech, which contributes to a deeper and more meaningful interest in the Russian language. The use of modern technologies, while working on a literary text, helps foreign students to better understand the national flavor of Russian literature. The study has led to the need to implement new approaches to teaching the Russian language to Chinese students at the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov.

Keywords: Russian as a foreign language, Russian literature, mentality, Chinese audience, literary text, semiotics

Продвижение русского языка в мире – одна из главных целей стратегии современного российского образования. Важной частью этой проблемы является обучение русскому языку иностранцев в российских вузах. Актуальной проблемой современной русистики являются поиски наиболее эффективных форм, методов и средств обучения иностранцев. Обучение русскому языку иностранцев должно строиться на междисциплинарной основе. Самым важным компонентом обучения русскому языку иностранных студентов является литература. Обращаясь к ней, иностранцы знакомятся с историей, культурой, традициями России разных эпох. Русская литература очень популярна в разных странах. Произведения русских писателей изучают в школах и вузах Китая.

В статье излагается авторская методика обучения русскому языку китайских бакалавров, магистрантов на основе графико-символического анализа произведений русской литературы. В основе нашей методики лежат практико-ориентированные традиции семиотики, мнемотехники, эргономики. На материале рассказа И. С. Тургенева «Бежин луг» показываем особенности его анализа в китайской аудитории. Этому занятию предшествует историко-литературный, культурологический комментарий преподавателя с использованием различных мультимедиа средств. Составной частью нашей методики является создание адаптированного учебного текста с проставленным ударением, словарная работа, различные виды пересказа, грамматические задания, создание графического рисунка анализируемого текста. При таком подходе к учебному процессу иностранцы развивают зрительную память, лучше понимают русскую грамматику, совершенствуют устную связную речь – все это способствует более глубокому и осмысленному интересу к русскому языку. Использование современных технологий в процессе работы над художественным текстом помогает иностранцам лучше понять национальный колорит русской литературы. Проведенное исследо-

вание привело к необходимости реализации новых подходов к обучению китайцев русскому языку в Северо-Восточном федеральном университете имени М. К. Аммосова.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, русская литература, менталитет, китайская аудитория, художественный текст, семиотика

Для цитирования: Петрова С. Русская литература в практике преподавания РКИ // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №3 (73). С. 248–256. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-248-256

Современная цивилизация вступает в очередную фазу своего развития, создавая новые проблемы: социальные, экономические, экологические, культурные. XXI век поставил перед современным образованием новые цели и задачи, что потребовало эффективных методических решений. Ответ на поставленные временем вопросы связан с пониманием основных положений стратегии современного образования. Стратегическая цель современного образования предполагает его качество. Это связано с совершенствованием деятельности институтов образования, созданием инновационной структуры непрерывного образования.

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова – один из ведущих вузов на Дальнем Востоке. В нем обучаются свыше 18000 студентов, магистрантов, аспирантов. Структура университета представляет собой 12 институтов, 5 факультетов, научно-исследовательских лабораторий, 3 филиала. В СВФУ разработаны 545 ООП, более ста программ магистратуры, 204 дополнительные программы образования.

В последние годы в СВФУ активно развивается международная деятельность. Ежегодно увеличивается количество иностранцев из стран Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего Востока, Африки, а также СНГ, приезжающих на учебу в университет для получения высшего образования. Для обучения иностранцев в СВФУ велика роль русского языка как языка посредника, помогающего социализироваться в таком многонациональном регионе, каковым является Республика Саха (Якутия).

Актуальной проблемой современного образования являются поиски более эффективного обучения русскому языку иностранцев [1, с. 78]. Русистика как педагогическая наука имеет многолетние традиции теоретического и практического осмысления обучения русскому языку в иностранной аудитории. Появились учебники по РКИ с использованием цифровых технологий [2, с. 224]. Однако сегодня важно, опираясь на уже пройденное, находить современные пути и формы обучения русскому языку в инонациональной аудитории.

Перед высшей школой стоит важная задача не только обучить иностранцев русскому языку, но и вызвать у них желание знать и понимать русскую литературу. Как показала практика, в современных условиях обучения РКИ необходимы новые методические подходы [3, с. 80] и современные технологии [4, с. 274], так как речь идет о создании новой модели обучения, в которой человек предстает как гражданин мира. Именно такой подход связан с перспективным развитием русистики [5, с. 124]. В современных исследованиях по русистике говорится об изменении «вектора методики РКИ» в соответствии с новыми запросами общества [6, с. 2068].

Проблемы развития русистики находятся в центре внимания преподавателей кафедры русского языка как иностранного филологического факультета СВФУ, которой в 2022 году исполнилось 10 лет. Преподаватели кафедры были инициаторами проведения международных форумов, конференций не только в России, но и за рубежом. Созданы учебные пособия, разработана инновационная методика обучения РКИ символического анализа художественного произведения на основе графики (автор – профессор С. М. Петрова) [7, с. 60]. Теоретической основой нашей методики являются работы зарубежных и российских семиологов (М. М. Бахтин, В. С. Библер, В. В. Мантатов, Ф. де Соссюр, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман и др.). Еще древние философы определяли слова «как суть знаков вещей и идей» (Платон), как «знаки мыслей» (Аристотель). Термин «семиотика» принадлежит Д. Локку. Создателем семиотики как науки о знаках стал Ч. С. Пирс, который считал, что каждое слово есть символ. Термин «семиотика» принадлежит английскому философу-материалисту XVII в. Д. Локку, основоположнику ассоциативной психологии [8, с. 158].

Г.-В. Лейбниц отмечал, что необходимым условием рассуждения человека является знаковость.

Значительный вклад в развитие отечественной семиотики внес А. Ф. Лосев. Ученый писал, что символ – это «развернутый знак». Эту идею развил Д. С. Лихачев, считавший, что «весь мир полон символов». Для ученых-семиологов важны

утверждения Э. В. Ильенкова, М. И. Макарова о том, что знак выражает, а символ раскрывает то или иное значение.

М. К. Мамардашвили назвал семиотику «методикой обращения со знаками», тем самым определил новое направление в современном образовании [9, с. 108]. Важными для развития нашей методики стали слова профессора МГУ М. В. Косиловой о том, что «обучение должно соответствовать принципам работы мозга» [11, с. 17]. Следовательно, в обучении китайских студентов нужно учитывать специфику данного контингента. Следующим этапом развития нашей методики стали работы семиологов Тартуской школы Ю. М. Лотмана [11, с. 15] и их идеи об особенностях анатомического строения человеческого мозга, состоящего из двух полушарий. Ученые пришли к выводу о том, что работа левого полушария связана с реализацией таких функций, как аналитичность, логичность, линейность, последовательные процессы, зрительное фокусирование, детализация. С работой правого полушария связаны такие понятия, как целостность восприятия, ориентация в пространстве, комбинаторные процессы, наблюдение, артистичность [12, с. 40].

Все вышеизложенное побудило нас к поискам тех форм обучения, которые были бы эффективны в китайской аудитории. Обучение китайцев русскому языку представляет особые трудности, связанные со спецификой китайского языка, его фонетических и грамматических особенностей. Нужно учитывать специфику системы обучения в Китае, основанной на объектно-объектных отношениях между учителем и учеником.

Суть нашей методики заключается в том, что обучение русскому языку китайцев происходит через чтение текста художественной литературы. Как правило, на уровне А2. Мы создаем адаптированный учебный текст, сохраняя содержание, национальный колорит произведения, проблематику. Каждый учебный текст делится на смысловые части. В адаптированном тексте даются задания для обучающихся: прочитать текст, провести словарную работу, составить предложения. «Сердцевиной» нашей методики является графика, которая не придумывается, а создается исходя из текста. Эта графика символична, так как связана с идеей произведения и той или иной части. Чтобы понять смысл произведения, преподаватель должен хорошо понимать изучаемую эпоху, знать биографию автора (многие произведения писателей автобиографичны) и внимательно читать текст. Только медленное, вдумчивое чтение помогает преподавателю, а потом и

студентам правильно понимать текст. В работе с иностранцами очень важна подготовительная работа (историко-литературный комментарий, слово учителя, различные виды наглядности, словарная работа и др.), что помогает психологически подготовиться к пониманию произведения русской литературы.

Иностранные студенты, обучающиеся в СВФУ, не только изучают русский язык, но и знакомятся с произведениями русской литературы, что помогает им лучше понять все сложности изучаемого языка [13, с. 60]. 2023 год по праву можно назвать юбилейным годом многих русских писателей XIX–XX вв.: И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, А. Н. Островский, Н. Г. Чернышевский, Максим Горький, А. П. Чехов, В. Г. Короленко, М. М. Пришвин, В. В. Маяковский, Чингиз Айтматов, Расул Гамзатов, А. А. Вознесенский, А. И. Солженицын, – и это еще не полный список. Произведения русских писателей изучаются в школах и вузах многих стран. Преподаватели кафедры РКИ на своих занятиях знакомят иностранных студентов с произведениями многих русских писателей, особенно тех, чье творчество связано с Республикой Саха (Якутия). Например, известный русский писатель В. Г. Короленко. За свои прогрессивные взгляды он отбывал ссылку в Якутии. За три года пребывания в якутской ссылке он не только изучил якутский язык, но и сам учил местных детей русскому языку, занимался хлебопашеством, а также различными ремеслами. Именно рассказы о жизни местного населения, переведенные на многие языки мира, сделали его имя широко известным. На занятиях иностранцы знакомятся со многими писателями, хорошо известными в России. Так, музыкально-литературная композиция, посвященная 100-летию дагестанского поэта Расула Гамзатова, вызвала большой интерес как у школьников, так и у студентов. С большим волнением китайские студенты слушали песню «Журавли» на слова Р. Гамзатова в исполнении российских и китайских артистов. Студент 3 курса ФЛФ Ван Цзяси читал на русском и китайском языках стихи поэта-шестидесятника А. А. Вознесенского. Чжан Минюэ впервые познакомилась с творчеством В. В. Маяковского, что расширило ее представление о русской литературе начала XX века. Как показала практика, русская литература очень популярна в Китае. На китайский язык переведены многие произведения русских писателей. Они изучаются в школах и вузах Китая.

Русская литература очень популярна в Китае, так как по духу близка китайскому читателю. Русская литература повлияла на мировоззрение и

ценности нескольких поколений китайцев, а романы Л. Н. Толстого «Анна Каренина», Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», Н. А. Островского «Как закалялась сталь» вызвали настоящий шок в сердцах китайцев. Произведения многих русских писателей издавались в полных собраниях сочинений и в разных переводах китайских исследователей [14, с. 93]. Китайские литературоведы очень точно уловили особенности художественного метода титанов русской литературы, говоря о том, что Л. Н. Толстой представляет «широту русской литературы», а Ф. М. Достоевский – «глубину русской литературы». Повесть К. Г. Паустовского «Золотая роза» включена в серию книг по зарубежной классической литературе. Хорошо известны китайцам разных поколений стихи М. Ю. Лермонтова, С. А. Есенина, повесть М. Горького «Детство», рассказ К. Симонова «Свеча» и др.

Особенно популярны в Китае произведения А. П. Чехова. Китайские писатели и ученые (Лу Синь, Мао Дунь, У Сяоцзюнь и др.) отмечали, что рассказы русского писателя близки китайскому миру, потому что в них «правда, искренность и доброта». Однако существует проблема правильного перевода произведений русских писателей на китайский язык. Они не всегда имеют точный перевод: например, роман Н. А. Островского «Как делается сталь» (вместо «Как закалялась сталь»), роман И. С. Тургенева «Отец и сын» (вместо «Отцы и дети»), рассказ В. Г. Короленко «Мечта Макара» (вместо «Сон Макара»). Тем не менее русская литература достаточно широко представлена в школьных программах Китая [15, с. 133]: стихотворение А. С. Пушкина «Если жизнь тебя обманет» – в 7 классе, «Как закалялась сталь» Н. А. Островского – в 8 классе, стихотворение М. Горького «Песня о Буревестнике», рассказ А. П. Чехова «Хамелеон» – в 9 классе.

Особое место среди русских писателей, творчество которых вызывает интерес у китайских читателей, занимает И. С. Тургенев. Его стихотворение в прозе «Воробей» изучается в 4 классе начальной школы. Его романы переведены на китайский язык, например «Отцы и дети». Конечно, имя И. С. Тургенева не столь известно в Китае, как имена А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого и др., но китайские исследователи проявляют большой интерес к изучению творчества Тургенева. В этом году отмечается 140-летний юбилей великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева. На занятиях с китайскими студентами мы знакомим с его жизнью и творчеством. На примере рассказа «Бежин луг» китайские студенты получают благоприятную возможность

еще раз соприкоснуться с неповторимым талантом Тургенева как патриота, рассказчика, живописца слова.

Приводим материал, связанный с работой по тексту рассказа И. С. Тургенева «Бежин луг». В процессе анализа этого произведения китайские студенты знакомятся не только с его содержанием, но и видят графическое изображение глав. Пониманию данного рассказа помогает комментарий, раскрывающий смысл того или иного эпизода. Графико-символическому анализу рассказа предшествует большая подготовительная работа, в процессе которой используются современные мультимедийные технологии, дается объемный историко-литературный комментарий (с учетом уровня знания китайцами русского языка).

Графико-символический анализ рассказа И. С. Тургенева «Бежин луг» [16, с. 40].

В процессе работы над рассказом И. С. Тургенева «Бежин луг» мы создаем учебный адаптированный текст, который делится на смысловые части (как правило, каждая часть состоит из 10–12 предложений). Учебный текст сохраняет не только содержание произведения, но и его идейный смысл, национальный колорит, эпоху, авторское присутствие.

Такие тексты должны легко читаться иностранцами, они должны их понимать, запоминать, пересказывать. Работая с таким текстом, иностранец должен понять грамматическую структуру русского языка, развивать речевые навыки. Подобную работу мы начинаем с небольших текстов (сказка, рассказ), когда иностранцы приближаются к уровню А2 знания русского языка.

В данном случае рассмотрим, как проводится графико-символический анализ на примере рассказа И. С. Тургенева «Бежин луг». Это небольшое по объему произведение, которое изучается в среднем звене школы, вряд ли является «детским» чтением. В нем автор показывает не только красоту русской природы, но и пишет о духовной и душевной красоте русского народа, в данном случае на примере описания детей, с которыми случайно встретился герой рассказа охотник (сам писатель).

Начало рассказа связано с описанием природы, что особенно важно для понимания иностранцами идеи произведения. Известно, что И. С. Тургенев много лет жил за границей, в частности во Франции. Когда писатель приезжал в Россию и создавал свои произведения, то чувствовалось, насколько он соскучился по родным местам. Эти чувства особенно проявлялись в описании русской природы. Так, в части 1 «Опи-

сание природы» автор тщательно выписывает значащие для него детали: «... небо ясно. Солнце светлое». В то же время в тексте появляются слова, контрастирующие с описанием дня: «заблудился», «ночь, огоньки».

Чтобы иностранцы поняли смысл этих слов, мы комментируем их, обращаясь к эпизодам из жизни писателя. Иностранные студенты узнают, что И. С. Тургенев родился в богатой семье, но с детства его друзьями были дети из бедных семей. Возможно, именно этот факт отразился на дальнейшей жизни будущего писателя и на его мировоззрении. Будучи гуманистом по своим взглядам, Тургенев не был сторонником насильственного изменения режима. Он верил в «доброе» царя, был сторонником мирного решения политических проблем. Отсюда в тексте рассказа появляются неожиданные слова «заблудился», «ночь». В рассказе Тургенева много символических образов, отражающих его идеи, мечтания. Впереди охотник, герой рассказа, видит огоньки и детей как символ надежды, выхода из реальной политической ситуации.

На занятиях иностранные студенты знакомятся с нашей системой графико-символического анализа. Мы комментируем символическое изображение читаемой части рассказа

Эта линия обозначает пространство. Такая графика легко запоминается и дает возможность воспроизвести текст.

Важную роль в понимании текста играет словарная работа. Как правило, это незнакомые слова, значение которых преподаватель объясняет, или студенты ищут в словаре значение этого слова. В то же время мы дифференцируем слова и делим их на опорные и ключевые. Мы объясняем, что опорные слова – это слова, отражающие общий смысл отрывка текста, а ключевые слова имеют более глубокий смысл и, как правило, это абстрактные слова.

Вторая часть называется «Встреча с мальчиками». Каждому из пяти мальчиков автор да-

ет характеристику, указывая на детали, отличающие одного от другого.

При описании Феди выделяется слово «стройный». Поэтому данная часть текста графически изображается, как удлинённая линия.

Для словарной работы были взяты слова, среди которых есть незнакомые (*нужда, забава, пояс, каемка, гребешок, сапоги*), а также слова, отражающие национальный колорит рассказа (*армячок*).

Второй мальчик Павлуша. У него «приземистое тело». В отличие от Феди Павлуша был одет бедно. У него была «замашная рубаха» и «заплатанные порты».

Комментируя графику этой части, отмечаем, что Павлуша был невысокого роста. Поэтому графически эта часть изображается короткой линией.

Объясняем, что *замашная рубаха* – это рубаха из толстой грубой ткани, а *заплатанные порты* – это старые штаны, которые много раз зашивали, чтобы не были видны дыры. При этом выделяем опорные (*волосы, скулы, голова, тело*) и ключевые слова (*сила*).

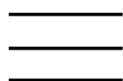

Портретная характеристика третьего мальчика, **Илюши**, достаточно трудная для понимания иностранцами. Здесь могут помочь иллюстрации, но они не всегда точно передают портрет. В определенной степени могут помочь словари, но

они тоже не всегда правильно передают изначальный смысл. Используя иллюстрацию, отмечаем, что на нем были *новые лапти и онучи; толстая веревка, три раза перевитая вокруг стана...*

В этом отрывке есть характерная деталь «*веревка, три раза перевитая вокруг стана*». Эта деталь говорит о том, что Ильюша из бедной семьи. Эта длинная веревка использовалась в доме для разных нужд. При проведении словарной работы используются различные методические приемы и средства наглядности: это может быть устное словесное рисование с обращением к словарю (*заботливость, сжатые губы, сдвинутые брови, цуриться*), а также рисунки для объяснения опорных слов, отражающих национальный колорит произведения (*лапти, онучи, веревка, свитка*). Ключевым словом в этом тексте будет: *огонь*.

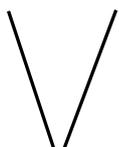
Графически деталь «**веревка, три раза перевитая...**» изображается тремя параллельными линиями.

Характеризуя четвертого мальчика Костю, автор отмечает не только «*задумчивые и печальные*» глаза», но и характерную деталь – худое лицо «*книзу заострено, как у белки*».

В процессе проведения словарной работы выделяются *опорные* (лицо, веснушки, глаза) и *ключевые* слова (любопытство, впечатление).

Комментарий к графике

Это «лицо... книзу заострено, как у белки» графически изображается своеобразным «треугольником».

Самому младшему из мальчиков, Ване, было *лет семь*. Рассказчик вначале его не заметил. В процессе работы по расширению словарного запаса иностранцев отмечаем слова, отражающие национальный колорит русской литературы («*смирнехонько*», «*прикорнуть*», «*изредка*», «*рогожа*», «*русяя кудрявая голова*» и др.) и отноше-

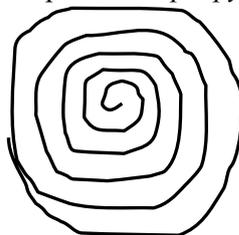
ние автора к происходящему. Эти слова относятся к *опорным* словам. Слово «*земля*» можно отнести к *ключевым* словам, так как оно обозначает Россия, Общество.

Комментарий к графико-символическому анализу этой части. Мы рисуем линию, обозначающую положение маленького человека, который лежит на земле. Но придет время, когда он вырастет, встанет с земли и двинется вперед в свое светлое будущее, о чем так мечтал писатель.

«он лежал на земле...».

Третью часть рассказа преподаватель кратко пересказывает, потому что иностранцы не всегда понимают особенности русского фольклора. Незнакомые и непонятные иностранцам слова объясняются, чтобы они поняли хотя бы общий смысл этих понятий. И эти слова относятся к *опорным*: *псарь, русалка, домовой, водяной*.

Рассказанные ребята ночью истории и легенды на основе мифов, выдумок, пробуждали в их сознании фантазмагорические картины, что изображено в виде спирали.

Рассказ И.С. Тургенева «Бежин луг» завершает описание начинающегося утра. Преподаватель зачитывает отрывок из текста.

Заключительная часть рассказа наполнена оптимизмом, стилистической динамикой «*проснулось, запело, зашумело, заговорило...*», что отражало оптимизм автора, его веру в обновление.

Графически это настроение выражается стрелкой, направленной вверх.

В процессе анализа текста проводится словарная работа с *опорными* (*верста, роса, табун*) и *ключевыми* (*поток, прохлада, свет*) словами,

Как показала практика, китайские студенты с интересом относились к учебному процессу, во

время которого они работали с текстом по русской литературе. Графика помогала им лучше запомнить текст, однако нужно отметить, что китайским студентам не хватает понимания русской культуры и ее национальных особенностей. Из-за отсутствия у китайских студентов достаточного понимания особенностей русской культуры их восприятие русской литературы оставляет желать лучшего. Среди причин непонимания китайцами русской литературы являются незнакомые слова. На разных этапах обучения китайские студенты знакомились с разными произведениями русских писателей, с разными жанрами русской литературы. Студенты не всегда понимают разницу между незнакомыми и устаревшими словами: *землянка, веретено, корыто, барыня, светелка, столбовая дворянка* (А. С. Пушкин. «Сказка о рыбаке и рыбке»), *челядь, вершок, дюжий, целковый* (И. С. Тургенев. «Муму»).

В обучении китайских студентов существует большая проблема – это ударение в русском языке. В русском языке ударение может ставиться на любой слог, в отличие от китайского языка, где ударение ставится на последний слог. Поэтому здесь важно аудирование, поскольку иностранцам не хватает слухового восприятия при чтении текста. Для многих студентов препятствием в понимании учебного материала является исторический комментарий. Многие исторические события, о которых говорится в том или ином произведении, им совершенно непонятны (например, Отечественная война 1812 г., восстание декабристов). Но самая трудная для иностранцев проблема – проблема текста. В эпоху популярности коротких видеороликов необходимо разрабатывать короткие тексты, способствующие пониманию их содержания в любой аудитории. Решение этой проблемы нашло отражение в нашей авторской методике, где представлены адаптированные тексты изучаемого произведения. Такие тексты легко читаются, хорошо запоминаются. Их содержание понятно, так как проводится словарная работа.

Таким образом, как показала практика обучения китайских студентов русскому языку, именно художественный текст в наибольшей степени помогает развитию устной связной речи иностранцев, способствует углублению интереса к русскому языку, желанию лучше понимать историю, традиции, обычаи страны изучаемого языка. Используемая нами авторская методика показала свою эффективность. Графика помогла студентам воспроизвести текст рассказа, хорошо усвоить его содержание, правильно формулировать вопросы и отвечать на вопросы, составленные другими студентами.

По данной методике мы проводили мастер-класс в разных странах (Китай, Япония, Республика Корея, Вьетнам, Тунис, Монголия), и везде эта методика вызывала большой интерес у зарубежных русистов, так как аналогов этой методике нет.

Список источников

1. Пугачев И. А. Этноориентированная методика в поликультурном преподавании русского языка как иностранного: Монография. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2011. 284 с.
2. Степаненко В. А. Привет, Россия! Учебник русского языка (элементарный уровень) / В. А. Степаненко, М. М. Нахабина, Е. Г. Кольовска и др. М.: Изд-во Кучково поле, 2020. 272 с.
3. Гарцов А. Д. Новые приоритеты методики преподавания РКИ // Вестник РУДН, сер. Русский и иностранный языки и методика их преподавания. 2005. № 1. С. 78–85.
4. Хомяков С. А. Современные технологии при обучении РКИ, или преподаватель в новой реальности // Педагогический журнал. 2020. Т. 10. № 5А. С. 274–280.
5. Васильева Е. А. Новые приемы поддержания высокой мотивации при обучении РКИ / Е. А. Васильева, Н. И. Гетьманенко, Л. Кореновская // Вестник ЦМО МГУ. 2013. № 1. С. 124–129.
6. Степаненко В. А. Изменение вектора методики РКИ в соответствии с новыми запросами общества / в сб.: Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып. 5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ (г. Казань, 4–8 октября 2016 года). СПб.: Изд-во РОПРЯЛ. С. 2068–2072.
7. Петрова С. М. Инновационная методика: литература, семиотика, графика в системе обучения русскому языку как иностранному: учебное пособие. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2020. 128 с.
8. Пирс Ч. С. Логические основания теории знаков / Ч. С. Пирс; пер. с англ. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина. СПб.: Алетейя, 2000. 352 с.
9. Мамардашвили М. К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский: под общей ред. Ю. П. Сенокосова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 108.
10. Косилова М. Ф. Фундаментальные науки и практики: некоторые особенности работы мозга и преподавание иностранных языков // Вестник Москов. ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 2. С. 7–12.
11. Лотман Ю. М. Семiosфера. СПб.: Искусство, 2000. 704 с.
12. Бергер А. Видеть – значит верить. Введение в зрительную коммуникацию. 2-е изд. М.: Вильямс, 2005. С. 40–41.
13. Миксюк Р. В. Художественный текст на уроках русского языка как иностранного // Высшее техническое образование. Том 3, № 1, 2019. С. 60–62.
14. Ван Ц. О переводе и распространении русской литературы в Китае за последние 30 лет (с 80-х

годов) // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: в 15 томах, Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г. Гранада, Испания: Международное некоммерческое партнерство преподавателей русского языка и литературы «МАПРЯЛ», 2015. С. 93–96.

15. Богданова Л. И. Русская литература в Китае: Международная научная конференция «Русская литература и искусство: междисциплинарные подходы» (Китай, г. Ханчжоу, Чжэцзянский университет, 15–18 апреля 2016 г.) // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 4 (24). С. 133–136.

16. Тургенев И. С. Бежин луг. Полное собрание сочинений в 30 т. Т.3. М.: Наука, 1979. С. 40–55.

References

1. Pugachev, I. A. (2011). *Etnoorientirovannaya metodika v polikul'turnom prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo: Monografiya* [Ethno-Oriented Methodology in the Multicultural Teaching of Russian as a Foreign Language: A Monograph]. 284 p. Moscow, izd-vo Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. (In Russian)

2. Stepanenko, V. A. (2020). *Privet, Rossiya! Uchebnik russkogo yazyka (elementarnyj uroven')* [Hello Russia! Russian Language Textbook (Elementary Level)]. V. A. Stepanenko, M. M. Nakhabina, E. G. Kol'ovska i dr. 272 p. Moscow, izd-vo Kuchkovo pole. (In Russian)

3. Gartsov, A. D. (2005). *Novye priority metodiki prepodavaniya RKI* [New Priorities of a Technique of Teaching RKI]. Vestnik RUDN, ser. Russkii i inostrannii yazyki i metodika ikh prepodavaniya. No. 1, pp.78–85. (In Russian)

4. Khomyakov, S. A. (2020). *Sovremennyye tekhnologii pri obuchenii RKI, ili prepodavatel' v novoi real'nosti* [Modern Technologies in Teaching Russian as a Foreign Language, or a Teacher in a New Reality]. Pedagogicheskii zhurnal. T. 10. No. 5A, pp. 274–280. (In Russian)

5. Vasil'eva, E. A. (2013). *Novye priyomy podderzhaniya vysokoi motivatsii pri obuchenii RKI* [New Techniques for Maintaining High Motivation when Teaching Russian as a Foreign Language]. E. A. Vasil'eva, N. I. Get'manenko, L. Korenovskaya. Vestnik CMO MGU. No. 1, pp.124–129. (In Russian)

6. Stepanenko, V. A. (2016). *Izmenenie vektora metodiki RKI v sootvetstvii s novymi zaprosami obshchestva* [Changing the Vector of the RFL Methodology in Accordance with the New Demands of Society]. Dinamika yazykovykh i kul'turnykh processov v sovremennoi Rossii Vyp. 5. Materialy V Kongressa ROPRYAL (g. Kazan', 4–8 oktyabrya 2016 goda). Pp. 2068–2072. St. Petersburg, izd-vo ROPRYAL. (In Russian)

7. Petrova, S. M. (2020). *Innovatsionnaya metodika: literatura, semiotika, grafika v sisteme obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu: Uchebnoe posobie* [Innovative Methodology: Literature,

Semiotics, Graphics in the System of Teaching Russian as a Foreign Language: A Textbook]. 128 p. Yakutsk, izdatel'skii dom SVFU. (In Russian)

8. Peirce, Ch. S. (2000). *Logicheskie osnovaniya teorii znakov* [Logical Foundations of the Theory of Signs]. Ch. S. Peirce; per. s angl. V. V. Kiryushchenko, M. V. Kolopotina. 352 p. St. Petersburg, Aleiteiya. (In Russian)

9. Mamardashvili, M. K. (1997). *Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazyke* [Symbol and Consciousness. Metaphysical Reasoning about Consciousness, Symbolism and Language]. M. K. Mamardashvili, A. M. Pyatigorskii: pod obshchei red. Yu.P. Senokosova. P. 108. Moscow, Shkola “Yazyki russkoi kul'tury”. (In Russian)

10. Kosilova, M. F. (2006). *Fundamental'nye nauki i praktiki: nekotorye osobennosti raboty mozga i prepodavanie inostrannykh yazykov* [Fundamental Sciences and Practices: Some Features of the Brain and Foreign Language Learning]. M. F. Kosilova. Vestnik Moskov. un-ta. Seriya 19. Lingvistika i mezhekul'turnaya kommunikatsiya. No. 2, pp.7–12. (In Russian)

11. Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosfera* [Semiosphere]. Yu. M. Lotman. 704 p. St. Petersburg, Iskusstvo. (In Russian)

12. Berger, A. (2005). *Videt' – znachit verit'. Vvedenie v zritel'nuyu kommunikatsiyu* [To See Is to Believe. Introduction to Visual Communication]. 2-e izd. Pp. 40–41. Moscow, Vil'yams. (In Russian)

13. Miksyuk, R. V. (2019). *Hudozhestvennyj tekst na urokah russkogo yazyka kak inostrannogo* [Literary Text in the Lessons of Russian as a Foreign Language]. Vysshee tekhnicheskoe obrazovanie. Tom 3. No.1, pp. 60–62. (In Russian)

14. Van, C. (2015). *O perevode i rasprostranении russkoi literatury v Kitae za poslednie 30 let (s 80-kh godov)* [On the Translation and Dissemination of Russian Literature in China over the Past 30 Years (Since the 1980s)]. C. Van. Russkii yazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury: materialy XIII Kongressa MAPRYAL: v 15 tomakh, Granada, Ispaniya, 13-20 sentyabrya 2015 g. Granada, Ispaniya: Mezhdunarodnoe nekommercheskoe partnyorstvo prepodavatelej russkogo yazyka i literatury “MAPRYAL”, pp. 93–96. (In Russian)

15. Bogdanova, L. I. (2016). *Russkaya literatura v Kitae: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya “Russkaya literatura i iskusstvo: mezhdisciplinarnyye podkhody” (Kitai, g. Hanchzhou, Chzheczyanskii universitet, 15-18 aprelya 2016 g.)* [Russian Literature in China: International Scientific Conference “Russian Literature and Art: Interdisciplinary Approaches” (China, Hangzhou, Zhejiang University, April 15–18, 2016)]. L. I. Bogdanova. Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. No. 4(24), pp. 133–136. (In Russian)

16. Turgenev, I. S. (1979). *Bezhin lug. Polnoe sobranie sochinenij v 30 t.* [Bezhin Meadow. Complete Works in 30 Volumes]. T. 3, pp. 40–55. Moscow, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 18.06.2023
Поступила в редакцию 18.06.2023

Петрова Светлана Максимовна,
доктор педагогических наук,
профессор,
Северо-Восточный федеральный университет
имени М.К. Аммосова,
677027, Россия, Якутск,
Кулаковского, 48.
metlit@mail.ru

Petrova Svetlana Maksimovna,
Doctor of Pedagogy,
Professor,
North-Eastern Federal University
named after M. K. Ammosov,
48 Kulakovsky Str.,
Yakutsk, 677027, Russian Federation.
metlit@mail.ru

УДК 811:378.147:811.161.1-027.63(045)
DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-257-263

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК НЕРОДНОЙ И ИНОСТРАННЫЙ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ: МЕТОДИКИ, УЧЕБНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ОБУЧЕНИЯ

© Лариса Прокофьева, Наталия Павлова, Ольга Михайлова

RUSSIAN AS A NON-NATIVE AND FOREIGN LANGUAGE IN MODERN HIGHER EDUCATION: METHODS, TUTORIALS, INDIVIDUAL LEARNING STRATEGIES

Larisa Prokofyeva, Natalya Pavlova, Olga Mikhaylova

The article highlights the methodological techniques and technologies that are relevant to the methodology of teaching Russian as a foreign language and allow teaching the language of a specialty from any level to the required one. The methodological basis of the Russian language, which has gained a foothold in the Russian Federation in the status of a native, second native, non-native, second, and foreign Russian language, motivates RFL teachers to develop and implement modern technological methods that make it possible to build the system of education for this contingent in a Russian university as efficiently as possible.

Elements of hybrid learning, actively implemented in universities of all profiles, make it possible to flexibly use methodological developments to form individual strategies for achieving the main educational goal and personal results. Nevertheless, the lack of uniform departmental recommendations and the documented final level of proficiency in Russian at the university and postgraduate levels of education complicates the process of creating unified textbooks and teaching aids for foreign students of each individual profile.

The experience of working with educational materials, created in universities, shows the need for their wide dissemination through the implementation of the idea of common departmental libraries. We offer a model of a modern contextual manual, using up-to-date pedagogical and technological solutions for joint testing in universities of different profiles.

Keywords: educational technologies, Russian language, foreign students, teaching aids

В статье освещаются приемы и технологии, актуальные в методике преподавания РКИ и позволяющие обучать языку специальности с любого уровня до необходимого. Методическая основа закрепившегося в РФ русского языка в статусе родного, второго родного, неродного, второго иностранного русского языка мотивирует преподавателей РКИ к разработке и внедрению современных технологических приемов, позволяющих максимально эффективно выстраивать систему обучения данного контингента в российском вузе. Элементы гибридного обучения, активно внедряемые в вузах всех профилей, дают возможность гибкого использования методических разработок для формирования индивидуальных стратегий достижения основной образовательной цели и развития личностных результатов. Тем не менее отсутствие единых ведомственных рекомендаций, зафиксированных документами необходимого итогового уровня владения русским языком на вузовском и послевузовском уровне обучения, затрудняет процесс создания единых учебников и учебных пособий для иностранных обучающихся каждого отдельного профиля. Опыт работы с учебными материалами, созданными в вузах, показывает необходимость их широкого распространения с помощью реализации идеи общих ведомственных библиотек. Авторами предлагается модель современного контекстного пособия с использованием актуальных педагогических и технологических решений для совместной апробации в вузах разных профилей.

Ключевые слова: методика преподавания РКИ, образовательные технологии, русский язык, иностранные обучающиеся, учебные пособия

Для цитирования: Прокофьева Л., Павлова Н., Михайлова О. Русский язык как неродной и иностранный в современном вузе: методики, учебные материалы, индивидуальные стратегии обу-

Современное мировое образовательное пространство неожиданно резко для большинства участников процесса вышло на новую ступень развития. Безусловно, подготовка к будущему всегда начинается уже сегодня, но условия пандемии изменили ситуацию одновременно, поэтому системе пришлось приспособливаться практически на ходу. К 2023 году прочно заняли свое место разнообразные дистанционные технологии обучения, которые стали базой для гибридных технологий: HyFlex (Hybrid + Flexible, гибридность и гибкость) – модель, сочетающая элементы очного и онлайн-обучения. Система непрерывного образования, «обучение в течение всей жизни» (life-long learning), начатая уже десятилетия назад, предлагает всем без исключения разнообразные программы «микроквалификации», позволяющие как постоянно повышать уровень знаний и умений в соответствии с вызовами науки и производства, так и гибко менять навыки в соответствии с потребностями времени, личности или работодателя [1]. Усиливающаяся у молодого поколения тенденция к прагматичности привела к необходимости использования технологий совмещения теории и практики для скорейшего вывода обучающегося в самостоятельную жизнь, для чего используются не только учебные заведения, имеющие все ресурсы, но даже социальные сети. Ориентация на индивидуализацию обучения проявляется и в возможности выбора собственной образовательной траектории, и в автономной организации данного процесса, и в предпочтении домашнего обучения. Все эти и некоторые другие мировые образовательные тренды пришли в Россию и актуализировались здесь. Год Педагога и Наставника, расширенное внимание всех заинтересованных ведомств и массмедиа к проблемам образования помогают ознакомиться со всеми предоставляемыми государством и частными организациями / лицами возможностями для принятия каждым участником процесса самостоятельного решения, применить имеющиеся административные ресурсы для максимально эффективной организации современной разнообразной образовательной деятельности. Безусловно, особенно важным становится формирование стандартов, позволяющих сравнивать получаемые результаты разными способами квалификации и делать правильный выбор.

Система подготовки иностранных обучающихся в вузах РФ, как нам кажется, быстрее всех приняла современные тенденции, потому что ка-

чество российского образования, подтвержденное временем, а также высокий уровень современной профессиональной подготовки преподавателей, работающих с данным контингентом, позволили быстро приспособить имеющиеся ресурсы к новой реальности и освоить новые технологии и методики обучения.

Статистические данные, приводимые в регулярных исследованиях РОПРЯЛ и Института русского языка им. А. С. Пушкина, свидетельствуют о традиционно высоком интересе к медицинским и инженерным специальностям, лингвистике и журналистике, геологии, международным отношениям. География периодически меняется, но неизменно сохраняется потребность в подготовке специалистов у таких значительных по образовательному рынку партнеров, как Китай и Индия, страны Малой Азии, Африки и Центральной Америки. Среди наших ближайших соседей лидерами являются Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан [2]. Сохранившийся (а на некоторых специальностях и возросший) контингент иностранных студентов представлен сегодня гражданами стран дальнего и ближнего зарубежья с разным уровнем владения русским языком – от нулевого до С2, что обусловлено многими внешними факторами. Соответственно, курс русского языка для иностранных граждан не может быть одинаковым для абитуриентов, у которых никогда не было контактов с русским языком, для тех, у кого он используется только в домашнем окружении, но отсутствует полностью или присутствует эпизодически вне семьи, и для тех, у кого русский язык сохраняется в курсе среднего образования (в любом объеме). Закрепившееся сегодня в методической науке разделение на русский как родной, второй родной, неродной, иностранный [3] и даже эритажный позволяет развивать педагогические технологии в обучении языку с любого уровня до необходимого для полноценного обучения в вузе России и продолжать его на русском языке столько, сколько необходимо [4]. К сожалению, реальность такова, что единая специальная дисциплина в государственных стандартах на вузовском и послевузовском уровне обучения отсутствует, но вузам дано право самостоятельно выстраивать образовательную траекторию иностранных студентов на русском или языке-посреднике (чаще английском, реже французском, испанском), но это не обязывает к соблюдению даже приблизительных часов, прописанных в Требованиях по РКИ [5]. Между тем

именно их содержание легло в основу приказа Министерства образования и науки РФ № 255 от 01 апреля 2014 г. «Об утверждении уровней владения русским языком как иностранным языком и требований к ним» [6]. Отсутствие единой системы и разный реальный уровень владения русским языком часто становятся препятствием для полноценной кооперации вузов в системе учета зачетных единиц учебных дисциплин, создания единых ведомственных учебников и учебных пособий для иностранных обучающихся, особенно на вузовском и постдипломном уровнях. Каждый вуз, каждый регион в меру возможностей и на основе собственных потребностей создают учебно-методические материалы и выстраивают собственную линию их использования. Безусловно, в новую эпоху эта работа должна быть совместной и направляемой. Опыт работы разных учебных заведений, многочисленные контакты с коллегами в ходе дистанционных и личных встреч на семинарах, конференциях, симпозиумах позволяют утвердиться в мысли, что, несмотря на отсутствие единых требований, работа идет успешно и в нужном направлении [7].

Смешанные (до 45% онлайн), гибридные (40-80% онлайн), дистанционные (более 80% онлайн) технологии обучения [8], прочно вошедшие в арсенал преподавателей РКИ, в современном вузе успешно соседствуют с традиционными очными формами, включающими использование сети интернет в учебном процессе. Так, они позволяют организовать полноценный прием вступительных экзаменов с использованием прокторинга и начать образовательный процесс в стандартные сроки, одновременно продолжая административное оформление визовых приглашений и выстраивая весь процесс параллельно с занятиями онлайн по специально адаптированному в соответствии со страной проживания студента расписанию с учетом его временного пояса и возможностей сети интернет. Специально создаваемые вузами образовательные платформы успешно дополняются бесплатными или условно-бесплатными сервисами, получившими свое активное развитие в период пандемии. Появившиеся для начального уровня обучения мультимедийные учебные пособия уже дополнены следующими уровнями, трансформированы существующие традиционные варианты, которые также переведены в формат интерактивных [9],[10].

Современная педагогическая наука выработала различные методики, позволяющие осваивать русский язык как второй, как неродной или как иностранный в одной учебной группе. Работа в таких смешанных группах, безусловно, требует создания специальных учебных пособий, кото-

рые возможно использовать как в классе, так и дистанционно [11], [12]. Опыт двухлетней работы авторов по пособию, где учтены современные реалии необходимости индивидуальных стратегий при обучении группы русскому языку, показал действенность идеи дифференциации заданий по уровням владения языком и эффективность методической модели «перевернутый класс» (flipped classroom).

Профильная речевая тема, которая встраивается в грамматическую или орфографическую, должна составлять основу каждого занятия, потому что повышает мотивацию обучающихся, погружающихся, например, в медицинскую тематику с первых же шагов изучения РКИ. Перед каждым занятием необходимо проводить диагностику, которая позволяет преподавателю выстроить индивидуальную стратегию обучения, усилить культурологическую компетенцию, связанную с Россией и будущей специальностью. Работа с текстами, подобранными с учетом деонтологической составляющей [13] и в соответствии с рекомендациями «Текстометра» [14], строится нетрадиционно: рубрика «Давайте поговорим!», содержащая простые вопросы, призвана подготовить студентов к восприятию речевой темы и проблем. Прямые ссылки на внешние ресурсы (для работы онлайн), данные в виде QR-кодов (для индивидуальной работы в классе) помогают перейти к теоретическим материалам и самостоятельно или с помощью преподавателя или тьютора восполнить пробел в знаниях. Опытный педагог в зависимости от аудитории на первый план выносит говорение (организует обсуждение проблемы, актуализированной основной речевой темой), чтение (самостоятельное по QR-коду или фрагментарное вслух), аудирование (записываются диктанты, доступные для прослушивания на любом мобильном устройстве) или письмо (от коротких ответов на вопросы до эссе).

Учебное пособие содержит материалы, которые используются преподавателем в зависимости от аудитории и целей занятия. На примере изучения профильной речевой темы «Факторы, влияющие на качество жизни», встроенной в грамматическую тему «Выражение логико-смысловых отношений в предложении», покажем, как можно организовать работу в соответствии с результатами диагностики, проведенной в виде аудирования, которое побуждает не только внимательно слушать, но и активно мыслить.

Визуальный и аудиальный способы получения информации существенно изменились за последние 30 лет, «клиповое мышление» не всегда позволяет полноценно использовать возможно-

сти, данные человеку природой. Именно поэтому этот вид диагностики целесообразно проводить на завершающих этапах изучения темы и с учетом накопленных фоновых знаний. Диагностическое аудирование позволяет студенту показать уровень восприятия и переработки услышанного, а преподавателю – установить соответствие между уровнем языковой и речевой компетенции на русском языке и требованиями, предъявляемыми стандартами по РКИ. Студент, записывающий свой ответ на любое доступное ему техническое средство и ответивший на несколько предложенных вопросов, может стать тьютором для тех, кто это сделать еще не может. Возможно объединение в микрогруппы и организация работы с письменным текстом, а самостоятельное возвращение к аудированию при помощи QR-кода позволяет студенту добиться его полного понимания. Сопоставление прослушанного с письменным текстом методически оправдано для всех категорий студентов. Сильные дифференцируют главную и второстепенную информацию, сопоставляют ее с известной, прогнозируют, выделяют иллюстрирующую, аргументирующую информацию и определяют способы ее введения в текст. Слабые читают и выделяют информацию, подчеркивая одним цветом ту, которую следует использовать для ответа, другим – непонятные слова и конструкции. Цель диагностирующего этапа занятия будет достигнута, если каждый студент придет к пониманию необходимости изучать русский язык и определит стратегию для своего профессионального роста.

По результатам диагностики преподаватель дифференцирует изучение темы: одни работают с материалами учебного пособия, нацеленными на умение воспроизводить прочитанное на основе составленного плана с использованием заданных синтаксических конструкций; другие работают с материалами, углубляющими начатую профессионально значимую тему, например, с научно-популярной статьей Ф. Г. Углова «Долголетие и интеллект» [15, с. 17–22]. При этом и здесь предусматриваются варианты: чтение текста со словарем, составленным на основе «Текстометра», и без словаря. Разноуровневые задания и шкала оценивания позволяют преподавателю выбрать индивидуальную траекторию обучения, шаг за шагом помогая каждому обучающемуся реализовать личностный потенциал.

Если студент справляется с первыми тремя заданиями – программный материал усвоен не ниже планируемого уровня, созданные для него с целью усвоения материала и развития его способностей условия оптимальны. Каждое из по-

следующих заданий усложняется за счет углубления тематики и контекста изучаемого материала. Расширению культурологического и деонтологического аспектов обучения РКИ способствует включение текстов разной стилевой принадлежности, содержание которых побуждает к решению нравственных и профессионально значимых проблем.

Заключительным этапом изучения речевой темы становится учебная конференция в группе на тему: «Роль врачей в решении проблемы повышения качества жизни и увеличения ее продолжительности» (на материале учебного пособия, статьи Ф. Г. Углова, статистической информации). В качестве экспертов выступают студенты из параллельных групп, что дает возможность приблизить учебную конференцию к статусу научной.

Повышают мотивацию к обучению и методические приемы усиления лингвострановедческой компетенции, связанной со страной обучения и будущей специальностью. Например, актуальны вопросы, обращенные к изучению демографической и медицинской информации стран проживания студентов. Были ли в вашем роду долгожители? Как вы думаете, влияют ли гены на долголетие? Как называются эти гены? Узнайте среднюю продолжительность жизни в ваших регионах. Хотели бы вы стать гериатром? Почему? Что, на ваш взгляд, является главным в профессии врача гериатра? Что, по вашему мнению, входит в понятие настоящий врач? Каким врачом вы хотели бы быть?

Другим эффективным приемом работы над развитием и усилением лингвострановедческой компетенции является «полемика» презентация. Особенно интересно проходит этот вид проектной деятельности именно в смешанных группах, так как совместная работа способствует развитию коммуникативных компетенций сразу в нескольких направлениях: реферирование и отбор информации, формирование текста и подбор иллюстраций, подготовка выступления с тезисами и аргументами. Методически этот вид деятельности начинает преподаватель, составляя список возможных тем в рамках профессионального модуля. Каждый из участников группы должен создать свою презентацию с проблемным вопросом. Например, тема «Административная ответственность» в юридическом вузе предполагает включение в текст презентации сведений о наиболее часто нарушаемых в обществе правилах. К числу таких могут быть отнесены: распитие спиртных напитков в общественном месте, нецензурная брань, нанесение вреда имуществу. Иностранному слушателю требуется не просто

проиллюстрировать виды административного наказания, указывая статью административного кодекса, но и отразить культурно-этический компонент материала. Это становится возможным благодаря включению в план занятий материала, позволяющего показать культурологическую разницу традиций родной страны обучающегося и России. Группы слушателей из Африки с удивлением отмечают для себя обязанности отца и матери в процессе воспитания детей в России и их странах; для студентов из мусульманских стран непросто в восприятии становится тема алкоголя и статуса женщины в обществе. Тем самым происходит аналитический поиск и синтез языкового материала с выходом в устную речь. Проблемный характер вопроса позволяет вовлечь в обсуждение значительное количество обучающихся.

К гибридным методам относятся имитационные технологии. В современных вузах активно развивается такое направление, как работа в типичной смоделированной ситуации: симуляционно-аккредитационное оборудование у медиков, классы-полигоны у юристов, имитационные центры у инженеров, учебное компьютерное моделирование у многих специальностей и т. д. Это комнаты, аудитории, полностью воспроизводящие ту среду, в которой может работать будущий профессионал. Например, полигон «Банк». Здесь студенты могут познакомиться с основной техникой банка, аппаратурой, документами и типичными видами банковских операций. Это своего рода модель их будущей профессиональной жизни. Иностранному слушателю может отработать на практике не только лексический набор изученных единиц, но и «проиграть» любой сценарий из жизни. Отметим, что, учитывая специфику вуза, работа на полигонах и в симуляционных классах позволяет компенсировать недостаток речевой практики в естественной языковой среде.

Гибридизация процесса обучения касается и работы с тестовым форматом. Помимо тестовой базы той или иной платформы, предложенной вузами, иностранные слушатели могут проверить свой уровень знаний путем решения заданий, используя мобильную установку Votum. Это интерактивная система мониторинга и контроля знаний обучающихся, снабженная пультами управления и программным сопровождением, предусматривающим вариативность ответов, встроенный редактор формул, возможность работать на радиоуправлении с большой зоной покрытия. Зрелищность и иллюстративность – достоинства этой системы. Российская разработка позволяет поддерживать формат голосования, опроса, ин-

теграцию с интерактивными плакатами. Обращение к такому виду работы способствует мотивации иностранных слушателей для выполнения заданий контрольно-измерительного плана.

Многолетняя работа над учебными пособиями, постоянная апробация методических разработок до публикации книги и двухлетний этап в период пандемии, внесший необходимость технологических новшеств и гибридных элементов для использования как онлайн, так и офлайн, показал, что найденный оптимальный способ соединения теории и практики для студентов с разным уровнем владения русским языком, но получающим образование по единому профилю может быть использован для любой специальности при условии наполнения необходимым текстовым материалом. Возможно создание гипертекстового учебного комплекса при условии реализации идеи общих ведомственных электронных библиотек, в которых соединение авторских упражнений и методических приемов работы может вывести на новый уровень при обучении русскому языку как неродному / иностранному.

Год Педагога и Наставника в немалой степени способствует поиску новых тем, учебных материалов, методических приемов и методов сбора, изучения и презентации жизни и деятельности наставников в профессии, побуждает к личностному росту студентов, обратившихся к изучению наставничества. Для одних студентов написание реферата становится личностным достижением, для других изучение и анализ источников – отправной точкой поиска материала о тех, для кого наставничество стало принципом жизни.

Список источников

1. Мировые тренды образования в российском контексте. URL: https://ioe.hse.ru/edu_global_trends/ (дата обращения: 01.05.2023).
2. Число иностранных студентов за три года выросло на 26 тысяч // Минобрнауки России URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46158/> (дата обращения: 10.05.2023).
3. Синячкина Н. Л. Русский как второй язык, как второй родной и как иностранный: к вопросу о терминах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2015. № 5. С. 292–297.
4. Кудрявцева Е. Л., Громова Л. Г. Размышление о терминологии и практике преподавания русского языка в мире: русский как иностранный, как неродной и другой родной // Этнодиалоги. 2013. № 2 (43). С. 27–40.
5. Требования по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение. Второй ва-

риант / Н. П. Андриюшина и др. [Электронный ресурс]: электронный аналог печатного издания. 2-е изд. М. – СПб.: Златоуст, 2009. 32 с. URL: <https://pdfslide.net/documents/-gctmsurudoca1-.html?page=4> / (дата обращения: 13.05.2023).

6. Приказ Министерства образования и науки РФ от 1 апреля 2014 г. N 255 «Об утверждении уровней владения русским языком как иностранным языком и требований к ним». URL: <https://base.garant.ru/70679090/> (дата обращения: 12.03.2023).

7. Исаева Н. А. Диалог культур: ценности, язык, общение: учебно-методические материалы для учащихся-инофонов и представителей национально-культурных автономий / Н. А. Исаева, О. Н. Бакурова, М. В. Сунцова. 2-е издание, переработанное и дополненное. Калуга: ФБГОУ ВПО «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского», 2022. 100 с.

8. Рудинский И. Д., Давыдов А. В. Гибридные образовательные технологии: анализ возможностей и перспективы применения // Вестник науки и образования Северо-Запада России. 2021. Т. 7, № 1. С. 44–52.

9. Привет, Россия!: Учебник русского языка: Элементарный уровень (A1) / В. А. Степаненко, М. М. Нахибина, Е. Г. Кольовска, О. В. Плотникова. М.: «Кучково поле», 2020. 272 с.

10. Дорога в Россию: Учебник русского языка. I сертификационный уровень / В. Е. Антонова, М. М. Нахибина, А. А. Толстых. СПб: ООО Центр «Златоуст», 2021. 256 с.

11. Практический курс русского языка для иностранных студентов-медиков из ближнего зарубежья. 1 часть / Л. П. Прокофьева, Н. И. Павлова, М. М. Давлатова [и др.]. М. : Ай Пи Ар Медиа, 2021. 190 с.

12. Практический курс русского языка для иностранных студентов-медиков из ближнего зарубежья. 2 часть / Л. П. Прокофьева, Н. И. Павлова, М. М. Давлатова [и др.]. Москва : Ай Пи Ар Медиа, 2021. 200 с.

13. Павлова Н. И., Прокофьева Л. П. Пропедевтический курс деонтологии в преподавании русского языка как иностранного в медицинском вузе: перспективы, разработки // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, № 3. С. 346–350.

14. Лапошина А. Н., Лебедева М. Ю. Текстометр: онлайн-инструмент определения уровня сложности текста по русскому языку как иностранному // Русистика. 2021. №3. С.331–345.

15. Углов Ф. Г. Советы столетнего хирурга. М.: АСТ, 2014. 320 с.

Minobrnauki Rossii URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46158/> (accessed 10.05.2023). (In Russian)

3. Sinyachkina, N. L. (2015). *Russkii kak vtoroi yazyk, kak vtoroi rodnoi i kak inostrannyyi: k voprosu o terminakh* [To the Determination of Russian as a Second Language, as “the Second Native Language” and as a Foreign Language]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'*. No. 5. pp. 292–297. (In Russian)

4. Kudryavtseva, E. L., Gromova, L. G. (2013). *Razmyshleniye o terminologii i praktike prepodavaniya russkogo yazyka v mire: russkii kak inostrannyyi, kak nerodnoi i drugoi rodnoi* [Reflection on Terminology and Practice of Russian Language Teaching in the World: Russian as a Foreign, as a Non-Native and as Another Native Language]. *Etnodialogi*. No. 2 (43), pp. 27–40. (In Russian)

5. *Trebovaniya po russkomu yazyku kak inostrannomu. Pervyy uroven'. Obshcheye vladeniye. Vtoroy variant* (2009) [Requirements for Russian as a Foreign Language. First Level. General Proficiency. Second Variant]. N. P. Andryushina i dr. 2-е изд. 32 p. Moscow – St. Petersburg, Zlatoust. (In Russian)

6. *Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 1 aprelya 2014 g. N 255 “Ob utverzhdenii urovney vladeniya russkim yazykom kak inostrannym yazykom i trebovaniy k nim”* [Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of April 1, 2014 No. 255 “On approval of levels of Russian as a foreign language and requirements for them”]. URL: <https://base.garant.ru/70679090/> (accessed 12.03.2023). (In Russian)

7. Isayeva, N. A. (2022). *Dialog kul'tur: tsennosti, yazyk, obshcheniye: uchebno-metodicheskiye materialy dlya uchashchikhsya-inofonov i predstavitelei natsional'no-kul'turnykh avtonomii* [Dialogue of Cultures: Values, Language, Communication: Educational and Methodological Materials for International Students and Representatives of National-Cultural Autonomies]. N. A. Isayeva, O. N. Bakurova, M. V. Suntsova. 2^d ed. 100 p. Kaluga, FBGOU VPO “Kaluzhskii gosudarstvennyi universitet im. K. E. Tsiolkovskogo”. (In Russian)

8. Rudinskii, I. D., Davydov, A. V. (2021). *Gibridnyye obrazovatel'nyye tekhnologii: analiz vozmozhnostey i perspektivy primeneniya* [Hybrid Educational Technologies: Analysis of Possibilities and Prospects of Application]. *Vestnik nauki i obrazovaniya Severo-Zapada Rossii*. T. 7, No. 1, pp. 44–52. (In Russian)

9. *Privet, Rossiya!: Uchebnik russkogo yazyka: Elementarnyi uroven' (A1)* (2020) [Hello Russia! A Textbook: Elementary (A1)]. V. A. Stepanenko, M. M. Nahibina, E. G. Kol'ovska, O. V. Plotnikova. 272 p. Moscow, “Kuchkovo pole”. (In Russian)

10. *Doroga v Rossiyu: Uchebnik russkogo yazyka. I sertifikatsionnyi uroven'* (2021) [A Road to Russia: A Textbook: Certification Level I]. V. E. Antonova, M. M. Nakhibina, A. A. Tolstykh. 256 p. St. Petersburg, ООО Centr “Zlatoust”. (In Russian)

11. *Prakticheskii kurs russkogo yazyka dlya inostrannykh studentov-medikov iz blizhnego*

References

1. *Mirovyye trendy obrazovaniya v rossiyskom kontekste* [World Education Trends in Russian Context]. URL: https://ioe.hse.ru/edu_global_trends/ (accessed 01.05.2023). (In Russian)

2. *Chislo inostrannykh studentov za tri goda vyroslo na 26 tysyach* (2023) [The Number of Foreign Students Increased by 26 Thousand over Three Years].

zarubezh'ya. (2021) [Practical Course of the Russian Language for Foreign Medical Students from Near Abroad]. 1 chast'. L. P. Prokofyeva, N. I. Pavlova, M. M. Davlatova [et al]. 190 p. Moscow, Ay Pi Ar Media. (In Russian)

12. *Prakticheskiy kurs russkogo yazyka dlya inostrannykh studentov-medikov iz blizhnego zarubezh'ya* (2121) [Practical Course of the Russian Language for Foreign Medical Students from Near Abroad]. 2 chast'. L. P. Prokofyeva, N. I. Pavlova, M. M. Davlatova and others. 200 p. Moscow, Ay Pi Ar Media. (In Russian)

13. Pavlova, N. I., Prokofyeva, L. P. (2020). *Propedevticheskiy kurs deontologii v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo v meditsinskom vuze: perspektivy, razrabotki* [Propaedeutic Course of Deontol-

ogy in Teaching Russian as a Foreign Language in a Medical University: Perspectives and Developments]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. T. 20, No. 3, pp. 346–350. (In Russian)

14. Laposhina, A. N., Lebedeva, M. Yu. (2021). *Tekstometr: onlayn-instrument opredeleniya urovnya slozhnosti teksta po russkomu yazyku kak inostrannomu* [Textometer: An Online Tool for Determining the Level of Text Complexity in Russian as a Foreign Language]. *Rusistika*. T. 19. No. 3, pp. 331–345. (In Russian)

15. Uglov, F. G. (2014). *Sovety stoletnego hirurga* [Advice from the Centennial Surgeon]. 320 p. Moscow, AST. (In Russian)

The article was submitted on 17.06.2023

Поступила в редакцию 17.06.2023

Прокофьева Лариса Петровна,
доктор филологических наук,
заведующий кафедрой русского и латинского
языков,
Саратовский государственный медицинский
университет им.В. И. Разумовского,
410012, Россия, Саратов,
Большая Казачья, 112.
prokofievalp@mail.ru

Павлова Наталия Ивановна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Саратовский государственный медицинский
университет им.В. И. Разумовского,
410012, Россия, Саратов,
Большая Казачья, 112.
n_i_pavlova@mail.ru

Михайлова Ольга Евгеньевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Нижегородская академия МВД России,

603950, Россия, Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3, БОКС – 268.
ol-la80@mail.ru

Prokofyeva Larisa Petrovna,
Doctor of Philology,
Head of the Department of Russian and Latin
Languages,
Saratov State Medical University
named after V. I. Razumovsky,
112 Bolshaya Kazachya Str.,
Saratov, 410012, Russian Federation.
prokofievalp@mail.ru

Pavlova Natalya Ivanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Saratov State Medical University
named after V. I. Razumovsky,
112 Bolshaya Kazachya Str.,
Saratov, 410012, Russian Federation.
n_i_pavlova@mail.ru

Mikhaylova Olga Evgenyevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of
Internal Affairs of Russia,
3 Ankudinovskoe Shosse,
Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation.
ol-la80@mail.ru

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-264-269

ЭТНООРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ИНОЯЗЫЧНЫХ ШКОЛЬНИКОВ РУССКОЙ ФОНЕТИКЕ

© Юлия Тимофеева

ETHNO-ORIENTED APPROACH TO TEACHING RUSSIAN PHONETICS TO FOREIGN-LANGUAGE SCHOOLCHILDREN

Yulia Timofeeva

The article discusses the possibilities of using an ethno-oriented approach in teaching Russian pronunciation to younger foreign students. We attempt to solve the problem of overcoming phonetic interference in the speech of Tajik children studying in Russian schools. The purpose of the study presented in the article is to substantiate and develop an effective ethnic-oriented set of exercises to overcome the Tajik-Russian phonetic interference and the formation of pronunciation skills in children with Tajik as their native language. In the course of a comparative analysis of the Russian and Tajik phonetic systems, we reveal their differences, which are potential interferemes – points of a possible negative transfer of the native language sounds on the articulation of Russian ones. Taking into account the results of a comparative analysis, we have developed special sets of exercises that practice all stages of the formation of pronunciation skills in Tajik children. The article proves the expediency of using these educational complexes with schoolchildren in a video format where the work on sounds is supervised by an experienced teacher of Russian as a foreign language with a speech therapy education, which allows him to use special techniques for improving pronunciation skills, allowing foreign children to overcome the existing articulatory stereotypes of their native language. Particular attention is paid to articulatory warm-ups, which prepare the organs of speech for productive work on a certain sound. The research materials can be used directly in the educational process, as well as in the development of recommendations for school teachers working with foreign children and textbooks on phonetics, including educational aids in innovative formats, which determines the practical and theoretical value of the presented conception of ethno-oriented phonetics teaching.

Keywords: Russian language, ethno-oriented education, phonetic interference, articulation, sound production, pronunciation skill, articulatory warm-ups

В статье рассматриваются возможности использования этноориентированного подхода в обучении русскому произношению младших школьников-инофонов. Решается проблема преодоления фонетической интерференции в речи детей-таджиков, обучающихся в российских школах. Цель исследования, представленного в статье, – обоснование и разработка эффективного этноориентированного комплекса упражнений по преодолению таджикско-русской фонетической интерференции и формированию произносительных навыков у детей с родным таджикским языком. В ходе сопоставительного анализа фонетических систем русского и таджикского языков выявлены их различия, являющиеся потенциальными интерферемами – точками возможного отрицательного влияния родного языка на артикуляцию русских звуков. С учетом результатов сопоставительного анализа разработаны специальные комплексы упражнений, обеспечивающие все этапы формирования произносительных навыков у таджикских детей. Доказана целесообразность репрезентации этих учебных комплексов школьникам в видеоформате, где работой над звуком руководит опытный преподаватель русского языка как иностранного с логопедическим образованием, что позволяет ему использовать специальные приемы постановки и автоматизации звука, позволяющие детям-инофонам преодолеть сложившиеся артикуляционные стереотипы родного языка. Особое внимание уделяется артикуляционной гимнастике, готовящей речевой аппарат к продуктивной работе над определенным звуком. Материалы исследования могут использоваться непосредственно в учебном процессе, а также при разработке рекомендаций для школьных учителей, работающих с детьми-инофонами, и учебных пособий по фонетике, в том числе дидактических материалов инновационных форматов, что и определяет практическую и теоретическую ценность представленной концепции этноориентированного обучения фонетике.

Ключевые слова: русский язык, этноориентированное обучение, фонетическая интерференция, артикуляция, постановка звука, произносительный навык, артикуляционная гимнастика

Для цитирования: Тимофеева Ю. Этноориентированный подход к обучению иноязычных школьников русской фонетике // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №3 (73). С. 264–269. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-264-269

Современная система традиционного образования в России проходит этап модернизации и переосмысления принципов, методов и подходов к обучению детей школьного возраста. Контингент обучающихся также не является однородным с точки зрения этнической и национальной принадлежности. Учителя сталкиваются с проблемой роста в российских школах числа обучающихся, для которых русский язык не является родным, и отсутствием методического обеспечения этноориентированного обучения иноязычных школьников русской фонетике, лексике и грамматике.

В первую очередь речь идет о детях из семей переселенцев, которые вместе с русскоязычными одноклассниками должны осваивать программу российской начальной школы. Для успешной адаптации в детском учебном коллективе им необходимо сразу же под руководством специалиста (учителя, логопеда) начать работу над звуковой стороной русской речи, преодолеть акцент, оперативно освоив необходимые артикуляционные навыки.

Как известно, работа по формированию произносительных навыков у инофонов включает несколько этапов. На подготовительном этапе для младших школьников особенно важна артикуляционная гимнастика, целью которой является выработка правильных артикуляционных поз и полноценных движений артикуляционного аппарата, свойственных для носителей русского языка. На втором этапе осуществляется постановка звука: за его слуховым восприятием, когда формируется акустический образ звука, следует повторение за образцом и коррекция артикуляции, в том числе с использованием логопедических приемов, эффективность которых в аспекте обучения русскому языку как иностранному (РКИ) убедительно доказана методистами [1], [2]; здесь же идет работа по дифференциации звуков. И на заключительном этапе произношение звука традиционно автоматизируется на материале слогов, слов, предложений и связного высказывания, как, например, показано в учебнике Е. А. Хамраевой и Л. М. Саматовой [3].

Одной из первостепенных задач при обучении детей-инофонов русской фонетике является предупреждение и преодоление фонетической интерференции – отрицательного влияния родного языка, которое вызывает искажение вос-

приятия и воспроизведения звуков вторичной языковой системы за счет закрепившихся стереотипов первичной [4, с. 171]. Обязательным условием успешного решения этой задачи является прогнозирование межъязыковой интерференции в процессе сопоставления родного и изучаемого языков, в данном случае – фонетических систем, когда выявляются их сходства и, что особенно важно, различия, которыми и обусловлены интерференционные процессы. С учетом полученных результатов разрабатываются специальные комплексы противоинтерференционных упражнений. Представим опыт решения этой проблемы применительно к обучению младших школьников-таджиков в образовательных учреждениях г. Пскова, для которых такие комплексы были разработаны. В статье будут представлены их фрагменты и принципы этноориентированного отбора материала.

В ходе формирования теоретико-методологической базы исследования было установлено, что лингвометодические аспекты таджикско-русской интерференции основательно исследованы на материале лексики и грамматики [5], [6], [7]. Особенности фонетической работы с выходом на проблемы интерференции показаны на материале вузовского обучения РКИ [8]. При этом, что методисты уделяют большое внимание развитию навыков русской речи у учащихся начальных классов таджикских школ [9], [10], формирование у них произносительных навыков упоминается эпизодически, а рекомендации касаются лишь отдельных фактов фонетики и орфоэпии: возможного смешения [р] и [л], [ш] и [с], некорректного произношения безударных гласных: [корова], а не [карова] и групп согласных [что], а не [што] [9, с. 231].

Для последовательного решения проблемы этноориентированного обучения таджикских младших школьников русской фонетике необходимо, как уже отмечалось, выявить потенциальные интерферемы – точки возможного отрицательного влияния фонетической системы родного языка на изучаемую, то есть их различия. Такие различия выявлены таджикскими лингвистами на фоне английского и японского языков [11], [12]. Помочь учителю русского языка в выявлении потенциальных фонетических интерферем могут учебники, самоучители таджикского

языка и научные статьи, затрагивающие сопоставительный аспект [8], [13], [14].

Анализ этих материалов приводит к выводу о том, что в области гласных звуков у таджикских школьников, как и у носителей многих других языков, могут возникнуть трудности при произнесении звука [ы], отсутствующего в родном языке. В русской речи он заменяется звуком [и] в результате недифференциации звуков как одного из видов фонетической интерференции [15, с. 32–36]. Такие ошибки в речи таджикских обучающихся фиксирует Б. М. Алиева: *мыло* вместо *мыло*, *сыр* вместо *сыр* и т. д. [16, с. 30].

Как отмечают С. Д. Купрадзе, И. Шифрон-Борейко [8, с. 7], к русскому [ы] близок аллофон таджикской фонемы <и>, который в таджикском языке выступает, например, после увулярных [к] и [г]. Возможно, поэтому некоторым таджикским обучающимся, вычлняющим звук [ы] из таких сочетаний, сразу же удается корректно произнести его в изолированной позиции. Однако целенаправленно использовать здесь обращение к родному языку как к источнику положительного переноса навыков не представляется целесообразным, так как это может повести за собой интерференционное перенесение в русскую речь увулярных таджикских звуков вместо заднеязычных [г], [к].

Если наряду с увулярными [к] и [г] в звуковой системе таджикского языка присутствуют и заднеязычные [к], [г] и при их произнесении у таджиков не возникает трудностей, то гортанный [х] не имеет аналогов в русском языке и появляется в русской речи в результате интерференционного процесса субституции – переноса ряда сходных признаков первичной произносительной системы на вторичную с постепенной заменой звуков соответственно [15, с. 32–36].

Примером субституции будет и замена в русской речи твердого [л] таджикским звуком [л], который, как отмечают исследователи таджикско-русской интерференции [8, с. 8], произносится как средний между русским твердым [л] и мягким [л']. В такой ситуации артикуляция [л'] не представляет сложностей для носителей таджикского языка, тогда как над другими мягкими русскими согласными им предстоит большая работа, так как таджикские согласные не противопоставляются по твердости – мягкости, а в русской речи таджиков на месте мягких появляются твердые. Здесь особенно важными на этапе постановки звука будут упражнения на различение твердых и мягких согласных на слух и их дифференциацию при произношении. Например, предлагаются задания, типа «хлопни, если услышишь звук [л], топни, если услышишь звук

[л'] в словах»: в начале слова – *лампа*, *лицо*; в конце слова: *стол*, *цель*; в середине слова: *улыбка*, *уголек* и др.

Актуальной становится работа по формированию произносительных навыков в слогах с мягкими и твердыми звуками речи, например, [м] и [м'] в открытых [*ма – м'а*], [*мы – м'и*] и закрытых слогах [*им – им'*], а также на материале слов, например, игры на слухопроизносительную дифференциацию: *мыло – Мила*, *мал – мял*, *мышка – мишка* и др. На этапе автоматизации твердых и мягких звуков в их дифференциации предлагаются упражнения с отраженным проговариванием словосочетаний и фраз с твердыми и мягкими звуками, например, для звуков [с] – [с']: *семейный совет*, *небесная синева*, *вкусный кисель*; *Ася моет посуду* и т. п.

Освоение артикуляции звука [ц] осложняется не только его отсутствием в родном языке школьников, но и наметившейся в таджикском языке тенденцией к замене буквы «ц» в написании заимствованных слов буквой «с» (*сирк* вместо *цирк*) [8, с. 8]. При отсутствии соответствующих артикуляционных навыков у говорящего такая замена наблюдается и в звучащей русской речи. В работе с таджикскими детьми могут использоваться традиционные логопедические приемы постановки этого нового для них звука: а) подражание с введением игровых моментов: поднести палец ко рту – «Не шуми» – [тс-ц-ц]; б) от опорных звуков: при быстром произнесении звуков [тс] с контролем одного удара воздушной струи на поднесенной тыльной стороной руки у рта; в) механическим способом: артикуляционная поза напоминает горку, когда кончик языка упирается в нижние резцы, а спинка касается неба, и с помощью зонда (чайной ложки) требуется придержать кончик языка за зубами с одновременным выдохом воздушной струи при произнесении [ц].

Еще одна тенденция в сфере таджикской графики, а именно замена в современных текстах буквы «щ» на «ш» [8, с. 8], также усиливает вероятность интерференционного перенесения в русскую речь таджиков звука [ш] вместо долгого мягкого [ш'ш'], отсутствующего в их родном языке. На примере работы над этим звуком покажем образец артикуляционной гимнастики, проводимой на подготовительном этапе фонетического комплекса и являющейся, по мнению методистов [17], обязательным его компонентом:

1. Упражнение «Трубочка» (губы вытягиваются вперед в форме трубочки и удерживаются в таком положении 5-7 сек.). Таким образом, готовим губы к большему напряжению, чем при произнесении [ш];

2. «Чистим зубки» (языком «чистим» верхние зубки с внутренней стороны, выполняя движение вправо-влево) – так средняя часть спинки языка приподнимается к нёбу (при произнесении [ш'ш'], это положение обеспечит мягкость звука);

3. «Чашечка» (поднимаем края языка вверх и удерживаем в форме чашечки до 5-7 сек.) – при произнесении [ш'ш'] таким образом будет образовываться щель, через которую пойдет воздушная струя.

В полном объеме комплекс работы над звуком [ш'ш'], построенный по плану, представленному в начале статьи, таджикские школьники могут найти, пройдя по QR-коду (Рис. 1), и вместе с профессиональным преподавателем РКИ, имеющим и логопедическую подготовку, проделать все упражнения. В ходе артикуляционной гимнастики они получают доступное описание артикуляции, затем слышат образцовое произношение звука, повторяют его за образцом, потренируются в произношении звука в слогах, словах, словосочетаниях и фразах, научатся различать сходные по артикуляционно-акустическим характеристикам звуки на слух и произносить их, четко осознавая различия:

Рис. 1. Комплекс работы над звуком [ш'ш']. QR-код для подключения.

Такие фонетические видеокomплексы, доступные по QR-кодам, разработаны для звуков, которые отсутствуют в таджикском языке или близки по отдельным параметрам к русским звукам, но не идентичны им: [ы], [ц], [ш'ш'], [х], [л] и все мягкие согласные, кроме [л']. Распечатанные на стикерах QR-коды студенты-практиканты вклеили в буквари таджикским школьникам в соответствии с темами, которые знакомят их со звуко-буквенными соответствиями русского языка. Поскольку в полиэтническом учебном коллективе не всегда удобно проводить на уроке этноориентированную работу по постановке звуков, учитель (не имеющий специальной подготовки по РКИ и логопедии) может использовать предлагаемые видеокomплексы в ходе индивидуальных занятий, а школьники, как показал наш

опыт, с удовольствием работают с этим материалом дома, в том числе вместе с родителями-инофонами.

По отзывам учителей, в речи младших школьников-таджиков значительно снизился процент фонетических ошибок. Из школ поступают предложения разработать такие же фонетические комплексы для детей с азербайджанским родным языком. В перспективах нашей работы – создание таких материалов и для иностранных студентов, обучающихся в Псковском государственном университете. При этом будет использоваться апробированная структура фонетических видеокomплексов и основанный на сопоставительном анализе отбор материала. Таким образом, можно говорить не только о практической значимости результатов исследования непосредственно для учебного процесса, но и о возможности их использования при разработке учебно-методических материалов, в том числе инновационного формата.

Список источников

1. *Андреюшина Е. А.* О возможностях использования некоторых логопедических технологий в преподавании фонетики на уроках русского языка как иностранного // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2014. № 11 (41). Ч. II. С. 27–30.
2. *Калинина Ю. М., Цюлия К. Р.* Особенности использования инновационных технологий в обучении русскому языку детей-билингвов // *Методика преподавания русского языка (как иностранного, как второго): история, современное состояние, перспективы развития.* Коллективная монография. Под общей редакцией Т. М. Балыхинной. М.: РУДН, 2017. С. 80–91.
3. *Хамраева Е. А., Саматова Л. М.* Русский язык. 1 класс: учебное пособие для школ с родным (нерусским) языком обучения: в 2 ч. Ч. 1. М.: ООО «Русское слово - учебник», 2019. 112 с.
4. *Будник Е. А.* Фонетическая интерференция и иностранный акцент при обучении русскому произношению // *Lingua mobilis.* 2012. № 3 (36). С. 171–179.
5. *Бубиев Х. М.* Методы обучения студентов-таджиков при изучении порядка слов в русском языке // *Вестник Таджикского национального университета.* 2020. № 3. С. 188–191.
6. *Махкамова М. М.* Методические приемы по выявлению и преодолению лексико-семантической интерференции в русской речи учащихся таджикских школ // *Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук.* 2015. № 3 (44). С. 257–261.
7. *Назарова Р. Т.* Педагогические проблемы интерференции в процессе усвоения русской лексики студентами-таджиками // *Известия Академии наук республики Таджикистан. Отделение общественных наук.* 2020. № 3 (260). С. 209–215.

8. *Купрадзе С. Д., Шифрон-Борейко И.* Фонетический аспект в обучении РКИ таджикских студентов // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития. Материалы VIII Международной научно-методической конференции. Минск: БГУ, 2019. С. 5–10.

9. *Боитемиров Р. М.* Методические основы развития речи учащихся-таджиков в начальных классах с родным языком обучения // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2022. № 1 (70). С. 229–234.

10. *Боитемиров Р. М.* Система обучения речевым умениям и навыкам на уроках русского языка в начальных классах с родным языком преподавания // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2021. № 1 (66). С. 198–202.

11. *Каримова Д.* Классификация согласных звуков в таджикском и английском языках // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2017. № 4–4. С. 138–141.

12. *Набиева М. Ш., Махматджонов О. О.* Фонология японского языка: различие и общность (сопоставление с таджикским языком) // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2016. № 4–6 (212). С. 40–45.

13. *Арзуманов С. Д.* Таджикский язык. Самоучитель. Москва: Каро, 2019. 416 с.

14. *Иванов В. Б., Семенова Е. В., Хушкадамова Х. О.* Учебник таджикского языка для стран СНГ: в 2-х частях. Ч. 1. М.: Ключ-С, 2009. 226 с.

15. *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике: языковые контакты. Вып. 6. М.: Прогресс, 1972. С. 25–51.

16. *Алиева Б. М.* Особенности преподавания русского языка как неродного в таджикских школах // Вестник педагогического университета. 2019. № 5 (82) С. 29–33.

17. *Григорьева П. И., Яковлева И. В.* Необходимость проведения артикуляционной гимнастики при постановке звуков // Человек. Социум. Общество. 2022. № 14. С. 31–36.

References

1. *Andreyushina, E. A.* (2014). *O vozmozhnostyakh ispol'zovaniya nekotorykh logopedicheskikh tekhnologii v prepodavanii fonetiki na urokakh russkogo yazyka kak inostrannogo* [On Potential of Using Some Logopaedic Technologies in Teaching Phonetics in Lessons of Russian as a Foreign Language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, No. 11 (41), II, pp. 27–30. (In Russian)

2. *Kalinina, Yu. M., Tskoliya, K. R.* (2017). *Osobennosti ispol'zovaniya innovatsionnykh tekhnologii v obuchenii russkomu yazyku detei-bilingvov* [Features of the use of Innovative Technologies in Teaching the Russian Language to Bilingual Children]. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka (kak inostrannogo, kak vtorogo): istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya. Kollektivnaya monografiya. Pod obshchei*

redaktsiei T. M. Balykhinoy. Pp. 80–91. Moscow, RUDN. (In Russian)

3. *Khamraeva, E. A., Samatova, L. M.* (2019). *Russkii yazyk. 1 klass: uchebnoe posobie dlya shkol s rodnym (nerusskim) yazykom obucheniya: v 2 ch. Ch. 1.* [Russian. Grade 1: A Textbook for Schools with Native (non-Russian) Language of Instruction: In 2 Parts. Part 1]. 112 p. Moscow, ООО “Russkoe slovo – uchebnik”. (In Russian)

4. *Budnik, E. A.* (2012). *Foneticheskaya interferentsiya i inostrannyi aktsent pri obuchenii russkomu proiznosheniyu* [Phonetic Interference and a Foreign Accent in Teaching Russian Pronunciation]. *Lingua mobilis*, No. 3 (36), pp. 171–179. (In Russian)

5. *Bubiev, Kh. M.* (2020). *Metody obucheniya studentov-tadzhikov pri izuchenii poryadka slov v russkom yazyke* [Methods of Teaching the Word Order in the Russian Language to Tajik Students]. *Vestnik Tadzhikskogo natsional'nogo universiteta*, No. 3, pp. 188–191. (In Russian)

6. *Makhkamova, M. M.* (2015). *Metodicheskie priemy po vyyavleniyu i preodoleniyu leksiko-semanticheskoi interferentsii v russkoi rechi uchashchikhsya tadzhikskikh shkol* [Methodological Techniques of Identification and Overcoming the Lexical-Semantic Interference of the Tajik Language in the Process of Teaching the Russian Language]. *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. Akademika B. Gafurova. Seriya gumanitarno-obshchestvennykh nauk*, No. 3 (44), pp. 257–261. (In Russian)

7. *Nazarova, R. T.* (2020). *Pedagogicheskie problemy interferentsii v protsesse usvoeniya russkoi leksiki studentami-tadzhikami* [Pedagogical Problems of Interference in the Process of Mastering Russian Vocabulary by Tajik Students]. *Izvestiya Akademii nauk respublikii Tadzhikistan. Otdelenie obshchestvennykh nauk*, No. 3 (260), pp. 209–215. (In Russian)

8. *Kupradze, S. D., Shifron-Boreiko, I.* (2019). *Foneticheskii aspekt v obuchenii RKI tadzhikskikh studentov* [The Phonetic Aspect in Teaching Russian as a Foreign Language to Tajik Students]. *Teoriya i praktika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo: dostizheniya, problemy i perspektivy razvitiya. Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii.* Pp. 5–10. Minsk, BGU. (In Russian)

9. *Boitemirov, R. M.* (2022). *Metodicheskie osnovy razvitiya rechi uchashchikhsya-tadzhikov v nachal'nykh klassakh s rodnym yazykom obucheniya* [Methodological Grounds Aimed at Developing Tajik Students' Speech at Primary School with the Native Language of Teaching]. *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Seriya gumanitarno-obshchestvennykh nauk*, No. 1 (70), pp. 229–234. (In Russian)

10. *Boitemirov, R. M.* (2021). *Sistema obucheniya rechevym umeniyam i navykam na urokakh russkogo yazyka v nachal'nykh klassakh s rodnym yazykom prepodavaniya* [The System of Teaching Speech Skills in Russian Language Lessons in Elementary Grades on the Mother Tongue Based Tuition]. *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im.*

akademika B. Gafurova. Seriya gumanitarno-obshchestvennykh nauk, No. 1 (66), pp. 198–202. (In Russian)

11. Karimova, D. (2017). *Klassifikatsiya soglasnykh zvukov v tadzhikskom i angliiskom yazykakh* [Classification of Consonants in Tajik and English]. Vestnik Tadzhijskogo natsional'nogo universiteta. Seriya filologicheskikh nauk, No. 4–4, pp. 138–141. (In Russian)

12. Nabieva, M. Sh., Makhmaddzhonov, O. O. (2016). *Fonologiya yaponskogo yazyka: razlichie i obshchnost' (sopostavlenie s tadzhikskim yazykom)* [Phonology of Japanese: Difference and Commonality (in comparison with Tajik)]. Vestnik Tadzhijskogo natsional'nogo universiteta. Seriya filologicheskikh nauk, No. 4–6 (212), pp. 40–45. (In Russian)

13. Arzumanov, S. D. (2019). *Tadzhijskii yazyk. Samouchitel'* [The Tajik Language. Self-study]. 416 p. Moscow, Karo. (In Russian)

14. Ivanov, V. B., Semenova, E. V., Khushkadamova, Kh. O. (2009). *Uchebnik tadzhikskogo*

yazyka dlya stran SNG: v 2-h chastyah. Ch. 1. [A Textbook of the Tajik Language for the CIS Countries: In 2 Parts. Part 1]. 226 p. Moscow, Kljuch-S. (In Russian)

15. Vainraikh, U. (1972). *Odnoyazychie i mnogoyazychie* [Monolingualism and Multilingualism]. Novoe v lingvistike: yazykovye kontakty. Vyp. 6. Pp. 25–51. Moscow, Progress. (In Russian)

16. Alieva, B. M. (2019). *Osobennosti prepodavaniya russkogo yazyka kak nerodnogo v tadzhikskikh shkolakh* [Features of Teaching Russian Language as Non-Native in Tajik Schools]. Vestnik pedagogicheskogo universiteta, No. 5 (82), pp. 29–33. (In Russian)

17. Grigor'eva, P. I., Yakovleva, I. V. (2022). *Neobkhodimost' provedeniya artikulyatsionnoi gimnastiki pri postanovke zvukov* [The Need for Articulation Exercises When Producing Sounds]. Chelovek. Sotsium. Obshchestvo, No. 14, pp. 31–36. (In Russian)

The article was submitted on 05.07.2023

Поступила в редакцию 05.07.2023

Тимофеева Юлия Александровна,
аспирант,
Псковский государственный университет,
180000, Россия, Псков,
площадь Ленина, 2.
TimofJ@mail.ru

Timofeeva Yulia Alexandrovna,
graduate student,
Pskov State University,
2 Lenin Square,
Pskov, 180000, Russian Federation.
TimofJ@mail.ru

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНЕКДОТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

© Ольга Шкурко, Юлия Мельник, Елена Штехман

LINGUODIDACTIC POTENTIAL OF JOKES IN THE CLASSROOM OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Olga Shkurko, Yuliya Melnik, Elena Shtekhman

The article deals with the significance of using jokes while teaching Russian as a foreign language in a military institute. We analyze text selection criteria, identify and describe work steps. We note that carefully selected jokes, accompanied by a set of tasks, let international students take a look at everyday future officers' life from a different perspective. It is important to take into account the characteristics of an educational institute, the age of students and their language level. We believe it is possible to introduce jokes at the basic level. The material is selected in accordance with the studied topic. We suggest different methods of work aimed to develop different types of speech activity and country-specific competence. Examples of jokes are provided. We have come to the conclusion that humorous texts have considerable linguodidactic potential for teaching Russian as a foreign language course. They promote the development of all types of speech activity, form cross-cultural competence, help to understand the mechanisms of language games as well as increase motivation to study language and culture. The materials of the presented research could be useful for teachers of Russian as a foreign language who work at military institutions.

Keywords: Russian as a foreign language, joke, sociocultural competence, speech development, communication tasks

В статье обращается внимание на актуальность введения анекдотов в практику обучения русскому языку как иностранному в военном вузе. Анализируются критерии отбора текстов; обозначаются и раскрываются этапы работы. Отмечается, что тщательно отобранные армейские анекдоты, сопровождаемые системой заданий, позволяют обучающимся под иным углом взглянуть на будни офицерской / курсантской жизни. Указано, что при отборе материала важно учитывать возраст обучающихся и уровень владения языком: представляется возможным введение некоторых анекдотов уже на базовом уровне. Исследователи предлагают различные методики работы с анекдотом. Описываются приемы работы с анекдотами, направленными на развитие разных видов речевой деятельности и формирование страноведческой компетенции. Приводятся примеры анекдотов. Авторы приходят к выводу о том, что юмористические тексты имеют значительный лингводидактический потенциал в рамках преподавания дисциплины «Русский язык (как иностранный)», способствуют развитию разных видов речевой деятельности и формированию страноведческой компетенции, позволяют получить представление о механизмах создания языковой игры, а также повышают мотивацию к взаимосвязанному изучению языка и культуры. Материалы данного исследования могут быть полезны преподавателям РКИ, работающим в военных вузах.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, анекдот, социокультурная компетенция, развитие речи, коммуникативные задания

Для цитирования: Шкурко О., Мельник Ю., Штехман Е. Лингводидактический потенциал анекдотов на занятиях по русскому языку как иностранному // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №3 (73). С. 270–276. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-270-276

Введение

Юмор – многоаспектный лингвистический феномен, занимающий важное место в общемировой культуре и имеющий большое значение для развития личности, коммуникативных навы-

ков человека. Национальная специфика юмора в первую очередь отражается в тематическом диапазоне и выборе лингвистического инструментария, применяемого для создания языковой игры. В связи с этим при общении представителей раз-

ных культур, не знакомых с национальными особенностями понимания юмора в иноязычной культуре, велика вероятность возникновения коммуникативных сбоев, коммуникативного шока, вызванных, в частности, несовпадением юмористического мироощущения. Поиск путей преодоления подобных коммуникативных сбоев при межкультурном общении приводит преподавателей РКИ к введению в образовательный процесс юмористических текстов, в частности – анекдотов. Исследователи пишут о том, что такие тексты помогают активизировать познавательный интерес обучающихся, повышают мотивацию к изучению русского языка и культуры, способствуют сближению людей, позволяют представителям разных языковых культур лучше понять друг друга [1, с. 95].

Цель исследования – описать лингводидактический потенциал небольших юмористических текстов – анекдотов – на занятиях по русскому языку как иностранному в военном вузе.

Задачи исследования – проанализировать критерии отбора текстов с учётом специфики обучения в военном вузе; обозначить и раскрыть этапы работы, представить приёмы работы с анекдотами, направленные на развитие разных видов речевой деятельности и формирование страноведческой компетенции.

Методологическая и теоретическая основа исследования

Метод теоретического анализа позволил в ходе изучения имеющихся научных исследований выявить основные принципы отбора и дидактический потенциал анекдотов на занятиях по русскому языку как иностранному. Эмпирические методы (наблюдение, беседа) позволили определить эффективность работы с анекдотами, тщательно отобранными преподавателем, на занятиях по русскому языку как иностранному для формирования языковой, социокультурной и страноведческой компетенций.

Исторически понимание слова *анекдот* претерпело значительные изменения. В современном понимании анекдот – это 1. Один из жанров фольклора: короткий юмористический рассказ...; 2. Необычное происшествие, событие [2]. Выделяются следующие специфические особенности анекдота: историческая подробность, краткость, лаконичность, возможность существования как в виде монолога, так и в виде диалога, наличие сюжетности и структурности, разнообразие по тематике, способность к репрезентации национальной языковой картины мира, этнокультурная значимость, наличие эксплицитных и имплицитных смыслов, демонстрация социально-

культурных и эмоциональных особенностей речи персонажей и др. [3]. В центре анекдота – одно событие, набор деталей. Всё это делает его полезным учебным материалом для преподавателя русского языка как иностранного. Так, некоторые исследователи видят пользу анекдотов в повышении интереса к изучению русского языка, для лучшего усвоения грамматических правил, совершенствования навыка перевода [4, с. 96].

М. Н. Костенко считает, что работа с данным жанром на занятии позволяет разнообразить учебный процесс [5, с. 179]. Многие исследователи говорят о том, что интересный анекдот способен вызвать эмоциональный отклик у иностранных обучающихся, стать отправной точкой для плодотворной дискуссии; предлагают использовать анекдот как средство активизации познавательной деятельности [6, с. 368]. Однако О. В. Румянцева предупреждает, что юмористические тексты нуждаются в тщательном отборе, так как их понимание представителем иноязычной культуры часто бывает затруднено в силу несовпадения картин мира, поэтому в большинстве случаев требуется развёрнутый лингвокультурологический комментарий [7]. В связи с этим в учебных пособиях часто предлагается уже адаптированный юмористический материал.

Результаты и обсуждение

Исследователи сходятся во мнении о том, что фоновые знания о культуре являются необходимыми для понимания национального юмора. Отмечается, что тематический диапазон выбираемых для работы анекдотов должен быть интересен обучающимся, не должен вызывать отторжения и агрессии. Обозначим основные критерии отбора анекдотов, предлагаемых для изучения в иностранной аудитории. Отметим, что при выборе учебного материала преподавателю следует учитывать специфику обучения в военном вузе, отличающуюся строгой формализацией, дисциплиной, безусловной субординацией и т. д.

Необходим тщательный отбор материала с учетом национальных особенностей слушателей / курсантов. Представляется недопустимым обсуждение табуированных в культурах обучающихся тем (эротические, насильственные, религиозные и т. д.). Так, для вьетнамцев недопустимы анекдоты, высмеивающие тещу; с мусульманами лучше не затрагивать тему собак, с тайцами не стоит шутить о чиновниках и госслужащих, не стоит затрагивать тему разных национальностей [3], [5]. Необходимо избегать анекдотов, которые могут спровоцировать межнациональные ссоры и конфликты [4, с. 98–99]. Представляется важным игнорирование текстов, представляющих Россию и

русских с негативной стороны. Кроме того, важно учитывать как социально-политические и бытовые реалии родной страны обучающихся, так и страны изучаемого языка. По нашему мнению, представляется интересным введение материалов регионоведческого характера [8].

Необходимо учитывать возраст обучающихся и уровень владения языком. Представляется возможным введение небольших (в том числе адаптированных) анекдотов уже на базовом уровне [9, с.143].

Отметим, что преподавателю важно научиться прогнозировать, какие анекдоты иностранным военнослужащим будет сложно / невозможно понять, а какие вызовут минимальные затруднения и потребуют лишь краткого комментария.

Отбор материала проводится в соответствии с изучаемой темой (согласно руководящим документам). К примеру, при изучении грамматической конструкции с двойным отрицанием слушателям / курсантам можно предложить следующий анекдот (все анекдоты, представленные в статье, за исключением лингвистических, были записаны со слов курсантов и офицеров):

- Товарищ курсант! Вы видели капитана Иванова?
- Нет, я никого не видел.
- А что вы сейчас делаете?
- Выполняю приказ капитана Иванова!
- Но он вам ничего не приказывал!
- А я ничего и не делаю!

При изучении темы «Глаголы движения» можно использовать следующий анекдот:

Курсант решил провести каникулы на море. В воскресенье пошёл дождь. Дождь шёл три дня. В среду курсант решил уехать. Хозяин отеля спрашивает курсанта:

- Почему вы так быстро уезжаете?
- Из-за дождя.
- Но ведь в вашем городе тоже идёт дождь!
- Конечно, только там он идёт бесплатно!

Замечено, что, если слушателям / курсантам предлагается важный, интересный материал, содержащий армейскую составляющую, они гораздо активнее включаются в работу, проявляют интерес. Данный материал должен подвергаться особо строгому отбору и анализу с точки зрения формирования положительного имиджа армии и отсутствия в предлагаемом тексте скрытых смыслов негативного характера. Юмор должен быть лёгким, ненавязчивым, понятным людям разных культур, объединённых темой службы в Вооружённых силах / учёбы в военном вузе. Приведём примеры удачных (на наш взгляд) анекдотов:

А) Преподаватель:

- Товарищ курсант! Вы уже пятый раз за неделю опаздываете на занятие. Что я должна подумать?

Курсант:

- Как что? Что сегодня пятница!

Б) Комиссия в призывном пункте. Врач-окулист спрашивает:

- Что написано вверху, видите?

- Вижу.

- А что написано ниже, видите?

- Вижу.

- А ещё ниже?

- Нет.

- Готовьтесь в снайперы! Следующий! Верхнюю строчку видите?

- Да.

- А ниже?

- Нет, не вижу.

- Готовьтесь в морфлот! Следующий! Верхнюю строчку видите?

- Нет, доктор, ничего не вижу.

- Ну и хитрый, разведчиком будешь!

В) - Солдат!

- Слушаю, товарищ капитан!

- Я не видел тебя на занятии по маскировке!

- Спасибо, товарищ капитан!

Г) Преподаватель военной кафедры: «Танк развивает скорость до 80 км/ч. Потом танк теряет управление»... «Потом-то как?» – задаёт вопрос курсант. «Что как? Всё нормально, ничего страшного! Вы ведь в танке».

Как показывает опыт, интересными для слушателей / курсантов являются лингвистические анекдоты, позволяющие «говорящему ощутить коммуникативное удовольствие благодаря выходу за рамки регламентированного общения», с одной стороны, с другой – «коммуникативное удовольствие, обеспеченное возможностью почувствовать себя «хозяином» неродного языка, имманентно природе языковой игры как лингвокреативной деятельности» [10, с. 413, 416]. Например:

1. Только в русском языке можно составить предложение из трех гласных букв: «Э, а я?».

2. Папа, переведи мне 100 долларов!

- One hundred dollars.

3. Я в прекрасной спортивной форме. Правда, на животе она застегивается с трудом.

4. - Рядовой Иванов, выйти из строя!

Иванов падает без сознания. Грохот...

Командир:

- Что с ним?

- Вышел из строя... [11].

Итак, анекдот, тщательно отобранный преподавателем в соответствии с целями и задачами занятия, позволяет обучающимся познакомиться с социально-культурными явлениями повседневной жизни российского общества, армии, взглянуть на будни офицерской / курсантской жизни под иным углом. Кроме того, на примере текста анекдота можно получить представление о механизмах создания языковой игры.

Исследователи предлагают различные методики работы с анекдотом, способствующие достижению различных образовательных целей. Так, О. В. Ширяева и М. Н. Костенко выделяют такие этапы работы с текстом анекдота: чтение (читают обучающиеся), комментирование (преподаватель), выполнение заданий творческого характера [12, с. 210]. Т. А. Евстегнеева предлагает начинать работу с анекдотом с подготовительных упражнений (снятие языковых трудностей). Далее выполняются репродуктивные и логико-смысловые упражнения (активизация прогностических способностей), а на завершающем этапе – коммуникативные (тренировка речевых навыков) [13].

На наш взгляд, работу с анекдотами не стоит затягивать и перегружать грамматическими упражнениями, важно суметь сохранить эмоциональную вовлечённость аудитории в процесс представления / прослушивания анекдота, постараться избежать «сухости», но вызвать интерес к дальнейшему изучению текстов данного фольклорного жанра, русского языка и народной культуры.

Опыт преподавания авторов статьи показывает, что при работе с юмористическими текстами в иностранной военной аудитории наиболее эффективной представляется четырёхступенчатая система работы с анекдотом:

1. Подготовка к прослушиванию / чтению / просмотру («Вспомним / узнаем новые слова / информацию»). Данный этап направлен на правильное восприятие юмористического текста, а также на снятие языковых трудностей. Задача преподавателя – «разжечь» интерес обучающихся, побудить их к внимательному знакомству с предлагаемым тестом.

2. Представление / предъявление анекдота («Читаем / слушаем / смотрим»). Преподаватель может представить анекдот как в устном (рассказывает сам), письменном (обучающиеся читают текст), так и в аудиовизуальном формате (просмотр видео, прослушивание аудио). Важно помнить, что анекдот относится не к повествовательным, а к изобразительным жанрам, поэтому рассказывание анекдота (особенно в иноязычной аудитории) – это в некотором смысле представ-

ление, производимое единственным актёром – преподавателем. Первостепенную роль здесь играет интонация, мимика, жестикация. На данном этапе преподаватель особенно внимательно следит за реакцией обучающихся, оперативно регулируя скорость, манеру, формат подачи материала. Если анекдот вызывает улыбку или смех, значит, цель преподавателя достигнута, требуется минимальный комментарий-пояснение.

На наш взгляд, очень важным этапом работы с анекдотами является комментирование. В зависимости от типа информации комментарии могут быть языковыми (фонетические, грамматические, лексические, словообразовательные, стилистические) и экстралингвистическими (страноведческие, социокультурные). Грамотно и интересно выстроенное пояснение способствует формированию различных компетенций, навыков межкультурной коммуникации, умений решать коммуникативные задачи, возникающие в процессе общения с носителями языка [8].

3. Обсуждение («Обсуждаем / проверяем понимание»). На данном этапе возможно применение репродуктивных, логико-смысловых и коммуникативных упражнений. Целесообразным видится использование различных образовательных технологий (игровые, мультимедийные и др.). Наиболее эффективная форма работы – беседа. Преподаватель, выполняющий функции медиатора, направляющего и регулирующего ход беседы, формирует банк заданий и вопросов таким образом, чтобы иностранные обучающиеся выполняли их с интересом. Возможно выполнение заданий творческого характера (инсценировка, рассказ анекдотов собственного сочинения на заданную тему (случай из жизни, короткий рассказ о каком-либо событии), предположение «Что было потом...», проведение конкурса на лучшее диалоговое чтение анекдота и др.

4. Работа с анекдотом может быть продолжена во внеучебное время. Предполагается выполнение творческих заданий. Например: 1. Распределите реплики и разыграйте анекдот, связанный с военной тематикой; 2. Придумайте свой анекдот на тему «Повседневная жизнь военного»; 3. Вы военный. В компании друзей расскажите анекдот, связанный со следующими ситуациями: а) на празднике, б) в офицерской столовой, в) на полевом выходе, г) на занятии. Расскажите анекдот, ориентируясь на ситуацию.

Заключение

Юмористические тексты имеют значительный лингводидактический потенциал в рамках преподавания дисциплины «Русский язык (как

иностранный)». Использование анекдотов на занятиях по РКИ позволяет познакомить обучающихся с лингвокультурной спецификой вербализации национального русского юмора на «живом» материале; активизировать познавательный интерес иностранцев к культуре страны изучаемого языка; помогает разнообразить процесс обучения, вызвать эмоциональную реакцию, создает благоприятный эмоциональный фон, раскрывает творческие способности, позволяет с интересом работать в микрогруппе; способствует более активному запоминанию / отработке нового лексического материала, грамматических явлений; оказывает влияние на развитие разных видов речевой деятельности и формирование страноведческой компетенции; повышает мотивацию к взаимосвязанному изучению языка и культуры.

Выявление лингводидактического потенциала анекдотов в реализации практики обучения русскому языку как иностранному в военном вузе, определение критериев отбора материала, обозначение основных этапов и приёмов работы с ним определяет новизну данного исследования. Материалы данного исследования могут быть полезны преподавателям РКИ, работающим в военных вузах.

Перспективы дальнейших научных исследований в данном направлении видятся в описании методики работы на примерах конкретных текстов; выявлении дидактического потенциала анекдотов, представленных в видеоформате; обобщении практического опыта работы с анекдотами, представленными в учебно-методическом пособии (с учётом военной специфики).

Список источников

1. Аскерова Н. И. Жанровые особенности анекдотов // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2014. № 6 (37). С. 91–97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-osobennosti-anekdotov/viewer> (дата обращения: 21.10.2021).
2. Анекдот // Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D0%BA%D0%B4%D0%BE%D1%82+&all=x> (дата обращения: 21.10.2021).
3. Петрова О. А., Никитина А. Ю., Игнатьева Е. А. Анекдот как средство речевой диагностики при обучении и контроле знаний в целях подтверждения уровня владения русским языком как иностранным // Методика преподавания иностранных языков и РКИ: традиции и инновации: сборник материалов II Международной научно-методической конференции-вебинара. Курск: Изд-во Курского государственного медицинского университета, 2017. С. 112–123.

4. Ван С., Кирилова И. В., Сутина А. И. Учебная ценность русских анекдотов // Педагогическое образование в России. 2020. № 5. С. 95–99.

5. Костенко М. Н. Особенности презентации анекдотов на уроках РКИ // Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении: 2-я Международная научная конференция. Симферополь, 2018. С. 178–180

6. Лучкина Н. В., Мирзоева С. А., Проценко И. Ю. Анекдоты и шутки на занятиях по русскому языку как иностранному // Методика преподавания иностранных языков и РКИ: традиции и инновации: сборник материалов III Международной научно-методической онлайн-конференции. Курск: Изд-во Курского государственного медицинского университета, 2018. С. 366–372.

7. Румянцева О. В. Обзор различных концепций в теории юмора и их реализация в методике преподавания русского языка как иностранного // Гуманитарно-педагогическое образование. 2019. № 1. С. 50–56.

8. Регионоведение на занятиях по русскому языку как иностранному на подготовительном курсе: учебное пособие / О. В. Шкурко [и др.]. Омск: ОАБИИ, 2020. 114 с.

9. Корнилова Л. В., Николаева О. А., Смирнова А. Н. Использование анекдота как способа трансляции ценностей культуры в преподавании дисциплины «русский язык как иностранный» // Аграрный вестник Верхневолжья. 2020. № 2 (31). С. 140–144.

10. Муль И. Л., Виданов Е. Ю. Речетворческое моделирование в процессе изучения русского языка как иностранного, или языковая игра устами инофона // Новейшая филология: итоги и перспективы исследований: сборник статей Международной научно-практической конференции, посвящённой памяти Б. И. Осипова и М. П. Одинцовой. Омск, 2019. С. 413–416.

11. Лингвистические анекдоты // Грамота.ру: [портал]. URL: <http://new.gramota.ru/biblio/gostinaya/lingvisticheskie-anekdoty> (дата обращения: 21.10.2021).

12. Ширяева О. В., Костенко М. Н. Юмористический текст на уроках русского языка как иностранного: из опыта преподавания // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2019. № 24. С. 209–212.

13. Евстигнеева Т. А. Учет национальной специфики русского юмора в процессе обучения РКИ: автореф. дис. ... канд. пед. наук: СПб., 2003. 19 с.

References

1. Askerova, N. I. (2014). *Genre specifics of anecdotes* [Genre Features of Jokes]. V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii. No 6 (37), pp. 91–97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-osobennosti-anekdotov/viewer> (accessed: 21.10.2021). (In Russian)
2. *Anekdot* (1998) [A Joke]. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Pod red. S. A. Kuznetsova. St. Petersburg, Norint. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D0%BA%D0%B4%D0%BE%D1%82+&all=x> (accessed: 21.10.2021). (In Russian)

3. Petrova, O. A., Nikitina, A. Yu., Ignat'eva, E. A. (2017). *Anekdot kak sredstvo rechevoi diagnostiki pri obuchenii i kontrole znaniy v tselyakh podtverzhdeniya urovnya vladeniya russkim yazykom kak inostrannym* [A Joke as a Means of Speech Diagnostics in Teaching and Assessment of the Level of Proficiency in Russian as a Foreign Language]. *Metodika prepodavaniia inostrannykh yazykov i RKI: traditsii i innovatsii: sbornik materialov II Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii-vebinara*. Pp. 112-123. Kursk, izd-vo Kurskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta. (In Russian)
4. Van, S., Kirilova I. V., Suetina, A. I. (2020). *Uchebnaya tsennost' russkikh anekdotov* [Teaching Value of Russian Jokes]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, No 5, pp. 95-99. (In Russian)
5. Kostenko, M. N. (2018). *Osobennosti prezentatsii anekdotov na urokakh RKI* [Features of Joke Presentations in RFL Lessons]. *Mezhkulturnye kommunikatsii: russkii yazyk v sovremennom izmerenii: 2-ya Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya*. Pp. 178-180. Simferopol. (In Russian)
6. Luchkina, N. V., Mirzoeva, S. A., Protsenko, I. Yu. (2018). *Anekdoty i shutki na zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu* [Jokes and Funny Stories in Russian as a Foreign Language Classes]. *Metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov i rki: traditsii i innovatsii: sbornik materialov III Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi onlain-konferentsii*. Pp. 366–372. Kursk, izd-vo Kurskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta. (In Russian)
7. Rumyantseva, O. V. (2019). *Obzor razlichnykh kontseptsii v teorii yumora i ikh realizatsiya v metodike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Review of Different Concepts of the Humor Theory and Its Implementation in Methodology of Teaching Russian as a Foreign Language]. *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie*. No 1, pp. 50-56. (In Russian)
8. *Regionovedenie na zaniatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu na podgotovitelnom kurse: uchebnoe posobie* (2020) [Regional Studies in Russian as a Foreign Language Classes at the Preparatory Course: A Textbook]. O. V. Shkurko (et al.). 114 p. Omsk, OABII. (In Russian)
9. Kornilova, L. V., Nikolaeva, O. A., Smirnova, A. N. (2020). *Ispol'zovanie anekdota kak sposoba translyatsii tsennosti kul'tury v prepodavanii distsipliny "Russkii yazyk kak inostrannyi"* [Using a Joke as a Way of Broadcasting Cultural Values in Teaching the Discipline "Russian as a Foreign Language"]. *Agrarnyi vestnik Verkhnevolzh'ya*. No. 2 (31), pp. 140-144. (In Russian)
10. Mul, I. L., Vidanov, E. Yu. (2019). *Rechtyvorcheskoe modelirovanie v protsesse izucheniia russkogo yazyka kak inostrannogo, ili yazykovaya igra ustami inofona* [Speech-making Modeling in Learning Russian as a Foreign Language, or Language Play through the Mouth of a Foreign Speaker]. *Noveishaya filologiya: itogi i perspektivy issledovaniy: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi pamyati B. I. Osipova i M. P. Odintsovoi*. Pp. 413-416. Omsk. (In Russian)
11. *Lingvisticheskie anekdoty* [Linguistic Jokes]. URL: <http://new.gramota.ru/biblio/gostinaya/lingvisticheskie-anekdoty> (accessed: 21.10.2021). (In Russian)
12. Shiryayeva, O. V., Kostenko, M. N. (2019). *Yumoristicheskii tekst na urokakh russkogo yazyka kak inostrannogo: iz opyta prepodavaniya* [Humorous Text in Lessons of Russian as a Foreign Language: Teaching Experience]. *Lingvoriticheseskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty*. No 24, pp. 209-212. (In Russian)
13. Evstigneeva, T. A. (2003). *Uchet natsionalnoi spetsifiki russkogo yumora v protsesse obucheniya RKI: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Considering National Specifics of Russian Humor in Teaching RFL: Ph.D. Thesis Abstract]. St. Petersburg, 19 p. (In Russian)

The article was submitted on 15.03.2023
Поступила в редакцию 15.03.2023

Шкурко Ольга Васильевна,
кандидат педагогических наук,
доцент,
Омский автобронетанковый инженерный институт,
644098, Россия, Омск,
п. Черёмушки, 14, Военный городок.
shkurkolga@mail.ru

Мельник Юлия Александровна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Военный университет МО РФ,

123001, Россия, Москва,
Б. Садовая, 14.
uliya0783@mail.ru

Shkurko Olga Vasilevna,
Ph.D. in Pedagogy,
Associate Professor,
The Omsk Armored Vehicle Engineering Institute,
14 Military Town, v. Cheryomushki,
Omsk, 644098, Russian Federation.
shkurkolga@mail.ru

Melnik Yuliya Alexandrovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
14 Bolshaya Sadovaya Str.,
Moscow, 123001, Russian Federation.
uliya0783@mail.ru

Штехман Елена Александровна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Военный университет МО РФ,

123001, Россия, Москва,
Б. Садовая, 14.
shte-elena@yandex.ru

Shtekhman Elena Alexandrovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
The Military University of the Ministry
of Defense of the Russian Federation,
14 Bolshaya Sadovaya Str.,
Moscow, 123001, Russian Federation.
shte-elena@yandex.ru

ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

УДК 811.512.145

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-277-280

ПУСТЬ НАША РЕЧЬ БУДЕТ АККУРАТНОЙ И СОВЕРШЕННОЙ (ПОСВЯЩАЕТСЯ 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Р.А. ЮСУПОВА)

© Фираз Харисов, Чулпан Харисова

LET OUR SPEECH BE NEAT AND PERFECT (ON THE 85th ANNIVERSARY OF R. YUSUPOV)

Firaz Kharisov, Chulpan Kharisova

Для цитирования: Харисов Ф., Харисова Ч. Пусть наша речь будет аккуратной и совершенной (посвящается 85-летию со дня рождения Р.А. Юсупова) // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №3 (73). С. 277–280. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-277-280

В многогранной научно-исследовательской и публицистической деятельности действительного члена Академии наук Татарстана, доктора филологических наук, профессора Р. А. Юсупова занимают вопросы, касающиеся татарской периодической печати, радио и телевидения. В своих книгах и статьях он описывает свои концептуальные идеи по сохранению и совершенствованию литературных норм устной и письменной речи на татарском языке. Выдающийся ученый-педагог, видный публицист Рузаль Абдуллазянович только в этом году выпустил две очень объемные книги: «Милләтебез иминлеге сагынды. За развитие нации» [1] и «Мәгърифәт – прогрессның нигезе. Просвещенность – основа прогресса» [2].

Не сомневаясь в том, что первая книга тоже скоро станет предметом нашего детального изучения, остановимся на второй, в которой автор поднимает проблемы, волнующие не только его, но и многих читателей, то есть вопросы национального образования, языка и культуры, которые постоянно должны находиться в центре внимания специалистов и общественности. Следует особо подчеркнуть: материалы во многих его книгах традиционно представлены на двух государственных языках – современном татарском и русском.

Сразу отметим, что наша цель – не просто познакомить читателей с теми достоинствами, которые присущи этой книге (а они, безусловно, есть, и их много!). Ориентируясь на ее содержание, для начала обратим внимание хотя бы на названия статей: «Хокукларыбыздан тулы файдаланык», «Кайчан дәрәс сөйләи һәм яза башларбыз икән?», «Үзәбездән тора», «Сумеем ли сохранить наш литературный язык?», «Дәрәс дәрәсләкләр кирәк»,

«Сүзләре дәрәс кулланык», «Иң мөһим бурычлар», «Насущные задачи», «Совершенствование учебного процесса», «Тынычланып йөрер чак түгел», «Не время для успокоения», «Матбугатны яратыйк» и др.

Если внимательно посмотреть на проблемы, поднятые в книге Рузаль Абдуллазяновича, то одно неоспоримо: эту книгу можно условно разделить на три большие главы.

В первой главе ученый рассуждает о том, что необходимо сделать для сохранения чистоты и достоверности родного языка, используемого в различных сферах нашей жизни, для того, чтобы достойно донести его до будущих поколений на должном уровне. Автор так комментирует острую необходимость вынесения этой проблемы на повестку дня: «... наш народ лишен надлежащей, позитивной, объективной информации о поучительной истории, передовой культуре, ее замечательных качествах ..., потому что в школах не преподается полная объективная история татар, не дается соответствующая информация о великих личностях, известных в мире ..., читателей газет и журналов на татарском языке становится все меньше и меньше ...». В результате, к сожалению, пишет он, «в устной и письменной речи широко распространены случаи ошибочного употребления языковых и речевых явлений татарского языка: неправильное употребление слов; распространение лексических единиц, несовместимых с привычными для нашего языка формами словообразования; нарушение порядка слов в предложении, при этом чаще всего встречаются аналогии с русским языком; нарушение литературных форм отдельных групп слов и т. д.» [2, с. 7–8].

Известно, что татарский язык занимает почетное 14 место среди самых совершенных языков мира, и тем не менее, он подвергается различным притеснениям или даже оскорблениям. Автор справедливо ставит вопросы: Кто это делает? Кто в этом виноват? И сам же на них отвечает названиями статей, помещенных в этой книге: «Все зависит от нас самих», «Правильно употребим слова», «Нельзя успокаиваться», «Полюбим прессу», «Просвещение – основа прогресса».

Как уже было сказано выше, Рузаль Абдуллазянович не ограничивается перечислением причин возникновения вышеназванных проблем, которые он освещает в своем труде. Для начала он проводит детальный анализ, обосновывая свои суждения фактическими материалами (примерами) из множества различных изданий, и описывает их так, чтобы читателю было понятно, в какой форме они должны были бы быть использованы. Напомним, что автор – выдающийся ученый-языковед современности – еще с 60-х годов прошлого столетия активно занимался вопросами теории перевода, почти полвека освещал вышперечисленные проблемы. Он имеет многочисленных благодарных учеников, среди которых есть и филологи, и учителя-педагоги! Академик Р. А. Юсупов – наставник, умеющий грамотно и доступно доводить до аудитории свои размышления о существующих проблемах двуязычия и многоязычия. Следовательно, наш современник – это аксакал, который «прожил, пропустил через себя» поднятые в книге проблемы, поэтому так волнующе высказывается о влиянии общих и отличительных черт татарского и русского языков на нашу современную устную и письменную речь.

Каждая страница этого солидного труда – искренняя забота о нашем языке, размышления о его будущем. Для подтверждения этой мысли приведем примеры. Глубокую озабоченность автора вызывают неправильное, неуместное употребление, таких, например, слов, как *яңгырау*, *яңгырату*, *живой* [2, с. 49]; часто встречающиеся недостатки в формах поздравлений с различными праздниками на татарском языке (*Туган көнегез белән!*) – все это невнятные кальки с русского языка. В татарском языке добавление при этом глагола усилит семантику праздничного поздравления: *Туган көнегез белән котлыйм / котлыйбыз!*

Да, в последние годы влияние русского языка на устные и письменные формы татарской речи значительно возросло. Резкое сокращение часов преподавания татарского языка в средних, среднеспециальных и высших учебных заведениях, начиная с младшего школьного возраста, делает эту реальность особенно печальной, например,

возьмем только произношение многострадального согласного звука [h]. В наши дни даже трудно найти человека, который бы произнес его без искажений [Там же, с. 40]. Подготовка учителей с высшим филологическим образованием по программе бакалавриата также не дает положительных результатов, так как присущее звучание, строй лексических единиц, широкие возможности татарской речи остаются незамеченными, неизученными молодым поколением – специалистами, которые должны будут обучать языку в будущем. Зачастую равнодушные родители к родному языку, пренебрежительное отношение к нему еще больше усложняют работу, порождают негативное отношение детей к языку и литературе, истории, духовным ценностям своего народа. Результат – сегодняшняя реальность! Примером может послужить «мода на образование новых сложных слов» по аналогии с русским языком: *республикакуләм, сүзъясалышы*. Как известно, наличие в русском языке соединительных гласных *о, е* создает возможность для активного образования лексических единиц типа *самолет, пароход, пулемет*. Так же широко распространяющееся сейчас в татарской устной и письменной речи словом *микән* (вместо *-ме + икән*) мало у кого вызовет положительную реакцию [Там же, с. 41].

Академик Р. А. Юсупов, так же, как и мы, заостряет внимание читателей еще на одном распространенном «хроническом заболевании» в татарском языке – особенности употребления качественных и относительных прилагательных. Известно, что в татарском языке прилагательные не изменяются, когда находятся перед определяемым существительным: *бүгенге* (көн), *хәзерге* (вакыт). Некоторые относительные прилагательные в татарском языке могут употребляться в предложении и без определяемого существительного. В научной литературе это называется субстантивацией прилагательных: *сыйфатларның исемләшүе*. Таким образом, при отсутствии определяемого существительного прилагательное может иметь формы множественного числа, притяжательности и падежей. Следовательно, надо говорить *бүгенгене, хәзергене* (онытмыйк). Широкое употребление в выступлениях по радио и телевидению словосочетаний типа *бүгенгесе көн, хәзергесе вакыт* нарушает не только внутреннюю закономерность татарского языка, но и искажает звучание речи на родном языке в соответствии с литературной нормой. Кстати, об этой распространенной речевой ошибке в свое время говорил и народный писатель Татарстана Мухаммат Магдеев в одной из своих статей: «„Быелгысы елда” – монысы колхоз житәкчеләре телендә – иң актив сүз. “Быелгысы” сүзе

дөрәс түгел, чөнки “быелгы” сүзе белән бөтенесе дә әйтелде инде» [3].

Академик Р. А. Юсупов в своей книге описывает языковые и речевые ошибки, характерные для всех ярусов языка. Так, в материале «Глаголы татарского языка прошедшего времени» он упоминает, что в русском языке прошедшее время употребляется только в одной форме (*ехал, шел, сделал, принес, посмотрел*). К сожалению, в настоящее время в татарском языке стало привычным преимущественное употребление лишь форм *-ды /-де; -ты /-те*, которые в лингвистике называются «билгеле һәм билгесез үткән заман» («определенное и неопределенное прошедшее время»). Мы стали свидетелями того, что это обедняет лексические возможности татарского языка. У читателя может возникнуть резонный вопрос: «Почему это происходит?» Причина проста: татарский язык богат вспомогательными глаголами, широко используемыми при образовании составных форм времен, образовании глаголов от различных частей речи, глагольной категории характера протекания действия (фигыль дәржэләре). Однако перечисленные особенности татарского языка не изучаются в школе. Даже для татарских школ такие материалы считаются сложными, хотя раньше часть этих тем была включена в учебную программу. В настоящее время вместо глаголов *эшлэ, хезмэт итэ* все чаще слышим (читаем) *хезмэт куя* [2, с. 53]. Известно, что слово *кую* («ставить») может употребляться в прямом значении (поставить на стол), иногда это слово выполняет роль вспомогательного глагола и выражает характер протекания действия, совершенного за небольшой промежуток времени. Вспомогательный глагол *итү* активно используется при образовании глаголов от различных частей речи. Перечисленные некоторые неточности, действительно, указывают на то, что студентам-бакалаврам – филологам и журналистам – выделяется недостаточное количество часов для более тщательного изучения данной части речи. А вот журналистам это было бы очень нужно! Р. А. Юсупов предупреждал об этом еще в своих трудах, опубликованных 30-40 лет назад.

В своей книге автор выделяет большую группу неточностей, связанных с употреблением причастий. Как известно, в татарском языкознании причастие – это неличная форма глагола. Р. А. Юсупов отмечает, что «большинство ошибок в области использования причастий связана с формами настоящего времени. Причина – незнание особенностей значений, поэтому почти всегда употребляются формы на *-учы/-үче*» [Там же, с. 55]. В татарском языке стало аксиомой, что причастия на *-учы / -үче* употребляются перед суще-

ствительными, называющими лицо (*ана, абый, агроном, укытучы, укучы* и др.). Составная форма причастий настоящего времени (*килә торган поезд*) называет постоянно совершаемое (или не совершаемое) действие предмета как его признак. Как видим, разница между формами настоящего времени причастий достаточно велика!

Автор обращает пристальное внимание на особенности управления глаголов другими частями речи, например, именами существительными [Там же, с. 38]. Сегодня становится привычным неправильное употребление послелога *белән* перед такими словами, как *куллану, файдалану*. Литературной нормой является использование существительных в винительном падеже: *китпаны* (куллану) или (файдалану). Мы солидарны с мнением ученого, что причина – в непонимании лексических значений слов, в данном случае глаголов, поскольку в настоящее время молодое поколение привыкло к телефонам и телевизорам, поэтому умения и навыки использования словарного запаса оставляют желать лучшего. Молодежь не имеет ни времени, ни желания читать литературные произведения, к сожалению, и речь на родном языке теряет свою былую красоту и звучание, с каждым днем становясь все беднее и беднее.

Написанные Р. А. Юсуповым труды (в данном случае мы имеем в виду лишь названия некоторых его книг) представляют собой афоризмы, отражающие наш язык и жизнь народа в целом: «Инсафлының теле саф», «Жылы сүз жан эретә», «Әдәп башы – тел», «Икесен дә яхшы бел», «Туган тел – милләтнең нигезе» и др. Автор борется за чистоту нашего языка, делится своими размышлениями по поводу решения обозначенных проблем в будущем. Наш выдающийся современник, посвятивший всю свою жизнь науке, преподавательской работе, организации науки, с оптимизмом смотрит в будущее, живет в процессе активной созидательной творческой деятельности.

Данная книга отличается от ранее созданных тем, что Рузаль Абдуллазянович размышляет о стратегическом единстве воспитания и дисциплины как «основы жизни человеческого общества» и предлагает свою программу воспитания. На первое место он выносит нравственное воспитание, на примерах из жизни доказывает недостатки, существовавшие раньше и имеющиеся сейчас в учебно-воспитательной работе. Особое значение для подрастающего поколения, по его мнению, имеет трудовое воспитание, которое, несомненно, играет главенствующую роль в воспитании детей настоящими людьми, патриотами своей страны, а также в сфере эстетического воспи-

тания. Р. А. Юсупов подробно останавливается и на вопросах религиозного, экологического и физического воспитания, предлагает не ограничиваться достигнутыми успехами, а указывает на пути преодоления имеющихся недостатков.

Третья глава новой книги Рузалия Абдуллазяновича посвящена деятельности автора в общественно-политической сфере. Проработав более пятнадцати лет ректором КГПИ – третьего педагогического учебного заведения России, как руководитель, проделавший огромную работу для повышения его до статуса университета и за полтора столетия подготовивший специалистов для республик Поволжья, дает краткий диахронический анализ богатой истории вуза, резко критикуя ликвидацию педагогического университета, на примерах доказывая необходимость его восстановления.

Как известно, в 90-е годы прошлого века под руководством Р. А. Юсупова была создана Общественная организация «Республиканская Партия Татарстана». В книге дается толкование программы партии: «... партия строится с учетом целей процветания Татарстана, в ее программе освещаются ее цели и задачи, в первую очередь – интересы народа» [2].

Ученый обстоятельно рассказывает о своих поездках за границу, о поучительном опыте, который он смог использовать в повседневной работе на посту ректора Казанского государственного педагогического института (университета). Например, после обсуждения отчета ректора о поездке в Гуйлинский педуниверситет Китая на заседании Ученого совета было принято решение об открытии кафедры основ музыкального воспитания – первой кафедры среди педвузов Российской Федерации. Члены коллектива этой ка-

федры на протяжении многих лет преподавали учебный предмет «Основы музыки», столь необходимый будущим специалистам на всех факультетах вуза.

Словом, книга Рузалия Абдуллазяновича Юсупова «Мэгърифэт – прогрессның нигезе. Просвещенность – основа прогресса» никого не оставит равнодушным, потому что, по словам автора, «сегодня, в эпоху цивилизации, вступающей в третье десятилетие XXI века, невозможно оправдать незнание и неумение использовать родной язык, несвободное владение им» [2, с. 7]. Мы, как предприимчивый и высоконравственный, образованный и трудолюбивый народ, обязаны неустанно трудиться, чтобы передать наш язык, традиции и культуру молодому поколению.

Список источников

1. Юсупов Р.А. Милләтебез иминлеге сагында. За развитие нации. Казань: Слово, 2023. 560 с.
2. Юсупов Р.А. Мэгърифэт – прогрессның нигезе. Просвещенность – основа прогресса. Казан, 2023. 447 с.
3. Мәһдиев М.С. Әсәрләр. 9 нчы том. Казан: Татар. кит. нәшр. 212 б.

References

1. Yusupov, R. A. (2023). *Millätebez iminlege sagynda* [To the Development of the Nation]. 560 p. Kazan: Slovo. (In Tatar)
2. Yusupov, R. A. (2023). *Mag'rifet - progressnyñ nigeze* [Enlightenment is the Basis of Progress]. 447 p. Kazan. (In Tatar)
3. Məhdiyev, M. S. *Əsərlər* [Works]. 9 nchy tom. 212 p. Kazan, Tatar.kit. nəshr. (In Tatar)

The article was submitted on 25.08.2023

Поступила в редакцию 25.08.2023

Харисов Фираз Фахразович,
доктор педагогических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
harisov.52@mail.ru

Kharisov Firaz Fakhrzovich,
Doctor of Pedagogy,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
harisov.52@mail.ru

Харисова Чулпан Мухаррамовна,
доктор педагогических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
c.harisova@mail.ru

Kharisova Chulpan Muharramovna,
Doctor of Pedagogy,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
c.harisova@mail.ru

РУКОВОДСТВО ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения

Научный журнал «Филология и культура. *Philology and Culture*» публикует статьи по следующим разделам:

- филологические науки;
- психологические науки;
- педагогические науки.

Журнал «Филология и культура. *Philology and Culture*» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его высоким научным критериям (актуальность, научная новизна и др.). В тексте статей следует отдавать предпочтение ссылкам на публикации последних 15 лет. В журнале печатаются материалы, которые не опубликованы и не переданы в другие редакции.

Все статьи проходят рецензирование. Результаты рецензирования и решение редколлегии о принятии представленной статьи к публикации в журнале «Филология и культура. *Philology and Culture*» сообщаются авторам по электронной почте.

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или статья направляется авторам на доработку.

Рукописи авторам не возвращаются.

Порядок приема и движения рукописи

Редакция журнала принимает статьи исключительно в электронном виде (формат Word, файл типа .doc) на электронный адрес журнала: journal@ifi.kpfu.ru

Научные статьи должны быть объемом от 20 000 до 40 000 знаков (с пробелами).

Аннотация на русском и английском языках должна включать характеристику основной темы, проблемы, стоящие перед автором, цели работы и ее результаты. Не рекомендуется приводить цитаты из текста статьи. Средний объем аннотации от 150 до 250 слов. В тексте аннотации должны быть использованы все ключевые слова (5–7 понятий, терминов и имен собственных).

В конце статьи приводится краткая информация об авторе на русском и английском языках:

- фамилия, имя, отчество (жирным шрифтом),
- научная степень (если есть),
- должность, место работы с указанием почтового адреса, e-mail (данные – 12 кегль, почтовый адрес – 10 кегль).

Образец:

Иванов Петр Александрович,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ivamariak@mail.ru

Ivanov Petr Aleksandrovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ivamariak@mail.ru

Художественные тексты, исторические источники должны быть на языке оригинала, при переводе текста указывается автор перевода.

Образец:
(перевод наш. – П. И., М. А.)

Качество иллюстраций должно быть максимальным (не ниже 600 dpi). Иллюстрации прилагаются к статье отдельным файлом в формате jpeg и должны быть с подписями на русском и английском языках, указанием места иллюстрации в статье. Подписи к иллюстрациям дублируются в отдельном файле.

После того как рукопись пройдет двойное «слепое» рецензирование, мнение рецензента сообщается автору.

Анкета статьи должна быть заполнена следующим образом:

ФИО автора / Author
Организация / Organization
Страна / Country
Город / City
E-mail:
Наименование статьи / Title of article
Аннотация / Abstract
Ключевые слова / Keywords

1) Перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников». Использование слов «Библиографический список», «Библиография» не рекомендуется.

2) В перечень затекстовых библиографических ссылок включают записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи.

3) Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи. Для связи с текстом статьи порядковый номер библиографической записи и страницу указывают в квадратных скобках. Сведения разделяют запятой. Пример:

В тексте статьи:

[10, с. 81]

В Списке источников:

10. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

4) Пристатейный библиографический список помещают после перечня затекстовых ссылок с предшествующими словами «Библиографический список» (в пристатейный библиографический список включают записи на ресурсы по теме статьи, на которые не даны ссылки).

б) Библиографические записи в пристатейном библиографическом списке нумеруют и располагают в алфавитном порядке.

Библиографический список оформляется следующим образом:

– Список литературы (по центру);

– труды должны быть представлены в алфавитном порядке: сначала указывается литература на русском языке, затем – на иностранном языке (согласно алфавиту английского языка);

– References (по центру);

– транслитерированный список литературы (порядок должен быть изменен согласно алфавиту английского языка).

Просьба оформлять научные статьи по следующему образцу:

Текст научной статьи должен быть оформлен на листе формата А4 по ГОСТ 9327-60, ориентация книжная, шрифт Times New Roman, кегль 14. Межстрочный интервал 1,5.

- Формат MS Word
- Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2 см.
- Абзацный отступ – 1,25.
- Выравнивание текста статьи по ширине.

Межбуквенный интервал – обычный.

Квадратные скобки – на латинской клавиатуре.

Межсловный пробел – в один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях т. е., т. п., т. д.

Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: М., 1995. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: А. С. Пушкин.

Дефис должен отличаться от тире, например: литературно-художественный (дефис), русская литература конца XIX – начала XX века (тире с пробелами слева и справа, без пробелов – в числах и датах, например: 1960–1970 гг., с. 52–65.

Кавычки в тексте статьи:

- французские («елочки»), внутри цитаты – немецкие („лапки“).

Образец:

«Роман И. С. Тургенева „Отцы и дети“ был опубликован в журнале „Русский вестник“».

– при переводе значения иноязычного слова используют английские одиночные (‘марровские’) кавычки.

Образец:

Критика в комментарии может быть также выражена при помощи лексемы *leider* ‘к сожалению’.

- в тексте на иностранном языке употребляются “английские двойные кавычки”.

Образец:

I. S. Turgenev’s novel “Fathers and Sons” was published in the journal “Russian Messenger”.

Точка, запятая и точка с запятой при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски.

Римские цифры набираются с помощью латинской клавиатуры.

Буква ё / Ё заменяется буквой е / Е за исключением важных для смысловоразличения контекстов и имен собственных, например: Генрих Бёлль.

При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.

Не допускаются пробелы между абзацами.

Выделения в тексте должны осуществляться по следующим правилам:

Жирный шрифт – для заголовков, подзаголовков.

Разрядка – для смысловых выделений.

Светлый курсив – для коротких примеров.

Образец:

Значение оборота «по сравнению с чем-нибудь» в составе устойчивой конструкции *против / противу прежнего*: «Я думал издерживать *второе против прежнего, вышло *вдесятеро*...*» [Пушкин, т. 8, с. 7–47].

Мелкий шрифт с отбивкой от основного текста (полуторный интервал, кегль 12) – для фрагментов текста.

Образец:

Так, у А. И. Куприна читаем:

«В середине августа, перед рождением молодого месяца, вдруг наступили отвратительные погоды, какие так свойственны северному побережью Черного моря. То по целым суткам тяжело лежал над землею и морем густой туман, и тогда огромная сирена на маяке ревела днем и ночью, точно бешеный бык. То с утра до утра шел не переставая мелкий, как водяная пыль, дождик, превращавший глинистые дороги и тропинки в сплошную густую грязь, в которой увязали надолго возы и экипажи» [Куприн, с. 3].

Порядок оформления статьи

В начале статьи указывается УДК (в левом верхнем углу).

Название статьи – по центру, без отступа, прописными буквами.

Автор (ы): имя, фамилия.

Далее необходимо продублировать название статьи, имя и фамилию автора (или авторов) на английском языке.

Аннотация на английском языке (интервал 1,5; кегль 12).

Ключевые слова на английском языке. Слово *keywords* курсивом. После ключевых слов точка не ставится.

Аналогично – аннотация и ключевые слова на русском языке. После ключевых слов точка не ставится.

Текст статьи.

Список источников.

Библиографический список (если есть).

References. Библиографический список (если есть).

Данные об авторе: на русском языке и английском языках.

Внимание! Обязательны указания на количество страниц в издании и на страницы цитируемых статей.

Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.

Для ссылок на электронные ресурсы используют аббревиатуру URL (Uniform resource Locator – унифицированный указатель ресурса) и дату обращения.

Например: URL: <http://www.ruslit.ru> (дата обращения: 12.01.2016).

Список источников оформляется на языке оригинала издания с обязательным указанием места издания, издательства, года, количества страниц.

К статье прикладывается расшифровка использованных сокращений.

Примеры оформления списка литературы:

Список источников

Гринвалд Д. Кассандра // Сюжеты. 1990. № 10. С. 3–103.

Зайцев В. В. Теория и практика развития личностной свободы учащихся в системе начального образования: автореф. дис. ... докт. пед. наук: Волгоград, 1999. 48 с.

Ильинская С. Б. Константинос Кавафис. На пути к реализму в поэзии XX века. М.: Наука, 1984. 320 с.

Исаева Е. Две жены Париса // Isaeva.ru: Поэтесса и драматург Елена Исаева, 2015. URL: <http://www.isaeva.ru/plays/wife.html> (дата обращения: 24.02.2015).

Rabassa G. *One hundred years of solitude*. New York: Harper Perennial Modern Classics, 2006. 417 p.

References

Grinvald, D. (1990). *Kassandra* [Cassandra]. Siuzhety, No. 10, pp. 3–103. (In Russian)

Iilinskaya, S. B. (1984). *Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poesii XX veka* [Constantinos Cavafy. On the Way to Realism in the Poetry of the Twentieth Century]. 320 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Isaeva, E. (2015). *Dve zheny Parisa* [Two Wives of Paris]. Isaeva.ru: Poe'tessa i dramaturg Elena Isaeva. URL: <http://www.isaeva.ru/plays/wife.html> (accessed: 24.02.2015). (In Russian)

Rabassa, G. (2006). *One Hundred Years of Solitude*. 417 p. New York, Harper Perennial Modern Classics. (In English)

Zaitsev, V. V. (1999). *Teoriia i praktika razvitiia lichnostnoi svobody uhashchikhsia v sisteme nachal'nogo obrazovaniia*: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk [Theory and Practice of the Learner Personal Freedom Development in Primary Education: Doctoral Thesis Abstract]. Volgograd, 48 p. (In Russian)

**Транслитерация текста
(пошаговая инструкция)**

1. На главной странице сайта <http://translit.net> в строке «Включен» выбираем «русский транслит», вариант BSI (при этом следует делать исключение для имен собственных и названий периодических изданий, которые необходимо транслитерировать в соответствии со сложившейся традицией).

Например:

Вопросы языкознания = Voprosy jazykoznaniiia, а не Voprosy iazykoznaniiia.

2. Копируем из списка литературы данные об источнике (например: *Ильинская С. Б. Константинос Кавафис. На пути к реализму в поэзии XX века. М.: Наука, 1984. 320 с.*), вставляем в поле и нажимаем кнопку «в транслит». Получаем: P'inskaya S. B. Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poe'zii XX veka. M.: Nauka, 1984. 320 s.

3. После фамилии автора ставим запятую, затем инициалы.

4. В скобках год издания.

5. После названия книги (дается курсивом) в квадратных скобках даем перевод на английский язык.

6. Количество страниц (на английском).

7. Город (указывается полностью, например: Moscow, Leningrad, Kazan, St. Petersburg).

8. Издательство (без кавычек).

9. В скобках указываем язык оригинала:

На русском – (In Russian)

На татарском – (In Tatar)

На английском – (In English)

На немецком – (In German)

На французском – (In French)

На испанском – (In Spanish)

На китайском – (In Chinese)

На турецком – (In Turkish)

На казахском – (In Kazakh)

На польском – (In Polish)

На чешском – (In Czech)

На башкирском – (In Bashkir)

На чувашском – (In Chuvash)

На хакасском – (In Khakas)

На туркменском – (In Turkmen)

На киргизском – (In Kyrgyz)

На корейском – (In Korean)

На узбекском – (In Uzbek)

На азербайджанском – (In Azerbaijani)

На якутском – (In Yakut)

С требованиями к рукописям, обзорами номеров журнала можно ознакомиться на сайте: <http://philology-and-culture.kpfu.ru>

Филология и культура. Philology and Culture

№ 3 (73)

Дата выхода в свет 06.10.2023.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60x84 1/8. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 33,2.

Тираж 1000 экз. Заказ 106/9.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нухина, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 233-73-28

Свободная цена

